

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЫЙ.

1885.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 4 декабря 1884 г.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

В Л І Я Н І Е

язычества и христіанства на питомцевъ греческихъ и латинскихъ школъ II, III и IV вѣновъ.

(Историческія параллели).

Задача и цѣль сего очерка. Благожеланія и напутствія, съ какими отправляли въ школы язычники и христіане дѣтей своихъ; разность благожеланій и напутствій языческихъ отъ христіанскихъ; стремленія, съ какими языческіе и христіанскіе юноши поступали въ школы, и разность этихъ стремленій.—Характеристика преподавателей языческихъ школъ; непривлекательныя стороны учительскаго персонала этихъ школъ; пріятную противоположность представляли христіанскіе наставники въ своихъ школахъ.—Съ какими предосторожностями христіанскіе юноши поступали въ школы языческія? Какими общими правилами руководились, поступаая въ нихъ? Что въ особенности дѣлало эти школы неопасными для ихъ духовно-нравственнаго преслѣнія?—Изученіе юношами разнаго рода наукъ въ языческихъ школахъ: словесности или литературы, ораторскаго искусства, философіи, исторіи, а также астрономіи, естественной исторіи и медицины; важные недостатки въ преподаваніи особенно словесности и ораторскаго искусства; христіанскіе юноши въ отличіе отъ языческихъ усвоаютъ изъ всѣхъ наукъ лишь полезное и здравомысленное; какимъ образомъ они достигали этого? Общій взглядъ на цѣль, къ которой стремились христіанскіе юноши при изученіи наукъ въ языческихъ школахъ.— Дисциплина языческихъ школъ: распущенность и безпорядки въ школахъ: отчего они зависѣли и куда приводили? Христіанскіе юноши сами для себя создаютъ правила дисциплины и вѣрно слѣдуютъ имъ; заботы христіанскихъ императоровъ о водвореніи правилъ добраго поведенія въ школахъ.— Нравственное состояніе языческихъ школъ: печальная картина нравовъ языческихъ школьниковъ; противоположная картина нравовъ христіанскихъ школьниковъ; примѣръ дружбы христіанъ сотоварищей по школѣ.—Плоды школьнаго образованія христіанскихъ юношей: ихъ высокое умственное развитіе, твердость въ убѣжденіяхъ, сила воли, строгость жизни. Насколько во всемъ этомъ христіанскіе юноши разнились отъ своихъ сотоварищей язычниковъ?—Послѣсловіе.

Господь Іисусъ Христосъ въ одной изъ своихъ краткихъ, но глубоко-внушительныхъ притчей, указывая на имѣющее векорѣ послѣдовать распространеніе христіанства въ мірѣ,

говорилъ: «царство небесное подобно закваскѣ, которую беретъ женщина и кладетъ въ три мѣры муки, при чемъ закваска заквашиваетъ все смѣшеніе (тѣсто)» (Мѡ. 13, 33). Въ этой притчѣ подѣ царствомъ небеснымъ разумѣтся христіанство и христіанское ученіе съ его благотворнымъ вліаніемъ на жизнь человѣка; подѣ женщиной—церковь христіанская—ея служители и вообще всѣ ревнующіе о успѣхахъ христіанства; подѣ мукѣй — все человѣчество съ различными сторонами дѣятельности. Закваска всегда берется въ небольшомъ количествѣ (*малъ квасъ*), но она имѣетъ такую силу, что оказываетъ свое дѣйствіе на сравнительно большее количество муки и вообще смѣси: такъ и христіанство, хотя оно и представлялось на взглядъ невѣрующихъ іудеевъ и язычниковъ ничтожнымъ явленіемъ, однакоже своимъ вліаніемъ «заквасило» все человѣчество, преобразовало его мысли, чувства, всю жизнь съ ея многоразличными проявленіями. Далѣе, закваска производитъ свое дѣйствіе не вдругъ, а мало-по-малу, съ значительною постепенностью; такъ совершало свое дѣйствіе въ мірѣ человѣческомъ и христіанство: оно постепенно и почти незамѣтно преобразовало всѣ отношенія человѣка. Историкъ, наблюдая ходъ распространенія христіанства въ мірѣ, невольно поражается глубокимъ соотвѣтствіемъ между предполагаемымъ въ притчѣ Христа распространеніемъ христіанства и дѣйствительнымъ осуществленіемъ этого дѣла въ самой исторіи рода человѣческаго. Христіанство измѣняло постепенно всѣ человѣческія отношенія, подобно тому какъ это бываетъ съ закваской въ отношеніи смѣси тѣста. Христіанство не вдругъ, на примѣръ, положило свою печать на многоразличныя учрежденія, созданныя язычниками въ теченіе многихъ вѣковъ, а потому долго не поддававшихся благотворному дѣйствію христіанства. Къ числу такихъ учрежденій историкъ имѣетъ полное право отнести языческія школы; эти школы позже другихъ учрежденій языческихъ подвергаются освящающему и очищающему дѣйствію христіанства. Это и понятно. Наука съ многоразлич-

ными ея развѣтвленіями обязана своимъ происхожденіемъ язычникамъ; она преподавалась въ школахъ языческихъ, преподавалась языческими учителями и по книгамъ языческаго происхожденія; конечно и духъ преподаванія былъ языческой. Все это долго такъ и оставалось, потому что христіане не имѣли возможности закрыть эти школы,—власть въ римской имперіи (въ I—III в.) принадлежала язычникамъ,—не имѣли и желанія (въ IV в.) закрывать языческія школы: вѣдь школы давали человѣку одно изъ лучшихъ благъ—образованіе. Что же нужно было дѣлать христіанамъ при такомъ положеніи вещей, когда съ одной стороны они желали дать своимъ дѣтямъ надлежащее образованіе, а съ другой должны были опасаться вреднаго вліянія школъ на тѣхъже дѣтей? Открывать свои школы, школы христіанскія? Но легко это сказать и пожелать, но не легко было сдѣлать. Христіане дѣйствительно стали открывать свои школы, съ христіанскими учителями и христіанскимъ преподаваніемъ; но такихъ школъ въ первое время было немного. Это зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что слава языческихъ школъ не вдругъ померкла; христіане сочли болѣе цѣлесообразнымъ противоудѣйствовать вредному вліянію языческихъ школъ на учащихся въ нихъ христіанскихъ дѣтей другимъ способомъ: они устроили дѣло такъ, что христіанскія дѣти, учась въ школахъ языческихъ, выносили отсюда все полезное, отстраняясь отъ всего вреднаго, усвоили лучшее и отбрасывали худшее. Какимъ образомъ происходило это, повидимому, мудреное дѣло, разъясненіе этого и составляетъ предметъ нашего очерка. Поставивъ себѣ такую цѣль, мы въ тоже время въ возможно ясныхъ чертахъ изобразимъ состояніе языческихъ школъ, чтобы такимъ образомъ видѣть, какое вліяніе оказывало язычество на питомцевъ школъ, и какое напротивъ христіанство на тѣхъже питомцевъ. Мы увидимъ, что язычество не давало питомцамъ школъ того, чего можно и должно требовать отъ школъ; оно извращало и представленія питомцевъ и пагубно дѣйствовало на

ихъ нравственность; съ другой стороны увидимъ, что христіанство и только христіанство могло спасать потомцевъ этихъ школъ отъ вреднаго вліянія на нихъ язычества, одно христіанство просвѣтляло ихъ мысль и давало твердые устои для ихъ нравственности. Мы беремъ для своего изслѣдованія II, III и IV вѣка, потому что въ это время особенно ясно выступаетъ та сильная борьба между воззрѣніями языческими и христіанскими, которая имѣла мѣсто въ святилищахъ науки, труднѣе всего поддававшихся вліянію христіанскихъ началъ—въ греческихъ и латинскихъ училищахъ римскаго государства.

Уже самая цѣль, съ какой отправлялись въ школы дѣти язычниковъ и дѣти христіанъ, была въ значительной степени неодинакова. Отправляя своихъ дѣтей въ школы, родители язычники желали одного, а родители христіане—другаго; сами дѣти, если они были язычники, искали и ожидали отъ школы одного, а если христіане,—другаго. Въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, въ языческомъ обществѣ и въ языческихъ семействахъ на науку, какъ науку, смотрѣли какъ на нѣчто второстепенное и служебное, вся цѣль воспитанія заключалась въ томъ, чтобы доставить дѣтямъ матеріальное обезпеченіе въ будущемъ и подготовить ихъ къ общественной жизни; и отцы съ нетерпѣніемъ ждали того времени, когда дѣти ихъ сдѣлаются способными къ занятіямъ, обѣщавшимъ богатство и славу. Объ истинномъ образованіи и знаніи, приобретаемыхъ черезъ школы, мало заботились. Изъ школъ спѣшили броситься въ жизнь ^{а)}. Язычники держались грубо-житейскихъ взглядовъ на задачу школы, а потому вотъ съ какими напутствіями и внушеніями отпускали своихъ дѣтей въ школу: «учись, внушали они мальчику при отправленіи его въ

а) Шлоссера. Всемирная исторія. Рус. пер. 1862. Томъ IV, стр. 330—331. См. также: Кожевникова, „Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ“, стр. 106. Козловъ. 1874.

школу, чтобы сдѣлаться славнымъ, особенно старайся отличиться въ искусствѣ краснорѣчія, ибо это искусство ведетъ къ пріобрѣтенію почестей и богатствъ». Это было «единственнымъ правиломъ» для неопытнаго мальчика, это было послѣднею «цѣлюю, съ какою отдавали въ школу» язычники своихъ дѣтей б). Язычники, отдавая своихъ дѣтей въ школу, желали, чтобы изъ мальчика вышелъ «изящный человѣкъ». Но что разумѣлось подъ именемъ изящнаго человѣка? Пустой щеголь, гостинный болтуны. Вотъ какъ понимали язычники изящнаго человѣка: «Изящный человѣкъ тотъ, кто искусно причесываетъ свои волосы, тотъ, отъ котораго всегда пахнутъ корицей, кто насвистываетъ мелодіи изъ александрійскихъ и испанскихъ танцевъ, кто разставляетъ свои гладкія руки, какъ будто собирается танцевать; изящный человѣкъ тотъ, кто цѣлый день сидитъ между креслами дамъ и постоянно напѣваетъ которой-нибудь изъ нихъ на ухо, кто пишетъ и получаетъ записочки, кто знаетъ, кто въ какую дѣвицу влюбленъ; изящный человѣкъ—тотъ, кто безпрестанно перебѣгаетъ отъ одного иррешства къ другому и кто выучилъ наизусть родословную знаменитыхъ бѣгуновъ въ циркѣ. Вотъ что значитъ быть изящнымъ человѣкомъ», по представленію язычниковъ в). Видѣть такимъ своего сына желалъ каждый отецъ, каждая мать языческаго семейства. Къ этой цѣли должны были вести наука, образованіе и школы. По сознанію одного языческаго учителя, школа и дѣйствительно въ особенности бралась отучать питомцевъ отъ провинціальныхъ манеръ и пріучать ихъ къ свѣтской ловкости: «вмѣсто вихрей, дѣлала голубями» г). Родители, понимая по своему цѣль науки и задачу школы, не считали возможнымъ обойтись безъ того, чтобы съ своими неразумными требованіями не

б) Блаж. Августина. Исповѣдь, кн. I, гл. 9.

в) Фридендера. Картины римскихъ нравовъ. Томъ I, стр. 214. Перев. С.-Петербург. 1873. См. Августина. Исповѣдь, кн. I, гл. 10.

г) Письмо Ливанія къ Василию Вел. Творенія Василия Вел. въ рус. пер. Том. VII, стр. 340.

обращаться и къ учителямъ, которымъ они ввѣряли образованіе дѣтей. Такая неразумная притязательность нерѣдко выводила изъ терпѣнія учителей, и они «жаловались на несправедливое притязаніе и глупое тщеславіе родителей»; а одинъ изъ такихъ учителей (Орбилій) написалъ «цѣлую книгу жалобъ на суетность и неразуміе родителей» д).

Не то видимъ у христіанъ. Христіане совѣмъ не съ тою цѣлю посылали своихъ дѣтей въ школы, съ какою язычники; совѣмъ не то внушали своимъ дѣтямъ, когда отдавали ихъ въ школы, и если выражали свои желанія предъ учителями своихъ дѣтей, то это были желанія, совѣмъ непохожія на неразумныя желанія и требованія языческихъ родителей. Посмотрите: есть ли что общаго между тѣмъ напутствіемъ, съ какимъ отпускали въ школу язычники своихъ сыновей, и тѣми святыми благожеланіями, съ какими благочестивый христіанинъ IV вѣка отправлялъ своего сына въ школу того времени? Благочестивый отецъ говоритъ своему сыну: «слѣдующая пѣснь да будетъ тебѣ отъ меня напутствіемъ: Воздемъ и въ словѣ и въ жизни своей имѣй Христа—Слово, которое превыше всякаго слова. Не дружись съ человѣкомъ порочнымъ и негоднымъ: зараза проникаетъ и въ крѣпкіе члены. Добродѣтели своей (пожалуй) не сообщишь другому, а срамота его жизни падетъ и на тебя. Избери себѣ товарищемъ цѣломудріе, и имъ однимъ увеселяйся, чтобы преступная любовь не изгнала изъ тебя любви добродѣтельной. Одно предпочитай превосходству въ словѣ—мудрый навыкъ всегда быть совершеннымъ» е). Тотъ же благочестивый христіанинъ обѣщаетъ своему сыну на прощанье, что молитва родительская всегда и вездѣ будетъ сопутствовать сыну: «положившись на свои собственныя и родительскія молитвы, внушаетъ отецъ сыну, усердно неуклонно, и съ лучшими надеждами стремись, сынъ, куда

д) Фридлиндера. Картины римскихъ нравовъ, стр. 153. 155.

е) Письмо Никовула отца къ сыну. Двор. Григорія Богослова въ рус. перев. (1-е изд.). Томъ V, 290—1.

желашь. На нашу жизнь призираетъ Божіе око» ж). Отъ будущихъ наставниковъ своихъ дѣтей разумные христіанскіе родители далеко не того требовали, что требовали родители язычники. Не о томъ заботились они, чтобы наставники дѣлали изъ ихъ дѣтей «изящныхъ» молодыхъ людей, приучали ихъ къ пріятнымъ манерамъ, а о томъ, чтобы они «самымъ ревностнымъ образомъ» занялись своимъ дѣломъ, чтобы «они оказали ту милость юношамъ, которая заключается въ приученіи нравовъ ихъ къ добродѣтели»; чтобы они зорко смотрѣли за питомцами, такъ какъ «глазъ наставника есть уже безмолвный урокъ» з). Христіане, давая образованіе своимъ дѣтямъ, не только не ставили цѣлю образованія обогащеніе ихъ въ будущемъ, достиженіе житейскихъ выгодъ, а даже стремились совсѣмъ къ обратному. «Пусть наставники,—вогъ чего хотѣли христіане,—научатъ своихъ питомцевъ презирать деньги, не стараться изо всего извлекать прибыль и не домогаться неправильныхъ стяжаній—этого залога бѣдствій» и). Значитъ христіане требовали отъ наставниковъ, чтобы они воспитывали въ юношахъ чувства истиннаго безкорыстія. Сами христіанскія дѣти, если они вступали въ школу взрослыми,—а такими были всѣ христіанскія дѣти учившіяся въ высшихъ школахъ и составляющія предметъ нашего особеннаго вниманія,—нерѣдко прямо заявляли, чего они ищутъ въ школахъ,—и оказывается, что они искали благъ высшихъ, разумнѣйшихъ. Такъ одинъ христіанскій питомецъ языческихъ школъ говорилъ о себѣ и одномъ изъ своихъ товарищей, что задачей школы они поставляли «нравственное обученіе, что у нихъ обоихъ было одно упражненіе—добродѣтель, и одно усиліе—жить для будущихъ надеждъ,—къ этой пѣли они направляли дѣятельность»,—что и «вниманія достойнымъ они не хотѣли почтить того, что не ведетъ къ добродѣ-

ж) Тамъ же, стр. 239.

з) Письмо Григорія Богослова къ Элладію. Твор. Григор., т. VI, 225.

и) Обличительное слово Григорія Богослова на царя Юліана. Твор. Григорія Богослова, т. I, 175.

тели и не дѣлаеть лучшимъ своего любителя», что «выше всего они ставили то любомудріе, чтобы все и ученые труды свои повергнуть предъ Богомъ» і). Нравственность и преданность Богу—вотъ что ставили главною цѣлью школы лучшіе изъ христіанскихъ юношей. Ничего подобнаго искать въ душахъ и сердцахъ языческихъ школьникоу не представляется возможнымъ.

Съ такими-то неодинаковыми воззрѣніями христіанскія и языческія дѣти готовились вступить подъ кровъ школы. Но вотъ они уже при входѣ въ храмъ науки. Что ожидало ихъ здѣсь? Много ли хорошаго могла дать имъ школа? Къ сожалѣнію, учителя въ школахъ рѣдко стояли на высотѣ своего призванія. Большинство учителей принадлежало къ разряду житейскихъ неудачниковъ, которые взяли за преподаваніе за несимѣніемъ лучшаго занятія, и потому смотрѣли на свое дѣло, какъ на неприятное ремесло. «Большая часть учителей занималась своимъ дѣломъ не по призванію, а по нуждѣ и ради выгоды. Это видно изъ того, что между самыми знаменитыми и учеными римскими грамматиками многіе обратились къ этимъ занятіямъ совершенно случайно, послѣ того какъ имъ не посчастливилось на другомъ поприщѣ. Иные положили начало своему образованію, будучи рабами или вольноотпущенниками, или сопровождая господскаго сына въ школу. Одинъ знаменитый учитель (Орбилій) былъ сначала приказнымъ служителемъ у одного магистрата и служилъ въ пѣхотѣ и конницѣ. Другой еще болѣе знаменитый учитель (Валерій Пробъ) предался филологическимъ занятіямъ послѣ того, какъ потерялъ надежду пріобрѣсти второстепенное офицерское мѣсто. Третій былъ прежде кѣлачнымъ бойцомъ. Четвертый прежде шатался по театрамъ и тѣшилъ публику разными фарсами. Случалось и наоборотъ:

і) Григор. Богослова надгробное слово Василію Великому. Твор. Григорія, т. IV, 75. 76. 79. Стихотвореніе Григор. о своей жизни. Твор. его, т. VI, стр. 13.

такъ напрімѣръ императоръ Пертинаксъ, сынъ вольноотпущенника, торговавшего дровами, перешелъ въ учительскаго званія, которое ему не понравилось, въ военную службу. Вообще сидѣть въ школѣ и учить дѣтей считалось такъ сказать тяжелымъ хлѣбомъ^{к)}. Желаніе богатства, денежной наживы — вотъ что больше всего заправляло дѣятельностью учителей и ихъ мнимымъ стремленіемъ къ просвѣщенію общества. Все ихъ искусство имѣло цѣлю единственно прославиться и обогатиться на счетъ другихъ^{л)}. Одинъ христіанскій наблюдатель положенія языческихъ школъ IV вѣка прямо говоритъ, что искусство учителей «обратилось въ искусство барышничать словами». «Кто учащихъ дѣласть данниками?» спрашиваетъ тотъ же наблюдатель, и отвѣчаетъ: «это вы, которые выставляете слова на продажу, какъ медовары пряники». Чтобы хоть чѣмъ-нибудь удовлетворить одного изъ такихъ корыстолюбивыхъ учителей, изъяснявшаго, повидимому, недовольство тѣмъ, что ему мало платятъ за уроки, тотъ же цѣнитель достоинства языческихъ учителей послалъ «барышнику словами» триста брусевъ «по числу воиновъ, сражавшихся при Термопилахъ»^{м)}. Другой христіанскій ученый рассказываетъ о себѣ, что когда онъ захотѣлъ брать уроки у нѣкоего языческаго философа, то этотъ на первыхъ же порахъ такъ озадачилъ своего новаго ученика назойливымъ требованіемъ денегъ, что ученикъ, исполненный возвышенныхъ стремленій и оскорбленный такимъ откровеннымъ торгашествомъ, сейчасъ же бросилъ школу философа^{н)}. Между учителями одного и того же города велось мелочное соперничество, унижавшее достоинство наставническаго призванія; они больше всего заняты были тѣмъ,

к) Фридендера. Картины римскихъ нравовъ, стр. 152.

л) Шлоссера. Всемирная исторія. IV, 354.

м) Письмо Василія Вел. къ Ливанію. Твор. Василія Вел. томъ VII, 339.

н) Это свидѣтельство св. Іустина философа. Іустина Разговоръ съ Трифономъ, гл. 2.

чтобы быть популярными, чтобы о них шла молва, как о людях замѣчательныхъ. Какъ далеко простиралось ихъ искательство въ указанныхъ отношеніяхъ, объ этомъ дастъ наглядное представленіе слѣдующее свидѣтельство одного современника: «каждый софистъ (учитель), желая приобрести себѣ славу, домогается того, чтобы ученики спорили о немъ и поднимали шумъ. Онъ всячески старается удержать около каѳедры своихъ слушателей, а потому не одобряетъ ничего, сказаннаго другимъ. Положеніе его въ высшей степени мучительно, потому что его преслѣдуетъ зависть, которая есть самое величайшее изъ душевныхъ волненій. Въ городѣ, въ которомъ живетъ и учитъ софистъ, не должно быть ни одного мудреца, кромѣ него; а если какой появляется, то онъ порицаетъ его и всячески поносить, чтобы одному ему быть въ уваженіи и почетѣ. Онъ представляетъ себя сосудомъ, наполненнымъ мудростію до краевъ, который уже ничего не можетъ вмѣстить болѣе. Между тѣмъ истинные мудрецы поступали не такъ» о). Нѣкоторые учителя позволяли себѣ и того болѣе: они являлись на урокахъ безстыдными, развращали нравственное чувство своихъ учениковъ. По одному, заслуживающему полного довѣрія свидѣтельству, «они съ наглымъ безстыдствомъ преслѣдовали застѣнчивую скромность неопытныхъ, приводя ихъ въ душевное смущеніе своимъ нахальствомъ и тѣмъ услаждая свою злохудожную душу. Такими поступками своими риторы (учители) совершенно уподоблялись демонамъ», такъ что такихъ риторовъ иныя звали извратителями» п). Главнымъ средствомъ, которымъ пользовались наставники для успѣшнаго обученія юношей, были розги, которыя пускались въ ходъ къ дѣлу и не къ дѣлу. «Трость или бичъ употреблялись учителемъ и притомъ часто, для поддержанія порядка въ школѣ» р). Розгой наказывали мальчика и тогда, когда онъ не

о) Слова Синезія. Остроумова: Синезій епископъ Птолемаидскій, 182. М. 1879.

п) Блаж. Августина. Исповѣдь кн. III, гл. 3.

р) Фридендера: Картины римскихъ нравовъ, стр. 153.

понялъ и потому не приготовилъ своего урока, и тогда, когда тотъже мальчикъ хотѣлъ позабавиться невинною игрой въ мячъ е). Наказанія эти были иногда такъ бессмысленно жестоки, что нѣкоторые лица съ великимъ ужасомъ вспоминали о нихъ даже по прошествіи десятковъ лѣтъ (блаж. Иеронимъ) г).

Какую противоположность этимъ языческимъ учителямъ составляютъ христіанскіе учителя христіанскихъ школъ II и III вѣка! Св. Иринея Ліонскій, учившійся въ домашней школѣ св. Поликарпа Смирнскаго, вспоминаетъ черезъ десятки лѣтъ съ неимовѣрнымъ восторгомъ всѣ подробности своей ученической жизни подъ кровомъ Поликарпа; онъ вспоминаетъ о той добротѣ, которая отличала учителя, о томъ счастьи, какое чувствовалось на его урокахъ, о томъ обаяніи отъ его преподаванія, которое сдѣлалось неизгладимымъ у). Могъ ли чѣмъ-нибудь подобнымъ помануть свою школу язычникъ? Не могъ ли онъ, напротивъ, считать ее на всю жизнь чѣмъ-то постылымъ, ужаснымъ кошмаромъ, который, слава Богу, кончился? Какое сравненіе между языческими учителями и христіанскимъ школьнымъ учителемъ—Оригеномъ! Тѣ только и помышляли о томъ, чтобы прижать ученика, вытянуть отъ него или его родителей побольше денегъ за свое искусство «барышничать словами», а христіанскій учитель Оригенъ, чтобы не имѣть нужды брать платы съ своихъ учениковъ, продалъ всю свою бібліотеку на условіи, чтобы купившій ее выдавалъ ему по четыре обола (мелкая монета) въ день на пропитаніе. Христіанскій учитель Оригенъ буквально исполнялъ заповѣдь Христа не имѣть двухъ одеждъ, ходилъ безъ сапогъ, босой, и отклонялъ предложенія своихъ друзей о матеріальныхъ пособіяхъ ф)! Отъ этого-то ученики Оригена

е) Августина. Исповѣдь, кн. I, гл. 9. 13.

г) Блаж. Иеронима. Апологія противъ Руфина, кн. I, гл. 30.

у) Евсевія. Церк. исторія, кн. V, гл. 20.

ф) Тамъ же, VI, 3.

питали къ нему пламенную любовь. Такъ одинъ изъ нихъ (Григорій Неокесарійскій чудотворецъ), вспоминая о своей разлукѣ съ школой Оригена и съ самимъ учителемъ, говорилъ, что разставшись съ ними онъ долго чувствовалъ себя «какъбы Адамомъ, изгнаннымъ изъ рая», «какъбы заблудшею овцой», какъбы «израильтяниномъ въ плѣну вавилонскомъ»^х). Что общаго наконецъ между учителями языческими и христіанскимъ учителемъ—Климентом Александрійскимъ? Языческіе учителя проникнуты были тщеславіемъ и суетнымъ желаніемъ превзойти другихъ, а главное—набить себѣ карманъ. Ничего такого нельзя найти у Климента. Климентъ въ противоположность языческимъ школьнымъ учителямъ не прежде принялъ на себя святое званіе наставника, какъ рѣшивъ напередъ вопросы: «свободенъ ли онъ отъ предразсудковъ и зависти, не ищетъ ли онъ славы, не стремится ли онъ къ другой какой наградѣ, кромѣ спасенія своихъ слушателей»^н). Когда Климентъ рѣшилъ для себя эти вопросы (и понятно, какъ рѣшилъ), только тогда онъ сталъ учителемъ, «въ подражаніе Христу». Христіанскіе учителя были вполнѣ образцовыми учителями. Рано ли, поздно ли подъ благотворнымъ дѣйствіемъ христіанства, и всѣ учителя должны были сдѣлаться въ большей или меньшей мѣрѣ тѣмъ же, чѣмъ были Поликарпъ, Оригенъ и Климентъ. Христіанскіе учителя изучаемаго времени, безъ сомнѣнія, много послужили успѣхамъ христіанства, призывая міръ языческой идти вслѣдъ за ними, шедшими въ свою очередь вслѣдъ за великимъ учителемъ—Христомъ. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, христіанскихъ учителей было еще немного; это былъ «малъ квасъ», который еще не успѣлъ заквасить всей смѣси, всего человѣчества съ его возрѣпніями и идеалами. А потому многимъ лицамъ, жаждущимъ просвѣщенія, приходилось стучать въ дверь къ «барышнякамъ словамъ»—языческимъ риторамъ и софистамъ.

х) Gregorii Neocaesariensis Oratio panegyrica in Origenem, cap. 16.

н) Clementis. Stromatum lib. I, cap. I.

И они стучались. Дверь отворялась охотно и широко. Но христіанскіе юноши входили сюда съ большою осторожностью. Какъ уберечься отъ тлетворнаго вліянія языческихъ школъ—п въ тоже время усвоить въ нихъ все, что требовалось для истинно-образованнаго человѣка? Какъ заразъ достигнуть этихъ двухъ цѣлей? Христіанскіе юноши умѣли это дѣлать. Посмотримъ, какъ же они это дѣлали. Прежде чѣмъ рѣшительно переступить порогъ языческихъ училищъ, они составляли себѣ правила касательно того, какъ держаться въ языческихъ школахъ, твердо запоминали эти правила и поступали сообразно съ ними. И успѣхъ увѣнчивалъ ихъ предпріятіе. Правила же эти такого рода: «тѣ, кто рѣшились посѣщать языческихъ учителей, не должны, однажды навсегда предавъ симъ мужамъ кормило корабля (руководительство въ наукахъ), слѣдовать за ними, куда они ни поведутъ, но заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, должны умѣть иное отбросить» ч). «Не все безъ разбора брать отъ языческихъ учителей, а только полезное. Ибо стыдно, отвергая вредное въ пищѣ, въ наукахъ же, которыя питаютъ нашу душу, не дѣлать никакого разбора, но подобно весеннему ручью, «увлекая за собою все встрѣчающееся, нагружать тѣмъ душу» ш). Нужно поступать такъ же, какъ поступаютъ пчелы. «Ибо и пчелы не на всѣ цвѣты равно садятся, и съ тѣхъ, которые посѣщаютъ, не все стараются унести, но взявъ, что пригодно для ихъ цѣли, прочее оставляютъ нетронутымъ. И христіанскіе юноши, если будутъ цѣломудренны, собравъ изъ языческихъ книгъ, что намъ свойственно и сродно съ истинной, мимо остальнаго будутъ проходить. И какъ срывая цвѣты съ розоваго куста, избѣгаютъ шиповъ, такъ и въ языческихъ книгахъ, воспользовавшись полезнымъ, станемъ остерегаться вреднаго» ш). Однако не слѣдовало остав-

ч) Василія Великаго: Къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями. Творенія его, т. IV, стр. 345.

ш) Тамъ же, 356.

ш) Тамъ же 349.

лять вовсе безъ вниманія и то, что было негодно для христіанина, и изъ этого слѣдовало извлекать пользу. Было правило: «изъ самыхъ заблужденій извлекать полезное для христіанской религіи», именно видя «худшее» (языческія заблужденія), тѣмъ съ большимъ рвеніемъ отдавать предпочтеніе «лучшему» (христіанству) и такимъ образомъ «немошь обращать въ твердость христіанскаго ученія»^{ф)}. Таковы общія правила, которыми руководились юноши при занятіи науками въ школахъ языческихъ. Болѣе же частныя правила для всеобщаго пользованія ими христіанскихъ юношей раскрывались христіанскими писателями. Такъ сочиненіе Василія Великаго: «Къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями», должно было быть настольною книгой для каждаго христіанина, искавшаго образованія въ языческихъ училищахъ. Такое и подобное значеніе могли имѣть и всѣ разнообразныя апологетическія сочиненія христіанской древности. Но еще болѣе предохраняло христіанскихъ юношей отъ вреднаго вліянія школъ истинно-благочестивое первоначальное воспитаніе ихъ въ средѣ семейства, подъ руководствомъ родителей. Такое воспитаніе было самымъ твердымъ огражденіемъ юношей отъ тѣхъ соблазновъ, какими грозила имъ школа. Посмотрите, напримѣръ, какъ воспитанъ былъ Оригенъ. Когда онъ былъ мальчикомъ, отецъ заставлялъ его заучивать по нѣскольку главъ изъ св. писанія и потомъ пересказывать. Это занятіе такъ увлекло Оригена, что будучи отрокомъ, онъ чуть не ежедневно началъ обращаться съ различными экзегетическими вопросами къ отцу. Отца это радовало и услаждало. Въ чувствѣ благодарности къ Творцу, онъ считалъ себя счастливейшимъ отцемъ и нерѣдко тайкомъ ночью открывалъ грудь Оригена и цѣловалъ ее, какъ «святилище Духа Божія». Извѣстно, что Оригенъ подъ вліяніемъ такого воспитанія, не достигнувъ еще 16-лѣтня-

ф) Григорія Богослова надгробное слово Василію Вел. Твор. его. IV, 64.

го возраста, не только укрѣплялъ въ вѣрѣ своего отца—исповѣдника, но и самъ готовъ былъ на мученичество, еслибы мать насильственно не удержала его отъ этого поступка^{э)}. Кто былъ такъ воспитанъ въ вѣрѣ христіанской, какъ Оригенъ (а подобнымъ образомъ воспитывались многіе христіане), для того не могла быть опасна никакая школа: ученикъ съ такимъ направленіемъ и въ языческой школѣ никогда не могъ забыть, что онъ христіанинъ и что не все преподаваемое въ школахъ для него годно, нужно и полезно. И дѣйствительно историческіе примѣры показываютъ, что христіанскіе юноши, утвердившіеся въ вѣрѣ въ домѣ своихъ родителей, неблазненнымъ ногами проходили курсъ наукъ въ языческихъ школахъ, такъ что приходилось удивляться не только глубинѣ и широтѣ свѣдѣній, какими подобные юноши обогащались въ школахъ, но и тому, какъ они искусно оберегались отъ всего, что могло позредить ихъ христіанскому совершенству и нравственности. Эту мысль христіанскій писатель IV вѣка выражаетъ въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ словахъ: «здѣсь можно было дивиться какъ избранному болѣе нежели отринутому, такъ и отринутому болѣе нежели избранному»^{ю)}. Для такихъ разумныхъ и разборчивыхъ друзей языческой науки не были опасны и самыя Аѳины—это древнее святилище науки и политеизма, Аѳины съ ихъ языческими школами, языческими профессорами, языческимъ строемъ жизни, языческими храмами, языческою литературой и искусствомъ. Глубоко поучительно то, что говоритъ Григорій Богословъ о времени своего продолжительнаго пребыванія вмѣстѣ съ Василиемъ великимъ въ Аѳинахъ съ научными цѣлями. Пребываніе въ Аѳинахъ этихъ благочестивыхъ юношей среди безбожныхъ жителей даже еще болѣе утвердило ихъ въ христіанскихъ вѣрованіяхъ. «Хотя для другихъ душепагубны Аѳины (въ особенности для язычниковъ), однако не было отъ нихъ никакого вреда для

э) Евсевія. Церк. исторія, VI, 2.

ю) Григорія Богослова, тамъ же, стр. 79.

насъ, заградившихъ сердце. Напротивъ того нужно сказать и то, что необыкновенно: живя въ Лоянахъ, мы утверждались въ вѣрѣ, потому что узнали обманчивость идоловъ. И если дѣйствительно существуетъ, а не въ мифологій только, такая рѣка, которая сладка, когда проходитъ и чрезъ (соленое) море, и если есть такое животное, которое прыгаетъ и въ огнѣ всестрѣбляющемъ (саламандра?), то мы походили на это (рѣку и животное) въ кругу своихъ товарищей › а).

Обращаемся къ предметамъ преподаванія въ языческихъ школахъ. Главнымъ и любимѣйшимъ предметомъ науки въ школахъ было изученіе словесности или литературы, произведеній эпическихъ, лирическихъ, драматическихъ какъ греческихъ, такъ и латинскихъ. Какъ усердно учителя занимались именно этимъ предметомъ, объ этомъ можно судить отчасти по тѣмъ ироническимъ отзывамъ, какіе слышались иногда среди учениковъ, недовольныхъ слишкомъ продолжительнымъ изученіемъ одного и того же автора, по приказанію учителя. Ученики говорили, что учитель «съ одною книгой возится долѣе, чѣмъ сколько греки пробыли подъ Троею е). Иначе относились къ изученію литературы язычники и иначе христіане. Юноши язычники или сами читали или выслушивали изъ устъ наставника чтеніе различныхъ поэтическихъ разсказовъ о безконечныхъ «браняхъ боговъ, объ ихъ междоусобіяхъ, мятежахъ и множествѣ бѣдъ, которыя они и сами терпятъ и причиняютъ другъ другу, и каждый порознь и всѣ вмѣстѣ а), и увлекались не только изяществомъ языка, но и самымъ мифологическимъ содержаніемъ поэтическихъ произведеній. Читая или слушая поэму объ Энеѣ и Дидонѣ, они не довольствовались наслажденіемъ эстетическимъ, но и «плакали о Дидонѣ, умершей и въ могилу сошедшей отъ меча

я) Григорія Богослова, тамъ же стр. 76.

е) Sievers, Das Leben des Libanius, s. 24—25; Berlin, 1868.

а) Григорія Богослова, Обличительное слово на Юліана Творенія его, т. I, 174.

вслѣдствіе любви къ Энею» б). И отъ сожалѣній, при чтеній или слушаніи другихъ поэмъ, переходили къ иного рода чувствамъ, меньше всего приличнымъ учащимся юношамъ. Они изучали съ истиннымъ удовольствіемъ, что «боги суть путеводители и покровители страстей», и выводили отсюда заключеніе, что «быть порочнымъ дѣло похвальное». Они съ явнымъ интересомъ выслушивали или читали о томъ, какъ «Юпитеръ принималъ всѣ виды для обольщенія женщинъ, превращался въ орла по неистовой любви къ фригійскимъ отрокамъ», какъ «весело пировали боги, смотря на то, какъ подносятъ имъ вино безчестные любимцы Юпитеровы». Все это имъ казалось «образцами» в). Разказы о Юпитерѣ «громовержцѣ и прелюбодѣѣ» съ необыкновенною силой «увлекали» языческихъ юношей. Всѣ подобныя мѣста въ поэмахъ даже «съ удовольствіемъ заучивались». И тѣхъ, кто «съ удовольствіемъ» заучивалъ все это, называли мальчиками подающими добрыя надежды г). А результатъ получался тотъ, что юноша разжигалъ въ себѣ похоть, «какъ бы по указанію самого бога» д). «Не такъ, не такъ нужно относиться къ этимъ поэтическимъ повѣствованіямъ», твердили себѣ наоборотъ юноши христіанскіе, изучая въ школахъ тѣже поэтическія творенія е). Они читали и изучали ихъ съ мудрою осторожностью, на одномъ въ произведеніяхъ поэтовъ останавливали свое вниманіе, отъ другаго же отвращали свои взоры. Они въ этихъ произведеніяхъ «не на всемъ сподрядъ останавливались умомъ, но когда идетъ разказъ о дѣлахъ добрыхъ мужей и ихъ изреченіяхъ, то старались возбуждать въ себѣ любовь къ нимъ, соревновать имъ и какъ можно старались быть такими же. А когда у тѣхъже поэтовъ рѣчь шла о людяхъ злаго нрава, то юноши дава-

б) Августина, Исповѣдь, кн. I, гл. 13.

в) Григорія Богослова, тамъ же, 175.

г) Августина, Исповѣдь, кн. I, гл. 16.

д) Августина, тамъ же, гл. 16.

е) Августина, тамъ же, глава 13.

ли себѣ зарокъ избѣгать подражанія имъ, какъбы затыкали уши, какъ дѣлалъ Одиссей, чтобы предохранить себя отъ пѣсней сиренъ». Потому что христіанскіе юноши помнили правило: «привычка къ словамъ негоднымъ служить нѣкоторымъ путемъ и къ дѣламъ такого же рода». Они отдавали дань уваженія изяществу и красотѣ языка поэтическихъ произведеній, но при этомъ «не хвалили поэтовъ, когда они злословили, насмѣхались, представляли влюбленныхъ и упивающихся, или когда они полагали счастье въ роскошномъ столѣ и сладострастныхъ пѣсняхъ». Они старались забывать о томъ, что поэты рассказывали противонавственнаго о борьбѣ боговъ между собой, при чемъ братъ оказывался въ раздорѣ съ братомъ, отецъ съ дѣтьми, дѣти въ войнѣ съ родителями. Въ особенности христіанскіе юноши отвращались отъ того, что поэты рассказывали «о прелюбодѣянiяхъ боговъ, любовныхъ похищенiяхъ и явныхъ студодѣянiяхъ опять тѣхъже боговъ и преимущественно главы ихъ — Юпитера», находя, что у поэтовъ нерѣдко встрѣчались въ этомъ отношеніи рассказы о такихъ дѣлахъ, которыя «и о скотахъ безъ стыда не сталъ бы рассказывать иной» ж). Такъ неодинаково относились языческія и христіанскія дѣти къ изученію греческой и римской словесности. Первые не только цѣнили художественную сторону, но и увлекались содержаніемъ, а вторыя, цѣня изящество формы, съ критическимъ тактомъ относились къ содержанію. Великимъ соблазномъ для христіанскихъ юношей, да и для языческихъ тоже, при изученіи изящной литературы было то, что послѣ изученія поэтовъ классической древности, имъ казался языкъ священнаго писанія не изящнымъ, слабымъ, варварскимъ. Одинъ изъ христіанскихъ великихъ мужей, получившихъ блестящее образованіе въ школахъ того времени, самъ сознавался, что для него переходъ отъ чтенія поэтическихъ классическихъ произведеній къ чтенію св.

ж) Василія Вел. къ юношамъ, Твор. его, т. IV, 348.

писанія были весьма не легки: «начинаю читать пророковъ, говорилъ онъ, и меня ужасала необработанность языка, и думалъ я, что виной этого не глаза (самъ читавшій), а солнце (св. писаніе). Бывала и другая бѣда отъ пристрастія къ поэтическимъ писателямъ древности: христіанинъ хотѣлъ постигаться и молиться, а между тѣмъ рука невольно тянулась къ Плату»³⁾. Нужно было много перенести борьбы съ самимъ собой, чтобы наконецъ постигнуть внутреннія и безмѣрныя красоты св. писанія и не зачитываться сладкозвучными поэтами. Истинный христіанинъ конечно всегда достигалъ этого.

Въ связи съ изученіемъ словесности въ тогдашнихъ школахъ паходило изученіе краснорѣчія или ораторскаго искусства, которое называлось разными именами — софистикой, риторикой, а иногда діалектикой. Словесность главнымъ образомъ изучали для того, чтобы питомецъ школы имѣлъ въ запасѣ множество готовыхъ литературныхъ выраженій и оборотовъ, помогающихъ оратору быстро и хорошо произносить рѣчи. Ораторство было необходимою принадлежностью тогдашняго образованія. Ораторство нужно было для адвоката, для учителя, для всякаго образованнаго человѣка, такъ какъ степень образованности измѣрялась степенью умѣнья говорить красно; даже простое письмо образованный человѣкъ того времени не иначе писалъ, какъ переполняя его цвѣтами краснорѣчія. Отъ этого искусство ораторское преподавалось во всѣхъ школахъ латинскихъ и греческихъ. Но преподаваніе этого предмета поставлено было на ложную дорогу. Все вниманіе учителей краснорѣчія исключительно обращено было на внѣшнюю форму. Эффектное сопоставленіе словъ и мыслей, щегольство изысканными, необыкновенными словами и оборотами, мелочная отдѣлка каждой фразы, неумѣстное остроуміе, ненужное цитированіе древнихъ писателей, игра разными фигурами и тропами, устраненіе естественности мыслей и выраженій—вотъ къ чему стремились учителя краснорѣчія

³⁾ Блаж. Иеронима письмо къ Евстохію. Творенія его въ рус. пер. Томъ I, стр. 131—2.

изучаемаго нами періода исторіи. Юноши пріучались къ пышнымъ декламаціямъ, но совершенно безсодержательнымъ. Учители, чтобы пріучить юношей къ искусству краснорѣчія, и сами брали и имъ давали темы нелѣпыя и непримѣнимыя къ жизни. Напримѣръ, нужно было вообразить, что живешь во время мидійскихъ войнъ и говорить противъ тогдашнихъ враговъ греческаго народа—противъ Дарія или Ксеркса и преслѣдовать ихъ поношеніями. Или учителя заставляли ученика вообразить, что онъ живетъ въ баспословныя времена, и приказывали ему говорить рѣчь отъ лица «Менелая, послѣ того, какъ у него похитили Елену», «отъ лица Гектора, узнавшаго что Пріамъ садится за столъ Ахиллеса». Но этимъ дѣло не ограничивалось. Учители или сами въ видѣ образца сочиняли или заставляли сочинять своихъ учениковъ панегирики, похвальныя рѣчи предметамъ, немогущимъ вызывать ничего кромѣ отвращенія. Напримѣръ, требовалось составить панегирикъ лихорадкѣ, подагрѣ, даже рвотѣ. Софисты воображали, что это превосходныя упражненія и что искусство обнаруживается тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ презренинѣе предметъ его, или, какъ говорили въ то время, чѣмъ неблагодарнѣе и лспокорнѣе земля, тѣмъ болѣе заслуги заставить ее производить цвѣты. Они держались того начала, что будто рѣчь имѣетъ естественное свойство дѣлать великіе предметы малыми, а малые великими. Нелѣпая мода дѣлала то, что начали сочинять панегирики, предметы которыхъ становились постепенно все низменнѣе. Если одинъ говорилъ въ похвалу осла, то другой читалъ панегирикъ мышѣ, а третій желая превзойти двухъ первыхъ, ораторствовалъ въ похвалу майскому жуку. Въ описываемые вѣка дѣло дошло до мухи, комара, блохи. На чемъ бы остановились, еслибы были знакомы съ микроскопомъ? Фронтонъ написалъ похвалу пыли, дыму, небрежности; Діонъ Хризостомъ—волосамъ, попугаю; Синезій, когда былъ еще язычникомъ, восхвалялъ въ одной рѣчи плѣшивость ^{н)}. Учить-

н) Мартъ. Философы и поэты-моралисты во времена римской имперіи, стр. 226—229. Перев. Москва. 1880.

ся краснорѣчію у такого рода учителей, конечно, было для разсудительнаго человѣка своего рода подвигомъ. Особенно учителя изощрялись пріучить своихъ питомцевъ быть возможно находчивыми адвокатами, чтобы ничто, никакое судебное дѣло, нималѣйше не затрудняло будущихъ адвокатовъ. Они, изощряя способности своихъ питомцевъ, выдумывали юридическіе случаи самые необыкновенныя и невозможныя, самые запутанныя, и заставляли учениковъ составлять рѣчи, какъ будто такіе случаи произошли на дѣлѣ. Вѣнцемъ краснорѣчія считалось, если учащійся искусству краснорѣчія безъ запики могъ говорить за и противъ извѣстнаго воображаемаго обвиненнаго въ какомъ-либо преступленіи ¹⁾. Лычники очевидно мало понимали всю неприглядность того ораторства, какое процвѣтало въ тѣ времена, если Фронтонъ, учитель Марка Аврелія, знаменитый Діонъ Христомъ (что значитъ Златоустъ), Синезій слывшій философъ, безъ всякаго стыда позволяли себѣ (Синезій въ язычествѣ) произносить рѣчи на нелѣпѣйшія темы. Что касается въ частности языческихъ юношей, учившихся у преподавателей краснорѣчія, то они были въ восторгѣ отъ своихъ руководителей, готовы были превозносить ихъ до небесъ. Такъ было напримѣръ въ Аѳинахъ въ IV вѣкѣ. «Охотники до лошадей и любители зрѣлищъ не остаются спокойными на конскихъ ристалищахъ,—они вскакиваютъ, восклицаютъ, бросаютъ вверхъ землю, сидя на мѣстѣ, какъбы прятать конями, бьютъ по воздуху пальцами, какъ бичами, воображаютъ, что они запрягаютъ и распрягаютъ лошадей». «Совершенно такую же страсть, замѣчаетъ одинъ наблюдатель надъ жизнью аѳинскихъ учащихъ юношей, питаютъ въ себѣ юноши въ Аѳинахъ къ своимъ учителямъ, когда они произносятъ свои ораторскія рѣчи» ²⁾. Эти юноши не умѣли отличать хорошее отъ дурнаго: для нихъ что скачки лошадей, что рѣчь ритора — все одно. Не то видимъ у христіанскихъ юношей, учившихся въ языческихъ

1) Тамъ же, 227.

2) Григорія Богослова, надгробное слово Василию Вел. Твор. его, IV, 69.

школахъ ораторскому искусству. Они съ большой критикой относятся къ софистамъ своего времени. Учились они краснорѣчію не за тѣмъ, чтобы блистать пышными фразами, а за тѣмъ чтобы сравнявшись въ краснорѣчіи съ лучшими риториками, лишиться язычникомъ возможности хвалиться своимъ превосходствомъ предъ христіанами. Одинъ изъ христіанскихъ ученыхъ, изучившихъ языческое искусство краснорѣчія, говоритъ о себѣ: «еще не опушились мои ланты, мною овладѣла любовь къ словеснымъ наукамъ; я сталъ обогащать себя внѣшней (языческой) ученостью съ тѣмъ, чтобы употребить ее въ пособіе истинному (христіанскому) просвѣщенію, дабы знающіе одно пустое витійство, состоящее въ звучныхъ словахъ, не превозносились и не могли опутать меня хитросплетенными софизмами» л). Другой изъ такихъ же христіанскихъ ученыхъ учился краснорѣчію или діалектикѣ съ тою цѣлью, чтобы служить при помощи ея христіанской истинѣ. «Сила діалектики, говорилъ онъ, есть стѣна для догматовъ и она не позволяетъ расхищать и брать ихъ въ плѣнъ всякому, кто захотѣлъ бы» м). И этотъ ученый на самомъ дѣлѣ пользовался этимъ оружіемъ для защищенія истины — самымъ блистательнымъ образомъ. Современность засвидѣтельствовала: «что легче было выйти изъ лабиринта, чѣмъ избѣжать сѣтей его слова» н). Вотъ съ какими намѣреніями изучали христіанскіе юноши языческое искусство краснорѣчія. А все прочее, что не имѣло значенія въ этомъ искусствѣ, они осмѣивали и порицали. Они прямо заявляли, что они «нравами не хотятъ походить на риторовъ» о). Они порицали современныхъ имъ софистовъ и учителей краснорѣчія за ихъ неудержимую болтливость, «Языкъ ихъ, говорили они, если не поведетъ рѣчи съ однимъ, то поведетъ ее съ другимъ; если же никого не будетъ, не пре-

л) Его же стихотвореніе о своей жизни. Твор. VI, 9.

м). Василия Великаго толков. на прор. Исаію. Твор. его, II, 123.

н) Григорія Богослова, надгробное слово Василию Великому. Твор. IV, 79.

о) Тамъ же, 78.

минеть поговорить самъ съ собой, но ни подъ какимъ видомъ не умолкнетъ, какъ языкъ софиста» п). Христіанскіе юноши понимали также, какъ нелѣпо стремленіе софистовъ во что бы то ни стало превзойти одинъ другаго на ораторскомъ поприщѣ; они называли риторовъ «галками, состязующимися между собой о первенствѣ» р). Они конечно ни на минуту не могли похвалить обычая софистовъ брать невѣроятныя и нелѣпыя темы для рѣчей; въ этомъ они не видѣли ничего болѣе, кромѣ «искуства побѣдоносной болтливости» с). Принимая во вниманіе, какъ далеко простиралось извращеніе краснорѣчія въ языческихъ школахъ, они даже осмѣливались называть это искусство краснорѣчія «собачьимъ велерѣчіемъ» т). Въ особенности учившіеся въ школахъ языческихъ христіане никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что искусство краснорѣчія преподавалось съ тою цѣлью, чтобы будущіе адвокаты могли на судахъ выставить правду ложью, а ложь правдой, потворствовать кривдѣ и вредить истинѣ. Вѣдь учителя ораторскаго искусства приучали своихъ питомцевъ говорить рѣчи за и противъ воображаемыхъ обвиняемыхъ въ какомъ-либо преступленіи. Христіане, видѣвшіе собственными глазами подобное безобразіе, порицали всячески это явленіе; они съ горечью говорили, что «риторскій обычай состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть стыда, что языкъ риторовъ исполненъ злобы, что риторы только и годятся для народной площади» у). Они прекрасно сознавали, что такое преподаваніе краснорѣчія есть уродство, они заявляли: «краснорѣчіе, имѣвшее свое приложеніе при тяжбахъ въ судебныхъ мѣстахъ, преподается (въ языческихъ школахъ) превратно, такъ какъ благодаря

п) Василия Великаго письмо къ Леонтію софисту. Твор. его, VI, 58.

р) Григорія Богослова письмо къ Евдоксію ритору. Твор. его, томъ VI, 235.

с) Августина. Исповѣдь, кн. IV, гл. 2.

т) Иеронима письмо къ Минервію и Александру. Твор. его въ рус. переводѣ. Т. III, стр. 111.

у) Григорія Богослова письмо къ Евдоксію. Твор. его, VI, 234.

этому искусству, лукавству отдавалось предпочтеніе предъ добросовѣстностью» ф). Они, изучивъ въ совершенствѣ краснорѣчіе, въ жизни однакожь поставляли себѣ правиломъ: «не подражать ораторамъ въ искусствѣ лгать; ибо ни въ судахъ, ни въ другихъ дѣлахъ неприлична ложь христіанину, избравшему прямой и истинный путь жизни, которому предписано закономъ (христіанскимъ) даже и совѣмъ не судиться» х). Какое тяжелое впечатлѣніе полагало ученіе краснорѣчію въ школахъ на христіанскихъ юношей, это видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ, доживъ до старости, «до сѣдой и лысой головы», не могли безъ отвращенія вспомнить о годахъ изученія языческаго ораторства. Такъ одинъ изъ такихъ, извѣдавшихъ на себѣ горькимъ опытомъ чисто безмысленную муштровку преподавателей софистовъ, въ послѣдствіи рассказывалъ: «часто я вижу во снѣ, будто я съ подстриженными волосами, подобравши тогу, декламирую предъ риторомъ примѣръ къ ораторской рѣчи, и когда проснусь, радуюсь, что избавленъ опасности отвѣчать» ч).

Изъ числа прочихъ наукъ въ языческихъ школахъ обращалось особенное вниманіе на изученіе философіи и исторіи. Но изъ этихъ наукъ христіанскіе юноши старались извлекать совѣмъ другаго рода уроки, чѣмъ какими довольствовались языческіе питомцы школъ. Философы и преподаватели философіи раздѣлились въ тѣ времена на множество направленій, до послѣдней крайности враждовавшихъ между собою: кто держался одного направленія, тотъ съ презрѣніемъ относился къ представителямъ другихъ философскихъ школъ ч). Кромѣ того, за исключеніемъ Платоновой философіи, все другія философіи не интересовались вопросами о Богѣ и Его

ф). Августина. Исповѣдь, кн. III, гл. 3.

х) Василия Вел. къ юношамъ. Твор. его, IV, 319.

ц) Иеронима. Апологія противъ Руфина, кн. I, гл. 30.

ч) Григорія Нисскаго слово о жизни Григорія чудотворца. Твор. его въ рус. переводѣ. Томъ VIII, 136.

Промыслѣ. Ни перипатетики, ни стоики, ни эпикурейцы, не разрабатывали вопросовъ о Причинѣ всѣхъ причинъ. Язычники и языческіе юноши находили такое положеніе вещей естественнымъ и усвояя какую-либо философію, мало заботились о томъ, дѣйствительно ли она отвѣчала всѣмъ потребностямъ духа человѣческаго. Не то видимъ среди любозпательнаго христіанскаго юношества. Эти юноши внимательно присматривались къ тому хаосу мнѣній, той разногласицѣ, какія отличали тогдашнихъ вождей философіи, и тѣмъ крѣпче утверждались въ философіи христіанской, раскрывавшей «истины сущаго» ш). Изъ вышней языческой философіи они умѣли извлекать ту пользу, что она устремляла ихъ взоры «въ горняя» ш). Они сравнивали философскія ученія съ христіанскимъ и «сжали находили между ними какое взаимное сродство, то старались усвоить себѣ познаніе, согласующееся съ христіанствомъ, въ томъ убѣжденіи, что это кстати христіанамъ; а если не находили такого сходства, то уясняли себѣ, въ чемъ заключается разность, и это не мало служило къ подтвержденію лучшаго (христіанскаго) ученія» ъ). Христіанскіе юноши впрочемъ вообще мало интересовались такими родами философіи, которые ничего не говорили о Богѣ и Его сущности. Такъ, когда одинъ любитель мудрости вступилъ въ школу стоиковъ и долго пребывая въ ней, замѣтилъ, что учитель философіи ничего не говоритъ о Богѣ и не говоритъ потому, что «самъ не имѣлъ да и не считалъ такого познанія необходимымъ», сейчасъ же бросилъ школу ъ). Въ особенности христіанскіе юноши при изученіи философіи съ любовью занимались тою ея стороною, которая касалась вопросовъ о нравственности, короче—нравственною философіей. Они такъ разсуждали на этотъ счетъ:

ш) Тамъ же, стр. 135.

ш) Григорія Бог. надгробное слово Васил. Велик. Твор. его, IV, 78.

ъ) Василя Вел. къ юношамъ. Твор. его IV, 347.

ы) Это св. Іустинъ. Разговоръ его съ Трифономъ, гл. 2.

«большую пользу оказываетъ та наука, посредствомъ которой усовершенствовавшіеся мужи образуютъ въ человѣкѣ добрыя нравы, какъ творогъ, который принимаетъ видъ плетенаго сосуда»). Напримѣръ христіанскіе юноши съ большимъ удовольствіемъ изучали мысли и дѣла языческихъ философовъ, поучавшихъ одной изъ важнѣйшихъ христіанскихъ добродѣтелей, именно терпѣнію въ несчастіяхъ и лишеніяхъ. Они восхищались образцовымъ поведеніемъ среди бѣдъ Анаксарха, Эпиктета, Сократа. Они старались закрѣплять въ своей памяти примѣры въ родѣ слѣдующихъ: «Эпиктетъ, когда у него вытягивали ногу, любомудрствовалъ какъ будто въ чужомъ тѣлѣ, и скорѣе переломили ему ногу, нежели замѣтили, что онъ почувствовалъ насиліе»^{б)}. Что касается исторической науки, то многіе юноши очень интересовались ею, ища «обогатить свой умъ». Но иначе относились къ этой наукѣ язычники, и иначе христіане. Изучники-юноши, изучавшіе исторію, восторгаясь героями, не стараясь отличать, все ли въ дѣятельности ихъ заслуживало одобренія и подражанія; притомъ же они часто держались неправильнаго взгляда на исторію, считали ее не столько полезною, сколько занятною наукой, думали, что «исторіи пишутся для развлеченія слушателей»^{в)}. Напротивъ христіанскіе юноши, изучая исторію, относились къ ней критически; они со всякимъ стараніемъ оберегали душу, чтобы пріятный историческій разсказъ не внесъ чего-либо худаго въ душу, подобно тому какъ иные съ медомъ глотаютъ ядовитыя вещества»^{г)}. Они не смотрѣли на исторію, какъ на вещь лишь занимательную,—они считали ее полезнѣйшею наукой, справедливо рассуждая: «исторія складчина мудрости, умъ многихъ»^{д)}.

б) Письмо Никовула сына къ отцу. Твор. Григорія Бог., V, 274.

в) Григорія Бог. письмо къ Филагрію. Твор. его, VI, 274.

г) Василия Вел. къ юношамъ. Твор. его, IV, 348—9.

д) Тамъ же.

я) Письмо Никовула сына къ отцу. Твор. Григорія Бог. V, 274.

Въ языческихъ школахъ изучались также слѣдующія науки: астрономія, естественная исторія, медицина. Христіанскіе юноши и на усвоеніе этихъ наукъ налагають свою печать—христіанскую. Эти науки служили имъ пособіемъ къ уразумѣнію высшихъ истинъ религіозныхъ. Древняя астрономія далека была отъ совершенства. Долгое время эта наука была «собраніемъ ничѣмъ не доказанныхъ теорій и дѣтски наивныхъ гипотезъ» ^{о)}. Этого мало: въ тѣ времена астрономію смѣшивали съ астрологіей и подъ именемъ первой нерѣдко преподавалась послѣдняя. Во II и III вѣкѣ астрологія является въ видѣ очень сложной науки, приведенной въ стройную систему. Въ основѣ ея лежали старинныя идеи о вліяніи солнца, луны и двѣнадцати знаковъ зодіака на судьбу человѣка. Но эти мысли были дополнены многими другими. Недостаточно уже было зодіакальныхъ боговъ (каждый зодіакъ былъ поставленъ подъ покровительство какого-либо бога): мѣсяцы были раздѣлены на трети, изъ которыхъ каждою завѣдывало второстепенное свѣтило (въ качествѣ боговъ). Половина этихъ 36 боговъ слѣдила за земными событіями, другая управляла подземнымъ міромъ. Далѣе существовала цѣлая планетная система, въ которой первое мѣсто принадлежало Сатурну; кромѣ того планеты дѣлились на мужскія и женскія. Но это еще не удовлетворяло астрологовъ, которые придумали нѣчто большее, а именно ученіе о вліяніи созвѣздій на отдѣльные органы человѣческаго тѣла, въ каждый часъ каждаго дня и мѣсяца въ году ^{а)}. Всю эту чепуху нужно было изучить подъ именемъ астрономіи и умѣть прилагать къ практикѣ. Христіанскіе юноши изучали однако науку о небѣ съ большею разсудительностью, не увлекаясь бреднями. Они отменяли астрологію, а изъ данныхъ астроно-

о) Кожевникова. Правственное и умственное развитіе римскаго общества, стр. 120.

а) Тамъ же, 84.

мін дѣлали новыя выводы, направленные къ постиженію Верховнаго Творца небесъ и звѣздъ. Они изъ астрономіи и науки для другихъ опасной (т.-е. астрологін) избирали, сколько нужно, лишь полезное, чтобы познавать стройное теченіе и порядокъ небесныхъ тѣлъ и благоговѣть предъ Творцомъ; а что въ этихъ наукахъ было вреднаго, того они убѣгали, и теченію звѣздъ не подчиняли ни существованію, ни явленію, какъ дѣлали язычники, сослужебную себѣ тварь поставлявшіе на ряду съ Творцомъ. Напротивъ того, самое движеніе звѣздъ, какъ и все прочее, приписывали лишь Богу» б). Словомъ, они полагали основаніе для христіанскаго естественнаго богословія. Такъже они поступали и въ изученіи естественной исторіи. Естественная исторія у древнихъ народовъ находилась на низшей степени развитія. Такъ у Римлянъ зоологія была скорѣе сборникомъ различныхъ курьезовъ, нежели положительною наукой: обращалось вниманіе только на поразительное, диковинное; изучалась только внѣшность и то мимоходомъ. Въ Римѣ устраивались выставки всевозможныхъ рѣдкостей. Различные уроды, карлики, гермафродиты, великаны, а также рѣдкія животныя составляли естественно-научныя коллекціи в). Повидимому, при такомъ положеніи этой науки, христіанскіе юноши не могли извлекать никакой пользы отъ изученія ея. Но на самомъ дѣлѣ часто случалось не то. Естественная исторія при всемъ ея несовершенствѣ, дѣлалась для нихъ путемъ къ боговѣдѣнію. Они изучали въ школахъ и въ книгахъ, что знала тогдашняя наука о «природѣ вещей воздушныхъ, земныхъ, морскихъ», и научались уразумѣвать здѣсь «мысль неизреченнаго Бога, постигали, какъ Богъ управляетъ вселенной, къ чему ведетъ ее, и какой конецъ положенъ для цѣлаго міра, исполненнаго многихъ красотъ». Они изучали, уразумѣвали то, что «выше разу-

б) Григорія Богослова надгробное слово брату Кесарію. Твор. его, томъ I, 246.

в) Кожевниковъ. Тамъ же, 181—182.

мѣнія смертныхъ» г). Христіанскіе и языческіе юноши, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, обучались въ языческихъ школахъ и медицинѣ, хотя бы они и не имѣли въ виду сдѣлаться практическими врачами. Они углублялись въ изученіе свойствъ естествъ и темпераментовъ и въ начала болѣзней, чтобы умѣть исторгать корни и отсѣкать вѣтви болѣзней» д). Христіанскіе юноши, какъ вездѣ и во всемъ, здѣсь вносили свой духъ въ изучаемый предметъ, подводили медицину подъ свою христіанскую точку зрѣнія. Они изучали въ медицинской наукѣ не только то, что касалось «видимаго и долу лежащаго», т.-е. не только свойства человѣческаго организма, но и дѣлали эту науку ступеню къ высшей «наукѣ и любознанию», т.-е. научались смотрѣть на человѣческій организмъ съ его немощами, какъ на твореніе Божіе, испорченное грѣхомъ е).

Вообще христіанскіе юноши, проходя курсъ тогдашняго школьнаго образованія и посвящая себя различнымъ наукамъ, поставляли для себя закономъ отдавать свою «любовь» не «столь пріятнѣйшимъ урокамъ, сколько совершеннѣйшимъ, способствующимъ для молодыхъ людей образовать себя въ добродѣтели» ж). Даже болѣе того: «они изучали разныя науки въ юности для того, по сказанію одного изъ нихъ, чтобы предать мысль свою Божественнѣйшему Духу, чтобы потомъ вездѣ отыскивать слѣды сокровенныхъ красотъ (божественныхъ), непрестанно восходить къ свѣту и божественныя внушенія почитать мѣриломъ жизни, а это все для того, чтобы и помощникомъ и спут-

г) Письмо Никовула сына къ отцу. Твор. Григорія Бог., V, 274. Какое полезное употребленіе дѣлали христіанскіе ученые изъ своего знакомства съ естествовѣдѣніемъ, это доказываетъ *Шестодневъ* Василія Вел., гдѣ данныя тогдашняго естествознанія приложены къ объясненію библейскаго сказанія о шести дняхъ творенія.

д) Григорія Бог. надгробное слово Кесарію. Твор. его, I, 274.

е) Григорія Богослова, надгробное слово Василію Великому. Твор. его IV, 79.

ж) Тамъ же, 75.

никомъ, и вождемъ имѣя Христа, съ легкими надеждами вознестись отселѣ, сподобиться жизни чистой и непрекращающейся, не издали, какъбы въ зеркалѣ и водѣ, видѣть слабыя изображенія истины, но созерцать чистыми очами самую истину». Особенно прекрасны слѣдующія слова того же благомыслящаго христіанина, посвятившаго себя наукѣ: «послѣднимъ ключемъ своего ученія содѣлаемъ Христа»³⁾. Христіанскіе юноши, какъ видно отсюда, высшею цѣлью научнаго образованія поставляли то, чтобы всѣ свои знанія повергнуть къ подножію креста, гдѣ всѣ истины находятъ для себя полную гармонію и дѣйствительное совершенство.

(Окончаніе будетъ).

А. Лебедевъ.

3) Письмо Никовула къ отцу. Твор. Григорія Бог., V, 274—275.

БЛАГОВѢСТНИЧЕСКАЯ ДОЛЯ.

«Если я благовѣствую, то не чѣмъ мнѣ хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣствую!» (1 Кор. 9, 16). Конечно, это святая правда; но правда и то, что и благовѣствованіе приноситъ благовѣствующему своего рода горе. Потому что тотъ же самый апостоль, который благовѣствованіе поставлялъ въ необходимую свою обязанность, выполненіе которой не заслуживаетъ похвалы, а невыполненіе грозитъ горемъ, подводя итоги своей многолѣтней благовѣстнической дѣятельности, считалъ себя въ правѣ сказать: «вы терпите, когда васъ кто порабощаетъ, когда кто объѣдаетъ, когда кто обираетъ, когда кто превозносится, когда кто бьетъ васъ въ лице. Къ стыду говорю, что на это у насъ недоставало силъ; а если кто смѣетъ хвалиться чѣмъ-либо, то смѣю и я. Я гораздо болѣе былъ въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ, и многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сороку ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ въ глубинѣ морской. Много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лжебратіями, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и въ жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ» (2 Кор. 11, 20—27). Не горе ли это,

приносимое именно благовѣствованіемъ? Но если все это и горе, то горе такое, которымъ можно осмѣлиться хвалиться,—предъ тѣми по крайней мѣрѣ, которые, мня себя разумными, являются очень и очень часто въ качествѣ поработочающихъ, объѣдающихъ, обирающихъ, превозносящихся, бьющихъ въ лице; предъ этими должно осмѣлиться хвалиться горемъ благовѣствованія... только бы хвальнойся имъ хвалился о Господѣ (2 Кор. 10, 17).

А хвалится о Господѣ только тотъ, кто не ставя себя въ похвалу благовѣствованія, какъ необходимой обязанности своей, съ самымъ горемъ благовѣствованія покорно мирится, какъ съ неизбѣжнымъ явленіемъ въ жизни благовѣстника; кто, положивъ руку на плугъ на нивѣ Божіей, не озирается назадъ (Лк. 9, 62) по малодушію; кто убѣжденъ, что для благовѣствованія слова Божія ни при какихъ обстоятельствахъ нѣтъ и не должно быть узъ (2 Тим. 2, 9); кто чутко слышитъ слово дѣйственное перваго Благовѣстителя: «идите, Я посылаю васъ, какъ агнцевъ среди волковъ... Въ какой домъ войдете, сперва говорите миръ дому сему. И если будетъ тамъ сынъ мира, то почиетъ на немъ миръ вашъ, а если нѣтъ, то къ вамъ возвратится. Въ домъ же томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть; ибо трудящійся достоинъ награды за труды свои. Не переходите изъ дома въ домъ. И если прійдете въ какой городъ и примутъ васъ; ѣшьте, что вамъ предложить. И исцѣляйте находящихся въ немъ больныхъ и говорите имъ: приблизилось къ вамъ царствіе Божіе. Если же прійдете въ какой городъ, и не примутъ васъ, то вышедши на улицу, скажите: и прахъ, прилипшій къ намъ отъ вашего города, оттрясаемъ вамъ; однакожь знайте, что приблизилось къ вамъ царствіе Божіе» (Лк. 10, 3—11).

Такова заповѣдь Христова благовѣстникамъ Его ученія. Она сулитъ имъ всякія случайности; но властное «идите, Я посылаю васъ!» должно взять верхъ надъ всякими чаемыми случайностями.

Собственно говоря, трудящіеся на этомъ поприщѣ, при-

ходящіе прежде всего съ словомъ мира для всѣхъ и каждаго, всѣхъ и каждаго вразумляющіе и цѣлящіе, всѣмъ и каждому приносящіе благу вѣсть, должны бы быть уважаемы и почитаемы преимущественно съ любовью за дѣло ихъ (1 Сол. 5, 12—13). Простая оцѣнка человѣка, по естественному чувству дана естественной справедливости, требуетъ, чтобы была оказана сугубая честь особенно тѣмъ, которые трудятся въ словѣ и ученіи (1 Тим. 5, 17). Но часто бываетъ не такъ, какъ бы должно было быть: люди мира оказываются въ положеніи возмутителей міра. Ихъ трактуютъ, какъ лжецовъ, не говорящихъ ничего истиннаго (Дѣян. 14, 19); говорятъ, что они проповѣдуютъ такіе обычаи, которыхъ намъ не слѣдуетъ ни принимать, ни исполнять (Дѣян. 16, 21); кричатъ, что они повсюду учатъ противъ народа, и закона и мѣста. (Дѣян. 21, 28). Вопли на этомъ не останавливаются. Является «нѣкоторый риторъ Тертуллъ» и, не утруждая много ни себя, ни другихъ, испросивъ свойственнаго публикѣ снисхожденія къ себѣ, кратко заявляетъ, что представители назарейской ереси суть ни болѣе, ни менѣе, какъ язва общества (Дѣян. 24, 2—5). Удивительное превращеніе! Тѣ, которые были посланы единственно чтобы исцѣлять, оказываются язвой общества. Тѣ, которымъ заповѣдано было говорить прежде всего: миръ дому сему! оказываются всесвѣтными возмутителями. Тѣ, которые посланы, чтобы принести благу вѣсть міру, оказываются лжецами, не говорящими ничего истиннаго. А порабощающіе и бьющіе въ лице риторы Тертуллы, различные лжеапостолы и лукавыя дѣлатели принимаютъ видъ апостоловъ, приносящихъ міру будтобы и дѣйствительное исцѣленіе, и самую несомнѣнную истину, и миръ и счастье (2 Кор. 11, 13—14), и находятъ вниманіе и почетъ себѣ и хвалу.

Но подобное явленіе никакъ не служитъ для благовѣстника камнемъ претыканія и соблазна. Оно предсказано заранее; и какъ было предсказано, такъ и было, такъ бываетъ и будетъ. «И вась избралъ и поставилъ вась, чтобы

вы шли... Еслибы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое, а такъ какъ вы не отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ. Помните слово, которое Я сказалъ вамъ: рабъ не больше господина своего. Если Меня гнали; будутъ гнать и васъ. Сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы не соблазнялись. Изгонять васъ изъ синагогъ, даже наступаетъ время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ тѣмъ служить Богу» (Іоан. 15, 16. 19—20; 16, 1—2).

Въ началѣ шестидесятихъ годовъ апостоль Павелъ съ Силою пришли въ Фессалонику—главный городъ римской провинціи Македоніи. Благодаря своему выгодному географическому положенію Фессалоника была богатѣйшимъ греческимъ торговымъ городомъ, къ которому вели многочисленныя военные и торговые пути. Важное во многихъ отношеніяхъ положеніе города привлекало въ него массы народа; здѣсь между прочимъ была и довольно численная еврейская община. Призванный проповѣдывать Христа распятаго,— «для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе, для самихъ же призванныхъ іудеевъ и еллиновъ,—Христа Божію силу и Божію премудрость» (1 Кор. 1, 23—24),—Апостоль въ свое второе благовѣстническое путешествіе не могъ обойти такого многояюднаго и разноплеменнаго города, какъ Фессалоника.

И вотъ Павелъ, по своему обыкновенію, три субботы говоритъ изъ писаній, открывая и доказывая, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть изъ мертвыхъ, и что сей Христосъ есть Иисусъ (Дѣян. 17, 1—3). Проповѣдь апостольская не приурочивается непременно къ извѣстному опредѣленному мѣсту и времени: апостолы проповѣдывали и на пути, и въ домѣ частнаго человѣка, на площадяхъ и въ синагогахъ, въ гостинницахъ и въ храмахъ, благовременно и безвременно, гдѣ только находились слушатели. Въ данный разъ апостоль благовѣствовалъ въ фессалоникской еврейской синагогѣ, куда имѣли свободный доступъ и прозелиты іудейства, къ какой бы національности они ни принадлежали.

Фессалоникская синагога принадлежала конечно къ лучшимъ зданіямъ богатаго города. Евреи часто строили синагоги на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ и заботливо украшали ихъ, стараясь о томъ, чтобы синагогальное зданіе такъ сказать отодвигало на задній планъ всѣ другія городскія постройки. Одинъ раввинъ, третьяго впрочемъ вѣка, что для насъ не важно, несутя пророчествовать погибель тѣмъ городамъ, общественныя или частныя зданія которыхъ выше зданія синагоги, и помилованіе тѣмъ, гдѣ синагоги были выше всѣхъ прочихъ зданій. Такою любовью евреи ихъ окружали. Для іудеевъ разсѣянія синагога была тѣмъ дороже, чѣмъ менѣе они имѣли легкой возможности въ тѣ бурныя времена посѣщать храмъ іерусалимскій. Синагога послѣ храма, говорили они, есть первое святилище. А когда былъ разрушенъ храмъ, ученые раввины, поднимая все выше и выше значеніе синагогъ, къ нимъ относили, какъ прочественныя, многія библейскія выраженія. Такъ, наприм., толкуя слова Пѣсни пѣсней: «я сплю, а сердце мое бдитъ», говорили: я сплю, это по отношенію къ храму, который уже разрушенъ; но сердце мое бдитъ въ отношеніи къ синагогѣ. Итакъ синагога была окружена высокимъ почетомъ. Строго оберегасмыя отъ какой-либо профанаціи, синагоги служили и мѣстомъ молитвы и мѣстомъ наученія, ознакомленія съ закономъ и его смысломъ. Поэтому учителя іудейства неустанно проповѣдывали о прилежномъ посѣщеніи синагогъ. «Молитва, говорили они, находитъ услышаніе только въ синагогѣ, а кто, имѣя синагогу въ городѣ, не ходитъ туда для молитвы, того слѣдуетъ считать злымъ сосѣдомъ. Утромъ и вечеромъ взыскайте синагогу, чтобы вамъ быть долголѣтними на земли. Ищите Вѣчнаго тамъ, гдѣ Его можно найти, т.-е. въ синагогѣ; молящійся Ему въ синагогѣ все равно что приносящій чистую мучную жертву. Екклесіастъ говоритъ: я строилъ себѣ дома—это синагоги и училища; устроилъ у себя хранилища водъ—это наученіе, преподаваніе закона; чтобы напоятъ изъ нихъ рощи, гдѣ дерева растутъ (2, 4—6),—

это дѣти, которыя въ синагогахъ учатся познавать законъ. Посѣщенія синагогъ были особенно обычны по поведѣльникамъ и четверткамъ; но самое главное собраніе народа для молитвы и ознакомленія съ закономъ и пророками было по субботамъ. Въ этотъ день въ синагогѣ можно было встрѣтить почти всю колонію еврейскую (Дѣян. 13, 44).

Порядокъ субботняго богослуженія былъ таковъ: одинъ изъ членовъ общины читалъ молитвы отъ лица всей общины, обращенной лицами къ святому святыхъ храма іерусалимскаго. Очень возможно, что и въ то время уже вырабатывалось правило, что при молитвѣ, находящіеся внѣ Палестины должны обращаться лицомъ къ Палестинѣ, находящіеся въ Палестинѣ,—къ Іерусалиму, въ Іерусалимѣ—къ храму, какъ въ храмѣ—къ святому святыхъ. Итакъ ессалоникскіе іудеи должны были имѣть лица на востокъ, если только у нихъ, по отзыву апостола, мало-благomyсленныхъ и не съ должнымъ усердіемъ, хотя въ высшей степени скрупулезно относительно всякаго мелочнаго вопроса разбиравшихъ писаніе, точно ли это такъ должно быть (Дѣян. 17, 11),—не образовывалось уже мнѣніе, что при молитвѣ не слѣдуетъ обращать лицъ къ востоку, такъ какъ это обычай Минеевъ (вообще сектантовъ, въ частности христіанъ). Если такъ, лица ессалоникіянъ были къ западу, откуда нельзя ждать и усмотрѣть восхода Солнца правды.

Молитва кончена. Всѣ присутствующіе заключаютъ ее словомъ: аминь. Теперь слѣдуетъ чтеніе отрывковъ изъ Закона. Выборъ матерій для чтеній изъ Пятикнижія не былъ произвольнымъ. Были положены извѣстныя чтенія для утренняго и послѣ-полуденнаго субботняго богослуженія. Изъ Закона читали нѣсколько челоувѣкъ, каждый по меньшей мѣрѣ три стиха. Чтець читалъ стоя, чтобы всѣмъ было слышно. За чтеніемъ изъ Закона слѣдовало чтеніе мѣстъ изъ пророковъ; но читалъ только одинъ кто-либо. Закону болѣе вниманія оказывали евреи; изученіе его считали дѣломъ важнѣйшимъ, нежели изученіе пророковъ. Чтеніе изъ Закона и пророковъ у іудеевъ разсѣянія, слѣд. и въ есс-

салоницкой синагогѣ, вѣроятно были и на греческомъ языкѣ LXX. Послѣ прочтенія извѣстнаго мѣста изъ пророковъ, оно истолковывалось. Истолкованіе прочитаннаго предоставлялось волѣ и желанію каждаго члена синагоги, который чувствовалъ себя способнымъ говорить на данную тему; но конечно толкователи чаще принадлежали къ классу ученыхъ. По словамъ Филона, съ толкованіемъ, которое было вмѣстѣ и проповѣдью, съ объясненіемъ трудныхъ для разумѣнія мѣстъ прочтеннаго отрывка писанія, выступалъ обыкновенно опытный въ этомъ дѣлѣ, подготовленный ученьемъ человекъ. Объясняя пророческія мѣста, толкователь дѣлалъ практическіе выводы и приложенія, смотря по потребностямъ времени.

Воспитанникъ Гамалиила, славнаго законоучителя, уважаемаго всеѣмъ народомъ и извѣстнаго даже въ отдаленнѣйшихъ странахъ іудеямъ разсѣянна, тщательно наставленный въ отеческомъ законѣ (Дѣян. 5, 34; 22, 3), апостоль Павликъ могъ выступить въ качествѣ толковника-проповѣдника, одобреннаго авторитетомъ представителя синагоги, каковымъ былъ его учитель Гамалииль.

Взойдемъ и мы за апостоломъ въ ѳессалоникскую синагогу. Послѣ чтенія Закона и пророковъ, можетъ быть по приглашенію начальниковъ синагоги, какъ иногда бывало (Дѣян. 13, 15—16), а можетъ быть безъ приглашенія сказать слово наставленія, права на что не могли отнять отъ Павла, какъ ученика Гамалиилова, и что самъ апостоль считалъ своею неизбѣжною обязанностью,—онъ всталъ и давъ знакъ рукой, началъ говорить. Субботнія проповѣди его въ ѳессалоникѣ впрочемъ не дошли до насъ. Въ Дѣянїяхъ дана только ихъ главная основная тема, которую онъ развивалъ и доказывалъ конечно свидѣтельствами изъ закона Моисеева и пророковъ (ср. гл. 28, 23).

Заслуживаетъ вѣроятія предположеніе, что въ тотъ разъ въ синагогѣ прочитана была извѣстнѣйшая пятьдесятъ третья глава изъ книги пророка Исаи о страдающемъ добровольно Праведникѣ, Рабѣ Іеговы, мучимомъ за без-

законія наши, ранами котораго мы исцѣлились, который понесъ на Себѣ грѣхъ многихъ и за отступниковъ сдѣлался ходатаемъ. Если это предположеніе вѣрно, то проповѣдь апостольская въ ессалоникской синагогѣ въ существенномъ должна была быть схожею съ проповѣдью, произнесенною имъ же еще въ первое путешествіе въ синагогѣ Антиохіи Писидійской. (Дѣян. 13, 16—41). Да большаго разнообразія вообще и нельзя предполагать въ синагогальныхъ проповѣдяхъ Павла, такъ какъ онъ не себя проповѣдывалъ (2 Кор. 4, 5), но Христа Господа Иисуса, и притомъ распятаго — этотъ соблазнъ для іудеевъ и безуміе для еллиновъ. Вѣроятно и заключительныя слова проповѣди гремѣли тѣмъ же предостереженіемъ, какимъ гремѣли слова антиохійской, или слова сказанныя имъ въ гостиницѣ римской (Дѣян. 28, 25—28).

Кончена проповѣдь. Фарисействующіе евреи иногда въ синагогу спѣшили, шли очень быстро, а изъ синагоги выходили медленно, задерживая шагъ. Такъ ли это тогда было? Подъ какимъ впечатлѣніемъ они оставляли синагогу? Каковы были плоды благовѣствованія? Нѣкоторые изъ нихъ по проповѣди апостола увѣровали, говоритъ писатель книги Дѣяній, и присоединились къ Павлу и Силѣ, какъ изъ еллиновъ, чтущихъ Бога, такъ и изъ знатныхъ женщинъ не мало (ст. 4). Конечно, эти увѣровавшіе радовались и прославляли слово Господне; можетъ быть даже по выходѣ изъ синагоги они просили апостола говорить имъ о томъ же въ слѣдующую субботу, ради чего мы и видимъ Павла опять и опять въ синагогѣ (ср. Дѣян. 13, 42—48). Въ иномъ настроеніи и не такъ покойно-медленно оставить синагогу должны были другіе,

Стѣны такого священнаго зданія, какъ синагога, должны были такъ или иначе сдерживать этихъ другихъ въ границахъ должнаго приличія и уваженія къ мѣсту и проповѣднику. Проповѣдникъ, учили сами раввины, въ качествѣ дѣйствующаго лица, все равно, что священникъ въ храмѣ іерусалимскомъ, приносящій тукъ и кровь на алтарь Бо-

жій. Но самъ по себѣ и онъ и его проповѣдь могли не только не явиться, казаться незанимательными, но даже положительно возбуждать вражду въ слушателяхъ извѣстнаго образа мыслей, извѣстнаго подъема самочувствія.

Евангельскій фарисей, въ молитвѣ перечисляющій свои предъ Богомъ заслуги, ставящій себя выше всѣхъ прочихъ, представляетъ собою большинство сѣмени Авраамова того времени. Тогдашніе евреи почти не знали границъ своему самовосхваленію, всюду искали его и увѣряли себя въ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, въ своихъ правахъ на лучшее даже тогда, когда повидимому сама страшная, по сложившимся условіямъ, жизнь ихъ, какъ народа, должна была бы дать имъ не только понять, но и исповѣдать валежнее на нихъ тяжкое бремя суда Божественнаго. И однакожь они умѣли находить себѣ и утѣшеніе и утѣшителей. Одинъ очень древній раввинъ въ какой-то синагогѣ говорилъ проповѣдь на слова 3 гл. 21 ст. книги Плача Іереміи: «вотъ что отвѣчаю я сердцу моему и потому уповаю». Уже выборъ темы заставляетъ предположить собою то, что время для еврейства тогда было тяжелое. Но въ проповѣди была нарисована его слушателямъ такая утѣшительная картина: одинъ царь, говорилъ этотъ раввинъ, обвинчался съ своею невѣстой, которую очень любилъ и въ брачномъ контрактѣ съ нею сдѣлалъ ей большія обязательства. Въ одинъ день царь отправился за море и оставался тамъ необыкновенно долго. Сосѣдки посѣщали оставленную супругу царя и высказывали ей жалобныя рѣчи: твой супругъ тебя оставилъ, онъ отправился далеко и оттуда къ тебѣ не воротится. Она тосковала и очень плакала. Наконецъ отправилась въ свои комнаты, вскрыла брачный контрактъ и прочла въ немъ тѣ обязательства, которыя далъ ей супругъ. Она увидѣла въ нихъ самый вѣрный залогъ любви и она стала спокойно. Нечаянно возвращается царь изъ путешествія. Моя дочь, говоритъ онъ, обращаясь къ своей супругѣ, я удивляюсь твоей вѣрности ко мнѣ; ты столько лѣтъ терпѣла. Еслибы я, отвѣчала она, не имѣла данныхъ

мнѣ тобою многихъ обязательствъ, которыя служили для меня увѣреніями въ твоей любви, я должна была бы сносить насмѣшки отъ своихъ сосѣдокъ.—Сосѣдки оставленной царицы, это суть народы, которые говорятъ израилю жалкія слова: вашъ Богъ удалился отъ васъ и не обратится къ вамъ. Оставленный какъ будто совсѣмъ но увѣренію сосѣдокъ, израиль вздыхалъ; но онъ пошелъ въ свои синагоги, взявъ тамъ Законъ и прочиталъ обязательства: «призрю на васъ, размножу васъ, поставлю жилище мое среди васъ, и буду ходить среди васъ» (Лев. 26, 9—12),—и чувствуетъ себя покойнымъ. И когда наступитъ время избавленія, Богъ воззоветъ къ нему: дѣти мои! И удивляюсь на васъ, какъ могли вы стерпѣть такъ долго! А Ему отвѣтить: Владыко міра! Еслибы ты не далъ намъ въ Законѣ обѣтованій, мы погибли бы отъ насмѣшекъ народовъ. Таковъ смыслъ словъ: вотъ что отвѣчаю я сердцу моему и потому уповаю. И Давидъ сказалъ: еслибы не законъ твой былъ утѣшеніемъ моимъ, погибъ бы я въ бѣдствіи моемъ (Псал. 118, 92). Итакъ, надѣйтесь, вѣрьте Богу и двукратно въ день исповѣдуйте: Слушай, израиль! Вѣчный нашъ Богъ, Вѣчный—Единъ».

Такія рѣчи, полная довольно грубой лести національному высокомерію, рассчитанныя на питаніе упornaго самолюбія и исключительности, охотно выслушивались евреями и были бы выслушаны всегда. Не съ такою охотой и вниманіемъ могли выслушиваться рѣчи иного характера. Въ высшей степени характерны тѣ гомилетическія правила, которыя дали раввины для своей синагогальной проповѣди. Требовалось этими правилами, чтобы слово проповѣдника было мягко, звучало любовно и привлекало тѣмъ слушателей; кто предлагаетъ слово наученія и не просѣиваетъ его, такъ чтобы преподнести слушателямъ, какъ тонкую муку, тотъ лучше сдѣлаетъ, если не будетъ говорить. Кто говоритъ слово и оно не такъ оказывается пріятно слушателямъ, какъ молоко и медъ, тому лучше бы молчать. Кто гдѣ-либо проповѣдуетъ и его проповѣдь не увеселяетъ

такъ слушателей, какъ невѣста подъ балдахиномъ, тотъ не долженъ проповѣдывать.—И эти требованія, которымъ долженъ былъ удовлетворять учитель израильтвъ, имѣли свое основаніе, котораго никому не дозволялось обойти, въ томъ, что въ самомъ писаніи сказано: «сотовый медъ капаетъ изъ устъ твоихъ, подъ языкомъ твоимъ медъ и молоко» (Пѣснь Пѣсней 4, 11). Но еслибы еще недостаточно было и этихъ обычныхъ средствъ, чтобы поддерживать на высотѣ вниманіе слушателей къ пріятнымъ словамъ, питающимъ гордость еврейскаго народа его величіемъ, высокими достоинствами, праведностію,—у находчивыхъ раввиновъ находилось въ запасѣ не мало искусственныхъ пріемовъ, въ высшей степени возбуждавшихъ самочувствіе евреевъ, какъ народа особаго, избраннаго въ удѣлъ Божій, народа, которымъ и для котораго только и существуетъ и долженъ вѣчно существовать весь міръ. Что могъ возмнить о себѣ народъ обѣтованія, многочисленнѣйшій песка морскаго, когда онъ вдругъ слышалъ въ синагогѣ вопросъ: знаете ли вы жену, которая родила 600,000 человекъ? Всѣ пробуждаются по случаю такого неожиданнаго и страннаго вопроса, всѣ напряженно ждутъ отвѣта. А отвѣтъ получается какъ нельзя болѣе льстящій страстному желанію народа быть пескомъ морскимъ. Это—Иохаведа, говоритъ самодовольно проповѣдникъ, разливая такое же самодовольство въ душахъ своихъ слушателей: она родила нашего Моисея, а онъ болѣе великъ нежели весь израиль! О чемъ могъ возмечтать народъ, превратно и грубо-узко понимавшій уже свое владычество надъ міромъ, когда онъ неожиданно слышалъ рѣшеніе вопроса: почему Есѣвръ сдѣлалась царицей надъ 127-ю сатрапіями Персіи? Потому, что она была внучка нашей Сарры, прожившей на свѣтѣ 127 лѣтъ.

Этотъ пріемъ назывался «нанизываеніемъ перловъ», конечно не для кого другаго, какъ на шею уже гордой и безъ того дочери сіоновой. И такое-то искусство цѣнилось очень высоко. Одинъ раввинъ говорилъ: иной умѣетъ нанизывать перлы другъ къ другу, но не умѣетъ ихъ искус-

но и красиво прокалывать; другой умѣть красиво прокалывать, да не умѣть хорошо нанизать; я же умѣю и проколоть и нанизать, т.-е. и подобрать цитаты и искусно сопоставить и сплесть ихъ. Такіе проповѣдническіе приемы въ синагогахъ, по всей вѣроятности, очень ранняго происхожденія. Одинъ учитель уже перваго вѣка, слѣдов. возможный современникъ апостола Павла, восписалъ себѣ такую похвалу: я умѣлъ слова Закона искусно сопоставлять со словами Закона, съ этими сопоставлялъ ученіе пророковъ, съ ученіями пророковъ ученіе агиографовъ, и вещь вышла такою блистательною, какъ будто она произошла отъ Синая.—Конечно и она назначалась опять для украшенія большаго и безъ того прекрасной дщери Сіона.

Совершенно не такою, а какъ разъ наоборотъ была ессалоникская проповѣдь Апостола. Отдавая должное еврею, этотъ благовѣстникъ не могъ грубо льстить ему, утверждая, что внѣ всякаго спора и сомнѣнія всѣ другіе народы суть не болѣе какъ камни, изъ которыхъ Богъ не благоволитъ и не судилъ воздвигнуть чадъ Аврааму. Апостолъ не могъ поощрять такого еврейскаго эгоизма, и вмѣсто того чтобы различными картинными сравненіями и подобіями, рассчитанными на эффектъ, болѣзненно питать еврейскую самоувѣренность и утверждать евреевъ въ дерзкой мысли, что они едва ли не въ правѣ вчинать искъ къ Богу, съ надеждой кончить его въ свою пользу, за долгое невыполненіе Имъ брачныхъ обязательствъ по отношенію къ своей возлюбленной невѣстѣ—израилю,—онъ, если мы не ошибаемся относительно содержанія его проповѣди на текстъ III главы Исаи, кончаетъ слово свое совершенно не такъ, какъ кончали его синагогальные проповѣдники Моисеева закона.

Безъ своеобразныхъ раввинскихъ приемовъ апостолъ Павелъ долженъ былъ возбудить вниманіе и произвести сильное впечатлѣніе, хотя и не въ свою пользу, на многихъ и многихъ, если заключилъ свою благовѣстническую рѣчь въ ессалоникской синагогѣ словами тогоже Исаи, чтеніе

изъ книги котораго дало ему предлогъ и поводъ къ проповѣди,—каковыя слова и высказалъ онъ позднѣе въ Римѣ: «хорошо Духъ Святой сказалъ отцамъ нашимъ чрезъ пророка Исаію: поиди къ народу сему и скажи: слухомъ услышите и не уразумѣете и очами смотрѣть будете и не увидите. Ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ грудомъ слышать, и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ. Итакъ да будетъ вамъ извѣстно, что спасеніе Божіе послано язычникамъ, они и услышатъ» (Дѣян. 28, 25—28). Но еслибы апостоль Павелъ въ то время, о которомъ говоримъ, еще и не отказывалъ іудеямъ въ спасеніи и не общалъ его вмѣсто нихъ язычникамъ, и въ такомъ случаѣ его послѣднія заключительныя слова проповѣди громомъ должны были грянуть надъ многими ѳессалоническими головами. Онъ не могъ не сказать здѣсь кончая свою рѣчь: «итакъ, да будетъ извѣстно вамъ, братія, что ради Его, распятаго и воскресшаго Иисуса возвѣщается вамъ прощеніе грѣховъ; и во всемъ, въ чемъ вы не могли оправдаться закономъ Моисеевымъ, оправдывается Имъ всякій вѣрующій. Берегитесь же, чтобы не пришло на васъ сказанное у пророковъ: смотрите, презрители, подивитесь и исчезните, ибо Я дѣлаю дѣло во дни ваши, дѣло, которому не повѣрили бы вы, еслибы кто рассказалъ вамъ» (13, 38—41).

Отвѣтомъ на выслушанную проповѣдь въ синагогахъ всегда бывало въ обычаѣ со стороны всего синагогальнаго общества произносить обычное слово: «аминь». Такого согласнаго общаго «аминь» разумѣется въ субботы Павлова времени не слыхала ѳессалоническая синагога въ стѣнахъ своихъ. Какъ? Прощеніе грѣховъ, оправданіе, спасеніе не Моисеевымъ закономъ, а вѣрой въ распятаго и воскресшаго Иисуса? Мыслимо ли на эти слова «соблазна» отвѣтить словомъ «аминь»? Мыслимо ли согласиться съ доводами проповѣдника? Этого не могло быть по важнымъ причинамъ. Чаяніе Мессіи въ послѣднія столѣтія предъ

Р. Хр. приняло два главныя теченія: національно-политическое и религіозно-мистическое. Представители того и другаго теченія и направленія мало-по-малу вырабатывали и выработали каждый своего мессію, не похожихъ другъ на друга нисколько. Въ то время какъ одни ожидали славнаго, но простаго смертнаго потомка Давида, имѣющаго собрать разсѣянный народъ и возстановить Іудейское царство,—другіе ожидали вышечеловѣческое, сверхъестественное существо, которое называла Сыномъ Божиимъ, премірнымъ, обитающимъ у Бога на престолѣ славы, но имѣющимъ снизойти на землю. Ему всѣ будутъ поклоняться, и Онъ надъ всѣми будетъ господствовать. Эти различныя воззрѣнія, изъ которыхъ каждое желало найти себѣ твердыя основанія въ священныя книгахъ, повело къ разности въ пониманіи и толкованіи относящихся къ Мессіи мѣстъ Писанія. Многія изъ нихъ въ пятокнижій, у пророковъ, и въ псалмахъ одни разсматривали, какъ основаніе своей вѣры въ сверхчеловѣческую сущность ожидаемаго, тогда какъ рационалисты относили ихъ не къ лицу Мессіи, а или просто ко всему израиллю въ его совокупности, или къ какимъ-либо историческимъ дѣятелямъ изъ прошлой жизни израиля. Къ числу такихъ различно понимаемыхъ мѣстъ, вызывавшихъ горячіе споры и столкновенія между еврейскими законоучителями и толковниками различныхъ направленій, принадлежало и то мѣсто изъ пророка Исаи, которое вѣроятно толковалъ въ ессалоникской синагогѣ апостоль Павелъ. О Рабѣ Іеговы, родъ котораго неизвѣстенъ, извѣзвленномъ за грѣхи наши, страданіями своими оправдывающемъ насъ, ставшемъ ходатаемъ за насъ,—объ этомъ Рабѣ одни учили, что Онъ выше Авраама и даже Моисея, превышаетъ ангеловъ, что Онъ принесетъ съ собой новый законъ, упраздняющій обязательность Моисеева ветхаго; другіе напротивъ утверждали, что законъ Моисеевъ имѣетъ вѣчное значеніе, что израиль не нуждается въ какомъ-нибудь новомъ законѣ Мессіи. Одни вѣрили, что искупленіе израиля будетъ совершено именно Мессіей, существомъ

вышшимъ человѣка; другіе представляя время Мессіи временемъ мира и Богопознанія, однакожь отказывали лично Мессіи въ томъ, что Онъ смелно принесетъ на землю эти блага, и всего ожидали только отъ Іеговы. Страдающей Мессіи—потомокъ Давида, своими страданіями совершающей дѣло искупленія, для таковыхъ былъ немислимы. Нѣсколько позднѣйшая описываемаго времени рѣчь-притча одного изъ раввиновъ, вѣроятно только излагаетъ мнѣнія уже образовавшіяся ранѣе. Она гласитъ слѣдующее: «Въ темную ночь нѣкто пытался возжечь свѣтильникъ; онъ погасъ; попытался еще разъ—погасъ опять. Онъ усталъ надѣяться на этотъ потухающій постоянно свѣтильникъ, и рѣшился лучше ждать утра, чтобы радоваться при свѣтѣ его. Такъ было съ израильтянами. Они были притѣсняемы въ Египтѣ, ихъ избавили Моисей и Ааронъ; потомъ опять были притѣняемы въ Вавилонѣ, и были избавлены Аванією, Азарією и Мисаиломъ; затѣмъ наступило сирійско-греческое владычество, ихъ освободили Маккавеи. Теперь они тѣснимы Римомъ и говорятъ: мы устали и можемъ быть просвѣщены не человѣкомъ, а только самимъ Іеговой».

Здѣсь ясно высказывается уже почти полная потеря вѣры въ то, что Богъ спасетъ человѣка чрезъ Богочеловѣка—Мессію. И извѣстенъ укоризненный отвѣтъ одного учителя другому, который призналъ Мессію въ Бар-Кохбѣ. Отрицательно, холодно и съ насмѣшкою онъ бросилъ ему упрекъ въ вредной мечтательности: «Акиба! скорѣй трава выростетъ изъ твоихъ челюстей, утверждавшихъ мессіанское значеніе за сыномъ звѣзды, нежели явится Мессія». Это значитъ, что напрасно было ждать Мессію». Онъ—образъ прошлой исторической жизни израиля. Для будущаго же—Мессіи никакого нѣтъ.

Убѣдить людей подобнаго образа мыслей, съ такимъ густымъ покрываломъ, лежащимъ на ихъ умѣ и сердцѣ при чтеніи ветхаго завѣта, было конечно не легко; но съ другой стороны невозможно было и имъ оспорить доказательствъ апостольскихъ и отринуть вѣрность раскрытія

мысли, взятой у пророка о спасеніи вѣрой въ Распятаго. Этими самыми доказательствами убѣждаются же другіе евреи отъ евреевъ, только болѣе благомысленные, принимающіе слово со всѣмъ усердіемъ, ежедневно разбирая писанія, точно ли это такъ?—и покрывало снимается. Но возможно ли усердіе къ слову о Мессіи у тѣхъ, которые почти уже потеряли всякую вѣру въ Мессію, которые отрицаютъ почти Его личное бытіе и значеніе какъ для міра еврейскаго, такъ и для міра языческаго? И вотъ у нихъ отнимается новымъ проповѣдникомъ всякая надежда на спасеніе въ будущемъ, при тягостномъ настоящемъ. Спасеніе, говоритъ онъ, уже дано и дано Мессіей, пострадавшимъ и воскресшимъ; остается только получить его, войти въ царство Мессіи,—но вѣрою въ Него.

Основы самыхъ лучшихъ надеждъ поколеблены; но не сломлена гордая самоувѣренность. И осталось только грубо заговорить чувству самосохраненія.

Возревновавъ о своихъ такъ открыто отвергнутыхъ апостоломъ правахъ на лучшее будущее безъ вѣры въ Того, Кто Свѣтъ міру, о своихъ надеждахъ на какой-то свѣточъ въ темной ночи, который возжетъ когда-то неугасаемымъ для усталыхъ самъ Иегова,—не увѣровавшіе рѣшились положить конецъ успѣхамъ апостольской проповѣди. Взявъ съ площади нѣкоторыхъ негодныхъ людей, они собрались толпой и возмущали городъ, крича, что эти всесвѣтныя возмутители—Павель и Сила пришли и сюда въ Фессалонику; и всѣ они поступаютъ противъ повелѣній Кесаря, почитая другаго царемъ, Іисуса (Дѣян. 17, 5—7).

Уже по самому обвиненію, которое возводили на апостоловъ въ данномъ случаѣ, можно кажется отчасти догадываться, изъ какой партіи іудейской оно происходило. По всей вѣроятности обвиненіе шло отъ мыслящихъ посадукейски, слѣпо слѣдовавшихъ возврѣнію тѣхъ, кои въ Іерусалимѣ стояли у кормила правленія народомъ, насколько оно еще было возможно при гнетѣ римскомъ (Дѣян. 5, 17), старались возможными мѣрами сбечь свою власть,

подавляли въ народѣ вѣру въ Мессію, ибо она могла вызвать у ложно понимавшихъ мессіанство возстаніе противъ Рима; а оно могло быть громомъ для еврейской, хотя и призрачной, автономіи и слѣдовательно для ихъ власти (Дѣян. 5, 28. Іоан. 11, 48). Поэтому, какъ въ Іерусалимѣ на вопросъ Пилата такъ мыслившіе евреи отвѣчали: нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря (Іоан. 19. 15), такъ въ Фессалоникахъ они же кричатъ съ толпой негодныхъ людей, что всесвѣтные возмутители поступаютъ противъ кесаря, почитая другаго царемъ—Іисуса. Имъ желалось проповѣдниковъ распятаго Мессіи, учившаго о царствѣ не отъ міра сего, выставить бунтовщиками, людьми опасными для римской власти. При очень распространенной вѣрѣ въ близость открытія мессіанскаго црства, хотя и ложно понятая, когда различныя партіи іудейства выслали изъ своихъ рядовъ многихъ лже-мессій, только саддукейство не выслало ни одного лже-мессіи, не вѣря въ Мессію и оберегая свою власть отъ попраиія ея и отнятія римлянами, еслибы явился лже-мессія и произошло въ народѣ возстаніе.

Однакожь попытка не достигла цѣли, какой желалось. Правда, они встревожили народъ и городскихъ начальниковъ, услышавшихъ о появленіи всесвѣтныхъ возмутителей съ проповѣдью о другомъ царѣ въ фессалоникской синагогѣ, объ укрывателяхъ этихъ возмутителей. Начались опросы и изслѣдованія, и что же открыли они?

Люди, стоявшіе довѣрія въ глазахъ городскихъ начальниковъ, дали удостовѣреніе, что въ ученіи апостоловъ не было какихъ-либо нечистыхъ побужденій и лукавства, что въ ихъ проповѣди не было ни словъ ласкательства, ни видовъ корысти, что они были тихи, поступали во всемъ благоговѣнно, праведно и безукоризненно (1 Сол. 2, 3. 5. 7. 10) и всѣхъ умоляли стараться о томъ, чтобы жить тихо, дѣлать свое дѣло, поступать благоприлично (4, 11—12), вразумлять безчинныхъ, искать добра и другъ другу и

всѣмъ, удерживаться вообще отъ всякаго зла (5, 14. 15. 22); а о нихъ толпа негодныхъ людей кричала, что это все-свѣтныя возмутители, что они поступаютъ противъ кесаря, почитая другаго царемъ—Иисуса.

Начальники ессалоникскіе оказались болѣе благоразумными, нежели іерусалимскій Пилать. Они отпустили обвиняемыхъ въ возмущеніи народа противъ римской власти, хотя разумѣется и узнали, что Павелъ и Сила въ самомъ дѣлѣ проповѣдуютъ и почитаютъ царемъ иного—Иисуса и слѣдовательно вводятъ въ жизнь иные и законы для нея—Иисусовы, а не кесаревы. Только это не возмущеніе противъ кесаря.

Современныхъ благовѣстниковъ конечно нынѣ не бьютъ палками, не побиваютъ камнями, не бросаютъ въ темницы и пр., и пр., что все было съ апостоломъ Павломъ, изъ продолжительной благовѣстнической дѣятельности котораго нами здѣсь разсказанъ одинъ случай. Но думается, что и современный проповѣдникъ, остановившись вниманіемъ на этомъ случаѣ и припоминая невидные, незамѣтные, небьющіе чѣмъ-либо особеннымъ въ глаза случаи изъ своей проповѣднической практики, мало-по-малу долженъ будетъ склониться къ мысли, что и въ его благовѣствованіи есть доля своего рода горя благовѣствованія. Онъ, для котораго благовѣствовать составляетъ необходимую обязанность, выполняя эту обязанность не чаще ли встрѣчаетъ, не говоримъ—преимущественное вниманіе къ себѣ и почитаніе съ любовью за дѣло его, а именно холодное равнодушіе, невниманіе, высокомерное отношеніе, и иногда худо скрываемое презрѣніе къ себѣ со стороны тѣхъ, кому приноситъ благовѣствованіе? Слышитъ ли онъ отъ нихъ горячее и дружное «аминь» на свои рѣчи, въ которыхъ раскрываетъ и доказываетъ вѣчную Павлову тему о распятомъ и воскресшемъ Христѣ и Его ученіи?

Нѣтъ; и въ храмѣ христіанскомъ нерѣдко повторяется почти тоже самое, что было въ ѳессалоникской синагогѣ во времена Апостола. Вступая на путь проповѣдническій, законно посланные благовѣстники справедливо разсуждаютъ быть прежде всего ничего не знающими среди тѣхъ, кому они посланы проповѣдывать, кромѣ Іисуса Христа, и притомъ распятаго. Ихъ слово и проповѣдь не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости. Они избѣгаютъ премудрости слова (1 Кор. 1, 17; 2, 1—5). И эту простую проповѣдь, эту безыскусственную рѣчь современные, мнящіеся быть мудрыми, книжники и совопросники находятъ слишкомъ незначительною (2 Кор. 10, 10), чтобы ее выслушать съ усердіемъ и вниманіемъ. Для нихъ такіе проповѣдники — невѣжды въ словѣ (2 Кор. 11, 6). Этого мало, уклонясь отъ простоты во Христѣ, они поврежденными умами готовы требовать, чтобы имъ проповѣдовали *другаго* Іисуса (11, 3—4). А этого *другаго*, не превращая писаній (2 Петр. 3, 6), не прибѣгая къ хитрости и не искажая слова Божія (2 Кор. 4, 2), нельзя проповѣдовать. И плоды проповѣди незначительны. Явись же, какъ въ древней еврейской синагогѣ, человѣкъ, ласкательствомъ и краснорѣчіемъ обращающій сердца простодушныхъ (Рим. 16, 18), на самомъ же дѣлѣ служащій не Господу нашему Іисусу Христу, а *своему* чреву, съ проповѣдью о *другомъ* Іисусѣ, вѣщающій отъ человѣческой мудрости изученными словами (1 Кор. 2, 13),—и слѣдствія иныя. Вкругъ него готова образоваться толпа... Вѣдь проповѣдь о *другомъ* Іисусѣ настраиваетъ насъ совершенно иначе: *другое* отъ насъ и требуется, нежели чѣмъ прежде требовалось при проповѣди объ Іисусѣ распятомъ.

Послѣ этого, какъ бы много наша жизнь ни представляла для изощреннаго взгляда благовѣстителя сторонъ, требующихъ цѣленія, — а это его прямое дѣло, — мы уже приготовлены сказать: кого хочеть онъ — проповѣдникъ учить вѣдѣнію? и кого вразумлять проповѣдью? Отпятахъ отъ

груднаго молока, отлученныхъ отъ сосцевъ матери? Все—заповѣдь къ заповѣди, заповѣдь къ заповѣди; правило на правило, правило на правило, тутъ не много и тамъ не много (Исаи 28, 8—10). Къ чему еще намъ какія-то правила при проповѣди объ Иисусѣ? И вотъ проповѣдникъ, «не себя проповѣдующій», не только не привлекаетъ общаго вниманія, но еще возбуждаетъ подозрѣніе: не въ видахъ ли какой-либо корысти, не изъ нечистыхъ ли какихъ-либо побужденій онъ проповѣдуетъ? За его проповѣдью не скрывается ли тайное желаніе подчинить массу подъ иго *иной* власти, нежели та власть, которую обычаемъ принято считать законною въ данную минуту, власть бога вѣка сего (2 Кор. 4, 4)? Не стремится ли онъ своею проповѣдью освободить народъ отъ властей вѣка сего преходящихъ (1 Кор. 2, 6),—отъ мнѣющихся быть руководителями общественнаго мнѣнія? А если такъ, то онъ возмутитель общества, мѣшающій ему спокойно плыть по теченію, которое указываетъ власть вѣка. Онъ, выражаясь языкомъ риторика Тертулла, язва общества, задерживающая его правильный и здоровый ростъ.

И краснорѣчивые риторы Тертуллы, и власти вѣка сего, и толпа площадныхъ негодныхъ людей всякими невѣроятными обвиненіями готовы винить проповѣдниковъ Христа распятаго. Но будетъ ли получено откуда-либо удостовѣреніе о ихъ виновности, или не будетъ, они должны помнить Христово: идите, Я посылаю васъ! И подъ гнетомъ вѣковыхъ лживыхъ обвиненій, холодности, невниманія, худо скрываемаго презрѣнія, идутъ и, какъ Павелъ въ Фессалоникахъ, по своему долгу и обыкновенію говорятъ изъ писаній, открывая и доказывая, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть изъ мертвыхъ, и что сей Христосъ есть Иисусъ. Проповѣдуютъ не по три субботы, не по три года (Дѣян. 20, 31), а десятки годовъ.

Что даетъ имъ такую силу?

Конечно послушаніе Христову: идите!—и примѣръ апостола Павла, заповѣдавашаго въ лицѣ Тимоѳея всѣмъ доб-

рымъ воинамъ Иисуса Христа: *помни* Господа Иисуса Христа, отъ сѣмени Давидова, воскреснаго изъ мертвыхъ, *по благовѣствованію моему*, за которое я страдаю даже до узъ какъ злодѣй; но для слова Божія пѣть узъ (2 Тимоѳ. 2, 8—9).

Такимъ горемъ благовѣствованія можно смѣть хвалиться проповѣднику, если кто другой смѣетъ хвалиться чѣмъ-либо.

*

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ СЪ ЛЮДЬМИ ВѢРУЮЩИМИ И НЕВѢРУЮЩИМИ а).

Славно въ мірѣ христіанскомъ имя страстотерпца Христова, великомученика и цѣлителя Пантелеимона: славятъ его на востокѣ и на западѣ, какъ милостиваго врача немощей и болѣзней человѣческихъ, и великаго чудотворца, присно готоваго помогать людямъ, молитвенно къ нему прибѣгающимъ. Слава его и въ отечествѣ нашемъ стала въ наши дни особенно распространяться, чему не мало способствовала ревность о его прославленіи посвященной его имени свято-Аѳонской русской обители. Свято-Аѳонская русская обитель св. Пантелеимона не мало уже обнародовала свѣдѣній о чудесахъ его, совершившихся въ недавнее время, но еще больше такихъ чудесъ таится въ вѣрующихъ душахъ и сердцахъ тѣхъ лицъ, которыя испытали на себѣ благодатную помощь великомученика, но по смиренію своему, или другимъ причинамъ, не рѣшаются ихъ обнародовать. Въ недавнее время случилось и мнѣ выслушать о замѣчательномъ случаѣ скорой помощи великомученика Пантелеимона, отъ лицъ на себѣ ее испытавшихъ и преисполненныхъ къ нему великой благодарности и благоговѣнія. Такой случай, какъ вполне достовѣрный, позволяю себѣ обнародовать во славу чудодѣйствующаго страстотерпца Христова Пантелеимона, нѣкогда и мнѣ явившаго въ недугѣ свою помощь.—Въ Хорошевскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, Харьковской губерніи и уѣзда, про-

а) Разказы о нѣкоторыхъ другихъ замѣчательныхъ случаяхъ см. въ декабр. кв. Душ. Чт. 1884 г.

живають двѣ почтенныя маптіѣныя монахини Рахиль и Геронтія, мать и дочь, вмѣстѣ подвизаясь въ подвигахъ иноческихъ. Рахиль—старица уже глубокая, часто болѣзнующая и слабая тѣломъ, достигла предѣла возраста человеческого; тѣмъ не менѣе бодро несетъ еще подвиги иноческіе, и горячо любимая дочерью своею Геронтіей, пользуется отъ нея самымъ тщательнымъ и нѣжнымъ уходомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Рахиль тяжело заболѣла; болѣзнь ея была хроническая, не поддавалась домашнему леченію, почему дочь ея Геронтія рѣшилась повезти ее въ Харьковъ къ лучшимъ тамошнимъ медикамъ. Тѣ признали у больной каменную болѣзнь и сказали, что единственное средство отъ нея избавиться—сдѣлать операцію выемки камня. Въ виду преклонности лѣтъ старицы дочь ея на это не рѣшилась, возвратилась съ нею въ обитель и начала усердно молиться святому великомученику и цѣлителю Пантелеимону объ исцѣленіи дорогой ей болящей. Въ обители ихъ чествуется икона св. Пантелеимона, присланная въ благословеніе изъ свято-Аѳонскаго русскаго Пантелеимонова монастыря, ознаменованная затѣмъ нѣкоторыми отъ нея исцѣленіями, почему и признается тамъ за чудотворную. Вотъ предъ нею-то очень часто молилась Геронтія объ исцѣленіи своей болящей матери, а также и предъ келейною своею иконою великомученика, каковую почти въ каждой келліи хорошевскихъ инокинь можно встрѣтить. Между тѣмъ положеніе болящей все ухудшалось, страданія ея стали очень сильны, и стоны ея больно уязвляли любящее сердце дочери. Великое было испытаніе для вѣры сей послѣдней. Но она только усугубляла молитвы свои къ страстотерпцу Пантелеимону, и ими старалась заглушить въ себѣ чувство безнадежія въ положеніи матери. Въ одинъ день страданія больной такъ усилились, что она видимо отъ нихъ изнемогала и близилась къ смерти. Дочь ея, замѣтя это, выбѣжала изъ ея келліи въ свою келлію, и упавъ на колѣна предъ иконою св. Пантелеимона, съ горестью воскликнула: «Угодникъ Божій! ты

знаешь, какъ люблю я свою мать; я не смогу жить безъ нея, оставшись сиротой; помоги ей, исцѣли ее; если же суждено ей умереть, то возьми съ нею и меня». Не успѣла она кончить эту молитву, какъ слышитъ зовъ своей матери, спѣшитъ къ ней и находитъ ее бодро сѣдущею на своемъ одрѣ. Она показала ей порядочнаго размѣра камень и рассказала, что онъ въ отсутствіи ея самъ собою у ней выпалъ, и что теперь она не чувствуетъ уже прежнихъ невыносимыхъ страданій, чувствуетъ себя вполне здоровою. Старушка стала поправляться, могла уже опять бывать и въ церкви; дочь же ея Геронтія всецѣло приписала сея исцѣленіе, столь необычайное, небесной помощи св. Пантелеимона, и горячо его благодарила усердными молитвами. Въ послѣдствіи она нарочно показывала камень этотъ медикамъ, осматривавшимъ прежде ея мать, и они удивлялись и не хотѣли вѣрить, чтобы столь значительнаго размѣра камень могъ самъ собой выдѣлиться у больной; но фактъ былъ на лицо, и невольно приходилось ему повѣрить даже и медикамъ.

Кто изъ вѣрующихъ не убожаетъ великаго чудотворца святителя Николая, чудотворенія котораго, по слову св. Димитрія Ростовскаго, «нѣсть мощно изчести, ниже удобно вся подробну предати»? Народъ русскій издревле особенно чтить сего угодника Божія, и усердно притекаетъ къ нему въ своихъ молитвахъ. Много чудотворныхъ иконъ святителя разсѣяно по лицу земли Русской; много обителей иноческихъ и храмовъ Божіихъ посвящено его досто­славному имени. Въ харьковской епархіи тоже имѣется нѣсколько мѣстно-чтимыхъ чудотворныхъ иконъ святителя Николая, изъ которыхъ особенно славна многими чудотвореніями древняя икона его въ Святогорской Успенской общежительной пустыни. На поклоненіе ей изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ идутъ и ѣдутъ благочестивые поклонники, и угодникъ Божій многихъ изъ таковыхъ дивно въз­киваетъ своими милостями. Въ недавнее время, именно въ

1882 году, особенно стало извѣстнымъ одно необыкновенное событіе, имѣвшее мѣсто въ Святогорской пустыни, при чудотворной иконѣ святителя Николая. Событіе это въ свое время было обнаружено въ Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (№ 8, 1882 г.), какъ вполне достоверное. Приводимъ и мы свѣдѣнія о немъ здѣсь, чтобы обновить память о немъ и болѣе распространить извѣстность его, какъ явнаго чуда, превосходящаго понятіе человеческое. 19 февраля 1882 года прибыла въ Святогорскую пустынь на богомолье ростовская мѣщанка Ольга Ивановна Омельянова, съ двумя дочерьми своими дѣвцами, Ириною Степановною и Нагалією Степановною Бубликовыми. Изъ нихъ дѣвица Ирина была одержима непонятною для многихъ болѣзнию, которая случилась съ нею во время помолвки ея въ курскимъ жителемъ Климовымъ: она внезапно столь сильно заболѣла, что близилась къ смерти, была напутствована св. тайнами, но давъ обѣтъ поклониться чудотворной святогорской иконѣ святителя Николая, почувствовала себя лучше и наконецъ совершенно выздоровѣла. Только сильная головная боль, почти ее не покидавшая, осталась въ ней слѣдомъ бывшей съ нею болѣзни. Для исполненія обѣта своего, она вмѣстѣ съ матерью и сестрой, прибыла въ Святогорскую пустынь и во время вечера въ зимней Покровской церкви пустыни, усердно молилась предъ чудотворною святогорскою иконою святителя Николая, въ церкви этой стоящей въ особомъ кіотѣ у праваго клироса. Молясь угоднику Божію, дѣвица Ирина желала хотя чѣмъ-либо выразить свое къ нему усердіе и признательность, при чемъ въ сердцѣ своемъ положила, имѣющійся у ней на шеѣ золотой крестъ пожертвовать на чудотворную икону святителя; но такъ какъ серебряная цѣпочка у креста сего была ветхая, то она рѣшила, прежде купить на него новую цѣпочку и тогда уже возложить его съ ней на икону святителя. Пришедши отъ вечера въ свою квартиру въ гостилицѣ монастырской, Ирина уснула и видѣла во снѣ, что какой-то благо-

образный старичокъ руками своими осязаль и сжималь ей голову. Когда она проснулась, то почувствовала, что прежняя головная боль у ней миновала, что вполне она здорова. На ранней обѣднѣ слѣдующаго дня всѣ онѣ, мать и двѣ дочери, приобщились св. таинъ, а къ поздней обѣднѣ пошли въ Покровскую церковь. Подойдя къ чудотворной иконѣ святителя Николая, дѣвица Ирина, къ крайнему своему изумленію и ужасу, увидѣла на вѣнцѣ иконы висѣвшій собственный свой золотой крестикъ съ прежею его ветхою цѣпочкой. Не вѣря своимъ глазамъ, она оцупала у себя на шеѣ то мѣсто, гдѣ былъ надѣтъ у ней этотъ крестъ, и не нашла его тамъ. Какъ попалъ онъ на икону святителя, стоявшую въ кіотѣ за стекломъ, не могла она постигнуть, и съ чувствомъ страха и радости повергнулась предъ святою иконою долу, и стала усердно молиться и благодарить святителя, что самъ благоволилъ принять отъ ней убогій ея даръ и чудно возложилъ его на свою св. икону. Вся въ слезахъ, едва могла она тутъ же въ церкви повѣдать матерн своей и сестрѣ о случившемся дивномъ событіи. Спутницы ея раздѣляли ея удивленіе и радость, и поспѣшили къ духовнику своему, іеромонаху Пармену, которому и рассказали все случившееся. Духовникъ, въ виду важности случившагося, привелъ дѣвицу Ирину къ присягѣ предъ св. крестомъ, и она со слезами подтвердила все повѣданное ею, облобызавъ св. крестъ, такъ что въ истинѣ ея словъ не было уже никакого повода сомнѣваться, ни духовнику, ни настоятелю и братіи Святогорской обители. Крестикъ дѣвицы Ирины съ тѣхъ поръ всегда виситъ при чудотворной иконѣ святителя Николая, а дѣвица Ирина, сильно потрясенная этимъ событіемъ, рѣшилась не вступать въ бракъ, а посвятить жизнь свою подвигамъ иноческимъ.

Въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія, проживаль въ Святогорской пустыни дворянинъ Макаровъ, проходя послѣднія послушанія въ обители, подъ началомъ опытнаго старца. Однажды у Макарова сильно заболѣли зубы, столь

сильно, что отъ боли не находилъ онъ мѣста, метался изъ угла въ уголъ въ своей келліи и нѣсколько дней и ночей не могъ ни ѣсть, ни спать. Приходя въ отчаяніе отъ сильной боли, просилъ онъ инока-пономаря обители, принести ему нѣсколько масла изъ лампы, горѣвшей неугасимо предъ святогорскою чудотворною иконой святителя Николая. Масло это было ему принесено, и благоговѣнно поставлено имъ на столикѣ у св. иконъ въ его келліи. Онъ не зналъ какъ употребить его съ пользой для болящихъ своихъ зубовъ, и все медлилъ къ нему прикоснуться. Келлія его не отличалась чистотою воздуха и никакихъ благовонныхъ куреній въ ней онъ не употреблялъ. Подъ вечеръ приступъ зубной боли такъ былъ у него силенъ, что онъ громко на всю келлію стоналъ. Вдругъ ощущаетъ сладостное благоуханіе, густою струей разлившееся въ его келліи, наполнившее его ноздри, какъбы коснувшееся его больныхъ зубовъ, и зубная боль мгновенно затихла. Въ себя отъ удивленія сталъ онъ искать причины, откуда шло это неизъяснимое благоуханіе, и нашемъ источникомъ его стаканъ съ масломъ отъ лампы чудотворной иконы святителя. Масло это приняло видъ и запахъ благоуханнаго мѹра, благоухало сладостно на всю келлію, и такъ продолжалось всю ночь. На утро, ощутивъ себя вполне выздоровѣвшимъ отъ зубной боли, нашелъ онъ въ стаканѣ опять простое, ничѣмъ не благоухавшее деревянное масло, и удивленный бывшимъ благовоніемъ его, поспѣшилъ спросить инока-пономаря, не подмѣшалъ ли онъ въ масло ему данное какихъ-либо духовъ? Но тотъ клятвенно завѣрялъ его, что ничего подобнаго не дѣлалъ, а прямо изъ лампы святителя налилъ ему нагорѣвшаго уже масла. Тогда, по совѣту старца своего, пересталъ онъ доискиваться причины этого непонятнаго ему благоуханія, приписалъ его дѣйствию великаго чудотворца Николая, который, «міру всему источая многоцѣнное милости мѹро», соблагОВОЛИЛъ и его милостиво облагодухать въ исцѣленіе мучительнаго недуга, чрезъ елей своей лампы. Нынѣ уже старцемъ по-

жилымъ, благодарно воспоминаеть онъ это событіе своей молодости, и приписываетъ его всеильной благодати отъ лика святителя Николая, на святогорской чудотворной его иконѣ.

Въ дополненіе къ повѣствованіямъ нашимъ о достопримѣчательныхъ случаяхъ съ людьми вѣрующими, скажемъ и о двухъ событіяхъ съ людьми невѣрующими, отвергавшими все святое и жившими жизнью полныхъ атеистовъ. Эти событія имѣли разительное и благотворное на нихъ вліяніе, совершенно излечили ихъ отъ страшнаго нравственнаго недуга невѣрія, и сдѣлали изъ нихъ добрыхъ вѣрующихъ христіанъ. Поэтому вполне стоятъ вниманія эти событія какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ: первыхъ утверждать въ вѣрѣ свято-отеческой, а вторыхъ можетъ быть и образумять. Въ сороковыхъ годахъ вѣка нашего, во время настоятельства въ Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархіи игумена Филарета, старца строго подвижнической жизни, духовно обновившаго эту пустынь и насадившаго въ ней высокое подвижничество, проживавъ въ ней отставной гвардейскій полковникъ Милоновъ. Жилъ онъ просто послушникомъ, иночества не принималъ; былъ, говорятъ, тайно постриженъ, явно же пребывалъ въ прежнему своемъ званіи и отличался строго-подвижническою жизнью. Былъ постникъ и молитвенникъ, какихъ мало ^{б)}. По собственному его признанію, въ молодости былъ онъ вполне невѣрующимъ человѣкомъ и служилъ въ гвардіи въ Петербургѣ, отличался въ кругу товарищей разнузданностью нравовъ: все святое было ему ни по чемъ: онъ кощунствовалъ надъ святыней, смѣялся надъ всякимъ выраженіемъ благочестія хри-

б) Милонова лично зналъ настоятель Святогорской пустыни архимандритъ Германъ, полагавшій начало иноческой жизни своей въ Глинской пустыни при игуменѣ Филаретѣ. Онъ пользовался довѣріемъ Милонова, и всю исторію жизни его лично отъ него слышалъ. Со словъ о. Германа сообщаются и здѣсь о немъ вѣрныя свѣдѣнія.

стіанскаго, отрицаль самую вѣру въ Бога и вѣчную будущность человѣка. По обычаю молодежи того времени, любилъ кутежи и развратъ, и напрасно старалась вразумить его старушка мать остепениться и сдѣлаться христіаниномъ не по одному только имени. Не слушалъ онъ мать, а та молилась за него усердно, ибо была женщина глубоко вѣрующая и благочестивая. И вотъ молитва ея вѣрно дошла къ Богу: дивный промыслъ Божій коснулся закоснѣлаго сердца удалаго полковника Милонова, коснулся тогда, когда онъ этого вовсе не ждалъ и нужды въ томъ не сознавалъ. Однажды послѣ попойки въ кругу товарищей, Милоновъ съ тяжелою головою вернулся къ себѣ на квартиру, прилегъ отдохнуть, но не успѣлъ еще закрыть глазъ, какъ слышитъ въ своей комнатѣ голосъ изъ-за печки: «Милоновъ, возьми пистолеть и застрѣлись!» Это его очень изумило; онъ думалъ, что кто-либо надъ нимъ шутить, осмотрѣлъ комнату и никого не нашель; поэтому рѣшилъ, что это лишь игра воображенія, послѣдствіе виновныхъ паровъ вчерашней попойки. Но голосъ опять ясно послышался въ прежнемъ мѣстѣ, и на сей разъ весьма настоятельно требовалъ отъ него, чтобы взялъ онъ пистолеть и застрѣлился. Встревоженный, кликнулъ онъ деньщика своего—солдата, и рассказалъ ему, что вотъ слышитъ другой разъ невѣдомый ему голосъ изъ-за печи, приказывающій ему взять пистолеть и застрѣлиться. Деньщикъ—вѣрующій человѣкъ—сталъ совѣтовать своему барину перекреститься и помолиться Богу, говоря, что это ему явно бѣсовское наважденіе. Милоновъ, давно не крестившійся и не молившійся, выбранилъ за такое предложеніе своего деньщика, и только посмѣялся надъ его суевѣріемъ. «Ни Бога, ни бѣса нѣтъ», отрѣзалъ онъ деньщику. и не хотѣлъ далѣе его слушать. Но деньщикъ умолялъ его, послушать его совѣта и когда послышится ему опять голосъ съ совѣтомъ застрѣлиться, осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. «Тогда увидите, баринъ, что и Богъ и бѣсъ существуютъ: голосъ сейчасъ прекратится, ибо ясно бѣ-

совскаго онъ происхожденія, и хочетъ привлечь васъ къ самоубійству, чтобы на вѣки погубить вашу душу». Отпустивъ деньщика и нѣсколько успокоившись, Милоновъ опять слышалъ прежній голосъ изъ-за печи, и рѣшился перекреститься. Голосъ мгновенно замолкъ. Это произвело на него разительное впечатлѣніе: онъ сталъ задумываться, сталъ вспоминать прежнюю свою жизнь; невольный ужасъ напалъ на него, и онъ рѣшился навсегда съ нею разстаться и остальные дни жизни своей посвятить покаянію во грѣхахъ. Ни мало не медля, подалъ онъ въ отставку, снялъ блестящій гвардейскій мундиръ, надѣлъ простой овчинный тулупъ и въ немъ пѣшкомъ пошелъ въ Кіевъ, съ намѣреніемъ поступить для покаянія въ Кіево-Печерскую лавру. Начальство лаврское, увидя полковника гвардіи въ простомъ тулупѣ, затруднилось его принять въ число своей братіи и вынудило Милонова лично явиться къ кіевскому митрополиту съ просьбой объ этомъ принятіи. Митрополитъ очень удивился, увидя предъ собой полковника въ нищенской одеждѣ; но когда Милоновъ откровенно повѣдалъ ему все случившееся съ нимъ и всю свою жизнь, митрополитъ посовѣтовалъ ему не оставаться въ Кіево-Печерской лаврѣ, какъ обители шумной и городской, которая не удовлетворитъ его стремленія духовнаго, а лучше отправиться въ пустынную обитель Глинскую, къ старцу игумену Филарету, и подъ опытнымъ его руководствомъ подвизаться тамъ въ спасеніи своей души. Милоновъ такъ и сдѣлалъ, пришелъ въ Глинскую пустынь, открылся игумену Филарету, почему и зачѣмъ пришелъ; былъ принятъ имъ въ число братіи, но такъ какъ старушка мать его была еще жива и онъ отдавалъ ей свой полковничій пенсіонъ, то чтобы не потерять его и не оставитъ мать свою нуждаться, онъ и не поступалъ официально въ монашество, но жизнь проводилъ строго-монашескую. Онъ пережилъ игумена Филарета и уже при преемникѣ его, игуменѣ Евстратіѣ, блаженно почилъ о Господѣ въ тойже Глинской пустыни, оставивъ по себѣ во всѣхъ знавшихъ его

добрую память истиннаго подвижника и вѣрнаго раба Христова. Такимъ образомъ блестящій гвардейскій полковникъ переселился въ вѣчность смиреннымъ инокомъ, и пужно надѣяться, что поведеніе полковника искуплено имъ подвигами инока, по милости Бога, нехотящаго смерти грѣшника, но всѣхъ приводящаго къ покаянію.

Въ тамбовской губерніи и уѣздѣ существуетъ тихая пустынная обитель инокинъ,—Сухотинскій Знаменскій женскій монастырь, основанный въ недавнее сравнительно время благочестивою помѣщицей Сухотиной, отдавшей на устройство его все свое имѣніе. Небогатая обитель эта содержитъ строгій чинъ и порядокъ общежительныхъ женскихъ монастырей, введенный въ нее первую ея настоятельницей игуменьей Дороеей, прежде подвизавшейся въ Нижегородскомъ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ, извѣстномъ своимъ общежительнымъ благоустройствомъ. При тихихъ водахъ небольшой рѣки Сухотинки, на живописномъ берегу ея, среди богатой растительности, окруженная усадьбами помѣщичьими, возникла при церкви Знаменія Богоматери эта смиренная обитель дѣвъ, привлекая къ себѣ пустыннолюбивыхъ подвижницъ стройнымъ чиномъ богослуженія и пѣнія въ ея храмахъ и доброю жизнью въ ней инокинъ, которыя подъ опытнымъ водительствомъ настоятельницы своей, достопочтенной игуменьи Агніи, подвизаются тамъ во спасеніе душевное. Не лишена обитель эта и благодатной святыни: ей прислана была при игуменіи Дороеѣ со св. горы Аѳонской въ благословеніе икона Богоматери Троеручицы, которая въ послѣдствіи ознаменовалась многими чудесными отъ нея исцѣленіями, почему и почитается во всей окрестности за чудотворную, привлекая къ себѣ не малое число благочестивыхъ поклонниковъ. Снискивая себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, сухотинскія инокини «въ терѣпніи мнозѣ» проводятъ жизнь свою подъ кровомъ Богоматери. Небольшой участокъ земли, пожертвованный монастырю его основательницей Сухотиной, доставляетъ ему возможность

имѣть небольшое сельское хозяйство, удовлетворяющее потребамъ инокинъ въ хлѣбѣ насущномъ. Не оставляютъ обитель эту помощію своею и добрые вѣрующіе люди. Въ 1882 году одно событіе нѣсколько улучшило ихъ бытъ, событіе чудное и по существу своему и по своимъ послѣдствіямъ. Мы не уполномочены открывать имя и фамилію лица, съ которымъ событіе это случилось, но имена настоятельницы обители игуменіи Агніи, и занимающейся въ обители письмоводствомъ монахини Дорошеи, обязательно и подробно сообщившихъ мнѣ все обстоятельства этого событія, вполне ручаются за его полную достовѣрность. По соседству Сухотинскаго монастыря стоитъ помѣщичья усадьба, принадлежащая богатому помѣщику, молодому и холостому человѣку, въ ней постоянно не жившему, а только временно въ нее наѣзжавшему. Помѣщикъ этотъ былъ зараженъ духомъ невѣрія во все святое, къ несчастію столь распространеннымъ въ нашей молодежи. Въ церкви онъ не бывалъ, духовенства къ себѣ не припималъ, никогда не говѣлъ и вообще жилъ полнымъ невѣромъ. Страстно преданный охотѣ, большую часть времени своего посвящалъ онъ ей, ни мало не думая о будущемъ, благо богатое состояніе давало ему полную свободу пользоваться жизнью по своему усмотрѣнію. Пріѣхавъ однажды осенью въ усадьбу свою близъ Сухотинскаго монастыря, нѣсколько недѣль провелъ онъ почти безъ отдыха на охотѣ, при чемъ сильно простудилъ себѣ ноги. Ноги стали у него сильно болѣть; боль въ нихъ все увеличивалась, мѣшала ему свободно ходить. Онъ обратился къ медикамъ, тѣ стали его лечить, но, увы, напрасно: боль все усиливалась, ноги его опухли, покрылись гнойными язвами и приковали его къ одру. Горестно было молодому человѣку, только что начавшему еще жить, видѣть себя въ такомъ состояніи, безъ всякой надежды на его улучшеніе. Врачи все обнадеживали его, что болѣзнь его скоро пройдетъ, брали исправно съ него деньги за свои визиты, а болѣзнь не только не проходила, но съ каждымъ днемъ увеличивалась. Наконецъ одинъ изъ врачей, посѣтивъ его и увидѣвъ по-

дозрительную синеву язвъ на его больныхъ ногахъ, откровенно сказалъ ему, что ноги вѣроятно придется ему прямо отрѣзать, такъ какъ имъ грозитъ гангрена. Въ этомъ положеніи больной вдругъ вспомнилъ о Богѣ, возникли въ немъ раннія впечатлѣнія юности, когда можетъ-быть любящая мать насаждала въ немъ первыя вѣрованія въ Бога, и вотъ онъ теперь рѣшился послать въ Сухотинскій монастырь, куда онъ до того никогда не заглядывалъ, съ просьбой къ игуменіи, чтобы принесли къ нему въ домъ чудотворную икону Богоматери Тросеручицы и отслужили предъ нею водосвятный молебенъ съ акаѳистомъ Богоматери. Удивилась мать игуменья просьбѣ своего сосѣда, знасмаго ею дотолѣ, какъ полнаго невѣра, и посѣшшла исполнить его просьбу. Св. икона Богоматери, въ соупствіи монастырскихъ священника, діакона и клиросныхъ сестеръ, была принесена въ домъ больного помѣщика; при одрѣ его отслуженъ водосвятный молебенъ съ акаѳистомъ Богоматери, послѣ котораго св. водой окроплены были больныя его ноги, и св. вода оставлена ему, съ совѣтомъ, ею примачивать свои больныя ноги, въ упованіи на помощь и милость Богоматери. Больной во все время молебна усердно молился, съ вѣрой прикладывался къ св. Богоматерней иконѣ, съ неменьшею вѣрой принялъ окропленіе св. водой, и самую св. воду, какъ святыню, велѣлъ поставить у изголовья своего одра. Щедро отблагодарилъ священнослужителей и монахинь за отслуженный молебенъ и отпустилъ ихъ отъ себя очень ласково. Въ слѣдъ за молебномъ и окропленіемъ св. водой его больныхъ ногъ, почувствовалъ онъ замѣтное облегченіе болей въ нихъ; язвы потеряли прежнюю синеву, жаръ въ нихъ охладился, ломъ въ ногахъ прекратился, и такимъ образомъ, примачивая ноги свои св. водой, больной этотъ въ нѣсколько дней достигъ замѣтнаго улучшенія въ своемъ положеніи. Онъ могъ уже встать съ одра и потихоньку прохаживаться по комнатѣ: врачъ, предлагавшій ему отнятіе ногъ, опять его посѣтилъ и не хотѣлъ вѣрить происшедшей въ немъ

перемѣнѣ, но все-таки призналъ, что ноги еге близки къ совершенному выздоровленію, что дѣйствительно и совершилось. Помѣщикъ выздоровѣлъ, могъ бодро ходить, и прежде всего посѣтилъ храмъ Божій Сухотинскаго монастыря. Затѣмъ говѣлъ въ немъ, исповѣдывался и причащался св. таинъ, и въ знакъ признательности своей къ Богоматери, столь видимо его исцѣлившей, подарилъ обители Сухотинской свою усадьбу, съ прилежащею къ ней въ количествѣ 40 десятинъ сѣнокосною, луговою и огородною землею, каковой даръ подтвердилъ затѣмъ законнымъ актомъ, самъ же уѣхалъ на житье въ другое свое имѣніе, вполне исцѣленный по тѣлу и душѣ. Обители Сухотинской даръ его былъ очень благопотребенъ и полезенъ: нуждаясь въ сѣнокосахъ и огородахъ, стѣсненная въ помѣщеніи своихъ сестеръ, она все это приобрѣла въ подаренной усадьбѣ; въ ея зданіяхъ размѣстились инокини, пеимѣвшія прежде келій въ монастырѣ; на земляхъ же ся собиралось довольно количество сѣна и огородныхъ овощей, нужныхъ для прокормленія скота и для трапезныхъ потребъ обители. Такимъ образомъ оставалось се-страмъ обители лишь славить и благодарить Пречистую Владычицу Богородицу, милостиво призрѣвшую на несчастнаго страдальца, больнаго тѣломъ и душой, и его по душѣ и тѣлу исцѣлившую пришествіемъ къ нему честнаго и чудотворнаго Ея образа, что принесло для обители Ея столь благія и полезныя послѣдствія. И славятъ за это сухотинскія инокини Заступницу и Промыслительницу свою Пресвятую Матерь Божию, славятъ немолчно, отправляя ежедневно по субботамъ торжественный предъ чудотворною иконой Ея акаѳистъ. Прославимъ и мы Заступницу рода христіанскаго, милующую и ущедряющую не только вѣрныхъ, но и невѣрующихъ, и этимъ славословіемъ закончимъ свое смиренное повѣствованіе о замѣчательныхъ событіяхъ и случаяхъ, въ которыхъ вѣрующимъ ясно видятся дивныя пути Промысла Божія, все строящаго на истинную душевную пользу человѣковъ.

НОВАЯ ТВАРЬ.

Поученіе въ день новаго года.

Во Христѣ Иисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но нова тварь
(Гал. 6, 15).

Съ празднованіемъ новолѣтіи соединяется празднованіе обрѣзанія Господня. Господь Иисусъ, пришедшій не разорить, а исполнить ветхозавѣтный законъ, допустилъ исполнить надъ собой въ точности и законъ обрѣзанія. Ветхозавѣтное обрѣзаніе было знакомъ вступленія въ завѣтъ или религіозный союзъ съ Господомъ, съ чѣмъ соединялось обязательство соблюдать вѣрность Господу, неизмѣнно служить Ему единому и покоряться Его заповѣдямъ. Во всей силѣ это обязательство могъ исполнить только Богочеловѣкъ и тѣмъ за всѣхъ удовлетворить требованіямъ правды Божіей. Вотъ почему Онъ и принялъ обрѣзаніе. Въ Его лицѣ оно было однимъ изъ дѣйствій искупленія, которое было цѣлюю Его вочеловѣченія.

Но исполненная Христомъ заповѣдь обрѣзанія необязательна для вѣрующихъ во Христа. Обязательность ея прекратилась со времени отмѣненія ветхозавѣтнаго обрядоваго закона во дни апостоловъ. Съ тѣхъ поръ «во Христѣ Иисусѣ ничего не значить ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь». Для вѣры во Христа не имѣетъ значенія различіе между іудеемъ обрѣзаннымъ и язычникомъ необрѣзаннымъ. Она всѣхъ уравниваетъ: «о Христѣ Иисусѣ нѣсть еллинъ или іудей». Дѣло не въ томъ, чѣмъ былъ вѣрующій во Христа до принятія крещенія, обрѣзаннымъ или необрѣзаннымъ, а въ томъ, что онъ сталъ *новая тварь*. А новою тварью дѣлается онъ чрезъ крещеніе, которое замѣнило собою обрядъ обрѣзанія. Ветхозавѣтный обрядъ обрѣзанія былъ только обра-

вомъ новозавѣтнаго таинства крещенія въ томъ смыслѣ, что какъ обрѣзаніе вводило въ завѣтъ съ Богомъ и налагало обязательство служить Ему, такъ и пріемлющій крещеніе вступаетъ въ завѣтъ съ Богомъ и обязуется служить Ему Единому, въ Трехъ Лицахъ покланяемому. Въ этихъ отношеніяхъ есть сходство между тѣмъ и другимъ религіознымъ дѣйствиємъ, но есть и существенное различіе. Обрѣзаніе не производило таинственного дѣйствія на душу,—оно было только внѣшнимъ тѣлеснымъ обрядомъ. Но крещеніе есть таинство возрожденія души. Вода, въ которой человекъ крестится, есть проводникъ возраждающей благодати Св. Духа, безъ которой никто не можетъ быть членомъ новозавѣтнаго царства—св. церкви: «аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе (Іоан. 3, 5). Потому крещеніе называется «банею пакыбытія (возрожденія) и обновленія Святымъ Духомъ» (Тит. 3, 5). Это возрожденіе и обновленіе не такъ должно понимать, чтобъ человекъ по самой своей природѣ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ до крещенія, но такъ, что въ немъ происходитъ нравственная перемѣна,—онъ очищается отъ грѣховъ и освящается. Съ нимъ дѣлается подобное тому, что происходитъ съ растеніями и животными: въ извѣстное время года деревья роняютъ съ себя поблекшіе листья и съ наступленіемъ весны одѣваются новыми, свѣжими листьями; птицы и четвероногія тоже линяютъ, съ однихъ спадаютъ перья, съ другихъ шерсть, и спустя извѣстное время животныя снова обростаютъ перьями и шерстью. Нѣчто подобное, повторяю, происходитъ съ крещаемымъ: въ водахъ крещенія онъ сбрасываетъ, какъ обветшавшую одежду, ветхаго человека, т.-е. грѣховную скверну, наслѣдованную отъ ветхаго Адама, и облекается во Христа: «елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь» (Гал. 3, 26), т.-е. тѣснѣйшимъ образомъ соединяется со Христомъ, входитъ въ такую же близость къ Нему, какъ одежда близка къ тѣлу, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что одежда есть принадлежность тѣла, отвпѣ данная и взятая, тогда какъ благодать Христова, покрывающая грѣшника въ таинствѣ

крещенія, не внѣшнимъ только образомъ соединяется съ нимъ, не ограничивается только прощеніемъ грѣховъ его, но проникаетъ въ глубину души его, возбуждаетъ въ ней духовную жизнь, даетъ душѣ силы бороться съ грѣхомъ и преуспѣвать въ святости. Возвратимся къ прежнему сравненію. Новая перья, новая шерсть, появляющіяся на птицахъ и четвероногихъ, новые листья, появляющіеся на деревьяхъ, появляются не отвнѣ, но вырастаютъ извнутри растений и животныхъ, вслѣдствіе присущей тѣмъ и другимъ растительной и животной силы. Подобно сему и благодать Христова, покрывающая крещаемого человѣка, имѣетъ необходимую связь съ тою чистотой и святостью, какая при помощи сей благодати укоренилась въ самой душѣ. Благодатію крещенія даруется душѣ не только прощеніе грѣховъ, но и внутреннее обновленіе. Облеченный чрезъ крещенія во Христа оживаетъ для жизни святой и непорочной. Въ крещаемыхъ младенцахъ это духовное состояніе не поддается наблюденію; но когда принимаетъ крещеніе взрослый, онъ чувствуетъ, и даетъ другимъ возможность догадываться, что въ немъ произошелъ правдивый переворотъ, что благодать крещенія содѣлала его непорочнымъ и чистымъ отъ грѣха. Состояніе самое вождедѣнное, такъ что еслибы вскорѣ послѣ крещенія человѣкъ померъ, онъ, какъ еще не успѣвшій оскверниться грѣхами, прямо вошелъ бы въ рай. Вотъ почему многіе изъ древнихъ христіанъ пребывали оглашенными большую часть жизни, отлагая крещеніе до смертной опасности, — старались сблизить время крещенія съ временемъ перехода въ вѣчность, чтобы отойти въ загробную жизнь съ тою чистотой и святостью, какой сподобились достигнуть въ таинствѣ крещенія. Этотъ обычай, давно прекратившійся, не можетъ быть одобренъ, какъ и обычай отлагать покаяніе до смерти, уже потому, что часъ смерти неизвѣстенъ и смерть можетъ застать всякаго врасплохъ. Съ самаго начала христіанства дѣтя христіанскихъ родителей крещаются обыкновенно вскорѣ послѣ естественнаго рожденія. Такъ и должно быть въ виду того, что сказалъ Христосъ

о дѣтяхъ: «оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ, и не обращайтесь имъ, тѣхъ бо есть царствіе Божіе» (Мар. 10, 14). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе небрежнаго воспитанія, грѣховная зараза рано проникаетъ въ душу дитяти; съ теченіемъ времени она оскверняется все болѣе грѣховными привычками, ветхій человѣкъ, погребенный въ водахъ крещенія, снова оживаетъ, новая тварь какъбы совсѣмъ исчезаетъ, жизнь христіанина слагается такъ, что не отличишь его отъ язычника. Но пока живъ человѣкъ, не все еще потеряно. Снова креститься, чтобы стать новою тварью, нельзя,—крещеніе, если однажды совершенно правильно, не повторяется. Но для оживленія въ себѣ духовной жизни есть другое средство,—покаяніе, которое есть второе крещеніе. Въ таинствѣ покаянія снимаются съ души грѣховныя скверны, она становится снова чистою. Отъ нея зависитъ уберечь себя отъ грѣховной нечистоты посредствомъ подвиговъ покаянія, усиленной борьбы съ грѣховными искушеніями и соблазнами. Пусть только она не откладываетъ этого святаго труда до неопредѣленнаго времени. Съ лѣтами грѣховныя привычки застарѣваютъ и подъ старость труднѣе бороться съ ними, чѣмъ въ раннюю пору жизни. Въ душѣ, утвердившейся въ томъ или другомъ зломъ направленіи, даже благодать Божія едва находитъ пріемлемость. Не будемъ, братія, доводить себя до такого состоянія, и если не успѣли положить начало искренняго покаянія въ мимошедшее время жизни, вступимъ на путь покаянія въ наступившее новое лѣто. Съ новымъ годомъ да обновится, яко орля, та юность и свѣжесть духовной жизни, которая дарована намъ въ крещеніи. Долготерпѣливый Господь за тѣмъ и продолжаетъ нашу жизнь, что ожидаетъ отъ насъ новыхъ усилій для борьбы съ грѣхомъ, для истиннаго покаянія. Неприносящимъ плодовъ покаянія грозитъ участь бесплодной смоковницы. Да не будетъ сего съ нами.

Прот. В. Нечаевъ.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ ВЪ БОГОЯВЛЕНІЕ.

Наставленіе прихожанамъ.

Въ день Богоявленія многіе изъ васъ, братія, пойдутъ смотрѣть на крестный ходъ, который будетъ изъ Успенскаго собора на Москву рѣку. Зачѣмъ пойдутъ? Для провозженія времени? Но священныя дѣйствія не для этого устроятся нашею церковію, чтобы дать случай какъ-нибудь поприятнѣе провести время. Для того, чтобы насладиться пріятнымъ зрѣлищемъ? Но крестный ходъ не театральное представленіе, чтобы услаждать имъ свое зрѣніе. И святая церковь для услажденія только виѣшнихъ чувствъ никогда ничего не дѣлаетъ. И все, что дѣлаетъ она, дѣлаетъ для блага души, для цѣлей высшихъ, достойныхъ христіанина. Итакъ, христіанинъ, поди въ крестный ходъ съ цѣлю доброю, христіанскою, чтобы чрезъ участіе во всенародной молитвѣ пользу душъ своей получить, чтобы изъ созерцанія всѣхъ священнодѣйствій назиданіе, урокъ себѣ извлечь, чтобы на цѣлый день пищу доставить своей душѣ, чтобы благими мыслями и святыми чувствами наполнить ее. Вотъ для чего поди ты въ крестный ходъ. Но чтобы тебѣ достигнуть желаемаго, выслушай, на что тебѣ слѣдуетъ обратить вниманіе.

Прежде всего ты услышишь звонъ колоколовъ, который будетъ предвѣстникомъ имѣющаго открыться крестнаго хода. Звонъ колокола, этотъ звукъ мертваго металла, здѣсь имѣетъ большое значеніе. Онъ выражаетъ радость церкви, торжествующей спасеніе челоувѣка, выражаетъ радость души христіанской, торжествующей побѣду надъ смертію и діаволомъ чрезъ пришествіе на землю Сына Божія, ра-

дующейся самому этому снисшествію. О, возрадуйся или постарайся возбудить въ себѣ чувство радости и ты въ это время. Представь себѣ, какъ возлюбилъ тебя Господь, возжелавшій для тебя оставить небо и сдѣлаться самымъ смиреннымъ рабомъ, для тебя и за тебя рѣшившій вытерпѣть все, что свойственно терпѣть самому злѣйшему преступнику. Представь себѣ и то, что пріобрѣлъ тебѣ Христось своимъ пришествіемъ: смерть тебѣ стала не страшна, адъ разрушенъ, входъ въ царство небесное отворенъ, клятва съ тебя снята, гнѣвъ Божій утоленъ, ты теперь чадо Богу любезное, тебя Богъ прощаетъ, тебя зоветъ къ себѣ, съ тобою хочетъ жпть вѣчно.— Впрочемъ при звукѣ колоколовъ не мѣшай тебѣ исполняться и страха. Звонъ колокола означаетъ по мысли церкви и трубу архангельскую, которая возгремитъ предъ вторымъ пришествіемъ Сына Божія на землю. Отъ звука этой трубы всѣ мертвые воскреснутъ и вмѣстѣ съ живыми предстанутъ на судъ Божій. Внимая звукамъ колоколовъ, спроси себя, такъ ли ты живешь, чтобы тебѣ на этотъ судъ предстать безъ трепета? Соткалъ ли ты для своей души одежду нетлѣнія, которая не гнѣетъ, въ которой ты безъ срама, съ совѣстію чистою можешь явиться къ Богу милосердому и правосудному? Спроси себя объ этомъ, и убойся суда Божія, устыдись, если до сихъ поръ ты еще и не начиналъ жить для Бога и для вѣчности, а живешь для суеты, для плоти, для сей только жизни. Горе тогда тебѣ!

Въ крестномъ ходу ты увидишь множество святицы, много хоругвей, иконъ чудотворныхъ, множество служителей церкви въ облаченіяхъ бѣлыхъ и за ними архіерея, идущаго съ крестомъ на головѣ. Не останься равнодушенъ и къ этому. Все это шествіе священное съ пѣніемъ пѣсней священныхъ должно отвлечь твою мысль отъ всего земнаго и суетнаго и наполнить твою душу помышленіями только о святомъ и богоугодномъ, и вмѣстѣ возбудить въ тебѣ смиренное сознание, какъ ты далекъ отъ святости, какъ много въ душѣ твоей нечистаго и богопротивнаго,—

особенно какъ не свято проводишь ты даже величайшіе праздники. Вотъ прошли святки, дни святые; по святѣс ли ты сталъ въ это время въ сравненіи съ прежнимъ? Святое время помогло ли тебѣ въ достиженіи святости? Не напротивъ ли? Не въ грѣхи ли ты погружался больше прежняго, не грѣха ли искалъ, не за нимъ ли гонялся въ эти дни больше, чѣмъ въ дни обыкновенныя? Страшно представить, что христіане дѣлаютъ въ дни празднованія сошествія на землю Сына Божія. Всякаго рода невоздержаніе, всякаго рода неблагоповеденіе, гаданія, переряживанія, пляски, игры, зрѣлища,—вотъ чѣмъ тѣшатъ себя въ эти святые дни христіане, къ которымъ пришелъ Господь, пришелъ звать на небо, къ жизни святой, чистотѣ и всякой добродѣтели. Христіанинъ! подумай объ этомъ и возскорби. Скорбѣть о грѣхахъ всегда можно, можно и въ праздникъ. Эта жертва Богу пріятна всегда.

Наконецъ, когда пойдешь въ крестный ходъ, то увидишь освященіе воды рѣчной и погруженіе въ ней креста Господня. Это дѣйствіе должно напомнить тебѣ пришествіе въ этотъ день на рѣку Иорданъ и погруженіе въ рѣкѣ Иорданѣ Господа. Икакъ, глядя на сіе, представь себѣ, что вотъ самъ Христосъ идетъ къ Іоанну и проситъ отъ него крещенія себѣ, идетъ Безгрѣшный вмѣстѣ съ грѣшниками, идетъ Создатель пріять крещеніе отъ твари, идетъ освятить воды, потопить въ нихъ грѣхъ людской, идетъ содѣлать крещеніе дверію въ церковь Его, показать необходимость крещенія для каждаго послѣдователя своего. Подивись любви и смиренію Спасителя, на всякую жертву готоваго для тебя. Но Христосъ себя смиряетъ, а Богъ Отецъ Его возвышаетъ. Вотъ отверзаются небеса, Духъ Святой въ видѣ голубя сходитъ на Него, Богъ Отецъ громкимъ голосомъ свидѣтельствуетъ о Немъ, называя Его возлюбленнымъ Сыномъ своимъ. Вспомни все это и мысленно повергнись предъ Святою Троицею, такъ явственно открывшеюся въ сей день. Да, съ этого именно дня міръ позналъ, что Богъ, единый по существу, есть троич-

ный въ лицахъ. Представляя все это, вспомни и свое собственное крещеніе во имя Святой Троицы, которой ты общался служить, служить всю жизнь, всѣмъ существомъ, всѣми силами своими, отъ всего сердца своего. Да, если когда, то именно въ сей день всего приличнѣе намъ вспомнить свое рожденіе въ жизнь духовную, свое освобожденіе отъ грѣха, свои обязательства, данныя Христу, свое отреченіе отъ діавола, свое погруженіе въ водѣ, облеченіе въ бѣлую одежду, возложеніе креста на перси свои вмѣстѣ съ бѣлою одеждою. Не одинъ вздохъ вырвется изъ груди твоей, не одна слеза канетъ изъ очей твоихъ, если какъ должно вспомнишь обо всемъ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не возскорбѣть, когда отрекшись отъ діавола и дѣлъ его, мы столько разъ снова являлись служителями и угодниками его; когда, сочетавшись Христу, снова отрекались отъ Него, отрекались, когда и блага міра, и свои прихоти любили больше чѣмъ заповѣди Его, стыдились при всѣхъ говорить о Немъ, молиться Ему, крестное знаменіе изображать на себѣ, особенно при входѣ въ домъ, предъ вкушеніемъ пищи,—отрекались, когда издѣвались надъ праздниками Его, особенно надъ воскреснымъ днемъ, днемъ преимущественно Его? Какъ не возскорбѣть, когда вспомнимъ, что въ крещеніи чрезъ троекратное погруженіе мы умерли со Христомъ для грѣха, а теперь какъ будто бы только и живемъ для него, согрѣшая ежеминутно и словомъ и дѣломъ и всѣми своими чувствами? Какъ не восплакать, когда послѣ крещенія одѣты мы были въ одежду бѣлую въ знакъ чистоты и невинности, а теперь эту чистоту давно уже потеряли, омрачили ее и словомъ гнилымъ, и бранью неподобною, и жизнію безпорядочною,—когда въ крещеніи возложенъ на насъ крестъ въ знакъ того, чтобы мы распинали свои страсти, свою плоть, чтобы мы никогда не забывали, что крестомъ должны содѣвать свое спасеніе, что путемъ тѣснымъ и скорбнымъ должны идти въ царство небесное,—а между тѣмъ мы еще ни одной страсти въ себѣ не побѣдили, а въ разсѣяніи в мірскихъ

удовольствіяхъ проводимъ жизнь свою? Вспомнимъ, братіе, обо всемъ этомъ въ нынѣшній день, въ день крещенія Господня, при видѣ Крестнаго хода, и покланяясь святынь, поклонимся и Спасителю нашему, прося Его помиловать насъ, помочь намъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, а навпаче въ томъ, чтобы намъ быть истинными христіанами. Это всего нужнѣе для насъ, людей крещеныхъ, людей православныхъ.

Вотъ тебѣ, христіанинъ, наставленіе какъ взирать на крестный ходъ. Если тебѣ придетъ хоть одна святая мысль, подобная высказаннѣ здѣсь, ухватись за нее и не выпускай ее. Счастливъ ты будешь, если съ святыми мыслями возвратишься изъ крестнаго хода. Это будетъ не то, что празднословіе и смѣхъ, которые многіе дозволяютъ себѣ въ сіи святія минуты.

Крестившійся во Иорданѣ Господи! Научи насъ все установленное церковію обращать на пользу души своей, и особенно не губить даромъ времени, этого драгоценнаго дара твоего, но во всемъ пользоваться имъ къ спасенію своему.

Свѣщ. П. Шумовъ.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА ХРИСТОВА ВЪ ОБИЛЬНОЙ МЪРЪ.

*Слово Христово да вселяется въ васъ
богато (Кол. 3, 16).*

Блаженны были тѣ, которые во время земной жизни Иисуса Христа слушали непосредственно изъ Его усть слово Его, заслушивались этого слова и услаждались имъ. Оно удовлетворяло всѣмъ духовнымъ потребностямъ слушавшихъ, отвѣчало на занимавшіе ихъ вопросы относительно того, что нужно знать и дѣлать для спасенія души. Но Христосъ вчера и днесъ, тойже и во вѣки. Потому и слово Его доступно каждому изъ насъ. Вознесшись съ пречистымъ тѣломъ своимъ на небеса и обитая тамъ во славѣ, Онъ во всѣ дни до скончанія вѣка пребываетъ въ земной церкви своей. Онъ присутствуетъ и всегда будетъ присутствовать среди насъ, между прочимъ, въ святомъ словѣ своемъ. Слово Христово, т.-е. слово о Христѣ, о Его ученіи и дѣлахъ, и слово отъ самого Христа, предлагается въ книгахъ Евангелія и Апостола, въ символѣ православной вѣры, въ катихизисахъ, въ церковныхъ пѣснопѣвіяхъ и молитвахъ, въ писаніяхъ богомудрыхъ отцевъ и учителей церкви, въ наставленіяхъ пастырей церкви. Какое обиліе всѣмъ доступныхъ средствъ поучаться слову Христову! Намъ остается только пользоваться ими и умудряться въ свое спасеніе. Какъ же пользоваться словомъ Христовымъ? Отвѣтъ заключается въ наставленіи апостола: «Слово Христово да вселяется въ васъ богато».

Да вселяется: какъ знаменательно это сказано! Это значитъ, что слово Христово мы должны принимать не какъ

временнаго гостя, который пришелъ и ушелъ,—нѣтъ, оно должно постоянно жить въ насъ, въ душѣ каждаго изъ насъ; оно должно непрерывно присутствовать въ нашемъ умѣ, въ памяти, воображеніи, сердцѣ; оно должно составлять всегдашнюю потребность нашу, проникать своимъ вліяніемъ во всю нашу жизнь, во всѣ наши отношенія.

Сказано не просто: *да вселяется*, но—*богато*, т.-е. въ обильной мѣрѣ. Это не менѣе знаменательно. Это значить, что душа наша въ отношеніи къ слову Христову должна походить на домъ—полную чашу. Домъ называется полною чашей, когда онъ обилуетъ всякаго рода припасами питанія. Равнымъ образомъ и душа наша можетъ быть наполнена словомъ Христовымъ, какъ обильнѣйшею пищею. Слово Христово дѣйствительно и само по себѣ есть пища обильная и разнообразная. Въ немъ есть все, что нужно намъ знать и имѣть для удовлетворенія духовной алчбы и жажды,—истины вѣры, правила нравственности, руководство къ Богопочтенію, обѣтованія, угрозы, священно-историческія свѣдѣнія. Все, что нужно знать и дѣлать для спасенія души, все есть въ словѣ Христовомъ. Оно есть млеко для младенцевъ въ дѣлѣ духовнаго разумѣнія и твердая пища для зрѣлыхъ умовъ. Какъ бы кто ни былъ неразвитъ, недалекъ въ разумѣніи, онъ легко пойметъ на примѣръ слово Христово объ Отцѣ небесномъ, если научать его судить о Богѣ по сравненію съ отцемъ земнымъ; послѣднему свойственно любить дѣтей и заботиться о нихъ, о ихъ благосостояніи: въ несравненно большей степени любить насъ и печется о насъ, какъ о дѣтяхъ своихъ, Отецъ, сущій на небесахъ.—Какъ это просто и понятно! Но въ то же время слово Христово руководствуетъ насъ въ рѣшеніи глубочайшихъ и мудреныхъ вопросовъ вѣдѣнія.

Далѣе, хозяйинъ, у котораго домъ—полная чаша, не только самъ съ благодарностью къ Господу пользуется дарами Его благодати, вкушая отъ обильныхъ снѣдей своей трапезы, но и гостеприимно дѣлится ими съ другими. Подоб-

но сему, тотъ, въ комъ душа въ обильной мѣрѣ обладаетъ сокровищемъ слова Божія, не довольствуется тѣмъ, что самъ пользуется имъ, самъ питается имъ, но еще питаетъ другихъ. Отъ избытка души, услаждающейся пищей слова Христова, глаголютъ его уста въ назиданіе и утѣшеніе ближнихъ. Ни о чемъ онъ больше не говоритъ съ своими друзьями и знакомыми, какъ о словѣ Христовомъ. Впечатлѣнія, производимыя на него чтеніемъ и слышаніемъ этого божественнаго слова, онъ сообщаетъ другимъ, чтобы сдѣлать ихъ участниками той духовной радости, того духовнаго умиленія, какимъ преисполненъ самъ.

Цѣль употребленія тѣлесной пищи состоитъ въ укрѣпленіи физическихъ силъ для упражненія въ трудахъ. Само собой разумѣется, что сытый больше можетъ сработать, чѣмъ голодный. Подобно сему питающійся обильно пищей слова Божія съ большимъ успѣхомъ можетъ упражняться въ подвигахъ духовныхъ, трудиться для спасенія души, чѣмъ не вкушавшій или рѣдко вкушавшій эту духовную пищу. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ не всегда мы видимъ въ ревнителяхъ слова Христова сообразный съ нимъ образъ жизни. Случается, что роскошно питающійся тѣлесною пищей, ничего не дѣлаетъ, проводитъ время въ постыдной праздности и развѣянности. Нѣчто подобное происходитъ и въ отношеніи къ слову Христову. Обильно питающіеся этою духовною пищей нерѣдко являются безплодными въ духовномъ отношеніи. Недостаточно только питаться словомъ Божиимъ, читать его, размышлять о немъ, помнить его, повторять изреченія его; надобно еще руководствоваться имъ въ жизни, самую жизнь, согласно съ его наставленіями, свидѣтельствовать сочувствіе къ нему. Къ сожалѣнію не всегда это замѣтно въ ревнителяхъ слова Христова. Спасительныя его истины и правила остаются въ ихъ головѣ, въ памяти и сердцѣ, но въ жизнь не переходятъ. Такъ, согласно ученію слова Христова, они, глубоко вѣруютъ въ спасительную силу страданій и смерти Богочеловѣка, но исполняютъ ли заповѣдь Его о несеніи

креста и самоотверженіи, безъ чего нельзя быть истиннымъ ученикомъ Христа и усвоить плоды Его крестныхъ страданій и смерти? Услаждаются нравоученіемъ евангельскимъ, но въ жизни не предпочитаютъ ли слѣдовать правиламъ и обычаямъ міра? Христосъ заповѣдалъ прощать обижающихъ, любить враговъ, дѣлать добро ненавидящимъ насъ. Мы дивимся высотѣ этой заповѣди, благоговѣнно преклоняемся предъ ней. Но вотъ кто-нибудь оскорбилъ насъ, не уважилъ насъ, наговорилъ намъ дерзостей, и заповѣдь Христова, которою восхищаемся на словахъ, забыта; самолюбіе и опасеніе прослыть малодушнымъ, трусомъ, равнодушнымъ къ своей чести, заглушаютъ голосъ христіанской совѣсти, и обиженный за непремѣнный долгъ поставляетъ безпощадно мстить врагу, за обиды платитъ обидами, за зло зломъ. Вѣруютъ отъ души ревнители слова Христова содержащимся въ немъ обѣтованіямъ, но угѣшаются ли ими въ скорбяхъ и напастьяхъ? Вѣруютъ въ угрозы его, въ вѣчность адскихъ мукъ, но боятся ли этихъ угрозъ, страшатся ли вѣчныхъ мученій? Есть на свѣтѣ народъ, славящійся особеннымъ усердіемъ къ Евангелію, почивающій на книгѣ слова Божія, и особенно любящій заниматься имъ по воскреснымъ днямъ, и для него бросающій всѣ житейскія занятія и развлеченія въ эти дни. Какъ это похвально! Но вспомнимъ, какъ вели себя эти ревнители слова Христова въ послѣднюю войну нашу съ турками для освобожденія отъ ихъ ига христіанъ? Не поддерживали ли они всячески изъ свѣкорыстныхъ расчетовъ враговъ христіанства и не мѣшали ли всячески защитникамъ угнетенныхъ? Вспомнимъ, какъ эти же ревнители слова Христова ведутъ себя въ торговыхъ дѣлахъ. Распространяя между язычниками въ огромномъ количествѣ книги слова Христова, не распространяютъ ли они вмѣстѣ съ этимъ ядовитое вещество (опій) и за свободу этой постыдной торговли не воевали ли даже съ китайцами?—Вотъ до чего можетъ доходить несоотвѣтствіе между ревностью къ слову Христову и нашею жизнью!

Будемъ помнить, что слово Христово есть не только руководство для насъ въ настоящей жизни, но вмѣстѣ законъ, по которому насъ будутъ судить въ грядущемъ вѣкѣ. «Слово, которое Я говорилъ, сказалъ Христосъ,—оно будетъ судить въ послѣдній день» не пріемлющихъ это слово (Іоан. 12, 48). Строгъ будетъ этотъ судъ къ тѣмъ, которые совсѣмъ отметають слово Христово, не хотятъ внимать ему,—но еще строже къ тѣмъ, которые съ любовью относятся къ нему, изучаютъ его, дорожатъ имъ, и однакожь не преводятъ въ жизнь его наставленій. Если не любовь къ Христу, даровавшему намъ святое слово свое, то по крайней мѣрѣ страхъ суда за пренебреженіе его въ жизни да удержитъ насъ въ повиновеніи ему.

Прот. В. Нечаевъ.

УСЕРДІЕ И ПРАВДА.

Поученіе при отпѣваніи книгопродавца, потомственнаго дворянина Андрея Николаевича Терапонтова, 1-го декабря 1884 года.

Въ основаніе надгробнаго поученія положимъ два изреченія ап. Павла, одно изъ посланія къ Римлянамъ: *тщаніємъ не тниви*,—въ усердіи не ослабѣвайте (Рим. 12, 11), другое изъ посланія къ Тимоѳею: *ищи правду*—преуспѣвай въ правдѣ (1 Тим. 6, 11). По руководству этихъ изреченій будемъ говорить объ усердіи и правдѣ.

Тщаніємъ не тниви,—въ усердіи не ослабѣвайте. Усердіе, въ которомъ не должно ослабѣвать, состоитъ въ томъ, чтобы не уклоняться отъ трудовъ, требуемыхъ званіемъ, семействомъ, обществомъ, государствомъ, церковью, и чтобы, принявъ на себя эти труды, исполнять ихъ старательно, съ рвеніемъ, дѣлать все какъ можно скорѣе, безъ промедленія, и какъ можно лучше. Этому усердію противоплагается лѣность, такое душевное настроеніе, когда у человѣка ни къ какому дѣлу не лежитъ душа, когда онъ ни за что не хочетъ приняться, а за что и возмется, дѣлаетъ неохотно, съ нетерпѣніемъ, съ неудовольствіемъ, съ желаніемъ, подъ разными предлогами, протянуть дѣло или свалить его на другихъ. Само собой впрочемъ разумѣется, что усердіе въ сказанномъ смыслѣ имѣетъ нравственное значеніе только тогда, когда оно соединено съ *правдой*, когда исполняется другое наставленіе апостола: «преуспѣвай въ правдѣ», т.-е. всячески старайся жить по правдѣ,

поступать честно, добросовѣстно, избѣгая искушенія лукавить, покривить душой, съ цѣлію извлечь изъ этого какую-либо личную выгоду, или услужить однимъ съ обидою другимъ.

Усердіе въ исполненіи долга и правда—такія требованія, обязательность которыхъ безспорна не только съ христіанской точки зрѣнія, но и вообще предъ судомъ здраваго смысла и естественной совѣсти; потому исполнять эти требованія свойственно даже язычникамъ. Но христіанинъ въ исполненіи ихъ руководствуется высшими побужденіями, невѣдомыми язычнику. Христіанство внушаетъ намъ трудиться съ усердіемъ и преуспѣвать въ правдѣ ради Господа. Напримѣръ, по ученію Апостола, «рабы должны повиноваться своимъ господамъ не съ видимою только услужливостію, какъ челоуѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божию отъ души, служа съ усердіемъ, какъ Господу, зная, что каждый получитъ отъ Господа по мѣрѣ добра, которое онъ сдѣлалъ, рабъ или свободный» (Еф. 6, 5—8), т.-е. что если не люди, то Господь оцѣнитъ ихъ усердіе. Тѣмъже побужденіями поддерживается въ христіанахъ уваженіе къ правдѣ или справедливости. Правду не всегда жалуютъ люди,—люди иногда гонятъ за правду,—но ее видитъ и благословляетъ Господь Сердцевѣдѣцъ и праведный Судія, а потому не для людей, а для Господа должно любить правду, крѣпко стоять за нее, не увлекаясь искушеніемъ пріобрѣсть большія выгоды отъ нарушенія правды, отъ лукавства.

Достоинство всякаго нравственнаго правила всего яснѣе открывается изъ примѣровъ. Это же должно сказать объ усердіи и правдѣ. Въ настоящія минуты намъ, братія, нѣтъ необходимости далеко ходить за примѣрами, чтобы видѣть, какъ можно угодить Господу, послужить ближнимъ и спасенію своей души, исполняя дѣломъ то, чего требуетъ отъ насъ долгъ *усердія и правды*. Этотъ поучительный и достойный подражаемый для всѣхъ примѣръ мы видимъ въ новопреставленномъ рабѣ Божиюмъ Андрѣ, гробу котораго пред-

стоимъ. Само правительство, возведя его въ потомственное дворянское достоинство, признало его заслужившимъ это достоинство именно усердіемъ и правдой. Гербъ или щитъ, представляющій знаки дапаго ему дворянства, украшенъ девизомъ (надписью): *усердіемъ и правдой*.

Усердіе почившаго боярина Андрея ближайшимъ образомъ проявлялось въ его торговыхъ занятіяхъ. Онъ наследовалъ это усердіе отъ отца и дѣда вмѣстѣ съ торговлей духовными книгами, которая съ честью продолжается въ этомъ торговомъ домѣ болѣе столѣтія. Нельзя не поставить въ особенную заслугу почившему представителю этого дома, что онъ личнымъ своимъ усердіемъ въ веденіи дѣлъ поддерживалъ честь своего рода и приобрѣлъ ему потомственное дворянство. Столь продолжительное существованіе торговыхъ домовъ—не только въ Москвѣ, но и вообще въ Россіи,—рѣдкое явленіе. У насъ обыкновенно быстро возникаютъ торговые дома, и также быстро исчезаютъ. На первыхъ порахъ они поражаютъ обширностью своихъ оборотовъ, смѣлостью и успѣхами предпріятій, многомилліонными капиталами, но какъ все это недолговѣчно! Торговые дома у насъ разоряются большею частью во второмъ, много въ третьемъ родѣ. Отецъ или дѣдъ разбогатѣлъ, а сыновья и внуки впадаютъ въ нищету. Это потому, что ни сыновья ни внуки не наследуютъ отъ отцовъ и дѣдовъ усердія въ веденіи дѣлъ, начинаютъ вести жизнь безпечную и разгульную, и быстро проживаютъ пажитое не ими состояніе. Этого мало,—наши разбогатѣвшіе торговые дома не только быстро разоряются, но даже вслѣдствіе неправильной жизни представители ихъ совсѣмъ вымираютъ, нерѣдко въ третьемъ поколѣніи. Но чѣмъ прискорбнѣе это явленіе, которое легко подмѣчается старожилыми, тѣмъ отраднѣе останавливается взоръ на противоположномъ зрѣлищѣ долговременнаго цвѣтущаго состоянія торговыхъ домовъ, и между ними того дома, представителемъ котораго былъ почившій бояринъ Андрей. Хвала и честь ему за то трудолюбіе и усердіе, съ какими онъ велъ свои дѣла. Благо-

годаря его трудолюбію и усердію, наслѣдованная имъ торговля духовными книгами не только не сократилась, но расширилась, такъ что онъ, можно сказать, сдѣлался чуть не главнымъ дѣятелемъ въ распространеніи повсюду богослужебныхъ, духовно-учебныхъ и богословскихъ книгъ. Къ нему обращались съ требованіями книгъ не изъ однихъ внутреннихъ областей Россіи, но также изъ Сербіи и Болгаріи. Точнымъ исполненіемъ этихъ требованій онъ заслужилъ всеобщее уваженіе и довѣріе къ себѣ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей въ распространеніи духовнаго просвѣщенія, не однимъ распространеніемъ книгъ, а также изданіемъ многихъ весьма полезныхъ книгъ, начиналъ съ руководствъ къ первоначальному обученію до сочиненій высокаго богословскаго достоинства а).

Хвала и честь почившему рабу Божию также за примѣрную честность или *правду*, съ какою онъ при усердіи къ трудамъ велъ свои дѣла. Его честность, его опасеніе поступить несправедливо, доходили до какой-то, можно сказать, болѣзненной мнительности. Такъ, одолая другихъ и много теряя на своихъ должникахъ, онъ самъ боялся оставаться въ долгу. Онъ велъ торговля дѣла на чистоту и вмѣнялъ себѣ въ честь, что не подавалъ повода жаловаться на неисправность его въ платежѣ долговъ. Примѣръ достойный подражанія! Еслибы всѣ такъ поступали, у насъ было бы меньше причинъ жаловаться на застои въ дѣлахъ, который происходитъ большею частью отъ непохвальной привычки уклоняться подъ благовидными предлогами отъ исполненія долговыхъ обязательствъ.

Къ чести почившаго должно наконецъ сказать, что онъ не ограничивался только личными своими занятіями. Онъ

а) Имъ изданы книги: „Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка“; „Жизнь І. Христа“ Фаррара, въ переводѣ съ англійскаго О. М. Матвѣева; „Писанія препод. Іоанна Кассіана“ въ переводѣ съ латинскаго епископа Петра; множество проповѣдей, на примѣръ протоіереевъ Путятина и Бѣлоцвѣтова, и проч.

не уклонялся отъ общественнаго служенія. Обративъ на себя общее вниманіе способностью и усердіемъ къ дѣловымъ занятіямъ и правдолюбіемъ, онъ былъ избираемъ на многія общественныя должности. Такъ онъ былъ членомъ Коммерческаго суда, членомъ купеческой управы, которая возлагала на него многосложныя разбирательства по дѣламъ о выдачѣ пособій бѣднымъ, и вездѣ онъ съ примѣрнымъ рвеніемъ и добросовѣстностью исполнялъ принятыя на себя обязанности. Онъ состоялъ гласнымъ въ городской Думѣ, и пока былъ здоровъ, рѣдко пропускалъ Думскія засѣданія и въ нихъ, если не самъ лично, то чрезъ посредство другихъ, больше его краснорѣчивыхъ, подавалъ свой правдивый голосъ. Онъ былъ членомъ Совѣта Миссіонерскаго общества и товарищемъ казначея этого общества. Ближе всего намъ извѣстно служеніе его въ должности ктитора нашего приходскаго храма, продолжавшееся 18 годовъ. Онъ привелъ хозяйство храма въ цвѣтущее состояніе, такъ что часть церковныхъ доходовъ можно было отдѣлать для неоднократнаго обновленія храма и для покупки одного изъ священнослужительскихъ домовъ. Какъ прихожанинъ, онъ отличался примѣрною ревностью къ посѣщенію богослуженія. Какъ семьянинъ, онъ воспитывалъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ и съ успѣхомъ благоустраивалъ ихъ житейскій бытъ.

Вотъ, братіе, какую добрую память оставилъ по себѣ почившій рабъ Божій, бояринъ Андрей! Усердіе къ исполненію долга и правда—вотъ достоинства, которыя были украшеніемъ его жизни, и за которыя онъ сопричисленъ съ потомствомъ къ дворянскому сословію. Справедливо онъ дорожилъ дворянствомъ, какъ знакомъ Монаршей къ нему милости и заслуженной чести. Но, братіе, дворянство имѣетъ значеніе только для здѣшней жизни, а не въ жизни загробной. Тамъ нѣтъ различія между дворяниномъ и крестьяниномъ, тамъ царь и воинъ, богатый и убогій—все въ равномъ достоинствѣ. Тамъ не обратятъ вниманія ни

на дворянское званіе, ни на дворянскіе гербы, ни на многочисленные знаки отличія за гражданскую службу,—тамъ будутъ цѣнить одни дѣла, <кійждо бо отъ своихъ дѣлъ тамъ или прославится или постыдится>. Помолимся, братія, Судіи и Богу, да призритъ Онъ милостивымъ окомъ на дѣла раба своего Андрея, на его ревность къ дѣламъ благочестія и челоуѣколюбія, на его строгую, честную, воздержную жизнь, и да покроетъ своимъ милосердіемъ его согрѣшенія. Пожелаемъ также молитвенно, чтобы потомки его, наследовавъ отъ него почетное мірское званіе, паче всего заботились о сохраненіи тѣхъ нравственныхъ достоинствъ и заслугъ, которыми оно пріобрѣтено. Дай Богъ, чтобы девизъ: *усердіемъ и правдою*, былъ украшеніемъ не только ихъ дворянскаго герба, но и всей ихъ жизни.

Прот. В. Нечасовъ.

ЦѢЛЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

и средства къ достиженію сей цѣли по ученію евангельскому.

ГЛАВА ПЕРВАЯ).

Новѣйшій Пессимизмъ по вопросу о цѣли жизни. Воззрѣніе Пессимизма на жизнь и ея цѣль. Разборъ этого воззрѣнія. Ученіе о цѣли жизни Утилитаризма: цѣль жизни—личное счастье. Теоретическая несостоятельность и практическая непригодность этого ученія.

Прошли вѣка съ тѣхъ поръ, какъ индійцы и греки работали свои воззрѣнія на цѣль человѣческой жизни и за это долгое время первые успѣли, быть можетъ, на вѣки духовно почить, послѣдніе уже давно и окончательно сой-

а) Начало этой главы было напечатано въ февральской книжкѣ 1884 г. Но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, статья не могла быть продолжена и окончена въ истекшемъ году. Для новыхъ подписчиковъ „Душеполезнаго Читанія“ помещаемъ только конспектъ напечатаннаго прежде: „Значеніе жизни для человѣка. Радости, доставляемая жизнью. Любовь человѣка къ жизни. Недовольство жизнью. Обстоятельства, порождающія это недовольство. Условіе, устранивающее недовольство жизнью—ясное сознаніе ея конечной цѣли. Необходимость и важность вопроса о конечной цѣли жизни и трудность его удовлетворительнаго рѣшенія. Попытки рѣшить этотъ вопросъ. Древнеиндійское ученіе о цѣли жизни: цѣль жизни—слиянiе съ божествомъ и полное исчезновеніе въ немъ. Теоретическая несостоятельность этого ученія и его вредное вліяніе на жизнь. Древнегреческое ученіе о цѣли жизни: цѣль жизни—наслажденія. Несостоятельность этого ученія. Свидѣтельства о его несостоятельности, представляемыя литературой и искусствомъ самихъ же грековъ.“

ти со сцены исторіи. Но вопросъ: «какова конечная цѣль человѣческой жизни?» и доселѣ остается вопросомъ глубокаго интереса и постоянно рѣшается все снова и снова. Изъ современныхъ его рѣшеній особенно два привлекаютъ къ себѣ преимущественное вниманіе. Это рѣшенія, принадлежащія Пессимизму и Утилитаризму. Вотъ они.

Пессимизмъ учить: нашъ міръ крайне неудовлетворителенъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ безпристрастный анализъ того, что совершается въ міръ вообще, особенно же въ человѣческой жизни. Въ мірѣ на первомъ планѣ стоитъ и является преобладающимъ недовольство, страданіе. Правда, люди говорятъ о радостяхъ, стремятся къ счастью, указываютъ многочисленные источники удовольствій и наслажденій. Но радости, счастье—не болѣе какъ мечта, иллюзія, и изъ предполагаемыхъ источниковъ ихъ на самомъ дѣлѣ почерпаются лишь скорби и горе. Наиболѣе доступными и привлекательными источниками радостей можно признать любовь, семейную жизнь, дружбу. Но, въ дѣйствительности, что даютъ онѣ кромѣ мукъ разочарованія и заботъ? Любовь, рано пробуждаясь и не находя удовлетворенія, причиняетъ мучительное безпокойство; удовлетворяемая незаконно, сопровождается горестнѣйшими послѣдствіями; удовлетворяемая, наконецъ, въ супружествѣ, приводитъ къ тяжелымъ разочарованіямъ и лишь въ рѣдкихъ, наиболѣе счастливыхъ, случаяхъ переходитъ въ дружбу, точнѣе—въ привычку. Но это уже не любовь; и много ли въ этомъ радости? Въ супружествѣ источникомъ высокихъ удовольствій считаются дѣти. Дѣйствительно дѣти, рождаясь и вырастая, радуютъ родителей. Но эти радости ничто по сравненію съ тѣмъ великимъ горемъ, которое испытываютъ родители, особенно матери, теряя дѣтей,—по сравненію съ непрерывными и тяжелыми заботами о содержаніи, воспитаніи и пристройствѣ вырастающаго молодого поколѣнія, съ огорченіемъ въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда надежды, возлагавшіяся родителями на дѣтей, не оправдываются послѣдними.—Почти все ищутъ друж-

бы, друзей и, находя, радуются. Что однако служить сокровеннымъ побужденіемъ для такихъ исканій? Сознаніе своей слабости, желаніе найти опору въ другомъ; отсюда сильные люди въ друзьяхъ не нуждаются. Но сознаніе собственной слабости—горькое сознаніе и имъ отравляется сладость дружбы. Притомъ дружба поддерживается общностью интересовъ друзей, а въ этомъ причина ея недолговѣчности. Расходятся интересы, дружба охлаждаетъ, превращается даже во вражду. Результатъ—разочарованіе. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ другихъ источникахъ человѣческихъ радостей: славы, власти, матеріальномъ благосостояніи и под. И въ этихъ мутныхъ источникахъ, на ряду съ мимолетными радостями, человѣкъ встрѣчаетъ преимущественно горе и страданіе. Есть впрочемъ одинъ источникъ, изъ котораго можно почерпнуть болѣе радостей, нежели горя. Онъ подобенъ оазису въ пустынѣ, котораго достигаетъ наконецъ утомленный путникъ; онъ—радостный лучъ свѣта во мракѣ человѣческой суеты и страданій. Источникъ этотъ—область искусства и науки. Но кому доступенъ этотъ источникъ? Большинство людей не имѣетъ ни способностей, ни призванія, чтобы почерпать изъ него, и для этого большинства онъ какъ бы не существуетъ. Изъ числа тѣхъ, сравнительно немногихъ, которые вступаютъ въ область искусства и науки, слѣдуя, повидимому, внутреннему влеченію, значительная часть такимъ влеченіемъ, въ дѣйствительности, не обладаетъ, а руководствуется при этомъ сторонними соображеніями и побужденіями: расчетомъ на приличную карьеру въ будущемъ, на выгодный заработокъ, надеждой на почетъ и славу, или же просто суетнымъ желаніемъ блеснуть, при случаѣ, въ своемъ кружкѣ; и для такихъ людей радости, доставляемыя художественною красотой и знаніемъ, совершенно чужды. Остается, слѣдовательно, лишь горсть истинныхъ художниковъ и ученыхъ,—творцовъ въ сферѣ красоты и значія, которые, послѣ продолжительной подготовки, становятся наконецъ способны-

ми черпать изъ этого свѣтлаго источника свѣтлыя радости. Но что же значать эти радости, въ количественномъ отношеніи, по сравненію съ массой человѣческихъ страданій? Ничего. —Итакъ, справедливо, что горе и страданія стоятъ на первомъ планѣ въ мірѣ, и собственно говоря, только они одни и существуютъ. Но конечно не страдать лучше, чѣмъ страдать, и такъ какъ страданье неразрывно связано съ жизнью, составляетъ существо ея, то не жить лучше чѣмъ жить. А потому единственною и единственно разумною цѣлью жизни можетъ быть только одно — это стремленіе къ уничтоженію жизни и вообще всякаго бытія. Чтобы осуществить эту цѣль, нужно каждому принимать дѣятельное участіе въ жизни, содѣйствовать умственному прогрессу человѣчества, пока, наконецъ, большинство людей убѣдится въ разумности указанной цѣли. Разъ такое убѣжденіе проникнетъ въ умы большей части человѣчества, люди добровольно прекратятъ свою жизнь, что можетъ повлечь за собой уничтоженіе всякаго вообще бытія. Тогда наступитъ конецъ всякому страданію и слѣдовательно наступитъ то, что лучше страданія.

Что сказать объ этомъ новѣйшемъ пессимистическомъ ученіи о цѣли человѣческой жизни? При первомъ общемъ знакомствѣ съ нимъ, невольно бросается въ глаза его сходство съ ученіемъ древнеиндійскимъ, надъ которымъ, какъ несостоятельнымъ, давно уже произнесенъ судъ и философскою мыслью и исторіей. При подробномъ его разсмотрѣніи, оно поражаетъ обиліемъ рѣзкихъ противорѣчій съ дѣйствительными фактами, съ опытомъ вѣковъ, съ свидѣтельствами человѣческаго сознанія. Для всего человѣчества всѣхъ временъ и мѣстъ жизнь, бытіе, въ общемъ — величайшее благо; а пессимизмъ утверждаетъ, что небытіе, ничтожество лучше бытія и жизни. Зло всегда признавалось и признается ненормальнымъ въ жизни явленіемъ, съ которымъ необходимо бороться и съ которымъ дѣйствительно борятся, нерѣдко съ значительнымъ успѣхомъ; а пессимизмъ доказываетъ, что борьба со зломъ на-

прасна, невозможна, потому что зло коренится въ самомъ бытіи, которое, въ существѣ своемъ, и есть именно зло,— что, поэтому, зла не будетъ только тогда, когда угаснетъ всякое бытіе. Человѣчество знало и знаетъ радости и въ числѣ ихъ столь чистыя и высокія и столь дѣйствительныя, что при нихъ становятся удобоносимыми самыя тяжелыя житейскія невзгоды; таковы напримѣръ тѣ радости, которыя даются сознаниемъ исполненнаго долга, чистою совѣстью, отношеніями, основанными на безкорыстной, благожелательной любви; а пессимизмъ учитъ, что въ мірѣ дѣйствительно лишь страданіе и горе, радости же, о которыхъ обыкновенно говорятъ и къ которымъ стремятся, призрачны, и люди, радуясь, только обольщаютъ самихъ себя. Ничто такъ болѣзненно и сильно не поражаетъ вообще человѣка, какъ прекращеніе бытія; явленіе смерти и разрушенія живыхъ существъ, въ большинствѣ случаевъ, подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣческую природу, и мы, руководствуясь непосредственнымъ чувствомъ, видимъ въ этихъ явленіяхъ нѣчто ненормальное и ужасное; а современная философія отчаянія проповѣдуетъ, что не разрушеніе бытія, а напротивъ самое бытіе есть явленіе неразумное, бессмысленное. Наконецъ съ понятіемъ о цѣли жизни мы неизбѣжно соединяемъ представленіе о чемъ-либо положительномъ, съ достиженіемъ и пріобрѣтеніемъ чего. Жизнь наша должна сдѣлаться полнѣе и радостнѣе и получить въ нашихъ глазахъ новый смыслъ, какого она дотолѣ не имѣла; а пессимизмъ, какъ на конечную цѣль человѣческой жизни, указываетъ на совершенное отрицаніе всего, на уничтоженіе безъ остатка самой этой жизни. Какъ однако ни противоестественно, ни противоразумно пессимистическое ученіе о конечной цѣли жизни человѣческой, оно тѣмъ не менѣе имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей. Но не рвутся къ дѣятельности эти люди, не думаютъ о содѣйствіи умственному развитію человѣчества, какъ бы желалъ того пессимизмъ. Съ болѣзненно развитымъ самолюбіемъ, слабые волей, они рав-

подушны ко всякому живому дѣлу, неспособны на борьбу съ житейскими невзгодами. И многіе изъ нихъ, наиболѣе искренніе и послѣдовательныя, обыкновенно приходятъ къ печальному концу: гасятъ насильственно свою жизнь, не дожидаясь, вопреки наставленіямъ пессимизма, общаго согласія на то наибольшей и лучшей части челоуѣчества. И эти грустные плоды пессимистическаго ученія нагляднѣе всего свидѣтельствуютъ о его великой неправдѣ.

По ученію Утилитаризма, каждый челоуѣкъ избѣгаетъ непріятностей, страданій, вообще всего, что нанесетъ ущербъ его благосостоянію, и ищетъ своей пользы, полагая ее въ радостяхъ и наслажденіяхъ, какія можетъ доставить ему жизнь; или что тоже—каждый изъ насъ стремится къ личному счастью и ничего кромѣ этого счастья не желаетъ, при чемъ всѣ прочіе предметы челоуѣческихъ желаній, какъ-то богатство, слава, даже самая добродѣтель являются не болѣе какъ средствами, ведущими къ счастливой жизни. Если же это такъ, то конечною цѣлью челоуѣческой жизни должно быть признано достиженіе личнаго счастья. Но достигнуть личнаго счастья невозможно, или, по крайней мѣрѣ очень трудно, какъ скоро окружающіе насъ люди несчастны. Поэтому для достиженія личнаго счастья нужно трудиться для счастья другихъ, направляя при этомъ всѣ усилія къ тому, чтобы уменьшать мало-по-малу общую сумму челоуѣческихъ страданій и увеличивать общую сумму челоуѣческаго счастья. И счастье, о которомъ рѣчь, достижимо по крайней мѣрѣ косвеннымъ путемъ, путемъ устраненія того, что препятствуетъ челоуѣку быть счастливымъ, путемъ уменьшенія страданій. Устраните дурныя законы и произволь, которые лишаютъ челоуѣка свободы пользоваться доступными его средствамъ источниками счастья, и тогда онъ достигнетъ существованія, которое можно назвать завиднымъ, если только не поразятъ его положительныя несчастія жизни: нищета, болѣзнь, злоба, подлость, преждевременная поте-

ря предметовъ личной привязанности и т. п. Но кто же рѣшится доказывать, что даже самыя величайшія бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ люди, неустрашимы по самой своей природѣ, или по крайней мѣрѣ не могутъ быть сведены въ очень узкія границы? Мудрость общества, соединивъ свои усилія съ здравымъ смысломъ и предусмотрительностью отдѣльныхъ лицъ, можетъ совершенно уничтожить бѣдность въ той ся степени, когда она уже становится страданіемъ. Даже и болѣзнь, этотъ самый неукротимый врагъ человѣка—можетъ быть доведена до безконечно малыхъ размѣровъ съ помощью хорошаго физическаго и нравственнаго воспитанія и съ помощью предупрежденія вредныхъ для здоровья вліяній. Что же касается до тѣхъ страданій, которымъ человѣкъ подвергается вслѣдствіе какихъ-либо неудачъ, то это происходитъ обыкновенно отъ ихъ собственной неразумности, или по причинѣ ложнаго направленія его желаній, или отъ дурныхъ и несовершенныхъ общественныхъ учрежденій.

Это ученіе при первомъ съ нимъ ознакомленіи влечетъ къ себѣ и, въ противоположность съ предшествующимъ, звучитъ успокоительно и отрадно. Дѣйствительно, кого не порадусть надежда на всеобщее счастье, высказываемая съ рѣшительностью, и кто не признаетъ дѣятельность для счастья другихъ возвышенною и благородною? Однакоже и оно, подобно предшествующему, не можетъ удовлетворить того, кто серьезно ищетъ отвѣта на вопросъ о конечной цѣли человѣческой жизни. Ученіе это страдаетъ смѣшеніемъ понятій, неопредѣленностью, неясностью, результатомъ чего является невозможность его широкаго и благотворнаго примѣненія къ дѣйствительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ его неудовлетворительность для людей, серьезно вопрошающихъ о конечной цѣли жизни. Прежде всего въ разсматриваемомъ ученіи отождествляются, сливаются въ одно понятія пользы, наслажденія и счастья; между тѣмъ понятія эти совершенно различны по содержанию и въ дѣйствительности всегда различаются нами. Не все полез-

ное соединяется съ удовольствіемъ и наслажденіемъ; напротивъ нерѣдко бываетъ, что полезное вполнѣ исключаетъ удовольствіе и наслажденіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обыкновенно ихъ понимаемъ; напр. обученіе молодыхъ поколѣній несомнѣнно полезно для нихъ, и однако удовольствія, доступныя имъ, въ ихъ представленіяхъ всегда соединяются съ прекращеніемъ учебныхъ трудовъ. Далѣе наоборотъ, не всѣ удовольствія и наслажденія соединены съ пользою; многія изъ нихъ, преимущественно тѣ, которыя для большинства представляются заманчивыми, приносятъ положительный вредъ, разрушительно отзываясь на крѣпости физическихъ и духовныхъ силъ и, въ концѣ концовъ, приводя къ болѣзнямъ и горестному сознанію, что жизнь проведена неправильно и что безвозвратно потеряно драгоцѣнное сокровище—здоровье тѣла и души; словомъ въ результатѣ получается страданіе. А изъ этого послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ наконецъ то, что удовольствія и наслажденія не тоже, что счастье, и отождествлять ихъ невозможно. Въ чемъ бы ни состояло счастье, его не въ силахъ дать то, что можетъ окончиться страданіемъ. Такимъ образомъ ученіе, о которомъ у насъ рѣчь, въ первыхъ основныхъ своихъ положеніяхъ допускаетъ смѣшеніе совершенно различныхъ понятій,—пріемъ, который естественно подрываетъ довѣріе къ справедливости и основательности его дальнѣйшихъ выводовъ и разсужденій.—«Для того, чтобы достигнуть личнаго счастья, конечной цѣли жизни, нужно трудиться для счастья другихъ, стремясь къ уменьшенію человѣческихъ страданій и увеличенію общей суммы человѣческаго счастья»,—такой совѣтъ даетъ намъ утилитаризмъ въ своихъ дальнѣйшихъ положеніяхъ. Совѣтъ, какъ уже замѣчено, прекрасный. Но для того, чтобы приступить къ его осуществленію, необходимо напередъ опредѣлить, въ чемъ же состоитъ счастье. Однакоже, на этотъ естественный и неизбѣжный вопросъ мы не имѣемъ удовлетворительнаго отвѣта: утилитаризмъ не даетъ намъ такого опредѣленія счастья,

справедливость котораго для всѣхъ была бы ясна и съ которымъ, поэтому, всѣ могли бы согласиться. Утилитаризмъ даже вовсе не даетъ какого-либо опредѣленія счастья, да и не можетъ дать его, ограничиваясь наблюденіями надъ дѣйствительною жизнью и отождествляя удовольствія и наслажденія со счастьемъ. Дѣло въ томъ, что каждый изъ людей имѣетъ свои удовольствія, по своему понимаетъ счастье, сообразно съ степенью развитія, характеромъ воспитанія и окружающей среды. Одинъ, напр. высоко ставитъ матеріальныя удобства и чувственныя удовольствія и въ безпрепятственномъ пользованіи ими полагаетъ свое счастье; другой стремится къ удовольствіямъ духовно-эстетическимъ и умственнымъ, и отдаваться имъ въ желательной мѣрѣ считаетъ высочайшимъ наслажденіемъ. Тотъ утѣшается тѣмъ, отъ чего многіе съ ужасомъ и содраганіемъ отвращаются; тотъ находитъ свою радость и свое счастье въ кругѣ такихъ интересовъ, которые для громаднаго большинства останутся всегда чуждыми и т. д. Однакоже какъ ни различны воззрѣнія на удовольствія и счастье у различныхъ людей, всѣ эти люди совершенно правы съ точки зрѣнія утилитаризма. Положимъ, что лучшіе представители утилитаризма раздѣляютъ наслажденія на низшія—чувственныя, доставляющія непрочное счастье, и высшія—духовныя, которыя могутъ истинно осчастливить. Но вѣдь сущность утилитарнаго ученія заключается не въ опредѣленіи достоинства наслажденій и характера счастья, а въ томъ, что цѣль жизни—личное счастье и что счастье тождественно съ наслажденіемъ. Поэтому, какъ скоро извѣстный человѣкъ наслаждается и слѣдовательно, по утилитарному воззрѣнію, счастливъ, то изъ какого бы источника онъ ни почерпалъ наслажденія и какъ бы ни казалось своеобразнымъ его счастье, утилитаризмъ не въ правѣ предъявлять къ нему какія бы то ни было требованія, тѣмъ болѣе, что оставаясь вѣрнымъ себѣ, утилитаризмъ не въ состояніи доказать, что наслажденія духовныя суть высшія, наиболѣе обезпечивающія челоѣческое

счастье. Такое возрѣніе навсегда останется лишь личнымъ мнѣніемъ лучшихъ представителей утилитарнаго ученія, мнѣніемъ поэтому необязательнымъ и неубѣдительнымъ для громаднаго большинства людей. Итакъ утилитаризмъ не въ силахъ дать такого опредѣленія счастья, правда котораго, если не для всѣхъ, то для большинства могла бы быть ясна и съ которымъ поэтому большинство людей могло бы согласиться. Но въ такомъ случаѣ на вопросъ: «къ какому же счастью стремиться, объ увеличеніи общей суммы какого именно счастья заботиться?» естественно остается безъ удовлетворительнаго отвѣта, а вмѣстѣ съ этимъ становится невозможнымъ даже первый твердый шагъ на пути къ указываемой утилитаризмомъ конечной цѣли жизни. Личное счастье, въ которомъ цѣль жизни, достижимо, по утверженію представителей утилитаризма, по крайней мѣрѣ отрицательнымъ путемъ, путемъ уменьшенія суммы человѣческихъ страданій. Идя этимъ путемъ, возможно, по ихъ словамъ, сдѣлать положеніе каждаго завиднымъ. Но возможность и осуществленіе возможности—вещи совершенно различныя, и въ данномъ случаѣ между возможностью и дѣйствительностью—непереходимая бездна. Это чувствуютъ сами сторонники утилитаризма, и потому ограничиваютъ свое положеніе о достижимости личнаго счастья, говоря, что оно возможно, если только человѣка не поразятъ положительныя несчастія, какъ-то болѣзнь, преждевременная потеря предметовъ личной привязанности и т. п. Но развѣ въ силахъ человѣкъ устранить многочисленныя виды положительнаго несчастья? Пусть законы, которыми управляются человѣческія общества, будутъ доведены до возможнаго совершенства, пусть для каждаго будетъ открытъ свободный доступъ къ источникамъ счастья; во всякомъ случаѣ выше силъ человѣческихъ устранить напр. болѣзни, отъ которыхъ такъ много страдаетъ человечество, и нѣтъ надежды довести ихъ до безконечно малыхъ размѣровъ, въ чемъ повидимому убѣжденъ и утилитаризмъ. Видѣ многія и са-

мыя тяжелыя болѣзни таятся къ организмамъ и составляютъ грустное послѣдіе цѣлаго ряда предшествующихъ поколѣній, многія являются ничѣмъ неустрашимымъ слѣдствіемъ постепеннаго обветшанія тѣлеснаго состава. И чтобы уничтожить ихъ, необходимо пересоздать тѣлесную природу современныхъ людей, чему разумѣется нисколько не поможетъ самое разумное физическое и нравственное воспитаніе. Предположимъ впрочемъ невозможное: болѣзни наконецъ устранимы; и при всемъ томъ никто не рѣшится разсчитывать на то, чтобы можно было предотвратить преждевременныя потери предметовъ личной привязанности, тѣмъ болѣе, что для любящаго сердца потеря любимаго существа всегда будетъ преждевременною. А что сказать о человѣческихъ желаніяхъ и стремленіяхъ къ идеаламъ? Для желаній человѣческихъ нѣтъ границъ, и каждому его идеалы представляются въ недостигаемой туманной дали. Поэтому никто изъ людей не чувствуетъ себя на долгое время удовлетвореннымъ и успокоеннымъ. А отсюда почти постоянное недовольство, ощущеніе неполноты жизни и затаенная грусть, вслѣдствіе чего не мало слышится тяжелыхъ вздоховъ среди самой счастливой внѣшней обстановки, и даже сквозь золото льются горькія слезы. Ясно, что не достанетъ никакой мудрости общества, никакой предусмотрительности отдѣльныхъ его членовъ для того, чтобы удовлетворить безграничное, приблизить къ осуществленію недостижимое и такимъ образомъ уничтожить источникъ самыхъ многочисленныхъ и тяжелыхъ скорбей и страданій человѣческой души. Ясно далѣе и то, что надежда на доставленіе каждому личнаго счастья путемъ уменьшенія суммы человѣческихъ страданій есть неосновательная надежда, мечта, призрачная тѣмъ болѣе, что утилитаризмъ признаетъ возможнымъ достиженіе возвѣщаемаго имъ счастья въ предѣлахъ исключительно земнаго скоротечнаго существованія. Но можетъ ли призрачная, несбыточная мечта быть конечною цѣлью человѣческой жизни?

Всего нагляднѣе, впрочемъ, несостоятельность утилитаризма въ ученіи о цѣли жизни обнаруживается на дѣлѣ. Несмотря на неопредѣленность и шаткость основныхъ положеній утилитаризма, онъ пользуется большимъ кнманиемъ въ послѣднее время и имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ, потому между прочимъ, что громкими либеральными и гуманными фразами проповѣдники утилитаризма успѣшно прикрываютъ его существенные недостатки въ глазахъ современнаго поколѣнія. Людей, выдающихъ себя за послѣдователей утилитаризма, не мало и среди насъ. Люди эти прежде всего особевно твердо усвоили себѣ то положеніе утилитарнаго ученія, что конечная цѣль жизни есть достиженіе личнаго счастья, и съ неустанною энергіей стремятся къ достиженію этой цѣли. Причисляя себя къ современному мыслящему классу, они ищутъ наслажденій высшихъ—духовныхъ. Хорошая книга является для нихъ потребностью, эстетическія удовольствія обратились у нихъ въ привычку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они очень неравнодушны къ наслажденіямъ матеріальнымъ, къ изысканному столу, изящной одеждѣ, роскоши во внѣшней обстановкѣ. Какъ люди практичныя, они всего этого въ большей или меньшей степени достигаютъ и, какъ съ успѣхомъ достигшіе намѣченной цѣли, носятъ на себѣ печать самоувѣренности и перѣдко самодовольства. Ни на минуту не забывая, что цѣль жизни есть личное счастье, эти современные утилитаристы, повидимому, всегда помнятъ и другое положеніе утилитарнаго ученія—то, что для успѣшнаго достиженія счастья личнаго и его обезпеченія пужно заботиться и о счастьи другихъ. Поэтому они отличаются привѣтливостью и вѣжливостью въ обращеніи съ другими, со всею, какъ кажется, искренностью сочувствуютъ всякому горю, съ готовностью слѣзчатъ поддержать всякаго въ его стремленіяхъ и начинаніяхъ, и если прислушаться къ ихъ рѣчамъ, то на первый разъ нельзя не подумать, что предъ нами истинные друзья челоѣчества. При первой встрѣчѣ съ подобными людьми, они невольно располагаютъ къ себѣ и обыкновенно становятся кумирами для

людей довѣрчивыхъ и неопытныхъ въ жизни. Но участливое отношеніе къ другимъ вашимъ современнымъ утилитаристовъ оказывается въ громадномъ большинствѣ случаевъ крайне неустойчивымъ и ненадежнымъ. Оно продолжается съ ихъ стороны до тѣхъ поръ, пока это имъ пріятно, выгодно, содѣйствуетъ ихъ популярности и не требуетъ отъ нихъ лично никакихъ крупныхъ жертвъ, кромѣ словъ и словъ. Но разъ обстоятельства измѣнились и сочувствіе къ другимъ начинаетъ сопровождаться непріятностями, это сочувствіе быстро исчезаетъ. И они, ваши вчерашніе блажелатели и друзья, нынѣ становятся съ вами сухи и холодны, стараются не замѣтити не узнать васъ. Мало того, въ виду крупной выгоды, они готовы бываютъ предать и продать васъ и, дѣйствительно, нерѣдко предають и продають; и, что особенно горько и страшно, предавая и продавая, остаются попрежнему спокойными, благодупными, съ самодовольною улыбкой на лицѣ; имъ пріятно, что, благодаря ихъ ловкимъ дѣйствіямъ, личное ихъ счастье не потерпѣло ни малѣйшаго ущерба и даже пріумножилось. Понятно, что не отъ такихъ людей можно ожидать увеличенія человѣческаго счастья; ихъ дѣятельность можетъ лишь умножить людскія горести и страданія. А между тѣмъ они—истинные сторонники утилитаризма, и кромѣ утилитарныхъ правилъ иныхъ правилъ равенности не признають. Но они-то представляютъ собой наглядное доказательство несостоятельности утилитаризма съ его ученіемъ о личномъ счастьѣ, какъ конечной цѣли человѣческой жизни.

Такимъ образомъ оказывается, что человѣческая мудрость не въ силахъ дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о конечной цѣли человѣческой жизни. Гдѣ же мы найдемъ его? Тамъ, гдѣ заключены глаголы живота вѣчнаго и содержится всякая истина—въ ученіи Господа Иисуса Христа, изложенномъ въ Евангеліи и раскрытомъ въ писаніяхъ Его апостоловъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Евангельское ученіе о цѣли жизни: цѣль жизни непосредственное живое и вѣчное общеніе съ живымъ и личнымъ Богомъ—Богомъ истины и любви. Удобопріемлемость этого ученія при всей его возвышенности. Причина удобопріемлемости: это ученіе даетъ отзывъ на всѣ существенныя потребности человѣческаго духа.—Потребность человѣческой души въ личномъ безсмертіи. Неудовлетворительность отвѣтовъ нехристіанскихъ религій и философскихъ системъ на вопросъ о безсмертіи. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, заключающійся въ евангельскомъ ученіи о цѣли жизни.—Стремленіе человѣка къ общенію съ Верховнымъ Существомъ. Выраженіе этого стремленія въ религій и его всеобщность. Евангельское ученіе о цѣли жизни возвѣщаетъ о полнѣйшемъ удовлетвореніи этого стремленія.—Потребность человѣческаго духа въ истинѣ, и его стремленіе овладѣть ею. Обнаруженіе этого стремленія въ попыткахъ человѣческаго ума найти отвѣты на отвлеченные вопросы.—Необходимость правильного рѣшенія названныхъ вопросовъ и безсидіе человѣка найти такое рѣшеніе. Отвѣтъ евангельскаго ученія о цѣли жизни на вопросъ: „что есть истина?“—Потребность человѣка въ добрѣ и стремленіе къ его осуществленію. Значеніе идеи добра въ человѣческой жизни. Безусловное достоинство добра въ глазахъ людей. Цѣнность для человѣка добра и его высшаго проявленія—любви. Безсидіе человѣка въ дѣлѣ осуществленія добра. Осуществимость добра по евангельскому ученію о цѣли жизни.—Благотворное воздѣйствіе евангельскаго ученія о цѣли жизни на первыхъ христіанъ. Необходимость знать средства къ достиженію цѣли жизни и пользоваться этими средствами. Указаніе этихъ средствъ въ Евангеліи.

I.

Въ Евангеліи, именно въ рѣчахъ Господа Иисуса, произнесенныхъ Имъ предъ народомъ, или въ тѣсномъ кругу ближайшихъ учениковъ, а также въ Его молитвенныхъ воззваніяхъ къ Богу Отцу, мы находимъ много мѣстъ, относящихся къ вопросу о конечной цѣли человѣческой жизни. Взятые въ совокупности, мѣста эти даютъ совершенно полный и ясный отвѣтъ на названный вопросъ. Къ

числу такихъ мѣстъ принадлежать между прочимъ слѣдующія: «Въ домѣ Отца Моего обителей много; а еслибы не такъ, Я сказалъ бы вамъ. Я иду приготовить мѣсто вамъ. И когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто, прииду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были, гдѣ Я» (Іоан. 14, 2—3). «Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Еслибы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отнынѣ знаете Его и видѣли Его. Видѣвшій Меня, видитъ Отца» (Іоан. 14, 6. 7. 9). «Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мной. И Я открылъ имъ имя Твое, и открою, да любовь, которую Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ» (Іоан. 17, 24. 26). «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ» (Мѣ. 5, 8. 11. 12). «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство уготованное вамъ отъ сложенія міра» (Мѣ. 25, 24). На ряду съ этими изреченіями Господа могутъ быть поставлены, какъ повторяющія и раскрывающія ихъ, такія напр. изреченія изъ писаній апостоловъ: «Наше жителство на небесахъ» (Филип. 3, 20). «Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его» (1 Кор. 2, 9). «Мы отчасти знаемъ, и отчасти пророчествуемъ. Когда же настанетъ совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Теперь мы видимъ какъбы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю» (1 Кор. 13, 9. 10. 12). «Возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будетъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть» (1 Іоан. 3, 2). «Ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. Жизнь ваша сокрыта съ Христомъ въ Богѣ» (Колос. 3, 2—3).

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что въ ученіи о конечной цѣли человѣческой жизни Евангеліе, повторяемое и раскрываемое въ писаніяхъ апостоловъ, выставляетъ на первомъ планѣ вѣчную жизнь. По евангельскому ученію, жизнь человѣческая не прекратится всецѣло здѣсь, на землѣ; могила и гробъ для нея не границы. Земная жизнь есть лишь первая стадія жизни вообще; она продолжится и за предѣлами гроба павѣки, при чемъ сознаніе, личность каждаго отдѣльнаго человѣка останутся неприкосновенными. И вотъ тамъ-то, за гробомъ, а не здѣсь на землѣ, конечная цѣль человѣческой жизни, и тамъ-то она вполне будетъ достигнута. Въ чемъ же эта цѣль? Въ пріискреннемъ, тѣснѣйшемъ общеніи и единеніи съ живымъ и личнымъ Богомъ, Существомъ безконечно премудрымъ и благимъ, Богомъ истины и любви.

Но не слишкомъ ли отвлеченно, не слишкомъ ли высоко это ученіе? Оно едва по силамъ философскому уму, но уму простому едва ли доступно. И можетъ ли неразвитый умственно человѣкъ соединить съ евангельскимъ ученіемъ о конечной цѣли жизни какое-либо опредѣленное и живое представленіе и такимъ образомъ найти въ немъ успокоеніе и отраду? Повидимому, въ этомъ позволительно усомниться.—Да, ученіе евангельское о цѣли жизни, дѣйствительно, возвышенно, но въ тоже время и просто; и если философскій умъ затрудняется уяснить и воспринять его, то его правда непосредственно сказывается самой простой и смиренной душѣ и съ радостью пріемлется ею. Дѣло въ томъ, что ученіе, о которомъ у насъ рѣчь, отвѣчаетъ самымъ кореннымъ запросамъ и потребностямъ человѣческаго духа и потому онъ можетъ найти въ немъ полное удовлетвореніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ отраду и покой.

II.

«Неужели со смертію моего тѣла окончательно прекратится моя жизнь, съ послѣднею искрой свѣта въ потухающихъ глазахъ потухнетъ послѣдній лучъ сознанія, замрутъ

навсегда мои чувства, стремления, моя мысль и моя личность обратятся въ ничто?» Такіе вопросы невольно возникаютъ въ умѣ каждаго при мысли о концѣ земнаго бытія, при видѣ могилъ, постоянно поглощающихъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ. И когда на эти вопросы намъ шепчуть безотрадное «да», сердце наше невольно сжимается отъ боли и, возмущаясь, отвѣчаетъ: «пѣть», это ложь: удѣлъ человѣка—безсмертіе; за предѣлами гроба его ожидаетъ вѣчная жизнь»,—свидѣтельствуя такимъ воплемъ-отвѣтомъ, что потребность безсмертія, чаяніе вѣчной жизни прирождены человѣку. И отзываясь на эту потребность, почти всѣ древніи религіи говорили своимъ послѣдователямъ о загробной жизни, и многіе изъ языческихъ мыслителей настаивали на безсмертіи. Но религіозныя представленія древнихъ о загробной жизни были крайне пестры, очень грубы и нелѣпы и принимать ихъ на вѣру было трудно и тяжело; философскія же ученія о безсмертіи имѣли колеблющійся характеръ предположеній и также не возбуждали къ себѣ полного довѣрія, и потому ни тѣ, ни другія не въ состояніи были удовлетворить насущной потребности сердца. Отсюда—страхъ смерти омрачалъ всю жизнь людей древняго міра и отъ этого страха смерти они, по слову апостола, чрезъ всю жизнь были подвержены рабству (Евр. 2, 15). Смертный страхъ отравлялъ всѣ ихъ радости, заставлялъ погружаться въ скорбныя думы даже такихъ веселыхъ и шутливыхъ людей, какимъ былъ поэтъ Анакреонъ, и такихъ трезвыхъ мыслителей, какъ Цицеронъ. Послѣдній между прочимъ сознавался, что принятый имъ способъ изслѣдованій считать смерть концомъ естественнаго и необходимаго теченія вещей, располагаетъ къ скорби и дѣлаетъ жизнь еще болѣе несчастною. Какъ тяжело было древнему человѣку, при неискоренимой потребности въ безсмертіи, не имѣть въ немъ твердой увѣренности, ясно видно, между прочимъ, изъ дошедшей до насъ исповѣди одного писателя II-го вѣка, перешедшаго въ христіанство изъ язычества. Въ этой исповѣди мы читаемъ:

«Съ ранней юности скорбь и безпокойство угнетало мой духъ, потому что мнѣ, не знаю и самъ какимъ образомъ, приходила мысль о смерти и я спрашивалъ себя: настанетъ ли для меня жизнь по смерти, или я превращусь въ ничто, откуда произошелъ? Буду ли помнить послѣ смерти объ этой жизни, или безконечное время унесетъ все въ бездну забвенія, такъ что изгладится у насъ даже послѣднее воспоминаніе о ней? Между тѣмъ какъ эти и подобныя мысли безпрестанно носились въ моей душѣ, я ощущалъ невыразимую тоску и мои силы измѣнялись мнѣ. Но что особенно было прискорбно, такъ это то, что какъ только я пытался иной разъ подавить это безпокойство, то оно только еще съ большею силой обуревало меня. Это потому, что во мнѣ жило нѣчто такое, что не дозволяло мнѣ успокоиться, именно требованіе безсмертія. Я посѣщалъ тогда школы философовъ, чтобы отъ нихъ позаимствоваться знаніемъ. Но здѣсь я не нашелъ ничего, кромѣ безпрестаннаго утвержденія и отрицанія положеній и нескончаемыхъ споровъ. Если высказывалось въ этихъ школахъ положительное ученіе, что душа безсмертна, то я чувствовалъ себя счастливымъ; напротивъ того, я выходилъ со скорбію вонъ, коль скоро приводились возраженія и утверждалось, что она смертна. Но ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ мнѣній я не былъ убѣжденъ вполне. Глубоко опечаленный, я говорилъ тогда самому себѣ: зачѣмъ ты мучишься напрасно, коль скоро все будетъ имѣть конецъ? Если я не буду существовать по смерти, то къ чему тогда всѣ заботы? Если же меня по смерти ожидаетъ жизнь, то я буду жить благочестиво, чтобы не терпѣть мукъ въ мрачномъ тартарѣ. Но противъ этого я опять возражалъ себѣ: все это басни». Подобнаго же рода признанія мы находимъ въ писаніяхъ Іустина мученика и Татіана. Ясно такимъ образомъ, что вопросъ о безсмертіи есть не отвлеченный вопросъ, а вопросъ жизни, и Евангеліе удовлетворяетъ насущной потребности души челоуѣческой, ставя выше всякаго сомнѣнія вѣчную жизнь за предѣлами гроба.

III.

Жить безъ Бога, Верховнаго Существа, человѣкъ не можетъ, хотя и можетъ, къ своему несчастью, надолго забывать о Немъ. Поэтому, на всѣхъ ступеняхъ своего развитія человѣкъ ищетъ Бога, стремится къ общенію съ Нимъ. Это стремленіе наилучшее выраженіе для себя находитъ въ религіи, а всеобщность религіи свидѣтельствуетъ о всеобщности этого стремленія. Фактъ всеобщности религіи подвергается настойчивому отрицацію со стороны многихъ; но онъ поставленъ выше всякаго сомнѣнія многочисленными, какъ древними такъ и новѣйшими свидѣтельствами. Въ древности Аристотель, при всей общирности своихъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній, не зналъ ни одного народа безъ всякой вѣры въ Божество. О всеобщности религіи нерѣдко говорится въ сочиненіяхъ Цицерона. Но изъ древнихъ особенно замѣчательно слѣдующее свидѣтельство Плутарха (*Adversus Colotem epicur*). «Посмотрите, говоритъ Плутархъ, на лице земли: вы найдете города безъ укрѣпленій, безъ наукъ, безъ чиновначалія; увидите людей безъ постоянныхъ жилищъ, незнающихъ употребленія монетъ, не имѣющихъ понятія объ изящныхъ искусствахъ; но вы не найдете ни одного человѣческаго общества безъ вѣры въ Божество, ни одного города, въ которомъ не было бы никакого святилища, не были бы въ обычаѣ никакія молитвы, жертвы, клятвы». Въ новѣйшей ученой литературѣ мы также находимъ очень много свидѣтельствъ о всеобщности религіи въ человѣчествѣ. Свидѣтельства эти притомъ принадлежатъ лицамъ, извѣстнымъ своимъ безпристрастіемъ. Такъ знаменитый нѣмецкій ученый А. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» (1, 16), говоритъ, что «и у самыхъ дикихъ народовъ онъ замѣчалъ присутствіе благоговѣнія предъ таинственнымъ союзомъ, связывающимъ человѣка съ Божествомъ». Вайтцъ, авторъ «Антропологіи естественныхъ народовъ», также не указы-

васть ни одного народа, чуждаго религіозныхъ поватій. По словамъ Вупдта («Душа человѣка и животныхъ». II, 279), «болѣе тщательное наблюденіе всегда открывало, даже у самыхъ грубыхъ дикарей, такіе нравы и обычаи, изъ которыхъ можно категорически заключать о существованіи у нихъ религіозныхъ представленій, хотя и весьма несходныхъ съ нашими». Накопецъ современный французскій естествоиспытатель Катрфажъ (*Das Menschengeschlecht*. II, 200) признаеть фактъ всеобщности религіи фактомъ несомнѣннымъ, при чемъ указываетъ на нравственность и на религію, какъ на коренныя особенности человѣческой природы, которыя существенно отличаютъ человѣка отъ животнаго. Но ища общенія съ Божествомъ, человѣкъ желаетъ общенія живаго, личнаго, желаетъ обращаться къ Верховному Существу съ просьбами, благодарностью, поручать себя Его покровительству и заступленію. Отсюда, нѣтъ такой религіи, которая не имѣла бы молитвъ. И этому общечеловѣческому стремленію идетъ также навстрѣчу новозавѣтное откровеніе о цѣли жизни. Оно возвѣщаетъ, что такое имено общеніе, живое, личное, съ Верховнымъ Существомъ предстоить человѣку на вѣки и что не напрасно такого общенія человѣкъ столь пламенно желаетъ: въ немъ—конечная цѣль человѣческой жизни.

Кромѣ указанныхъ потребностей, въ человѣческомъ духѣ существуютъ и другія потребности и стремленія не менѣе существенныя, но болѣе, такъ сказать, осязательныя и опредѣленныя. Такова потребность въ истинѣ и стремленіе овладѣть ею, потребность въ добрѣ и стремленіе осуществить его.

IV.

Стремясь овладѣть истиной, познать неизвѣстное для него, человѣкъ не останавливаетъ вниманія на предметахъ ближайшихъ къ нему и его постоянно окружающихъ, т.-е. на томъ, на чемъ, повидимому, естественно ему прежде всего остановиться. Напротивъ, его мысль постоянно пе-

реходить за предѣлы ближайшей дѣйствительности, за предѣлы опыта, направляясь въ отвлеченную сверхъопытную область, и здѣсь трудится надъ рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, каковы напримѣръ вопросы о первичныхъ причинахъ и конечныхъ цѣляхъ всего существующаго, о свойствахъ человѣческой души, о бытіи міра высшаго, нежели видимый міръ, объ отношеніяхъ человѣка къ тому, что выше его, и что находится вокругъ него, и его положеніи во вселенной и т. п. И только разрѣшивъ такъ или иначе эти вопросы, человѣкъ обращается къ изученію частныхъ предметовъ и явленій, чтобы и въ этой области овладѣть истиной, познать дѣйствительныя свойства и отношенія тѣхъ предметовъ и явленій. Отсюда человѣкъ во все время, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія духовнаго развитія человѣчества, прежде всего являлся философомъ, создавалъ цѣлыя философскія, или полуфилософскія и полурелигіозныя системы и затѣмъ уже переходилъ къ изслѣдованію окружавшей его природы, и мало-по-малу накоплялъ матеріалъ для естествовѣдѣнія. И это явленіе имѣетъ также характеръ всеобщности. Мы встрѣчаемся съ нимъ не только у племенъ и народовъ цивилизованныхъ, но и у племенъ самыхъ дикихъ. Мысль дикаря, разъ она пробудилась, постоянно вращается въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ и умъ его всегда обладаетъ достаточнымъ запасомъ отвѣтовъ на эти вопросы, такъ что каждый взрослый дикарь является въ своемъ родѣ философомъ. Пусть его философія груба и дѣтски панвна; но по тѣмъ вопросамъ, какіе ею затрогиваются, она можетъ быть смѣло поставлена на ряду съ великою философіей цивилизованныхъ народовъ и, сливаясь въ душѣ дикаго человѣка съ религіозными представленіями, наполняетъ его духовную жизнь такимъ глубокимъ содержаніемъ, къ которому безпристрастный изслѣдователь не можетъ не отнестись съ удивленіемъ и уваженіемъ. Таовое, на первый взглядъ, странное явленіе, такое стремленіе мысли въ область сверхъопытную прежде ознакомленія съ окружающею человѣка

дѣйствительностью, есть однакоже явленіе вполне нормальное и должно быть признано не только неоспоримымъ доказательствомъ присущей нашему разуму потребности познавать истину, обладать ею, но и явнымъ свидѣтельствомъ того, что разуму дано также непосредственно знать, гдѣ дорогая для него истина можетъ быть найдена. Въ самомъ дѣлѣ истина—только въ рѣшеніи указанныхъ, такъ называемыхъ отвлеченныхъ вопросовъ, и обладаніе ею можетъ быть достигнуто лишь правильнымъ рѣшеніемъ ихъ. Отсюда-то даже при самыхъ одностороннихъ и недостаточныхъ отвѣтахъ на эти вопросы для человѣка становится возможнымъ переходъ отъ чисто животной къ истинно человѣческой разумной жизни. Это потому, что разъ получены тѣ или другіе отвѣты на названные вопросы, человѣкъ уже въ состояніи направить свою дѣятельность къ извѣстнымъ ясно сознаннымъ цѣлямъ и, такимъ образомъ, осмыслить ее; въ состояніи, далѣе, на опредѣленныхъ началахъ установить отношенія къ другимъ людямъ и окружающей дѣйствительности и тѣмъ обезпечить успѣхъ своего дальнѣйшаго духовнаго развитія. Естественно, что чѣмъ ближе къ истинѣ и полнѣе отвѣты на вышеуказанные вопросы, тѣмъ разумнѣе и полнѣе станетъ жизнь человѣка, обладающаго этими отвѣтами, тѣмъ понятнѣе для него становится окружающій міръ.

Однакоже предоставленный своимъ собственнымъ силамъ человѣкъ не въ силахъ овладѣть вполне истиной въ области вопросовъ отвлеченныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне уяснить для себя смыслъ частныхъ предметовъ и явленій. Поэтому исторія неустанныхъ стремленій человѣка къ истинѣ представляетъ рядъ ошибокъ и заблужденій, постоянную смѣну философскихъ системъ, теорій и воззрѣній; и потому-то тѣ свѣтлыя минуты, когда человѣкъ, думая, что онъ овладѣлъ истиной, въ восторгѣ восклицалъ: «нашелъ», всегда смѣнялись минутами тяжелаго разочарованія, и ему съ горечью отчаянія приходилось прежде, какъ приходится и теперь, спрашивать: «что есть истина?»

Но неужели этотъ коренной вопросъ ума долженъ навсегда остаться безъ отвѣта? О, нѣтъ, на него отвѣчаетъ и даже дѣлаетъ его излишнимъ откровенное ученіе о цѣли человѣческой жизни. Оно возвѣщаетъ, что Богъ, къ вѣчному общенію съ Которымъ призвана всякая душа, есть сама истина, пачало и конецъ всего, всесовершенная и многоразличная премудрость; и потому тамъ, за предѣлами гроба, въ свѣтѣ лица Божія, стремленіе разума человѣческаго къ истинѣ найдетъ еовершенное удовлетвореніе; то, что мы познали здѣсь только отчасти, неполно, односторонне и гадательно, тамъ упразднится и для каждаго останется возможность полного знанія.

V.

Но если сильна въ человѣкѣ потребность въ истинѣ и неудержимо стремленіе къ ней, то потребность въ добрѣ, стремленіе къ нему еще сильнѣе и неудержимѣе. Идея добра присуща душѣ человѣка и пробуждается въ ней вмѣстѣ съ пробужденіемъ сознанія. Эта идея имѣетъ величайшее значеніе въ жизни и дѣятельности человѣка и ни съ чѣмъ несравнимое достоинство въ глазахъ его. Идея добра по отношенію къ человѣческой дѣятельности имѣетъ принудительную силу, обнаруживая свое дѣйствіе въ человѣческой душѣ въ формѣ нравственнаго закона. Нравственный законъ требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ въ своихъ дѣйствіяхъ осуществлялъ доброе и воздерживался отъ всего, что противоположно добру. Повинуясь этому обязательному и неотступному требованію, каждый чувствуетъ себя внутренно удовлетвореннымъ. Совѣсть—это непосредственное сознаніе добра,—свидѣтельствуетъ, что дѣйствуя такъ, человѣкъ исполняетъ свой долгъ, и это свидѣтельство радуется его и услаждаетъ. Правда, какъ существо свободное, человѣкъ можетъ не исполнить требованій нравственнаго закона, нарушить свой долгъ, что къ сожалѣнію бываетъ очень часто; но такое дѣйствованіе не проходитъ для него безнаказанно; результатомъ его являются скорбь-

ныя чувства сожалѣнія и раскаянія, разстройство правильного и спокойнаго хода всей духовной жизни. При такомъ великомъ значеніи въ жизни добра, оно имѣетъ въ глазахъ человѣка безусловное достоинство и цѣну само по себѣ, и что-либо высшее добра онъ не можетъ помыслить и представить. Поэтому добро служитъ мѣриломъ достоинства всего существующаго и того, что окружаетъ человѣка, и того, что находится въ немъ самомъ. Все цѣнимое нами цѣнно для насъ только въ той мѣрѣ, въ какой проникнуто нравственными началами, или же въ той, въ какой прямо или косвенно содѣйствуетъ осуществленію въ жизни требованій нравственнаго закона, облегчаетъ человѣку трудъ этого осуществленія. Вслѣдствіе указаннаго значенія добра въ жизни человѣческой, вслѣдствіе его безусловнаго достоинства, стремленіе къ нему всегда являлось и является преобладающимъ стремленіемъ если не въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, то вообще среди людей. Опредѣляя и вырабатывая различныя отношенія и формы частной и общественной жизни, человѣкъ всегда старался положить въ основу этихъ отношеній и формъ добрыя нравственныя начала, всегда желалъ видѣть какъ въ своей жизни, такъ и въ жизни другихъ людей осуществленіе добра, особенно въ той его формѣ, которая наиболѣе выражаетъ его сущность—въ формѣ любви. Любовь въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ, по справедливости, признается со стороны людей необходимымъ условіемъ правильнаго развитія истинно человѣческой жизни, источникомъ чистыхъ радостей и вообще счастья. И тѣмъ выше ставитъ человѣкъ любовь, чѣмъ ближе она подходитъ къ своему идеалу. И потому-то каждый изъ насъ наиболѣе дорожитъ любовью родительскою, особенно материнскою, какъ любовью совершенно безкорыстною, преданною, отзывчивою и внимательною, которая въ каждомъ, на кого простирается, способна подмѣтить и по достоинству оцѣнить самыя незначительныя, но добрыя черты и самыя мимолетныя, но чистыя и благородныя движенія мысли и чувства.

Но сказанное объ истинѣ слѣдуетъ сказать и по отношенію къ добру: при паличныхъ силахъ и средствахъ человѣка, добро для него—недостижимый идеаль. Стремясь къ нему, человѣкъ естественно прежде всего желаетъ его осуществленія въ собственной жизни. Однакоже желанія и стремленія человѣка въ большинствѣ случаевъ остаются лишь желаніями и стремленіями, или же осуществляются въ самой незначительной степени, и ему постоянно приходится съ сердечною скорбію повторять то, что съ такимъ глубокимъ пониманіемъ человѣческой природы выражено апостоломъ въ слѣдующихъ словахъ: «желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающей меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ» (Рим. 7, 18. 19. 22. 23). Точно также остается неудовлетвореннымъ желаніе каждаго изъ насъ видѣть осуществленіе добра въ жизни и дѣятельности другихъ людей. Жизнь человѣческая представляетъ въ общемъ нерадостное зрѣлище: правда, которая должна господствовать во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, нерѣдко попирается несправедливостями и беззаконіемъ; вмѣсто любви руководительнымъ началомъ въ дѣлахъ людей, въ большинствѣ случаевъ, является эгоизмъ, что влечетъ за собою непрерывную смѣну взаимныхъ обидъ, тяжкихъ оскорбленій, угнетеній и звѣрскихъ жестокостей и при семъ равно страдают и угнетатели и угнетаемые, и обидчики и обидимые, хотя страданія, по своему характеру, и бываютъ различны у тѣхъ и другихъ. Отсюда-то кровь и горькія слезы людскія, потоками разливаясь по землѣ, заселенной человѣческимъ родомъ, непрестанно вопіютъ къ небесамъ. Бываютъ времена, когда среди людей особенно быстро возрастаютъ въ своей силѣ беззаконія всякаго рода; и тогда для лучшихъ представителей человѣческаго ро-

де настаютъ горькіе дни. Они жаждутъ правды и добра, но ихъ не оказывается, и окружающіе ихъ говорятъ: правды и добра, которыхъ вы жаждете, никогда не бывало, понятія о добрѣ и правдѣ измышлены самими людьми и постоянно мѣняются въ своемъ содержаніи и потому не имѣютъ безусловной обязательности для развитыхъ людей. Но эти и подобныя имъ лживыя и наразумныя возгласы и разсужденія лишь увеличиваютъ скорби читателей правды и добра и въ ихъ умъ невольно начинается сомнѣніе въ истинности присущихъ человѣческой душѣ высокихъ стремленій.

Но и па этотъ разъ евангельское ученіе о конечной цѣли человѣческой жизни является на помощь человѣку и говоритъ ему, что добро не мечта, стремленіе къ нему не напрасно и не бесплодно и не останется неудовлетвореннымъ. Ибо Богъ, прискреннее общеніе съ Которымъ предстоить человѣку за предѣлами гроба, есть не только истина, но и добро и любовь. А потому всякій, достигшій обителей Отца небеснаго, будетъ находиться въ общеніи съ самою Благостію, подъ покровомъ любви Божественной, въ царствѣ которой не можетъ быть мѣста эгоизму, а слѣдовательно и злу. И подъ животворящимъ и укрѣпляющимъ дѣйствіемъ этой любви будутъ безостановочно и безпрепятственно развиваться и восходить отъ силы въ силу начала добра, заложенныя въ душѣ каждаго, и будутъ вызваны къ жизни даже тѣ добрыя зачатки, которые таятся еще въ зародышѣ, безсознательно, какъ въ душѣ дѣтей, поелику и о дѣтяхъ сказано: «таковыхъ есть царствіе небесное» (Мѡ. 19, 14). И эта любовь, вѣчная и неизмѣнная, любовь отеческая приникнетъ къ каждой отдѣльной душѣ человѣческой, уврачуеетъ рапы, причиненныя на землѣ скорбями и страданіями, и все доброе и хорошее въ ней, хотя бы и малое, оцѣнитъ и за все воздастъ,—и за чашу холодной воды, поданной жаждущему, и за одежду, прикрывшую наготу, и за участливое отношеніе къ страждущимъ, и за вздохъ сокрушеннаго сердца, и за покаянную горячую слезу.

Но познаніе истины и созерцаніе ея доставить успокоеніе разуму; отеческая, врачующая, праведная и укрѣпляющая любовь оживить сердце несказанною радостью; то и другое наполнить душу блаженствомъ, которое теперь невозможно представить и которое естественно послужить великою наградой за тернистый путь, приведшій къ конечной цѣли жизни—царству, уготованному отъ сложенія міра и въ немъ къ общенію съ Богомъ истины и любви. Выше этого не къ чему уже стремиться, лучше этого невозможно желать.

VI.

Такимъ образомъ, евангельское ученіе о цѣли жизни идетъ навстрѣчу всѣмъ кореннымъ потребностямъ человѣческаго духа, даетъ отзывъ на всѣ существенные его запросы. Поэтому при всей своей возвышенности, оно можетъ найти доступъ ко всякой человѣческой душѣ, успокоить ея и обрадовать, для каждаго въ отдѣльности и для всѣхъ вообще послужить свѣтлою путеводною звѣздой среди мрака земной жизни и всѣхъ соединить въ одно крѣпкими духовными узами.

Такъ дѣйствительно и было, когда евангельское ученіе о цѣли жизни было впервые повѣдано міру. И мудрые и буи міра, узнавши его, всѣмъ сердцемъ его воспріали, воспріавъ возрадовались радостью великою, и эта радость замѣнила въ ихъ душахъ языческую тоску отчаянія и неизвѣстности. Ихъ перестали тревожить, какъ уже излишніе, вопросы: «что такое жизнь, къ чему ведетъ и для чего она?» ибо для нихъ сдѣлался яснымъ высокій смыслъ жизни и перестала быть загадкой ея цѣль; а вмѣстѣ съ тѣмъ оказались удобоносимыми и легкими бѣды и горести житейскія. Гонимые всячески, подвергаясь голоду, жаждѣ, наготѣ и побоямъ, они благодушно терпѣли; хулимые, молили; прокливаемые, благословляли (1 Кор. 4, 11—13); терзаемые, пѣли хвалебные гимны Всевышнему; сожигаемые, шептали слова мира и всепрощенія. Въ виду общей всѣмъ ве-

ликой цѣли, они сложились въ братское общество, въ которомъ была одна душа, и составили прочную незыблемую основу той церкви, глава которой Христосъ и которую, по слову Господа, не одолѣютъ и врата адавы.

То или другое ученіе, касающееся коренныхъ вопросовъ мысли и жизни, никогда не остается, какъ уже извѣстно, безъ вліянія на жизнь лицъ, его усвоившихъ, и характеромъ этого вліянія опредѣляется неправда, или же истинность ученія. Ученіе ложное въ своей основѣ, даетъ также ложное направленіе мыслямъ, чувствамъ и вообще всему направленію духовной жизни своихъ послѣдователей, ведетъ ихъ къ предосудительной, или неразумной дѣятельности и всегда является врагомъ человѣческаго счастья. Ученіе истинное сопровождается противоположными, слѣдовательно благотворными послѣдствіями. Если такъ, то въ томъ благодѣтельномъ воздѣйствіи, которое было произведено евангельскимъ ученіемъ о цѣли жизни на жизнь людей, впервые его воспринявшихъ, основательно видѣть неоспоримое доказательство его истинности.

Конечная цѣль жизни ясно поставлена въ евангельскомъ ученіи предъ глазами всѣхъ, и всякій знакомый съ Евангеліемъ, не можетъ не знать, въ чемъ состоитъ она. Но знаніе цѣли не есть ея достиженіе. Можно имѣть отчетливое представленіе о цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ не только не приближаться къ ней, но все далѣе и далѣе уходить отъ нея. Для того чтобы цѣль жизни была достигнута, необходимо знать средства, ведущія къ ней, необходимо пользоваться этими средствами. Средства эти также указаны Евангеліемъ. Оно учитъ, что человѣкъ долженъ вѣровать и любить, если желаетъ уяснить для себя смыслъ жизни и достигнуть ея конечной цѣли, что путь вѣры и любви есть единственный путь, ведущій къ преискреннему общенію съ Отцемъ небеснымъ—Богомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. Николай Флеонскій.

РЕВНОСТЬ НЕ ПО РАЗУМУ.

Слово 21 декабря 1884 г., въ двѣнадцатую годовщину
Братства св. Петра митрополита.

Свидѣтельствую бо имъ, яко ревность Божію имутъ, но не по разуму.
(Рим. 10, 2).

Сими словами ап. Павелъ выражаетъ сожалѣніе объ Израильтянахъ, неувѣровавшихъ во Христа. Онъ говоритъ не о тѣхъ изъ нихъ, которые не увѣровали въ Евангеліе по злобѣ, какъ заклые враги Христа во время земной Его жизни, фарисеи и саддукеи,—не тѣхъ, которые подъ личиною ревности по Богѣ скрывали нечистыя побужденія: своекорыстіе, властолюбіе, или желаніе удержать народъ подъ своею властію,—также сластолюбіе, не мирившееся съ ученіемъ Христа о самоотверженіи,—но о тѣхъ, которыхъ невѣріе происходило изъ дѣйствительной ревности по Богѣ. Имъ говорили проповѣдники Евангелія, что пришло время разстаться съ субботама, новомѣсячіями и другими праздниками, съ жертвами, обрядами, потому что все это имѣло смыслъ до пришествія Христова, служило приготовленіемъ къ вѣрѣ во Христа и съ пришествіемъ Его подлежало отмѣненію. Нѣтъ, отвѣчали ревнители закона, грѣшно разстаться съ тѣмъ, чего требуетъ законъ Божій, хотя въ самомъ же законѣ есть указанія на его временное, до Христа, употребленіе. Проповѣдники Евангелія говорили, что дѣлами закона никто не оправдается, — разумѣя дѣла не только обрядоваго, но и нравственнаго закона,—потому что никто изъ лю-

дей не свободенъ отъ грѣховной скверны, хотя бы одинъ день прожилъ на землѣ (Іов. 14, 4. 5), а законъ грозитъ проклятіемъ всякому, кто постоянно не исполняетъ всего, что написано въ книгѣ закона (Гал. 3, 16). И такъ какъ никто изъ получившихъ законъ не могъ исполнить его совершенно, то, очевидно, проклятіе закона падало на всѣхъ, кому данъ законъ. Снять эту клятву, это осужденіе, тяготѣвшее на всѣхъ, могъ только Христосъ искупитель, за всѣхъ пострадавшій и умершій. Онъ есть единственный виновникъ нашего оправданія предъ небеснымъ правосудіемъ. Какъ усвоится это оправданіе? Посредствомъ смиреннаго сознанія нашей духовной безпомощности и посредствомъ вѣры въ Христа, какъ нашего искупителя. Вѣра сія составляетъ главное условіе для пріятія благодати искупленія. Добрыя же дѣла спасительны въ этомъ случаѣ только въ соединеніи съ вѣрою. «Благодатію есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ, ни отъ дѣлъ, да никтоже похвалится». Но ревнители закона ветхозавѣтнаго, неурзумѣвъ цѣли его путевождать ко Христу, не разумѣвъ правды Божіей и «свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не покорипася» (ст. 3). Ревность по законной праведности и надежда на оправданіе предъ Богомъ собственными заслугами убивали въ нихъ чувство нужды въ праведности Божіей, т.-е. въ оправданіи вѣрою во Христа, который есть наша правда, освященіе и избавленіе (1 Кор. 1, 30). Но можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ ревнители законной правды достигали такихъ великихъ успѣховъ въ нравственной жизни, что за эти одни успѣхи заслуживали оправданія отъ Бога?—Этого не видно, напротивъ изъ обличеній Христа Спасителя фарисеямъ, ревнителямъ законной правды, видно, что вся ихъ праведность состояла въ томъ, чтобы не дѣлать грубыхъ уголовныхъ преступленій въ отношеніи къ ближнему, не быть ворами, грабителями, прелюбодѣемъ, исполнять требованія обрядоваго закона о праздникахъ, о жертвахъ, о десятинахъ, не заботясь о насажденіи въ сердцѣ страха Божія, о чистотѣ сердечной. Не-

льзя было заподозрить въ неискренности ихъ ревность къ наружнымъ дѣламъ благочестія, за то они оставляли въ пренебреженіи болѣе важное въ законѣ—*правосудіе, милосердіе и вѣрность* въ исполненіи даннаго слова, или вообще нравственнаго долга въ отношеніи къ ближнимъ (Мат. 23, 14). Они не хотѣли знать, что пренебреженіе этихъ обязанностей отнимало достоинство у ихъ ревности къ дѣламъ благочестія и дѣлало эту ревность неразумною. Но они ревновали не объ одной правдѣ законной,—т.-е. той, которая прямо заповѣдана въ законѣ писанномъ, а вмѣстѣ о строгомъ соблюденіи отеческихъ или старческихъ преданій. Ученія, правила и обычаи, наслѣдованныя ими отъ предковъ дальнихъ и близкихъ, для нихъ не меньше, если не больше были важны, какъ и заповѣди Моисеева закона. Такъ по этимъ преданіямъ пятая заповѣдь о почтеніи къ родителямъ считалась исполненною, если сумма нужная для содержанія ихъ отдавалась въ церковную казну. Обычай не брать пищи неумытыми руками и подробныя правила объ очищеніи сосудовъ были также отеческимъ преданіемъ. Всѣ подобныя преданія, накоплявшіяся съ каждымъ вѣкомъ въ большемъ количествѣ, собраны въ послѣдствіи въ книгѣ Талмудъ. Какъ неразумна была ревность о соблюденіи этихъ преданій, видно не только изъ несогласія, даже противорѣчія многихъ изъ нихъ съ писаннымъ закономъ Моисеевымъ, но вмѣстѣ изъ противорѣчія ихъ здравому смыслу. Напримѣръ на основаніи заповѣди Божіей: *да не сотвориши всякаго дѣла* въ день субботный (Исх. 20, 10), возникло ученіе, что въ субботу грѣшно даже плевать по воздуху, потому что это дѣйствіе похоже на вѣяніе неочищенной ржи. Что можетъ быть неразумнѣе этого правила и слѣдственно ревности объ исполненіи его?—Къ числу подобныхъ ревнителей принадлежалъ ап. Павелъ до своего обращенія ко Христу. Онъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что «преуспѣвалъ въ іудействѣ болѣе многихъ сверстникъ своихъ, будучи неумѣреннымъ ревнителемъ своихъ отеческихъ преданій» (Гал. 1, 14),

и что по ревности гналъ церковь Божию (Филип. 3, 6). Онъ убѣжденъ былъ, что службу совершаетъ Богу, дыша угрозами и убійствомъ противъ вѣрующихъ во Христа. Ревность поистинѣ неразумная, въ которой онъ и раскался, когда благодать Божія коснулась его души, и онъ, вразумленный Господомъ, сдѣлался изъ гонителя Христовой церкви ревнителемъ ея.

Во всѣ времена и вездѣ были и есть въ обществѣ христіанскомъ люди, на которыхъ простирается горькое слово апостола, первоначально обращенное къ израильтянамъ: «имуть ревность Божию, но не по разуму». Есть напри- мѣръ и среди насъ набожные люди, которые увѣрены, что для угожденія Богу достаточно одного механическаго служенія Ему. «Заставь неразумительнаго человѣка Богу молиться, онъ лобъ прошибетъ». Это значить, что его ревность къ молитвѣ ограничивается однимъ учащенными земными поклонами, но безъ мысли и чувства молитвеннаго. И мало ли другихъ примѣровъ подобной неразумной ревности? Спасителенъ постъ, но изнурять постомъ силы до невозможности принятыя за полезный и спасительный трудъ, даже до опасности умереть голодною смертию, есть поистинѣ дѣло неразумной ревности. Къ богоугоднымъ дѣламъ относятся путешествія къ святымъ мѣстамъ для богомолья; но оставлять на время путешествія семейство свое безъ попеченія, хозяйство безъ присмотра, тоже дѣло неразумной ревности. Похвальное дѣло жертвовать на построеніе храмовъ; но разумна ли ревность къ сему дѣлу, если оно соединяется съ разореніемъ ближнихъ, если забывается заповѣдь Божія: «милости хочу, а не жертвы?»—Не исчисляя другихъ подобныхъ примѣровъ, обратимъ вниманіе на примѣры неразумной ревности въ лицѣ нашихъ сектантовъ, особенно глаголемыхъ старообрядцевъ. Въ наше время появляется не мало новыхъ сектъ. Изобрѣтатели и учителя этихъ сектъ убѣждены, что, отвлекая отъ церкви сыновъ ея, они изводятъ ихъ изъ тмы къ свѣту, изъ области сатаны къ Богу, стало-быть совер-

шаютъ дѣло богоугодное. Но ревность, съ которою они такъ поступаютъ, можетъ ли быть названа разумною, въ виду того, что Церковь есть столпъ и утвержденіе истины, слѣдственно отторгать людей отъ церкви значить отвлекать ихъ отъ истины? Мудрствуя вопреки ученію церкви о томъ, во что и какъ надобно вѣровать, они и сами идутъ путемъ заблужденія и другихъ вводятъ въ заблужденіе. Они думаютъ находить опору для своего ученія въ самомъ словѣ Божіемъ. Но предубѣжденіе и вражда противъ церкви такъ ослѣпила ихъ, что ссылаясь на одни свидѣтельства слова Божія, кажущіяся имъ благопріятствующими ихъ мнѣніямъ, они не хотятъ знать другія, которыя ниспровергаются ихъ лжеученіе. Ревность, съ какою они навязываютъ другимъ свое неправое разумѣніе слова Божія, поистинѣ неразумна.—Что сказать наконецъ о глаголемыхъ старообрядцахъ? Не отрицаемъ, что они имѣютъ ревность Божію, подобную той, какою пламенѣли израильтяне. Они отдѣлились отъ церкви по привязанности къ обрядамъ, которые они почитаютъ древнѣйшими общепринятыхъ церковью, и къ старопечатнымъ книгамъ, изданнымъ до патріарха Никона, которыя они почитаютъ грѣхомъ промѣнять на новоисправленные. Въ основаніи ихъ привязанности къ старымъ обрядамъ и книгамъ лежитъ, положимъ, ревность о благочестіи. Не будемъ подвергать сомнѣнію искренность ихъ ревности, какъ и ап. Павелъ ни заподозрилъ въ искренности ревность израильтянъ къ обрядовому закону. Но какъ ревность израильтянъ была неразсудительна, такъ недостаетъ рассудительности и въ ревности нашихъ старообрядцевъ. Ревнующіе о старыхъ книгахъ и обрядахъ, рассудительно ли поступаютъ, когда обрядамъ приписываютъ одинаковую важность съ догматами вѣры, такъ что измѣнить обрядъ, по ихъ мнѣнію, тоже, что измѣнить или исказить догматъ вѣры? Рассудительно ли поступаютъ, когда по пристрастію къ своимъ обрядамъ и книгамъ не только отвергаютъ обряды общепринятыя и книги повонисправленные, но еще всяче-

ски хулять ихъ, именуютъ ихъ еретическими, хотя тѣ и другія благословлены къ употребленію соборною властью церкви? Разсудительно ли поступаютъ, когда изъ-за старыхъ обрядовъ и книгъ отдѣляются отъ церкви, которая есть тѣло Христово, и слѣдственно отъ самого Христа, Главы этого тѣла,—когда враждуютъ противъ законнаго церковнаго священноначалія и чрезъ то лишаютъ себя благодати таинствъ, которые могутъ быть совершаемы только законными епископами и пресвитерами? Разсудительно ли поступаютъ ревнители мнимой церковной старины, когда, отвергая присутствіе благодати Божіей въ церкви, или живутъ совсѣмъ безъ церковнаго священноначалія и безъ таинствъ, или изобрѣтаютъ свою незаконную іерархію, члены которой, не имѣя законнаго священства, совершаютъ только подобіе таинствъ, безъ благодатной ихъ силы, и какъ сами повинны въ грѣхѣ кощунства, дерзая совершать то, на что не имѣютъ права, такъ и другихъ, прибѣгающихъ къ ихъ духовной помощи, вводятъ въ заблужденіе, раздавая имъ вмѣсто даровъ благодати только книжныя слова и знаки, на нее указующіе? Разсудительно ли поступаютъ ревнители старообрядчества, отвергая общеніе съ церковію даже тогда, когда она готова принять ихъ въ свое лоно на условіяхъ такъ называемаго единовѣрія, пренебрегая снисходительно даруемое имъ разрѣшеніе пользоваться излюбленными ими обрядами и книгами, и даже всячески глумясь надъ этою снисходительностію? Неразумная ревность по Богѣ израильтянъ проявлялась въ пристрастія ихъ къ старческимъ преданіямъ. Какъ много подобныхъ преданій, несогласныхъ съ словомъ Божиимъ и ученіемъ церкви, и у нашихъ старообрядцевъ, особенно у непріемлющихъ священства!—Брадобритіе—ересь, четьрекопечный крестъ—печать антихриста, имѣть общеніе въ ястія и питія съ неединомыслящими есть оскверненіе,—законный бракъ—грѣхъ непростительный, а распутство—простительный и т. п. И всѣ эти ученія и правила уважаются и соблюдаются по ревности къ старой вѣрѣ! Можетъ ли быть что неразумнѣе подобной ревности?

Братія, отпадшіе отъ церкви по ревности по вѣрѣ! Ваша ревность, быть можетъ, проистекаетъ изъ чистыхъ побужденій, но и чистыя побужденія не оправдываютъ тѣхъ грубыхъ заблужденій, которыя вы такъ упорно отстаиваете въ жару ревности по вѣрѣ. Поймите неразумность вашей ревности, ложно направленной, и дайте ей другое направленіе. Возьмите примѣръ съ бывшихъ вашихъ единомышленниковъ, которые съ неменьшею ревностію враждовали противъ православной церкви, а теперь сдѣлались покорными сынами ея. Ревность по вѣрѣ осталась при нихъ, но она сдѣлалась разумною, ибо основаніемъ и предметомъ ея стала истина. Подобно ап. Павлу изъ враговъ церкви они сдѣлались ея поборниками и лучшими сынами. Что мѣшаетъ и вамъ увеличить собою число ихъ? Нельзя не отдать вамъ справедливости въ томъ, что въ большинствѣ вы отличаетесь постничествомъ, усердіемъ къ протяженнымъ молитвамъ, воздержаніемъ и трезвостію. Качества похвальныя, но они помрачатся враждою противъ церкви и потому небогоугодны. Раскайтесь въ этой враждѣ. Лучше въ нѣдрахъ св. церкви служить Господу строгою христіанскою жизнію, чѣмъ внѣ ея съ опасностію потерять спасеніе. Церковь будетъ рада видѣть въ васъ то, чего она требуетъ отъ всѣхъ чадъ своихъ, и отсутствіе чего во многихъ изъ нихъ оплакиваетъ. Своимъ добрымъ примѣромъ ревности по вѣрѣ и христіанской жизни вы быть можетъ оживите церковную жизнь въ тѣхъ изъ насъ, въ которыхъ она ослаблена духомъ міра. Церковь благословитъ и вашу ревность по вѣрѣ и вашу строгую жизнь.

Господи Іисусе Христе, просвѣтливый Савла, бывшаго по ревности гонителемъ и врагомъ твоей церкви, и содѣлавшій его ревностнымъ служителемъ ея, коснись твоею просвѣщающею благодатію умныхъ очей нашихъ многочисленныхъ Савловъ и вражду ихъ противъ церкви превтори въ любовь къ ней, ихъ ревность къ разрушенію ея въ ревность къ ея созиданію.

Прот. В. Печасвъ.

ПИСЬМА МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1. *къ Григорію митрополиту Новгородскому и Санкт-петербургскому.*

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь! Вчера представлено отъ меня св. Синоду въ двухъ донесеніяхъ, о разрѣшеніи двухъ повременныхъ изданій: 1) «Православное Обзорѣніе», и 2) «Душеполезное Чтеніе»^{а)} Благоволите обратить на сіе вниманіе, дабы, если представленіе сіе удостосно будетъ благосклоннаго рѣшенія, рѣшеніе сіе послѣдовало безъ умедленія, дабы имѣть время приготовиться къ началу.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. Ноября 20-го 1859.

2. *Къ Къ 1-му главноначальствующему надъ почтовыми департаментомъ, д. т. сов. Федору Ивановичу Прямышникову.*

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Получивъ отъ в. в—ва извѣщенія о сдѣланныхъ вами распоряженіяхъ касательно назначенія облегчительной платы за пересылку по почтѣ двухъ ежемѣсячныхъ изданій, предпринятыхъ московскими священниками, душевнымъ долгомъ признаю, принести вамъ, мил. гос., совершенную благодарность, какъ споспѣшествователю религіозно-нравственныхъ ученій въ народѣ.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. Января 12-го 1860.

3. *Къ наказному атаману Донскаго войска, генералъ-адъютанту, генералу отъ кавалеріи Михаилу Григорьевичу Хомутову.*

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Благодареніе Богу, еще даровавшему намъ встрѣтить поволѣтіе подъ осѣненіемъ благодати родившагося на землѣ во спасеніе наше Единороднаго Сына Божія.

Благодарю Бога, что еще дароваль мнѣ слышать отъ в. в—ва и, чрезъ васъ, отъ предводимаго вами воинства Донскаго, братолюбный и доброжелательный привѣтъ.

а) Донесеніе св. Синоду о изданіи сего журнала напечатано въ январс. кн. „Душепол. Чтенія“ за 1880 г. стр. 130.

Съ искреннимъ сочувствіемъ взаимно привѣтствую васъ, мил. гос., и съ непоколебимою вѣрностію преданное отеческой вѣрѣ, царю и отечеству, мужественное и славное воинство Донское, вознося смиренную молитву мою къ Господу, да благословляетъ и охрапаетъ васъ и предводимыхъ въ мирѣ благоденственными, и въ брани побѣдоносными, ко благу и славѣ царя и отечества.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. Января 22-го 1862.

ЗАМѢЧАНІЯ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА

НА РУКОПИСЬ: «НАЧЕРТАНІЕ ЖИТІЯ СЯТИТЕЛЯ ФИЛИППА II, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РОССИИ ЧУДОТВОРЦА».

1854, янв. 27. «Комитетъ (*цензурный*) не сказываетъ своего мнѣнія о рукописи. Кажется порядокъ не того требуетъ, чтобы я сказалъ свое мнѣніе и представилъ на разсмотрѣніе комитета. Прочитавъ первое отдѣленіе рукописи и сличивъ съ замѣчаніями комитета, нахожу, что не замѣчено многое, требующее замѣчанія. Прилично ли, чтобы жизнеописаніе *святаго* было кому-нибудь *посвящено*? Посвящаютъ несвятое святому. Что значать слова: *оказалъ успѣхъ въ священномъ писаніи*? Порусски ли: *упражнялся имъ? Завѣтъ самоотверженія отъ міра? Тайно скрылся?* Развѣ кто скрывается публично? *Стремленіе къ познаніямъ самого себя?* Развѣ есть нѣсколько познаній самого себя? Говорятъ ли русскій языкъ и грамматика: *съ богатою вкладою*? Сочинитель, обѣщавъ написать житіе полное, наполняетъ оное словами, а пропускаетъ дѣло. Для чего не сказалъ онъ прямо, что Филиппъ проходилъ послушаніе въ поварнѣ и пекарнѣ, какъ сказано въ Прологѣ? Для чего пропустилъ важное обстоятельство, что Филиппъ изъ пустыни приходилъ въ монастырь (*Соловецкій*) для приобщенія святыхъ таинъ? Неодобрительно, что сочинитель называетъ царя Іоанна Васильевича мужемъ кровей. Въ разговорѣ царя съ Филиппомъ сочинитель сокращаетъ рукопись (*древнюю, которою онъ пользовался*) и портитъ. Напримѣръ: *уподобляйся ему содержать правду*. Тутъ нѣтъ грамматки.—Предлагаю комитету разсмотрѣть сочиненіе съ достойною предмета строгостію, и постановить опредѣленіе.»

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1844, сент. 2. «При посѣщеніи мною сегодня Николаевского Угрѣшскаго монастыря, въ описи онаго усмотрѣны мною такія неисправности, которыя необходимо должны затруднять въ повѣркѣ наличныхъ вещей съ описью, и вредны для цѣлости монастырской собственности. Ни одной книги не показано въ описи мѣсто и годъ изданія: вслѣдствіе чего драгоценная древняя книга легко можетъ быть подмѣнена новою. Нѣкоторыя книги показаны въ описи подъ ложнымъ и небывалымъ заглавіемъ. Напримеръ: подъ № 4-мъ *Евангельскихъ бесѣдъ шесть въ кожаномъ переплетѣ*. Въ наличности же подъ симъ № оказались «Бесѣды святаго Златоуста на евангелиста Матѳея», числомъ 45, то есть первая часть всего сочиненія, изданія Московскаго, 1664 года. Опись подписана игуменомъ Иларіемъ, казначемъ Пименѣмъ, и свидѣтельствована Высокопетровскимъ архимандритомъ (*Гавріиломъ*). По долгу охраненія монастырской собственности, необходимымъ признается учинить слѣдующее: 1) поставить вышеозначенный недосмотръ на видъ наименованнымъ лицамъ, съ подтвержденіемъ о соблюденіи въ дѣлахъ должностныхъ точности. 2) Консисторіи распорядить исправленіе описи немедленно и по исправленіи освидѣтельствовать со вниманіемъ. 3) Благочиннымъ монастырей предписать, чтобы при посѣщеніи оныхъ досматривали, нѣтъ ли въ другихъ мѣстахъ въ описяхъ подобныхъ неточностей, отъ каковыхъ въ прежнее время много примѣчательныхъ древностей перешло въ постороннія руки, и въ нихъ погрязло подъ покровомъ давности.»

1860, мая 10. «Благочинный (протоіерей N) неправъ въ томъ, что доносилъ неопредѣленно и неточно; но правъ въ томъ, что неисправности дѣйствительно оказались. Объясненіе Вознесенскаго протоіеря, что невѣрности метрическихъ записей происходили отъ матерей младенцевъ, неудовлетворительно, потому что записана дочь Александра вмѣсто сына Александра; въ этомъ мать не могла обмануть: ибо весь причтъ при крещеніи зналъ, какого пола младенецъ; слѣдственно и виноватъ причтъ. Неудовлетворительно и то объясненіе протоіеря, что обыски а) находятся на отвѣтственности діакона: настоятель церкви долженъ наблюдать за всѣми подчиненными членами причта, и побуждать ихъ къ соблюденію законнаго порядка, а въ противномъ случаѣ донести немедленно, потому что долго запущенныя неисправности исправлять труднѣе. Неудовлетворительно и то оправданіе, что неисправность обысковъ не угрожаетъ вредными послѣдствіями. Сего вѣрно предвидѣть нельзя. И законы не были бы достаточно охранены, еслибы допущено было не исполнять ихъ, потому что не предвидится вреда. За симъ въ надеждѣ, что при попеченіи протоіеря Сергія будетъ соблюдаема по церкви его болѣе строгая исправность въ веденіи церковныхъ документовъ, почитать сіе дѣло оконченнымъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Объявить сію резолюцію обоимъ протоіерьямъ указами.»

1836. янв. 5. «Изъ допроса священника Елисеева видно слѣдующее: 1) имя Мамельхва (5 окт.) далъ онъ младенцу необычное и неудобно произносимое. 2) Имя сіе далъ (спустя мѣсяць?) отъ рожденія младенца; а сіе показываетъ, что онъ усиленно выискивалъ странное имя, чтобы сдѣлать неудовольствіе крестьянину. 3) Объясненіе его, что даетъ такія странныя имена для прославленія святыхъ, есть лицемѣрное и безсовѣстное. 4) Противъ жалобы о всенародной исповѣди объясненіе далъ онъ неудовлетворительное. 5) Признался, что въ церкви по литургіи называлъ крестьянина Семенова неприличными словами, и это въ отмщеніе за личную обиду. Посему учинить слѣдую-

а) Обыскъ—свидѣтельство о женихѣ и невѣстѣ, записанное въ церковной книгѣ, что они не соединены родствомъ и безпрятственны къ браку.

ще: 1) консисторіи постановить по сему дѣлу законное опредѣленіе. 2) Но какъ безчиніе въ церкви, притѣсненіе прихожанъ и безсовѣстіе священника очевидны, то чтобы прекратить соблазнъ и успокоить прихожанъ, нынѣ же отрѣшить сего священника отъ сей церкви, документы на званіе отобрать у него къ дѣлу, запретить ему священнослуженіе, ношеніе рясы и благословеніе (*рукой*) и опредѣлить его на причетническое мѣсто подъ особый надзоръ мѣстнаго благочиннаго и мѣстнаго священника до усмотрѣнія. 3) Случай сей вносить въ справку, когда будутъ ученики владимірскіе проситься въ московскую епархію. 4) Если родители не привыкли къ имени младенца и желаютъ перемѣнить оное: то мѣстному (*первому*) священнику при случаѣ пріобщенія сего младенца святыхъ Таинъ нарещи его другимъ приличнымъ именемъ, которое и родителямъ объявить для употребленія, и въ метрической книгѣ отмѣтить, что перемѣнено по предписанію начальства».

1838, мар. 25. «Дать священнику наставленіе, что подтвержденіе брака (*совершеннаго въ расколничьей часовнѣ*) можетъ произведено быть безъ народнаго собранія, потому что нужно законное освященіе и умирненіе совѣстей, а не гласность. Имѣющагося сына признавать законнымъ по силѣ церковнаго подтвержденія брака».

1837, дек. 10. «Законъ приведенъ не къ дѣлу. Онъ говоритъ просто о небывшихъ на исповѣди, и не велитъ всякаго посылать въ монастырь. А присылаемыхъ изъ суда за небытіе на исповѣди указы св. Синода велятъ посылать въ монастырь. По симъ указамъ и поступить. Ибо Сводъ Законовъ не отмѣняетъ церковныхъ законовъ, не вошедшихъ въ сей Сводъ.»

1865, апр. 19. «Начальство не имѣло намѣренія оставлять сего студента (*Ш. Т-ва*) безъ мѣста семь лѣтъ. Мѣста доставались другимъ по уважительнымъ причинамъ, какъ-то по испытанію, по уваженію къ избранію прихожанъ и храмоздателей, и пр. Но судьба его оказывается справедливою. Будучи семь лѣтъ празденъ отъ службы, онъ не выучился пѣть, и не могъ пропѣть ирмоса изъ канона Богоявленія Господня. Такое невнима-

ніе и неуваженіе къ обязанностямъ церковной службы заслуживаетъ еще оставленія безъ службы, чтобы вразумился и выучился. Пбо худое пѣніе и чтеніе въ церкви охлаждаетъ прихожанъ, и слѣдственно дѣлаетъ существенный вредъ душамъ. Впрочемъ преосвященный разсмотритъ и сіе прошеніе съ прочими.»

1865, іюля 31. 1) «Проситель діаконь значительно мо-
ложе другаго просителя (*просили священническаго мѣста при тойже церкви*).—Несогласно съ догматомъ сказалъ въ проповѣди, что Іисусъ Христосъ «не хотѣлъ пререкать предвѣчнымъ судьбамъ Трійпостаснаго Божества», какъ будто Онъ есть существо отдѣльное отъ Трійпостаснаго Божества.—Несообразно также съ достоинствомъ Богочеловѣка выраженіе: «мысль не могла не растерзать сердца Его».—Неточно и неназидательно сказано имъ, что лучшіе изъ христіанъ «многократно допускають богопротивныя мысли, ропотныя жалобы и пр.» Истинные христіане не допускають, а приражающіяся отъ діавола отражають молитвою и благодатною силою. Нужно діакону осторожнѣе обдумывать, что говорить.

1859, дек. 9. «Консистеріи программы повременныхъ изданій: «Православное Обзорѣніе» и «Душеполезное Чтеніе» раздать въ монастыри и церкви по всей епархіи съ тѣмъ, чтобы, смотря по способамъ, выписывали на монастырскія и церковныя суммы, по возможности, оба изданія, а если сего не можно, то въ ближайшія церкви въ одну, въ другую другое изданіе, дабы причты могли пользоваться попеременно. Священники должны воспользоваться сими изданіями между прочимъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя статьи, особенно Душеполезнаго Чтенія помогутъ имъ составлять свои поученія, и даже могутъ вполнѣ, или съ сокращеніемъ быть прочитываемы въ церкви въ качествѣ поученій».

На рапортѣ благочиннаго, Моск. округа, села Черкизова священника N, который «имѣлъ счастье» обзорѣть, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подвѣдомыя церкви, резолюція отъ 2 дек.

1843 г.: «Зачѣмъ кстати и некстати *счастье?*—Въ конси-
сторію.»

На проектѣ о учрежденіи въ селѣ Горбуновѣ, Дмитровскаго уѣзда, богадѣльни на 20 чел. мужеска пола и женска, резолюція отъ 28 ноября 1851 г.: «Сіе благотворительное учрежденіе, благоугождаемый таковыми жертвами Богъ да благословить и утвердить. Да обрѣтаютъ призрѣваемые въ ономъ спокойную жизнь и душевную пользу., и да возносятъ молитвы о христолюбивомъ учредителѣ (*помѣщикъ-дворянинъ Алексѣй Гаврил. Поповъ*) и родѣ его. Приими, Господи, жертву раба Твоего Алексѣя въ вою благоуханія духовнаго, и возниспосли благодать Твою ему и роду его.»

Сообщилъ Архим. Г—рій.

В Л І Я П І Е

язычества и христіанства на питомцевъ греческихъ и латинскихъ школъ II, III и IV вѣковъ *).

(Историческія параллели).

Въ хорошей правильно организованной школѣ юноши не только обучаются разнымъ полезнымъ наукамъ, но и дисциплинируются. Достигала ли этой послѣдней цѣли языческая школа, и насколько достигала?—Дисциплина языческихъ училищъ, къ сожалѣнію, стояла на низкомъ уровнѣ и не могла удовлетворять даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Свидѣтельствъ о томъ, что школы языческія были распущены, можно встрѣтить очень много; но тщетно мы стали бы искать хотя одного прямого свидѣтельства, удостовѣряющаго, что школьная дисциплина была благоустроена. Вотъ пѣсколько чертъ, рисующихъ неприглядное состояніе дисциплины въ языческихъ школахъ. «Школьники отличались чрезвычайнымъ своевольствомъ, доходившимъ до безобразія. Въ школу они входили съ безстыдствомъ и наглостью, не разбирая того, во время ли они пришли или нѣтъ. Подобно одержимымъ горячкой или безуміемъ, нарушали порядокъ, вводимый учителемъ для лучшихъ успѣховъ учениковъ въ наукахъ. Школьники осмѣливались дѣлать множество оскорбленій самаго грубаго свойства». Печально было въ особенности то, что закономъ не полагалось надлежащимъ образомъ наказыв-

*) Окончаніе. Начало см. въ январекой кн. „Душ. Чт.“

вать за подобныя нетерпимыя шалости. «Ибо обычай покровительствовалъ дерзости ребятъ». А сами школьники ни во что ставили свои продѣлки, считая ихъ «за нѣчто позволительное» ^{н)}. Любимою пѣсней «косматыхъ юношей была какая-то пѣсня, носившая странное названіе: «Завѣщаніе свиньи». Неизвѣстно, что это была за пѣсня. Во всякомъ случаѣ она была не выше извѣстной современной студенческой пѣсни: *Gaudeamus igitur* (хотя и эта послѣдняя пѣсня не можетъ быть причислена къ лучшимъ, такъ какъ она проникнута эпикурейскимъ духомъ). Что «завѣщаніе свиньи» было непохвальнога характера, объ этомъ отчасти можно судить по тому, что пѣсня пѣлась на шутовскихъ пирушкахъ и признавалась знавшими ее «непотребною» ^{і)}. Между учениками школъ царил лѣнность, такъ что учителя едва могли управляться съ лѣннвцами. «Ученикамъ больше правилось играть въ кости или кегли, чѣмъ учить рѣчь умирающаго Катона». Чтобы уклониться отъ урока, ученики пускались на всякія выдумки. Они «нерѣдко намазывали себѣ глаза масломъ, чтобы придать имъ больной видъ и подъ этимъ предлогомъ не ходить въ школу» ^{к)}. Съ лѣнностью учениковъ соединялось крайне небрежное отношеніе къ учителямъ. Объ этомъ самое наглядное свидѣтельство дастъ одно описаніе отношеній школяровъ къ публичнымъ рѣчамъ учителей, на которыхъ (рѣчахъ) должны были присутствовать и ученики въ цѣляхъ образовательныхъ. «Если ученики приглашались на публичную рѣчь, то они далски были отъ того, чтобы идти на нее также поспѣшно, какъ поспѣшно ходилъ рабъ, ихъ приглашавшій; еще менѣе у нихъ была хоть сколько-нибудь охота идти поспѣшнѣе раба; пѣтъ, они тащились, точно ихъ волокли на арканѣ. И прежде чѣмъ они войдутъ въ залу, они уже возбуждали своею медленностью негодова-

н) Августина. Исповѣдь, кн. 5, гл. 8.

і) Иеронима. Аналогія противъ Руфина, кн. I, гл. 17.

к) Фридендера. Картины римскихъ нравовъ, стр. 155.

ніе присутствовавшихъ. Но вотъ началась рѣчь, и они вмѣсто того чтобы слушать, переговариваются между собой посредствомъ жестовъ о публичныхъ наѣздникахъ, мимистахъ, лошадахъ и танцорахъ, о происшедшемъ или же имѣющемъ произойти состязаніи. Одни стоятъ подобно каменнымъ истуканамъ, не шевельнутъ ни однимъ суставомъ, а другіе обѣими руками ковыряютъ въ носу. Они разсаживаются, тогда какъ имъ приличнѣе было бы стоять. Нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ занятіе въ томъ, что считаютъ тѣхъ, кто пришелъ въ залу позже нихъ, а другіе находятъ удовольствіе въ томъ, что разсматриваютъ какой-нибудь листокъ. Они охотнѣе опозорятъ оратора, чѣмъ заплатятъ ему внимательностью. Они мальчишествоуютъ: безъ пути апплодируютъ, и тѣмъ препятствуютъ выражать дѣйствительное одобреніе. Они выдумываютъ и пускаютъ въ ходъ разные слухи съ тѣмъ, чтобы, кого можно, отвлечь отъ присутствованія на ораторскомъ праздникѣ, или же увлекали, кого могли, въ бани (когорыя въ Римѣ и Греціи доставляли пріятное времяпрепровожденіе) съ тоюже злокозненною цѣлью. Прежде было, замѣчастъ описатель, совсѣмъ не такъ: тогда одинъ одно, другой другое запоминалъ изъ рѣчи оратора, и общими силами старались возстановить всю рѣчь, и печалились, если что-либо не могли вспомнить. Три или четыре дня послѣ говорили по поводу рѣчи (вѣроятно описатель припоминаетъ здѣсь времена классической древности)¹⁾. Объ истинномъ уваженіи къ учителямъ не было и помину,—ученики относились къ нимъ пренебрежительно и гордо. Самыя злыя штуки продѣлывались надъ педагогами (педагоги—это что-то въ родѣ помощниковъ учителей; они репетировали съ учениками уроки и содержали ихъ въ своихъ пансіонахъ). Если педагогъ возбуждаетъ неудовольствіе въ своихъ питомцахъ, горе ему. Въ подобномъ случаѣ озорники позволяли себѣ слѣдующее: они усаживали педагога на ко-

1) Sievers. Das Leben des Libanius, s. 29.

веръ (конечно насильственно), хватали коверъ за края и подбрасывали несчастнаго вверхъ, а сами разбѣгались. Иногда педагогъ успѣвалъ схватиться за что-нибудь и оставался невредимъ; но чаще случалось, что онъ падалъ на полъ и больно убивался, такъ что самая жизнь его подвергалась опасности^{м)}. Чтобы понять возможность подобныхъ явленій, нужно взять во вниманіе, что въ древности большая часть школъ были частными заведеніями, переходъ изъ одной школы въ другую былъ свободенъ. А потому, чтобы не лишиться учениковъ, педагоги должны были сквозь пальцы смотрѣть на продѣлки учениковъ. Въ особенности худо было то въ дисциплинарномъ положеніи школъ, что дѣти и юноши не отставали отъ взрослыхъ въ пристрастіи къ различнаго рода зрѣлищамъ. Учениковъ никто не останавливалъ и они тѣшились всѣмъ, чѣмъ тѣшились ихъ отцы и вообще полноправные сограждане. Они присутствовали на конскихъ ристалищахъ, во время состязанія возницъ и лошадей; они ходили въ театры на представленія такъ называемыхъ пантомимовъ^{н)}. Но что кромѣ худаго они могли вынести отсюда? Ристалищныя состязанія были въ то время какимъ-то бѣснованіемъ. Зрители, неотступно слѣдя за колесницами, хлопали въ ладоши, кричали изо всѣхъ силъ, соскакивали съ мѣстъ, наклонялись впередъ, махали платками и одеждами, подговяли криками лошадей той партіи, къ которой принадлежали, протягивали впередъ руки, какъ будто хотѣли достать ристалище, скрежетали зубами, ссорились, грозились, бранились, издавали крики восторга и побѣды. Вотъ первая колесница достигаетъ цѣли,—раздается громкій крикъ восторга побѣдителей вмѣстѣ съ проклитіями и ругательствами проигрывающихъ^{о)}. Какая дисциплина позволила бы присутствовать на такихъ скачкахъ учащимся дѣтямъ, какая кромѣ языческой, на этихъ скачкахъ, гдѣ взрослые

м) Ibidem. с. 35.

н) Августина. Исповѣдь, кн. I, гл. 10.

о) Фидлендера. Картины римскихъ нравовъ, стр. 445.

теряли всякое человѣческое достоинство? И что же видимъ? Дѣти и юноши уже «увлекаются кичливыми побѣдами на ристалищахъ», «съ большимъ любопытствомъ устремляются на игры большихъ» п). Еще хуже были представленія пантомимовъ. Это была школа распутства. Самые ревностные защитники пантомимовъ не могли ничего сказать противъ упрека къ ихъ безнравственности и развращающему вліянію. Нѣкоторые молодые люди болѣе серьезнаго направленія намѣренно избѣгали этихъ зрѣлищъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ языческихъ историковъ императорскаго періода считаетъ введеніе пантомимъ при Августѣ признакомъ всеобщаго нравственнаго упадка, начавшагося съ имперіей. Что такое продѣлывали пантомимы, объ этомъ не трудно судить по одному слѣдующему образцу. Когда прекрасный Батиллъ танцевалъ въ роли Леды, то самая наглая мимическая актриса могла бы признать себя по сравненію съ нимъ какъбы деревенскою простушкой и ученицей въ утонченномъ искусствѣ щекотать чувственность р). И однако эти канканныя представленія безпрепятственно посѣщались школьниками, даже увлекали ихъ». Результатъ такого отсутствія надзора за школьниками понятенъ. Зрѣлища пантомимовъ «разжигали пламень ихъ страстей» преждевременно,—вѣдь и школьники, бывая въ театрахъ, подобно взрослымъ развратникамъ «сочувствовали восторгамъ влюбленныхъ, когда эти представлялись утопающими въ позорныхъ наслажденьяхъ» с). Какова школа! Сами наставники языческихъ школъ очень много способствовали ослабленію дисциплины между своими учениками. Такъ какъ почти все наставники не имѣли казеннаго жалованья и жили на тѣ средства, какія они получали отъ своихъ учениковъ за преподаваніе имъ уроковъ, то каждый изъ наставниковъ первѣе всего заботился о томъ, чтобы имѣть у себя боль-

п) Августина. Тамъ же.

р) Фридендера. Картины римскихъ нравовъ, стр. 544—5.

с) Августина. Иновѣдь, кн. III, гл. 2.

ше слушателей. Между преподавателями имѣла мѣсто конкуренція, при чемъ многіе для пополненія своей школы исходили до лести ученикамъ и всячески потакали имъ т). Одинъ наставникъ враждовалъ противъ другаго, если оба они были въ томъ же городѣ, потому что первый видѣлъ во второмъ опаснаго соперника, могущаго повредить его славу и его матеріальному благосостоянію. Но что особенно достойно сожалѣнія, такъ это то, что враждующіе наставники увлекали за собой и своихъ учениковъ: ученики одного наставника составляли общину, враждебно относившуюся къ кружку учениковъ другаго учителя. Каждый кружокъ питалъ пристрастіе къ своему учителю и ненавидѣлъ другіе кружки учениковъ и самыхъ ихъ учителей у). При каждомъ удобномъ случаѣ одинъ кружокъ готовъ былъ подраться съ другимъ. Улицы, сады, площади часто дѣлались мѣстами побоища ученическихъ кружковъ, при чемъ наставники смотрѣли на такое безобразіе съ удовольствіемъ, видя въ этомъ защиту своей чести. Даже жители извѣстнаго города также принимали сторону того или другаго наставника, того или другаго ученическаго кружка и принимали участіе въ побоищахъ. Такъ по крайней мѣрѣ было въ знаменитыхъ Аѣинахъ. Иногда въ побоищахъ пускались въ дѣло не одни кулаки, а мечи, дубинки и камни. Случалось, что въ дракахъ одинъ участникъ опасно разбивалъ другому голову или калечилъ его. Дѣло доходило до формальнаго разбирательства въ судахъ ф). Въ особенности много творилось безобразій во время принятія новыхъ учениковъ въ школы. Вотъ что происходило при этомъ въ Аѣинахъ. Каждый кружокъ учениковъ старался о томъ, чтобы новые ученики присоединились къ ихъ кружку, а не къ другому. Это считалось честью и для себя и для наставника, подъ руководствомъ котораго данный кружокъ учился. По-

т) Фридепдера. Картины римскихъ нравовъ, 155.

у) Herzberg. Der Untergang des Hellenismus und die Universität Athen, 324, 350. Halle. 1875.

ф) Ibidem. 325, 351.

этому, когда наступала осень—обыкновенное время прибытія въ Лейны новыхъ учениковъ, тогда ученики, принадлежавшіе къ разнымъ школамъ, разсѣивались по Атикѣ и поджидали новичковъ, убѣждая ихъ, какъ скоро встрѣчались таковыхъ, избрать въ руководители тогоже наставника, у котораго они сами обучались. Это называлось «охотой на лисицъ» х). Одинъ писатель IV вѣка замѣчаетъ, что такими «охотившимися на лисицъ» школьниками захватываемы были «въ Атикѣ города, пути, пристани, вершины горъ, равнины, пустыни» ѵ). Если какому-либо кружку удалось на дорогѣ завладѣть новичкомъ, кружокъ торжествовать. Случалось, что новичекъ не хотѣлъ учиться подъ руководствомъ того учителя, какого рекомендовали ему «охотники за лисицами»; но это мало помогало новичку. Его насильственно удерживали въ извѣстномъ кружкѣ, не позволяя ему перейти въ другой. Если встрѣчались на ловитвѣ два или болѣе кружковъ, то между ними происходила битва «изъ-за лисицы». Не кончалось дѣло и на томъ, если извѣстному кружку удавалось завладѣть новичкомъ; другіе кружки тоже не дремали: они насильственно отнимали его у тѣхъ, кто завладѣлъ имъ прежде. Разсказываютъ такой случай: нѣкій юноша прибылъ въ Лейны и желалъ слушать уроки у одного извѣстнаго ему наставника; но это ему не удалось, потому что на дорогѣ онъ плѣненъ былъ кружкомъ другаго наставника. Однако не надолго. Вскорѣ онъ насильственно схваченъ было школьниками какого-то еще наставника и присоединенъ къ ихъ кружку. Чтобы схваченный не убѣжалъ, его посадили въ пустую бочку и дотолѣ держали въ ней, пока онъ не далъ клятвы, что останется вѣренъ кружку и будетъ слушать уроки того наставника, какого слушаютъ его насильники ч).

х) Sivers. Das Leben des Libanius, 33.—Herzberg. Ibidem, 352

ѵ) Григорія Богослова надгробное слово Василію Вел. Твор. его, IV, 69.

ч) Herzberg. Ibidem, 352—3.

ступками не ограничивалось принятіе новичка въ сочлены даннаго кружка. Новичка, прежде чѣмъ окончательно ввести въ кружокъ, на порогъ дома, гдѣ ему приходилось жить, подвергали различнаго рода насмѣшкамъ, которыя подь часть были дерзки^{ш)}. Затѣмъ вся ватага школьни-ковъ съ новичкомъ во главѣ отправлялась въ баню. Процессія чрезъ весь городъ шла попарно. Лишь только под-ходили къ банѣ, какъ вся эта ватага поднимала пеисто-вый крикъ, подь тѣмъ предлогомъ, что «дальше идти не-льзя, баня не принимаетъ». Слѣдовалъ обычай совершенно нелѣпный: разламывали двери у бани и только тогда вво-дили въ нее новичка. Этимъ заканчивался обрядъ. Новичекъ провозглашался полнопрѣвнымъ членомъ кружка^{щ)}. Вся процедура «охоты за лисицами» и посвященія ново-прибывшаго ученика въ сочлены даннаго кружка, пред-ставляетъ крайнюю степень разнузданности и отсутствія дисциплины въ знаменитыхъ Аѳинскихъ школахъ. Общій тонъ школьной жизни былъ грубый. Нерѣдко случалось, что развольничившіеся юноши, главнѣйше кажется ради того, чтобы сдѣлать большую непріятность учителю и по-казать себя, составляли скопъ, заразъ цѣлымъ кружкомъ бросали школу своего учителя и переходили въ школу другаго^{ъ)}. Ученики любили устраивать шумныя пирушки; часто такія пирушки чередовались одна за другой, отни-мая много полезнаго времени. Случалось, что иной изъ охотниковъ дѣлать подобныя пирушки входилъ въ неоплат-ные долги. Разгулявшаяся вольница позволяла себѣ среди ночи вторгаться въ дома мирныхъ гражданъ и конечно про-изводить въ нихъ безпорядки^{ы)}. Вотъ краткое описаніе состоянія дисциплины въ языческихъ школахъ или, лучше сказать, изображеніе тѣхъ безпорядковъ, которые свидѣ-

ш) Григорія Богослова. Тамъже, 70.

щ) Григорія Богослова. Тамъже.

ъ) Августина. Иповѣдь, кн. V. гл. 11.

ы) Sievers. Das Leben des Libanius, 34.

тельствуютъ, что въ школахъ этихъ дисциплина отсутствовала вовсе.

Въ виду такого положенія дисциплины въ языческихъ школахъ, христіанскіе юноши, учившіеся здѣсь, сами для себя создавали правила дисциплины и твердо держались ихъ. Если въ школахъ языческихъ сплошь и рядомъ встрѣчались лѣнницы, которые для прикрытія своей лѣности пускались на разныя выдумки, то христіанскіе юноши славились прилежаніемъ. Даже самые даровитые между ними, менѣе прочихъ имѣвшіе нужду напрягать свои умственные силы, и тѣ являлись весьма прилежными учениками, такъ что видѣвшіе это не знали: «чему больше удивляться, прилежанію ли ихъ, или же ихъ способностямъ» в). Нѣкоторые изъ христіанскихъ юношей отдавались въ школѣ «неутомимому труду», не различали дня и ночи: «совокупляли воедино дни и ночи», посвящая ихъ наукѣ и другимъ полезнымъ занятіямъ» г). Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ нихъ достигали значительныхъ успѣховъ, опережая своихъ сверстниковъ, даже лучшихъ между ними: «быстрыхъ по дарованіямъ побѣждали трудолюбіемъ, а трудолюбивыхъ прилежаніемъ» з). Язычники, питомцы школъ, любили устремляться на конскія ристалища, позволяли себѣ бѣгать на зрѣлища даже безнравственнаго характера. Ничего такого не позволяли себѣ христіанскіе юноши: «ходить на праздники, на зрѣлища, на народныя собранія они предоставляли другимъ». Сами же знали лишь двѣ дороги: «одна вела къ наставникамъ, а другая превосходивѣйшая къ священнымъ христіанскимъ храмамъ» ю). Если имъ приходилось учиться въ Римѣ, то каждое воскресенье ходили въ катакомбы—эти древне-христіанскіе храмы и усыпаль-

в) Григорія Богослова. Надгробное слово Василию Вел. Творен. его, IV, 278.

г) Письмо Никовула къ отцу. Твор. Григ. Богосл. V, 279.

з) Григорія Бог. Надгробное слово Кесарію. Твор. его, I, 246.

ю) Григор. Богослова надгробное слово Василию Вел. Твор. его IV, 75.

ницы перво-христіанъ и многихъ мучениковъ а). Если имъ приходилось слушать уроки въ городѣ, гдѣ былъ монастырь, то они посѣщали благочестивыхъ подвижниковъ и наслаждались ихъ бесѣдой; также не опускали случая войти въ знакомство съ лицами, обладавшими богословскими познаніями, заводили съ ними бесѣды и вступали въ учено-богословскія состязанія б). Они, случалось, выбирали себѣ квартиру въ такомъ домѣ, который былъ какъ можно «ближе къ церкви» в). Вслѣдствіе всего этого для христіанскихъ юношей открывалась возможность, какъ выражается одинъ изъ нихъ, найти «раннія условія вести божественную жизнь» г). Среди своихъ сверстниковъ они представляли зрѣлище поразительное. Такъ было въ разныхъ мѣстахъ, такъ было и въ Аѳинахъ—этомъ святѣлицѣ политеизма. Аѳины не отвлекали христіанскихъ юношей отъ исполненія тѣхъ правилъ, по которымъ располагали жизнь вообще христіанскіе питомцы школъ. Чудное зрѣлище: «Эллада и любезная юность и все—уступали Христу» д). Языческіе воспитанники любили пиршества и пиршества бурныя, христіанскіе же юноши «не предавались излишествамъ и проводили жизнь тихую» е). Христіанскіе юноши своею серьезностью, «зрѣлостью въ понятіяхъ» производили такое сильное впечатлѣніе на своихъ сверстниковъ, что своевольные школьники дѣлали для нихъ исключеніе при приѣмѣ въ свой кружокъ: не подвергали ихъ «дерзкимъ шуткамъ», ни сопровождали ихъ съ нелѣпыми обрядами въ баню. Всего этого умѣлъ избѣжать

а) Жизнь бл. Иеронима. При I томѣ его твор. въ рус. переводѣ, стр. XIX.

б) Тамъ же, стр. XXI—XXII.

в) Письмо Григорія Богослова къ Θεодору епископу Тіанскому. Твор. его, VI, 242.

г) Григорія Богослова. Надгробіе Василию Великому. Твор. его, V, 383.

д) Его же. Надгробіе самому себѣ. Твор. его, V, 385.

е) Его же. Стихотворен. о своей жизни. Твор. его, VI, 12.

по крайней мѣрѣ славнѣйшій изъ христіанскихъ юношей, учившихся въ Лоннахъ д). Всѣ обряды, какими сопровождался пріемъ новичковъ въ среду школьниковъ, христіанскіе юноши справедливо считали заслуживающими порицанія. Они находили эти обряды крайне тягостными для благоразумныхъ людей и чувствовали себя счастливыми лишь тогда, когда процедура кончалась. «Освобожденіе отъ огорченій и прекращеніе ихъ во всемъ обрядѣ посвященія есть самое пріятное», разсуждали они е). Высокія качества христіанскихъ школьниковъ не оставались незамѣчаемыми и для языческихъ учителей. Эти послѣдніе невольно отдавали дань уваженія стремленіямъ къ порядку и благоприличію, каковыми стремленіями отличались христіанскіе юноши въ средѣ своихъ сверстниковъ. «Начальство отличало ихъ ради ихъ качествъ»; этого мало: они дѣлались «уважаемы въ цѣломъ городѣ», гдѣ они учились ж). Первые опыты введенія правильной дисциплины и благочинія въ школахъ дѣлаются лишь подъ вліяніемъ началъ христіанскихъ. Христіанскіе императоры IV вѣка Валентиніанъ и Граціанъ принимаютъ должныя мѣры къ обузданію своеволія школьниковъ и пріученію ихъ къ надлежащей дисциплинѣ. Вотъ указъ этихъ императоровъ: «тѣ, которые приходятъ въ городъ съ намѣреніемъ учиться, прежде всего пусть являются къ магистру ценза, отъ котораго должно быть дано позволеніе войти, и пусть приносятъ съ собой такого рода свидѣтельства, чтобы обозначены были и родной городъ ихъ, и родители, и прежніе успѣхи. Потомъ въ этоже время пусть заявляютъ, какими науками они намѣрены заниматься. Далѣе, канцелярія чиновниковъ должна точно знать ихъ квартиру, въ которой они занимаются тѣмъ дѣломъ, какому, по ихъ заявленію, они посвятили себя. Эти же чиновники пусть надзираютъ и за

д) Егоже. Надгробное слово Василю Великому. Твор. его, IV, 71.

е) Егоже. Тамъ же, стр. 71.

ж) Егоже. Надгробное слово Кесарію. Твор. его, I, 246.

тѣмъ, чтобы всѣ и въ обществѣ являлись такими, какими они должны быть, а именно чтобы они считали нужнымъ избѣгать гнусной и худой молвы, не часто бы посѣщали зрѣлища и не присутствовали бы на народныхъ ширешествахъ. Въ случаѣ если кто изъ нихъ не такъ ведетъ себя въ городѣ, какъ того требуетъ достоинство наукъ, подвергать такихъ публично тѣлесному наказанію, а затѣмъ на корабляхъ высылать изъ города и возвращать на родину. Посвятившіе себя по призванію наукъ, пусть живутъ въ городѣ до двадцатилѣтняго возраста. Послѣ этого срока тѣ, которые не хотятъ добровольно выбраться изъ города, властью префекторскою высылаются на родину вопреки ихъ желанію. (Вѣроятно, указъ опасается, что достигшіе двадцатилѣтняго возраста школьники своими недѣтскими наклонностями могутъ служить соблазномъ для прочихъ дѣтей; отсюда строгія мѣры противъ первыхъ). Канцелярія цензуры должна каждый мѣсяцъ составлять отчетъ о школьникахъ, кто они, откуда прибыли, каковы, и отмѣчать тѣхъ, которые должны быть высланы. Пусть ежегодно подобный отчетъ представляютъ въ нашу (императорскую) канцелярію, дабы мы, зная достоинства и успѣхи всѣхъ, могли судить, полезны ли они для службы³⁾. Таковъ былъ первый шагъ христіанскаго законодательства, направлявшагося къ приведенію въ порядокъ и благообразіе поведеніе школьниковъ. Разумѣется, онъ не только былъ полезенъ, но и существенно необходимъ. Только языческая общественная распущенность могла терпѣть распущенность школъ.

Какова была дисциплина въ языческихъ школахъ, такова же была тамъ и нравственность. Яблоко не далеко падаетъ отъ яблони. Уже изъ того, что сказано выше о слабости дисциплины въ школахъ языческихъ, можно заключать, что нравственность языческихъ школьниковъ должна была стоять на низкомъ уровнѣ. Но мы приведемъ еще

³⁾ Codex Theodosianus. Lib. XIV, tit. 9. cap. I.

нѣсколько чертъ, характеризующихъ печальное нравственное состояніе языческихъ школьниковъ и указывающихъ, какъ далеко простиралось зло. Языческія дѣти пріучались къ воровству; они не могли давать себѣ отчета, какъ это дурно, не понимая, что «всѣ пороки дѣтства переходятъ въ слѣдующіе затѣмъ возрасты». Они ни во что ставили обманъ, ложь, «обманывали и учителей и родителей, употребляя на то всякую ложь». Они привыкали къ наглому хвастовству. «Дѣтской невинности не было уже у дѣтей языческихъ» и). Но все это ничто въ сравненіи съ тою нецѣломудренностью, какою отличались языческіе школьники. И это неудивительно, если примемъ во вниманіе слѣдующее: часто школьники учились вдали отъ домовъ родителей, въ какомъ-нибудь городѣ, неблизкомъ къ родинѣ. Поэтому школьники оставались на полной свободѣ и злоупотребляли ею і). Да если дѣти и жили подъ одною кровлей съ родителями, то это мало помогало дѣлу, потому что родители не обращали вниманія на нравственное состояніе своихъ дѣтей. «Домашніе и близкіе, по одному свидѣтельству, не заботились о томъ, чтобы отвращать дѣтей «отъ плотскихъ похотѣній», внушать имъ негодованіе «къ безстыдству и безпутству» к). Правда, язычники тѣхъ временъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія своихъ дѣтей возлагали большія надежды на педагоговъ, называли ихъ «стражами цѣломудрія школьниковъ», сравнивая ихъ съ «лающими собаками, отгоняющими волковъ, т.-е. соблазнительей отъ ихъ читомцевъ» л); но горькій опытъ не оправдывалъ подобныхъ надеждъ. Товарищи въ школахъ не только не сдерживали другъ друга въ границахъ нравственной строгости, но и подталкивали одинъ другаго переходить отъ одной мерзости къ другой. Въ результатѣ

и) Августина. Исповѣдь, кн. I, гл. 19.

і) Григорія Нисскаго. О жизни Григорія чудотворца. Твор. его VIII, 139.

к) Августина. Исповѣдь, кн. II, гл. 2.

л) Sievers. Das Leben des Libanius, 21.

получалось то, что юноши «свободно предавались грѣховнымъ чувственнымъ удовольствіямъ», тѣмъ болѣе, что за преступленіе противъ цѣломудрія «законъ не угрожалъ никакою опасностью» м). Языческіе юноши «стремлявъ пускались въ любовныя похождения, жаждали ихъ и плѣнялись ими». Вѣдь имѣть «любовныя похождения» считалось признакомъ «изящества» и «свѣтскости» въ поведеніи молодаго поколѣнія н). И вотъ юноши ходили, по характеристическому выраженію одного современника, «по путямъ вавилонскимъ и валялись въ грязныхъ нечистотахъ» о). Дѣло доходило до того, что имъ, юношамъ, нравились накопецъ не только грѣховныя дѣянія, но и самый грѣхъ, такъ сказать, въ его идеѣ. Они начинали «любить не предметъ своихъ увлеченій, пристрастій, паденій,—пѣтъ, а самое паденіе, самый грѣхъ, живущій въ душѣ» п). Между школьниками было дѣломъ обычнымъ хвастаться подвигами своего нецѣломудрія. «Постыдными дѣлами своими не стыдились они гордиться, какъ подвигами какими-нибудь, стараясь превзойти другихъ позорнымъ удалствомъ потому только, что ими восхищались въ кругу своевольнаго юношества» р). Кто безнравственнѣе избиралъ предметы для разговора, тому непутные товарищи, забывая всякій стыдъ, кричали: «браво, браво» с). «Если же не представлялось случая перещеголять пріятеля распутствомъ, то иной изъ юношей выдумывалъ и рассказывалъ своимъ товарищамъ такое, чего съ ними совсѣмъ и не было», и это дѣлалось для того, чтобы «непорочности не почли за пошлость» т). Нужно сказать, что языческіе юноши достигли такой степени распущенности, что «если встрѣчался между ними

м) Григорія Нисскаго. Тамъ же 140.

н) Августина. Тамъ же, кн. III, гл. 1.

о) Августина. Тамъ же, II, 3. Sievers. Das Leben Ibanius, 35.

п) Августина. Тамъ же, II, 4.

р) Августина. Тамъ же, II, 2.

с) Августина. Тамъ же, I, 13.

т) Августина. Тамъ же, кн. II, гл. 3.

юноша, украшенный цѣломудріемъ, то онъ былъ непріятнымъ зрѣлищемъ для своихъ сверстниковъ» у). Развратная жизнь нныхъ изъ учившихся въ школахъ языческихъ юношей доводила до печальнаго болѣзненнаго состоянія: молодой организмъ страдалъ отъ излишества чувственныхъ наслажденій. Въ шестнадцать, семнадцать лѣтъ иные изъ нихъ высматривали стариками: «лице изсыхало и весь юноша становился мерзокъ» на видъ ф). Разумѣется, ничего подобнаго нельзя было встрѣчать среди христіанскихъ школьниковъ. И даже болѣе: они представляли поразительную противоположность распущенности языческаго юношества. Христіанскіе юноши, отправаясь въ школы, давали обѣтъ своимъ родителямъ, что они отнюдь «не станутъ увеселяться худымъ», прося своихъ родителей въ противномъ случаѣ «исключить ихъ изъ числа ихъ дѣтей» х). Духъ товарищества, стремленіе къ содружеству имѣли мѣсто и среди христіанскихъ юношей, но все это опиралось на другихъ основаніяхъ, чѣмъ у школьниковъ языческихъ. «Они водили дружбу съ товарищами, но не наглými, а съ цѣломудренными, не съ задорными, а миролюбивыми, съ которыми можно было не безъ пользы сойтись; ибо они знали, что легче заимствовать порокъ, чѣмъ добродѣтель, такъ какъ скорѣе заразишься болѣзною, нежели сообщишь другому свое здоровье» ч). Они отличались множествомъ самыхъ привлекательныхъ свойствъ: «съ довѣріемъ относились къ наставникамъ, были дружелюбны со сверстниками, убѣгали сообществъ и бесѣдъ съ неблаго нравными, вступали въ тѣснѣйшее общеніе съ людьми отличнѣйшими; никого не было, кто бы былъ извѣстнѣе цѣломудріемъ болѣе ихъ; они дѣлались предметомъ удив-

у) Григорія Нисскаго. О жизни Григорія чудотворца. Твор. его, VIII, 137.

ф) Августина. Тамъ же, кн. II, гл. 1.

х) Письмо Никомула къ отцу. Твор. Григорія Бог. V, 277.

ч) Григорія Богослова. Подробное слово Василию Велик. Твор. его, IV, 75.

ленія цѣлаго города, гдѣ учились ч). Они не растрачивали своего здоровья, не увлекались дружбой молодыхъ людей, когда эта дружба вела къ опасностямъ для нравственности, сохраняли цѣломудріе, вели себя скромно, благочестиво; часто они стояли выше всѣхъ юношескихъ страстей > ш). Случалось, что высокое цѣломудріе христіанскихъ юношей возбуждало ненависть въ ихъ языческихъ товарищахъ, и послѣдніе старались хоть по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы повредить репутаціи христіанскихъ юношей; но это имъ не удавалось. Въ жизни Григорія чудотворца разсказывается такой случай: товарищи его по школѣ язычники враждебными глазами смотрѣли на его цѣломудріе и рѣшились хоть по крайней мѣрѣ замарать его въ глазахъ сверстниковъ. Они подговорили какую-то публичную женщину къ тому, чтобы она пришла къ Григорію, сдѣлала видъ, что она находится въ связяхъ съ нимъ, и чтобы она попросила съ него денегъ, которыя она будто имѣла право съ него получить, но не получила. Все такъ и устроилось. Дѣло происходило въ присутствіи многихъ товарищей Григорія. Можно было ожидать споровъ, непріятностей, но ничего такого не случилось. Григорій хладнокровно попросилъ одного изъ товарищей заплатить женщинѣ тѣ деньги, какихъ она требовала. Тотъ исполнилъ его просьбу. Клеветники были сильно пристыжены благороднымъ спокойствіемъ Григорія. «Возбудивъ къ себѣ зависть, которая сопровождаетъ все прекрасное, Григорій сталъ выше и ся > ш). Не можемъ не сказать о той, поистинѣ трогательной дружбѣ, которая завязывалась между христіанскими питомцами школъ и которая служитъ однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ того нравственнаго совершенства, какого достигали эти лица. Разумѣемъ дружбу двухъ питомцевъ аѳинскихъ школъ IV вѣка—Григорія

ч) Егоже, Надгробное слово Кесарію, Твор. его, I, 246.

ш) Евсевія, О палестинскихъ мученикахъ, гл. 4.

щ) Григорія Нисскаго, Тамъже, 137—139.

Богослова съ Василиемъ Великимъ. Но предоставимъ самому Григорію разсказать объ этой дружбѣ съ его аеинскимъ сотоварищемъ. «Оба мы домогались не того, чтобы которому-нибудь изъ насъ стать первымъ, но какимъ бы образомъ уступить первенство другъ другу; потому что каждый изъ насъ славу друга почиталъ собственною своею. Казалось, что одна душа въ обоихъ поддерживааетъ два тѣла. И хотя не заслуживаютъ вѣры тѣ философы, которые утверждаютъ, что все разлито во всемъ, однакоже должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго. У обоихъ насъ было одно упражненіе—добродѣтель. Къ сей цѣли мы направляли всю жизнь и дѣятельность, поощряя другъ друга. Можно сказать, мы служили другъ для друга правиломъ и отвѣсомъ, съ помощью которыхъ распознается, что прямо и что не прямо». Разлука для нихъ всегда была дѣломъ тяжелымъ, невыносимымъ. «Сіе было тоже, что разсѣчь надвое одно тѣло, или тоже, что разлучить двухъ тельцовъ, которые будучи вмѣстѣ вскормлены и приучены къ одному ярму, жалобно мычатъ другъ о другѣ и не терпятъ разлуки»^{ъ)}.

Какихъ общихъ результатовъ достигали христіанскіе юноши, учившіеся въ разныхъ школахъ? Каковы были ихъ успѣхи научные? Какого рода характеры воспитывали они въ себѣ? Какіе взгляды на жизнь и дѣятельность вырабатывали они? Въ заключеніе нашего очерка и объ этомъ скажемъ, хоть въ немногихъ словахъ. Дѣти языческія выходили изъ школъ «съ умомъ незрѣлымъ»; они почти не приобрѣтали «никакихъ положительныхъ свѣдѣній»; «о естественномъ развитіи умственныхъ способностей не могло быть и рѣчи»; «съ умомъ незрѣлымъ они спѣшили броситься въ жизнь»^{ы)}. Посмотримъ теперъ на умственное развитіе христіанскихъ юношей, учившихся

ъ) Григорія Богослова. Надгробное слово Василию Великому. Твор. его, IV, 74—75. 80.

ы) Шлоссера. Всеобщая исторія. Т. IV, 330—331.

вмѣстѣ съ дѣтьми язычниковъ. Какъ много разницы между тѣми и другими! Одинъ свидѣтель-очевидецъ, наблюдавшій надъ умственнымъ развитіемъ христіанскихъ юношей, съ восторгомъ говорить объ одномъ изъ такихъ юношей: «какого рода наукъ не прошелъ онъ? Лучше сказать, въ какомъ родѣ наукъ не успѣлъ съ избыткомъ, какъ бы занимавшійся этою одною наукою? Такъ изучилъ онъ все, какъ другой не изучаетъ и одного предмета; каждую науку изучилъ онъ до такого совершенства, какъ бы не учился ничему другому»^{в)}. Тотъ же свидѣтель-очевидецъ почти такое же свидѣтельство даетъ о другомъ христіанскомъ питомцѣ языческихъ школъ: «кто былъ славнѣе его умомъ? Какого рода наукъ не прошелъ онъ? Или лучше сказать, въ какой наукѣ не успѣлъ болѣе, нежели какъ успѣлъ другой, занимаясь ею одною? Кто не только изъ сверстниковъ по ученію и лѣтамъ, но и изъ старшихъ возрастомъ и начавшихъ учиться прежде него, могъ съ нимъ хотя нѣсколько сравняться? Онъ изучилъ всѣ науки какъ одну, и одну, какъ всѣ»^{г)}. Христіанскіе юноши по богатству своихъ познаній представлялись какъ бы кораблями, наполненными богатымъ товаромъ. «Это былъ корабль столько нагруженный ученостью, сколько сіе вмѣстимо для человѣческой природы», говорили объ одномъ христіанскомъ питомцѣ школъ языческихъ^{д)}; это былъ «большой корабль, нагруженный всякими товарами, заключающій всѣ (научныя) свѣдѣнія и возвращающійся въ отечественный городъ, чтобы и другихъ надѣлать сокровищами своей учености», говорили о другомъ христіанскомъ юношѣ^{е)}. Многіе изъ этихъ послѣднихъ достигали высокой славы, какъ между соучениками и согражданами, такъ

в) Григорія Богослова. Тамъ же, 78.

г) Егоже. Надгробное слово Кесарію. Твор. его, I, 246.

д) Григорія Богослова. Надгробное слово Василію Великому. Твор. его, IV, 79.

е) Григорія Богослова. Надгробное слово Кесарію. Творен. его. I. 247.

и въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Въ этомъ отношеніи лишь очень немногіе изъ язычниковъ могли поспорить съ христіанскими питомцами школъ. Иные изъ христіанскихъ юношей, говоримъ, пріобрѣтали великую славу, когда еще учились, среди жителей города, гдѣ они учились. Жители Кесаріи Каппадокійской громко хвалили ученость одного изъ христіанскихъ юношей, для котораго этотъ городъ былъ первоначальнымъ мѣстомъ образованія. Они всегда «свидѣтельствовали: какую славу этотъ юноша пріобрѣлъ въ короткое время какъ среди массъ народныхъ, такъ и у первостепенныхъ гражданъ, такъ какъ онъ обнаружилъ ученость выше возраста!» Онъ казался «риторомъ между риторами и философомъ между философами» ^{я)}. Въ послѣдствіи же слава нѣкоторыхъ христіанскихъ юношей, учившихся въ школахъ языческихъ, достигала всеобщей извѣстности. Григорій Богословъ о себѣ и о Василии Великомъ говоритъ: «мы пріобрѣли извѣстность (своею ученостью) не только у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Элладѣ. Слухъ о насъ заходилъ и за предѣлы ея». Ибо тамъ, гдѣ знали наставниковъ ихъ, тамъ знали и ихъ самихъ ^{б)}. Въ особенности прославлялись тѣ изъ христіанскихъ питомцевъ языческихъ школъ, которые избирали для себя какую-либо одну спеціальность, напримѣръ медицину. Имена такихъ дѣлались извѣстны отъ востока до запада. «Востокъ, западъ и всѣ страны служили знаменитыми памятниками учености» одного христіанскаго врача, учившагося въ школахъ языческихъ ^{в)}. Даже сами языческіе ученые не отказывались отдать дань уваженія христіанскимъ ученымъ, нѣкогда учившимся въ разсматриваемыхъ школахъ. Такъ поступаетъ Ливаній, одинъ изъ самыхъ

я) Егоже. Надгробное слово Василию Великому. Твор. его, IV, 66.

б) Егоже. Тамъ же, 77. Поэтому-то Юліанъ сталъ питать такую непримиримую ненависть къ христіанамъ, когда увидалъ, что христіане овладѣваютъ школами.

в) Егоже. Надгробное слово Кесарію. Твор. его, I, 247.

видныхъ представителей учености IV вѣка. До насъ сохранились собственныя письма его, въ которыхъ онъ отзывается о Василии Великомъ въ самомъ выгодномъ для послѣдняго смыслѣ. Ливаній, прочитавъ «слово» Василія: «на упивающихся», писалъ ему: «ужь не въ Аѳинахъ ли живешь ты, Василій? Ибо Кесарійцы (гдѣ Василій былъ епископомъ) не могли этого слушать. И мой языкъ не привыкъ къ этому. Это Гомеръ, или Аристотель, или Платонъ» б). Въ другомъ письмѣ къ Василію, при которомъ Ливаній послалъ этому свою рѣчь, онъ высказываетъ свой трепеть, съ какимъ онъ представляетъ свое произведеніе такому замѣчательному ученому, какимъ былъ Василій: «вотъ послалъ я Рѣчь, обливаясь потомъ. Да и какъ было не обливаться, посылая рѣчь къ такому человѣку, который своимъ искусствомъ въ составленіи рѣчей въ состояніи доказать, что напрасно превозносятся и Платонова мудрость, и Демосеенова стремительность? А моя рѣчь тоже, что комаръ въ сравненіи съ слономъ. Почему прихожу въ ужасъ и трепещу, представляя себѣ тотъ день, въ который взглянешь на рѣчь, и даже едва не теряю ума» в). Съ подобнымъ же восторгомъ говоритъ Ливаній и объ Іоаннѣ Златоустѣ, своемъ ученикѣ. Вотъ какъ писалъ первый второму при одномъ случаѣ. «Когда я получилъ прекрасное и обширное твое слово, то читалъ людямъ, которые и сами знаютъ это дѣло: всѣ они пришли въ восторгъ, прядали и восклицали» г). Извѣстенъ также фактъ, что когда Ливанія предъ смертью спросили: кого изъ учениковъ своихъ хотѣлъ бы онъ имѣть преемникомъ въ преподаваніи ораторскаго искусства? Ливаній отвѣчалъ: «я избралъ бы Іоанна, еслибы христіане не похитили его у насъ» д). Степень совершенства характера зависитъ отъ степени

б) Твор. Василія Велик. VII, 343.

в) Тамъ же, 346.

г) Филарета Черниг. Ученіе объ отцахъ церкви. Томъ II, 309. С.-Пет. 1859.

д) Созомена. Церк. исторія, кн. VIII, гл. 22.

твердости тѣхъ убѣжденій, какими руководится челонѣкъ въ своей жизни. Первые основанія для созданія характера въ этомъ смыслѣ полагають первоначальное домашнее воспитаніе въ домѣ родителей, а окончательному образованію характера въ большей или меньшей мѣрѣ помогаетъ школа. Могли ли школы языческія, подъ вліяніемъ языческихъ началъ, содѣйствовать твердости убѣжденій въ челонѣкѣ? На этотъ вопросъ едва ли можетъ бытъ данъ другой отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго. Мы знаемъ, какъ много было недостатковъ въ организаціи языческой школы, а потому понятно, какъ мало она была пригодна для выработки цѣльныхъ характеровъ. Съ какою шаткостью убѣжденій, съ какою слабостью характера выходили лица изъ языческихъ школъ, въ этомъ мы ясно удостоверяемся, если возьмемъ въ руки сочиненіе одного древняго церковнаго историка и прочтемъ у него разсказъ о нѣкоемъ софистѣ (учителѣ риторики) Экиволиі. «Константинопольскій софистъ Экиволій, разсказываетъ древній церковный историкъ,—приспосаблиаясь къ нравамъ царей, при христіанскомъ императорѣ Констанціи, притворялся пламеннымъ христіаниномъ, при Юліанѣ казался ревностнымъ язычникомъ, а послѣ Юліана, когда снова начали царствовать христіанскіе императоры, онъ захотѣлъ опять сдѣлаться христіаниномъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ распростерся на землѣ предъ воротами христіанскаго храма и взывалъ: попирайте меня ногами, какъ соль обуявшую» е). И такую солью обуяшею былъ не одинъ Экиволій, а множество языческихъ питомцевъ тогдашнихъ школъ. Образованныя лица изъ язычниковъ, смотря по надобности, готовы были мѣнять вѣру, «какъ одежду». Посмотрите теперь на христіанскихъ образованныхъ юношей, характеръ которыхъ слагался подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанства; развѣ можно сравнивать ихъ съ языческими образованными людьми? Какую бы они школу ни проходили, языческую ли

е) Сокращ. Церк. исторія, кн. III, гл. 13.

христіанскую ли, или же смѣшанную, т.-е. учились ли они въ тѣхъ и другихъ школахъ, они, разумѣется въ большинствѣ, остаются тверды въ убѣжденіяхъ, являются людьми съ крѣпкимъ, цѣльнымъ характеромъ. Приводить ли примѣры въ доказательство сейчасъ высказанной мысли? Обратите ваши взоры на Оригена, сначала учившагося въ школѣ своего отца христіанина, александрійскаго ритора Леонида, потомъ слушавшаго уроки языческаго философа и «пророка» Аммонія Сакка,—Оригена, познакомившагося подъ руководствомъ этого послѣдняго съ самою соблазнительною языческою философіей неоплатоническою,—Оригена, прекрасно изучившаго всѣхъ древнихъ философовъ, не исключая матеріалистовъ и атеистовъ; прослѣдите всю жизнь Оригена, и вы увѣритесь, что онъ никогда не измѣнялъ христіанскимъ убѣжденіямъ, и ничто не могло отторгнуть его отъ любви Божіей: онъ всегда оставался благочестивымъ христіаниномъ. Какое величественное и поучительное зрѣлище представляютъ ученики Оригена, учившіеся въ его александрійской школѣ! Нѣсколько изъ его учениковъ, цвѣтущихъ молодостью, талантливыхъ, съ прекрасною жизненною перспективой, идутъ съ полною готовностью на смерть за исповѣданіе той вѣры, которою они такъ дорожили и значеніе которой имъ было объяснено юнымъ учителемъ—Оригеномъ. Но что это? вмѣстѣ съ учениками Оригена отводится на казнь и какая-то молодая женщина. Кто она? Да и это ученица Оригена, это та Геранса, которая такъ любила уроки Оригена, которая недавно оглашена и теперь идетъ креститься въ «огнь»: ее, вѣдь, опредѣлено сжечь на кострѣ ж). Кому неизвѣстно также, что св. Іустинъ философъ имѣлъ школу въ Римѣ и что когда приспѣло время приверженность его къ вѣрѣ доказать самымъ дѣломъ, пострадать за свои убѣжденія, то онъ съ твердостью пошелъ на мѣсто казни. А за нимъ пошли и всѣ его ученики, всѣ они, вся школа

ж) Евсевія. Церк. исторія, VI, 4.

захотѣла раздѣлить жребій своего учителя з). Всѣ они преданы казни. И хотѣ бы одинъ стонъ, одинъ звукъ! Лишь легкая блѣдность лица свидѣтельствовала, что исповѣдники навсегда прощаются съ здѣшней жизнью. Христіанскіе юноши, прошедшіе школу языческую, заявляли себя не меньшею твердостью характера. Когда брату Григорія Богослова знаменитому врачу Кесарію предстоялъ выборъ: оставаться ли вѣрнымъ «подвигоположнику Христу», или же стать на сторону жестокаго властелина (Юліана), то обольщавшаго Кесарія сладкими рѣчами, то устрашавшаго обширностью своей власти», тогда бывшій питомецъ александрійской языческой школы съ твердостью остался вѣренъ своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ в). Еще одинъ и послѣдній примѣръ. Св. Амфіанъ, сынъ богатыхъ родителей, получившій прекрасное образованіе въ Оксфордѣ древнихъ временъ—въ Беритѣ (въ Финикіи), пламенѣетъ такою ревностью къ христіанскимъ убѣжденіямъ, что безбоязненно идетъ обличить язычника-префекта и приобретаетъ мученичскій вѣнецъ за свое неустрашимое мужество. И повѣрите ли, что св. Амфіану въ это время не было и двадцати лѣтъ і). Остается сказать о тѣхъ взглядахъ на жизнь и дѣятельность, какіе вырабатывались у христіанскихъ образованныхъ юношей. Языческіе юноши заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы скорѣе сойти со школьной скамьи,—они «спѣшили броситься въ жизнь». Мало этого: всѣ ихъ помыслы устремлены были на то, чтобы получить «возможность съ ихъ образованіемъ блистать въ свѣтѣ» к). Коротче: ихъ взгляды на жизнь отличались легкомысліемъ. Какъ не похожи на этихъ легкомысленныхъ молодыхъ людей христіанскіе юноши, учившіеся въ школахъ не спѣша, иногда до тридцатилѣтняго возраста! А главное: вѣшнія

з) Ruinarrt. Acta martyrum, p. 105—107. Ratisb. 1859.

в) Григорія Бог. Надгробное слово Кесарію. Твор. его, I, 253.

і) Евсевія. О палестинскихъ мучен., гл. 4.

к) Августина. Исповѣдь, кн. I, гл. 10.

приманки, виѣшній блескъ совѣмъ не соблазняли ихъ. Когда Василій Великій и Григорій Богословъ кончили курсъ въ аѳинскихъ школахъ, то къ нимъ пришла толпа друзей и сверстниковъ и многіе изъ профессоровъ; всѣ они «увѣряли блестяще кончившихъ курсъ христіанскихъ юношей, что они ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ Василія съ Григоріемъ, просили, убѣждали, удерживали силой» 1); т.-е. цвѣтъ аѳинской образованности просилъ этихъ юношей, остаться въ Аѳинахъ и открыть курсъ преподаванія краснорѣчія. Какъ было бы это заманчиво для другихъ? Какъ напримѣръ стремился попасть въ Аѳины въ профессора краснорѣчія знаменитый Ливаній, и тщетно! Но ни Василія, ни Григорія лестное предложеніе аѳинскихъ умниковъ ни мало не соблазнило. Въмѣсто того, чтобы сдѣлаться профессорами въ Аѳинахъ и безъ сомнѣнія блестящими, они отплыли на родину. И здѣсь въ незнатныхъ городахъ—одинъ въ Кесаріи, другой въ Назіанзѣ, приняли на себя скромную должность учителей Церкви. О св. Григоріѣ чудотворцѣ біографъ его рассказываетъ, что когда Григорій блестящимъ образомъ окончилъ курсъ наукъ въ Александріи и Кесаріи палестинской, то ему сдѣлано было много лестныхъ предложеній занять то или другое мѣсто, обѣщавшее всѣ блага міра сего; но Григорій, не внимая ничему такому, рѣшился вернуться въ родной Понтъ. «Здѣсь всѣ ожидали, продолжаетъ разсказъ его біографъ, что онъ обнаружитъ свою ученость всенародно, дабы въ похвалахъ и извѣстности получить плодъ долговременныхъ трудовъ». Но всѣ обманулись. Григорій «высказываетъ свою мудрость молчаніемъ, отъ городской жизни онъ удаляется въ уединеніе»... Правда, въ послѣдствіи Григорій дѣлается епископомъ неокесарійскимъ въ Понтѣ, но это случилось при исключительныхъ обстоятельствахъ. Митрополитъ понтійскій Федимъ избралъ Григорія въ архипастыря вышеназваннаго города, но избранникъ никакъ не хотѣлъ при-

1) Григорія Бог. Надгробное слово Василію Вел. Твор. его, VI, 80,

нять посвященія въ такую отвѣтственную должность. Тогда Федимъ (рѣдкій случай въ исторіи!) посвятилъ Григорія заочно. Когда Федимъ хиротонисалъ Григорія, послѣдній находился отъ своего рукоположителя на разстояніи трехъ дней пути. Послѣ этого Григорій не противился, подчинившись своему жребію м).

Кто вдумается глубже въ обстоятельства воспитанія молодыхъ людей въ языческихъ школахъ съ его послѣдствіями, которыя предположительно должны бы быть вредными и опасными для христіанскихъ юношей, но которыя въ дѣйствительности были полезны и благотворны для нихъ, тотъ съ вѣрою можетъ принять, что въ этомъ случаѣ на этихъ юношахъ исполнялось обѣтованіе, данное Иисусомъ Христомъ своимъ ученикамъ, по воскресеніи: «аще и что смертно испіють, не вредитъ ихъ» (Марк. 16, 18). Христіанскіе юноши утоляли свою духовную жажду изъ ядовитыхъ источниковъ—въ языческихъ школахъ, и однакожь смертоносные источники эти не вредили имъ. Даже «душепагубныя Аѳины» превращались для нихъ въ *душеполезныя* Аѳины. Не напрасно Григорій Богословъ восклицалъ въ свое время: «Эллада, пріятная юность — вы уступили Христу!»

А. Лебедевъ.

м) Григорія Нисскаго. О жизни Григорія Чудотворца. Твор. его, VIII, 141—145.

О ПОМИНОВЕНІИ УСОПШИХЪ.

Слово въ недѣлю мясопустную.

Вчерашній день въ нашемъ святомъ храмѣ и во всѣхъ храмахъ православной церкви совершалось особенное моленіе. Множество вѣрующихъ собралось помянуть въ единокорпусной молитвѣ усопшихъ отцевъ и братій. И предъ святыми иконами, особенно предъ животворящимъ крестомъ, и въ рукахъ вѣрныхъ пылали сотни свѣчъ, наглядно изображая горѣніе живой вѣры въ возносимыхъ Господу молитвахъ, и искренней любви къ отшедшимъ туда сродникамъ и знаемымъ. Зрѣлище въ высшей степени назидательное и утѣшительное!

Двѣ только особенности рѣзко выдѣлялись въ этомъ проявленіи любви живыхъ къ умершимъ. Первая особенность, что въ церкви гораздо болѣе было женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Что это значить? Не дѣла же службы такъ неотразимо ихъ отвлекали: богослуженіе началось рано и кончилось не поздно, къ службѣ можно было бы успѣть. Или, можетъ быть родители дѣлали болѣе добра дочерямъ, чѣмъ сыновьямъ? И этого сказать вообще нельзя... Вторая особенность,—что здѣсь болѣею частію собрались люди простые и бѣдные. Лицъ, нѣсколько повыше въ общественномъ быту поставленныхъ, почти не было видно. И это что значить? Ужели родители, болѣе другихъ оставившіе дѣтямъ средствъ къ жизни, меньше имѣютъ права на ихъ благодарность? Или сердца у бѣдныхъ и простыхъ людей способнѣе любить своихъ присныхъ и помнить ихъ добро? Къ сожалѣнію, въ этихъ непріятныхъ оттѣнкахъ

общей умилятельной картины сказывается то, что мы привыкли называть людскою несправедливостію и неблагодарностію. Живо помню впечатлѣніе этого дня въ ранней юности. Она протекла въ одномъ изъ самыхъ укромныхъ городовъ необъятной Россіи. Иноземное образованіе тамъ не тронуло правовъ, и люди живутъ, по крайней мѣрѣ тогда жили, въ простотѣ сердца, въ завѣтныхъ преданіяхъ старины. Тамъ этотъ день поминовенія усопшихъ составлялъ событіе. Задолго пачинали о немъ говорить. Въ самый же день съ ранняго утра, можно сказать, потрясался весь градъ, пачиналось необычное движеніе: толпами стремились всѣ въ уединенный кладбищенскій храмъ помануть дорогихъ умершихъ, помолиться на ихъ могилахъ. И для насъ дѣтей эта молитва, эти вздохи, эти слезы, всѣ эти поминовенные знаки были самымъ сильнымъ и назидательнымъ урокомъ: и эта связь двухъ міровъ, и эти чувства родственной любви и благодарности, и эта мысль о смерти, гробъ, будущей жизни, столь важная даже для дней юности, впечатлѣвались въ сердца чертами неизгладимыми. Словами и наставленіями, какъ бы они ни казались умны и трогательны, это далеко не такъ внушается. Да, здѣсь наши дѣти такого урока не имѣютъ...

Что же? Видятъ ли усопшіе эту заботу о нихъ со стороны близкихъ? Несомнѣнно, потому что смерть не рывастъ общенія душъ. Каждый знаетъ это по собственному опыту. Вотъ многихъ присныхъ нашихъ нѣтъ, иныхъ уже давно, на землѣ; однакоже любящее сердце не можетъ ихъ забыть, рвется къ нимъ даже, быть можетъ, болѣе, чѣмъ къ живымъ. Подобнымъ образомъ и они смотрятъ оттуда въ нашу сторону, горя любовію къ тѣмъ, кто здѣсь былъ ихъ сердцу особенно близокъ. Если кто изъ умершихъ достигъ тамъ оправданія предъ Богомъ, тѣ спѣшатъ къ намъ не только съ участіемъ любви, но и съ дѣйствительною помощію. Мы видимъ эту помощь ясно; многими чудесами она засвидѣтельствована. А кто не достигъ еще оправданія предъ Богомъ, тѣмъ мы можемъ помочь

своею молитвою за нихъ, раздаваніемъ милостыни, а особенно принесевіемъ безкровной жертвы. И они чувствуютъ эту любовь нашу, радуются о ней и даютъ намъ это почувствовать. Если кто хоть разъ молился съ теплымъ усердіемъ объ умершихъ, тотъ, навѣрное, въ своемъ сердцѣ ощущалъ вѣяніе духовной радости: это была оттуда сердцу вѣсть подана. Придетъ время, когда мы увидимся съ ними, если только будемъ того достойны. Какъ же радостно будетъ услышать отъ нихъ слово благодарности тому, кто молился о нихъ! Они скажутъ: «вотъ ты помнилъ меня, ты помогъ мнѣ во время нужды моей». — Какъ горько будетъ услышать упрекъ: «что же ты обо мнѣ не вспомнилъ и не помолился»?

Нуждаются ли усопшіе отцы и братія въ нашей молитвѣ? Безъ всякаго сомнѣнія, потому что кто же совершенно чистый отсюда отходитъ? И святые не вдругъ послѣ смерти прославляются. Сначала, какъ извѣстно, здѣсь за нихъ молятся, скажу прощѣ, служатъ паннихиды. Эта молитва вѣрующихъ за святыхъ способствуетъ къ совершенному ихъ очищенію. Если же поминовенная молитва нужна для самыхъ святыхъ, то тѣмъ болѣе она необходима для людей обыкновенныхъ.

Нынѣ святая Церковь воспоминаетъ о страшномъ судѣ. Его ждуть христіане давно съ первыхъ временъ Церкви; но по милости Божіей и долготерпѣнію этотъ судъ отсрочивается и неизвѣстно, когда будетъ. Милость Божія въ этомъ случаѣ одинаково простирается и на живыхъ и на усопшихъ. Живымъ дается время на покаяніе и исправленіе, усопшимъ продолжается срокъ для облегченія тяжести ихъ душъ посредствомъ церковныхъ молитвъ за нихъ. Состояніе усопшихъ можно сравнить съ положеніемъ плывущаго въ опасномъ и страшномъ мѣстѣ. «Души ихъ, по слову святителя Филарета, зыблются надъ бездною, то возвышаясь благодатію, то низводясь останками поврежденной природы, то восторгаясь божественнымъ желаніемъ, то запутываясь въ грубой, еще не совсѣмъ совлеченной,

одеждѣ земныхъ помышлений. Молитва за усопшаго—это какъбы спасительная вервь, которую въ благопріятное время бросаетъ человѣкъ утопающему ближнему» н). Если бы какимъ-либо чудомъ отверзлись предъ нами бездны вѣчности, и мы увидѣли бы эти сотни тысячъ, миллионы людей, борющихся, воздымающихся, рвущихся къ мирному пристанищу, то развѣ только каменное сердце не поразилось бы этимъ зрѣлищемъ единокровныхъ, единовѣрныхъ, вообще ближнихъ нашихъ, безъ словъ или сильнѣе всякихъ словъ взывающихъ къ нашей молитвенной помощи. Для того, чтобы эта молитва была полезна для усопшаго, непременно требуется, чтобы онъ принадлежалъ къ Церкви, ибо только въ предѣлахъ Церкви, которая едина и на небѣ и на землѣ, дѣйствуютъ спасительныя силы Божіей благодати. А средство для принятія спасительной помощи—это вѣра. Вѣра усопшаго—это какъбы рука, которою онъ можетъ ухватиться за подаваемую ему въ молитвѣ спасительную вервь. Итакъ, кто умеръ въ общеніи съ Церковью, если и впадалъ въ грѣхи, но каялся въ нихъ, если и не успѣлъ загладить своихъ грѣховъ исправленіемъ жизни, но имѣлъ въ сердцѣ вѣру, за того молись со всѣмъ упованіемъ милости Божіей. Благодать Господня не дастъ ему погибнуть въ безднѣ.

Но молясь за дорогихъ усопшихъ, будемъ и сами помышлять и о страшномъ смертномъ часѣ, и объ этомъ лежаніи тамъ—въ мрачной и сырой могилѣ, и о молитвенной помощи намъ отсюда.

Безъ сомнѣнія уже растутъ, а можетъ быть и срублены, можетъ быть уже обдѣланы и приготовлены тѣ дерева, изъ которыхъ сдѣлаютъ и нашъ гробъ. Богъ вѣсть, сколько пролежать придется тамъ. Несомнѣнно, что самую сладкою для насъ манной будутъ молитвы за насъ. Сначала, можетъ быть, попомнятъ о насъ наши близкіе—по великому закону возмездія, дѣйствующаго въ мірѣ, попомнятъ

н) Слова и Рѣчи. Изд. 2, ч. II, стр. 22.

столько, сколько мы сами помнили о своихъ близкихъ. Затѣмъ и они туда же пойдутъ—въ путь вся земля. Не останется ни одного человѣка, кто бы насъ зналъ. Одна не забудетъ насъ мать наша святая Церковь и будетъ ежедневно молиться о насъ. И это, по милости Божіей, продлится до самаго втораго пришествія Христова и страшнаго суда. Все это, при самой горечи, утѣшительно, но нужно одно условіе, чтобы мы сумѣли воспользоваться этимъ утѣшеніемъ, то самое, какое указано выше для нашихъ усопшихъ,—нужно, чтобы какъ можно была крѣпче наша связь съ Церковью и дѣйствовала въ насъ живая и искренняя вѣра. Тогда только теплота любви церковной будетъ согрѣвать насъ тамъ—въ этой холодной и ужасной могилѣ, и будутъ дѣйственны возносимыя за насъ моленія. Аминь.

Прот. Петръ Смирновъ.

ЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Слово въ день Срѣтенія Господня.

Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ (Лук. 2, 29).

Такъ кончаетъ свое земное поприще старецъ Симеонъ: какая ясность взора, какое спокойствіе духа! Ни тѣни какого-либо страха и смущенія: не только безъ страха, но радостно идетъ онъ въ открывающіяся предъ нимъ врата вѣчности.

Нынѣ такъ часто слышится недовольство жизнію, такъ кощунственно и дерзко попираются ея дары и обязанности, такъ легкомысленно и презрительно разрываются самыя дорогія и крѣпкія ея связи. «Не стоитъ жить, жизнь надоѣла, пошлите мой трупъ къ отцу: онъ заплатитъ»,—не только говорятъ, но даже пишутъ намъ самоубійцы. Сколько развращенныхъ ученій должно было пройти чрезъ эти несчастныя головы и сердца, чтобы можно было сказать эти слова безумія? Сколько паденій въ жизни должны были испытать эти люди, чтобы упасть наконецъ такъ глубоко и непоправимо? Какая сила должна быть у него, *человѣкоубійцы искони*, чтобы омрачить такъ человѣка и въ такую страшную петлю наконецъ его затянуть?! Да ослабитъ Господь хотя часть вины ихъ ужасной, да отыметъ это безуміе отъ нашего вѣка несчастнаго!

Нѣтъ, братіе, великое и важное значеніе имѣетъ жизнь человѣческая.

Прежде всего это драгоценный даръ небснаго Отца. Его всеблагая воля была—воззвать насъ изъ ничтожества

и дать намъ почувствовать это біеніе жизни, это благо бытія. Этотъ разцвѣтъ жизненныхъ силъ въ золотомъ возрастѣ юности, это чувство бодрости и здоровья, эта мудрая смѣна труда и покоя,—сколько она одна, эта низшая тѣлесная жизнь, даетъ намъ наслажденій и радостей! Природа, точно одушевленное существо, предъ нами то замираетъ, то оживляетъ и дробится на безконечное множество явленій и предметовъ, услаждающихъ взоръ, плѣняющихъ сердце, приводящихъ въ восторгъ предъ величіемъ Творца. Этотъ распростертый надъ нами небесный сводъ, это неисчислимое множество блестящихъ свѣтилъ съ великимъ дневнымъ свѣтиломъ во главѣ своей, этотъ угрюмый лѣсъ, какъбы бархатныя полосы вспаханнаго поля, журчащій въ тишинѣ ручеекъ, широко развернувшаяся многоводная рѣка, горы, поднимающіяся къ небесамъ и распростирающія взоръ нашъ на необъятныя пространства,—все это даетъ намъ тьму наслажденій, вѣчно льющихъ отъ щедрой Отеческой руки. И какое же безуміе и какая дерзость не только сказать, даже подумать: нѣтъ, Владыко Господи, Твой даръ мнѣ не нуженъ! Но я еще не коснулся главнаго источника наслажденій жизни,—это глубины человѣческаго духа. Здѣсь впрочемъ встаетъ предо мною такая ширь и даль, что нѣтъ возможности даже взоромъ окинуть ихъ. Возьму одно, сравнительно малое, воспоминаніе прошедшаго. Какіе тамъ возникаютъ свѣтлые образы—дорогихъ сердцу отца, съ ранняго утра до поздняго вечера трудившагося для нашего воспитанія и устройства, матери, проводившей безсонныя ночи надъ нашею колыбелью, благодѣтелей, друзей! Они были люди непричастные слабостей. Но время очистило эти дорогіе намъ образы, и вотъ они намъ рисуются тамъ вдали въ одной нетлѣнной красотѣ ихъ духа. Ахъ, какъ они хороши, велики даже теперь въ нашихъ глазахъ! Можетъ быть при воспоминаніи объ этихъ дорогихъ умершихъ, братіе, я наполнилъ сердце ваше грустью, такъ какъ прошедшее невозвратимо; но какъ дороги сердцу эти образы, хотя бы

самыя лица и были невозвратимы. Впрочемъ нѣтъ: они возвратимы! Наши близкіе тамъ у небеснаго Отца; мы ихъ увидимъ, мы вѣчно будемъ съ ними, если только будемъ этого достойны. Въ глазахъ христіанина смерть есть только измѣненіе жизни, ступень отъ хорошаго къ лучшему, отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному, отъ временнаго къ вѣчному. *Теперь мы видимъ Бога и любовь Его къ намъ, по слову апостола, какъбы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12). Здѣшняя жизнь представляетъ неисчислимое множество радостей самыхъ разнообразныхъ; тамъ обѣщаются радости совершенно новыя, неиспытанныя еще нами и даже пока для насъ невообразимыя. «Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его» (1 Кор. 2, 9). «И возрадуется сердце ваше, сказалъ намъ въ лицѣ учениковъ Господь нашъ, — и радости вашей никто не отниметъ у васъ» (Іоан. 16, 22). Вѣрующій посему отъ всего сердца благодаритъ Бога за дары и радости этой жизни, и когда Отецъ позоветъ его туда, къ Себѣ ближе, онъ покойно, съ радостною надеждой идетъ, ввѣряя себя водителству божественной любви. «Нынѣ отпускаеши, поетъ онъ съ праведнымъ старцемъ Симеономъ, — раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ».

Но вы спросите: всѣ ли могутъ надѣяться на это возвышеніе радостей въ новой жизни? Вопросъ серьезный и важный; но онъ открываетъ намъ новое значеніе человѣческой жизни, по которому въ особенности должно дорожить ею: жизнь есть талантъ, данный намъ отъ Бога; этотъ талантъ мы должны не только сберечь, но и приумножить. Въ душѣ человѣческой сокрытъ источникъ силъ великихъ. Силы природы велики, а дары спасительной благодати еще выше. Надобно эти силы вызвать, развитъ и приложить къ доброй и благородной дѣятельности. Всякій знаетъ, что значить ученіе: это одно изъ средствъ развитія душевныхъ силъ. Посредствомъ основательнаго и тща-

тельного образованія у нѣкоторыхъ дѣтей обнаруживаютъ дивныя способности. Они, можетъ быть, есть и у этого, и у того ребенка, но спятъ. Образованіе есть приготовленіе къ жизни, а жизнь въ свою очередь есть поприще ученія, образованія и развитія для той безконечной вѣчности, которая откроется за предѣлами жизни. Не всѣмъ суждено величіе міра, но всѣмъ обѣщаны спасеніе и вѣчная блаженная жизнь въ тѣхъ *обителяхъ* небеснаго *Отца*, которыхъ, по слову Сына Его, *много* (Іоан. 14, 2), и всѣ мы должны, обязаны искать спасенія и стремиться туда, куда зоветъ насъ распявшаяся за насъ любовь Единороднаго Сына Божія. Около полутора ста лѣтъ тому назадъ, въ одномъ бѣднѣйшемъ селѣ, у бѣднѣйшаго, многосемейнаго, задавленнаго нуждой, причетника родилось дитя, и вскорѣ по рожденіи потеряло отца. Что могло быть несчастнѣе, заброшеннѣе этого дитяти? Зачѣмъ Богъ и послалъ это дитя несчастной вдовѣ матери—это горе къ горю, эту тяжесть къ тяжести? думали, а можетъ быть и говорили неразумные. Мальчикъ страшно бѣдствовалъ, цѣлый день съ утра до вечера гдѣ-нибудь работалъ, чтобы только его накормили, однако росъ, учился, молился, всталъ на ноги, пошелъ твердою стопой, трудился, какъ только можно было трудиться, достигъ высокаго положенія въ жизни,—былъ епископомъ. Но что значитъ это возвышеніе въ сравненіи съ тѣмъ, что оказалось по его кончинѣ? Теперь имя его прославляется по всей нашей необъятной странѣ и далеко за ея предѣлами, какъ великаго молитвенника и помощника въ болѣзняхъ и скорбяхъ нашихъ, и многія тысячи, миллионы людей духовно питаются и услаждаются изъ богатаго источника высоко-назидательныхъ его твореній. Этотъ, нѣкогда бѣднѣйшій изъ бѣднѣйшихъ ребенокъ, теперь прославленный угодникъ Божій, воропежскій святитель Тихонъ. Вотъ что значитъ развить, приумножить, употребить на пользу Богомъ данный талантъ. Одинъ Богъ, братіе, знаетъ, сколько у каждаго изъ насъ осталось дней и годовъ. Каждымъ этимъ днемъ мы долж-

ны дорожить; ибо каждый день даетъ намъ возможность посвятить что-либо для вѣчности. Наиболѣе умные знаютъ это и спѣшатъ запасти себѣ добра не здѣсь, а тамъ, «гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ (Мѡ. 6, 20), такъ что въ концѣ ихъ жизни все ихъ добро и окажется перенесеннымъ туда. А «гдѣ сокровище..., тамъ и сердце» (21), туда стремятся мысли, желанія, надежды. Поэтому, когда услышитъ такой человѣкъ зовъ оттуда, онъ идетъ спокойно, радостно, не въ чужую сторону, а въ свою, гдѣ хранится уже все его добро. «Нынѣ отпускаеши, говорить онъ съ старцемъ Симеономъ,—раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ».

А заботы, скажете, пужды, огорченія, скорби?! Что же? Когда награда дается безъ подвига? Жизнь есть борьба, жизнь есть подвигъ. Воинъ стоитъ на своей стражѣ: вѣтеръ рветъ его платье, холодъ пронизываетъ его до мозга костей; но онъ стоитъ, не смѣетъ сойти. Такъ и каждый изъ насъ долженъ вывести искушеніе въ жизни, когда оно будетъ послано. Постыдно бѣжать съ поля битвы. Кромѣ чувства долга, живая вѣра въ Бога, Промыслителя и Спасителя да будетъ нашею опорой и огражденіемъ. «Богу такъ угодно, да будетъ Его святая воля и въ жизни и въ смерти моей! Господь хранилъ и берегъ меня донынѣ, сохранилъ и сбережетъ и послѣ, если Ему угодно, чтобы я жилъ. Господь весь міръ содержитъ въ Своей власти и хранить: ужели для меня одного неостанетъ Его всемогущества и любви?» Грозны тучи собираются и вспнуть надъ головой нашею въ иной лѣтній день: страшно, тяжело; уныніе силится овладѣть душою. Вдругъ этой тучи не стало: облака куда-то скрылись, и открылось чистое, голубое небо. Такъ часто бываетъ и въ жизни. «Маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?» (Мѡ. 14, 31), восклицаетъ Господь каждому Своему послѣдователю среди житейской бури, какъ нѣкогда Петру въ бурѣ морской: «Ободритесь это Я, не бойтесь» (ст. 27). Въ мой рукѣ всѣ эти вѣтры,

и грома, и молніи». Въ большей части случаевъ эти испытанія и скорби имѣютъ цѣлю направить нашу мысль, куда мы сами по себѣ неохотно устремляемся, слишкомъ привязанные къ своимъ земнымъ сокровищамъ. Самыя горькія изъ скорбей—это, конечно, лишеніе близкихъ. Смотрите же, сколько уже у насъ тамъ своихъ: дорогой отецъ, любимая мать у весьма уже многихъ, у иного другъ жизни, съ которымъ такъ соединилась душа, что уже нѣтъ возможности распознать, что было его и что мое; у многихъ дѣти, братья, сестры; да, они уже тамъ, столпились на томъ берегу, ждуть насъ, зовутъ къ себѣ. Будемъ же всемѣрно стараться и молить Господа, чтобы Онъ помогъ намъ достоять на нашей стражѣ и до послѣдней мипуты жизни сохранить горящимъ въ сердцѣ свѣтильникъ вѣры, чтобы на порогѣ къ вѣчности, могли мы сказать вмѣстѣ съ праведнымъ старцемъ Симеономъ: «нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ». Аминь.

Прот. П. Смирновъ.

О ПРИМИРЕНІИ.

Слово въ недѣлю сыропустную.

Аще отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный согрѣшенія ваши (Мат. 6, 14).

Нынѣ день прощенія и мира. Готовясь вступить на поприще поста и покаянія, мы должны разорвать всякій узелъ вражды и ненависти къ ближнему.

Необходимость прощенія обидъ видна изъ того, что всѣ мы грѣшны и сами нуждаемся въ прощеніи грѣховъ своихъ и отъ Бога и отъ людей.

Когда нарушается законъ и грѣхомъ вносятся нестроеніе и беспорядокъ въ нашу жизнь и міръ Божій, возможны только два исхода: или наказаніе, или прощеніе. Премилосердый Господь благоволилъ избрать второй путь. Чтобы не страдала правда, Онъ отдалъ на жертву Своего Сына, и на основаніи этой непримѣрной жертвы открыто на землѣ царство благодати, любви, всепрощенія. Всякое нарушеніе правды прощается, предается забвенію, ради пролитой за насъ крови Единороднаго Сына Божія, и чрезъ это забвеніе прошедшаго дается намъ полная возможность исправлять разныя уклоненія и псурадицы въ нашей жизни; вотъ законъ Божія милосердія, дѣйствующій въ церкви Божіей! Посему-то и Господь, отходя на страданія, завѣщалъ намъ миръ, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе: «миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ» (Іоан. 14, 27), и явившись по воскресеніи ученикамъ Своимъ

привѣтствовалъ ихъ миромъ, какъ самымъ дорогимъ даромъ, какъ самымъ высшимъ счастьемъ (Іоан. 20, 19. 21). Этотъ законъ долженъ отражаться и на взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ. Если согрѣшилъ противъ тебя братъ твой, прости его. Своимъ забвеніемъ прежняго его нехорошаго дѣйствія помощи ему встать на новую дорогу и исправить свое поведеніе въ отношеніи къ тебѣ и другимъ. Скажи ему: «братъ, я забылъ прежнее, забудь и ты; да будетъ между нами навсегда миръ и любовь!» Если же въ тебѣ нѣтъ рѣшимости забыть обиду, потушить въ сердцѣ огонь вражды, то уже не причислай себя къ царству любви. Ты въ этомъ царствѣ чужой! Ты вступилъ на другой путь, гдѣ нѣтъ уже прощенія, а только законное исполненіе правосудія. Тогда, пожалуй, преслѣдуй враждой и мщеніемъ своего ближняго, который согрѣшилъ противъ тебя, насколько Богъ тебѣ это попуститъ. Но за то и самъ всегда будь готовъ предстать на судъ Божій и отвѣчать за всѣ свои грѣхи. Не для тебя Любовь небесная открыла свои сокровища: своимъ злопомнѣніемъ и жестокосердіемъ ты отстраняешь отъ себя ея благодатныя вѣнія. Въ часъ нужды ты хотѣлъ бы прибѣгнуть съ молитвой къ Богу, а Господь молитвы твоей не приметъ. Онъ скажетъ тебѣ: «пойди, прежде примиришь съ братомъ своимъ» (Мѡ. 5, 24). Хотѣлъ бы ты исцѣлить раны совѣсти исповѣдью и вновь соединиться съ Господомъ въ таинствѣ причащенія: пожалуй, услышишь слова разрѣшенія, примешь даръ небесной любви, но мира твоему сердцу не найдешь. Въ немъ будетъ раздаваться грозное слово: «не надлежало ли тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и Я помиловалъ тебя» (Мѡ. 18, 33),—и лицемѣрная исповѣдь и недостойное причащеніе низведутъ еще острѣйшія стрѣлы гнѣва Божія на преступную главу твою. Безъ прощенія обидѣ не полезенъ будетъ самый строгій постъ. «Вотъ постъ, который Я избралъ, говоритъ Господь: разрѣши оковы неправды» (Ис. 58, 6). И мученическій подвигъ не имѣетъ цѣны въ очахъ Божіихъ, если любви не имѣешь (1 Кор. 13, 3).

Тяжело мириться, особенно если вражда давно длится. Кто же виновать? Слѣдовало бы давно прекратить вражду, и тогда это было бы несравненно легче. Продлишь теперь твою вражду, она еще болѣе выростеть, и примиреніе будетъ еще труднѣе. А мириться непременно нужно, если не хочешь быть изъятымъ изъ царства Божія.

«Я помирился бы, но боюсь опять поссориться». Чего боишься впередъ, то поспѣши прекратить теперь. Старайся предотвратить возможность новой ссоры благоразуміемъ и кротостью, особенно при помощи свыше. Что же если и вновь разстроится отношенія къ ближнему твоему? Законъ всепрощенія дѣйствуетъ въ церкви, и царство любви отъ насъ не закрыто до тѣхъ поръ, пока не закроются въ часъ смерти глаза наши. Наконецъ, что думать о будущемъ? Будущее въ рукахъ Божіихъ. Теперь помирись, вступая подъ сѣнь Божіей благодати, призывающей къ покаянію.

«Помирился бы, но тяжело первому сказать слово». Какъ иногда изъ-за этой лжестыдливой нерѣшительности пустое недоразумѣніе возрастаетъ въ цѣлую гору вражды и ненависти и низводитъ на ту или другую голову страшныя бѣдствія! Церковь знаетъ эту нашу слабость, и на себя, такъ сказать, принимаетъ почиѣ въ этомъ дѣлѣ. Какъ мать дѣтямъ, она велитъ намъ нынѣ со всѣми примириться.

Какой миръ царствуетъ въ сердцѣ, которое не помнитъ обидъ и ко всѣмъ расположено чувствами дружелюбія! Не напрасно сказалъ псалмопѣвецъ: «се что добро, и что красно, но еже жити братіи вкупѣ» (Пс. 132, 1). Аминь.

Прот. П. Смирновъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ЕПИСКОПА АСТРАХАНСКАГО ГЕРАСИМА а).

Преосвященный Герасимъ родился отъ небогатыхъ родителей Іоанна и Маріи 1809-го года 26-го октября и нареченъ былъ во имя великомученика Георгія—Георгіемъ. Отецъ его былъ дьячкомъ Иркутской губерніи, Балаганскаго округа, Терёмховской волости, села Бѣльска, Срѣтенской церкви. О рожденіи Георгія предсказано было его дѣду по матери, проживавшему въ семь селѣ и занимавшемуся торговлей и отчасти хлѣбопашествомъ, слѣдующимъ образомъ. Причетникъ Іоаннъ, овдовѣвши, остался съ двумя малолѣтними дѣтьми, и на первыхъ порахъ

а) Составлено монахиней симбирскаго Спасскаго монастыря Евсеіей, скончавшейся 1866 года, сестрой Александры Ефимовны Руммель, извѣстной читателямъ по письмамъ къ ней преосв. Герасима, помѣщеннымъ въ „Душ. Чтен. 1882 и 1883 годовъ,—и монахини Евпраксіи,—той самой, вопросы которой съ отвѣтами на нихъ преосв. Герасима напечатаны въ ноябр. книжкѣ „Душ. Чтен.“ 1883 года. Всѣ три сестры были духовными дочерьми пр. Герасима, когда онъ былъ ректоромъ симбирской семинаріи, пользовались его устнымъ и письменнымъ руководствомъ въ духовной жизни. Предлагаемое вниманію читателей жизнеописаніе доведено до 1855 года, когда Герасимъ переведенъ былъ на ректорство изъ симбирской въ харьковскую семинарію. Оно въ высшей степени любопытно и назидательно по задушевности и многимъ подробностямъ, знакомящимъ читателя съ вѣшнею обстановкой жизни и съ внутреннимъ состояніемъ преосв. Герасима. Свѣдѣнія о преосв. Герасимѣ собраны и составлены авторомъ жизнеописанія на основаніи его рассказовъ, собственноручныхъ его келейныхъ журналовъ и писемъ. Рукопись жизнеописанія сообщена въ Редакцію Астраханскимъ священникомъ, Константиномъ Егоровичемъ Добросердовымъ, сыномъ преосвященнаго Герасима. *Ред.*

не желалъ вступить во второй бракъ. Но черезъ годъ, побуждаемый нуждой и родными, вздумалъ жениться на Маріи; она вовсе не хотѣла выходить замужъ, да и отецъ ея, человѣкъ довольно зажиточный, также не соглашался выдать ее за этого жениха. Но Іоаннъ не оставлялъ своего желанія и продолжалъ искать ея руки лѣтъ до 4-хъ. Иванъ Гавриловичъ, дѣдъ Георгія, видитъ въ концѣ этого четырехлѣтія во снѣ одного благоговѣйнаго величественнаго мужа въ святительской мантіи, который повелѣваетъ ему не противиться волѣ Господней и отдать дочь свою за упомянутаго жениха. При чемъ предсказалъ, что у нихъ родится сынъ, который предназначенъ Господомъ быть святителемъ. Послѣ этого видѣнія старецъ соглашается на предложеніе Іоанна и, призвавъ дочь свою Марію, объявляетъ ей о своемъ согласіи на ея бракосочетаніе съ Іоанномъ. Волей - неволей она должна была покориться родителю и ровно чрезъ 9 мѣсяцевъ, Господь Богъ благословилъ ихъ супружество: у нихъ родился сынъ Георгій. И по собственному расположенію, а можетъ быть и по вышнему внушенію, Георгій съ самаго юнаго возраста склоненъ былъ къ уединенію и молитвѣ. Съ дѣтскою рѣзвостью онъ любилъ играть и забавляться съ своими сверстниками, всего однакоже болѣе находилъ онъ утѣшенія въ молитвѣ. Когда было ему 5—6, лѣтъ у его родителей въ домѣ жилъ работникъ изъ сосланныхъ въ Сибирь поселенцевъ, который всякую свободную минуту употреблялъ на молитву. Живой и рѣзвый ребенокъ, Георгій часто видалъ его молящимся въ уединеніи со слезами, и этотъ примѣръ произвелъ сильное впечатлѣніе на его дѣтское воображеніе. Ему нерѣдко думалось невольно: добрый *Михаилъ* (имя работника) молится со слезами, слѣдовательно и мнѣ надобно также молиться и плакать. А потому ребенокъ иногда становился въ уединенномъ мѣстѣ на колѣни, воздвѣвалъ руки ко Господу и въ сладость молился. Благопопечительные родители держали его строго, особенно мать; она любила его, какъ первенца, нѣж-

но, но вмѣстѣ была къ нему очень взыскательна. Благочестивая и богобоязненная, она всегда сама молилась и его учила читать утреннія и вечернія молитвы; при чемъ побуждала его постоянно поминать всю царскую фамилію, сдѣлавшуюся послѣ такихъ опытовъ предметомъ любви его. Съ своей стороны и набожный отецъ, во всякую погоду, постоянно водилъ Георгія въ храмъ, гдѣ приучалъ его стоять скромно, не развлекаясь посторонними предметами, а также пѣть и читать. По возвращеніи домой, если дитя въ церкви было разсѣяннo, наказывалъ его перѣдко розгой. Такимъ образомъ родители посѣвали въ юной душѣ своего сына благія сѣмена, долженствовавшія въ свое время принести обильный плодъ. Мать его Марія имѣла обыкновеніе, идя въ храмъ Божій, заходить перѣдко въ богодѣльню, построенную при храмѣ и обдѣлять мягкими булками всѣхъ живущихъ тамъ болящихъ и страждущихъ. Состраданіе къ бѣднымъ сердобольной Маріи не осталось безъ благихъ послѣдствій. Слова псалмопѣвца: «Блаженъ разумѣваяя на пища и убога, въ день лють избавитъ его Господь» (Псал. 46, 1), какъ нельзя вѣрнѣе на ней оправдались. Сосѣдскія дѣти, сверстники Георгія, выманили его разъ изъ дому и увлекли съ собой на берегъ рѣки *Бѣлой*, разливавшейся широко обыкновенно весной и наполнявшей перѣдко заливъ, простиравшійся почти на версту, за конемъ была усадьба родителей Георгія и лугъ. Когда рѣка сбывала, тогда вода изъ этого залива стекала опять въ рѣку; при самомъ устьѣ его перекидывались двѣтри жерди для перехода въ усадьбу. Товарищи Георгія перешли по этимъ жердямъ безопасно и манили его къ себѣ. Будучи ихъ меньше по возрасту, Георгій колебался. Пашлись вожатые, повели его и не довели, дитя упало въ воду и его понесло въ рѣку. Между тѣмъ близъ огорода родителей просушивалъ свое бѣлье одинъ изъ жившихъ въ богодѣльнѣ, ходившій до этой поры на костыляхъ и казавшійся слѣпымъ, коему перѣдко мать малютки подавала въ означенной богодѣльнѣ милостыню. Узналъ онъ ребенка Георгія и тронулось сердце его; онъ кинулся въ рѣку и

съ опасностью собственной жизни по причинѣ рѣчной глубины, вытащилъ его за бѣлые какъ лѣсъ волосы б). Между тѣмъ и маленькій Георгій не терялъ памяти: онъ барахтался рученками, и когда его вытащилъ на берегъ богодѣльникъ, то малютка, помня о строгости родительской, неотступно просилъ и молилъ его не сказывать объ этомъ происшествіи отцу и матери. Слѣпецъ стащилъ съ него полупелковую изъ китайской матеріи рубашку, выжалъ ее, высушилъ, надѣлъ и повелъ его мимо огородовъ въ обходъ залива домой. Когда подходили къ дому, Георгій сталъ опять молить слѣпца, чтобы вызвалъ онъ тетку по родителѣ Екатерину, а она какъ тутъ. Слѣпецъ рассказалъ ей все обстоятельно, какъ чудно спасъ Господь малютку, а она передала своего любимца пѣжно любившей его бабушкѣ, которая, закутавъ его, сказала, что ребенку что-то нездоровится. Эта добрая бабушка, Марья Ильинишна, любила пѣжно своего внука и горой за него стояла. Когда, бывало, родители вздумаютъ наказать его за проказы, она отнимала его, называя ихъ пемилосердыми и жестокими. Малютка тоже привязанъ былъ къ своей бабушкѣ и такъ какъ у нея было слабое зрѣніе, часто водилъ ее къ замужней ея дочери, выданной въ томъ же селѣ. Любимымъ занятіемъ Георгія въ дѣтствѣ было отправленіе богослуженія въ домѣ, при чемъ побуждалъ онъ и престарѣлую свою бабушку молиться съ собою по часу и болѣе за печкой, на стѣнкѣ коей намалевывалъ углемъ или краской Божию Матерь, или Распятіе. Любилъ также разсматривать иконы и другія священныя изображенія. Однажды, когда ему было лѣтъ пять, онъ невольно какъбы остановилъ дѣтское свое вниманіе на картинѣ, которая изображала ангеловъ, вѣнчающихъ кого-то. Кто это и за что вѣнчается? спросилъ онъ у родителя. «Это, дитяtko мое (любимое выраженіе родителя), какъ гласитъ надпись,

б) Слѣпецъ этотъ, мнѣшій калека, притворялся такимъ, чтобы не попасть въ подушный окладъ. Онъ былъ изъ поселенцевъ.

человѣкъ, желающій дѣлать добро, но не сдѣлавшій еще онаго. Но Господь благъ. Онъ и добрыя желанія не оставляетъ безъ награды. Вотъ еслибы желалъ напримѣръ ты подать милостыню, а нечего, то Господь милосердый приметъ и желаніе твое за исполненіе». Сильно тронули слова эти Георгія и съ своей стороны онъ старался по возможности, при содѣйствіи Божіемъ, запасаться добрыми желаніями, какъ сѣменами доброй жизни. Въ свѣтелкѣ родителей лучшимъ украшеніемъ были иконы, въ числѣ коихъ было изображеніе Іоанна Крестителя съ главными событіями изъ его ангелоподобной жизни. Замѣтивъ на этой иконѣ спекулятора, отрубившаго главу Крестителя, сердобольный Георгій, ревнуя по праведникѣ, выковырялъ глаза спекулятору, и на замѣчаніе тетки доброй Екатерины о неумѣстности сего поступка, отвѣчалъ изумленіемъ и даже отъ души обидѣлся ея мнимымъ хладнокровіемъ къ злодѣянію. Семи лѣтъ онъ умѣлъ бойко читать и половину псалтири зналъ наизусть, и стройно пѣлъ альтомъ на клиросѣ въ храмѣ Божіемъ съ родителемъ. Въ 1818 году при ихъ церкви упразднилось дьячковское мѣсто. Причетникъ Іоаннъ, не имѣя достаточныхъ способовъ для образованія своего сына Георгія, пожелалъ, чтобы упразднившееся въ ихъ селѣ мѣсто причетническое было зачислено, съ правомъ пользоваться доходами, за юнымъ сыномъ его Георгіемъ; посему поѣхалъ съ нимъ въ городъ Иркутскъ съ просьбой къ преосвященному епископу Михаилу о зачисленіи сего мѣста за сыномъ. Владыка принялъ его и сказалъ, что невозможно за такимъ малолѣткомъ зачислять это мѣсто, потому что онъ не въ силахъ будетъ исполнять свою должность. Эти слова преосвященнаго затронули дѣтское самолюбіе, и Георгій смѣло сказалъ преосвященному: «да я и пѣть и читать умѣю». Преосвященный изумился, поставилъ его предъ собой и началъ спрашивать: что онъ умѣетъ читать и пѣть? «И *Херувимскую* и *Единородный*», отвѣчалъ ребенокъ.—«Ну, пропой что-нибудь», говоритъ владыка.—«Да вѣдь я пою вмѣстѣ съ ро-

дителемъ», отвѣчалъ мальчикъ. Отецъ его конфузился и подергивалъ своего прыткаго сына съ цѣлю удержать его отъ смѣлаго обращенія съ преосвященнымъ; но Георгій въ упоеніи отъ радости, что видитъ столь благостнаго архипастыря, прочиталъ ему нѣсколько псалмовъ и даже пропѣлъ половину Херувимской. Преосвященный обласкалъ его. Обрадованный малютка обратился къ отцу и сказалъ: «Ахъ, батюшка, да архіерей-то лучше нашего попа Евстаѳіа!» Отецъ его еще болѣе сконфузился, и давалъ знать, чтобы онъ молчалъ; а ребенокъ не унимался и не разъ повторялъ, что «архіерей лучше нашего о. Евстаѳіа». Преосвященный, услышавши о священникѣ Евстаѳіи, спросилъ о немъ Георгія, и тотъ ему разсказалъ о разныхъ случаяхъ, которые не нравились Георгію. Преосвященный, замѣтивши способности въ мальчикѣ, сказалъ отцу, что онъ общаетъ очень многое, что его нужно и теперь же помѣстить въ училище; и, зачисливъ за нимъ мѣсто, приказалъ отвести его въ бурсу. Отецъ началъ просить отсрочки, представляя преосвященному, что онъ еще малъ, но преосвященный, не понявъ хорошо просьбу отца и думая, что онъ вовсе хочетъ оставить малютку безъ образованія, началъ говорить отцу, чтобы онъ не отнималъ счастья у сына, присовокупивъ, что онъ, можетъ быть, будетъ лучше насъ съ тобой.

Въ это время духовныя заведенія особенно въ Сибири были въ самомъ жалкомъ положеніи. Представьте каменную бурсу, выстроенную еще во второй половинѣ XVIII вѣка. Темныя, удушающія, зловонныя комнаты, съ толстымъ слоемъ грязи на полу, со щелями, въ которыя не только крысы, но и кошки могутъ влезать. По угламъ валялись грязные, вшивые, загаженные войлоки и засаленныя подушки безъ одѣяль. Чѣмъ тутъ не пахнетъ, чего не вдыхаютъ легкія дѣтей лѣтъ 8-ми и 9-ти? Утромъ по звонку дѣти встаютъ съ этихъ войлоковъ (койки были рѣдкостью), и порядочно почесавшись, терпя зудъ отъ коросты, отъ грязи и насѣкомыхъ, надѣваютъ на себя заплатчатые, затрапезные халаты. По прочтеніи утреннихъ

молитвъ, служитель разноситъ въ ящикѣ хлѣбъ, разрѣзан-
 ный на пайки. Ученики разставляются въ кругъ. Пайки
 были тонкіе, подчасъ какъ блинъ, куски. Дѣти терпѣли до
 голоднаго обѣда. Но вотъ звонокъ зоветъ въ классы. Мно-
 гіе не выучили урока, потому что не по чему выучить:
 книгъ нѣтъ. Иной заложитъ или отдастъ вовсе товарищу
 за книгу свою ложку и насидится голоднымъ, а иные при
 суровой дисциплинѣ и въ классъ не являлись «по нахож-
 денію въ бѣгахъ». По выходѣ изъ классовъ, отправлялись
 (по звонку) обѣдать обыкновенно черезъ дворъ, зимой по
 снѣгу (при 30—40 градусахъ мороза). У много ложки нѣтъ,
 потому что ложки должны быть свои. И заведетъ бурсакъ
 кое-какъ ложку деревянную, толстую, чтобы подольше слу-
 жила, и ту, бывало, украдутъ. Бѣдняки ухитрялись: зимой
 прятать ложки въ снѣгъ, лѣтомъ въ траву, въ полѣнницу,
 или на веревочкѣ на шеѣ носили. Иногда ночью разда-
 вить бѣднякъ свою ложку ^{в)}, и перехлебывается съ кѣмъ-ни-
 будь недѣли двѣ-три. У кого сапоговъ нѣтъ, перебѣжить
 босикомъ въ трескуцій морозъ по снѣгу въ столовую. А
 за ужиномъ бойкіе, даже къ утру ухитрялись набрать остав-
 шихся отъ ужина обѣдковъ, и съ опасностью побоевъ отъ
 служителей протащить въ свою комнату, чтобы утромъ по-
 ранѣе, разогрѣть въ комнатной печкѣ и артелью поѣсть.
 Воровски также макали съ голода хлѣбъ въ кухонномъ
 котлѣ, въ которомъ варились щи. Настанетъ вечернее за-
 нятіе и опять ребятамъ учиться не по чему. Хорошо еще,
 если быстро-воспримчивый мальчикъ выучить, выловить,
 выудить урокъ урывками, заглядывая въ чужую книжку
 сзади. И это иногда не удавалось. Сеніоръ (старшій) по-
 шлетъ босикомъ черезъ дворъ босикомъ по снѣгу просить
 табаку у богослововъ. Еще хуже: ночью, въ зимній мо-
 розъ пошлетъ черезъ дворъ въ кухню за огонь, а въ
 кухню къ служителю иногда и не достучишься. Каково

в) Многие ребята дѣлали для себя ложки изъ толстыхъ хлѣбныхъ
 корокъ.

опять было положеніе тѣхъ несчастнымъ учениковъ, которые при старшемъ-самодурѣ, изъ-за одной непреодолимой боязни должны были цѣлый праздничный день сидѣть въ темной, душной запечкѣ, въ поларшина ширины, и не пискнуть, или за неудачное исполненіе его воли «быть задержаннымъ безъ обѣда» на полнедѣли его же (старшаго) произволомъ! Въ воскресные и праздничные дни выводили бурсаковъ въ соборъ и ставили строемъ въ стороннемъ мрачномъ придѣлѣ, чтобы вѣроятно прикрыть казенныхъ оборвышей отъ взоровъ народныхъ. Вотъ каково было воспитаніе въ иркутской бурсѣ въ описываемое нами время.

Но возвратимся къ нашему юному питомцу Георгію. Комната, куда ввели его, была похожа на большой сарай, въ которой стояло двѣ-три койки, обгали съ шумомъ челоуѣкъ 30 дѣтей, на половину изъ полунагихъ якутовъ. Эти дѣти по неопрятности, по рубищамъ и очерку лица монгольскаго походили на эеіоповъ. Когда Бѣльскій дьячекъ Иванъ Прокопьевичъ привелъ въ эту комнату своего сына, содрогнулось его дѣтское сердце при этомъ зрѣлищѣ, и онъ, ждавшій доселѣ съ нетерпѣніемъ поѣздки въ Иркутскъ, которая обѣщала ему бездну наслажденій, только рыдалъ и молилъ отца не оставлять его въ этой темницѣ. Но отецъ не могъ уже измѣнить воли владыки и со слезами разстался съ сыномъ въ надеждѣ на промыслъ Всемогущаго Бога. И съ этихъ-то лѣтъ Георгій узналъ всю скорбь и тяготу жизни, испыталъ и голодъ и холодъ, видѣлъ самые дурные примѣры нравственности, отъ убійственной заразы коихъ одинъ только Отецъ небесный могъ уберечь его сердце. Въ февралѣ или мартѣ 1819 года одинъ изъ товарищей его, охотясь съ лучкомъ и стрѣлками за мухами, выстрѣлилъ въ одну изъ нихъ, сидѣвшую на стѣпѣ близъ Георгія; стрѣлка переломилась и однимъ концомъ попала ему въ правый глазъ, близъ самой зеницы. Пораженіе было такъ неожиданно и сильно, что Георгій, почувствовавъ ужасную боль, не зналъ, что подумать. Сначала казалось ему, что

ему камнем попали въ глазъ, который между тѣмъ налился кровью и скрылъ занозу. Боль была нестерпимая. Лекаръ, не зная хорошо причины болѣзни, прописывалъ примочки, отъ чего на глазу явилось бѣльмо, и Георгій совсѣмъ было окривѣлъ. Но велія милость Великаго Бога!.. Онъ чудно и дивно избавилъ его отъ бѣды самыми простыми средствами. По пріѣздѣ Георгія на вакацію, мать его стала лечить его глазъ испытаннымъ ею самой лекарствомъ: она пускала въ больной глазъ Георгія порошокъ, составленный изъ пережженного синяго купороса и сахара-леденцу. Черезъ пять-шесть пріемовъ, едва выносимыхъ для ребенка, обозначился конецъ занозы въ глазѣ. Родители испугались, но не отчаялись, видя уже рѣдкій опытъ благости Божіей въ томъ, что бѣльмо сошло съ глаза. Припомнилось имъ, что сосѣдка крестьянка Марья Григорьевна Гашкова лечиваетъ глаза, выдергиваетъ и занозы, конечно не изъ глаза, маленькими щипчиками. Пригласили ее, и она чрезъ два-три раза вынула занозу къ неописанной радости ребенка, потерявшаго надежду вылечиться. Въ сентябрѣ 1819 года родители отвезли Георгія опять къ училище, но оставили уже не въ общежитіи, гдѣ въ теченіи года столько бѣдъ потерпѣлъ ихъ сынъ, а на квартирѣ, у хозяина Дим. Сав. Василькова. Но къ несчастію здѣсь ожидали юнаго Георгія бѣды другаго рода. У Василькова жила тетка, солдатка вдовая, и землякъ Георгія сиротка Зосимъ, годами двумя-тремя его постарше, плутоватый и раснутый мальчикъ. Дочери солдатки, дѣвочки неблаговоспитанныя, и этотъ товарищъ-землякъ могли бы развратить Георгія, еслибы не хранилъ его самъ Господь, то чрезъ болѣзни частыя, тяжкія, то чрезъ совѣты родителей, пріѣзжавшихъ нерѣдко и слѣдившихъ за его поведеніемъ зорко. Засыпая нерѣдко безъ ужина и вставая голоднымъ, Георгій не смѣлъ просить хлѣба, и часто уходилъ въ училище голоднымъ. Поэтому, подходя къ толкучему рынку, который былъ на срединѣ пути, бѣдный мальчикъ съ живою вѣрой въ Промыслъ Божій, ни-

тающій птенцовъ врановыхъ, призывающихъ Его, всякій разъ съ вѣрой обращался молитвенно къ Богу живому, вездѣ присутствующему, и въ простотѣ сердца просилъ у Него то хлѣбца кусочекъ, то копѣчку мѣди. И что же? Добрые люди давали ему то и другое.—Года черезъ два родители наняли для него другую квартиру, но къ несчастью у раскольниковъ (безпоповщин. толка). Здѣсь юный Георгій попалъ въ огонь искушеній другаго рода. Часто его нѣжное сердце умилялось при видѣ сострадательности и видимой набожности его хозяевъ: ни одного нищаго и бѣднаго они не отпускали безъ помощи, часто и подолгу молились, но къ несчастью были ожесточены противъ св. церкви, бранили ея пастырей и почти все святое. Богомъ хранимый отрокъ думалъ про себя, что не хороша та вѣра, хвалясь коею, всѣхъ между тѣмъ бранялъ, и чтобы не поколебаться въ православіи, молилъ со слезами Господа явить ему, которая вѣра правая? И Господь, нестоимый въ средствахъ спасенія, давалъ всякій разъ знать его сердцу, что нѣтъ чище, святѣе вѣры православной, той, въ которой онъ растетъ, которая засвидѣтельствована знаменіями и чудесами, какъ на востокѣ, такъ и въ отечествѣ нашемъ, коею спасались преподобные, исповѣдники, мученики, святители. Испушенія однако росли съ каждымъ годомъ: то отъ безразборчиваго выбора друзей изъ круга товарищей, то отъ жившихъ на хлѣбахъ у хозяевъ людей не всегда доброй жизни. Особенно много дурнаго привилось къ нему отъ общничества съ школьными товарищами, кои, будучи старше лѣтами Георгія и, обуявъ въ лѣности, проводили время и праздно и грязно, вмѣсто классовъ, близъ казармъ солдатскихъ или тамъ, гдѣ учили ихъ на горѣ за городомъ. Туда-то часто отлучался и Георгій. Разъ въ іюнѣ пріѣхала мать въ Иркутскъ и тотчасъ же зашла въ училище, чтобы повидаться съ сыномъ, а онъ былъ въ это время на горѣ и смотрѣлъ на ученье солдатъ. Пораспросивъ о всемъ касающемся до него у сверстниковъ и ода-

ривъ ихъ гостинцами, привезенными для сына, отправилась она на рынокъ для продажи хлѣба. Между тѣмъ молва донесла на своихъ крыльяхъ вѣсть о прїѣздѣ матери и до Георгія. Задумался нашъ малый и не на шутку; но бойкій и находчивый, смѣло явился онъ къ матери, поклонился, разцѣловался, и какъ ни въ чемъ не бывало, на слова ея: гдѣ былъ? сказалъ, что—въ классѣ. Умная мать до времени далась будто въ обманъ. Часа за два до отъѣзда она, узнавши отъ хозяевъ и о другихъ многихъ продѣлкахъ отрока, уже не отроческихъ, она увела Георгія въ особенную комнату, связала его и сѣкла съ горькими слезами до тѣхъ поръ, пока не измѣнили ей силы. Надолго урокъ этотъ памятенъ былъ Георгію: онъ сталъ съ сей поры и прилежнѣе и исправнѣе.—Съ переходомъ на третью квартиру, ко вдовой священнической женѣ *Шангиной*, Георгій опять было чуть не избаловался, ибо меньшей сынъ послѣдней былъ пѣвчимъ и привыкъ къ горячимъ напиткамъ и его пріучилъ къ тому же. Въ надеждѣ исправленія сына родители помѣстили его опять въ бурсу, которая была уже нѣсколько въ эту пору благоустроениѣе. Но недостатокъ присмотра и дурные примѣры замедляли и здѣсь развитіе добрыхъ качествъ въ Георгіѣ. Къ счастью, путемъ скорбей и тѣснотъ разнаго рода, особенно же укорами незаснувшей еще совѣсти, Господь сохранялъ въ отрокѣ Георгіѣ добрыя сѣмена. Особенно развитію въ немъ страха Божія и благочестія много содѣйствовало то, что въ столовой читались постоянно при обѣдѣ и ужинѣ Четыи-Миней. Любопытный отрокъ, слушая житія святыхъ, стыдился дѣлать своихъ неподобныхъ, перенимаемыхъ у товарищей, и сожалѣя о нихъ, по цѣлымъ днямъ призадумывался, моля Господа спасти его. Нерѣдко постился и слезно плакалъ, видя, какъ сильно овладѣли имъ навыки дурныя. Между прочимъ безпокоилъ его навыкъ сквернословія, самый обыкновенный въ кругу его товарищей. Чтобы отстать отъ него, Георгій испросивъ благословеніе свыше, написалъ въ родѣ клятвы на бумажкѣ, завернулъ въ все камень и бро-

силъ въ рѣку Ангару съ рѣшительнымъ намѣреніемъ посквернословить больше. Мѣра эта, при помощи Божіей, удалась какъ нельзя лучше: съ этой поры юный Георгій не осквернилъ уже дурными словами устъ своихъ и мало-по-малу сталъ прилежнѣе и добронравнѣе.

Однажды два ученика изъ старшаго класса обидѣли кроткаго Георгія и онъ горько плакалъ. Въ это самое время ректоръ семинаріи архимандритъ Николай (что былъ въ послѣдствіи епископомъ въ Калугѣ) пріѣхалъ въ училище, и проходя мимо плачущаго Георгія, спрашивалъ: о чемъ онъ плачетъ? Мальчикъ отвѣчалъ, что—такъ, ни о чемъ. «Не можетъ быть, говоритъ ректоръ,—я слышалъ, какъ ты кричалъ; навѣрное, кто-нибудь тебя прибилъ?» Добросердечный отрокъ продолжалъ увѣрять, что никто не билъ его. Поднявшись наверхъ, ректоръ спрашивалъ, кто прибилъ Георгія? и ему открыли виновныхъ. Георгій, желая оправдать обидѣвшихъ его товарищей, и въ то же время не въ силахъ будучи удержать слезъ отъ побоевъ, продолжалъ увѣрять, что его никто не билъ. Ректоръ, тронувшись добрымъ сердцемъ Георгія, сказалъ, что отнынѣ да будешь ты *Добросердошъ*; съ этихъ поръ эта фамилія и усвоена ему съ братомъ Харлампіемъ.—Съ умноженіемъ лѣтъ въ немъ возрастала жажда къ уединенію часть отъ часу, и онъ часто мечталъ оставить міръ, жить въ пустынѣ, по примѣру св. отецъ. Проѣзжая зимой къ родителямъ въ село Бѣльское, и за 15 верстъ не доѣзжая онаго, замѣтилъ онъ пещеру въ скалѣ, стоящей отвѣсною стѣной надъ рѣкой *Бѣлой*. Эта пещера плѣнила его своимъ уединеніемъ и какъ-бы манила къ собѣ. Онъ ожидалъ только благопріятнаго случая, чтобы переселиться въ вертепъ этотъ, и съ сей поры началъ удаляться рѣшительно отъ дурныхъ товарищей. Занятія его были почти непрерывны; остальное же отъ нихъ время посвящалъ онъ молитвѣ. Черезъ годъ, по переходѣ въ семнарію, онъ началъ вкушать пищу умѣреннѣе, и иногда по цѣлымъ суткамъ и болѣе совсѣмъ оставался безъ пищи. Часто уходилъ въ пустую комнату и тамъ

въ умиленно-пламенной молитвѣ изливаль чувства свои предъ Сердцевѣдцемъ Богомъ. При такомъ образѣ жизни, онъ до такой степени полюбилъ молчаніе, что и о нужномъ говорилъ рѣдко, помня слова Спасителя нашего: «яко всяко слово праздное, еже аще рекуть человекы, воздають о немъ слово въ день судный» (Мѣ. 12, 36). Необыкновенный и для большей части изумительный этотъ образъ жизни, былъ поводомъ къ разнымъ толкамъ и сужденьямъ. Многіе называли его сумасшедшимъ. Но онъ не внималь симъ безумнымъ глаголамъ. Всю почти одежду роздалъ немущимъ. Хорошая и нѣжно любящая мать часто навѣщала его, и не понимая его самоотверженной жизни, впала въ невыразимую скорбь: она со слезами просила начальство обратить на него вниманіе и полагая, что съ нимъ сильная меланхолія, просила уволить его въ домъ родительскій, чтобы лечить его отъ сей болѣзни. Сначала начальники не внимали ея мольбамъ и видя, что при всей странности Георгій учился исправно, не увольняли его; но потомъ согласились, уволили въ началѣ ноября 1827 года.

Для объясненія нравственнаго состоянія юнаго Георгія нужно знать предшествующія обстоятельства. Проучившись въ риторикѣ съ полгода и успѣвши утвердить за собою репутацію ученика прилежнаго и исправнаго, Георгій принять былъ, безъ всякой съ его стороны просьбы, на полное казенное содержаніе и посылался въ разныя комнаты старшимъ. Пріѣхавъ въ сентябрѣ 1827 года послѣ вакаціи въ семинарію, онъ сталъ усерднѣе прежняго читать Библію и Четь-Минеи. Это усиливало въ немъ жажду духовной жизни, возбуждало отвращеніе ко всему худому. Въ концѣ сентябрю предъ ужиномъ, сидя за Библіей, вдругъ почувствовалъ онъ расположеніе къ юродству. Раздался звонокъ, всѣ шли ужинать, шель и Георгій, но съ мыслью неотклонимою юродствовать и тутъ же въ столовой началъ онъ обнаруживать юродство. Отецъ его, помня сонъ тестя своего, понималь вполнѣ, что сынъ его не безъ воли Божіей вступилъ на сей трудный путь;

потому, когда Георгій прибылъ домой, отецъ давалъ ему знать, что понимаетъ его и вполне сочувствуетъ ему. Но бѣдная, нѣжно любящая мать плакала о своемъ первенцѣ неутѣшно: она видѣла какъбы угасавшую свѣтлую зарю надеждъ своихъ и невыразимо сокрушала нѣжное сердце добраго сына Георгія. Слезы ея, какъ огненные искры, опаляли бѣднаго юношу. Но призывая Бога въ помощь, онъ выдержалъ это испытаніе. Между тѣмъ мать его, какъ утопающій за вѣтку хватается, рѣшилась въ крайности на отчаянное почти средство: вѣрующая и уповающая доселѣ, она, по совѣту нѣкоторыхъ легкомысленныхъ людей, во что бы ни стало старалась уговорить своего мужа съѣздить верстъ за 50 въ селеніе *Иреть* за знахаремъ, воображая, что Георгій помѣшался отъ любви. Сильно сопротивлялся добрый отецъ желанію жены своей, но не могъ устоять предъ ея рыданіями, и наконецъ согласился для ея спокойствія съѣздить за эгимъ обманщикомъ. Ахъ! думала ли бѣдная мать въ это время, что заботясь о мнимомъ выздоровленіи своего сына чрезъ кудесника, она отверзаетъ дверь къ соблазну для первенца своего? Но сила Божія не оставила юнаго подвижника. Знахарь не смѣлъ близко подойти къ юношѣ, который, узнавъ неблагонамѣренность его и хитрости бѣсовскія, бросалъ въ него все, чѣмъ ни попало; а изъ опасенія, чтобъ не съѣсть чего наколдованнаго, онъ все, чѣмъ пересталъ ѣсть и пить. Видя неудачу, знахарь срываетъ съ себя личину и начинаетъ дѣйствовать такъ: онъ совѣтуетъ найти хорошенькую отроковицу, которая бы употребила все силы, чтобы сблизиться покороче съ Георгіемъ и поцѣловать его; тогда, говоритъ, не устоитъ вашъ юродивый и поправится. Родители согласились на это предложеніе и пригласили воспитанницу дѣда Георгія лѣтъ 15-ти. Желая конечно угодить родителямъ мнимо-больнаго и ему самому доставить пользу, она старалась всячески сблизиться съ нимъ, но Георгій толкалъ ее и бросалъ въ нее чѣмъ ни попало. Такимъ образомъ знахарь возвратился съ стыдомъ во своя-

си, а Георгій, желая однажды навсегда избавиться отъ дѣйствительнѣйшихъ подобныхъ искушеній, рѣшился бѣжать изъ дому родительскаго и водвориться въ означенной выше пещерѣ. И только опасеніе, внушенное конечно ангеломъ хранителемъ, чтобы начальство не взыскало съ его родителей за то, что изъ ихъ дома пропалъ онъ, побудило его отложить свое намѣреніе; онъ рѣшился возвратиться въ семинарію съ намѣреніемъ выключиться за сумасшествіе и тогда уже «водвориться въ пустыню, и здѣсь чаять Бога спасающаго» (Ис. 54, 10). Возвратясь въ семинарію, онъ усугубилъ свои духовныя подвиги, и желая скорѣе получить свободу, однажды рѣшился на слѣдующій поступокъ: когда его товарищи и наставникъ греческаго языка были въ классѣ, онъ взявъ веревочку и проходя мимо всѣхъ, молча дѣлалъ петлю; любопытство повлекло вслѣдъ за нимъ товарищей въ пустую залу, въ коей между тѣмъ Георгій, продолжая свою роль, надѣвалъ на шею петлю и прикрѣплялъ оную къ гвоздю; они окружили его, отняли веревку, дали знать о всемъ ректору; тотъ прибѣжалъ, побилъ его палкой и тотъже часъ отправилъ въ губернское правленіе, для помѣщенія въ домъ умалишенныхъ. Не ожидалъ нашъ юный подвижникъ такого послѣдствія, но дѣлать было нечего: покорился онъ со смиреніемъ волѣ Господней и пришедши въ присутствіе губернскаго правленія, вздумалъ сказать назидательное слово, присутствующимъ, изъ текста: «праведный судъ судите» (Іоан. 7, 24). Рѣчь лилась рѣчкой изъ устъ его; члены присутствія слушали его съ изумленіемъ, спрашивая одинъ другаго: «зачѣмъ это привели его?» Георгій, стараясь поддержать общее мнѣніе о своемъ сумасшествіи, говорилъ, что онъ окончилъ курсъ въ семинаріи и желаетъ вступить въ академію. Послѣ сихъ словъ всѣ присутствующіе увѣрились, что онъ дѣйствительно сумасшедшій и отправили его въ градскую больницу. Но когда привели его въ палату сумасшедшихъ, содрогнулось его нѣжное сердце, при видѣ челоуѣкъ двадцати сумасшедшихъ, и также отъ ужаснаго шума. Между

тѣмъ надзиратель привнесъ ему неожиданно книжку: «Иисусъ Утѣшитель». Чтеніе ся совершенно успокоило Георгія и укрѣпило смятенный духъ его. Кротостью и незлобіемъ сердца онъ укрощалъ бѣшенство сумасшедшихъ и умлялъ ихъ такъ, что они все его полюбили и слушались, охотно ласкаясь къ нему. Такъ какъ нетрезвый надзиратель нерѣдко продавалъ ихъ порцію хлѣба и вообще пищу; то эти несчастные часто оставались голодными. Тогда Георгій отдавалъ имъ свою часть и они такъ привыкли къ этому, что часто, когда онъ сиѣшилъ утолить свой голодъ, окружали его и ожидали крупицы отъ убогой трапезы его: онъ не могъ отказывать симъ несчастнымъ. Видя кротость Георгія, служитель часто приносилъ ему книги духовныя отъ смотрителя. Не имѣя особеннаго мѣста для молитвы, Георгій обыкновенно ложился для этого на койку, закрывался наглухо одѣяломъ и въ умиленіи возносилъ пламенные молитвы къ Сладчайшему Иисусу. Молитва съ каждымъ днемъ все болѣе просвѣтляла умъ его, очищала сердце отъ страстей и склонностей грѣховныхъ и исполняла душу его тѣми сладостными ощущеніями благодати, которыхъ не можетъ вкушать сердце міролюбца, погребенное въ сластяхъ житейскихъ. Однажды пріѣхалъ въ домъ умалишенныхъ губернаторъ Иванъ Богдановичъ Цейдлеръ осмотрѣть несчастныхъ страдальцевъ; между прочимъ подходитъ и къ Георгію. Поговорилъ съ нимъ, и замѣтивъ, что онъ вовсе не сумасшедшій, сказалъ доктору: «онъ не глупѣе васъ», и тутъ же приказалъ его перевести въ домъ призрѣнія убогихъ, при коемъ былъ садъ, съ приказаніемъ давать ему свободу во всякое время прогуливаться въ ономъ. Можно вообразить себѣ положеніе Георгія,—ему казалось, что онъ переселился въ эдемъ сладости. Здѣсь уже могъ онъ всецѣло изливать душу свою предъ Господомъ. При молитвенномъ подвигѣ не оставлялъ онъ и дѣлъ милосердія: въ кротости и терпѣніи духа служилъ онъ здѣсь немоцнымъ стар-

цамъ, чѣмъ только могъ. Иныхъ поднималъ съ постели, или переворачивалъ; другимъ воды приносилъ, а у этихъ перевязывалъ застарѣлыя раны; слѣбныхъ и слабыхъ погами выводилъ на свѣжій воздухъ, — и всѣ они полюбили его и благословляли, какъ ангела, посланнаго имъ съ неба. Господь попустилъ ему испытать здѣсь одну изъ самыхъ ужасныхъ бурь въ мятежной плоти. Идя по обыкновенію однажды въ садъ на молитву, онъ видитъ, что въ домъ, гдѣ онъ жилъ, идетъ парочка, — изъ больницы судя по одеждѣ, — и прямо на верхъ дома призрѣнія, никѣмъ не занятый; при видѣ идущихъ не съ доброю, какъ чувствовалось Георгію, цѣлью, зародилось въ душѣ его сильное желаніе помѣшеть имъ во что бы ни стало. И вотъ онъ забѣжалъ впередъ, притаился въ одной изъ пустыхъ комнатъ и ждалъ плотоугодниковъ, угнетаемыхъ страстью. Явились они. Но Георгій, ревнуя о славѣ образа Божія, столь позорно унижаемаго плотскою похотью, застучалъ, закричалъ и до того напугалъ сластолюбцевъ, что тѣ должны были разойтись не достигши своей цѣли. Но врагъ не дремалъ: съ быстротой молніи напалъ на него, какъ на жертву свою, повидимому беззащитную и готовъ былъ съ корнемъ исторгнуть и вѣру его и упованіе на Господа. Какъ въ котлѣ подь огнемъ, кипятилъ въ немъ разгоряченную кровь и какъ слабую трость, при напорѣ бури ужасной, онъ колебалъ его. Мучимый имъ, упалъ наконецъ Георгій въ саду на дернъ, усердно взывая ко Всесильному: «Господи помилуй! Господи спаси!» Внимающій «птешцамъ врановымъ, призывающимъ Его» (Ис. 146, 9), внялъ наконецъ молитвѣ усердной и юнаго Георгія: врагъ отступилъ, борьба прекратилась, и сладко, отрадно вздохнулъ ратоборецъ неопытный, слава Господа силъ за побѣду, подобно пророку Моисею по переходѣ черезъ море Чермное. Но сколько ни сладка была жизнь для юноши въ этомъ уголкѣ затишномъ, по необходимости однакоже онъ долженъ былъ наконецъ съ нимъ разстаться. Однажды въ концѣ мая 1828 года молясь со слезами уми-

ленія въ садовой бесѣдкѣ, вдругъ видитъ онъ мелькнувшую тѣнь. Встревоженный, онъ перекрестился и, оставивъ молитву, обошелъ и осмотрѣлъ садъ; но никого не замѣтилъ. Въ другой разъ тоже самое ему показалось, по въ третій разъ онъ уже не оставялъ молитвы, при видѣ тѣни, а еще усерднѣе и пламеннѣе началъ молиться, полагая, что врагъ мѣшаетъ ему творить дѣло Божіе, и чтобы не видать никакихъ призраковъ, смѣжилъ свои очи и такимъ образомъ продолжалъ въ умиленіи изливать душу свою предъ сердцевѣдцемъ Богомъ. Вдругъ кто-то его обнялъ. Невольно содрогнулся Георгій, и что же? Предъ нимъ стоялъ смотритель, который незамѣтно и не разъ слѣдилъ за его дѣйствіями. Пламенная молитва юноши растрогала душу его, и онъ при видѣ Георгія, начавшаго кувиркаться, сказалъ: «цѣль, мой другъ, я вижу, что ты только притворяешься сумасшедшимъ. Оставь это притворство; а иначе я донесу твоему начальству обо всемъ». Въ это время и нѣжно любящая мать Георгія, понявъ, что для него нуженъ духовный врачъ, успѣшила обратиться съ просьбой къ одному доброму старцу іеромонаху *Нифонту*, служившему въ Крестовой и просила его посѣтить ея сына. Старецъ Божій успѣшилъ на помощь къ Георгію, который принялъ его какъ посланника небснаго. Георгій открылъ ему отчасти свои намѣренія и высказалъ желаніе удалиться въ упомянутую пещеру, чтобы тамъ проводить жизнь подобно древнимъ пустынножителемъ, питаясь одними кореньями и травами. О. Нифонтъ, выслушавъ его, утѣшился и старался укрѣпить его въ духовныхъ подвигахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтывалъ не пренебрегать дарами Господа и не скрывать въ землю талантовъ, Имъ данныхъ. Послушный Георгій, съ одной стороны опасаясь огласки отъ смотрителя, съ другой чувствуя справедливость словъ о. Нифонта, а также и непреодолимое влеченіе къ образованію себя, оставилъ свое намѣреніе водвориться въ пустынѣ и представленный къ начальству, принялся опять за ученіе и менѣе чѣмъ въ полтора мѣсяца наверсталъ все опущен-

ное; поэтому вмѣстѣ съ товарищами переведенъ былъ въ классъ философскій. Но, занимаясь усердно науками, онъ не оставлялъ и прежнихъ духовныхъ занятій: молитва, постъ и уединеніе были безотлучными его спутниками. Не взирая на прещеніе инспектора, человѣка молодаго и пылкаго, не ходить ежедневно въ Божій храмъ къ вечерни и утрени, и на приказаніе бывать въ столовой за ужиномъ, ненужнымъ для него, какъ посвятившаго себя на благоугожденіе Господу, Георгій неупустительно почти ходилъ къ службамъ церковнымъ, уклонялся по возможности и отъ стола. Когда же нельзя было присутствовать въ храмѣ, онъ уходилъ въ пустую залу собранія, или на вышку семинарскую и въ умилшіи по часу и болѣе оплакивалъ тамъ грѣхопаденія свои. Въ свободное отъ классныхъ занятій время, во дни особенно праздничные, Георгій нерѣдко хаживалъ къ доброму о. Нифонту. Кроткій и смиренный, онъ на разные вопросы юноши любознательнаго о духовныхъ предметахъ отвѣчалъ указаніемъ то на ту, то на другую отеческую книгу, которыя и содѣлались для Георгія съ этой поры тѣмъ же, чѣмъ цвѣты для пчелы: онъ питался, услаждался сотами писаній отеческихъ съ восторгомъ радости. Каждый день, обогащая его счастливую память духовнымъ сокровищемъ, раздвигалъ тѣсную раму его понятій и открывалъ предъ нимъ какъ бы новый, невиданный, неслыханный имъ доселѣ, но оцутительный міръ. Послѣ чтенія твореній отеческихъ любимымъ занятіемъ его были, какъ прежде въ риторикѣ, такъ и теперь выписки изъ разныхъ книгъ, находившихся въ его рукахъ; изъ этихъ выписокъ составилось до 8-ми рукописныхъ сборниковъ. Много имѣло вліянія на развитіе въ немъ духовнаго начала въ эту пору знакомство съ другими добрыми старцами, знакомыми о. Нифонту и бывавшими у него нерѣдко. Одинъ изъ нихъ, бывшій поселенецъ, по имени Варлаамъ, жилъ въ пещерѣ на рѣкѣ Чикоѣ, близъ Китайской границы, года съ три; потомъ онъ былъ постриженъ въ монахи, затѣмъ рукоположенъ во іеродіакона и наконецъ

въ іеромонаха безъ разрѣшенія святѣйшаго синода. Онъ вполне оправдалъ святостью жизни своей выборъ архипастыря, рисковавшаго получить за его производство большую отъ св. синода непріятность, предупредившую лишь его смертью. Въ Нифонтѣ видѣлъ Георгій живой примѣръ упованія на Господа и преданности въ Его волю святую, а также и умиленія рѣдкаго. Другой старецъ, о. Израиль, при мистическомъ направленіи обладалъ рѣдкимъ даромъ слова, воздержаніемъ во всехъ родахъ и героизмомъ, простиравшимся нерѣдко до ревности не по разуму. Съ этимъ старцемъ Георгій иногда по цѣлымъ часамъ и даже ночамъ проводилъ или въ отрадной бесѣдѣ, или въ молитвѣ. Наслышавшись объ этомъ старцѣ вскорѣ по приѣздѣ его изъ Бабаевского николаевского монастыря, костромской епархіи, Георгій стремился къ нему сердцемъ, еще бывши въ училищѣ, но не смѣлъ познакомиться съ нимъ и почиталъ за счастье, если издали удавалось поклониться ему, или пройти по стопамъ ногъ его. «Такъ-то честни ему быша друзи Божіи» (Пс. 138, 17). Ровно чрезъ годъ по возвращеніи Георгія изъ сумасшедшаго дома въ семинарію, возымѣлъ онъ непреодолимое желаніе написать надгробную рѣчь преосв. Михаилу, живому еще въ то время и служившему въ иркутской епархіи. Что же? Чрезъ нѣсколько дней дѣйствительно скончался преосв. Михайлъ и рѣчь была сказана своевременно. Вотъ эта рѣчь:

„Боже великій! Для сего ли сія звѣзда утренняя явилась въ ночи страны сей, чтобы явившись — померкнуть? Для сего ли сіе *солнце*, изливавшее свѣтъ спасительнаго ученія на церковь Твою, возшло на горизонтъ нашъ, чтобы, совершивши исполненными шагами половину теченія своего, померкло въ сѣни смертной? Для сего ли возжень былъ сей *свѣтильникъ* благодати въ мрачной юдоли нашей, чтобы рука смерти погасила его. и такъ рано, и такъ преждевременно? Для того ли сія *маслина*, износившая плоды добродѣтелей, украшала собой земной Эдемъ—церковь Твою, Боже жизни, чтобы наконецъ столь неожиданно пала на землю отъ бури смертной и тѣмъ самымъ лишила оный лучшаго украшенія его? О смерть! почто сериъ твой пожинаетъ несозрѣвше классы тогда, какъ оставляетъ поблек-

шее, полуиссохшее быліе? Почему Ты обходишь хижину старца, съ распростертыми объятіями тебя ожидающаго, а пощщаешь кровы, совсѣмъ тебя не ожидающіе? Лютыи ангель смерти! почто ты протеръ мрачную завѣсу между настыремъ и наствой? Почто разлучаешь сердобольнаго отца отъ чады, жившихъ лишь его жизнью? Нѣтъ, „Господь силъ съ нами“. Но ахъ! „еще есть Господь съ нами, то вскую обрѣтоша ны вся злая сія?“ Видно прогнѣвали мы Создавшаго насъ и сего Аарона—архіерея Его. Кто думалъ, чтобы сія духовная цѣвница, недавно глававшая каждаго изъ насъ на небесную нажить спасенія, скоро замолкла и навсегда замерла въ воздушномъ пространствѣ? Кто ожидалъ, чтобы ангель, возвѣщающій намъ волю Божию, пылъ воспарилъ въ горняя?

Всблагій-Премилосердый! Ты опредѣлилъ въ тріпностасномъ свѣтѣ Твоемъ попрнице жизни сего настыря нашего, и онъ прошедши оное, подобно Или, вьзается теперь отъ насъ на колесницѣ вѣры въ вѣчные Твои кровы, оставя намъ въ послѣдіе едину милоть—надежду, пѣкогда быть съ нимъ.

Итакъ мы не увидимъ тебя болѣе, настыръ стада Христова въ юдоли плача. Не услышимъ болѣе гласа твоего, дѣлатель винограда Христова. Неужели гласъ сѣгующихъ вдовиць и осиротѣвшихъ чады не трогаетъ твоего сердца? Востани, вскую спиши? Слухъ твой, прилежшій къ смертному одру сему, не внемлетъ уже болѣе моленіямъ нашимъ. Смерть на вѣки уже закрыла бодрыя очи твои.

Покойся же, блаженный насадитель вѣры, надежды и любви, въ семь, уготованномъ для тебя жилищѣ мира до вождельнаго утра—всобщаго воскресенія. Когда же настанетъ сіе утро, то заступи насъ предъ Настыремъ настырей, грядущимъ воздать каждому по дѣламъ его“.

На мѣсто почившаго преосв. Михаила былъ переведенъ изъ Пензы преосв. Ириней, человекъ строгой жизни, но горячій. Онъ не снисходилъ слабостямъ подчиненныхъ, преслѣдовалъ пороки и наказывалъ за нихъ строго, за что былъ нелюбимъ многими. Вскорѣ узналъ владыка о примѣрной жизни и поведеніи Георгія и полюбилъ его, какъ сына, за что Георгій повесъ въ послѣдствіи тяжелый крестъ. 8-го мая 1831 года преосвященный былъ позванъ на похороны сына купца Медвѣдникова, котораго отпѣвали въ храмѣ иркутской Владимірской церкви. Георгій долженъ былъ идти вмѣстѣ съ пѣвчими, по должности старшаго надъ ними, въ храмъ этотъ. Братъ его и крестникъ Хар-

лампій, мальчикъ рѣзвый, убѣжалъ изъ класса, по просьбѣ причта сей церкви, и началъ звонить къ литургіи въ шестьсотъ пудовъ колоколь, висѣвшій на одномъ только ухѣ. И что же? Вдругъ исполнивъ этотъ, раскаченный имъ, сорвался, рухнулъ на слуги и прижалъ 2 пальца лѣвой руки мальчика. Услыхавъ объ этомъ, испуганный Георгій вбѣжалъ безъ памяти на колоколюю и нашелъ подъ колоколомъ трепещущаго, потерявшагося и не знавшаго что дѣлать любимца своего, коему между тѣмъ собравшаяся толпа, потерявшая надежду высвободить его, принудила уже отсѣчь эти пальцы. Много стоило труда Георгію устранить этотъ приговоръ: онъ молилъ и просилъ собравшихся еще потрудиться приподнять этотъ колоколь, и съ помощью Божіею успѣлъ въ этомъ. Братъ его, почти чудомъ спасенный, мгновенно сбѣжалъ съ колоколюни и отведенъ былъ Георгіемъ въ больницу, гдѣ, по любви къ уединенію и чтобы безпрепятственнѣе служить Господу, выпросилъ онъ у ректора для себя уголокъ мѣсяца за три предъ этимъ и жилъ тамъ съ ученикомъ богословія Васил. Гр. Лукинымъ, который почиталъ его какъ старшаго брата и желалъ слѣдовать стопамъ его. Въ пламенной молитвѣ изливалъ свою благодарность Георгій Господу за спасеніе брата. Между тѣмъ довѣренность преосв. Иринея къ юному Георгію съ каждымъ днемъ возрастала все болѣе, а вмѣстѣ съ ней увеличивалась зависть и недоброжелательство; нѣкоторые изъ его начальниковъ, не понимая благородной души его, смотрѣли на эту близость съ худой стороны и стали притѣснять бѣднаго Георгія, гдѣ и какъ только могли. Недовольство начальства усилилъ слѣдующій случай. Разъ призываетъ къ себѣ Георгія преосвященный и говоритъ: «Я хочу дать тебѣ секретное порученіе, отправиться на проповѣдь къ Бурятамъ, и проѣздомъ осмотрѣть Иркутскій округъ и поразвѣдать о нравственномъ состояніи духовенства, съ тѣмъ чтобы ты дурно живущихъ изъ причта постарался вразумить и наставить на путь истинный и если раскаются, предать суду Божію, а кто не захочетъ

исправить своей жизни, о такомъ бы донесъ мнѣ формальною бумагой». Въ заключеніе приказалъ вести журналъ каждадневныхъ занятій своихъ г). Сколь ни трудно было это порученіе владыки, Георгій не смѣлъ однакоже отказаться, и съ стѣсненнымъ сердцемъ, получа бумаги, пошелъ къ ректору просить въ напутствіе себѣ благословенія, не сказывая однакоже сначала о сущности порученнаго ему дѣла. Не понимавшій ни духа, ни отношеній преосвященнаго къ Георгію, строптивый ректоръ, узнавъ, что псылаютъ его по дѣламъ епархіальнымъ, очень оскорбился этимъ, разбранилъ бѣднаго юношу, какъ только могъ, и приказалъ ему выйти вонъ. Дѣлать было нечего: Георгій вышелъ и, пока не уходилось сердце начальника, сидѣлъ на крыльцѣ. Узнавъ, что Георгій, не взирая на брань, все сидитъ и ждетъ, какъ милости, благословенія его въ напутствіе себѣ, хотя неохотно, но благословилъ его. Въ продолженіе іюля и августа Георгій, во исполненіе даннаго ему порученія, объѣхалъ всю почти Иркутскую область Изъ журнала, веденнаго Георгіемъ, видно, что заѣзжалъ онъ и къ родителямъ, у коихъ просилъ благословенія въ монашество. «Послѣ литургіи и обѣда, замѣчаетъ въ журналѣ Георгій,—я стороной завелъ разговоръ съ моею матушкой о намѣреніи своемъ посвятить себя, согласно желанію между прочимъ и владыки, Христу и оставивъ міръ, идти въ монахи, по окончаніи курса; при чемъ молилъ ее родную мою не скучать и не сожалѣть о намѣреніи мною предпринятомъ, въ коемъ съ волей архипастыря отпечатлѣвалась, какъ и сама она вѣдала изъ отзывовъ дѣда, воля Божія. Выслушавъ сперва кротко меня, она представляла бѣдность и старость; я—нищету Христову и упованіе на Бога. Потомъ говорила она о тяжкомъ для нея пожертвованіи мною—любимымъ дѣтищемъ; я говорилъ, что самъ Господь заповѣдалъ первенцу наро-

г) Выдержки изъ путевого его журнала помѣщены были въ Астр. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1879 г. № 45, 46 и 47.

довѣ—Израилю посвящать Себѣ первенствъ. Она говорила, что воспитывая меня съ такими лишеніями, совѣтъ не воображала разстаться со мной; я представлялъ ей, что для благочестія и любви нѣтъ препятствія къ соединенію, что разлука лишь болѣе питаетъ и восполняетъ ихъ. Вздохи ея колебали грудь мою, а слезы заставляли меня самого плакать, и я съ рыданіемъ уговаривалъ ее посвятить меня въ жертву Господу. Припоминалъ ей собственныя же ея наблюденія касательно меня, съ самаго младенчества. Представлялъ покровительство зиждительнаго Промысла ко мнѣ грѣшнику, а также и то, изъ какихъ безднъ гибели вызывалъ меня Его нѣжный гласъ, и изъ какихъ пропастей извлекала меня десница Его.—Послѣ долговременнаго увѣщанія, она подала знакъ къ согласію и я, будучи несказанно симъ обрадованъ, лобызалъ ея руки. На другой день матушка моя возобновила слезы и жалобы на мою холодность; потомъ и я принужденъ былъ возобновить мои увѣщанія, въ чемъ имѣлъ помощникомъ и отца моего, который давно уже въ тайнѣ сердца своего записалъ меня въ чинъ ангельскій, въ званіе монаха. Мы со слезами говорили, почему и всѣ насъ слушающіе плакали. Дядя мой, діаконъ Петръ и тетка, сестра родная батюшки, уговаривали неутѣшно рыдающую мать мою. Наконецъ мои слезы, усиленные просьбы родителя и настойчивость родственниковъ восторжествовали: побѣжденная, рѣшилась она искать утѣшенія у подножія Владычицы, почему мы всѣ пѣли молебень и всѣ плакали. Потомъ простившись и принявши благословеніе родителей, мы отправились въ путь. Очень скорбѣлъ Георгій, что по причинѣ рабочей поры обращено было не болѣе семи человѣкъ въ христіанство изъ Бурятъ, кои до крещенія наставлены были Георгіемъ въ истинахъ христіанской вѣры. Во время переѣздовъ изъ улуса въ улусъ дивно сохранилъ Господь жизнь Георгія: разгоряченныя лошади понесли повозку во всю прыть, изломали ее и опрокинули. Спутники Георгія ушиблись и больно, а его спасъ Господь даже отъ ушиба.

3-го сентября Георгій возвратился благополучно изъ путешествія своего. Но лишь подалъ рапортъ преосвященному, какъ неожиданно пришелъ указъ объ увольненіи преосв. Принея. Недоброжелатели владыки сдѣлали на него доносъ. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири г. Лавинскій также старался очернить его въ глазахъ правительства за то, между прочимъ, что владыка обличилъ его за нечистую жизнь. Поупущеніемъ Божиимъ враги восторжествовали. Нѣтъ сомнѣнья, что въ послѣдствіи, конечно, опять бы ему дали епархію; но горячность и подозрительность, омрачавшіи свѣтлый умъ его, много надѣлали ему горя: вообразивъ себѣ, что указъ синода объ его увольненіи сочиненъ врагами и фальшивый, онъ публично имѣлъ неосторожность объявить это самъ на стогнахъ града Иркутска, по коимъ проходилъ объ руку съ Георгіемъ, сопровождаемый чиновникомъ Голубевымъ, который присланъ былъ къ владыкѣ отъ генераль-губернатора для предложенія услугъ въ предлежащемъ пути, и принять подозрительнымъ преосвященнымъ за подосланнаго убійцу. Вслѣдствіе сего не взирая на горячее участіе, какое принимали въ судьбѣ его графиня Анна Алекс. Орлова и архимандритъ Фотій, 26-го ноября флигель-адъютантъ Брянчаниновъ, присланный изъ С.-Петербурга, взялъ его и посадивъ въ возокъ, увезъ въ Прилуцкій Спасскій монастырь Вологодской губерніи, гдѣ запрещено ему было даже священнослуженіе. Затѣмъ онъ переведенъ, по ходатайству преосв. Иннокентія одесскаго, въ Толгскій монастырь и здѣсь трудился во славу Божию. Можно себѣ представить, какая бѣдственная участь постигла бѣднаго Георгія. Онъ остался какъ агнецъ посреди волковъ, которые готовы были поглотить его и стереть съ лица земли. Ректоръ, профессора, члены консисторіи начали надъ нимъ насмѣхаться. Но Господь, на котораго Георгій возвергъ печаль свою, невидимо защитилъ его.

Черезъ 2 мѣсяца по смѣнѣ преосв. Принея, поступилъ изъ Перми на кафедру иркутской церкви человекъ Божій, кроткій архіепископъ Мелетій. Не успѣвъ еще отдох-

нужь послѣ столь труднаго пути въ Вознесенскомъ монастырѣ, преосвященный долженъ былъ, забывъ себя, принимать (7-го ноября 1831 года) посѣтителей и тогда же озаботился прискать наставника для своего племянника, мальчика рѣзваго, который во время дороги много беспокоилъ старца, любившаго во всемъ порядокъ. Въ первый же день послѣ пріѣзда своего просилъ онъ ректора порекомендовать ему изъ семинаристовъ воспитанника, которому бы могъ онъ довѣрить своего племянника, такъ чтобы ребенокъ видѣлъ въ этомъ воспитанникѣ примѣръ доброй нравственности, при чемъ присовокупилъ, что онъ будетъ смотрѣть на него какъ на ученика, по достоинству котораго можно судить о всей семинаріи. Напоминаніе объ этомъ сдѣлано было преосвященнымъ двукратно. О. ректоръ, опасаясь за неаккуратность тѣхъ, кого было имѣлъ въ виду, принужденъ былъ волей-неволей, по указанію конечно Божію, отрекомендовать Георгія, какъ болѣе прочихъ благонадежнаго. Владыка тотъже часъ приказалъ за нимъ послать. Георгій въ это время былъ за 5 верстъ отъ монастыря въ Иркутскѣ и жилъ съ однимъ другомъ Аврамъ Кон. Виногр. въ семинарской больницѣ. Можно себѣ представить удивленіе Георгія, когда посланный объявилъ ему приказаніе явиться немедленно къ новому преосвященному, только что пріѣхавшему. Онъ полагалъ, что пробилъ уже его часъ. Но привыкли все упованіе свое возлагать на Отца небеснаго, всталъ и со слезами помолившись Господу, Заступнику всѣхъ страдалцевъ, отправился въ Вознесенскій монастырь. Едва вошелъ въ переднюю, едва перевелъ духъ послѣ холода въ 25 градусовъ и сильной тревоги чувствъ, какъ ректоръ вышелъ къ нему и сдернувъ съ него шинель, приказалъ идти къ владыкѣ и соглашаться на то, что предлагать будетъ. Съ смущеніемъ и страхомъ предсталъ Георгій предъ лице владыки. Съ обычною кротостью принялъ владыка юношу, обласкалъ его какъ отецъ и разспрашивалъ съ участіемъ о жизни его, входя во всѣ даже мелочныя подробности, касающіяся особенно воспи-

танія меньшаго брата Георгіева. Тронутый участіемъ къ себѣ архипастыря и пораженный внезапною перемѣной своего положенія, Георгій полагалъ, что онъ или во снѣ видитъ это, или говорить съ нимъ не самъ владыка, а кто-либо изъ его спутниковъ. Поэтому, когда преосвященный отходилъ отъ него, то онъ крестился, протиралъ глаза и не вѣрилъ, что это все случилось съ нимъ наяву. Обласкавъ Георгія, преосвященный приказалъ ему на другой день, т.-е. 8 ноября, перебраться къ нему въ домъ. Кто можетъ описать неизъяснимую радость Георгія? Онъ въ мигъ, не помня себя, пролетѣлъ 5 верстъ и явился къ своему другу совершенно инымъ человѣкомъ. Часу въ 5-мъ вечера тогоже дня Георгій расстался съ добрымъ другомъ своимъ Авр. Кон. Виногр. и переселился въ домъ преосв. Мелетія. Внѣшняя жизнь его совсѣмъ измѣнилась къ лучшему, но благочестивое настроеніе души осталось тоже. Заимствуемая изъ дневника его выписка покажетъ, чѣмъ была занята душа Георгія и въ эту, не незавидную для другихъ пору. «18 ноября '1831 года. Итакъ я оставляю наконецъ тебя, мирная сѣнь, подъ которою покоился 9 лѣтъ, оставляю сотрудниковъ моихъ, на поприщѣ просвѣщенія: потеря ничѣмъ незамѣнимая! Напрасно роскошь изливаетъ предо мной туюкъ свой, напрасно нѣжныя ея объятія отверзаются для меня; напрасно честолюбіе, струя и возмущая безмятежно текущій источникъ жизни моей, раскрываетъ предо мной блестящія сцены на театрѣ міра сего,—я помню одно, что гражданинъ я небесный, сынъ Сіона, камень, изъ коего долженъ соорудиться храмъ Трисвятому, и въ этомъ все мое счастье.—Рѣдко, очень рѣдко лучъ благодати отражается въ окѣ ума разсѣяннаго. Душа погрязающая въ чувственныхъ утѣхахъ никогда не проникнется симъ горнимъ свѣтомъ. Благодать Божія часто въ видѣ невидимой голубицы носится надъ бездною сердца нашего, желая оплодотворить его своимъ живоноснымъ сѣменемъ; но воды грѣховъ, наводняя землю сердца нашего, препятствуютъ ему укорениться въ душѣ нашей и, что всего плачевнѣе, даже принявшіеся отпрыски исторгаютъ

и упосятъ въ бездну смерти всепоглощающей». — Привыкшій къ занятіямъ, Георгій прилагалъ неусыпное попеченіе о рѣзвѣ и непослушномъ питомцѣ, вѣрнопомъ его руководству, и часто скорбѣлъ, не видя плодовъ своихъ трудовъ. Но и тутъ возвергалъ онъ печаль свою на Господа, поручая Ему возрастить благія сѣмена, коими онъ старался засѣять юное сердце отрока, поросшее уже терніемъ. Преосвященный служилъ для Георгія живымъ примѣромъ, какъ на землѣ живутъ земные ангелы, небесные челоувѣки. Георгій съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ сей дивный мужъ не взирая на слабость силъ и на безчисленныя въ растроенной тогда епархіи дѣла, которыя требовали всего его вниманія и осторожности, успѣвалъ бывать у всѣхъ службъ церковныхъ. Пищу вкушалъ въ день пооднажды, нигуда почти не выѣзжалъ въ гости. Словомъ, жилъ по примѣру древнихъ отцевъ.

Не взирая на свое положеніе, почти независимое уже отъ прежнихъ начальниковъ, кроткій Георгій не переставалъ оказывать повиновеніе не только благимъ изъ нихъ и кроткимъ, но и строптивымъ, придиравшимся иногда къ пустякамъ. Такъ однажды во время жестокой зимы приходитъ онъ въ классъ и отъ простуды кашляетъ. По недоброжелательству къ нему ректоръ началъ его бранить, говоря, что онъ завзбался, что онъ гордецъ. Выслушавши все со смиреніемъ, Георгій осмѣлился наконецъ наединѣ спросить: въ чемъ заключается эта гордость, которую онъ въ немъ замѣтилъ? «Да какъ же, отвѣчаетъ ректоръ, — приходишь въ классъ и покашливаешь».. Георгій замолчалъ, оправдываться было не въ чемъ; отдавъ шинель свою брату и не имѣя другой теплой одежды, онъ сильно простудился, и вотъ была причина кашля. Еслибы зналъ о семь владыка, то конечно не допустилъ бы Георгія до такой нужды; но скромный юноша всячески скрывалъ отъ добраго владыки свои нужды: благородная душа его довольствовалась тѣмъ, что посылалъ ему Отецъ небесный. Сколь ни обидна была для Георгія не-

справедливость начальника, укрѣпляемый однакоже Господомъ, вотъ что писалъ онъ по возвращеніи съ лекціи въ своемъ дневникѣ: «1832 года 17 ноября. Гордость—исчадіе ада. Душа моя, посмотри на Господа твоего Иисуса и смиряйся. Вспомни, что внушаютъ тебѣ бдительные стражи дома Божія—учители семинаріи и будь покорна ихъ гласу. Знай, что сколько бы желѣзо ни было крѣпко, но я его переѣдаетъ ржа или жесткая наковальня дѣлаетъ ковкимъ и уступчивымъ». Таими-то чувствами было проникнуто сердце незлобиваго юноши. И мы нисколько не будемъ этому удивляться, если замѣтимъ, что живя у владыки, Георгіи любилъ питать душу брашномъ нетлѣннымъ — словомъ Божиимъ и твореніями св. отецъ: Василя Великаго, Лѣствичника, Макарія Великаго и другихъ. При такомъ образѣ жизни естественно духъ его сближался все тѣснѣе и тѣснѣе съ Господомъ, обучающимъ кроткія путямъ своимъ.

Однажды возмѣлъ онъ непреодолимое желаніе видѣть Господа чувственно: нѣсколько дней сряду желаніе это какъ пламень жгло его сердце, и онъ со смиреніемъ и слезами не разъ молилъ Господа или явить ему зракъ свой незримый, или отнять это желаніе, привившееся душѣ его. И вотъ наконецъ какими сопровождалась послѣдствіями мольба эта теплая. «Предъ утренней въ маѣ 1832 года видѣлось мнѣ, пишетъ онъ въ своемъ журналѣ,—что я нахожусь на какомъ-то полѣ обширномъ и слышу гулъ и шумъ какъбы грозы отдаленной,—шумъ и гулъ возрастали съ каждою минутой все болѣе и болѣе. Наконецъ заблестала молнія, послышались страшные перебаты грома и звуки трубъ, имъ вторящихъ и ясно выражающихъ слова: «се Господь грядетъ со славой, исходите во срѣтеніе Ему». Какъ листъ затрепетало во мнѣ, при общемъ трепетѣ, сердце мое и сколько ни сильно въ немъ было въ эти минуты чувство любви ко Господу, сколь ни радо было исчезнуть оно въ пучинѣ величія Божія, вспомнивъ однакоже слова писанія: «не бо узрѣтъ человекъ лице Божіе и живъ будетъ», я оказывалъ себя за желаніе видѣть виѣшними очами то,

на что долженъ былъ взирать только смиренными очами вѣры, и моля Господа сокрыть отъ меня нечистаго зракъ свой пресвѣтлый, невыносимый, благоговѣнно часто крестился, читая вслухъ при ослѣпительномъ блескѣ непрерывавшейся молніи: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея» (Ис. 6, 3). Это явленіе такъ было живо, что и по пробужденіи я продолжалъ креститься нѣсколько минутъ и вслухъ говорить: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ!» Умиленный до-пелъзя, не могъ уже я быть въ классѣ и часу до 12-го дня продолжалъ съ восторгомъ славить и благодарить Господа премилосердаго».

Много и другихъ въ этомъ же родѣ видѣлъ Георгій дивныхъ опытовъ особенной милости къ себѣ Промысла Божія въ эту пору, для вразумленія и ободренія. Съ помощью Божіею Георгій кончилъ курсъ въ семинаріи *вторымъ* ученикомъ. Этому *второму* ученику данъ былъ аттестатъ неблаговолившимъ о ректоромъ, значительво умалявшій его успѣхи въ наукахъ ^{д)}. Собственноручно ставя отмѣтки на аттестатѣ, архим. Иларій съ полуусмѣшкой и съ какимъ-то самодовольствомъ приговаривалъ: «пожалуй загордится молодой человекъ,

д) При способностяхъ средственныхъ, прилежаніи постоянномъ, поведеніи примѣрномъ, оказался успѣвнымъ:

Въ наукахъ богословскихъ	<i>Довольно хорошо.</i>
„ изъясненіи св. писанія	„
„ церковной исторіи	„
„ философскихъ наукахъ	<i>Хорошо.</i>
„ физикоматематическихъ	<i>Порядочно.</i>
„ словесности	„
„ гражданской исторіи	„
„ языкахъ: еврейскомъ	<i>Хорошо.</i>
„ греческомъ	„
„ нѣмецкомъ	„

№ 525.
1832 года
10 августа.

какъ дашь ему отличный аттестатъ. Поэтому между прочимъ, я не поставилъ его (Добросердова) и *первымъ*.

Мѣсяцевъ чрезъ шесть о. Иларій отданъ былъ подъ судъ вмѣстѣ съ экономомъ и оставленъ былъ всѣми своими друзьями; одинъ юноша Георгій, раздѣляя скорбь его, часто навѣщаль его и утѣшаль привязанностью своего незлобиваго сердца... «Добрякъ ты мой, настоящій *Добросердовъ*, говорилъ ему о. Иларій: какъ поздно понялъ я тебя!»

Любимой мечтой Георгія по окончаніи, какъ и до окончанія курса было монашество. Подъ вліяніемъ сихъ думъ онъ разъ послѣ ранней обѣдни вышелъ въ садъ, куда онъ всегда удалялся послѣ божественной службы, для приготовленія къ классамъ. Преосв. Мелетій также вышелъ въ садъ къ Георгію, и между прочимъ спрашиваетъ его: на какой путь жизни онъ хочетъ вступить въ концѣ курса? Георгій съ обыкновенною откровенностью сказалъ владыкѣ о своемъ желаніи—быть послушникомъ у о. Израиля, съ коимъ велъ болѣе уже года постоянную переписку. Преосвященный изумился, однако одобрилъ желаніе. Потомъ спросилъ: согласны ли родители твои на это? — «Отецъ согласенъ», отвѣчалъ юноша, а о матери не сказалъ ни слова. Преосвященный, замѣтивши это, изволилъ спросить: «А мать?» «Мать, отвѣчалъ Георгій, — неохотно соглашается». Преосвященный приказалъ доложить ему, когда пріѣдетъ мать къ нему.

Нѣжно любящая мать, полагавшая все утѣшеніе въ своемъ первенцѣ, не замедлила пріѣздомъ, вмѣстѣ съ братомъ его Харлампіемъ^{е)}. Георгій по обыкновенію съ любовью заключилъ ихъ въ свои объятія и чѣмъ могъ, угостилъ; потомъ просилъ преосвященнаго посвятить въ слѣдующее воскресенье брата его въ стихарь, и между прочимъ сказалъ о пріѣздѣ матери. Владыка приказалъ се представить

е) Харлампій Добросердовъ впоследствии священствовалъ въ с. Гымыль, Иркутской епархіи, Черемховск. волости.

къ себѣ и Георгій представилъ ему свою матушку. Затѣмъ владыка прислалъ для нея ящикъ цвѣточнаго чаю, пришелъ самъ въ комнаты занимаемыя Георгіемъ, и сказалъ его матери: «Отвезешь гостинецъ этотъ старику своему, да напои и знакомыхъ и сосѣдокъ, коимъ скажешь, что чай тебѣ данъ мной въ благодарность за доброе воспитаніе сына». Нѣжнолюбящая мать была въ восторгѣ и съ невыразимымъ умиленіемъ смотрѣла на свое дорогое чадо. Продолжая бесѣду съ старицей, преосвященный говорилъ ей: «за что ты не любишь монаховъ?» Она въ изумленіи отвѣчала: «Я уважаю монашество, преосв. владыка!»—«Такъ отчего же ты мѣшасшь своему сыну вступить въ чинъ ангельскій?» Она, улыбаясь слегка, говоритъ: «Помилуйте, владыка святой, да какой онъ монахъ? Въ такихъ лѣтахъ, не испытавъ еще себя, можетъ ли онъ быть истиннымъ монахомъ? Вотъ если онъ лѣтъ 5—6 себя хоть мало-мальски приготовить къ жизни монашеской, тогда бы я благословила его на путь этотъ; а теперь, владыка, боюсь его благословить. Что мнѣ за радость, если онъ, вступивъ въ это званіе, не будетъ своею жизнью соответствовать оному? Пріятно ли и вамъ будетъ видѣть, владыка, что живетъ онъ такъ же, какъ наиримѣръ тотъ-то и тотъ»;—при чемъ прямо называла по именамъ ей извѣстныхъ не съ хорошей стороны иноковъ. Преосвященный во всемъ согласился съ умной матерью Георгія и самъ, какъ отецъ нѣжно любящій, совѣтывалъ Георгію испытать себя. Кроткій Георгій повиновался съ любовью своему отцу и благодѣтелю, тѣмъ болѣе что въ епархіи и по училищамъ было очень много мѣстъ праздныхъ, по причинѣ малаго количества оканчивающихъ курсъ въ семинаріи.—Въ іюлѣ 1832 года съ утвержденія преосвященнаго Мелетія Георгій назначенъ былъ учителемъ высшаго отдѣленія иркутскаго духовнаго приходскаго училища; а въ декабрѣ того же года опредѣленъ согласно ходатайству семинарскаго правленія инспекторомъ духовныхъ иркутскихъ училищъ, бывшихъ въ большемъ упадкѣ по нравственной частя. Позаимствуемъя нѣсколько изъ

собственноручнаго его дневника, относящагося ко времени пребыванія его у владыки.

«1833 года 20 января. Будучи опечаленъ вѣстью объ отчаянной болѣзни родителя моего, съ смущеннымъ духомъ и растерзаннымъ сердцемъ сѣлнись я мыслью въ Бѣльскъ, колыбель моего младенчества, куда вся душа моя просилась. Получивши увольненіе, при благословеніяхъ друзей и пресвященнаго, я въ 7-мъ часу вечера отправился туда съ дядей. Наконецъ мы пріѣхали. Я поспѣшилъ къ одру болящаго. Напрасно объятія матери искали меня: сердце мое носило въ сіе мгновеніе лишь одного отца и вся душа моя была только въ немъ. Изнуренный лежалъ онъ хотя не безъ чувствъ, но почти безъ движенія, съ потухшими взорами. Но едва они встрѣтились съ моими полными жизни, какъ вдругъ засвѣтитись, вспыхнули и увлажнились слезами кроткаго умиленія. Облобызавъ и прижавъ къ сердцу старца моего, я услышалъ отъ него слѣдующія слова: «слава Господу, теперь ничто уже не привязываетъ меня къ жизни земной; я увидѣлъ того, кто всегда былъ дорогъ и милъ сердцу, кого всегда благословлялъ и любилъ болѣе всего на бѣломъ свѣтѣ. Пусть кончина моя будетъ послѣднимъ для него урокомъ. Благодарю Тебя Господи. Нынѣ отпускаеши раба твоего!... Но нѣтъ, жизнь опять бьется въ мои жилы; сердце мое опять трепещетъ и бьется отъ ея прилива. Вѣрно небо еще влило нѣсколько капель жизни для поддержанія свѣтильника погасающаго. Будь благословенъ Всевышній! Сынъ, ты возвратилъ мнѣ жизнь. Да будетъ благословенъ пріѣздъ твой! Миръ тебѣ!» Послѣ сего онъ приподнялся, будучи поддерживаемъ мною, и посидѣвши, прошелъ по комнатѣ. И вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ. Вотъ событіе случившееся въ нашемъ домѣ 21 января въ четвертокъ».

«3-го апрѣля, 3-й часъ во время болѣзни моей. Ночь. Сердце мое оставило землю, умъ мой подобно юному орлу воспарилъ къ вѣчному Солнцу солнцецвъ; кости мои процвѣли бодростью и мужествомъ; я обновился. Вселен-

ная исчезла въ очахъ моихъ и умственный взоръ мой силлся узрѣть невидимое. Но грѣховная тѣма поднявшаяся изъ глубины души, омрачила его свѣтлость и лишила силы стремиться въ-высирь. Но слава Господу благодѣющему! Слава Творцу! Слава любви вѣчной, неоскудѣвающей!»

«1833 года 9-го мая. Пообѣдавши съ отцемъ моимъ архипастыремъ, я пашель въ свосей комнатѣ уже ждущихъ меня Илью Ивановича и брата Семена Ефремовича, съ которыми немедля и пошелъ въ загородный архіерейскій домъ съ сердцемъ исполненнымъ утѣхъ и мира, собравшаго меня въ себя самого. Сладко раздѣлять сердце съ тѣми, кои насъ понимаютъ. Смертные! любите, и въ этомъ небесномъ чувствѣ вы незримо узрите рай—царство Божіе, все желасмое сердцемъ. О, ежели бы мнѣ такъ любить всю вселенную, какъ люблю я, кромѣ родныхъ моихъ—кровныхъ—этихъ двухъ!—Пришедши въ загородный домъ, мы расположились въ послѣдней комнатѣ. Братъ началъ учить проповѣдь, а я съ Ильей Ивановичемъ читать Псалтирь русскую. Говорилъ ему о терпѣннн съ видомъ трогательнаго участія, со слезами на глазахъ. Тронутый, онъ зарыдалъ, палъ въ мои объятія, и я вкусилъ блаженство дружеской любви вполнѣ. Послѣ сего прохаживались по холмамъ и лѣсочкамъ, и удивлялись Рукѣ Творческой; я показывалъ имъ мѣста, на коихъ въ былые пролетѣвшіе годы раздѣлялъ утѣхи съ товарищами. Душа моя въ сіи минуты переносилась къ нимъ и соединялась съ ними».

«11-е мая четвертокъ. Вознесенье. Утромъ былъ у меня Илья Ивановичъ, съ конимъ побесѣдовавъ, пошли къ обѣднѣ къ Спасу слушать брата, проповѣдующаго; ходилъ въ саду, гдѣ я увѣщевалъ его осторожно обращаться съ домашними, беречься хитрой и изворотливой похоти плотской. Проповѣдь произносилъ братъ довольно хорошо. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на этотъ цвѣтокъ разцвѣтающій. Дай Богъ, чтобы вѣтеръ страстей тлетворныхъ не заразилъ его и не отторгъ отъ древа жизни» ж).

ж) Послѣ многихъ переворотовъ въ жизни онъ теперь протоіереемъ служить въ Нерчинскомъ большомъ заводѣ. Въ бытность у Ге-

За училищную службу Георгій получалъ не разъ благодарность отъ семинарскаго правленія. Ректоръ семинаріи архим. Никодимъ, обозрѣвавшій иркутское духовное училище въ іюлѣ 1834-го года, болѣе всѣхъ рекомендовалъ семинарскому правленію учителя 2-го класса приходскаго училища Егора Добросердова, къ ревности и способности коего относилъ то, что ученики его всѣ удовлетворительно знаютъ предметы, положенные во 2-мъ классѣ. Вслѣдствіе сего правленіе, съ утвержденія Мелетія архіепископа иркутскаго, положило: опредѣлить учителемъ высшаго отдѣленія студента Егора Добросердова, какъ рекомендуемаго о. ректоромъ по исправности, усердію и способностямъ болѣе всѣхъ учителей иркутскихъ духовныхъ училищъ. А за исправность и усердіе изъявить ему Добросердову признательность отъ семинарскаго правленія.

Но по мѣрѣ расширенія поприща служенія Георгій по необходимости долженъ былъ лишиться блаженнаго уединенія и противъ желанія имѣть частое сношеніе съ людьми неодинаковаго съ нимъ духа. Ничто однакоже не могло совратить его съ пути долга и службы. Одаренный крѣпостью силъ физическихъ и духовныхъ, онъ, при помощи Божіей, веселыми ногами исходилъ всякій день на дѣло свое и на дѣланіе даже до вечера. Временно и безвременно, въ общежитіи и въ квартирахъ посѣщалъ онъ питомцевъ училища и однихъ похвалялъ, другихъ вразумлялъ. Съ цѣлью содѣйствовать, сколько возможно, развитію въ нихъ духа благочестія, онъ при помощи Божіей и по собственному побужденію, предъ литургіей въ дни праздниковъ постоянно почти заходилъ въ свой классъ, гдѣ и объяснялъ рядовое Евангеліе или рассказывалъ исторію праздника. Уроки свои въ классѣ всегда почти предварялъ объясненіемъ нѣсколькихъ стиховъ изъ Евангелія. Замѣчая

расима въ Спб. въ качествѣ череднаго архимандрита, онъ послужилъ и дѣтямъ его, изъ коихъ двое учились въ Горномъ корпусѣ, что на Васильевск. островѣ.

въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ благоговѣніе, онъ почиталъ это для себя самую легкую наградою. Въ числѣ учениковъ высшаго отдѣленія уѣзднаго училища былъ племянникъ о. ректора Никодима з). Рѣзвый и живой, онъ часто озабочивалъ Георгія своими шалостями. Разъ послѣ обѣда Георгій задремалъ и видитъ въ тонкомъ снѣ, что этотъ мальчикъ, прижатый къ столу двумя товарищами, закричалъ лихимъ матомъ отъ того, что они изломали руку ему. Самъ же свой Георгій сильно встревожился этимъ и пробудился. Каково же было его удивленіе, когда чрезъ пять-шесть минутъ прибѣжалъ къ нему изъ общекитія въ архіерейск. домъ старшій съ донесеніемъ объ этомъ самомъ событіи, случившемся на яву! Но это былъ далеко не единственный изъ опытовъ его службы ревностной и добросовѣстной.

Въ концѣ іюля 1833 года, предчувствіе о болѣзни и скорой смерти матери столь сильно овладѣло Георгіемъ, что онъ сталъ тосковать по ней. Не имѣя болѣе силъ преодолѣть это святое чувство любви къ родителямъ, онъ пошелъ къ владыкѣ и объяснилъ ему свои чувства и желаніе видѣть своихъ родителей. Добрый владыка отвѣчалъ: «такъ что же, съ Богомъ поѣзжай, возьми съ собой и Ивана». Георгій выѣхалъ изъ Иркутска 3-го числа августа 1833 года въ 9 часовъ утра и на другой день въ 7 часу пріѣхалъ подъ мирный кровъ родителей своихъ въ селеніе Бѣльскъ.

Въ дневникѣ его 5-го августа читаемъ: «Мирный кровъ моего младенчества,—я опять подъ тобой; сердце мое опять пѣетъ блаженство въ виду предметовъ, окружавшихъ его нѣкогда и производившихъ на него первыя впечатлѣнія. О, какъ они срослись съ нимъ и освоились! Едва ли рука времени сотретъ оныя. И съ какимъ наслажденіемъ ненасытимо взоры мои теперь на нихъ покоятся! Тѣже горы, вѣтвистыми соснами пріосѣбленныя, тѣже березы сѣме-

з) Онъ живетъ теперь въ Спб., служить въ единодѣрческой церкви, что въ Захар. улицѣ, священникомъ: это о. Іоаннъ Верховскій.

нистыя, при шелестѣ конхъ мирно покоилось мое невинностію цвѣтущее сердце; тотъже островъ, омываемый струями Бѣлы; тотъже лугъ, на коемъ я, чуждый заботъ и печали, любовался бабочками и пасъ на душистой богородской травкѣ Божіихъ коровокъ; тѣже старцы-камни, мохомъ обросшіе и смотрящіеся въ стекловидной поверхности рѣки, ихъ опѣняющей, — словомъ, все то же. Но сколько перемѣнъ печальныхъ въ моемъ сердцѣ! Сколько разъ бури страстей опустошали это невинное сердце! Сколько разъ оно опять возвращалось на путь добродѣтели! Какъ радъ я, что исторгшись изъ золотой клѣтки порока, дышу теперь свободой сыновъ Божіихъ и духомъ пошусь тамъ, гдѣ Отець и Богъ мой! Какъ сладко проливать эти слезы горячія изъ сердца въ дань Творцу! О, еслибы всегда онѣ такъ льялись, текли неоскудно! И съ ними излилъ бы сердце мое въ руки Божіи и остался бы съ Нимъ и въ Немъ во вѣки. — По приѣздѣ въ домъ родительскій встрѣтилъ насъ батюшка, и я до глубины души былъ тронутъ болѣзненнымъ состояніемъ моей доброй матушки. Я обрѣлъ неслезанный покой въ оказаніи должныхъ услугъ болящей и со слезами благословляющей меня матери. Блаженны дѣти, думалъ я про себя тогда, которыя облегчаютъ состраданіемъ скорбь родителей: каждая слеза сихъ послѣднихъ послужить къ оплодотворенію таящихся въ сѣмени надеждъ дѣтей; каждый вздохъ ихъ низведетъ благословеніе неба на юныя сердца. Никакой долгъ, никакая земная обязанность не можетъ сравниться съ священною обязанностию покоить старость родителей. Нѣжное попеченіе о нихъ дѣтей дѣлаетъ ихъ болѣзнь нечувствительною и облегчаетъ переходъ даже въ самую вѣчность». — «15 августа. Послѣ утрени съ дядей діакономъ я слушалъ чтеніе изъ синаксаря объ успеніи Владычицы. Въ сей день святыми Дарамъ обѣденнымъ была напутствована моя матушка. Послѣ обѣда отдыхалъ. Но пробудившись, я почувствовалъ скорбь, меня тяготящую. Это былъ отзывъ скорбныхъ стоновъ матушки болящей. Собрался соборовать; я плачу и жад-

но ловлю каждое слово матушки, слово завѣтное, любвеобильное. О ежели бы это была еще не послѣдняя пѣснь моей бѣлой лебедушки! Но сердце мое не надѣется. Буду съ терпѣніемъ ожидать исполненія моего предчувствія. Будь благословенъ Господь мой!—Иду къ матушкѣ, смерть призывающей (Вечеръ, 15-е число 10-й часъ).—«18 августа. Матушка перестала говорить и погрузилась въ сонъ латаргическій»—«22 августа. Предъ восходомъ солнца красного мой ангель улетѣлъ, сопровождаемый благословеніями и слезами, на небеса. Итакъ не обмануло меня предчувствіе относительно кончины ея: оно томило меня болѣе недѣли въ Иркутскѣ и стремилло на родину. Никогда желаніе видѣть родителей не беспокоило столько души моей, какъ нынѣ. Учебныя занятія не вливали отраду въ сердце тоскующее: оно знало, что часть его скоро сокроется въ вѣдрахъ земли. Будь однако же благословенъ Всевышній! Духъ мой съ благоговѣніемъ касается предѣловъ вѣчности нескончаемой и заключаетъ невыразимый союзъ съ небомъ и духомъ матушки. Упокой ее, Господи, въ сѣни крыль твоихъ. Обнови ея духъ, оземленѣвшій въ тѣлѣ тлѣнія! Всего же болѣе, прошу Тебя, Любовь моя, пошли стрѣлу твою въ изнывающую грудь мою и умертви въ оной ветхаго человѣка, дай мнѣ сердце новое, которое бы выну желало неба и воздыханіями своими возносилось къ Тебѣ. За 8 дней до смерти матушка увѣщевала меня между прочимъ никого не обижать, даже и самыхъ малыхъ земли, удаляться роскоши; просила молиться о себѣ и вручила мнѣ брата Харлампія, а старшей сестрѣ Татьянѣ Ивановнѣ сестру Евдокію. Да будетъ ей вѣчная память отъ меня. Въ Успеніе Пресвятой Богородицы послѣ соборованья, прощаясь съ сосѣдками, говорила: «простите меня грѣшную, я никому изъ васъ не желала зла». А сосѣдки въ свою очередь въ сегодняшній день, при гробѣ ея со слезами говорили: «прости наша бѣлая лебедушка, прости ласточка касаяся, прости ласко-привѣтливая. Почто ты бѣлая лебедушка отлетѣла отъ насъ, столь ранехонько, почто поторопи-

лась сизокрылая и упредила насъ? Почто оставила своихъ дѣтушекъ, дѣтушекъ родименькихъ?» Слыша это и сему подобное, я заливался слезами и общалъ небу всего себя. (Послѣ горькихъ слезъ въ 3-мъ часу 22 августа).— «24 августа. Съ разсвѣтомъ сегодня погасла въ сердцѣ моемъ заря блаженства; разлетѣлся подобно рою пчелъ моя радости; и самое солнце—око міра, долго, казалось мнѣ, медлило за горизонтомъ, скрывая игривые лучи свои въ облакахъ, блѣдно освѣщенныхъ луной. Вставши, я не могъ ничего дѣлать. Въ звонъ къ обѣдни мы вынесли гробъ матушки на рукахъ изъ дому и послѣ обѣдни скрыли останки ея, по лѣвую сторону алтаря, подлѣ стѣны церковной ограды. Послѣ сего угощаль вмѣстѣ съ семействомъ болѣе ста человѣкъ, самъ обѣдалъ уже часу въ 5-мъ».— «31 августа мы послѣ обѣда отправились въ Иркутскъ. Прощаясь на могилѣ съ матушкой, на небесахъ уже витающей, я плакалъ горько, неутѣшно. Пять разъ отходилъ я отъ могилы и опять возвращался. «Прости, мой ангелъ, говорилъ я ей, какъбы надъ главою моею парящей, прости и благослови сироту печальнаго и обомлѣвшаго отъ унынія. Прости, другъ мой безцѣнный, всегда о мнѣ пекшійся. Прости мать нѣжнѣйшая, любившая меня пламеннѣе всѣхъ чадъ своихъ. Прости, приснопамятная. Да процвѣтають кости твои и плоть твоя въ лонѣ нашей матери первобытной. Да торжествуетъ душа твоя въ райскихъ обителяхъ и духъ твой безсмертный да сочетается съ Духомъ Божиимъ, котораго ты покоила въ твоёмъ сердцѣ».—Послѣ сего былъ у дяди Петра и простился съ нимъ, Прощаясь съ сѣтующимъ о разлукѣ со мной батюшкой, коего болѣе всего изъ земнаго любить мое сердце, я обнималъ его съ нѣжностью и со слезами. Особенно тронули меня его неподвижно устремленные взоры на нашу коляску, мало-по-малу стремящую насъ въ даль и наконецъ скрывшую его зракъ, для меня любезный».— «1 сентября, часу въ 7-мъ утра пріѣхали въ Иркутскъ, гдѣ радушіе и ласковость высокопресвященнаго Мелетія облегчили нѣ-

сколько мою грусть. Не мало также улаждала мое сердце и нелицемѣрная радость братіи архіерейскаго дома о моемъ пріѣздѣ. Слава Тебѣ Господи! Сердце мое спокойно. Языкъ мой готовъ славословить и благословлять вѣчныя судьбы Твои». — «23 сентября, послѣ обѣда, прохаживаясь, я увидѣлъ несчастнаго англичанина, приписаннаго въ Бѣльскъ. Онъ шелъ къ владыкѣ, отцу сиротъ безродныхъ, и я проводилъ его. Послѣ доклада о немъ, когда никого съ нимъ не было, онъ палъ на землю и тепло молилъ Господа, вѣроятно о смягченіи къ нему сердца благодѣтеля безпріютныхъ. Смотря на сіе въ маленькую скважинку, я былъ тронутъ до глубины сердца. Едва слышалъ онъ шелестъ шаговъ высокопреосвященнаго, какъ принялъ веселый видъ и началъ объясняться на языкѣ англійскомъ; но замѣтивъ, что его не понимаютъ, говорилъ по-русски. Стоя на колѣняхъ онъ просилъ владыку, чтобы позволилъ ему, какъ принявшему греко-россійское исповѣданіе, пріобщиться и снабдилъ приличнымъ свидѣтельствомъ; мимоходомъ объяснилъ ему и о бѣдности своей. Благодѣтель владыка велѣлъ эконому снабдить его нужнымъ. Между тѣмъ и я вспомнилъ, что имѣю лишнюю рубашку и косынку, отдалъ ему, за что онъ, распростершись на землѣ, благодарилъ меня со слезами. Сладко быть благотворителемъ; но я отдалъ лишнее, и эта малая жертва ничего не стоила моему сердцу».

Единственную отраду находилъ, убитый горемъ, Георгій въ пламенной молитвѣ о незабвенной матери своей, особенно въ продолженіи 40 дней послѣ кончины ея; каждый день бывалъ онъ въ храмѣ и подавалъ милостыню о упокоеніи души ея; въ свободные отъ занятій часы уходилъ въ садъ и тамъ его сердце изливалось въ сладкихъ слезахъ молитвенныхъ о родимой. Не безотрадно раздѣлялъ по временамъ скорбь души своей съ добрымъ другомъ Симеономъ и ходилъ съ нимъ иногда на гробъ друга юности своей, Андрея Боголюбскаго, который скончался въ 1831 году (сент. 24) на его рукахъ. Могила его еще жи-

вѣе напоминала ему о могилѣ милой матери, и онъ, казалось, искалъ тамъ сердцемъ ея объятій. Градомъ лились слезы, но не тоски безотрадной, а радости и удовольствія неземнаго, для коихъ нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Не малую отрадой служило Георгію участіе владыки. Однако Георгій вскорѣ лишился этого утѣшенія. Непокорный и непослушный питомецъ его Иванъ (племянникъ преосвященнаго) безпорядочнымъ поведеніемъ своимъ неслыханно сокрушалъ сердце Георгія, и онъ при всемъ стараніи и попеченіи неутомимомъ, никакъ не могъ исправить его упорное сердце. Преосвященный очень огорчался его поведеніемъ и началъ взыскивать съ добросердечнаго Георгія, нечувствующаго якобы всѣхъ его благодѣяній. Острыя рѣчи владыки, какъбы острое оружіе, прошли насквозь сердце его, убитое и безъ того скорбью. Онъ не оправдывался много, но съ кротостью отвѣчалъ, «что онъ съ своей стороны дѣлаетъ все, что только можетъ». Такъ все непостоянно въ мірѣ семъ. Справедливы слова св. писанія: «Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ нихъже нѣсть спасенія» (Ис. 145, 3). Единный Господь былъ помощникомъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ душу Георгія. Послѣ молитвы усладительной онъ находилъ часто утѣшеніе въ уединенной прогулкѣ; душа его при взглядѣ на природу, какъбы на раскрытую книгу, вкушала много отрады. «Каждый кусточикъ, травка, казалось мнѣ, говорили, пишетъ онъ въ дневникѣ: утѣшься, страдалецъ, посмотри, какъ часто доводится и намъ испытывать то знойное лѣто, насъ иссушающее, то осень, насъ обнажающую, то зиму, которая, останавливая развитіе въ насъ жизни, побуждаетъ уныло преклонять вѣтви свои подъ снѣгомъ хладнымъ.—Все тлѣнно подъ луной. Для чего же не ищемъ радостей нетлѣнныхъ? Ихъ колыбель—небо: только въ его лонѣ вѣчномъ онѣ роскошно цвѣтутъ, не увядая».

Исполняя свято обязанности въ училищѣ Георгій, сколько возможно, старался быть полезнымъ и своему семейству: бѣднымъ роднымъ помогалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, и

деньгами и совѣтами душеспасительными. Особенно заботился о миломъ сердцу его братѣ и крестномъ сынѣ Харалампіѣ, ввѣренномъ его попеченію доброю матерью въ послѣднія минуты ея жизни. Онъ хлопоталъ объ устройствѣ брата, желалъ женить его и опредѣлить къ мѣсту, что съ помощью Божіею и удалось. Сосватавъ для него невѣсту, Георгій отпросился на свадьбу къ брату въ Ёльскъ и здѣсь къ средѣ родныхъ, дружески къ нему расположенныхъ, его сердце нашло полную отраду.

На пути въ селеніе Евсеевку, куда вмѣстѣ съ поѣздомъ Георгій отправился за невѣстой брата, Господь дивно сохранилъ его отъ великой опасности. Вотъ что писалъ онъ по этому случаю въ дневникѣ своемъ: «Проѣхавъ благополучно верстъ до 40 и утѣшаясь картинными видами на пути, мы доѣхали до полыней на глубокой рѣкѣ Ангарѣ. При кипящей отвагѣ я не думалъ видѣть никакой опасности, хотя опытность дяди и предостерегала меня. На легкихъ лошадяхъ и въ легкихъ санкахъ мы перелетѣли съ дядей опасность; но бѣжавшая за нами тройка погрязла съ повозкой въ водахъ ангарскихъ. Всѣми овладѣлъ страхъ, но присутствіе духа во мнѣ ободрило всѣхъ. Презирая опасность, я съ льдины на льдину метался, и вытанивъ изъ повозки брата-жениха, сестру Татіану и ямщика, способствовалъ къ выгрузкѣ изъ воды и повозки».

По окончаніи свадебныхъ пировъ, съ тѣснымъ отъ скорби сердцемъ Георгій, возвергну печаль свою на Господа и въ послѣдній разъ прижавъ къ сердцу всѣхъ кровныхъ друзей своихъ, при благожеланіяхъ и благословеніяхъ родителя добраго, отправился въ обратный путь. По пріѣздѣ высокопреосвященный владыка пріялъ Георгія благодушно и съ участіемъ спрашивалъ обо всемъ. Это вниманіе владыки облегчило скорбь его. Онъ возблагодарилъ Господа и снова радъ былъ съ готовностью сына принять отъ Отца небеснаго все, что ни будетъ благоугодно Ему испослать.

Въ это время иумень Израиль поколебался въ право-

славін и былъ вызванъ въ Иркутскъ. Ревностный защитникъ православія Георгій всѣмъ сердцемъ скорбѣлъ о его заблужденіи и, сколько могъ, старался вразумить его, но не имѣлъ успѣха. По отзыву Георгія, Израиль былъ кротокъ, терпѣливъ, нерѣдко въ пламенно-умиленной молитвѣ и пѣніи проводилъ цѣлыя ночи вмѣстѣ съ юнымъ другомъ своимъ. Тѣмъ сильнѣе скорбѣлъ добродушный Георгій, видя, что при столь великихъ добродѣтеляхъ низвергся Израиль въ бездну невѣрія. Многіе предостерегали и совѣтовали Георгію оставить Израиля и не ходить къ нему, какъ еретнику. «Пусть что угодно говорятъ объ участіи моемъ въ судьбѣ Израиля, говорилъ Георгій; не еретнику я покровительствую и не еретнику служу: я вижу въ немъ твореніе Господа моего долготерпѣливаго и сего для меня довольно, чтобы не уклоняться отъ общенія съ нимъ». Заблужденіе Израиля произошло, по отзыву Георгія, вслѣдствіе худо понятыхъ имъ мистическихъ направленій отца Макарія, бывшаго начальникомъ алтайской миссіи, у котораго Израиль и жилъ въ Костромѣ, когда о. Макарій былъ ректоромъ въ тамошней семинаріи, а также и отъ неразборчиваго чтенія иностранныхъ книгъ, духъ и содержаніе коихъ, при таинственномъ ихъ направленіи, завлекли его, и онъ всосалъ этотъ ядъ въ сердце свое тѣмъ скорѣе и легче, что не былъ образованъ методически и имѣлъ пламенное воображеніе. Около этой поры въ большомъ ходу на Руси православной сочиненія Юнга-Штилинга, Экскартгаузена, г-жи Гіонъ, Арндта, отчасти Шведенборга и другихъ писателей въ этомъ родѣ. Любопытный Израиль всецѣло усвоилъ ученіе ихъ и началъ мало-по-малу отвергать почти всю обрядовую сторону православной вѣры. Такъ какъ онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова и говорилъ сильно и увлекательно; то многіе съѣзжались въ Троицко-Селенгинскій монастырь, гдѣ онъ былъ игуменомъ, чтобы насладиться его бесѣдой. Особенно изъ купеческаго званія имѣлъ онъ много знакомыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ впали въ заблужденіе. Благодаря

однакоже Вышняго, Георгій остался чуждъ его заблужденію. Когда правительство, отдавъ Израиля подъ судъ, спрашивало его объ ученикахъ его, Израиль показалъ на Георгія, какъ на перваго. Но съ помощью Божіею Георгій оправдася по сему дѣлу, объяснивъ начальству, что онъ хотя и любилъ о. Израиля и много видѣлъ пользы для своей души отъ общенія съ нимъ, но никогда не раздѣлялъ его заблужденій и хранитъ свято ученіе нашей матери—Церкви. Сколь ни опасно было положеніе Георгія, подозрѣваемаго самимъ даже владыкой, если не въ единомысліи съ игуменомъ Израилемъ, то въ сочувствіи къ нему, по христіанскому состраданію Георгій не прекращалъ сношеній съ Израилемъ. Любимой мечтой Георгія было обратитъ заблудшагося друга ^{и)} на путь истины, и съ этою цѣлью онъ каждодневно посѣщалъ его, утѣшалъ, вразумлялъ. Но къ сожалѣнію, Израиль оставался твердъ, какъ камень, въ своемъ заблужденіи. Съ кротостью агнца переносилъ онъ всѣ оскорбленія и даже побои, не отвѣчая на нихъ. Въ это время для о. Израиля Георгій являлся какъбы ангеломъ утѣшителемъ. Наконецъ Синодъ предписалъ лишить его сана и простымъ послушникомъ сослать въ Соловецкій монастырь. Такъ худо и несчастливо кончилъ столь славно начатое поприще свое, замѣчательный по многимъ отношеніямъ, Израиль! «Жизнь его можетъ служить намъ примѣромъ, говоритъ въ дневникѣ своемъ Георгій, какъ опасно должны мы совершать дѣло своего спасенія. Столпы падаютъ: что

и) Предъ кончиной, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1863 г. въ Соловецкомъ монастырѣ, Израиль обратился въ вѣдра православной Церкви и умеръ въ мирѣ. Этому не мало содѣйствовалъ о. архимандритъ Порфирій, тамошній настоятель, коего просилъ о. Герасимъ въ 1859 г., когда онъ туда былъ назначенъ, „позаботиться о спасеніи старца“. А въ описываемую нами пору о. Израиля истязывали какъ мученика: подвергали его поруганіямъ, морили его голодомъ по недѣлямъ, и чѣмъ долѣе онъ былъ безъ пищи, тѣмъ казался благодушнѣе; его били и, вѣроятно по внушенію діавола, обливали съ насмѣшками горячею водою.

можетъ быть съ нами, слабыми вѣтвями? «Аще не Господь созиждетъ градъ, всеу трудятся зиждущіе».

Въ пламенной душѣ Георгія вскорѣ послѣ сего возгорѣлось желаніе ѣхать въ академію, для дальнѣйшаго образованія въ наукахъ: онъ обрадовался этой свѣтозарной мысли, какъбы посланницѣ съ неба, и съ сего времени академія сдѣлалась любимою мечтой для его воображенія. Онъ поспѣшилъ раздѣлить чувства души своей съ добрыми своими братьями. Посовѣтовавшись еще съ опытными изъ сослуживцевъ своихъ, онъ спѣшилъ къ престарѣлому родителю за совѣтомъ, чтобъ съ благословенія его осуществить свое желаніе. Но намѣреваясь вступить на столь важный путь въ жизни своей, Георгій первѣе всего въ пламенной молитвѣ такъ изливалъ душу свою предъ Отцемъ небеснымъ: «Исполни Господи желанія мои, если они не суетны, если они не повредятъ дѣлу спасенія. Да будетъ воля Твоя, въ Твои руки всесвятѣя вручаю судьбу мою небезболѣзненную. Устрой для меня кругъ дѣятельности. Если мнѣ суждено носить на раменахъ своихъ погибшихъ овецъ дома израилева, какъ это я предчувствую, и какъ объ этомъ сказывали мнѣ родители мои, слышавшіе отъ дѣдушки Ив. Гавр. Огаркова; то горнило скорбей, очищающее меня и гнетущее, очень для меня необходимо и благодѣтельно». Пріѣхавши въ домъ родительскій, Георгій завелъ разговоръ съ родителемъ о желаніи своемъ, и онъ со слезами благословлялъ своего возлюбленнаго сына въ академію, приговаривая, что въ случаѣ отказа въ прогонахъ, онъ припасетъ для милаго сына самъ сколько можетъ. Эта нѣжная любовь старца растрогала добродушнаго Георгія до слезъ, и онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ разстался съ родителемъ. По возвращеніи въ Иркутскъ Георгій поспѣшилъ явиться къ владыкѣ и съ его позволенія перешелъ на житье въ училище. Георгія нисколько не печалило это перемѣщеніе. Давно уже онъ жилъ у владыки гостемъ и свыкъся уже съ этимъ заранѣе. А мысль, что онъ будетъ уже пить и ѣсть свое, не испытывая болѣе горечи чужа-

го хлѣба, даже навѣвала восторгъ на духъ его; къ тому же и тѣмъ утѣшался онъ не мало, что слагалась съ его плечъ тяжелая обязанность смотрѣть за упорнымъ Иваномъ, Перемѣстившись въ новое жилище и поустроившись, Георгій отправилъ прошеніе въ Петербургъ о принятіи его въ академію. Прикыкнуи всеѣ свои чувства и желанія согласовать съ волей Божіею, онъ такъ изливалъ свою душу: «Дай Богъ, писалъ онъ, чтобы желаніе мое поступить въ академію сбылось; но если и выучившись въ академіи не сдѣлаюсь я лучшимъ, то пусть Небеса не исполняютъ это желаніе. Оправдается ли мое предчувствіе—быть въ академіи,—не знаю; знаю только, что оно во мнѣ есть и не могу забыть я, что мнѣ предсказано поприще обширнѣйшее. О Боже! содѣлай меня сосудомъ въ честь. Гдѣ бы я ни былъ и чѣмъ бы ни былъ, пусть только буду твоимъ, твоею собственностью неотъемлемою, вѣчною. Укрѣпи мои стопы шаткія и волю ползучую».

Сколь ни ревностно Георгій исполнялъ обязанность свою начальники его не совсѣмъ однакоже были справедливы къ нему, со времени перехода отъ владыки въ училище. Но кроткій Георгій все переносилъ и изъ всего старался извлечь что-либо полезное для души, сознавая, что пужно ему потерпѣть непріятности для чистоты сердца, начинавшей видимо затмѣваться въ эту пору отъ столкновенія и болѣе тѣснаго сближенія съ свѣтомъ. Такъ писалъ онъ въ своемъ дневникѣ: «Надобно приучать себя къ великодушію жертвами. Что дѣлать? Неужели мы потеряемъ все съ потерей расположенія къ намъ высшихъ? Страдальцамъ остается въ удѣлъ еще совѣсть ободрительница. Люди могутъ быть къ намъ несправедливы, ибо они подвержены слабостямъ. Пусть вхъ! Зачѣмъ же намъ сѣтовать объ этомъ? Утѣшимся и займемся изслѣдованіемъ безпристрастнымъ: не заслужили ли мы это нерасположеніе? Если я правъ, то дурные отзывы и худыя отношенія ко мнѣ высшихъ не должны много меня тревожить. Тревога погружаетъ въ уныніе духъ нашъ и лишаетъ его силы парить къ небесамъ».

Вскорѣ преосв. Мелетій перемѣщенъ былъ въ Харьковъ. И Георгій, отблагодаривъ его за все благодѣянія, простился съ нимъ и получивъ благословеніе отъ владыки, отправился въ Бѣльскъ по случаю наступленія лѣтней вакаціи. Во все время пребыванія въ дому родительскомъ, Георгій постоянно раздѣлялъ все труды и занятія съ домашними,—убиралъ сѣно, ѣздилъ за ягодами. Мгновенно пролетѣло золотое время для Георгія и долгъ службы призвалъ его въ обратный путь. Простившись съ родителемъ, со слезами ходилъ онъ на могилу матери, гдѣ молился съ неутѣшнымъ рыданіемъ объ ея упокоеніи въ вѣчныхъ обителяхъ, далъ обѣтъ хранить въ чистотѣ душу свою, совѣсть и сердце и взявъ земли съ этой могилы, отправился въ путь.

Неизбѣжная разлука съ добрымъ архинастыремъ Мелетіемъ, переведеннымъ по просьбѣ его въ Харьковъ, была не безъ скорби для нѣжнаго сердца Георгія. При прощаніи получивъ отъ владыки совѣтъ поступить въ академію, куда уже просилась душа его неотступно, Георгій ревностно началъ готовиться къ этому новому призванію; но вскорѣ открылось, что ректоръ семинаріи не благопріятствуетъ этому намѣренію, подъ тѣмъ предлогомъ, что Георгій нуженъ для училища. Услышавши эту горькую и неожиданныю вѣсть, сильно усумнился Георгій въ призваніи своемъ и къ монашеству и остался, по пословицѣ, какъ ракъ на мели. Съ пламенною душой вступивши въ великое училище жизни—въ это шумное жилище суеты и соблазновъ, безъ поддержки и притомъ на каждомъ почти шагу встрѣчая дурные примѣры въ сослуживцахъ, съ которыми невольно онъ долженъ былъ тогда сблизиться, сначала конечно скучалъ Георгій въ обществѣ съ ними, привыкну къ блаженному уединенію и къ сладчайшей бесѣдѣ съ возлюбленнымъ Иисусомъ. Но мало-по-малу, совсѣмъ того не замѣчая, Георгій началъ привыкать и къ новому небезопасному положенію, и уже сталъ скучать одиночествомъ, даже храмъ Божій сталъ посѣщать все рѣже и рѣже.

Наконецъ для препровожденія времени Георгій началъ играть съ товарищами въ карты и посѣщать знакомыхъ. Богу благоугодно было попустить на время и Георгію впасть въ сѣти врага нашего спасенія, чтобы чрезъ паденіе еще болѣе возвысить смиреніе духа его, а чрезъ смиреніе поставить на высокую степень добродѣтели. Удивительно ли послѣ сего то, что Георгій, пламенѣвшій прежде жаждой уединенной жизни, почувствовалъ необходимость семейной жизни. Но и въ этомъ должны мы видѣть дивный Промыслъ Всевышняго надъ избранникомъ своимъ. Предназначая сего раба Божія къ высокому служенію Церкви, Господь попустилъ ему быть «искушену по всяческимъ», чтобы онъ, побывавъ въ горнилѣ искушеній жизни всякаго рода, «могъ (въ послѣдствіи) и искушаемымъ помощи» (Евр. 2, 18). Вскорѣ пламенный Георгій встрѣтилъ среди міра предназначенную свыше быть подругой жизни его дѣвицу Наталію. Она предстала предъ нимъ во всей красотѣ, невинности и цвѣтущей юности и овладѣла сердцемъ его; женитьба на ней содѣлалась любимую мечтой живаго и примчиваго его воображенія. Въ его дневникѣ 31-го октября 1835 года, читаемъ: «Боже великій! благодарю Тебя и съ нѣжностью сына лобызаю десницу Твою. О, я много, очень много нахожу въ ней даровъ Твоихъ. Прими эти вздохи за кадило благовонное. Правда, уже многимъ,—что я говорю—многимъ?—всѣмъ задолжалъ у Тебя; но дай мнѣ еще съ благословеніемъ этотъ брачный жребій, если въ немъ нѣтъ роковаго приговора на мученіе вѣчное. Дай мнѣ его, если онъ не заключить для меня вратъ эдемскихъ, вратъ вѣчныхъ. Слабый взоръ ума моего читаетъ въ немъ приговоръ на блаженство, а сердце предчувствуетъ найти въ немъ родную часть свою, отъятую Тобой, Отецъ премилосердый при сотвореніи. При представленіи о ней (невѣстѣ) всѣ страсти затихаютъ, всѣ тревоги прекращаются: такой миръ низводитъ она въ мое сердце! Великій Боже! Если въ вѣчныхъ судьбахъ определено мнѣ обмануться и на этотъ разъ, если подъ вѣковой

печатью будущаго неразгаданнаго скрывается для меня приговоръ къ одиночеству; то пусть всеильное маніе Твое погаситъ это пламя, зацвѣвшее въ душѣ моей. И благоговѣю предъ таинственною завѣсой судьбъ Твоихъ и съ безропотною довѣрчивостью оторву собственными моими руками эту единственную вервь, придерживающую челнъ мой на берегу моря суетнаго, утѣшаемый мыслью, что Ты—Кормчій мой, среди этихъ волнъ бурно-хладныхъ».

Задумавъ жениться, Георгій вызвалъ къ себѣ престарѣлаго родителя, чтобы испросить у него благословеніе на это желаніе. Изумился старецъ намѣренію сына; съ утра и до вечера говорили они и всѣми силами старецъ противился этому намѣренію, говоря одно: «Тебя ждетъ, дитячко мое, не этотъ путь», или: «не будетъ тебѣ счастья на этомъ пути!» Но Георгій съ своей стороны представлялъ по видимому убѣдительныя причины родителю: что по словамъ св. апостола лучше жениться, нежели разжигаться; что, живя въ мірѣ, среди соблазновъ трудно сохранить себя въ чистотѣ и цѣломудріи; что онъ уже сомнѣвается въ настоящее время въ призваніи своемъ къ монашеству тѣмъ болѣе, что сколь ни пламенно сего искалъ, но недовѣдомый Промыслъ Божій указываетъ осязательно какъбы другое поприще, жизнь семейную; что наконецъ можно спастись въ мірѣ на должности священнической. Согласился наконецъ родитель и благословилъ его сватать невѣсту, избранную его сердцемъ. Предложеніе Георгія въ генварѣ 1836 года было принято, онъ получилъ руку Наталіи. После кратковременнаго колебанія преосв. Иннокентій благословилъ этотъ бракъ на невѣстѣ недуховнаго происхожденія.

1836 года 29 января было днемъ свадьбы Георгія, и вотъ что пишетъ онъ въ дневникѣ своемъ: «Помолившись Господу за раннею, хлопоталъ о свадьбѣ. Наконецъ пріѣхали въ церковь и гимны брачныя огласили своды ея. Сердце мое кнѣгло, слезы выливались и тихо текли по горящимъ ланитамъ моимъ. То шикъ я душой, то выникалъ и

париль, какъ орель свѣтловзорый. Душа моя то таяла, какъ благовоиный ладанъ въ кадиль священномъ, испаряя благовоиіе чувствъ пубожныхъ; то горѣла какъ свѣча предъ-образная, предъ ликомъ Господа Тринностаснаго. Подавая кольцо обручальное служителю алтаря, я отдалъ съ нимъ мое сердце для врученія безвозвратно его Натальѣ; а принимая ея кольцо, вѣрилъ, сладко вѣрилъ, что беру съ нимъ ея сердце. Кончился обрядъ вѣнчальный, но не кончилась моя радость, мой восторгъ неописанный. Онъ слѣдовалъ за мной и въ домъ жены моей, гдѣ пировали мы сватьбу». «31 генваря ѣздили съ визитами и приготовлялись принять гостей. Въ 6 часовъ собрались гости, и я угощаль ихъ чѣмъ Богъ послалъ; въ 9 часовъ они разъѣхались и мы успокоились». «5 февраля, получивъ увольненіе и простясь съ родными, мы отправились въ Вѣльскъ. Въ пути, забывая себя, берегъ я жену мою. Истинная любовь всегда сопряжена съ самоотверженіемъ. Родные встрѣтили насъ съ родственнымъ радушіемъ. Мы не видали, какъ летѣло время. 7 февраля мы отправились съ визитомъ къ крестной моей матери, сестрѣ Анастасіи; но ея сухой пріемъ вѣроятно оттого, что не была родителемъ приглашена на сватьбу, нѣсколько меня опечалилъ. Но печаль есть соль удовольствій неземныхъ: безъ нея они не могли бы быть такъ прочны, имѣя столь непрочную и измѣнчивую основу, каково сердце человѣческое. Поговоривши кой о чемъ мы поѣхали въ Гымыль. Побывавши тамъ домахъ въ двухъ, отправились обратно къ крестной. Радость безотлучно летала за мной и вѣяла крыломъ своимъ надъ моимъ сердцемъ. Пріѣхали домой безъ дальнихъ приключеній часу въ 9-мъ. 9 февраля часу во 2-мъ выѣхали въ Иркутскъ, нанутствуемые благословеніями родныхъ. Я нѣжно цѣловаль моего родителя и разстался съ нимъ со слезами. Въ немъ все для меня мило: я люблю его отъ всей души, и его благословеніе пиводить въ мою душу благословеніе Божіе. Поднявшись на гору, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на мѣсто родины и на горы синѣющіяся вдали; ихъ свѣ-

говые перламутровые вѣнцы касались облаковъ, будучи прикрыты ими, какъ пеленой бѣлою. Потомъ помолившись Господу и бросивъ прощальный взглядъ на все родное, мы продолжали путь и по прїѣздѣ въ Иркутскъ 10 марта, отправились по молитвѣ на свою квартиру изъ дома тестя, у коего жили со времени вѣпчанія, напутствуемые благожеланіями всеобщими нашихъ домашнихъ. 8-й и 9-й часъ мы провели въ расположеніи вещей и мебели. Немножко закусили. Въ 10-мъ часу послѣ молитвы слезной о споспѣшествованіи мнѣ помощи Божіей на поприщѣ хозяйства новаго успокоился». — «16-е марта. Сердце вѣще, летающее на крылахъ предчувствія! Неужели ты пророчишь мнѣ гибель бѣдственную? Неужели изъ этого чертога радостей, въ коемъ я наслаждаюсь блаженствомъ теперь неземнымъ, ты низведешь меня въ бездну ужасовъ и мрака? Зачѣмъ ты мнѣ и въ часы веселья и отрады гредишь горестями безотрадными? Развѣ муки ада для порочныхъ начинаются еще здѣсь, до страны замогильной? Развѣ вѣчность мала для того, чтобы истязать сластолюбца? Къ чему же эти тѣни черныя, эти образы мрачныя выются около меня, какъ стая врановъ кровожадныхъ около трупа? Развѣ утѣхи религіи мечта? Нѣтъ! въ нѣдрѣ любви Христовой находилъ и найдеть пріютъ всякій ищущій и толкущій».

Съ самаго вступленія Георгія въ новый періодъ жизни, умножились расходы по хозяйству; поэтому волей-неволей онъ долженъ былъ заниматься партикулярными уроками, не оставляя должностей инспекторской и учительской, — чтобы тѣмъ сколько-нибудь обезпечить свое семейство и нѣжно-любимую жену свою. Вскорѣ онъ принялъ священство. Съ чувствомъ благоговѣнія и радости небесной, Георгій приготовился къ принятію сего священнаго ига Христова на рамена свои. Въ 1836 году 2 апрѣля онъ былъ рукоположенъ преосв. Иннокентіемъ въ діакона, а 12-го апрѣля посвященъ въ священники къ иркутской Преображенской церкви. При всѣхъ своихъ многосложныхъ занятіяхъ онъ, какъ мудрый и добрый пастырь, неутомимо пекся о

чадахъ своихъ духовныхъ; они всѣ имѣли къ нему доступъ и онъ ко всѣмъ спѣшилъ съ отверстымъ сердцемъ на помощь. Одного утѣшалъ оцъ, другаго наставлялъ, обличалъ; службу совершалъ съ благоговѣніемъ и часто съ кафедры церковной со слезами поучалъ паству свою, не только во время литургіи, но и за всенощной. Врата дома его были отверзты для странниковъ. Ницїи не отходилъ отъ окна его необрадованный подаваніемъ. Вдовы и сироты, особенно духовнаго званія, находили въ немъ утѣшителя и покровителя. Будучи казначеемъ Попечительства, онъ всемѣрно старался, какъ объ умноженіи средствъ, обезпечивающихъ ихъ состояніе, такъ и объ улучшеніи ихъ положенія труднаго. Имя Георгія извѣстно было въ городѣ, какъ имя особенно исправнаго, добродѣтельнаго и трезваго священника. Необыкновенно кроткая жена во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ споспѣшествовала своему супругу, стараясь своимъ предупредительнымъ вниманіемъ исполнять даже малѣйшія его желанія, и нерѣдко хаживала къ службамъ въ Преображенскую церковь, версты почти три отъ квартиры, чтобы угодить между прочимъ своему нѣжному другу. И счастливый о. Георгій такъ изливаетъ свои мысли и чувства въ дневникъ своемъ: «17-го іюня 1836 года, пришедши отъ вечерни читалъ я и сладко мечталъ о своемъ золотомъ настоящемъ періодѣ жизни. Ласка—цвѣтъ любви супружеской—плѣняла меня, какъ игрушка—ребенка, и я утѣшался, качаясь, какъбы пташка, на вѣткѣ радости; грустныя думы далеко бѣжали отъ меня, оставляя просторъ для сердца, ими сжатаго».

Но и въ этотъ счастливый періодъ жизни о. Георгію приходилось переносить не мало скорби отъ о. смотрителя училища, который преслѣдовалъ его и на каждомъ почти шагу дѣлалъ ему неприятности, за то быть можетъ, что о. Георгій не женился на сестрѣ его, а избралъ для себя другую, достойнѣйшую подругу жизни. Но достойный служитель алтаря, іерей Георгій переносилъ всѣ оскорбленія съ кротостью, смпреніемъ и великодушіемъ, что можно ви-

дѣтъ изъ дневника его. «На пути въ церковь, пишетъ оны 3 мая 1836 года,—встрѣтилъ меня старшій и объявилъ, что о. смотритель не приказалъ никому изъ учениковъ ходить для пѣнія къ Преображенію. Почувствовавъ гнѣвное движеніе, я старался однако извинить эту выходку противъ меня благовидными причинами. Это отвлекло умъ отъ существа дѣла, ослабило уязвленіе сердца до того, что я способенъ былъ молиться со слезами, во время литургіи, за ненавидящихъ меня. Лучшій способъ укротить гнѣвъ и мечь— есть отвлеченіе ума къ другимъ предметамъ отъ предмета гнѣва, и молитва сладкая, хотя бы она была принужденною сначала, за недоброжелателя. Неужели быстрый полетъ орла мощнокрылаго долженъ останавливаться при мелочномъ пискѣ комаровъ и жуужаніи осъ шумныхъ? А что христіанинъ, какъ не орелъ надземный, въ долинахъ неба душой летать предпозначенный? Согрѣвшись душой, я заставилъ таять и другихъ, при чтеніи проповѣди, во время обѣдни». Жена смотрителя, видя несправедливость притязаній своего мужа, очень часто открывала о. Георгію замыслы своего мужа и тѣмъ разрушала козни діавола, который не переставалъ метать изъ своего колчана стрѣлы на кроткаго Георгія. Вскорѣ однакоже уволили этого начальника, не умѣвшаго упорядочить училище ко благу учениковъ, бѣгавшихъ изъ Иркутска по домамъ, или просто куда глаза глѣдятъ, отъ его жестокости непомѣрной, крушившей доброе сердце о. Георгія.

Черезъ годъ о. Георгій приторговалъ домикъ, который и купилъ незамѣтно, благодаря вниманію добрыхъ прихожанъ его и собственной оборотливости. Въ 1837 году не мало предлежало труда о. Георгію спасти отъ ссылки добрыхъ кяхтинскихъ купцовъ Молчановыхъ и штабсъ капитана Аван. Пискол. Лыкова, заподозрѣнныхъ въ связи съ о. Израилемъ и не хотѣвшихъ, по требованіямъ консисторіи, признать его за лжеучителя. Сколь ни много любили и уважали они о. Георгія, никакъ однакоже не могли согласиться признать заблужденія Израиля ересью и

готовы были ѣхать въ Охотскъ съ семействами на поселеніе. Только вниманіе къ нимъ генераль-губернатора Восточной Сибири Сем. Богд. Броневскаго и его благоразуміе спасло ихъ отъ этой горькой участи. Пригласивъ ихъ къ себѣ, по выслушаніи уже ими приговора губернскаго правленія, сказалъ онъ: «Жаль мнѣ васъ, други мои; что это наскучило вамъ доброе имя? Зачѣмъ вы не согласились на предложеніе Духовной консисторіи: признать Израиля еретикомъ?» Видя это вниманіе въ лицѣ свѣтскомъ, вниманіе, котораго напрасно искали въ преосвященномъ тогдашнемъ, особенно же кротость губернатора, они плѣнились ею и сейчасъ же обратились къ православію, показавъ такимъ образомъ всѣмъ, что духъ кротости есть лучшій исправитель всѣхъ согрѣшеній нашихъ» (Изъ дневника 22 ноября). «19 декабря 1836 года. Господь благословилъ меня дочерью Евгеніей, жившею до половины феврала, скончавшеюся отъ простуды 1837 года. 1838 года въ февралѣ родилась дочь Александра, скончавшаяся въ іюнь. 1839 года 28 апрѣля мнѣ Господь далъ сына Николая».

Въ 1840 году Георгій поступилъ членомъ въ Духовную консисторію и обрадованъ рожденіемъ сына Константина; прежде родившіяся дѣти его умерли вскорѣ по рожденіи. Въ дневникѣ 1841 года 1 января Георгій пишетъ: «Минуть скорбный и плачевный 40-й годъ и унести съ собой изъ Иркутска много радостей,—можетъ за его туманомъ спѣть жатва Божія. Сколько перенесло печали горестей мое сердце въ этотъ годъ! Но онѣ миновались, почти прошли, кромѣ одной непроходящей печали—о женѣ-страдалицѣ; неужели и въ этотъ годъ страдать? Дай Богъ, только бы эти удары злополучія выбили зерно чистое изъ класса души, только бы огонь искушеній, опаливъ ниву сердечную, хоть на этотъ годъ удобрилъ ее, угобзилъ и оплодотворилъ. А то удары сыплются—зерна нѣтъ; огонь скорби жжетъ душу, но душа все неплодна, даже выплodiла пороки. О, сохрани меня Господи въ грядущее лѣто отъ подобныхъ непотребствъ. Вразуми и научи творити волю

Твою святую и благоугодную. Искушенія со стороны протоіерся Фортунат., оклеветавшаго меня предъ его преосвященствомъ, наговоры и неблагонамѣренныя отношенія зрителя училищъ о. Нифонта, доведшіе преосвященнаго до прещеній въ отношеніи ко мнѣ,—смерть Коли — милаго сына, болѣзнь друга моего сердца, длаящая болѣе полугода, все это дѣлало жизнь для меня непріятною; особенно время длившееся съ іюня по 5-е сентября—время тяжбы съ о. зрителемъ, было временемъ скучнымъ при болѣзни жены. Много, много надо силы характера, или лучше нужно имѣть благодать Божію, чтобы не дойти до того, до чего дошелъ я въ эту пору, руководимый бестрашіемъ къ Творцу. Одни воспоминанія о подобномъ уже отнимаютъ всякую надежду на радость. Настоящее—весна для посѣва: что посѣялъ, то и жни въ будущемъ, во время осени жизни. Жаль того, что сдѣлано, но ужь его не передѣлать; а что всего горестнѣе—не забыть! Тяжелымъ камнемъ ложится всякое преступленіе на душу и гнететъ ее долу къ преисподней; грѣховныя навыки, какъ всякая страсть, вливаются въ сердце и ищутъ въ немъ пищи, но не находя, терзаютъ до боли, до мученія. Избавь Господи меня въ будущемъ отъ этого ада земнаго! Опытъ будто научаетъ меня смиренію: благослови же, напутствуй меня своею благодатію. 10-й часъ вечера». — «Октября 7-го. Въ 5 часовъ пополудни соборовали друга моего сердца—Натал. Мих., которая отчаянно заболѣла съ 11 часовъ ночи. Слезило предъ Господомъ око мое и сердце мое изливалось въ мольбахъ къ Небесамъ». — «8-го, болѣзнь ея видимо усилилась. Черныя думы роились въ моей головѣ, тяжкіе вздохи и горькія слезы служили удѣломъ моимъ». — «9 октября. Предъ зарей сего дня затеплился лучъ свѣтлой надежды въ душѣ моей скорбной и въ сердце мое запало сѣмя предчувствія, что меня не оставитъ еще мой спутникъ пожизненный сиротой въ семь мірѣ: кто знаетъ? можетъ быть Богъ жизни и продлитъ ей жизнь. Вѣдь любовь сердца съ очами зорчѣе ума! До 12 часовъ ночи я сиднемъ сидѣлъ у одра

ея, и слушаль завѣты ея и плакаль преслезно съ сестрами. Въ 6 часовъ (утра) начинаю читать уже отходную, но мой другъ еще остается, послѣ легкаго сна.—Слава Тебѣ Господи! Въ вечеру болѣзнь видимо слабѣла. Думаютъ, что это предвѣстіе смерти. Но нѣтъ, послѣ молитвы слетѣло съ небесъ ко мнѣ утѣшеніе. О, взоръ благодати прощаетъ мои согрѣшенья и жезлъ наказанья прозябъ и раздвѣль для меня благодатнымъ прощеньемъ: чѣмъ расплачусь съ Небесами убогій? Чтеніемъ акаѳиста утѣшаюсь и самъ и мой другъ».—«10 окт. Послѣ сна Натал. Мих. кушала чай. Всѣ радуемся. О, надобно быть въ подобномъ положеніи, чтобы чувствовать цѣну туне даннаго дара Небесъ! Прими Господи хоть лепту обѣтовъ моихъ и пособи ихъ выполнить свято: они чисты какъ небо и свѣтлы какъ свѣтъ. Аминь».—«25 октября. Другъ души моей, говорила мнѣ ввечеру Нат. Мих.,—ты такъ нѣжно заботился о мнѣ. Чѣмъ я заслужу тебѣ за твою любовь и вниманіе? Ахъ, еслибы Господь меня поднѣлъ: я не осталась бы въ долгу у тебя!» Въ отвѣтъ ей были слезы съ обѣтомъ священнымъ, родившимся въ сердцѣ, служить ей ангеломъ, даннымъ отъ Бога».—«Декабрь. Послѣднія недѣли поста провелъ я въ строгомъ покаяніи, чтобы встрѣтить достойно Христа; скорби и слезы о другѣ души возмущали покой мой; горесть предчувствія отравляла минуты радости: неужели я лишусь милаго друга, который покоилъ меня пять лѣтъ?»—«Декабря 24. Ввечеру мы исповѣдались. Нат. Мих. дней съ 8 сдѣлалось хуже. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится этотъ приваль болѣзни. Она говоритъ, что «кашель ея есть смерти предтеча». Ужасное слово!»—«Дек. 25. Послѣ утрени я приобщилъ ее и оба успокоились».—«1842 г. Янв. 1. Новый годъ срѣтилъ слезою радости: что-то принесъ мнѣ этотъ посланникъ небесъ, этотъ вѣстникъ судебъ непреложныхъ? Нейду никуда, и сижу не сводя глазъ съ своего друга больнаго: сердце скорбитъ и груститъ; читаю, разсуждаю съ ней о суетности всего земнаго и о вѣчномъ отечествѣ, въ отсутствіи всѣхъ домашнихъ. Утѣшая и ободряя ее, я самъ над-

рывался сердцем и, отвернувшись, часто лилъ скорбныя слезы. Обаче радуюсь, что не страшить ее могла со смертью. Болѣзнь ея усилилась кашлемъ». — «3 янв. Въ 7-мъ часу утра погасъ свѣтильникъ моей радости: мой другъ— ангелъ кротости улетѣлъ въ небеса, не вымолвивъ слова; она уснула, забылась и мирно отошла ко Господу. Горести неописанна и слезы неизсякаемы. Спали оковы златя и канули въ бездну: куда я теперь одивокій?» — «6 янв. Въ сей день я схоронилъ съ своимъ другомъ привязанность ко всему земному: ахъ, еслибы съ сей хоть поры Богъ привелъ жить мнѣ только для неба! Разсчесть съ міромъ конецъ и узы плотскія распались: что остается пловцу, когда поднято вѣтрило, когда якорь не держить? Со дня смерти служу и молюсь по своему другѣ; сердцу легче, когда оно изливаетъ скорбь предъ Господомъ. Богъ помогъ, литургисалъ самъ». — «Февр. 11-е. Сороковой день моему милому другу. Служилъ на кладбищѣ. Могила друга сдѣлалась теперь алтаремъ для молитвы моей и стезей, проводящею къ небу. 33 дня Господь сподобилъ меня послужить литургіи, безъ олуценія дѣлать конесторскихъ съ училищными; постоянно почти посѣщалъ и родную могилку, молясь тамъ съ участіемъ сердца. По милости Премилосердаго Господа, и 40-градусные морозы были мнѣ ни почемъ. Квартіры воспитанниковъ тоже всѣ были посѣщены. Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ!».

3 января овдовѣвшій о. Георгій пишетъ къ своему другу Семсону Ефрем. ѵ: «Угасъ свѣтъ очей моихъ, отцвѣли мои радости и надежды земныя улетѣли. Я живъ только по виду: душа и сердце мое отжили почти ко всему земному; одна только нить, нить крѣпкая еще вяжетъ меня къ землѣ: это мой сынъ Костя. Убитый сердцемъ, я смотрю на небо теперь какъ на страну родную, какъ на колыбель моего дѣтства. Какъ тамъ все мирно, спокойно, какая тамъ чистота, святость! А здѣсь? Бѣдныя труженники!

і) Скопчался въ маѣ 1877 г.

Здѣсь все суета, призраки, исчезающія тѣни! Жена на столѣ; я подѣ крыломъ черной уединенно-безмолвной ночи уподобляюсь «песыти пустынной, врагу на нырици» (Ис. 101, 7—8). Сажу на томъ стулѣ, на которомъ ее страдалицу обмывали, ложусь на одрѣ ея смерти. Молись, другъ сердечный, молись, чтобы скорбь меня не убила. Прости, другъ. Если умру, надѣюсь, что помянешь. Поминная другихъ, мы себя поминаемъ, подобно тому, какъ помазующій другихъ духами, самъ прежде пропитывается ихъ благовоиеніемъ. Я увѣренъ, что ты объ насъ помолишься. Наташу хороню 6 января».

Такимъ образомъ скоро пролетѣли красные дни семейной жизни благословеннаго іерея Георгія: 5 лѣтъ, какъ мимолетное облако исчезло. Такъ невидимая рука Провидѣнія, отсѣкая тѣ узы, кои привязывали его къ міру, облегчала ему переходъ на путь жизни безбрачной.

(До слѣдующей книжки).

О ПРИСТРАСТІИ къ свѣтскимъ развлеченіямъ.

П О У Ч Е Н І Е.

Блаженн плачущи яко ти утѣшатся,—сказаль Спаситель въ нагорной проповѣди. Этими словами указываеть самый вѣрный путь къ полученію утѣшенія истиннаго, — счастья вѣчнаго. Путь этотъ — слезы покаянія, плачь о грѣхахъ—о собственныхъ паденіяхъ, о паденіяхъ и немощахъ ближнихъ нашихъ. Этимъ путемъ пли къ славѣ всѣ святыя, идетъ и каждый истинный христіанинъ.

Но въ то время, когда Христось въ своемъ Евангеліи призываетъ своихъ послѣдователей къ слезамъ, обѣщаетъ истинное утѣшеніе только плачущимъ,—къ чему призываетъ своихъ поклонниковъ міръ? Онъ зоветъ къ смѣху, веселію, къ всевозможнымъ свѣтскимъ развлеченіямъ. Особенно въ наше время этотъ призывъ раздается все громче, все смѣлѣе. Ни о чемъ въ обществѣ такъ много не думаютъ, ни о чемъ такъ много не говорятъ и не пишутъ, какъ о веселомъ времяпровожденіи. Юноша на школьной скамьѣ мечтаетъ, какъ онъ будетъ приобрѣтать много денегъ и время проводить весело. Люди пожилые не уступаютъ молодымъ,—составивши состояніе спѣшатъ насладиться жизнію, и такъ или иначе только въ сладости провести ее. Театръ для многихъ сдѣлался потребностію, которой они удовлетворяютъ чуть не ежедневно. Пусть въ немъ представляются картины изъ жизни часто самаго грязнаго свойства,—что до того? Это не только не оттал-

киваетъ отъ театра, а только привлекаетъ къ нему, умножаетъ число любителей этого рода удовольствій. Къ театральнымъ развлеченіямъ хотятъ чуть не насильственно пріучить и простой народъ,—и вотъ рѣшено устроить театръ народный. До того проникла всѣхъ потребность разныхъ общественныхъ развлеченій, что спѣшатъ какъ можно раньше и скорѣе ознакомить съ ними и дѣтей,—возять ихъ въ театръ и другія увеселительныя мѣста, заставляють ихъ смотрѣть и слушать то, чего ихъ чистое ухо и невинное дѣтское око и слышать и видѣть не должны; устроиваютъ дѣтскіе балы, гдѣ учатъ ихъ вести себя, какъ большіе. Есть не мало такихъ любителей свѣтскихъ развлеченій, которые не почитаютъ грѣхомъ предаваться имъ даже въ дни подпраздничныя и въ дни Великаго поста,—времени покаянія. Запретили великимъ постомъ зрѣлища по крайней мѣрѣ въ казенныхъ театрахъ, и сколько сѣтованія, ропота! И ропщутъ чуть не всѣ,—такъ начинаеть вѣдаться во всѣхъ страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ.

Недобрый это признакъ времени! Это показываетъ, что сердце наше становится далеко отъ Бога, ибо не въ Немъ, — Красотѣ неописанной, не въ Немъ — Сокровищѣ безцѣнномъ ищемъ себѣ радости, а въ предметахъ, услаждающихъ одни внѣшнія чувства: слухъ, зрѣніе, — въ предметахъ и дѣйствіяхъ, въ которыхъ и помину нѣтъ о Немъ, нашемъ Творцѣ и Промыслителѣ. Сердце наше безраздѣльно должно принадлежать Христу, а любовь къ свѣтскимъ развлеченіямъ отторгаетъ сердце отъ Христа. Было бы жестокою ошибкою думать, что съ пристрастіемъ къ свѣтскимъ развлеченіямъ можно совмѣщать служеніе Христу. Трудно служить Христу помышляющему объ одномъ веселомъ времяпровожденіи. Опъ всею душою, всѣмъ помышленіемъ погруженъ въ другое, а не въ то, какъбы лучше исполнять Его волю. Христосъ велитъ отвергнуться себя и нести крестъ,—а крестнымъ ли путемъ желаетъ идти ищущій однихъ развлеченій? Не

о крестѣ, а о розахъ и цвѣтахъ помышляеть подобный міролюбець,—мысль о крестѣ, о страданіяхъ, о скорбяхъ, о какихъ либо лишеніяхъ ради Христа и царствія небеснаго для него страшная мысль. Онъ ея боится, онъ бѣжитъ отъ нея.—Слово Божіе учитъ, что мы, какъ воины Христовы, должны вести борьбу съ собою, распинать плоть свою съ ея страстями; а заботящійся объ однихъ удовольвіяхъ, объ угожденіи себѣ, и понятія не имѣеть, что такое борьба съ собою, для чего это онъ будетъ бороться, отказывать себѣ въ тѣхъ или другякъ прихотяхъ; онъ привыкъ думать, что напротивъ нужно всѣми мѣрами стараться объ удовольствованіи этихъ прихотей, а не умѣрять ихъ.—И это все отъ незнанія духа Христова, отъ непониманія настоящей цѣли жизни. У міролюбца образъ мыслей наполовину языческій. Да и какъ же иначе? Чтобы укоренить въ своей душѣ понятія христіанскія, чтобы разсуждать и жить похристіански, нужно читать Евангеліе и другія духовныя книги, бесѣдовать съ людьми о жизни духовной,—а ему, занятому мыслию объ однихъ удовольствіяхъ, гдѣ взять время на подобныя занятія? Ему все некогда. Но главное, у него и охоты для этого нѣтъ. Устройайте духовно - нравственныя общедоступныя чтенія,—онъ не пойдетъ на нихъ. Все это его не занимаетъ, ему не по вкусу, ему скучно будетъ присутствовать на нихъ, они ничего не имѣютъ общаго съ его духовнымъ настроеніемъ. Правда, онъ бываетъ въ храмѣ, но здѣсь ему нужно искусственное пѣвческое пѣніе, которымъ бы онъ могъ услаждать свой слухъ, иначе и въ храмѣ—этомъ святомъ мѣстѣ—ему будетъ скучно. Да, опасно пристращаться къ свѣтскимъ развлеченіямъ,—вмѣстѣ съ этимъ пристрастіемъ является сначала охлажденіе, а потомъ даже отвращеніе ко всему духовному, убивается расположеніе къ молитвѣ, къ размышленію о Богѣ, о вѣчности, о грѣхѣ. Душа землѣветъ и вся погружается въ суету.

Время золото, говорятъ; а для христіанина оно безцѣнно,—оно дается намъ для принесенія плодовъ покаянія, для угожденія Богу, для очищенія души и тѣла, для приго-

товленія себя къ вѣчности, къ жителству съ ангелами и святыми, и за каждую минуту мы должны будемъ дать отвѣтъ. А у любителей свѣтскихъ развлеченій на что оно идетъ? Проходитъ въ разсѣяніи, въ праздныхъ и пустыхъ разговорахъ, и въ созерцаніи и слушаніи того, отъ чего оскверняются мысли и сердце и вся душа.—А средствъ сколько тратится попусту у любителей развлеченій! Всѣ средства жизни, пріобрѣтаемыя ими, идутъ преимущественно на удовольствія. Но у христіанина развѣ на это они должны расходоваться? Сколько у него другихъ мѣстъ, другихъ предметовъ, куда бы они должны идти! Здѣсь храмъ Божій ждетъ жертвователя на свое обновленіе и украшеніе; тамъ бѣдныя стонуть отъ тягостей жизни и ждуть себя благотворителя. Здѣсь разныя общества, устроенныя съ благотворительною цѣлію, ждуть себя членовъ и содѣйственниковъ. Вотъ куда должны идти избытки средствъ христіанина,—на святые дѣла, а не на грѣховныя удовольствія. Не долженъ ли онъ и за это воздать отвѣтъ Богу?

Но можетъ быть любитель свѣтскихъ развлеченій счастливъ отъ полноты тѣхъ удовольствій, которыя онъ вкушаетъ? Нѣтъ, не ждите этого,—его веселіе ложное,—походитъ на веселіе опьянѣвшаго. Онъ веселъ, пока находится въ чаду самаго удовольствія; но пусто, мрачно дѣлается у него на душѣ, когда онъ останется одинъ—самъ съ собою. Ибо чужды ему духовныя утѣшенія. Истощатся средства жизни, утратится здоровье, придетъ старость, очутится онъ на краю гроба,—о, тогда ничего нельзя представить жалче его положенія! Тогда-то онъ увидитъ и познаетъ пустоту всего, чего онъ искалъ въ жизни, въ чемъ полагалъ свое счастье и блаженство; тогда-то онъ восплачетъ горькими слезами, подобно Евангельскому богачу, укоряя себя, что напрасно погубилъ такъ много времени, что потерялъ вѣчность, лишилъ себя утѣшеній райскихъ. Тогда надъ нимъ вполнѣ сбудутся слова Спасителя: «горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и

восплачете» (Лк. 6, 25.),—и слова апостола: «Съѣй въ плоть отъ плоти пожнеть истлѣніе» (Гал. 6, 8).

Не предавайтесь, бр., до излишества празднымъ развлеченіямъ, бойтесь пристрастія къ свѣтскимъ удовольствіямъ; помните, что вы христіане, призваны къ несенію креста Христова, къ распинанію плоти, къ отреченію отъ своей воли, въ знакъ чего со дня крещенія и носите на груди крестъ; помните, что есть удовольствія чистыя и святыя,—ихъ любите, къ нимъ приступайте. Удовольствія эти—храмъ, молитва, добрыя бесѣды, доброе чтеніе, помощь бѣдному, побѣда надъ собою, искорененіе въ себѣ грѣховныхъ привычекъ. О, сколько здѣсь отрады, утѣшенія,—испытайте, и узнаете.—Но если вы не такъ совершенны, чтобы любить болѣе всего это, то вотъ вамъ мѣста для удовольствій чистыхъ, невинныхъ: семейный очагъ, родственныи кругъ, общество единомысленныхъ по Христу знакомыхъ. Ищите ихъ здѣсь и найдете. И будете довольны.

Свящ. П. Шумовъ

ОТЪ ЧЕГО МЫ КАЕМСЯ И НЕ ИСПРАВЛЯЕМСЯ?

Великопостное поученіе.

Благодареніе Господу, дождались мы Великаго поста и уже проходимъ это святое поприще. Кто изъ истинныхъ сыновъ Церкви не радъ этому спасительному времени? Кто изъ нихъ не поспѣшитъ воспользоваться имъ ко благу души своей, хоть что-нибудь сдѣлать на пользу ея? Многіе изъ насъ уже совершили то, чего жаждетъ каждая благочестивая душа,—очистили свою совѣсть покаяніемъ, исповѣдью и причащеніемъ тѣла и крови Христовыхъ. Но, братіе, кто истинно кается, тотъ къ худымъ дѣламъ не возвращается; кто желаетъ быть со Христомъ неразлучно, тотъ уже живетъ по ученію Христа, а не по своей волѣ. Такъ ли у насъ? Не многіе, весьма немногіе послѣ исповѣди и причащенія дѣлаются лучшими, большая же часть начинаетъ жить такъ же, какъ жили прежде, своихъ грѣховныхъ привычекъ не оставляютъ, своего образа жизни не перемѣняютъ. Отъ чего это?

Конечно, грѣшно думать, что въ самыхъ таинствахъ покаянія и святаго причащенія нѣтъ достаточной къ нашему исправленію благодатной силы. Кто пользуется ими, какъ должно, для тѣхъ они всегда благотворны. Винаваты въ нравственномъ безплодіи конечно мы сами. И прежде всего эта вина заключается въ неискреннемъ раскаяніи во грѣхахъ. Какъ многіе, и каюсь повидямому, на самомъ дѣлѣ не приносятъ должнаго, истиннаго покаянія, идутъ на ис-

повѣдь, а грѣхъ оставить намѣренія не имѣють, соединяются со Христомъ, но въ тоже время не теряють любви и ко грѣху! Посудите, чего же ждать отъ такихъ кающихся? Будутъ ли они стараться оставить страсть, которую лелѣють, которую пожалуй еще и открытъ не хотятъ, а скрываютъ, какъ змѣю за пазухой? Будутъ ли таковыя обучать себя добродѣтелямъ христіанскимъ, къ которымъ ни малѣйшей склонности не имѣють? Очевидное дѣло, какими они были до исповѣди, такими останутся и послѣ нея, улучшенія въ ихъ нравственномъ строѣ ждать нечего.

Но не всѣ же приносятъ покаяніе ложное. Многіе очень многіе, когда идутъ на исповѣдь, думаютъ о перемѣнѣ жизни своей; но и изъ этихъ очень не многіе устаиваютъ въ своемъ добромъ намѣреніи, очень не многіе дѣйствительно перемѣняютъ себя. Это отъ чего? У нихъ недостаетъ терпѣнія, постоянства въ борьбѣ съ грѣхомъ. Побѣдить грѣхъ можно только постоянною, продолжительною борьбой, постояннымъ противленіемъ ему. А гдѣ въ насъ это противленіе грѣху? Въ борьбѣ съ нимъ не бываемъ ли мы похожи на трость, вѣтромъ колеблемую? Не бываемъ ли мы сильны дотолѣ, доколѣ еще онъ не поднялъ головы своей, не нарисовалъ нашему воображенію сладость свою, доколѣ не представился случай къ совершенію его? Представился случай, и мы не въ силахъ удержать себя. Присоедините къ этому примѣръ другихъ, во грѣхахъ живущихъ, совѣты друзей, установившейся порядокъ жизни, располагающей больше къ нарушенію, чѣмъ къ исполненію заповѣдей евангельскихъ и церковныхъ. Присоедините все это, и вы поймете, какъ человѣку трудно становится противиться этому напору искушеній къ одному грѣховному. И вотъ нашъ облагодатствованный христіанинъ, причастникъ благодати Христовой опять пошелъ прежнимъ путемъ, опять началъ прилагать грѣхи ко грѣхамъ. Но если ты, христіанинъ, дѣйствительно имѣлъ твердое намѣреніе измѣниться, отъ чего бы не попытать, какъ только пред-

ставится случай ко грѣху, бѣжать отъ него дальше,—какъ только возникло въ тебѣ поползновеніе къ грѣху, подавить оное? Но ты не сдѣлалъ этого, не употребилъ усилія надъ собой, не воззвалъ въ минуты искушенія съ слезною мольбой ко Господу, какъ воззвалъ утопавшій въ волнахъ ап. Петръ,—и вотъ только что полученную въ таинствахъ покаянія и причащенія невинность, чистоту ты и погубилъ. Но часто не столько грѣхъ ищетъ насъ, сколько мы ищемъ его. Мы сами идемъ на встрѣчу ему, протягиваемъ руки къ тому, что наводитъ насъ на грѣхъ. Зачѣмъ мы послѣ исповѣди и святаго причастія вскорѣ и съ радостію идемъ въ тѣ мѣста, гдѣ прежде губили себя, въ тѣ общества, къ тѣмъ лицамъ, которыя служатъ или соучастниками намъ во грѣхахъ, или орудіемъ ихъ? Что же удивительнаго, если мы снова впадаемъ въ грѣхи наши любимые? Развѣ возможно быть въ огнѣ и не обжечься, играть острымъ ножомъ и не обрѣзаться? Не такъ дѣлали люди истинно-кающіеся. Давши намѣреніе исправить себя, они не стремились, а бѣжали отъ того, что какимъ бы то ни было образомъ могло располагать ихъ ко грѣху. Они налагали на себя новыя правила, устранивали новый порядокъ жизни,—и достигали желаемаго. Посмотримъ на Марію Египетскую, рѣшившуюся оставить путь беззаконія своего. Зачѣмъ это она бѣжитъ въ пустыню отъ людей, отъ общества, отъ удовольствій, развлеченій жизни и начинаетъ совершенно новый порядокъ жизни? Она знала и чувствовала, что безъ этого она видѣла бы одни препятствія къ исполненію своего намѣренія, и что оставленіе всего этого есть единственное, самое лучшее средство укрѣпить себя на пути добродѣтели. Но мы не подражаемъ подобнымъ кающимся; отъ этого и не измѣняемся къ лучшему послѣ покаянія.

Есть еще причина, отъ чего послѣ исповѣди и св. причастія мы не измѣняемся къ лучшему. Это то, что мы ничѣмъ не возгрѣваемъ эту рѣшимость на добро. Доброе намѣреніе, раждающееся въ грѣшникѣ предъ исповѣдью

или послѣ исповѣди и св. причастія, подобно молодому ростку древесному. Оно подобно сѣмени, брошенному въ землю. Чтобы сѣмя возрасло и принесло плодъ, нуженъ дождь, нужно живительное солнце. Чтобы ростокъ принялся, его хозяинъ поливаетъ, за нимъ ухаживаетъ, приставляетъ тычинки, чтобы вѣтеръ не повалилъ или не вырвалъ его изъ земли. Такъ бы слѣдовало поступать и намъ съ молодымъ росткомъ духовнымъ, съ добрымъ намѣреніемъ, насажденнымъ въ нашемъ сердцѣ. Но дѣлаемъ ли мы это? Укореняемъ ли его въ себѣ еще глубже чрезъ благочестивыя размышленія, чтеніе слова Божія, чрезъ постъ, молитву, посѣщеніе храма Божія? Становимся ли прилежниѣе ко всему этому? Нѣтъ. Исповѣдавшись и причастившись, мы принимаемся за свои обычныя дѣла, вовсе не думая о чемъ-либо другомъ. Св. Евангеліе и вообще слово Божіе, такъ же бываютъ намъ чужды, далеки отъ насъ, какъ и прежде; въ храмъ Божій еще рѣже прежняго начинаемъ ходить; а по сему можно судить, много ли мы молимся и дома; постъ для насъ—подвигъ немислимый. Судите же, при такомъ порядкѣ жизни можно ли успѣть въ чемъ хорошемъ? Доброе намѣреніе, не питаемое и не укрѣпляемое ничѣмъ, начинаеть слабѣть, и тотъ, который полагалъ его въ своемъ сердцѣ, среди суеты мірской, среди заботъ житейскихъ, начинаеть забывать о немъ; отчего все доброе, въ немъ таившееся, или остается въ одномъ намѣреніи, или совсемъ вывѣтривается, и онъ опять служителъ грѣха.

Вотъ, братіе, причины, по которымъ мы послѣ исповѣди и св. причастія не дѣлаемся лучше: это наша привязанность ко грѣху, которую мы не оставляемъ даже и тогда, когда идемъ на исповѣдь; это недостатокъ твердости для борьбы съ грѣхомъ; это наконецъ недостатокъ усердія къ поддержанію въ себѣ духовной жизни соотвѣтствующими ей духовными упражненіями. Не будемъ предаваться разсѣянью и облѣпленію, чтобы таинства покаянія и св. причащенія были плодотворны въ насъ; усугубимъ вни-

маніе къ себѣ, употребимъ усиліе надъ собой. Чтобы отъ искры произошло воспламенѣніе, нужно раздуть ее; чтобы въ охладѣвшемъ организмѣ возбудить жизнь и теплоту, нужно много и сильно тереть его; безъ труда и усердія нельзя воспламенить на добро и душу, охладѣвшую къ нему. Все въ жизни достигается трудомъ и усиліемъ, и ужели легко можетъ достаться намъ одна побѣда надъ собой? Нѣтъ, трудиться, бороться съ собой намъ нужно, бороться до крови, до конца дней нашихъ, и тогда только выйдемъ побѣдителями.

Свящ. П. Шумовъ.

ОБЯЗАННОСТИ

прихожанъ и старосты церковнаго къ своему приходскому храму.

ПОУЧЕНІЕ.

Сейчасъ, братія, мы будемъ совершать молебствіе, по особенному для нашей приходской церкви и для всего нашего прихода случаю,—именно по случаю вступленія въ должность вновь избраннаго и утвержденнаго спархіальнымъ начальствомъ церковнаго старосты.

Считаю своимъ пастырскимъ долгомъ по поводу этого обстоятельства высказать вамъ, достопочтенныя прихожане, нѣсколько мыслей, не моихъ только собственныхъ, но заимствованныхъ изъ разума и практики св. церкви православной, мыслей, для свѣдѣнія вашего небезполсныхъ.

Случалось ли вамъ, братіе, когда-либо вдумываться въ такого рода вопросъ: что такое для прихожанъ ихъ приходская церковь?

Церковь мы иначе называемъ *домомъ Божиимъ*, потому что она устроена во славу Божию, и въ ней Господь Богъ невидимо для нашихъ тѣлесныхъ очей, но ощутительно для вѣрующаго сердца, имѣетъ особенное свое таинственное присутствіе. Отсюда понятно: съ какимъ благоговѣніемъ и вмѣстѣ любовью мы должны относиться къ св. храму,—этому небу на землѣ, мѣсту селенія славы Божіей. Церковь, затѣмъ, есть зданіе или мѣсто, гдѣ мы освящаемся спасительными таинствами и принимаемъ участіе въ церковномъ богослуженіи: въ церкви мы принимаемъ св. крещеніе, въ ней причащаемся пречистыхъ тѣла и крови Хри-

стовыхъ; въ ней совершается надъ нами таинство брака; въ ней мы приносимъ покаяніе во грѣхахъ нашихъ; въ нее приходимъ молиться, изливать предъ Господомъ Богомъ наши чувства и желанія, прошенія и благодаренія; въ ней ищемъ отрады и успокоенія отъ тревоженій житейскихъ; въ ней наконецъ получаемъ послѣднее молитвенное паутствіе въ жизнь загробную, вѣчную, когда достигнемъ предѣла здѣшней временной жизни. Слѣдовательно, отъ колыбели и до могилы всѣ важнѣйшія обстоятельства нашей жизни, всѣ ея существенныя перемѣны получаютъ освященіе и благословеніе въ церкви. Такимъ образомъ для христіанина приходская его церковь есть мѣсто не только священное, но и дорогое, близкое, родное его сердцу, настолько близкое и родное, какъ собственный его домъ, даже еще ближе, родственнѣе послѣдняго.

Да, братія, церковь приходская есть общій для прихожанъ домъ, куда всякій идетъ смѣло и свободно, какъ въ свой собственный домъ, и находитъ въ ней все, чего можетъ желать и искать сердце христіанина, по неложному обѣщанію Спасителя: «просите, и дастся вамъ; ищите и обряцете; толцте и отверзется вамъ» (Матѳ. 7, 7). «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы».

Но если такъ важенъ, дорогъ и близокъ для христіанъ приходскій храмъ, то не имѣютъ ли прихожане и какихъ-либо особенныхъ обязанностей въ отношеніи къ нему?

Имѣютъ, братіе, и много имѣютъ прихожане важныхъ и священныхъ обязанностей къ своему приходскому храму. Какія же именно эти обязанности?

Обязанности эти въ общихъ словахъ можно опредѣлить такъ: прихожанинъ долженъ любить всѣмъ сердцемъ свой приходскій храмъ, любить его подобно тому какъ онъ любить свой собственный домъ. Отсюда руководясь сравненіемъ *частнаго* дома съ *общимъ* нашимъ домомъ — церковью, вотъ какія обязанности можемъ указать для прихожанина къ его приходскому храму:

Вопервыхъ: любя свой собственный домъ, человѣкъ нигдѣ такъ болѣе не проводитъ времени, какъ въ своемъ домѣ. И любовь свою къ приходскому храму христіанинъ долженъ выразить частымъ, насколько возможно, посѣщеніемъ его. Прекрасно было бы, еслибъ каждый изъ христіанъ вмѣстѣ съ царе-пророкомъ Давидомъ, отъ искренняго сердца, всегда могъ сказать: «седино просихъ отъ Господа, то възвущу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святыи Его» (Пс. 26, 4). Тогда не были бы храмы Божіи пусты въ часы богослуженій даже въ дни воскресные и праздничные, какъ бывають они пусты въ иныхъ градахъ и весехъ христіанскихъ.

Вовторыхъ: каждый добрый домохозяинъ и семьянинъ съ любовью заботится о томъ, чтобы въ домѣ его все имѣло надлежащій порядокъ, чтобы въ немъ наблюдалось благочиніе во всемъ, приличіе и скромность, какъ со стороны его домочадцевъ, такъ равно со стороны входящихъ въ домъ постороннихъ. Такъ точно каждый прихожанинъ долженъ, при частомъ посѣщеніи своего храма, заботиться о томъ, чтобы и самому себя держать въ немъ прилично, т.-е. въ соотвѣтствующемъ святости мѣста благоговѣніи, такъ и другимъ внушать, не столько словомъ, конечно, сколько примѣромъ, да соблюдаютъ должное благоговѣніе къ храму, тишину и благопристойность. Было бы крайне необходимо христіанамъ чаще приводить себя на память слова Спасителя, сказаннаго Имъ нѣкогда Евреямъ въ храмѣ іерусалимскомъ: «писано есть: храмъ Мой—храмъ молитвы наречется; вы же сотвористе его вертепъ разбойникомъ» (Мат. 21, 13). Еслибы христіане непрестанно помнили это обличительное слово Богочеловѣка, тогда не было бы, какъ бываетъ часто и у насъ, прискорбныхъ явленій неблагочиннаго стоянія въ храмѣ, не слышны были бы изъ среды прихожанъ неумѣстные разговоры, оскорбляющіе религіозное чувство искренно молящихся и проникающіе даже во св. алтарь, нарушая его священную тишину и въ тоже

время вопія ко Господу о невѣдѣніи или озлобленіи людскою, дерзающемъ кощунственно презирать святыню дома Божія.

Втретьихъ: добрый хозяинъ неустанно заботится о томъ, чтобы въ домѣ его всегда имѣлось не только все, необходимое для жизни по части хозяйственной, но и украшаетъ свой домъ приличнымъ убранствомъ, ревностно стараясь при этомъ пріобрѣтать матеріальныя средства къ поддержанію довольства въ своемъ домѣ. Подобно домохозяину, и каждый прихожанинъ долженъ съ любовью и усердіемъ прилагать стараніе объ устроеніи и украшеніи своей приходской церкви, о ея благолѣпіи, о пріобрѣтеніи для нея прочныхъ матеріальныхъ средствъ. Худой тотъ хозяинъ, который не радить о своемъ домѣ; еще хуже тотъ христіанинъ, который не принимаетъ участія въ своей приходской церкви. Нерадивый о церкви прихожанинъ вовсе забылъ свою душу, забылъ ея спасеніе, забылъ слѣдовательно и Бога.

Первыя двѣ изъ перечисленныхъ нами обязанностей прихожанъ къ своей церкви, т.-е. частое ея посѣщеніе и благоговѣйное въ ней стояніе, удобоисполнимы для каждаго изъ прихожанъ безъ исключенія. Но нельзя всѣмъ прихожанамъ принимать непосредственное и постоянное участіе въ устроеніи и украшеніи церкви, особенно же въ веденіи ея хозяйства: у иного для этого не станетъ времени и силъ, у иного матеріальныхъ средствъ, а у иного ума и опытности. Да еслибы всѣ прихожане захотѣли непосредственно входить въ хозяйство церкви, то вышелъ бы полнѣйшій безпорядокъ. И вотъ любвеобильная мать наша—Церковь православная и попечительное правительство, для облегченія прихожанъ въ исполненіи ими обязанностей относительно внѣшняго благоуукрашенія и хозяйства церковнаго, предписываютъ прихожанамъ избирать изъ своей среды ктитора, или старосту церковнаго.

Должность старосты церковнаго—весьма важная, многозаботливая, многотрудная, многоотвѣтственная должность,

и при этомъ должность весьма почетная. Въ самомъ дѣлѣ: что такое въ церкви староста церковный?

Староста церковный есть представитель избравшихъ его прихожанъ,—человѣкъ, одинъ взявшій на себя обязанность всего своего приходскаго общества, обязанность нещадно всегда, постоянно, неусыпно о церкви Божіей. Отъ старосты очень много зависитъ въ церкви: и благолѣпіе въ храмѣ, и щедрыя жертвованія, и обильное отсюда прращеніе церковнаго имущества, равно какъ и противное тому. Церковнаго старосту вполне можно сравнить въ этомъ случаѣ съ хозяиномъ дома: рачителенъ хозяйствъ, и домъ его, какъ говорится, полная чаша; небреженъ и не радивъ, и хозяйство его въ разстройствѣ. Усерденъ староста, и въ церкви Божіей все хорошо; неусерденъ, и въ церкви бѣдно. Слѣдовательно избираемый въ старосты церковные долженъ имѣть отличныя хозяйственныя способности,—умъ, опытность, любовь къ труду, заботливость, бдительность. Но это только, такъ сказать, внѣшнія, чисто-хозяйственныя качества старосты церковнаго. У него должны быть кромѣ того качества высшія, духовно-нравственныя; какъ представитель, какъ избранникъ приходскаго общества въ должность при церкви, староста долженъ быть вполне *церковный человѣкъ*, т.-е. онъ долженъ отличаться благочестіемъ, ревностью по вѣрѣ, точнымъ исполненіемъ обрядовъ и уставовъ Церкви, усердіемъ къ молитвѣ, доброю нравственностью, однимъ словомъ—быть настолько искреннимъ и строгимъ христіаниномъ, чтобы могъ служить въ этомъ отношеніи примѣромъ для другихъ. Если староста будетъ въ дѣйствительности таковъ, то какимъ почетомъ и уваженіемъ долженъ онъ пользоваться и отъ прихожанъ, и отъ духовенства, и отъ высшей власти церковной!—Изъ всего сейчасъ сказаннаго явствуетъ, что если староста церковный долженъ обладать столь высокими нравственными и умственными качествами, то и выборъ его долженъ быть особенно осмотрителенъ. Въ выборѣ этомъ не должны имѣть мѣста никакіе мелкіе рас-

счета и отношенія житейскія, никакіе происки и криво-толки, возмущающіе спокойствіе прихода, а на первомъ планѣ должны стоять польза церкви и истинныя достоинства избираемыхъ лицъ. Не должно прихожанамъ и легко, небрежно относиться къ выбору старосты церковнаго, какъ-бы къ дѣлу не стоящему вниманія. Пусть, это дѣло не пустое, не простой какой-нибудь нарядъ на службу, а дѣло церковное, святое, дѣло Божіе. Священное же писаніе говоритъ: «проклятъ человекъ, творящій дѣло Господне съ небреженіемъ». Конечно въ нашемъ приходѣ состоящемъ въ большинствѣ изъ людей, болѣе или менѣе образованныхъ, подобнаго не могло быть. Но еслибы у насъ нашлись люди, возмущающіе спокойствіе общества разными неосновательными толками, то о такихъ мы съ сожалѣніемъ бы сказали: «не вѣдятъ что творять; прости ѡимъ Боже».

Молитвенно пожелаемъ, братіе, чтобы новоизбранный староста проникся сознаніемъ великой важности обязанностей, на него возложенныхъ,—чтобы постарался оправдать во всемъ довѣріе избравшихъ его и былъ дѣлательмъ непостыднымъ въ дому Божіемъ,—чтобы, отличенный избраніемъ согражданъ, облеченный честью, не забывалъ онъ словъ Господнихъ: «ему же дано много, много и взыщется отъ него». Мы выяснили, чего требуетъ и чего ожидаетъ отъ старосты церковь и общество, и новоизбранный это знаетъ. Пусть же онъ помнигъ слово писанія: «рабъ вѣдѣвый волю господина своего и не уготовавъ, ни сотворивъ по волю Его, біенъ будетъ много» (Лук. 12, 47).

Я кончилъ, братіе, свое слово. Теперь прошу всѣхъ васъ, за предстоящимъ молебствіемъ, вмѣстѣ съ нами усердно помолиться, да благословитъ Господь Богъ новоизбраннаго на подлежащее ему служеніе пользамъ нашего св. храма. Аминь.

Прот. Михаилъ Путинцевъ.

ЧУВСТВОВАНІЯ ГРѢШНИКА, ПРИСТУПАЮЩАГО КЪ СВЯТЫМЪ ТАЙНАМЪ.

Съ какими чувствованіями долженъ приступать каждый къ причастію тѣла и крови Христовой, тому научаетъ насъ святая Церковь, влагая въ уста наши молитвенное исповѣданіе предъ чашей съ святыми тайнами. Оно начинается словами:

Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ.

Слова: «Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго» впервые сказаны ап. Петромъ въ отвѣтъ на вопросъ Христа къ ученикамъ: «кого Мя глаголете быти?» (Матѳ. 16, 15—16) Въ этомъ исповѣданіи Петра заключается сущность христіанской вѣры. Все, что написано въ Евангеліи, написано, по слову евангелиста Іоанна, для того, чтобы люди вѣровали, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и вѣруя имѣли жизнь во имя Его (Іоан. 20, 12). На вѣрѣ въ Божество Христово, на исповѣданіи, что Онъ есть не простой человѣкъ, а единосущный Сынъ Бога живаго, истиннаго, въ противоположность мертвымъ языческимъ богамъ,— на этой вѣрѣ, на этомъ исповѣданіи, какъ на твердой скалѣ, основана Церковь Христова, неодолимая вратами ада (Мат. 16, 18). На вѣрѣ въ Божество Христа держится догматъ искупленія. Страданія и смерть Христовы подъяты за насъ имѣютъ искупительную силу только потому, что подъялъ ихъ не человѣкъ, не ангелъ, а самъ Сынъ

Бога живаго.—Слова: «пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ», принадлежатъ ап. Павлу (1 Тим. 1, 15). Онъ говоритъ: «вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, что Христосъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ (а не праведниковъ), изъ которыхъ я первый». Называя себя первымъ грѣшникомъ, Павелъ своимъ примѣромъ удостовѣряетъ въ томъ, что Христосъ есть Спаситель грѣшниковъ. Онъ какъбы такъ говоритъ: «Я ли не величайшій грѣшникъ, хульникъ, гонитель, и однако же Господь помиловалъ меня. Итакъ вѣрно и несомнѣнно, что Онъ помилуетъ и всякаго грѣшника, вѣрующаго во Христа, который затѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы спасти грѣшниковъ».

Благая въ уста грѣшнику, приступающему къ св. тайнамъ, слова исповѣданія апп. Петра и Павла, св. Церковь требуетъ отъ насъ, чтобы мы этими словами выражали два чувства: чувство вѣры въ Искупителя и чувство своего недостойнства, своей грѣховности. То и другое чувства имѣютъ необходимую связь. Если я чувствую себя великимъ грѣшникомъ, то не могу не чувствовать нужды въ Искупителѣ. Грѣхъ дѣлаетъ меня безотвѣтнымъ предъ Богомъ. Собственными силами я не могу освободиться отъ этой отвѣтственности и слѣдовательно отъ гнѣва Божія, потому что не могу сдѣлаться безгрѣшнымъ. Чтобы быть безгрѣшнымъ, надобно во всей полнотѣ и точности исполнить всѣ заповѣди закона Божія, требующаго отъ насъ не только чистыхъ и святыхъ дѣлъ, но и чистыхъ и святыхъ помысловъ. Но достигнуть полного успѣха въ этомъ никто не можетъ. Если не знаемъ за собой грѣховъ противъ одной какой-либо заповѣди, то согрѣшаемъ противъ другой; грѣшимъ если не дѣломъ, то мыслью и словомъ; если не творимъ грубыхъ преступленій, то согрѣшаемъ недостаткомъ ревности къ творенію добрыхъ дѣлъ,—грѣшимъ если не нарушеніемъ нравственныхъ обязанностей, то опущеніемъ ихъ. За все это мы заслуживаемъ гнѣвъ Божій. «Писано, говоритъ апостоль (Гал. 3, 10), проклятъ всякъ

кто постоянно не исполняетъ всего, что написано въ книгѣ закона» (Втор. 27, 26). Стало бытъ, для избѣжанія проклятія должно исполнять до послѣдней іоты все, чего требуетъ законъ. «Кто же, говоритъ другой апостоль, соблюдетъ весь законъ и согрѣшитъ въ одномъ чемъ-нибудь, тотъ сталъ виновенъ во всемъ» (Іак. 2, 10). Въ истинно благочестивыхъ и праведныхъ людяхъ чувство этой виновности и отвѣтственности предъ правдою Божіею такъ сильно, что они вмѣстѣ съ ап. Павломъ почитаютъ себя первыми грѣшниками. Если первымъ грѣшникомъ называетъ себя Павелъ, больше всѣхъ апостоловъ потрудившійся въ благовѣствованіи, совершившій множество подвиговъ самоотверженія и любви къ Богу и ближнимъ, еще при жизни сподобившійся видѣть райское жилище и слышать тамъ неизреченные глаголы, то мы ли можемъ называть себя иначе? Павелъ назвалъ себя первымъ грѣшникомъ по смиренію, вспоминая, что онъ былъ гонителемъ Церкви Христовой и что спасенъ только благодатью Христовою. Подобное смиреніе должно быть присуще и каждому изъ насъ. Думать, что другіе грѣшнѣе меня, что я лучше многихъ въ нравственномъ отношеніи, можно только при сравненіи себя съ другими. Но мы должны судить о себѣ не по сравненію съ другими, а по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ мы должны быть по закону Божію, требованія котораго такъ широки и высоки, что въ виду ихъ наше нравственное превосходство предъ другими покажется слишкомъ ничтожнымъ, чтобы вмѣстѣ съ фарисеемъ говорить: «нѣсмь якоже прочіи челоуѣцы». Истинно благочастивый не скажетъ этого о другихъ уже и потому, что другіе хуже его въ одномъ отношеніи, а въ другомъ можетъ быть лучше его. Легко можно ошибиться, сравнивая себя съ другими. Чужая душа — потемки. Мы видимъ только наружныя дѣйствія ближняго, но подъ неблаговидною наружностью можетъ скрываться душа кающаяся и благочестиво настроенная, — что намъ не всегда извѣстно. Надо притомъ брать во вниманіе обстоятельства, въ которыхъ на-

ходится кажущійся намъ худшимъ насъ ближній, напри-
мѣръ неправильное воспитаніе, силу соблазновъ и иску-
шеній, его окружающихъ. Будь мы въ подобныхъ обстоя-
тельствахъ, нельзя ручаться, чтобъ были лучше его. Важ-
ное значеніе для сужденія о другихъ имѣютъ прирожден-
ныя расположенія ихъ: одинъ по самой природѣ живѣе,
воспримчивѣе, впечатлительнѣе, слѣдовательно легче мо-
жетъ увлекаться искушеніями, чѣмъ другой, по самой при-
родѣ своей спокойный и сдержанный; одинъ по природѣ—
агнецъ и голубь, другой вспыльчивъ и раздражителенъ. Все
это надобно имѣть въ виду, чтобы съ осторожностью су-
дить о нравственномъ состояніи ближняго по сравненію
съ нашимъ. Если мы лучше иныхъ въ нравственномъ от-
ношеніи только по благоприятнымъ природнымъ распола-
женіямъ, то въ этомъ еще нѣтъ съ нашей стороны заслу-
ги, это не даетъ намъ права превозносить себя предъ
другимъ, менѣе насъ счастливымъ по природному душев-
ному настроенію. Предоставимъ Господу разсудить, кто
изъ насъ лучше другаго, честнѣе, богобоязненнѣе, любве-
обильнѣе. Для насъ безопаснѣе исповѣдывать себя первы-
ми грѣшниками. Исповѣданіе спасительное, ибо оно имѣ-
етъ связь, какъ мы видѣли, съ сознаніемъ нужды въ Бо-
жественной помощи. И эта помощь для всѣхъ готова въ
лицѣ Единороднаго Сына Божія, ибо Богъ такъ возлюбилъ
мїръ, что для спасенія его «Сына Своего Единороднаго далъ
есть, да всякъ вѣрующій въ Него не погибнетъ, но имать жи-
вотъ вѣчный». И вотъ бѣдный грѣшникъ, чающій спасенія
единственно отъ вѣры въ Господа Иисуса, взываетъ къ Не-
му предъ чашей спасенія: «Вѣрую Господи и исповѣдую,
яко Ты еси воистинну Христосъ, Сынъ Бога живаго, при-
шедый въ мїръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь
азъ». Вѣрую, что Ты, единосущный Сынъ Бога Отца, со-
престольный Ему и единославный, сошелъ съ неба на зем-
лю, чтобы насъ на небеса возвести, что Ты умалилъ себя,
зракъ раба пріять, для того, чтобы насъ поднять изъ глу-
бины паденія и стяжать намъ достоинство сыновъ Божіихъ

по благодати. Вѣрую, что Ты, безгрѣшный и святѣйшій святыхъ, принялъ на себя грѣхи міра и тяготѣвшее за нихъ на всѣхъ насъ праведное осужденіе поднять на одного Себя, чтобы насъ избавить отъ него. Вѣрую, что Ты предалъ за насъ на крестную смерть тѣло Твое, чтобы насъ мертвыхъ грѣхомъ оживотворить духовно, пролилъ на крестѣ пречистую кровь Твою, чтобы честною Твоею кровью омыть насъ отъ грѣховныхъ сквернъ. Вѣрую, что Ты воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся съ прославленнымъ тѣломъ на небеса для того, чтобы намъ даровать надежду воскресенія и проложить намъ путь на небо. Вѣрую, Господи, во всѣ сіи спасительныя истины, и исповѣдую Твою безмѣрную милость къ намъ, явленную въ искупленіи насъ, молю Тебя не лишить и меня этой милости, не исключить меня изъ числа сыновъ Божіихъ по благодати, не удалить меня отъ сонма спасаемыхъ. Исповѣдую, что я по грѣхамъ моимъ недостоинъ быть помилованнымъ Тобой, исповѣдую себя величайшимъ грѣшникомъ. Но если Ты не отринулъ Петра, Твоего апостола, твердо исповѣдаваго вѣру въ Твое Божество, а во время неправеднаго суда надъ Тобой малодушно отрекшагося отъ Тебя, то не отринь и меня кающагося и оплакивающаго невѣрность Гебѣ. Если Ты помиловалъ Павла, гонителя и врага Твоей церкви, и содѣлалъ его избраннымъ сосудомъ Твоей благодати; то помилуй и меня, вмѣстѣ съ Павломъ исповѣдующаго себя первымъ изъ грѣшниковъ, и даруй мнѣ вкусить сладость благодати Твоей, прощающей, очищающей и освящающей.

Исповѣдавъ вѣру въ Искупителя и свое недостоинство, приступающій къ таинству причащенія исповѣдуетъ вѣру и въ сіе таинство:

Еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое и сія есть самая честная кровь Твоя.

Какъ безмѣрно велико человѣколюбіе Господа Иисуса, пришедшаго въ міръ спасти грѣшниковъ! Онъ не только пострадалъ и умеръ за насъ на крестѣ тѣломъ Своимъ,

не только пролилъ за насъ кровь Свою, но еще питаетъ насъ Своимъ тѣломъ и кровью подѣ видомъ хлѣба и вина. Это таинственное тѣло есть *пречистое*, потому что тождественно съ тѣломъ, которое родилось отъ Пречистой Дѣвы Маріи, зачатое во чревѣ ея безъ сѣмени мужа, наитіемъ Святаго Духа, и непричастное грѣховной порчи, свойственной всѣмъ чадамъ Адама, въ беззаконіяхъ зачинаемымъ и во грѣхахъ раждаемымъ,—которое при земной жизни Христа не осквернено было ни однимъ грѣхомъ, было чистымъ сосудомъ Божества Христова и благодати Святаго Духа, и которое продолжаетъ сіять чистотой и святостью по воскресеніи и вознесеніи на небеса. Таинственная кровь Христова именуется *честною*, драгоценною, ибо эта кровь не простаго человѣка, но Богочеловѣка. Если «честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ (*святыхъ людей*) Его», то не честнѣе ли въ несравненной степени кровь Святѣйшаго святыхъ, пролитая за насъ на крестѣ и въ таинствѣ причащенія изливаемая во оставленіе грѣховъ? Видно, цѣна этой крови безмѣрна, когда сею цѣной искупленъ весь міръ, когда сею кровью очищаются души всѣхъ вѣрующихъ въ спасительную силу страданій и смерти Христовой и дѣлаются причастниками ихъ чрезъ благоговѣйное вкушеніе крови Христовой въ таинствѣ причащенія.

За сими исповѣданіемъ вѣры въ таинство причащенія слѣдуетъ моленіе ко Христу приступающаго къ сему таинству:

Молюся убо Тебѣ, помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя, вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ.

Молитва о помилованіи и прощеніи грѣховъ должна быть присуща намъ во всякое время, ибо грѣшимъ во всякое время,—но преимущественно она должна возноситься отъ насъ къ Господу въ минуты причащенія тѣла и крови Христовой, преподаваемыхъ намъ въ оставленіе грѣховъ. Церковь научаетъ насъ въ сіи минуты умолять Господа

Иисуса о прощеніи грѣховъ *вольныхъ и невольныхъ, грѣховъ словомъ и дѣломъ, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ.*

Грѣхи *вольные*—это грѣхи умышленные, съ намѣреніемъ совершаемые мыслію, словомъ и дѣломъ. Грѣхъ вольный бываетъ тогда, когда на примѣръ кто закравшуюся въ сердце злобу на ближняго не только не старается погасить, но еще усиливаетъ и пользуется всякимъ случаемъ излить ее на ближняго; когда кто самъ возбуждаетъ въ себѣ помыслы нецѣломудренныя и останавливается на нихъ съ услажденіемъ;—когда кто оскорбляетъ ближняго злыми шутками или грубымъ дѣйствіемъ съ цѣлію вывести его изъ терпѣнія и опозорить его. Вообще волею грѣшитъ всякъ, кто рѣшается на то или другое нечистое дѣло не потому, чтобъ не могъ воздержаться отъ него, а потому что не хочетъ воздержаться, движимый злою, или слабою волею. Само собою разумѣется, что вина грѣшника тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ сильнѣе въ немъ произволеніе на грѣхъ. — Грѣхами невольными называются грѣхи неумышленные, ненамѣренныя, невзначай. Св. Василиій Великій (8-ое правило) указываетъ на примѣры невольныхъ грѣховъ: «Если кто бросивъ камень на пса, или на древо, попадетъ въ человѣка: сіе есть дѣло совершенно непроизвольное и не бывшее въ намѣреніи дѣйствующаго, ибо намѣреніе его было отразить звѣря, или сбить плодъ; подвергшійся же удару самъ собою нашелъ на него, проходя мимо. Итакъ сіе невольное. Невольное также и то, если кто, желая кого исправить, ударить ремнемъ или жезломъ нетяжелымъ, и біемый умретъ; ибо здѣсь разсматривается намѣреніе,—яко онъ хотѣлъ исправить согрѣшившаго, а не умертвить». Подобныя невольныя грѣхи не могутъ не смущать совѣсти христіанина; онъ не прощаетъ себѣ той ошибки и неосторожности, жертвою которой сдѣлались его ближніе, и потому умоляетъ Господа простить ему этотъ грѣхъ. Еще больше побужденій имѣетъ христіанинъ умолять о прощеніи такихъ невольныхъ грѣховъ, которые онъ совершаетъ въ состояніи крайняго раздраженія, также опятьчѣ-

ніа: онъ виноватъ въ томъ, что довелъ себя до раздраженія и ошьянѣнія.—Случается, что въ душѣ возникаютъ грѣховныя помыслы или представленія безъ всякаго съ нашей стороны желанія вызвать ихъ. Это грѣхи невольные, и если человекъ не поддерживаетъ ихъ своимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, они ему не вмѣняются,—но всеже онъ долженъ умолять Господа о прощеніи ихъ, укоряя себя въ недостаткѣ бдительности надъ собою.—Даже грѣховныя мечтанія во спѣ вмѣняются намъ, если имѣють связь съ нечистымъ душевнымъ настроеніемъ на яву.—Есть гнѣвъ безгрѣшный, вызываемый возмутительнымъ поведеніемъ ближнихъ; но и безгрѣшный гнѣвъ незамѣтно можетъ перейти въ грѣховное раздраженіе: гнѣвающимся теряетъ самообладаніе и въ этомъ состояніи невольно увлекается до озлобленія и несправедливости. И за это невольное грѣховное увлеченіе мы должны укорять себя и молиги Господа, да проститъ намъ, что мы возмутили миръ души нашей и миръ ближняго. Подобное должно сказать о нравственномъ состояніи воиновъ во время битвы. Убивая врага, они исполняютъ свой долгъ,—но въ тоже время они невольно поддаются чувству злобы, нападая на неприятеля и отражая его, и потому по церковнымъ правиламъ подвергаются отлученію отъ причащенія св. таинъ на одинъ годъ, какъ нуждающіеся въ очищеніи своей совѣсти, которая не можетъ не смущаться при воспоминаніи пролитой крови и своего злобнаго, хотя и невольнаго, настроенія духа во время сраженія.—Приказанія, соединенныя съ угрозами и насиліемъ, доводятъ иногда до грѣховъ, которые называютъ невольными, за которые однако виновные не освобождаются отъ отвѣтственности. Многіе изъ древнихъ христіанъ, не стерпя жестокихъ истязаній, *невольно* отрекались отъ Христа устами, не отрекаясь отъ Него сердцемъ. Для примиренія съ Церковію, они должны были нести тяжкія, болѣе или менѣе продолжительныя эпитиміи, подъ именемъ кающихся,—на нѣсколько годовъ отлучаемы были отъ причащенія святыхъ таинъ.—Не мень-

ше, если не больше невзвинительны грѣхи по увлеченію примѣрами другихъ. Иной случайно, или ради любопытства намѣренно попалъ въ общество людей разгульныхъ и нечестивыхъ. Сначала онъ далекъ былъ отъ мысли объ опасности для себя въ нравственномъ отношеніи, — онъ надѣялся остаться только зрителемъ безобразій этого общества. Но случилось не то: онъ неустоялъ противъ искушеній и постепенно усвоилъ себѣ образъ жизни и образъ мыслей той среды, въ которую попалъ. Говорять: не онъ виноватъ, а среда, — онъ *невольнo* увлекся въ ея пагубныя сѣти, онъ не могъ воспротивиться растлѣвающему ея вліянію. — Но это неправда. Ему *трудно* было избѣжать искушенія, но отнюдь не невозможно. Уже и въ томъ онъ виноватъ, что не поспѣшилъ въ самомъ началѣ прервать общеніе съ соблазнительями, — онъ долженъ былъ знать, что прикасающійся къ смолѣ черняется, прикасающійся къ огню получаетъ обжогъ. — Въ наше время распространяется ученіе, отвергающее свободу воли. Говорять: намъ только кажется, что мы дѣйствуемъ свободно, отъ себя, по своей волѣ; на самомъ же дѣлѣ мы такъ или иначе дѣйствуемъ, повинуваясь непреодолимой силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ и душевныхъ предрасположеній. Для многихъ врачей и философовъ теперь даже нѣтъ преступниковъ, — есть только люди съ неправильными мозговыми отправлениями, съ болѣзненнымъ непреодолимымъ влеченіемъ къ воровству, къ буйству, къ распутству и т. п. Въ этомъ ученіи нѣтъ мѣста для различія грѣховъ вольныхъ и невольныхъ, — всѣ грѣхи — невольные, и потому подлежатъ отвѣтственности и наказывать за нихъ несправедливо. Этимъ объясняются оправдательные приговоры ворами и убійцамъ, столь обыкновенные въ современныхъ судахъ заграничныхъ и особенно нашихъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что это ученіе есть не только не христіанское, но и противное самосознанію и здравому смыслу. Правда, христіанство допускаетъ въ человѣкѣ такую склонность къ злу, по которой онъ творитъ зло вопреки своей волѣ: «не еже

хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сіе содѣваю» (Рим. 7, 19). Но эта склонность къ злу свидѣтельствуется только о слабости воли, природенной каждому со времени грѣхонаденія въ раю, но отнюдь не объ отсутствіи въ нашей волѣ природной способности торжествовать надъ склонностію къ злу. Еслибы наша воля была лишена этой способности, въ словѣ Божіемъ не имѣли бы мѣста заповѣди, поощренія къ исполненію ихъ обѣтованіями и угрозами и свидѣтельства о примѣрахъ успѣшной борьбы со зломъ. По свидѣтельству самосознанія каждый изъ насъ, прежде чѣмъ рѣшится на доброе или злое дѣло, дѣлаетъ выборъ между тѣмъ и другимъ, при чемъ руководствуется разными побужденіями и часто возвышается надъ чувственными побужденіями, предпочитая добро, хотя бы оно требовало отъ него самоотверженія, злу, хотя бы оно обѣщало ему одни наслажденія и выгоды. Никто не станетъ раскаяваться въ томъ, что отъ насъ не зависитъ, напримѣръ въ неправильности кровообращенія, въ головной боли и т. п. Раскаиваемся въ томъ, что имѣя возможность поступить лучше, мы поступили худо.—Итакъ если мы должны жалѣть о грѣхамъ невольныхъ и просить Бога о прощеніи ихъ, то не иначе ли мы должны относиться такъ къ грѣхамъ вольнымъ?

Прегрѣшенія, яже словомъ, яже дѣломъ. Грѣхи словомъ—это всѣ виды словъ худыхъ и гнилыхъ: празднословіе, ложь, обманъ, божба и клятва безразсудныя, кощунство, ропоть на Бога и богохульство, пересуды и злорѣчіе насчетъ чести ближняго, лжесвидѣтельство, клевета, нескромныя шутки и сквернословіе. Сюда же должно отнести и грѣхи слова печатнаго. Путемъ печати облегчается распространеніе истины и добра; но печать же много дѣлаетъ зла обществу, когда чрезъ печать проводятся въ общество мнѣнія несогласныя съ ученіемъ вѣры и церкви, когда въ печати порицаются основы жизни семейной и общественной, оглашаются ложные слухи о чести частныхъ лицъ, особенно служителей Церкви, когда для привлеченія читателей предлагаются ихъ вниманію сочиненія нецѣло-

мудренныя и явно безправственныя. Рѣчи гшлыя, произносимыя устами, не могутъ быть столь тлетворны, сколько напечатанныя, читаемыя тысячами, десятками, сотнями тысячъ любопытныхъ, и вмѣстѣ съ книгами переходяція изъ поколѣнія въ поколѣніе.—Грѣхи дѣломъ—это грѣхи совершаемые собственно при посредствѣ рукъ, ногъ и другихъ, кромѣ языка, членовъ тѣлесныхъ, напримѣръ татьба, буйство, убійство, сладострастіе, невоздержаніе и пьянство. Кто изъ насъ не виновенъ въ грѣхахъ не только словомъ, но и какимъ-либо дѣломъ? Потому было бы преступною дерзостью приступать къ чашѣ спасенія, не испросивъ у Господа прощенія въ этихъ грѣхахъ.

Прегрѣшенія, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. Грѣхъ вѣдѣнія потому такъ называется, что совершается съ сознаниемъ, что это грѣхъ. Грѣхъ невѣдѣнія допускается безъ сознанія, что это грѣхъ. Напримѣръ иной сквернословитъ; другой, не понимая что это грѣхъ, перенимаетъ его. Если Церковь влагаетъ въ уста приступающаго къ святымъ тайнамъ моленіе о прощеніи грѣховъ вѣдѣнія и невѣдѣнія, это значитъ, что намъ вмѣняются тѣ и другіе грѣхи, что мы должны отвѣчать за грѣхи не только вѣдѣнія, но и невѣдѣнія. Говорятъ: «чего не знаешь, за то не отвѣчаешь». Относительно грѣховъ невѣдѣнія это нельзя сказать, по крайней мѣрѣ безусловно. Христосъ Спаситель рекъ: «рабъ, вѣдѣвый волю господина и несотворивый по волѣ его, биевъ будетъ много. Невѣдѣвый же, сотворивъ же достойная ранамъ (*наказанія*), биевъ будетъ мало» (Лук. 12, 47. 48). Оба раба, по словамъ Спасителя, подлежатъ наказанію, какъ тотъ, который умышленно не послушался своего господина, такъ и тотъ, кто не исполнилъ воли своего господина по невѣдѣнію. Разность только въ наказаніяхъ: одинъ будетъ битъ больше, другой меньше, ибо одного вина больше, другаго меньше. Но чѣмъ же виноватъ послѣдній? За что битъ чело-вѣкъ, по невѣдѣнію поступившаго противъ воли господина своего?—За то, что онъ не постарался узнать его волю.

Рабъ обязанъ не только исполнять, но даже угадывать желанія господина, предупреждать ихъ, не дожидаясь отъ него приказа на каждый случай. Рабъ долженъ знать привычки своего господина и съ ними сообразовать свои отпощенія къ нему. Но если господинъ - человѣкъ имѣеть право требовать отъ своего раба, чтобы онъ старался узнавать его волю, и если онъ въскриваетъ съ него не только за неисполненіе ея воли, но и за недостатокъ старанія узнавать ее, то не въ высшей ли несравненно степени подобное право принадлежитъ Господу неба и земли, Владыкѣ живота и смерти? Говоримъ: въ высшей степени *несравненно*, потому также, что волю Господа, или обязанности возлагасмыя на насъ Его волей, легче узнать, чѣмъ волю смертнаго господина. Люди въ положеніи господь и повелителей не всегда объявляютъ, не всегда ясно даютъ попятъ своимъ слугамъ или подчиненнымъ, чего отъ нихъ хотятъ, такъ что самые усердные и предупредительные слуги иногда затрудняются въ угадываніи желаній своихъ господь, и очень боятся послѣдствій своей недогадливости. Но Господь Богъ ясно открываетъ намъ свою волю относительно всего, что мы должны дѣлать для угожденія Ему, открываетъ чрезъ св. писаніе, чрезъ ученіе и заповѣди Церкви, чрезъ пастырей и учителей Церкви, открываетъ всѣмъ, не только книжнымъ, но и не книжнымъ, была бы только охота у послѣднихъ посѣщать храмъ Божій, гдѣ истины вѣры и правила нравственности возвѣщаются вслухъ всѣхъ. Итакъ грѣхъ невѣдѣнія воли Божіей неизвинителенъ для людей, которые имѣютъ полную возможность знать волю Божію, но не пользуются этою возможностью. Даже язычники, незнакомые съ откровеннымъ Божіимъ закономъ, не лишены возможности знать волю Божію, ибо о ней свидѣтельствуется имъ ихъ совѣсть, и потому они, по слову ап. Павла (Рим. 21, 12. 14. 15) безответны предъ Богомъ и подлежатъ строгому суду отъ Бога за свое нечестіе и беззаконія. Еще болѣе строгаго осужденія заслуживаютъ тѣ, которые не хотятъ знать во-

лю Божію, дерзко говоря Богу: «отступи отъ насъ, путей твоихъ вѣдѣти не хотимъ» (Іов. 21, 14). Въ подобной дерзости если не словомъ, то дѣломъ виновны всѣ ожесточенные враги истины, начиная съ враговъ Христа Спасителя, ослѣпленныхъ злобой къ Нему и въ своемъ ослѣпленіи отвергшихъ Его и Его ученіе, до нашихъ раскольниковъ, видя не видящихъ истины и затыкающихъ уши отъ вразумленій, съ какими обращается къ нимъ св. Церковь.—Избави насъ Господи отъ подобнаго ослѣпленія и ожесточенія, и если согрѣшаемъ въ чемъ предъ Тобой по невѣдѣнію, прости намъ сей грѣхъ, какъ простилъ и помиловалъ Павла, по невѣдѣнію враждовавшаго противъ твоей Церкви, и какъ вразумилъ Ты Павла, такъ отверзи и намъ умныя очи, дабы мы познали свой грѣхъ и научились творить твою святую волю съ яснымъ вѣдѣніемъ ея.

Исповѣдавъ свои грѣхи и вознесши моленіе о прощеніи ихъ, приступающей къ святымъ тайнамъ продолжаетъ:

И сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ твоихъ таинствъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную.

Тѣло и кровь Христовы преподаются вѣрующимъ во оставленіе грѣховъ, какъ видно изъ словъ Христа при установленіи сего таинства: «примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое. Пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя новаго завѣта, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ» (Мат. 26, 26 — 28; Марк. 14, 22 — 24. 1 Кор. 11, 23—25). Грѣхи оставляются причащающимся тѣла и крови Христовой, въ силу того, что въ семь таинствъ тѣло и кровь Христовы имѣютъ значеніе жертвы, которую руками священнодѣйствующихъ вѣчный Первосвященникъ Господь І. Христосъ приносить и до конца міра будетъ приносить на престолѣ алтаря, умилостивляя ею Бога Отца, да не осудитъ насъ въ праведномъ гнѣвѣ своемъ за наши грѣхи. Далѣе тѣло и кровь Христовы преподаются намъ *въ жизнь вѣчную*, т.-е. какъ залогъ жизни вѣчно-блаженной, по словамъ Христа: «Аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго,

ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый мою плоть и пїяй мою кровь имать животъ вѣчный» (Іоан. 6, 53). Христось есть источникъ жизни. Сродняющійся съ Нимъ вкушеніемъ тѣла и крови Его дѣлается причастникомъ этой жизни. Но не всегда служитъ во спасеніе, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, вкушеніе тѣла и крови Христовой. «Ядый и пїяй недостойнѣ судъ себѣ ясть и пїеть, не разсуждая тѣла Господня» (1 Кор. 11, 29). Подъ недостойными причастниками въ сихъ словахъ Апостола разумѣются тѣ, которые приступаютъ къ святымъ тайнамъ безъ благоговѣнія къ нимъ, которые не разсуждаютъ, т.-е. не уважаютъ тѣла и крови Господней, вкушаютъ сіе таинственное брашно и питіе съ такимъ равнодушіемъ, какъ бы это была обыкновенная пища и питіе. Такіе недостойные причастники, по слову апостола, «виновны будутъ противъ тѣла и крови Господней» (ст. 27). Какъ же избѣжать этой виновности и осужденія? Въ виду того, что для вкушенія предлагаются не простой хлѣбъ и вино, а подъ видомъ ихъ истинное тѣло и кровь Христовы, должно для засвидѣтельствованія подобающаго благоговѣнія къ сему таинству приготовляться къ святому причащенію предварительнымъ испытаніемъ и очищеніемъ своей совѣсти. «Да искушаетъ человекъ себе и тако отъ хлѣба да ясть и отъ чаши да пїеть» (ст. 28). Желаящій приступитъ къ трапезѣ Господней пусть напередъ тщательно и безпристрастно обсудитъ состояніе души своей, пусть дастъ себѣ строгій отчетъ въ своемъ поведеніи, пусть допроситъ свою совѣсть, какіе грѣхи и сколько ихъ онъ натворилъ, при какихъ обстоятельствахъ, при какихъ искушеніяхъ грѣшилъ, не часто ли повторялъ одни и тѣже грѣхи,—и если совѣсть обличитъ его не только въ легкихъ, но и въ тяжелыхъ грѣхахъ, пусть съ сердечнымъ сокрушеніемъ раскается въ нихъ, искренно осудитъ себя въ томъ, что нимъ оскорбилъ Господа, и положитъ твердое намѣреніе бороться съ ними до самоотверженія. Съ такимъ настроеніемъ душевнымъ онъ долженъ предстать сначала предъ ду-

ховникомъ для полученія отъ него разрѣшенія грѣховъ и потомъ предъ чашей съ тѣломъ и кровью Христовой. Предстоя предъ ней, онъ долженъ быть увѣренъ, что предстоитъ предъ чашей съ огнемъ, недостойныхъ попадающимъ, а потому въ чувствѣ своего недостойнства умолять Господа, да сподобитъ его неосужденно причаститься пречистыхъ таинъ.

Затѣмъ св. церковь влагаетъ въ уста приступающаго къ святымъ тайнамъ другую молитву:

Вечери Твоя тайныя днесъ Сыне Божій причастника мя приими, не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзаніе Ти дамъ яко Иуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя Господи во царствіи Твоемъ. Да не съ судъ или во осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, но во исцѣленіе души и тѣла.

Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ, яко Иуда. Другими словами: я приступаю къ святымъ Твоимъ тайнамъ съ искреннимъ желаніемъ избѣжать грѣха Иуды: этотъ вѣроломный Твой ученикъ, знавшій тайну Твоего пребыванія въ саду Геосиманскомъ, выдалъ ее Твоимъ врагамъ, и приведши ихъ въ сіе мѣсто, предалъ Тебя въ ихъ руки. Знаю и я, Господи, что Ты таинственно водворяешься въ тѣхъ, которые вкушаютъ тѣло и кровь Твою, и самъ желаю во святыхъ Твоихъ тайнахъ пріять Тебя въ домъ души моя и содѣлаться обителемъ Твоею; ибо Ты самъ сказалъ: «Ядый Мою плоть и пійай Мою кровь во мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ» (Іоан. 6, 56). Но когда сподоблюсь пріять Тебя подъ кровъ души моя, то по благоговѣнію къ Твоему таинственному пребыванію во мнѣ не буду разглашать о сей тайнѣ предъ невѣрующими, съ предубѣжденіемъ и враждой относящимися ко всему таинственному въ области вѣры, и не дамъ имъ повода къ злему глумленію противъ того, что составляетъ для меня величайшую святыню, — я охряну ее отъ поруганія благоразум-

нымъ молчаніемъ о ней, сдѣдуя Твоему же впушенію: «не давайте святыни псамъ, и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими, и обратившись не растерзали васъ» (Матѳ. 7, 6).— Иуда выдалъ Тебя врагамъ лицемернымъ поцѣлуемъ, злоупотребивъ знакъ любви и дружбы. Подобно Иудѣ поступилъ бы и я, Господи, еслибы, приступая къ чашѣ спасенія, наружно казался смиреннымъ, благоговѣйнымъ и преданнымъ Тебѣ, а въ душѣ питалъ предательское намѣреніе— по выходѣ изъ церкви по прежнему служить враждебнымъ Тебѣ міру, плоти и діаволу. О, нѣтъ, я ненавижу грѣхъ лицемерія, я не дамъ Тебѣ лобзанія Иудина, я питаю твердое намѣреніе сохранить залогъ благодати, который получу въ общеніи съ Тобой въ Твоихъ тайнахъ, и пребыть Тебѣ вѣрнымъ до гроба.

Да не въ судъ или во осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, но во исцѣленіе души и тѣла. Знаю, Господи, что по множеству грѣховъ моихъ я недостойнъ общенія съ Тобой въ пречистыхъ тайнахъ; но я вѣрую въ спасительную силу ихъ; вѣрую, что она простирается не на душу только, но и на тѣло. За грѣхи мои я достоинъ отверженія отъ Тебя и осужденія, но ради сей моей вѣры сподоби меня пріять Твое пречистое тѣло и кровь не въ осужденіе, но въ исцѣленіе души отъ грѣховныхъ недуговъ и тѣла отъ болѣзней, какимъ, по слову Твоего апостола, подвергаются недостойные причастники (1 Кор. 11, 30).

Прот. В. Нечаевъ.

МНѢНІЕ МОСК. МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Въ нѣкоторыхъ церквахъ въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ московской епархіи существовалъ обычай, по которому на всенощныхъ въ праздничные дни, во время каждаго передъ чтеніемъ Евангелія, прихожане подавали священнику въ руку, а діакону клали въ устроенную въ составѣ подсвѣщника носимой имъ свѣчи чашу, мелкія деньги. Владыка по сему предмету изложилъ свое мнѣніе, полагая учинить слѣдующее:

1) Предписать, чтобы принятіе причтомъ отъ прихожанъ даяній, при кажденіи и послѣ каждаго а), гдѣ оно не прекратилось, прекращено было отнынѣ.

2) Предоставить благочиннымъ и мѣстнымъ священникамъ изъяснить прихожанамъ причину сего прекращенія, именно ту, чтобы должное къ богослуженію вниманіе и благоговѣніе не нарушалось среди онаго дѣломъ постороннимъ, и особенно, чтобы священно-и-церковнослужители тогда, какъ приносятъ молитву и славословіе Господу Богу, не развлекались попеченіемъ житейскимъ.

3) Если гдѣ прихожане, зная нужды своего причта и желая по древнему обычаю дать ему приношеніе ради праздника, разсудятъ по окончаніи службы полагать что-либо въ общую кружку доходовъ причта: сего не возбранять.

Но какъ дѣло сіе, по всей вѣроятности, касается не одной московской епархіи, но и другихъ, то для несомнительнаго и единообразнаго дѣйствования, долгомъ поставлю представить оное на усмотрѣніе св. Синода, и испрашивать въ разрѣшеніе указа».

Августа 20-го 1839.

а) Во время канона и причетники, хотя съ тарелками по церквѣ, собирали деньги въ свою пользу.

Примѣчаніе. Св. Синодъ, ограничась въ настоящемъ случаѣ распоряженіемъ въ отношеніи одной московской епархіи, предоставилъ митрополиту представленное имъ мнѣніе привести въ исполненіе, впрочемъ не въ видѣ рѣшительной мѣры, а смотря по удобности къ тому.— Резолюція митрополита отъ 14 марта 1840 года: «Прежде нежели что-либо предпринимается по сему указу (св. Синода отъ 24 окт. 1839 г.) всѣмъ приходскимъ причтамъ, преосвященный (*Виталий*) объявитъ его у себя московскимъ благочиннымъ, истребуесть отъ каждаго мнѣніе и представить съ своимъ заключеніемъ».

Сообщилъ Архим. Г—рій.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1834, фев. 1. «Консисторіи рисунки (*иконостасовъ*) препроводить чрезъ благочиннаго для исполненія со сдѣланными замѣчаніями, подъ его надзоромъ. А священнику замѣтить, что не надлежало ему слѣбно слѣдовать прихоти художника, съ забвеніемъ не только древняго церковнаго обычая, но и приличія. Древніе иконостасы состояли преимущественно изъ святыхъ иконъ, а не изъ золоченыхъ игрушекъ».

На рисунокѣ праваго иконостаса придѣльнаго написалъ владыка: «Смотрѣно. Вверху, вмѣсто чаши долженъ быть крестъ, или съ изображеніемъ распятія Господня, или, хотя безъ онаго, золотый; и сіе непремѣнно. Сіяніе можетъ оставаться, какъ есть. Въ орнаментахъ у пять арки, что изображено, не разберешь: смотрѣть, чтобы тутъ не было чего неприличнаго. Не довольно хорошо, что мѣсто для изображенія Евангелистовъ назначено пизко: изображенія святыхъ неприлично ставить близко къ ногамъ предстоящаго».

1834, іюня 17. «Если украсится (*сребропозлащенной ризой*) икона Богоматери (*мъстная*): то икона Спасителя не должна быть лишена украшенія».

Прибывшіе въ Москву по случаю притѣсненій отъ магометанъ персидскіе подданные (несторіане): священникъ Ілія Георгіевъ, діаконь Даніиль Ивановъ и какіе-то еще двое: Юсуфъ и Симонъ изъявили письменно желаніе принять (истинную) вѣру христіанскую, а не ту, какой держатся находящіеся на ихъ родинѣ англичане и католики.—Резолюція отъ 29 ноября 1863 года: «Какъ языкъ просителей здѣшнему духовенству неизвѣстенъ, и прошеніе написано безъ понятія о христіанствѣ и православіи: то долгомъ поставляю просить преосвященнаго Амидска-

го (*Макарія митрополита, находившася въ Москвѣ*), принять ихъ въ испытаніе и наставленіе, дабы имѣть свѣдѣнія: 1) имѣютъ ли они свойственное священнослужителямъ понятіе о главныхъ христіанскихъ догматахъ. 2) Разумѣютъ ли различіе между правымъ исповѣданіемъ вѣры восточно-каволической церкви и ученіемъ несторіанскимъ, и основательно ли убѣждены въ превосходствѣ православнаго ученія. 3) Имѣютъ ли въ предпріемлемомъ ими чистое и твердое намѣреніе. 4) Желаютъ ли при вступленіи въ православную церковь сохранить степени священства. 5) Гдѣ и какое именно желаютъ проходить служеніе. Прошу его высокопреосвященство принять сіе въ благосклонное вниманіе и не оставить меня безъ увѣдомленія о послѣдующемъ».

1846, авг. 1. «Какъ священникъ показалъ, что гробы не совсѣмъ разрушились и состояніе тѣлъ въ нихъ положенныхъ неизвѣстно: то, при исправленіи склепа (*надъ гробами князей Одоевскихъ, погребенныхъ въ церкви Подольскаго уѣзда, села Ивановскаго*), нужнымъ представляется устроить довольной вмѣстительности ящикъ, чтобы въ него положить уцѣлѣвшіе гробы и находящіяся въ нихъ останки погребенныхъ, съ сохраненіемъ сихъ останковъ, сколько можно, неприкосновенными и непотревоженными».

1832, іюня 17. «Устроеніе двери въ погребальное мѣсто на горнемъ мѣстѣ церкви, какъ совершенно противное чину церковному, запретить; и за симъ мѣстному благочинному и священнику наблюсти подъ строгою отвѣтственностію».

1838, іюня 7. «Духовника крѣпостной выбираетъ не помѣщица, а сама крѣпостная. Потому нѣтъ основанія перемѣнять духовника по волѣ помѣщицы».

1833, окт. 4. «Священнику К—ну замѣтить, что онъ поступилъ бы приличнѣе своему званію и подалъ бы о себѣ лучшее мнѣніе начальству, еслибы не входилъ въ такія вечернія собранія, въ которыя не призываетъ его никакая обязанность, и которыя не безопасны отъ приключеній неблагопріятныхъ».

1838, сент. 30. «Справедливо замѣчено отступленіе отъ порядка; но справедливо и то, что сей староста не мало трудился для церкви (*при Ваганьковскомъ кладбищѣ*) съ пользою для нея, по свободному усердію. Первое (*самовластное, то есть, распоряженіе его всеми кладбищенскими доходами*) не заслуживаетъ похвалы, но и не подвергаетъ большому нареканію, потому что неблагонамѣренности не усмотрѣно; а второе заслуживаетъ похвалу. Посему можно дать похвальный листъ, похваляя похвальное и не преслѣдуя того, что положено оставить безъ преслѣдованія».

1832, сент. 12. «Безпорядокъ рѣдко бываетъ безъ грѣха».

1833, іюня 19. «Одно дѣйствіе не по правилу можетъ вести ко многимъ, и запутать».

1841, фев. 12. «Въ дѣлѣ упоминается о прижитіи незаконномъ сына, безъ означенія времени и того, на рукахъ ли матери онъ находится. Посему опредѣленіе сіе (*о возложеніи семилѣтней епитиміи, съ исправленіемъ оной въ монастырь полгода, а остальное время подъ смотрѣніемъ духовника*) исполнить, если согрѣшившая не имѣетъ на рукахъ малолѣтняго сына, и притомъ въ монастырѣ быть ей три мѣсяца; а если обязана попеченіемъ о младенцѣ, то епитимію исправлять всю на мѣстѣ жительства подъ смотрѣніемъ духовнаго отца».

1849, нояб. 4. «Подначальные для всѣхъ монастырей обременительны. Но надобно нести по возможности сіе бремя, ибо его возлагаетъ законъ, и долгъ челоуколюбія требуетъ послужить исправленію согрѣшившихъ. По представляемой причинѣ (*за тѣсною помѣщеніемъ въ Никитскомъ двѣичьемъ монастырѣ*) наблюсти, чтобы въ сей монастырь не посылать многихъ вдругъ, или посылать преимущественно назначаемыхъ не на долгій срокъ. А о тѣхъ подначальныхъ, которые оказываютъ поступки нетерпимые въ монастырѣ, доносить немедленно».

1849, мая 8. «Возвратитъ игуменіи (*объясненіе ся*), чтобы напомнила мнѣ посмотреть хоругвь (*будтобы проданную раскольникамъ*) на мѣстѣ. Чтò касается до ся замѣчанія, что грѣшно вѣрить безыменнымъ запискамъ, надобно ей знать, что никто не говорилъ ей, будто такимъ запискамъ вѣрятъ, и что она не призвана давать наставленіе начальству, которое знаетъ, чего требуетъ справедливость и осторожность».

1847, іюля 27. «Понимаетъ ли что пишетъ? Какъ можетъ быть приобщеніе св. таинъ прежде вступленія въ союзъ съ церковію, когда оно есть совершеннѣйшее выраженіе союза съ церковію? Духовному правленію допросить священника обстоятельно, какимъ порядкомъ совершилъ онъ присоединеніе (*изъ раскола*), и понимаетъ ли нелѣпость, которую написалъ?»

1834, фев. 7. «Съ позволенія консисторіи сказать, указаніе на четвертое правило Григорія Нисскаго сдѣлано безъ малѣйшаго вниманія къ смыслу сего правила и къ обстоятельствамъ дѣла. Тамъ говорится о 27-лѣтней епитиміи за вольное убійство, раздѣленной на три степени, и о сокращеніи каждой изъ трехъ степеней по усмотрѣнію теплаго покаянія, и самымъ большимъ сокращеніемъ положено по пяти лѣтъ въ степени, итого всей епитиміи 15 лѣтъ. Гдѣ тутъ основаніе къ сужденію о намѣреніи убійства неисполненномъ? Гдѣ основаніе къ епитиміи въ 5 лѣтъ, и въ 2 съ половиною? Поелику подсудимый (*дворовый*), какъ изложено въ мнѣніи г. гражданскаго губернатора (*Н. А. Небольсина*), взявъ намѣреніе къ убійству (*госпожи и дворовой ся дѣвки*), безъ всякаго посторонняго побужденія оное (не только) оставилъ, но и за намѣреніе оставленное изъявилъ желаніе понести наказаніе ссылкой въ Сибирь: то тягость грѣховнаго намѣренія много уменьшена сими двумя обстоятельствами, то-есть, добровольнымъ оставленіемъ намѣренія и готовностію къ наказанію, означающею раскаяніе. Случай сей, представляющій не дѣло преступленія, а побѣжденіе въ мысленной брани, подлежитъ не суду по правиламъ, постановленнымъ на преступленія дѣломъ совершившіяся, но разсужденію духовному. Для уврачеванія, очищенія и умирненія души глубоко уязвленной, оскверненной и смущенной тяжко-злымъ

намѣреніемъ, послать подсудимаго въ Пѣсношскій монастырь, чтобы онъ тамъ подъ руководствомъ назидательнаго старца провелъ сорокъ дней въ посильномъ постѣ и молитвѣ, прося Бога очистить и на будущее время предохранить душу его отъ владычества помысловъ и желаній лукавыхъ и злыхъ; за симъ дальнѣйшее испытаніе и очищеніе его совѣсти предать внимательному наблюденію духовнаго отца его на мѣстѣ его жительства».

Сообщилъ Арх. Григорій.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ЕПИСКОПА АСТРАХАНСКАГО ГЕРАСИМА.

Наконецъ созрѣлъ іерей Георгій для другаго, высшаго подвига, и душа его позвана къ понесенію другихъ, тягчайшихъ трудовъ. По кончинѣ жены снова возгорѣлось желаніе въ пламенной душѣ его идти вслѣдъ крестоносца Иисуса тѣснымъ путемъ монашескимъ. Всѣ родные и знакомые принимали живое участіе въ его горести. Преосвящ. Ниль ^{к)} предлагалъ ему принять монашество, съ цѣлію произвести его архимандритомъ въ Якутскій второклассный мужской монастырь и опредѣлить смотрителемъ училищъ. Благоговѣйный служитель св. Церкви молилъ премилосердаго Господа сказать ему путь, въ онъже пойдетъ. И услышалъ Господь вѣрнаго раба своего въ день печали его. Къ Георгію пришелъ пустыннолюбивый старецъ іеромонахъ Варлаамъ, жившій на Чикоѣ (на Китайской границѣ), который въ то время устраивалъ тамъ обитель и славился свими духовными подвигами. О. Георгій принялъ старца пустыннаго какъ бы ангела утѣшителя и открывъ ему свою душу, просилъ его совѣтовъ для подлежащей жизни. Старецъ, пройдя опытомъ всю тѣсноту монашеской жизни, много ему говорилъ объ искушеніяхъ, могущихъ постиг-

к) Управлявшій въ послѣдствіи Ярославскою епархіей.

путь въ пустынѣ душу его, пріобыкшую къ ученымъ занятіямъ, и совѣтоваль не уклоняться съ ученаго пути. Совѣты старца приняты были къ сердцу о. Георгіемъ, но все еще далекъ онъ былъ отъ мысли ѣхать въ академію. Въ это же время прибылъ въ Иркутскъ преосв. Иннокентій камчатскій и алеутскій; онъ принялъ живое участіе въ несчастіи постигшемъ Георгія и утѣшалъ его какъ отецъ и совѣтоваль ему вступить въ академію и по окончаніи курса въ академіи принять монашество. Бывшій ректоръ о. Иларій еще сильнѣе и прежде склонялъ его при всякомъ удобномъ случаѣ къ поступленію въ академію. Наконецъ рѣшился о. Георгій объясниться съ владыкой Ниломъ и открыть ему свое намѣреніе относительно академіи. О. Иларій былъ въ восторгѣ и старался всемѣрно, чтобы о. Георгій не скрывалъ въ землѣ талантовъ, данныхъ Господомъ, и умолялъ его изложить предъ преосвященнымъ чувства свои на бумагѣ. И вотъ что писалъ о. Георгій преосв. Нилу: «Высокопреосвященнѣйшій владыко! Вы видите предъ собой у святительскихъ ногъ вашихъ человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, въ порѣ молодости, когда другіе еще не знаютъ горя и незнакомы съ печалью, человѣка, котораго Провидѣніе, лишивъ сына и жены въ продолженіе полугода, лишило радостей и утѣшеній жизни. Итакъ явите ему свойственную вамъ милость и состраданіе отеческое, не поставя въ вину сыновняго дерзновенія; во дни горести и скорби, къ кому приличнѣе прибѣгать дѣтямъ, какъ не къ отцамъ? Почитая себя достойнымъ такого наказанія Божія и благоговѣя предъ тайными путями Провидѣнія, но и не находя довольно силъ и твердости характера быть равнодушнымъ къ сему новому положенію, не могу отъ васъ скрыть, что этотъ крестъ несу съ горькими слезами и съ разбитымъ сердцемъ. Между тѣмъ высокія обязанности сана и занимаемая мною должности требуютъ полнаго присутствія духа. Почитая всегда лучшимъ и благороднѣйшимъ незанимать должностей, превышающихъ силы, нежели занимаемая она проходитъ небрежно, съ упущеніями, я осмѣлил-

ся, по зрѣлой обдуманности и испытаніи себя, просить ваше высокопреосвященство о дозволеніи мнѣ подать прошеніе объ увольненіи себя отъ проходимыхъ мною должностей: по консисторіи, училищу и попечительству, равно какъ и по приходу. Но прося васъ объ этомъ, какъ о великой милости, я не думаю себя обречь на бездѣйствіе, которое также можетъ убиť душу, какъ и горе. Нѣтъ! мнѣ хочется только удалиться отъ тѣхъ мѣстъ, кои напоминаютъ мнѣ траты и лишенія незамѣняемыя для сердца: мнѣ желается только перемѣнить направленіе моей дѣятельности, словомъ—мнѣ хочется вдали отъ родины, наводящей тоску и скорбь, подъ мирнымъ кровомъ академіи, образовавшей васъ—славу и красу нашу—посвятить себя наукамъ и, если угодно будетъ Провидѣнію, подвигамъ иночества, къ которымъ я давно чувствовалъ призваніе. Всемиловѣйшій отецъ и архипастырь! Вы неоднократно подобно ангелу-хранителю поддерживали меня вашимъ вниманіемъ на стропотныхъ путяхъ моей жизни; не откажите же въ ономъ и на этотъ разъ мнѣ, доведенному до крайности почти своимъ положеніемъ. Ваше отеческое участіе и благословеніе можетъ заживить сердечныя раны и возвратитъ обществу человѣка, разъединеннаго съ нимъ печалью; а образованіе и даль, укрѣпивъ духъ и утвердивъ сердце, дадутъ возможность опять быть полезнымъ отечеству тому, кто неминуемо за отказомъ въ вашемъ отеческомъ участіи долженъ будетъ отказаться отъ сихъ надеждъ угѣшительныхъ».—Прочитавъ это письмо, преосвященный видимо былъ тронутъ и сверхъ всякаго ожиданія послѣ двухъ-трехъ возраженій изъявилъ охотно свое согласіе отпустить о. Георгія въ академію, и онъ не косня подалъ тайно отъ всѣхъ прошеніе въ Духовно-учебное управленіе при свят. Синодѣ о принятіи его въ С.-Петербургскую академію. Въ то же время по совѣту архимандрита Иларія написалъ письмо къ Александру Ивановичу Карасевскому, прося его содѣйствовать намѣренію его поступить въ академію. Оставалось

продать домъ, чтобы имѣть возможность доѣхать до Петербурга; но какъ было рѣшиться на это, не получивъ позволенія поступить въ академію? Положеніе о. Георгія было затруднительное, по причинѣ скудости средствъ. Но «благъ Господь всяческимъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлѣхъ Его» (Пс. 144, 9). Преосв. Иннокентій^{а)} камчатскій и алеутскій, имѣя дозволеніе святѣйш. Синода помѣстить дѣтей своихъ въ Петербургскую дух. семинарію, просилъ убѣдительно о. Георгія, въ случаѣ поѣздки его въ Петербургъ, отвезти ихъ туда, при чемъ всѣ путевые расходы принималъ на свой счетъ. Съ сыновнею любовью принялъ о. Георгій предложеніе святителя Божія, видя въ этомъ дѣйствиѣ Промысла Божія, пекущагося о немъ и невидимо благоустраивающаго путь его въ академію. Этотъ путь былъ по душѣ ему; онъ желалъ скорѣе удалиться изъ дома, гдѣ каждая вещь напоминала ему о невозвратимой потерѣ и растравляла раны его сердца. Съ раннихъ поръ онъ находилъ утѣшеніе въ наукахъ. Но скорѣ встрѣтилось было неожиданное преткновеніе, которое однакоже съ помощью Божіею было устранено.

Онъ былъ знакомъ съ учителемъ гимназіи Журавлевымъ, который мѣсяцевъ за 8 предъ этимъ давалъ ему читать письма Лунина (декабриста), подававшаго правительству поводъ своимъ вольнодумствомъ преслѣдовать его; письма эти представлены были однимъ изъ знакомцевъ Журавлева г. генераль-губерн. Вост. Сибири, коему при допросѣ открылъ Журавлевъ, что давалъ ихъ о. Георгію; по сему случаю отъ преосв. Нила требовали послужной о. Георгія списокъ. Преосвященный, желая пострадать о. Георгія и тѣмъ прервать всякое сношеніе его съ Журавлевымъ, позвалъ о. Георгія къ себѣ и сказалъ ему, что за эти сношенія ждетъ его каторга въ Нерчинскѣ. Нелегко было выслушать приговоръ этотъ о. Георгію, какъ это видно изъ дневника его.

а) Въ послѣдствіи митрополитъ Моск.

«24 апрѣля 1841 года. Послѣ горя и скорби едва выносимой объ опасности положенія, въ какое завлеченъ я былъ обстоятельствами, почти отъ меня независѣвшими, и горячей молитвы въ своемъ садикѣ, начинающемъ отзываться жизнью растений на зовъ тепла, я успокоился и предалъ себя всецѣло въ волю Св. Провидѣнія. Пусть судьба мчитъ мой челнъ по бурному морю сусть житейскихъ: у меня кормчимъ—Провидѣніе! Пусть, если безъ каторги и не могу быть собственностью моего Спасителя и безъ цѣпей преступника политическаго свободнымъ сыномъ неба. Что я сдѣлалъ? Какимъ преступленіемъ заклеимилъ себя, чтобы подвергнуться позору? Прочелъ письма Лунина? Но развѣ усвоилъ я и привилъ себѣ софизмы его? Кто слышалъ изъ устъ моихъ, кто читалъ въ моемъ сердцѣ что-нибудь непріязненное въ отношеніи настоящаго порядка вещей? Любовь къ монарху никогда въ моемъ сердцѣ не отдѣлялась отъ любви къ отечеству. Послѣ сей вѣсточки пошелъ я къ преосв. Иннокентію, предлагавшему мнѣ отправиться съ дѣтьми его въ Питеръ, пошелъ и сказалъ, что мнѣ ѣхать нельзя. Итакъ я остановился уже было на мысли, что пропустивъ самый лучший случай къ выѣзду, я навсегда долженъ остаться въ Сибири, а потому и не былъ изумленъ, когда о. Димитрій, священникъ и товарищъ мой по приходу, зашедши ко мнѣ сегодня сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Питеръ по предложенію преосв. Иннокентія съ дѣтьми. Благословивъ намѣренія его, я пошелъ изъ садика въ баню съ предчувствіемъ, что сей поѣздкѣ не состояться и что дѣтей долженъ доставить я. Омывая тѣло, обливалъ я душу слезами сокрушенія смиреннаго предъ Господомъ, и взывалъ какъ дитя къ нѣжной матери: «не оставь, не забудь меня Господи»,—и не прошло часа, какъ преосв. Иннокентій позвалъ меня и, отказавъ отъ поѣздки о. Димитрію, предложилъ мнѣ вновь отправиться съ дѣтьми его, и я далъ слово».—«28 апрѣля подалъ прошеніе объ увольненіи для поклоненія свят. мощамъ преп. Сергія Радонежскаго».—«4-го мая 1841 года. Проводивши преосв.

Иннокентія въ путь, я пожелалъ ему просвѣтить тамошній край. 2-го мая онъ былъ у меня и бесѣдовалъ со мной часовъ до полуторыхъ».

Наконецъ испросивъ благословенія Божія и добраго родителя своего, о. Георгій началъ собираться въ путь съ раздирающимся отъ скорби сердцемъ. 24 мая 1841 года онъ писалъ къ другу своему: «За неимѣніемъ бумаги пишу къ тебѣ на лоскуткахъ: это изображеніе моего сердца, рвущагося теперь при разлукѣ со всѣмъ роднымъ на лоскутки. Я выѣду отсель около 15-го слѣдующаго мѣсяца. Жди отъ меня письма изъ Москвы и отвѣчай въ Питеръ. Теперь ѣду подѣ предлогомъ поклоненія св. мощамъ, а тамъ, по развязкѣ дѣла, куда уйду. Тѣломъ здоровъ пока, хотя не попрежнему, но о душѣ—не спрашивай: такъ она исказилась! и сердце-горюнъ безъ мужества. Впрочемъ молю Предвѣчнаго, да изведетъ яко свѣтъ правду мою и да убѣлитъ меня слезами умиленія, которое еще меня не оставляетъ. Сынъ мой живетъ, поправляется и лепечетъ постоянно: «тятя». У него нѣтъ матери. Царство ей небесное. Домъ еще не проданъ; отъ должностей по семинаріи, консисторіи и попечительства отказываюсь и жду смѣны. Послѣ службы во храмѣ служу въ училищѣ, читаю болѣе Воскресное Чтеніе и фантазирую, уносясь туда, гдѣ нѣтъ горя и бурь. Кладбище и могила жены—друга моей юности суть святилища, гдѣ я возношу со слезами свое сердце ко Господу, тоскую и утѣшаюсь, сѣтую и запасаясь терпѣніемъ. 22-го числа былъ на могилѣ твоего брата; съ нея вѣетъ миромъ и привѣтомъ роднымъ. Ахъ, другъ мой, надо быть въ моемъ положеніи и съ моими чувствами, чтобы наслаждаться чудными бесѣдами съ покойниками, братьями, которые очами любви на насъ смотрятъ и съ ангельскою радостью поощряютъ ко всему доброму и святому. Обними меня въ послѣдній разъ. Ты меня уже не увидишь на землѣ. Прости, прости и благослови!»

Дѣлаемъ краткую выписку изъ путеваго журнала о. Ге-

оргія. «Въ день отъѣзда, пишетъ о. Георгій, отслуживъ равную и сказавъ собравшимся прихожанамъ экспромтомъ изъ текста: «Влудите, како опасно ходите», прощальную рѣчь, по движенію сердца, я служилъ молебень на путь. Добрые прихожане со слезами молились со мной и о мнѣ. Всю литургію и молебень я промолился со слезами Господу-Отцу, поручая себя водительству Его свѣтоносному. Діаконъ также рыдалъ, а съ нимъ вся церковь. Послѣ литургіи я простался съ коротко знакомыми и былъ на могилѣ Наташи, и такъ тамъ молился: «Боже жизни, Боже духовъ! я вѣрю, что у Тебя всѣ живы, слѣдовательно жива и жена, другъ души моей. Дай же мнѣ проникнуться сильнѣе этою вѣрой святой, этимъ утѣшеніемъ живымъ. Иначе я изнемогу до безсилія, ослабѣю до отчаянія. Вотъ камень гробовой! Подъ нимъ прахъ любезный, памятный, какъ прекрасная форма прекрасной души, какъ напоминаніе о быломъ, прошломъ, невозвратимомъ. Сердце мое ноетъ, разрывается, съ нимъ поникаетъ и духъ мой бодрый. Колѣна невольно подгибаются, и я подъ куполомъ неба, при горячей лампадѣ солнца, молюсь Тебѣ, Отецъ мой! Благослови меня и укрѣпи, прости въ всѣ мои согрѣшенія, всѣ уклоненія въ область мрака. Какъ я живо здѣсь сознаю мои грѣхи и какъ горько ихъ оплакиваю, то этой ли мольбѣ не быть услышанной? Нѣтъ, Ты слышишь шелестъ червя ползущаго; а разумная тварь должна быть ближе къ Твоему сердцу. Такъ, Ты и меня слышишь. Я вѣрю этому и прошу Тебя водворить съ праведными душу той, чей прахъ здѣсь почиваетъ». Послѣ троекратной слезной молитвы я простился и можетъ быть навсегда съ своимъ другомъ незабвеннымъ, цѣлуя дернъ намогильный и памятникъ гробовой. Оторвавшись тѣломъ съ прикованнымъ къ сей святынѣ сердцемъ, я спустился подъ гору и пріѣхалъ домой. Здѣсь сражались уже Костю къ будущей его воспитательницѣ теткѣ Анисѣ Михайловнѣ Шестуновой. Нельзя выразить и описать той горести, какую проникнуто было мое сердце, при мысли, что я эту

крошку я долженъ оставить, оторвать отъ сердца. Павши предъ Спасителемъ, я плакалъ, молился и съ молитвой благословилъ плодъ любви нашей именемъ Благословляющаго всяческая. Потомъ, прижавъ его къ моему сердцу, поѣхалъ. Ну, былъ и путь! Съ такими чувствами, какими проникнуто было сердце мое въ эту пору, ходятъ только на казнь: они тошнѣ для меня были всякой пытки. А онъ? Онъ мой милый, ненаглядный, спалъ сномъ ангельскимъ у груди моей. Плачу! Спи дитя мое милое, спи родимое! Ты пробудишься и ужъ не встрѣтишь взора отчаго, ласкъ родителя. Тебя обвинутъ, на тебя посмотрятъ чужіе. Боже, укрѣпи меня! Сдавъ его на руки Аннѣ Михайловнѣ, я ожидалъ съ муками сердца его пробужденія. Я ходилъ прощаться со стариками тестемъ и тещей. Сцена была опять трагическая. Батюшка зарыдалъ, мать также: можно ли было удержаться и мнѣ? Послѣ плача и молитвы я обнялъ ихъ всѣхъ, благословилъ и далъ послѣднее цѣлованіе мира. Еще заходилъ къ сыну, еще молился у его изголовья и призывалъ на него благословеніе Божіе; но онъ все спалъ еще; еще осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и наконецъ ввѣривъ его Промыслу, какъ самый священный залогъ души моей, съ невыразимою тоской уѣхалъ. По пріѣздѣ домой опять прощался съ посѣтителемъ, и благословивъ всѣхъ собравшихся ко мнѣ, я отправился въ 5 часовъ чрезъ Ангару. Провожали меня только самые короткіе и близкіе сердцу, изъ коихъ свояченица Марья Михайловна, еще неоправившаяся отъ болѣзни, при послѣднемъ—прости, зарыдала ужасно и грянулась на полъ. Передавъ ее на руки Акилинѣ Андреевнѣ и діаконицѣ, я помчался въ обитель, гдѣ почиваютъ мощи святителя Инокентія. Тамъ прикладывался къ чудотворнымъ мощамъ святителя. Никогда еще я не принадлеалъ съ такою довѣренностью къ нему—святителю и не просилъ столь пламенно его ходатайства предъ Владыкой неба и земли. Простившись тамъ со всею братіей, мы отправились въ Бѣльскъ. Наплакавшись на могилахъ родныхъ своихъ и

распростившись съ горькими слезами со всеѣми родными, при общемъ благословеніи продолжалъ путь свой».

Въ продолженіе всего пути много было встрѣчь, пріятныхъ, много скорби перечувствовало сердце о. Георгія. Въ округѣ Ачинска уѣзднаго города Красноярской губерніи, онъ нарочно заѣзжалъ въ сельцо Зерцалы, чтобы протѣться съ рабомъ Божиимъ Данииломъ, съ которымъ онъ познакомился еще въ Иркутскѣ, когда жилъ въ домѣ владыки Мелетія. Доѣхавши до сельца Зерцалы, встрѣченъ онъ былъ у одного домика радушнымъ крестьяниномъ, который на вопросъ о жилищѣ Даниила привелъ о. Георгія въ огородикъ свой и указавъ на землянку, между прочимъ сказалъ: «подойди къ ея окошечку, постучись съ молитвой». «Подошелъ я, стучусь, писалъ въ дневникѣ своемъ о. Георгій; нельзя было не изумиться при взглядѣ съ одной стороны на тѣсноту этой келліи (въ 2 аршина длины и 1½ ширины), съ другой—на маленькую скваженку, въ которую не болѣе казалось ладони вставлено было стеклышко. Вскорѣ на гласъ моей молитвы вышелъ изъ этой могилы исполнь-исполиномъ по величію и кротости души, не взирая на ростъ свой очень малый. Видъ его, какъ образъ ангела Божія, былъ милъ, обворожителенъ, съ играющей улыбкой на устахъ, а взоръ его, казалось, насквозь пронзалъ мое сердце. Таковъ былъ Даниилъ м). Послѣ обычнаго привѣта мы сблизились сердцами, и заговорилъ онъ языкомъ чуднымъ, небеснымъ; изъ устъ его полилась рѣчь рѣкой, живящею душу и сердце изсушенное тоской, раздраемое горемъ. Много говорилъ поучительнаго рабъ Божій (часовъ до двухъ длилась эта бесѣда); наконецъ со слезами на глазахъ мы разстались».

Въ Нижнемъ Новгородѣ заинтересовала о. Георгія ярмарка всесвѣтная. Въ Москву пріѣхалъ 10-го августа въ 9 часовъ утра 1841 года. «Подъѣзжая къ ней, нишетъ въ

м) Воспоминаніе о немъ отпечатано въ 15 № Самарск. Епарх. Вѣд. за 1873 г.

дневникъ своемъ о. Георгій, съ чувствомъ благоговѣнія и радости, тихо я въѣхалъ въ ея улицы, и какъ все заговорило съ моимъ сердцемъ! Сколько пріятныхъ воспоминаній воскресло въ душѣ! Я готовъ былъ повергнуться на колѣни и благодарить Промыслителя чуднаго за сохраненіе сего святаго кивота Россіи. На другой день осматривали кремль, видѣли всю почти Москву, прикладывались ко всей святынь въ ея соборахъ. Не надобно говорить, съ какимъ я чувствомъ молился; можно ли не молиться искренно въ Москвѣ? Былъ у высокопреосвященнаго Филарета и принять имъ какъ сынъ; отъ него былъ у Шереметевыхъ, ѣздилъ въ Донской монастырь. Посѣтивъ еще нѣкоторыхъ знакомыхъ преосв. Иннокентія камчатскаго и алеутскаго, отправились въ Троицко-Сергіеву лавру. Пребываніе мое въ лаврѣ есть одинъ изъ самыхъ лучшихъ эпизодовъ моей жизни. О. намѣстникъ архимандритъ Антоній покоилъ меня, и я никогда не забуду вниманія его. Подобно горлицѣ Ноевой во время потопа, долго я не находилъ себѣ покоя; но здѣсь обрѣлъ его подъ сѣнью Святыя, Живоначальныя Троицы. Черезъ полчаса по пріѣздѣ я былъ въ храмѣ Св. Троицы, плакалъ при гробѣ препод. Сергія, моля его о ходатайствѣ предъ престоломъ Царя небеснаго за меня и за родъ мой и друзей моихъ. Послѣ молитвъ предъ его останками священнѣйшими, я прикладывался къ мощамъ, что въ келліи препод. Сергія. Въ вечернюю отправились въ Виванію—созданіе митроп. Платона. При входѣ въ храмъ видимъ два отдѣла съ престолами. Нижній устроенъ какъ бы въ гротѣ, а другой наверху грота или горы, во имя Преображенія Господня. Взобравшись по тропинкѣ извилистой, при видѣ веселыхъ окрестностей и оглашаясь притомъ стройнымъ пѣніемъ клиросныхъ, невольно приходишь въ сочувствіе съ апостоломъ Петромъ, невольно говоришь: «Господи! Добро есть мнѣ здѣ быть» (Мѡ. 17, 4). Въ нижнемъ ярусѣ за аркой—могила Платона—красы русской іерархіи. Помолившись о упокоеніи души его, я съ грустью вышелъ изъ этого святилища. Вправо отъ храма стоитъ

деревянный домъ Платона. Какъ будто доселѣ въ немъ живетъ онъ самъ! При входѣ на крыльцо съ боку видимъ надпись: «не выноси сору!» Прекрасный урокъ для входящихъ. Потомъ отправились въ семинарію виоанскую, гдѣ ректоромъ Агапигъ, человекъ призаботливый и жизни духовной. Въ академіи познакомился съ о. ректоромъ академіи Филаретомъ (впослѣдствіи архіепископомъ черниговскимъ), съ инспекторомъ академіи Евсеіемъ (впослѣдствіи архіепископомъ могилевскимъ), съ бакалаврами оо. Агаангеломъ (впослѣдствіи архіепископомъ волынскимъ) и прекраснымъ Евгеніемъ (впослѣдствіи епископомъ Симбирскимъ). Эти лица дѣлають честь званію монашескому своєю жизнью и трудами. Исповѣдывался я съ умиленіемъ и сподобился принять въ свою душу Христа Жизнодавца. Миръ и отрада были моими спутниками. Раны сердца закрылись, печаль миновала, горе прошло и я, подобно мореплавателю прибитому волнами къ берегу, отдохнулъ, оживился и готовился къ бою съ страстями бодро, безъ печали и унынія отъ ихъ ударовъ. Былъ и въ ризницѣ лаврской: она удивила меня; такъ много въ ней великолѣпія и драгоцѣнностей. Приношенія царей достойны величія царственнаго. Съ о. намѣстникомъ разстался я со слезами и уѣхалъ, напутствуемый иконой преп. Сергія. Возвратившись въ Москву, представлялся опять высокопр. Филарету. Онъ обошелся ласково и совѣтовалъ поскорѣе отправиться въ Петербургъ. «Есть ли у тебя какой-либо, спросилъ онъ, протекторъ въ Петербургѣ?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, я обратившись къ иконѣ Спасителя, присовокупилъ: вотъ Онъ одинъ и единственный мой Покровитель!» Взглянувъ на меня, владыка сказалъ: «Вотъ въ октябрѣ я буду въ Петербургъ: явись тамъ ко мнѣ». Хорошо, я подумалъ и вышелъ съ дѣтми. Простившись съ Москвой, выѣхалъ въ Петербургъ 20-го августа; ѣхали въ дилижансѣ, сокращая время молитвой и чтеніемъ псалтиря. Путь отъ Москвы до Питера очень разнообразенъ. 23 августа 1841 года подъѣзжая къ Петербургу, я поручалъ себя молитвенно Го-

споду и въ легкой дремотѣ мнѣ казалось, что Спаситель благословилъ меня при въѣздѣ. Поэтому въ душѣ моей водворился миръ, зародились надежды, воскресла радость. Оберъ-Прокуроръ графъ Протасовъ принялъ меня отлично-въжливо. О. инспекторъ академіи архимандритъ Филофей мнѣ понравился. Явившись 24-го числа въ канцелярію графа, я сидѣлъ въ пріемной съ дѣтьми. Здѣсь увидѣлъ меня экзекуторъ и, узнавъ о намѣреніи моемъ поступить въ академію, очень изумился, указывалъ на меня чиновникамъ канцелярскимъ, какъ на чудака и искателя приключеній, не скрывая насмѣшки. «Азъ же, всегда они стужаху ми, облачахся во вретнице (самоуничиженія) и смиряхъ, при воспоминаніи злыхъ дѣлъ моихъ, душу мою» (Псал. 34, 13), моля при семъ Господа: «да не возрадуются о мнѣ враждующіи ми несправедно, помизающіи очима». И что-то мнѣ говорило: «Насладися Господеви и уповай на Него; и Той сотворить и изведеть яко свѣтъ правду твою и судьбу твою яко полудне» (Псал. 36, 4—6).

27 августа. «Въ 8 часовъ ангелы, парящіе надъ академіей^{н)}, благословили мое перемѣщеніе. Благослови Царь Небесный раба своего для новаго поприща. Твое благословеніе — залогъ счастья, порука радостей и предтеча успѣховъ моихъ!»

Въ письмѣ къ другу 1841 года августа 31-го изъ Петербурга о. Георгій пишетъ: «Другъ мой сердечный, о. Симеонъ Ефремовичъ! Благослови со мной Господа. На крилахъ Провидѣнія всеобъемлющаго доѣхалъ я до Питера 23 августа, и вотъ по Его святой волѣ съ 27-го я уже студентъ академіи. Какой удивительный переходъ! Какая пзмѣна надо мной десницы Вышняго! Пожелай, любезный другъ, отъ души пожелай мнѣ успѣховъ на новомъ поприщѣ и преспѣванія въ жизни по духу. Вояжъ мой похожъ

Поверхъ главнаго фронтона академ. корпуса есть лѣпное изображеніе ангеловъ, держащихъ въ рукахъ крестъ.

быль на прогулку и дорога мнѣ нимало не наскучила. Запасшись для пути цѣлымъ коробомъ терпѣнія, я почти безъ починки привезъ его въ Питеръ: такъ милостивъ ко мнѣ Господь! Что только есть замѣчательнаго и достойнаго вниманія на шеститысячномъ почти разстояніи, все это по возможности мной осмотрѣно, изучено, усвоено. И степь Барабинская безлѣсная съ своими пересыхающими отъ засухъ озерами, и Ураль, развѣтвившійся верстъ на 500-тъ почти, и города придорожные, словомъ—все это отписуто на скрижаляхъ души моей и долго для меня будетъ памятно. Но изъ всего мной видѣннаго особенно заинтересовали меня: Москва бѣлокаменная, Троицкая лавра и ярмарка Макарьевская. Москва отозвалась чѣмъ-то роднымъ для моего сердца. Прикладываясь къ мощамъ святителей (особенно Алексѣя) и къ иконамъ чудотворнымъ, я проникался какимъ-то животворнымъ, онебешающимъ чувствомъ. Исполнивъ Москвы—Иванъ Великій Царь-пушка съ огромнымъ единорогомъ и колоколь Анны Иоанновны—выходецъ изъ земли, меня не изумили: я съ ними еще въ дѣтствѣ ознакомился чрезъ описаніе. Не удивилъ меня и дворецъ огромно-массивный, строящійся въ Кремлѣ; а если что заняло, порадовало меня, это набожность москвитянь, съ какою подобно волнамъ океана неслись они къ мощамъ своихъ угодниковъ и къ лобзанію креста Евфросиніи княжны полоцкой (съ частями животворящаго древа), присланнаго ею изъ Іерусалима; этотъ крестъ завезенъ въ Москву въ настоящее время архіепископомъ полоцкимъ Васиіемъ, обратившимся въ православіе изъ уни. Господь привелъ и меня приложиться къ этой святынѣ съ мольбой о всѣхъ милыхъ для моего сердца, слѣдовательно и за тебя. Въ лаврѣ жилъ я 7 дней; она очаровала меня. И умно-религіозные преподаватели съ о. ректоромъ академіи, и рачительно-благочестивый намѣстникъ, и святыня, словомъ—все склоняло, располагало меня остаться здѣсь; но я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ съ дѣтьми владыки, слѣдуя манію Божию. Не говоря о со-

борахъ, особенно Троицкомъ съ позолоченною крышею, стоящей до 700,000 рублей, не говоря о богатствахъ лавры (одного серебра въ ней до 400 пудовъ), особенно обратили на себя вниманіе мое двѣ вещи, это 1-е сосудъ деревянный, красною краской покрашенный, въ который, какъ гласитъ преданіе, сходилъ при освященіи Даровъ преп. Сергіемъ Духъ Святой, въ видѣ огня; 2-е панакія Платона, въ камнѣ которой рукой самой природы изваянъ образъ Распятія Спасителя съ долупреклоншимся грѣшникомъ. Это чудеса лавры! Колокольня лаврская — просто красавица. Стѣны лавры, около версты въ окружности, толсты съ переходами. На полдень съ этихъ стѣнъ видишь холмы, занятые пѣкогда Сапегой и злодѣемъ Лисовскимъ. съ которыхъ они громили твердыни лавры. Прикладываясь къ мощамъ преп. Сергія, молился я за всѣхъ своихъ, значить и за тебя: вѣдь и ты мой родной. Поговѣвъ и помолвившись здѣсь, я почти совершенно уврачевался отъ всѣхъ печалей. Какъ я теперь спокоенъ и доволенъ, этому надо удивляться. Женитьба и жизнь прошлая кажется мнѣ сномъ. Одна только мысль о сынѣ меня смущаетъ, но я увѣренъ, что онъ находится подъ кровомъ Св. Провидѣнія. Митрополитъ Филаретъ принялъ меня отечески, оберъ-прокуроръ съ участіемъ родственнымъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, куда я пріѣхалъ во время ярмарки, разность костюмовъ, фізіономій и нарѣчій, громада товаровъ и тревога, напоминаютъ вавилонское столпотвореніе. Петербургъ я встрѣтилъ равнодушно, даже холодно; его однообразныя громады и диковины для зѣвакъ мало меня заняли, и я самъ не надивлюсь, отъ чего бы это. Академія наша стоитъ на концѣ города. Пиши ко мнѣ подробнѣе о всемъ, что у тебя на умѣ и сердцѣ. Ученье у насъ начнется на сихъ дняхъ. Слышно, что мнѣ хотятъ выдать прогоны. Дай Богъ! Посылаю освященную вату изъ раки свят. Алексѣя и преп. Сергія. Миръ тебѣ и радость! Прости! О своемъ житіѣ - бытіѣ въ академіи о. Георгіи пишетъ въ дневникѣ:

«Учиться начали съ половины сентября. Время летѣло быстро. Тоску по родинѣ, печаль по сынѣ и женѣ покойницѣ врачевалъ я письмами. Кромѣ всего усыплять горе, угонять печаль и отваливать камень скорби отъ сердца часто мнѣ помогала молитва слезная, тамъ въ корридорѣ церковномъ, или въ аллеяхъ сада. Выходилъ изъ академія къ Потемкиной, къ Ал. Ив. Карасевскому, къ г-ну директору духовно-учебн. управл., въ домъ трудолюбія къ дочерямъ преосв. Иннокентія, къ митрополитамъ Серафиму и Іонѣ, бывшему екзарху Грузіи, къ Андр. Ник. Муравьеву, къ Пл. Алек. Бажанову — правителю канцеляріи російско-американской кампаніи. Прогуливаясь въ саду почти до 10-го декабря, среди звыи питерской я увидѣлъ сентябрь иркутскій. Я сладко мечталъ о родинѣ, молился за родныхъ и друзей, поручая ихъ и себя Господу. Особенно утѣшался служеніемъ въ академической церкви, сопровождая оное слезами. Частые нападки со стороны одного изъ сожителей, діакона, сначала едва выносимые, научать меня терпѣнію и великодушію. Чтобы обезоружить его, я часто «собиралъ углие огненное на главу его», ухлѣбляя во время нуждъ жизни».

1841 года 27 ноября изъ С.-Петербурга пишетъ о. Георгій къ другу о. Симсону: «Спѣшу тебѣ передать мою радость. Она тѣмъ пріятнѣе, что можетъ и тебя порадовать. Дѣло въ томъ, что я успѣлъ выкрутить тебя изъ омута. Хотя еще пожаръ не утушенъ (понимаешь), и дѣло не рѣшено; но оберъ-секретарь Синода далъ мнѣ честное слово оставить тебя въ покоѣ. Чрезъ это же лице я двинулъ дѣло и о. архимандрита Иларія, плѣснѣвшее много лѣтъ. Онъ едвали къ новому году не будетъ въ какомъ либо изъ нашихъ монастырей настоятелемъ. Шагомъ взадъ хоть,—да нечего дѣлать! Жизнь моя течетъ спокойно, наполняется значительнымъ балластомъ земной мудрости. Но истинное мое сокровище, мой капиталъ—мудрость небесная, которой учусь въ аудиторіи креста,—замѣть это. Истинное утѣшеніе крестъ только даетъ. Проверишь ли, бы-

вають такія минуты, что сердце само просится, напрашивается на крестъ. Живи, мой милый, для славы имени Иисуса. Какъ мало мы славимъ Его! Вотъ напримѣръ я, что такое сдѣлалъ я окаянный для Него? Горе мнѣ! все рвусь, но ни съ мѣста; все томлюсь, но отдыхаю пока на возглавіи какого-то будущаго, которое можетъ не сбудется, которое можетъ заклеямено будетъ печатью лишь позора. Молись, мой другъ. Какъ много значить сердечная молитва! Она соединяетъ небо съ землей и водружаетъ въ душѣ побѣдное знамя царствія Божія, которое внутри насъ. А крестъ? Любишь ли ты это древо поворное? Полюби, полюби, родной,—это слава наша, это путь къ блаженству. Не вѣрь никому, но повѣрь мнѣ страдальцу, горюну. Съ креста лжи не говорятъ. Нерѣдко я бываю здѣсь на немъ. Помолись Господу, чтобы порѣшительнѣе я распялся міру и яже въ мірѣ».

Въ свободное отъ ученія время лѣтомъ на вакаціи о. Георгій съ однимъ изъ товарищей академическихъ ѣздилъ въ Кронштадтъ, желая видѣть все достойное наблюденія. Кромѣ кораблей, адмиралтейства и другихъ особенностей, ему особенно понравилось въ арсеналѣ расположеніе двухъ залъ верхняго этажа. «Входишь въ залу, пишетъ онъ, и тебѣ представляется иконостасъ съ вратами царскими. Группы, по обѣимъ сторонамъ расположенныя, представляютъ какъбы богомольцевъ. Невольно снимаешь при видѣ тебя окружающаго шляпу и крестишься. Ноходишь, всматриваешься, и очарованіе проходитъ. Все видѣнное тобой есть безпримѣрная картина, живописно набросанная искусною рукой, только не живописца: это слѣпокъ изъ ружей, пистолей и абордажныхъ сѣкиръ, палашей и сабель. Есть въ семь храмъ оружейномъ и хоругви своего рода: это знамена и выпелы, отнятыя у Шведовъ и Турокъ. Не говорю уже о моделяхъ кораблей и пушекъ разнаго калибра. Садикъ маленькій, но очень милъ. Трогательнъ памятникъ, воздвигнутый товарищами въ этомъ садикѣ одному утонувшему подпоручику, бросившемуся въ море,

чтобы спасти утопающаго матроса. Соборъ очень похожъ на Александро-Певскій соборъ. Живопись очень пріятна, иконы почти всё въ ризахъ. На правомъ клиросѣ вправо стоитъ храмовая икона, во имя свят. Андрея перевозванаго; на нее повѣшено въ видѣ панагіи изъ слоновой кости на голубой лентѣ изображеніе Андрея Первозванаго, пожертвованное Петромъ Великимъ, благоволившимъ основать этотъ соборъ во имя сего апостола, и крестъ съ мощами архидіак. Стефана, св. великомуч. Варвары и Екатерины.

Въ дневникѣ о. Георгія за 1844 годъ читаемъ: «Вѣрный званію Божію, безмолвно внятному для моего сердца, я свыкался каждый день почти съ мыслию, быть служителемъ слова. Мало-по-малу мнѣ становится уже не въ тягость представленіе тѣхъ жертвъ, какія нужно принести Господу, искупившему меня и призрѣвшему на смиреніе раба своего строптиваго. Мнѣ кажется, что я изъ погнбающихъ спасенъ Имъ для спасенія Его меньшей братіи, что изъ горохищныхъ взять на рамо Его и приведенъ къ Отцу, да всяко нѣкія спасу. Какъ сладко думать, что я для Него Создателя моего, при Его благодатной помощи, сдѣлаю то и то! Не нарадуется сердце и духъ не навеселится. Самъ не свой я, когда обнимаютъ меня эти помыслы—спасать моихъ братій, блуждающихъ во тьмѣ и сѣни смертной. О, духъ мой высоко, высоко носится тогда надъ этою бездною самолюбія. Всѣмъ служить, всѣхъ спасать — вотъ что занимаетъ его и увлекаетъ. Боже милосердія, направь мои ноги слабыя на путь миренъ.» И Отецъ небесный, призирая на смиреніе вѣрнаго раба своего Георгія, видимо споспѣшествовалъ ему своею благодатью: несмотря уже на ушедшіе годы для наукъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ въ высшемъ отдѣленіи академіи. Его ободряли лестные отзывы о немъ профессоровъ, особенно расположеніе профессора богословскихъ наукъ, о. архим. Макарія (впослѣдствіи митроп. московск.) и вниманіе преосвященнаго ректора акаде-

мін Лоанасія о). Еще за годъ до окончанія академическаго курса дошла до Георгія вѣсть о предположеніи начальства назначить его ректоромъ въ Ситху. Эта вѣсть сначала радовала и печалила его не мало. Радовала въ томъ отношеніи, что она служила отголоскомъ высокаго мнѣнія о немъ начальства; печалила по причинѣ опасности пути и лишеній. Наконецъ, пообдумавъ обо всемъ, о. Георгій предался совершенно въ волю Божію. Вотъ что писалъ онъ въ своемъ дневникѣ по этому случаю: «Послѣ борьбы съ самимъ собой какъ легко мнѣ стало, какъ радостно! И въ самомъ дѣлѣ, служить тамъ, гдѣ мало выгодъ, служить тамъ, гдѣ никто можетъ быть изъ моихъ товарищей служить не захотѣлъ бы, служить въ краю новомъ, отдаленномъ, куда лишь пробивается лучъ просвѣщенія, гдѣ я могу при помощи Божіей на цѣлыя столѣтія засѣменить ниву Божію сѣменами добра,—о, это находка, отказываться отъ которой, значило бы отказываться отъ своего спасенія, отъ имени друга чловѣчества, отъ лестнаго долга, лежащаго на сынѣ Церкви и отечества. Итакъ ѣду, безропотно ѣду на край свѣта. Развѣ тамъ не столько же близко къ мнѣ будетъ Господь мой? Развѣ тамъ далѣе отъ меня будетъ вѣчность издвоздаятельная, мое спасеніе? ѣду, ѣду!»

Наконецъ по зрѣлой обдуманности, послѣ усердно-пламенной молитвы студентъ о. Георгій подалъ прошеніе въ монашество 1845 года 15 января. Съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ началъ онъ готовиться къ постриженію въ великій ангельскій образъ, къ которому отъ юности стремилась душа его. Наканунѣ постриженія онъ писалъ въ своемъ дневникѣ 28 февраля: «Жребій брошенъ, объятія Отца небеснаго отверзты, иду къ Отцу. Полно томиться въ узахъ грѣха и снѣдаться сластями житейскими. Бла-

о) Скопчался въ санѣ архіепископа Астраханскаго въ 1876 г. и погребенъ въ усыпальницѣ тамашняго каѳ. Успен. собора въ сѣверн. сторонѣ. Преосвящ. *Герасимъ*, о коемъ у насъ рѣчь, погребенъ подлѣ него въ іюнѣ 1880 года. Скопчался на 71 году. С. К. Д.

гослови, Трінпостасный, слабаго! Вотъ власы моея главы жестоковѣйшой: жертвую ими, приношу Тебѣ въ жертву мою волю и всѣ похоты плоти. Власяницу я надѣлъ со слезамъ, моля Владычицу и святыхъ Сергія и Антонія быть ходатаями моими предъ Господомъ и свидѣтелями вольной нищеты и тѣсноты претерпѣнія. Скоро облекутъ меня въ параманъ. Это знакъ обрученія съ великимъ ангельскимъ образомъ и всегдашняго воспоминанія благаго ига Христа Спасителя. Затѣмъ возложить крестъ на меня, да выну воспоминаю злостраданія и заушенія Христовы. Ряса и подрясникъ будутъ служить для меня воспоминаніемъ отселѣ о радости во Христѣ. Поясъ станетъ указывать мнѣ на необходимость умерщвлять плоть и исполнять съ готовностью заповѣди Божіи. Мантия будетъ напоминать мнѣ обязанность всегда имѣть на себѣ броню правды, быть самоотверженнымъ и имѣть мысль о смерти и смертную нечувствительность на всякое злое дѣло. Камлавка научитъ меня непостыдному упованію, какъ шлемъ спасенія. Клубукъ будетъ покрываломъ смиренія для меня и послушанія, знаменіемъ духовнаго любомудрія и отвращенія отъ суеты. Саудалія—эмблемой скорости на послушаніе. Четки послужатъ для меня мечемъ духовнымъ и внушеніемъ выну молиться Іисусу пресладкому».

Въ день постриженія о. Георгій писалъ: «Господи, упрavi стези мои на путь мирецъ. Меня постригалъ самъ митрополитъ Антоній; онъ наименовалъ меня при постриженіи Герасимомъ и въ пазидапіе сказалъ почти слово въ слово слѣдующее наставленіе при выходѣ изъ храма: «Ты даль предъ лицемъ св. Церкви торжественный обѣтъ чистоты, безкорыстія и послушанія; по этому долженъ сколько есть силъ стараться объ исполненіи этихъ добродѣтелей. Иначе будешь обличенъ не только отъ этой видимой, но и отъ невидимой Церкви первородныхъ, бывшей также свидѣтельницей сего обѣта твоего».

«На 4-й день послѣ ранней, пишетъ о. Герасимъ, принесъ я къ высокопреосв. митрополиту, согласно приказа-

нію, просфору. Митрополитъ, благословляя меня, спросилъ: «Нравится ли тебѣ твое имя?» Я отвѣчалъ, что болѣе люблю первое свое имя—Георгія. Митрополитъ сказалъ, что не безъ цѣли онъ далъ мнѣ это имя; до 4-хъ дней по постриженіи, должны были древле находиться въ храмѣ постриженные, а потомъ вручались для наставленія старцамъ опытнымъ изъ братіи. Не имѣя въ виду таковыхъ, поручаю я тебя ангелу твоему новому, преп. Герасиму, желая при этомъ, чтобы какъ ему повиновался левъ, такъ и тебя трепеталъ бы рыкающій адскій левъ, и чтобы при руководствѣ преп. Герасима, празднуемаго нынѣ святою Церковью, смѣло ты наступалъ на змію и скорпію и на всю силу вражію» (Лук. 10, 19).

Остальное время до окончанія курса въ академіи провелъ о. Герасимъ въ неутомимыхъ трудахъ; сильно озабочивала его отдѣлка курсоваго разсужденія ^{п)}, которое онъ окончилъ и подалъ 8-го іюля. Затѣмъ страданіе отъ нарыва въ правомъ ухѣ съ 15-го іюля по августъ истощило всѣ силы его; но несмотря ни на что душа о. Герасима стремилась, «какъ елень на источники водные» (Пс. 41, 1), къ пустыннымъ старцамъ на Валаамъ. И Отецъ небесный благословилъ путь его. 30-го іюля онъ отправился съ о. Антоніемъ (товарищемъ постриженнымъ въ монахи изъ студентовъ) въ давно желаемый путь, и умиленный, умиротворенный, онъ возвратился оттуда 14 августа. На возвратномъ пути въ С.-Петербургъ на пароходѣ о. Герасимъ сдѣлалъ неожиданное знакомство съ статсъ-секретаремъ Государственнаго совѣта Гавр. Ст. Поповымъ. На пароходѣ ^{р)} при прощаніи этотъ сановникъ просилъ

п) О первомъ іерусалимск. или апостольск. соборѣ.

р) На пароходѣ студенты Сиб. университета пристали къ о. Герасиму, съ цѣлію посмѣяться надъ нимъ и поспорить о религіозныхъ предметахъ, но не прошло и часу, какъ ярая молодежь принуждена была смириться и смолкнуть. Особенно дамы приняли сторону о. Герасима и благодарили его за разумную защиту богооткровенныхъ истинъ, а невдалекѣ сидѣвшій г-нъ статсъ-секретарь государ.

о. Герасима къ себѣ, и въ назначенный день прислалъ за нимъ карету. О. Герасимъ нашель у него ученое общество. Въ присутствіи всѣхъ Г. Степ. громко прочель отпечатанное разсужденіе о. Герасима «о причинахъ нескорого пришествія въ міръ Христа Спасителя» с). При общемъ одобреніи невольно о. Герасимъ чувствовалъ удовольствіе.

О. Герасимъ вышущенъ былъ вторымъ въ первомъ разрядѣ. Его назначили сначала инспекторомъ къ Новгородскую семинарію; но митрополитъ хотѣлъ было оставить его на тойже должности въ Петербургѣ, или ректоромъ дух. училищъ Петербургскихъ. О. Герасимъ предпочель назначеніе преподавать богословіе въ Твери. Съ 1-го октября по 14-е укладывался, отправлялъ свою бібліотеку, дѣлалъ прощальные визиты. Сильно растрогалось его доброе и нѣжное сердце вниманіемъ начальства академическаго и профессоровъ, съ коими прощался со слезами благодарности на глазахъ. 19-го собрались въ его келью всѣ товарищи и прощались съ любовью; многіе проводили до конторы дилижансовъ, чтобы сказать ему послѣднее—прости. Въ путь онъ отправился съ товарищемъ Сер. Егор. Пушковымъ и прибылъ въ Тверь безъ дальнѣйшихъ приключеній 22 октября 1845 году, въ 9 часовъ утра. 23-го октября послѣ лестнаго приѣма отъ высокопреосв. Григорія вступилъ онъ въ должность и неутомимо проходилъ званіе преподавателя. Любя уединеніе, о. Герасимъ не желалъ заводить знакомствъ и познакомился нечаянно съ благоговѣйнымъ іереемъ Іліей Рождественскимъ, который, увидавъ его въ своемъ храмѣ, послѣ обѣдни увлекъ его къ себѣ въ домъ, и тамъ души ихъ слились въ единъ духъ; и съ той поры они служили часто вмѣстѣ, что несказан-

совѣта Г. Степ. Поповъ, бросился къ нему, обнялъ его и съ восторгомъ проговорилъ: „ну, любезный отецъ! диспутъ этотъ дѣлаетъ вамъ честь, а всѣмъ намъ истинное удовольствіе“.

с) Сочиненіе это перепечатано было въ послѣдствіи въ Астрахан. Епарх. Вѣдом. за 1879 г. № 39.

но утѣшало о. Герасима. Волей-неволей о. Герасимъ познакомился также съ боголюбивымъ и достопочт. семействомъ полковника Дурново, у коего съ удовольствіемъ онъ проводилъ время въ духовныхъ бесѣдахъ. Съ удовольствіемъ воспоминалъ о. Герасимъ о любви къ себѣ учениковъ въ Твери и о вниманіи всѣхъ сослуживцевъ. Напримѣръ какъ только узнали ученики о днѣ его ангела 4-го марта, то сочинили рѣчи, закупили десертъ, приготовили пирогъ съ его вензелемъ, и въ сопровожденіи депутаціи все это представили имянниннику, отомкнувши замокъ висѣвшій снаружи; за ними вошли и наставники, всѣ поздравляли, всѣ желали добра, счастья ему. Въ каникулы о. Герасимъ ѣздилъ въ Троицко-Сергіевскую лавру. Въ Москвѣ тронуло его вниманіе митрополита Филарета. Въ лаврѣ тоже имѣлъ много утѣшеній, особенно въ молитвѣ преп. Сергію. По возвращеніи оттуда не успѣлъ еще осмотрѣться, какъ долженъ былъ о. Герасимъ 31-го августа отправиться въ Ставрополь Кавказскій, куда назначилъ его Синодъ инспекторомъ въ новую семинарію.

«При отъѣздѣ, пишетъ о. Герасимъ, сожалѣли о мнѣ о. ректоръ, сослуживцы всѣ и ученики, жалѣли и знакомые. Не безъ скорби и мнѣ было; но поручивъ себя Господу, хотя съ тоской въ сердцѣ, но не безъ бодрости уѣхалъ. Преосв. Григорій ^{т)} очень сожалѣлъ о мнѣ. Ректоръ и наставники простились со мной за городомъ. Послѣ безпокойства, сопряженнаго съ вояжемъ, сладко я молился въ Воронежѣ. Изъ Повочеркаса 17 сентябрь въ 11 часовъ вечера прибылъ въ Ставрополь. На завтра же послѣ ранней обѣдни принять владыкой Іереміей здѣсь съ радостью и жилъ у него, какъ родной, до 10-го октября. Въ этотъ промежутокъ былъ занятъ разными соображеніями и порученіями, кои, при помощи Божіей, выполнялъ всѣ, съ видимымъ удовольствіемъ для владыки. Въ знакъ признательности онъ произвелъ меня въ игумена октября 1-го,

т) Скончался спб. митрополитомъ.

невзирая на мольбу мою дать мнѣ время заслужить это званіе. Я открылъ классы и почти одинъ-одинехонекъ ходилъ въ нихъ поперемѣнно: на риторику, исторію и языки. Наставники прибыли двое 27 октября, о. ректоръ ноября 7-го; первыхъ я принялъ, какъ братію; втораго, продавъ очень долго съ владыкой, педовольнымъ этимъ, встрѣтилъ съ дружескимъ привѣтомъ. 31-го ноября формально мы открыли семинарію, послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ и молебна въ залѣ Ганиловскаго дома. Все шло сначала хорошо, но въ половинѣ декабря владыка ко мнѣ измѣнился въ расположеніи; впрочемъ я молился, дѣлалъ свое дѣло и не унывалъ нисколько, трудясь изо всѣхъ силъ по классамъ, дѣламъ правленія и въ семинарскомъ обществѣ, по причинѣ совершенной неопытности моихъ юныхъ сослуживцевъ. Вотъ короткій перечень моихъ занятій, встрѣчъ, обстоятельствъ. Подробности знаетъ Сердцевъ-дець единъ, которому и да будетъ вѣчная слава! 1846 года декабря 31, вечера 12-й часъ въ исходѣ».

О своей жизни въ Ставрополѣ о. Герасимъ въ тоже время писалъ въ Тверь къ инспектору семинаріи своему другу слѣдующее: «Приводя себѣ на память всѣ благодѣянія Божіи, кои Ему Тріипостасному благоугодно было излить на меня недостойнѣйшаго обильно въ преходящемъ 1846-мъ году, не могу не видѣть одного изъ таковыхъ и въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ братскихъ, достолюбезнѣйшій Василій Ивановичъ! Да, помню я все вами сдѣланное, и помня не могу не питать постоянно благодарность въ своемъ добросердковскомъ сердцѣ къ вамъ. Не прогнѣвайтесь только, что немного пріопоздалъ ее выразить предъ вами. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Жить бы—умирать не надо мнѣ въ Твери, подлѣ васъ, для учениковъ моихъ незабвенныхъ. Не то здѣсь — на югѣ, при концѣ крыль орла Русскаго, едва прикрывающаго насъ отъ пуль Шамиля. Всѣмъ бы, кажется, я здѣсь долженъ быть доволенъ; между тѣмъ, какъ магнитъ къ сѣверу, сердце мое стремится въ Тверь: оно ищетъ любимыхъ учениковъ, жаждетъ наслажденія,

Богословіемъ источаемаго. Чудны, подумаешь, капризы у нашего оборотня-сердца! И здѣсь 55 малютокъ у меня подъ надзоромъ; въ числѣ которыхъ десятка два очень бойкихъ; но все же они не тверяки смышленные; люблю я ихъ какъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не видѣть съ скорбію, какъ еще далеко этимъ куличатамъ до Петрова дня. И похожъ я теперь на художника, стоящаго при массѣ гранита, только что вырытаго изъ нѣдръ величаваго Эльборуса. Сколько трудовъ и пота потребуетъ отъ меня этотъ кусокъ камня жесткаго и холоднаго, чтобы образовать изъ него стройную эстетическую статую, чтобы вдохнуть въ нее жизни! И достанетъ ли силъ и времени мнѣ на ся отдѣлку? Что если неискусной рукѣ доведется ее докончить? Буду однакоже дѣлать то, что и какъ могу, съ упованіемъ на Господа. Авось эта масса мертвая оживетъ. Предметы моихъ занятій: исторія и греческій языкъ, какъ видите, пустыя; тѣмъ болѣе, что владыка нашъ не благословилъ меня писать своихъ уроковъ, чтобы обратить мою дѣятельность на другія занятія. Съ порученными мнѣ предметами преподаванія я былъ знакомъ еще въ Сибири. Ничего новаго, назидательнаго! А старое прискучиваетъ. словомъ, это не Богословіе, такъ чудно воскресившее мой духъ у васъ. Итакъ ты не доволенъ своимъ положеніемъ? вы скажете. Не то чтобы недоволенъ, а не свыкъся еще сердцемъ,—извольте видѣть—съ хлопотами. Вообразите себѣ человѣка, который съ ранняго утра до полночи темной трудится, какъ муравей, то въ общезитіи и классѣ, то въ правленіи и консисторіи, отзываясь то на зовъ старшихъ и служителей, то консисторскихъ чиновъ, правленія съ письмоводителями, кои не съ тѣмъ, такъ съ другимъ вопросомъ постоянно къ нему бѣдняжкѣ относятся; представьте себѣ, что вы видите этого труженика въ столовой, каждодневно въ классѣ, въ кабинетѣ преосвященнаго и въ кануркѣ живущаго на квартирѣ малютки: это вашъ покорнѣйшій слуга и богомолецъ. О. ректоръ не занимается, или неохотно занимается прозаическими дѣлами.

Въ академіи онъ привыкъ къ поэзіи, и г. секретарь, какъ всякій новичекъ, также дѣль не знаетъ,—хочешь-не хочешь возись съ дѣлами. Вижу, что утомилъ я васъ своимъ мараньемъ, и прошу въ этомъ извиненія. Будьте здоровы и веселы, мой другъ, на новое лѣто. Въ новый годъ я буду молиться о нужномъ для васъ—имянинника моего—Господу Богу. Помнящимъ меня милымъ ученикамъ моему благословеніе. Буду скоро писать къ нимъ, пусть потерпятъ. Еще два слова: не оставилъ ли я худой по себѣ памяти у васъ? Напишите Бога ради, я буду каяться. Владыка души во мнѣ не видитъ. Ректоръ даже уважаетъ за что-то, не зная какъ и чѣмъ угостить меня. Жилъ бы не тужа, еслибы не печаль о Твери. Изъ Питера мнѣ пишутъ, по порученію пресвящен. ректора Аоанасія, что чрезъ годъ, много чрезъ полтора года возьмутъ меня съ Кавказа».

Въ свободныя отъ занятій минуты о. Герасимъ выѣзжалъ за городъ, гдѣ живописная природа приводила въ восторгъ душу его, и онъ въ слезахъ умиленія возносился сердцемъ и умомъ къ дивному Создателю, вся премудростію сотворившему. Единственнымъ спутникомъ его было божественное Евангеліе; онъ садился въ куртинѣ деревъ, около источника кристальной воды, выбивающейся изъ-подъ каменнаго утеса, и насыщалъ жаждущую душу свою сладчайшимъ словомъ Спасителя. Особенно любилъ онъ нерѣдко ѣзжать за 9 верстъ отъ Ставрополя на такъ называемые Скомоуховы хутора, гдѣ взирая на картины природы, заботился всѣмъ сердцемъ объ устроеніи на семъ мѣстѣ обители для инокинь, которыя бы жили, яко въ раю сладости, въ семъ прекрасномъ саду Божіемъ. Въ глубинѣ его сердца горѣло непреодолимое желаніе спасти души, алчущія живота вѣчнаго. Прилагасмъ при семъ краткую выписку изъ памятныхъ записокъ его:

«Съ поступленіемъ въ академію, я увидѣлъ предъ собою путь пространный, врата широкія: чего мнѣ не представляло воображеніе, тамъ, по окончаніи курса, на стезяхъ учительства, профессорства? Но тихій голосъ совѣсти от-

зывать меня отъ этихъ картинъ обманчивыхъ; что-то внутри меня говорило мнѣ: это не твой путь, это кривыя, отобразы гордости житейской, суеты временной; нищи выспаго. И я дознавъ опытомъ болѣзненного убѣжденія, что слушать этотъ совѣтъ безкорыстный значить идти къ небу, повиновался ему по мѣрѣ силъ моихъ. Мнѣ трудно было въ началѣ спускаться съ высоты предлежащихъ почестей въ доль смиреннаго труженничества. Нелегко было отказаться даже мысленно отъ личныхъ интересовъ; за всеѣмъ тѣмъ вѣрнѣй званію Божию, безмолвно внятному для моего сердца, я свыкался каждый день почти съ мыслию жить для спасенія другихъ не взирая ни на какія затрудненія и препятствія, неизбѣжныя въ этомъ дѣлѣ. Съ самоотверженіемъ идти на встрѣчу этимъ затрудненіямъ и препятствіямъ и для преодоленія ихъ быть готову на всякія, самыя тяжкія, жертвы,—стало любимую моею мыслию. И я услаждался ею отъ всей души, умоляя Господа, да сподобитъ меня послужить Ему подвигами спасенія погибающихъ».

Въ Ставрополѣ доселѣ не было обители, но было не мало агницъ Христовыхъ, желающихъ уневѣстить себя безсмертному Жениху Христу. О. Герасимъ, къ которому онѣ прибѣгали за духовными совѣтами, уговорилъ ихъ поселиться на помянутой очаровательной мѣстности. 23-го апрѣля (въ день св. в. Георгія), преосв. Іеремія предложилъ о. Герасиму съѣздить на то мѣсто, которое предназначалось для обители. «Ты нынѣ имянникъ, отче, сказалъ онъ ему,—надо сдѣлать доброе дѣло, поѣдемъ», и пріѣхавъ къ означенному мѣсту, самъ началъ копать землю и указалъ, гдѣ предполагалъ поставить храмъ; но мѣсто это показалось неудобнымъ по мнѣнію о. Герасима и чрезъ двѣ недѣли послѣ сего о. Герасимъ уже самъ положилъ основаніе храма немного далѣе назначеннаго преосвященнымъ мѣста. Храмъ и нѣсколько келлій воздвигнуты попеченіемъ этого архиастаныря, который пріобрѣлъ многихъ благотворителей для своего «Иванов-

скаго у). Къ радости своего сердца о. Герасимъ ввелъ въ ограду Христову сихъ сестеръ обительныхъ, во дни св. Пасхи 1850-го года. Онѣ находились подъ его мудрымъ руководствомъ. Отчасти для привлеченія вниманія горожанъ, а болѣе для утѣшенія новыхъ подвижницъ, и по частымъ недугамъ мѣсти. священника о. Герасимъ въ праздничные дни прѣзжалъ самъ служить въ храмъ обительномъ.

Вѣдая, какъ душа о. Герасима давно стремилась въ богоспасаемый градъ Кіевъ поклониться угодникамъ печерскимъ, Господь дивнымъ образомъ исполнилъ желаніе сердца его. Преосв. Іеремія недоумѣвалъ, кого бы послать въ Кіевъ за св. мвромъ для епархіи ставропольской. О. Герасимъ предложилъ свои услуги, и владыка съ радостью уволилъ его. О. Георгій отправился въ Кіевъ съ неизмѣннымъ спутникомъ своимъ св. Евангеліемъ и скоро прибылъ туда. Можно себѣ вообразить, какимъ небеснымъ восторгомъ была преисполнена душа его послѣ столь долгаго и жестокаго плаванія по волнамъ житейскаго моря, воздвигаемаго напастей бурей. Душа его обрѣла тихое пристанище и сладостное успокоеніе въ пещерахъ преподобныхъ отт. Антонія и Θεодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ. Какою радостью трепеталъ о. Герасимъ припадая къ чудотворной иконѣ Царицы небесной въ небеси подобномъ храмѣ Успенія Ея! Высокопреосв. митроп. (Филаретъ) обласкалъ его. Немало онъ имѣлъ духовнаго утѣшенія, ознакомившись съ святыми старцами лавры Печерской. Схимон. Пароеній утѣшилъ его душеспасительною бесѣдой, съ младенческою простотой объясняя о любви своей къ Матери Божіей. вмѣстѣ съ симъ блаженнымъ старцемъ о. Герасимъ обѣдалъ у митроп. Филарета и за трапезой владыка утѣшался младенческою простотой о. Пароенія, который не имѣлъ никакого понятія о грѣхобивомъ мірѣ и казался пришельцемъ изъ горняго міра на

у) Такъ проименована была обитель эта.

землю. Приставище имѣлъ о. Герасимъ въ Михайловской обители у евангельскаго отца своего, преосвящ. Аполлинарія (тогдашняго викарія кіевской митрополіи), который радъ былъ воспріемному сыну своему, коему отдавалъ онъ должное уваженіе. Скоро пролетѣло время пребыванія его во дворѣхъ Господнихъ. Долгъ службы призывалъ его въ Ставрополь. Тяжело было его сердцу оторваться отъ святыни кіевской и проститься можетъ быть на вѣкъ съ друзьями Божиими. Но дорогѣ заѣзжалъ онъ въ Козелецк. монастырь св. в. Георгія, гдѣ настоятелемъ былъ архим. Иларій (бывшій ректоръ иркутской дух. семинаріи), наставникъ его, который отравилъ много красныхъ дней юности его, какъ это видѣли мы въ началѣ жизни сего избранника Божія. Мѣсто настоятельское получилъ о. Иларій чрезъ ходатайство о. Герасима во время его пребыванія въ академіи Петербургской. О. Иларій принялъ съ радостью благодѣтеля своего и на радости желалъ всѣмъ сердцемъ угостить гостя, но по скудости не могъ; это скоро замѣтилъ пріѣзжій гость его, и скупивъ все нужное для трапезы чрезъ келейнаго его, самъ угощалъ хозяина, бѣднаго о. Иларія. Болѣе сутокъ провелъ о. Герасимъ въ обители его. Старецъ какъ дитя готовъ былъ плакать при разлукѣ съ дорогимъ гостемъ. Исполнивъ данное порученіе, о. Герасимъ возвратился съ большимъ запасомъ терпѣнія и великодушія. Вышнее начальство возложило на рамена его тяжелое иго начальства: за примѣрную службу его произвели въ санъ архимандрита, съ назначеніемъ его ректоромъ ставропольской семинаріи. По мѣрѣ восхожденія его усугублялись и труды его. Преосв. Іеремія былъ переведенъ въ Нижній-Новгородъ, а на мѣсто его поступилъ преосв. Іоаннискій (Образцовъ). Съ самаго поступленія своего на епархію ставропольскую, онъ, по интригамъ о. инспектора съ его клеветами, не благоволилъ къ о. ректору и дѣлалъ ему разныя притязанія по службѣ. Почему-то не понравилось новому владыкѣ попеченіе о. архимандрита о ввѣренныхъ руководству его инокиняхъ,—меж-

ду прочимъ можетъ быть и потому: что о. Герасимъ, дѣйствуя по совѣсти, во свѣтѣ лица Божія, не могъ согласиться на принятіе одной особы, дурной нравственности, которую преосвященный настаивалъ водворить въ означенной обители. Неустрашимый воинъ отстаивалъ грудью вѣреное его водительство стадо Божіе.

Въ 1850 году 15 августа на зарѣ видѣлъ о. Герасимъ дивный сонъ, открывшій ему, что таилось подъ покровомъ самолюбія въ глубинѣ его сердца, и приготовившій его къ терпѣливому перенесенію беззастѣбливыхъ встрѣчъ и опытовъ жизни.

«Стою я, казалось мнѣ, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, въ одномъ огромномъ и великолѣпномъ храмѣ, похожемъ нѣсколько на С.-Петербургскій Александро-Невскій; стою около дверей, пораженный и величественными размѣрами этого святилища Божія, и блистательною колоннадой, идущею вдоль храма. Всѣ царства природы, казалось, собрали посильную дань сюда къ подножію Владыки неба и земли. Не было только видво ни одной живой души. Это заставило меня призадуматься: хорошо ли будетъ мнѣ идти далѣе, туда—ближе къ центру подъ огромный куполь, вѣнчавшій этотъ храмъ благолѣпный? Кто бы не засталъ тебя здѣсь, говорилъ мнѣ внутренній голосъ, и не заподозрилъ въ чемъ, видя твое присутствіе. Не видя однакоже въ цѣли посѣщенія сего храма ничего такого, въ чемъ бы я могъ быть зазрѣнъ моею совѣстью, я смѣло пошелъ, обливаемый золотистыми не лучами, а волнами, какъбы, свѣта, обоняя при этомъ чудный запахъ ароматовъ; и волны дивнаго свѣта, и клубы неземныхъ благовоній неслись, мнѣ казалось, и разливались по святилищу изъ-подъ роскошнаго балдахина, стоявшаго въ нишѣ, по правую сторону храма, за клиросомъ. Говорить о художественной отдѣлкѣ этого балдахина, богатствѣ украшеній его и вообще о формѣ, значило бы представить его осмысленнымъ чудомъ свѣта,—каковымъ онъ и былъ. Такъ вотъ откуда льется свѣтъ и незримо исходитъ, подумалъ я,—

уладительный запахъ. Иду и посмотрю, что тамъ такое? И пошелъ, пошелъ медленно, озираясь во все стороны. Не видя опять никого, нѣсколько было смѣшался; но сердце снова одержало верхъ надъ умомъ, любящимъ перѣдко заходить за разумъ ни съ того, ни съ сего, и нечувствительно приблизился къ поразившему меня зрѣлищу, и усмотрѣлъ новое зрѣлище: я увидѣлъ подъ балдахинномъ дивный покровъ, а подъ покровомъ человѣка, обращеннаго ко мнѣ головой. Какъ теперь смотрю я на эту главу, какъ теперь я вижу эти язвы, изъ коихъ сочилась кровь, вопіявшая ко мнѣ, хотя и безмолвно, о насильственной смерти страдальца. И закипѣло во мнѣ негодованіемъ сердце, и засновали одна за другой думы въ душѣ моей, при видѣ страдальца, при мысли объ убійцѣ преступномъ!... Кто-жъ этотъ злодѣй, обagrившій свои руки неповинною кровью? Кто этотъ мученикъ, готовый, казалось, открыть свои угасшія очи и разбудить покоившуюся на челѣ его божественную думу — отпечатокъ безпредѣльной любви и мира пренебеснаго, и кротости незлобивой, которая изъ самаго источника тяжкихъ скорбей умѣетъ почерпнуть безмятежное блаженство радостотворныхъ восторговъ? Кто злодѣй тотъ, кѣмъ избить безжалостно, измученъ безпощадно, умерщвленъ нагло этотъ страдалецъ, который и мертвый, какъ живой, неслышно, но внятно говоритъ съ моимъ сердцемъ, и привязалъ его къ себѣ невыразимо? Смерть за смерть злодѣю, кто бы онъ тамъ ни былъ! Смерть и казнь убійцѣ, неумолимо произнесъ внутренній мой голосъ.

Но гдѣ онъ, кто онъ?

— Здѣсь онъ, этотъ убійца и... ты, проговорилъ мнѣ кто-то,—да, ты, ты убилъ сего праведника!

— Я?! Я могъ рѣшиться на это злодѣяніе?! Нѣтъ! смѣло я обмываю мои руки: онъ неповинны въ крови праведника сего.

— Но кто онъ?

— Онъ?... Это Искупитель твой, положившій душу свою

праведную за тебя, за грѣхи твои и беззаконія, проговорилъ мнѣ опять кто-то.

Какъ громомъ пораженный отъ этой неожиданной вѣсти, я затрепеталъ, но собравъ всѣ силы моей души, съ полнымъ, казалось, присутствіемъ духа сталъ я оправдываться, заператься въ смерти Спасителя на этомъ судѣ неумытномъ. Но напрасно, всѣ покровы самолюбія одинъ за другимъ невидимо отняты у меня, листья смоковое спало съ меня; правда книжника и фарисея превратилась въ неправду, солгавшую самой себѣ (Ис. 26, 12). И вотъ, обнаженный, безъ всякой опоры, защиты стоялъ я, какъ духъ отверженный, стоялъ безъ всего, но не смирялся «Какъ! я убійца моего Спасителя? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!» «Такъ ты невиненъ? говорить мнѣ опять безотвязный невидимый обличитель. Вопросъ этотъ какъбы стрѣлой пролетѣлъ сквозь безчувственное мое сердце, и возмутилась душа моя, и вся внутренность моя!..

«Невиненъ ли ты? Конечно невиненъ, когда станешь думать и утверждать, что Спаситель умеръ не за твои именно грѣхи, а за грѣхи всего міра, въ сумму коихъ какъбы ты или не былъ, или мало былъ вкладчикомъ. Но такъ ли должно смотрѣть тебѣ на дѣло искупленія?»

Не такъ, не такъ уже съ сего момента я сталъ смотрѣть и судить объ этомъ!.. И кто же взвѣситъ за симъ скорбь мою, при этой страшной мысли, что я убійца Иисуса Христа, Сына Божія? Гдѣ возьму я слезъ, чтобы смыть съ себя эту кровь Агнца Божія, закланнаго за меня правосудіемъ Божиимъ на жертвенникѣ Голгоетскомъ? И убитый горемъ, посрамленный и униженный донельзя, трепещущій и слезящій, замѣтилъ я крестъ драгоцѣнный въ рукахъ моихъ, и осязая его и ограждаясь имъ, взывалъ: «Господи! воздвигни силу Твою, и прииди во еже спасти мя!» (Ис. 79, 3). И дивное видѣніе узрѣли пра этомъ очи мои. Божественный Страдалецъ, мнѣ казалось, обнаружилъ признаки жизни. Ожилъ какъбы и я, умиравшій отъ страха; опять, будто, взялся я за крестъ и осѣняюсь имъ, же-

лая всѣмъ сердцемъ смотрѣть на этотъ Божественный ликъ и не насмотрѣться, желая облобызать не чело Его,— нѣтъ—на немъ еще дымилась кровь, оно — престоль небесныхъ думъ, казалось мнѣ слишкомъ недосыгаемымъ для моего недостойнства: мнѣ хотѣлось прикоснуться хотя къ длани пречистой. Но она подъ покровомъ была, вдали отъ меня. И опять я, осѣняясь крестомъ, воззвалъ: «Господи! воздвигни силу Твою, и приди во еже спасти мя!» Божественный Страдалецъ, казалось, подвигся на призывный гласъ сердца сокрушеннаго и принялъ желанную позу, пречистыя длани обнажились и весь организмъ, начиная съ главы, кромѣ ногъ, какъбы готовъ былъ приподняться. Желая коснуться пречистой длани и освятиться лобзаніемъ святымъ, съ глубокимъ сознаниемъ грѣховъ я палъ будто на землю; но въ эту минуту видѣнье сокрылось отъ прозрѣвшихъ очей моихъ, сокрылось въ міръ горній, оставивъ въ душѣ моей горько-отрадную мысль и о ничтожествѣ моемъ предъ Богомъ, и о непостижимомъ величїи заслугъ Искупителя, стоившемъ безцѣнной крови Сыну Божию, возжелавшему и желающему облечь меня, по безмѣрной любви Своей, въ свѣтлыя ризы заслугъ Своихъ».

(Окончаніе будетъ).

ДРЕВНІЯ ПАЛЕСТИНСКІЯ ЛАВРЫ И КИНОВІИ

И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ, ВЪ НИХЪ ПРОЦВѢТАВШЕ.

СТАТЬЯ ДВѢНАДЦАТАЯ. *)

Киновія преп. Θεодосія Великаго.

«Если стадо мое послѣ моей смерти умножится и усовершится, то благословится обитель и будетъ благоденствовать, исполнится и мое сердечное ожиданіе; если же нѣтъ, то горьки будутъ послѣдствія». Такъ говорилъ преп. Θεодосій на смертномъ одрѣ, прощаясь съ окружавшею его братіей. Исполнилось сердечное ожиданіе великаго старца, сбылись его утѣшительныя предсказанія: стадо его общество подвижниковъ, послѣ блаженной кончины его продолжало не только умножаться, но и усовершаться, и святая обитель его благоденствовала и процвѣтала. Въ ней во все время продолжительнаго ея существованія, всегда были великіе подвижники, высотой подвиговъ и нравственныхъ совершенствъ удивлявшіе христіанскій міръ; являлись мужи благодатные, исполненные духовнаго разума, прозорливости и чудодѣйственной силы, мужи приснопамятные для Христовой Церкви, оказавшіе ей незабвенныя услуги. Неизвѣстны имена всѣхъ знаменитыхъ подвижниковъ Θεодосіевой киновіи, но и тѣхъ именъ, какія сохранились въ церковной исторіи, достаточно для того, чтобы судить о той нравственной высотѣ, на которой она стояла во всѣ времена. Изъ подвижниковъ, процвѣтавшихъ въ киновіи послѣ ея великаго основателя, извѣстны: V вѣка: Василій пресвитеръ; VI вѣка: Софроній архимандритъ,

*) Предшествующія статьи см. въ Душеполезномъ Читаніи 1884 года.

Копрій, Христофоръ, Леонтій игумень, Кононь, Θεодуль, Георгій каппадокіянинъ, Юліанъ, бывший епископомъ Вострскимъ, Іанѣъ, или Антоній, Петръ пресвитеръ, Пардъ или Павель, Нонъ пресвитеръ, Георгій архимандритъ, Юліанъ аравитянинъ, Патрикій, Стратигій игумень; VI—VII вѣка: Іоаннь Москъ.

Преп. *Василій* пресвитеръ. Это тотъ самый ученикъ преп. Θεодосія, который изъ послушанія, какъ намъ извѣстно, первый согласился на предложеніе его—обновить приготовленную могилу, чтобы служить живымъ примѣромъ для напоминанія братіи о смерти, и потомъ послѣ поминаванія братіи о немъ, какъбы уже умершемъ, въ третій, девятый и сороковой день, мирно и безъ всякой болѣзни отошелъ въ другую жизнь. Послѣ сороковаго дня блаж. Василій явился среди братіи въ храмъ и вмѣстѣ съ ними пѣлъ. Вся братія увидали его по молитвѣ св. Θεодосія. Одинъ изъ нихъ, именемъ Астіи, отъ радости хотѣлъ было обнять Василія, но не могъ этого сдѣлать,—явившійся тотчасъ сдѣлался невидимъ. Отходя же, онъ сказалъ братіямъ вслухъ: «спасайтесь, отцы и братія, спасайтесь; меня же здѣсь болѣе не увидите». Преп. Василій воспоминается Церковью въ субботу сыропустной недѣли а).

Преп. *Софроній* архимандритъ.—Онъ былъ ученикъ св. Θεодосія и достойный преемникъ его по управленію кинувіей, имъ самимъ избранный въ ея настоятели. Софроній во всемъ подражалъ своему великому учителю: и въ подвигахъ, и въ управленіи, и въ обращеніи съ братіей, и ревностно старался поддерживать въ обители все то устройство, тотъ порядокъ, какіе были при самомъ ея основателѣ. Бдительно онъ хранилъ иноковъ отъ еретической заразы. Когда оригенисты, въ числѣ 40 человекъ, изгнаны

а) Чет. миш. въ жит. Θεодосія Великаго 11 янв.; служба въ субботу сыропустной недѣли. Мѣсяцесловъ прот. Д. Вершинскаго.

были изъ Великой лавры Саввы Освященнаго и хотѣли было поселиться въ Оеодосіевой обители; благоразумный Софроній нашелъ въ себѣ достаточно силы и умѣнья отразить ихъ, несмотря на всю ихъ настойчивость. Открывшійся въ Константинополь противъ лжепатріарха антиохійскаго Севера, зараженнаго ересью Евтихія, соборъ, на который приглашены были и игумены важнѣйшихъ палестинскихъ обителей, вызвалъ къ дѣятельности также и Софронія. Считаая благоразумнымъ не оставлять своей обширной и многолюдной обители безъ личнаго надзора, вмѣсто себя онъ послалъ на соборъ представителемъ своей обители и всей Иерусалимской пустыни инока Исихія, давъ ему предварительно необходимыя наставленія. Исихій и подписался въ актахъ собора вмѣсто своего настоятеля: «Я, Исихій, по милости Божіей священноинокъ обители блаженнаго аввы Оеодосія, мѣстоблюстителъ Софронія, священно-архимандрита сей обители и всей пустыни Иерусалимской, подписался съ прочими архимандритами Иерусалима, посланными въ сей царствующій градъ и представляющими собой лице всѣхъ архимандритовъ и иноковъ пустыни и трехъ Палестинъ». Предъ кончиной своею сего Исихія Софроній назначилъ по себѣ преемникомъ б).

Преп. *Конрій*. Онъ названъ этимъ именемъ иноками Оеодосіевой обители потому, что они нашли его близъ монастырской ограды на гноищѣ, гдѣ родила его и оставила мать, спасаясь бѣгствомъ отъ Сарацинъ. Въ этой же обители Конрій и воспитанъ былъ и потомъ провелъ въ иноческихъ подвигахъ всю жизнь. Скончался онъ въ глубокой старости (на 90-мъ году) около 530 года по Р. Х. Память его совершается Церковью 24-го сентвбря.

Великій подвижникъ былъ сей преподобный Конрій. Онъ исполненъ былъ благодати Св. Духа. Однажды Конрій

б) Ист. св. града Иерусалима. А. Муравьева. Ч. I, стр. 204. 217.
20*

встрѣтилъ въ монастырскомъ саду медвѣдя. Взявъ звѣря за ухо, преп. вывелъ его изъ сада и прогналъ, запретивъ ему ходить въ садъ, и медвѣдь съ той поры ни разу не являлся въ садъ. Въ другой разъ, когда Копрій собиралъ въ лѣсу дрова и медвѣдь повредилъ осла, на которомъ старецъ хотѣлъ везти дрова въ обитель, преподобный остановилъ медвѣдя, положилъ на него дрова и сказалъ: «не отпущу тебя, исполний теперь работу осла, доколѣ онъ выздоровѣетъ»; и медвѣдь служилъ старцу, носилъ дрова и воду до тѣхъ поръ, пока осель выздоровѣлъ.—Копрій служилъ на кухнѣ. Въ одно время, когда кушанье, варившееся въ котлѣ, закипѣло, и старецъ въ скорости не нашель ложки, чтобы помѣшать его, преподобный голою рукой снялъ пѣну съ кушанья и потомъ помѣшалъ его; вреда отъ этого ему не было никакого. Когда преп. Θεодосій отошелъ ко Господу, часто являлся къ Копрію, котораго любилъ при жизни, и вмѣстѣ съ нимъ пѣлъ. Въ одно время блаж. Θεодосій сказалъ старцу: «вотъ, братъ Копрій, настало время исхода твоего; приходи къ намъ въ уготованное тебѣ мѣсто успокоенія». Немного спустя послѣ этого, преп. Копрій въ мнрѣ предалъ духъ свой Богу в).

Преп. *Христофоръ*. Сей преподобный родомъ римлянинъ былъ одинъ изъ великихъ подвижниковъ. О немъ сообщилъ свѣдѣнія Іоанну Мосху и Софронію постриженникъ Θεодосіевой киновіи Θεодуль въ бытность ихъ въ Александріи «Я постриженникъ въ иночество въ киновіи отца нашего. Θεодосія, рассказываетъ имъ Θεодуль, — тамъ я нашель великаго старца, именовемъ Христофора, родомъ римлянина. Въ одинъ день я пришелъ къ нему и просилъ его повѣдать мнѣ о жизни его съ самой юности, и старецъ такъ началъ мнѣ рассказывать: «когда я отрекся отъ міра, сынъ мой, имѣлъ я великую ревность къ подвижничеству: днемъ

в) Четь-Мин. 24 сент. Прологъ 24 сент. Мѣсяц. прот. Вершинск.

находился на работахъ, а вечеромъ поздно уходилъ молиться въ пещеру, въ которой прежде обыкновенно молился великій отецъ Оеодосій и прочіе святые отцы; въ пещеру вело восемнадцать ступеней и я на каждой ступени повергался предъ Богомъ и клалъ по сту поклоновъ и потомъ оставался въ пещерѣ до того времени, когда ударяли въ било къ утреннему славословію. Въ одну ночь, когда я хотѣлъ уже войти въ самую пещеру, пришелъ я въ восторгъ и увидѣлъ, что вся пещера наполнена лампадами, изъ которыхъ одні горѣли, другія нѣтъ, и два мужа въ бѣлыхъ ризахъ ходили по ней и поправляли лампады. Я сказалъ имъ: «зачѣмъ вы поставили здѣсь эти лампады и не позволяете мнѣ войти и молиться?» Они отвѣчали: «это лампады отцовъ, трудящихся Бога ради». Я опять спросилъ ихъ: «почему одні лампады горятъ, а другія нѣтъ?» Они сказали: «хорошо работающіе Господу зажгли свои лампады, а лѣнныя не зажгли». Я еще спросилъ ихъ: «сдѣлайте милость, скажите: моя лампада горитъ или нѣтъ?» Они отвѣчали: «подвизайся и молнсь, и мы зажжемъ ее». Я сказалъ: «постоянно молюсь и до сего времени всегда это дѣлалъ». Послѣ этого я пришелъ въ себя и, осмотрѣвшись вокругъ, никого не видѣлъ. Тогда я сказалъ себѣ: «Христофоръ! нужно тебѣ болѣе трудиться, чтобы возжечь свою лампаду». На другой день я вышелъ изъ своего монастыря и отправился на Синайскую гору, ничего съ собой не взявши, кромѣ одежды, въ которую былъ одѣтъ. На Синайской горѣ я провелъ пятьдесятъ лѣтъ въ большихъ трудахъ и подвигахъ, и потомъ пришелъ ко мнѣ гласъ: «Христофоръ! иди въ киновію, въ которой ты прежде подвизался: тамъ ты скончаешь теченіе свое вмѣстѣ съ своимъ отцомъ». Я и возвратился въ киновію отца нашего Оеодосія». Послѣ сего Христофоръ немного поживъ въ нашей обители, мирно отошелъ ко Господу. Въ другой разъ авва Христофоръ разсказалъ мнѣ слѣдующее: «Въ одинъ день я отправился изъ своего монастыря въ св. городъ

Іерусалимъ поклониться животворящему кресту и когда, поклонившись честному кресту, я уже выходилъ изъ храма, то увидѣлъ въ церковныхъ дверяхъ нѣкоего брата, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, а около него летали, махая крыльями, два ворона, которые и не позволяли ему войти въ храмъ. Позналъ я, что вороны эти—демоны, и сказалъ тому брату: «скажи мнѣ, братъ что ты стоишь посреди дверей и не входишь (въ храмъ)?»—«Прости мнѣ, господинъ авва, отвѣчалъ онъ, — меня борять помыслы: одинъ помыслъ говоритъ мнѣ: иди и цѣлуй животворящій крестъ, другой же говоритъ: не ходи, но прежде иди и исполни необходимое дѣло, а честному кресту поклонись и въ другое время». Услышавъ это, я взялъ его за руку и ввелъ въ церковь, а вороны отлетѣли отъ него и стали невидимыми; онъ поклонился честному кресту и облобызалъ его, поклонился и св. гробу Господню. Потомъ я съ миромъ отпустилъ его». Вотъ что мнѣ рассказывалъ авва Христофоръ, желая поучить меня, что должно прежде исполнять духовное, а потомъ уже тѣлесное». Память св. Христофора совершается въ Церкви 30 августа ^{г)}.

Преп. *Леонтій*. Сей преподобный былъ игуменомъ кинновіи. Онъ стоялъ на высокой степени нравственной чистоты и святости и еще при жизни ему открытъ былъ духовный міръ. Въ Лугѣ бл. Іоанна Мосха (гл. 4) рассказывается случай, показывающій общеніе Леонтія съ свѣтоносными духами. Однажды въ воскресный день Леонтій вошелъ въ церковь и увидѣлъ тамъ по правую сторону престола ангела. Старець, объятый страхомъ, хотѣлъ уже выйти изъ церкви, какъ послышался изъ алтаря голосъ, говорившій: «мнѣ поручено стоять у сего престола съ того самаго времени, какъ онъ освященъ».

г) Лугъ Духов. гл. 104. Мѣсяцесл. протоіерея Вершинскаго 30 августа. Указанія главъ Луга Духовн. дѣляются по русскому его переводу издав. въ Москвѣ въ 1871 г.

Преп. *Кононъ*. Онъ подвизался въ киновіи Θεодосіа Великаго тридцать пять лѣтъ. Во все это время онъ велъ такую жизнь: носилъ власяницу; однажды въ недѣлю принималъ нищу—темного хлѣба и воды; постоянно занимался рукодѣльемъ и присутствовалъ въ храмѣ при всѣхъ церковныхъ службахъ и послѣдованіяхъ. (Лугъ Духовн. гл. 22).

Преп. *Θеодулъ*, подвизавшійся въ Θεодосіевой киновіи, былъ прежде воиномъ. Онъ строго постился и никогда не спалъ лежа (Лугъ Дух. гл. 23).

Преп. *Георгій*, каппадокіянинъ родомъ. Онъ прежде жилъ въ одной обители въ Фаселандѣ. Георгій былъ богоугодный мужъ. Въ Лугѣ бл. Іоанна Мосха (гл. 91) сохранены два случая, свидѣтельствующіе о высокой степени нравственнаго совершенства, которой достигъ Георгій. Онъ жилъ еще въ Фаселандской обители и служилъ въ поварнѣ. Однажды пужно было Георгію вынести истопившуюся печь, чтобы посадить въ нее хлѣбы. Не найдя въ екорости, чѣмъ вынести печь, потому что братія, служившіе вмѣстѣ съ нимъ въ поварнѣ, спрятали помело, желая искутить его; Георгій влѣзъ въ печь, вымелъ ее своею одеждою и вышелъ изъ ней, не потерпѣвъ нисколько отъ жара. Въ другое время—это было въ тойже Фаселандской обители,—когда Георгій пасъ стадо свиней, пришли къ нему два льва и хотѣли похитить борова. Старецъ, ни мало не устрапась, взялъ палку, прогналъ львовъ отъ своего стада и гналъ ихъ до самаго Іордана.

Преп. *Юліанъ*. Въ послѣдствіи онъ былъ епископомъ въ заіорданскомъ городѣ Вострѣ, но подвизался сначала въ обители Θεодосіа Великаго. Изъ жизни Юліана извѣстенъ слѣдующій случай весьма замѣчательный. Когда онъ принялъ епископскую каѳедру въ Вострѣ, нѣкоторые изъ знат-

ныхъ и богатыхъ жителей этого города возненавидѣли его и рѣшились отравить его ядомъ. Орудіемъ для своего злаго намѣренія они избрали епископскаго же служителя, котораго склонили на свою сторону, обѣщая ему большіе подарки; вручили ему приготовленный ими ядъ и просили его всыпать этого яду въ чашу, изъ которой епископъ имѣлъ обыкновение пить. Слуга исполнилъ просьбу злоумышленниковъ. Юліанъ по божественному откровенію узналъ коварство своихъ враговъ, послалъ слугу своего за городскими начальниками и знатными гражданами. Въ числѣ ихъ явился въ епископскій домъ и участвовавшіе въ заговорѣ противъ него. Юліанъ, по своей кротости и глубокому смиренію, не сталъ прямо обличать виновныхъ, но, желая дать имъ почувствовать тяжесть ихъ преступнаго замысла, обратился ко всѣмъ пришедшимъ и кротко сказалъ имъ: «если вы думаете отравить смиреннаго Юліана ядомъ, то вотъ я предъ всѣми вами пью этотъ ядъ». Потомъ онъ взялъ чашу и, благословивъ ее трижды знаменіемъ честнаго креста, сказалъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа пью эту чашу предъ всѣми вами», и выпивъ ее, остался совершенно невредимъ. Видѣвшіе это поклонились Юліану, а злоумышленники пали на землю и просили у него прощенія. Разказъ о бл. Юліанѣ сообщилъ Іоанну Моеху и Софронію настоятель киновіи, архимандритъ Героргій (гл. 93).

Препод. *Іаиѳъ* ^{д)} или *Антоній*. Опъ жилъ и подвизался въ киновіи Осодосія не долго и почти всю жизнь провелъ въ Кутилійской пустынѣ, въ мѣстечкѣ Кушино. Однажды, когда старецъ находился въ этой пустынѣ, увидѣли его Сарацины и одинъ изъ нихъ обнажилъ мечъ и устремился къ старцу съ намѣреніемъ умертвить его. Старецъ, замѣтивъ это, поднялъ глаза къ небу и, преда-

д) Два имени подвижника показываютъ, что уже въ VI вѣкѣ при постриженіи въ иночество перемѣняли имя.

вая себя въ волю Отца небеснаго, произнесъ: «Господи Іисусе Христе! да будетъ воля Твоя!» Едва онъ произнесъ эти слова, какъ вдругъ разверзлась земля и поглотила Сарацина. Прочіе спутники его, увидѣвъ, что съ нимъ случилось, отъ страха разбѣжались, и такимъ образомъ старецъ спасся (Лугъ Дух., гл. 98).

Преп. *Петръ* пресвитерь. Онъ былъ родомъ изъ Понта. Онъ достигъ высокаго нравственнаго совершенства, въ особености же отличался необыкновеннымъ воздержаніемъ. Однажды онъ пришелъ въ лавру Пирги къ подвижнику Осодору^{е)} и сказалъ ему: «сотвори любовь, братъ Осодоръ! Пойдемъ со мной на Синайскую гору: я далъ обѣщаніе идти туда молиться Богу. Осодоръ пошелъ съ нимъ. Когда они перешли Іорданъ, старецъ Петръ обратился къ Θεодору и говоритъ ему: «братъ Осодоръ, пойдёмъ помолимся Богу и не будемъ ничего вкушать до Синайской горы». Осодоръ отказался отъ этого: «я не могу этого сдѣлать», отвѣчалъ онъ. Старецъ же, помолившись Богу, ничего не вкушалъ до самой Синайской горы. Когда же онъ пришелъ въ Синайскую гору, прежде всего приобщился св. таинъ, а потомъ уже вкусилъ немного пищи. Съ Синайской горы они отправились въ Александрію, гдѣ старецъ, поклонившись мощамъ св. мученика Мины, приобщился св. таинъ и тогда только вкусилъ пищу. Такимъ же образомъ и на возвратномъ пути въ Св. землю, старецъ не вкушалъ ничего; но когда прибылъ въ Іерусалимъ, то поклонившись честному кресту и животворящему гробу Господню, причастился св. таинъ и потомъ уже вкусилъ пищу. Такимъ строгимъ постникомъ былъ пресвитерь Петръ. Во все это столь далекое и продолжительное путешествіе онъ только три раза вкушалъ пищу (Лугъ дух. гл. 90).

е) Этотъ Осодоръ былъ въ послѣдствіи епископомъ Росскимъ въ Сиріи.

Преп. *Пардъ* или *Павель*^{ж)}. Онъ былъ родомъ римлянинъ. Онъ жилъ въ окрестностяхъ Іерихона, и въ молодыхъ годахъ смотрѣлъ за лошаками. Однажды Пардъ пригналъ нѣсколько лошаковъ въ Іерихонъ. Когда онъ находился въ гостинницѣ, лошаки растоптали на дворѣ маленькаго ребенка. Пардъ такъ былъ пораженъ этимъ событіемъ, что, считая себя виновнымъ въ смерти ребенка, удалился изъ Іерихона на гору Аріонъ и сдѣлался отшельникомъ. Онъ сталъ проводить жизнь въ самомъ строгомъ уединеніи и необычайныхъ подвигахъ, но въ то же время сокрушался, плакалъ и рыдалъ о допущенномъ имъ, хотя и невольномъ, челоуѣкоубійствѣ, испрашивая у Бога прощенія своего грѣха и помилованія. Грѣхъ этотъ непрерывно былъ предъ умственными очами его. «Я совершилъ убійство; отъ меня ребенокъ погибъ; какъ убійца, я буду осужденъ на страшномъ судѣ Христовомъ», такъ постоянно говорилъ себѣ отшельникъ. Внизу подъ горой, на которой жилъ онъ, находилось логовище льва. Пардъ постоянно приходилъ къ логовищу, вызывалъ изъ него льва, всячески его раздражалъ и злилъ, и все это для того, чтобы левъ растерзалъ его: подвижникъ собственною смертью хотѣлъ заплатить за тяжкій свой грѣхъ; но левъ все былъ спокоенъ и не причинялъ ему никакого вреда. Наконецъ отшельникъ рѣшился лечь на дорогѣ, по которой левъ хаживалъ пить, думая, что левъ нападетъ на него и растерзаетъ. И это намѣреніе его не исполнилось: левъ, какъ только приблизился къ отшельнику, тихо и съ осторожностью перескочилъ черезъ него, такъ что даже нисколько и не прикоснулся къ нему. Послѣ этого Пардъ, будучи извѣщенъ отъ Бога, что грѣхъ его, о которомъ онъ такъ много сокрушался, прощенъ, оставилъ гору, на которой подвизался, и поселился въ киновіи Ѳеодосія Великаго. Здѣсь мирно про-

ж) Имя *Пардъ* стоитъ въ Прологѣ, мѣсяцесловахъ и въ кievскомъ изданіи Луга 1622 г., а имя *Павель* находится въ русск. переводѣ Луга, изд. въ Москвѣ въ 1871 г.

вель онъ остальное время своей жизни и въ радости отошелъ ко Господу. Память св. Парда отшельника совершается 15 декабря ³⁾.

Преп. *Нонъ* пресвитерь. О семь подвижникъ Осодосіевой киновіи инокъ Осодосій, жившій въ тойже обители и потомъ сдѣлавшійся епископомъ капитуладскимъ, рассказывалъ *Іоанну Мосху* и *Софронію* слѣдующее: «Въ одну ночь еще до ударенія въ било къ утреннему словословію, я услышалъ, что кто-то тихимъ голосомъ говоритъ: «Господи помилуй», и проговорилъ, какъ я насчиталъ, до 500 разъ. Желая узнать, кто это такъ усердно молится Богу, я посмотрѣлъ сквозь окно келліи въ церковь и увидѣлъ, что это былъ пресвитерь *Нонъ*. Онъ молился Богу на колѣнахъ, а надъ головой его была свѣтлая звѣзда, которая и показала мнѣ, кто этотъ подвижникъ». Другой инокъ тойже обители рассказывалъ *Іоанну Мосху* и *Софронію* о *Нонѣ* вотъ что: «Въ одну ночь, еще до того времени, какъ надлежало ударять въ било, я вышелъ изъ келліи и не доходя до церкви, увидѣлъ пресвитера *Нона*, который стоялъ предъ церковью и, воздѣвши руки къ небу, молился; руки его свѣтились какъ зажженные свѣчи. Увидѣвъ это, я подивился, прославилъ Бога и возвратился въ свою келлію» (*Лугъ Дух.*, гл. 103).

Преп. *Георгій* архимандритъ. Онъ управлялъ Осодосіевой обителью въ послѣдней четверти VI го вѣка. И по характеру, и по строгой жизни, и по образу дѣйствій онъ напоминалъ инокамъ великаго отца ихъ. Благоразумный и разсудительный, твердый и настойчивый въ достиженіи цѣли, до самоотверженія преданный заботамъ о благѣ св. обители, о спасеніи ввѣренныхъ его руководству душъ, неумоимо дѣятельный, по дѣламъ монастырскимъ, входившій въ разнообразныя сношенія съ разными лицами и въ

³⁾ Лугъ Дух. гл. 100. Прологъ 15 декабря; мѣсяцесл. Вершин. 15 декабря.

тоже время спокойный и самособранный, никогда и ничѣмъ не раздражавшійся, строгій къ самому себѣ, снисходительный и любвеобильный къ другимъ, постоянно, при каждомъ случаѣ поучавшій братію,—таковъ былъ преп. Георгій. Онъ пользовался повсюду глубокимъ уваженіемъ. Благосклонно принялъ его императоръ Тиверій, когда Георгій, прибывъ въ Константинополь, обратился къ нему съ просьбой помочь нуждамъ своей обители: охотно и милостиво Тиверій удовлетворилъ смиренному прошенію Георгія. Самъ великій подвижникъ, ревнуя о высшемъ нравственномъ совершенствѣ, преп. Георгій посѣждалъ другія обители и пустыни, бесѣдовалъ съ подвижниками и отшельниками, славившимися духовною жизнью, и усвоилъ отъ нихъ особенныя черты ихъ подвижничества. И достигъ онъ высокой степени духовнаго совершенства и нравственной чистоты. Ему былъ открытъ духовный міръ. Объ этомъ говорятъ нѣкоторые случаи, записанные составителемъ Луга Духовнаго (Гл. 91 — 92. 108). «Когда я жилъ еще просфорникомъ въ Фаселандской обители на Иорданѣ, рассказывалъ Іоанну Мосху самъ Георгій, и задумали тамъ построить храмъ въ честь св. Кириака,—я копалъ основаніе для храма. И вотъ является мнѣ во снѣ благообразный старецъ, великій, какъ казалось, аскетъ; исподнее платье его было сплетено изъ пальмовыхъ листьевъ; по плечамъ покрывала его короткая мантия изъ рогажи; и говоритъ мнѣ: «скажи мнѣ, господинъ авва Георгій: зачѣмъ послѣ столькихъ моихъ подвиговъ и такого поста оставилъ ты тѣло мое внѣ сооруженнаго тобой храма?»—«Нѣтъ, господинъ, отвѣчалъ я ему,—не будетъ этого, никакъ этого не сдѣлаю».—«Ей, ты сдѣлалъ это», сказалъ старецъ. Тогда я спросилъ его: «кто ты, господинъ мой?»—«Я Петръ, воскъ (пустынникъ) св. Иордана», отвѣчалъ онъ, и сталъ невидимъ. На утро я увеличилъ мѣру храма. Когда копали основаніе, я обрѣлъ нетлѣнное тѣло старца, одѣтое такъ, какъ я видѣлъ его во снѣ. Когда храмъ былъ совсѣмъ отстроенъ, я устроилъ наилучшую

гробницу, положилъ въ нее тѣло св. Петра и поставилъ ее въ храмѣ у стѣны въ углу съ правой стороны.—Другой случай: отправился Георгій посѣтить великаго отшельника Иорданской пустыни Сиенія, котораго онъ глубоко почиталъ. «Пришедши къ нему, рассказываетъ Георгій Иоанну Мосху и Софронію,—мы долго стучались. Потомъ вышелъ ученикъ старца и говоритъ миѣ: «авва! старецъ опасно боленъ, при смерти, и молилъ Бога продлить его жизнь до тѣхъ поръ, доколѣ не услышитъ, что ты пришелъ въ сію страну». А я по нуждамъ киновіи ходилъ въ Константинополь къ благочестивому императору Тиверію. Ученикъ пошелъ къ старцу, сказалъ ему обо миѣ и довольно спустя опять вышелъ и пригласилъ насъ къ нему. Вошедши въ келлію, мы нашли старца уже умершимъ. Послѣ я узналъ, что какъ скоро онъ услышалъ, что я стучусь, въ эту самую минуту отошелъ ко Господу. Я поклонился почившему рабу Божию и началъ съ любовью лобызать его очи, уста и руки. Усопшій, открывъ глаза, тихимъ голосомъ сказалъ: «хорошо, что пришелъ ты, авва мой: благовременно твое прибытіе, радуюсь». И затѣмъ снова почилъ. О нравственномъ совершенствѣ преп. Георгія такъ отзывался ученикъ его Θεодосій въ бесѣдѣ съ Иоанномъ Мосхомъ: «Двѣнадцать лѣтъ пробылъ я при аввѣ и наблюдалъ за нимъ, и ни разу не видалъ, чтобы онъ когда былъ взволнованъ, или раздраженъ, или ослабѣлъ въ подвигахъ и занятіяхъ, особенно въ нынѣшнее время, когда между нами допускаются лѣность, нерадѣніе и другія неподобныя вещи. Кто такъ охранялъ очи, какъ отецъ нашъ во святыхъ Георгій? Кто такъ затворялъ двери слуха, какъ онъ, блаженный и праведный? Кто связывалъ языкъ такъ, какъ онъ? Какой солнечный лучъ такъ просвѣтилъ землю, какъ просвѣтилъ сердца всѣхъ насъ отецъ нашъ?» Поистинѣ великій мужъ былъ преп. Георгій, настоятель и архимандритъ обители Θεодосія киновіарха.

Преп. *Юліанъ* аравитянинъ. Онъ подвизался въ *Еоодосіевой* обители въ VI вѣкѣ. Онъ былъ слѣпъ. Человѣкъ простой, неученый, но весьма преданный христіанской вѣрѣ, которую любилъ всѣмъ сердцемъ, мирно онъ работалъ и трудился о Господѣ, съ усердіемъ и страхомъ содѣвая свое спасеніе. Нарушилось его душевное спокойствіе, когда послѣ кончины іерусалимскаго патріарха Петра оригенисты поставили на перьосвятительскую кафедру св. града единомышленника своего Макарія. Юліанъ разстроился мыслями, сомнѣвался признавать Макарія законнымъ святителемъ и молиться о немъ, и не зналъ, что дѣлать. Ревность старца по правой вѣрѣ такъ была велика, что онъ не вѣрилъ братіи и даже своему аввѣ настоятелю, которые не входили въ общеніе съ Макаріемъ, и рѣшился спросить совѣта у св. Симеона Дивногорца, подвизавшагося въ то время на столпѣ близъ Антіохіи. Онъ послалъ на Дивную гору сказать св. Симеону: «слѣпъ я, отецъ мой, самъ ходить не могу, а довести меня некому; не могу узнать, на какой сторонѣ истина, и опасаюсь войти въ общеніе съ Макаріемъ. Скажи мнѣ, отецъ, и наставь меня, что мнѣ дѣлать? Извѣсти также, отецъ, какъ поступить съ надшимъ братомъ и съ тѣмъ, который связался съ нимъ клятвой?» и).—«Не отдѣляйся, авва Юліанъ, отвѣчалъ св. Симеонъ, и не думай отдѣляться отъ св. католической Церкви. Благодатію Господа нашего Иисуса Христа она не имѣетъ никакого порока и зазора, но есть свята и чиста; и не приобщайся Макарію и его клеветамъ; не сомнѣвайся и успокойся. Знай еще, братъ мой, что у васъ въ обители есть великій старецъ, именемъ Патрикій; онъ хотя въ священномъ санѣ, по въ храмѣ стоитъ внѣ чина церковнаго у западной стѣны; онъ только достойно возноситъ св. молитву проскомидіи за всѣхъ и его возно-

и) Это два инока, поклявшіеся не разлучаться другу съ другомъ ни при жизни, ни по смерти. Назидательная повѣсть о нихъ находится въ 96 гл. Луга.

шеніе истинно свято и пріемлется Богомъ, какъ жертва святая». Съ радостью принялъ отвѣтъ Симеона столпника Юліанъ, и поступилъ такъ, какъ сказалъ великій подвижникъ, и совершенно успокоился (Лугъ Дух., гл. 95).

Преп. *Патрикій* игумень. Онъ былъ родомъ изъ армянскаго города Севастіи. Отцы Θεодосіевой обители сказали Іоанну Мосху и Софронію, что онъ прежде былъ настоятелемъ киновіи преп. Ксанфія; но, представивъ себѣ въ полной мѣрѣ важность обязанности настоятеля, руководителя другихъ къ спасенію, и боясь отвѣтственности, усомнился въ своемъ достоинствѣ, оставилъ обитель Ксанфія и перешелъ на послушаніе въ киновію Θεодосія Великаго. Такое дѣло нашелъ Патрикій болѣе полезнымъ для души своей, при чемъ говорилъ: «великимъ и совершеннымъ нужно быть для того, чтобы пасти словесныхъ овецъ». Несмотря на непрерывные аскетическіе труды онъ достигъ глубокой старости и скончался 113 лѣтъ. Отличительныя нравственныя качества его были: глубокое смиреніе, кротость и молчаливость. Высокій отзывъ о его нравственномъ совершенствѣ и святости св. Симеона Дивногорца мы видѣли: великій подвижникъ антiохійскій сказалъ о Патрикiи, что въ Θεодосіевой обители онъ только достойно возносить молитву проскомидіи и его приношеніе принимается Богомъ какъ жертва чистая и святая (Лугъ Дух., гл. 94—95).

Преп. *Стратигій* игумень. Онъ былъ настоятелемъ Θεодосіевой киновіи. Отцы киновіи, рассказывая о немъ Іоанну Мосху, передали, что Стратигій возвышался предъ современными подвижниками преимущественно тремя добродѣтелями; это были: строгій постъ, продолжительное бдѣніе и непрерывный трудъ. Обладалъ Стратигій и благодатными дарами; такъ въ немъ проявлялся даръ прозорливости и предвѣдѣнія будущаго. Когда преп. Іоаннъ Лѣствичникъ на 20-мъ году возраста своего принялъ на Синай-

ской горѣ постриженіе въ иночество, преп. Стратигій духомъ узналъ объ этомъ его постриженіи въ тотъ самый день, въ который оно происходило, и братіи пророчески сказалъ, что это будетъ великая звѣзда вселенной ¹⁾.

Два инока, поклявшіеся никогда не разлучаться другъ съ другомъ. Инокіи эти жили въ киновіи Θεодосія Великаго. Вмѣстѣ они трудились, вмѣстѣ подвизались для спасенія души; ихъ согласная жизнь и одинаковое настроеніе удивляли братію и служили для всѣхъ назиданіемъ. Правдивое паденіе одного изъ иноковъ и клятва, связывавшая съ нимъ другаго, привели братію въ немалое смущеніе, такъ что преп. Юліанъ спрашивалъ объ инокахъ, какъ мы уже видѣли, даже Симеона Столпника. Повѣсть объ этихъ инокахъ умилительна и назидательна. Считаемъ благополезнымъ передать ее подлинными словами Луга (гл. 96. 97). «Авва Іоаннъ отшельникъ, по прозванію огненный, рассказывалъ намъ (Іоанну Мосху и Софронію): «Я слышалъ отъ аввы Стефана Моавитскаго, что въ бытность его въ обители св. Θεодосія, настоятеля Великой киновіи, были въ этой обители два брата, которые поклялись никогда не разлучаться другъ съ другомъ ни при жизни, ни по смерти. Они были примѣромъ назиданія для всѣхъ въ обители. Но одинъ изъ нихъ до того разжегся похотью, что не могъ противостоятъ сему искушенію и сказалъ своему брату: «отпусти меня, братъ: мною овладѣла плотская похоть, я хочу возвратиться въ міръ». Братъ умолялъ его и говорилъ: «не губи труда своего». Сей отвѣчалъ ему: «или самъ иди со мной, или отпусти меня удовлетворить страсти». Братъ, не желая отпустить его одного, пошелъ самъ съ нимъ въ городъ. Одержимый страстью, братъ вошелъ въ домъ блудницъ, а другой, стоя внѣ дома, бралъ съ земли пыль, посыпалъ ею главу свою и терзалъ самого себя.

¹⁾ Лугъ Дух., гл. 102. Историч. ученіе объ Отцахъ церкви архіеп. Филарета Чернигов. изд. 2, т. III ѡбр. 122. примѣч. 4.

Послѣ того какъ тотъ согрѣшилъ и вышелъ изъ дома, братъ сказалъ ему: «какую пользу, братъ мой, получилъ ты отъ грѣха? Сколько, напротивъ получилъ вреда! Пойдемъ опять въ обитель». Тотъ отвѣчалъ ему: «теперь уже не могу идти въ пустыню; ты ступай, а я останусь въ мірѣ». И сколько его другой братъ ни убѣждалъ, чтобы онъ шелъ съ нимъ въ пустыню, все было тщетно. Потому и самъ остался съ нимъ въ мірѣ. Они оба начали трудиться, чтобы пропитывать себя. Въ это время авва Аврамій, опытный и кроткій пастырь (который послѣ былъ епископомъ ефесскимъ и устроилъ въ Константинополѣ монастырь Авраміевъ), сооружалъ свой монастырь, называемый Византійскимъ. Оба брата трудились здѣсь за плату, которую за обоихъ получалъ братъ, впавшій въ блудъ; онъ ходилъ ежедневно въ городъ и тратилъ ее на прихоти, а другой братъ во весь день постился, ни съ кѣмъ ничего не говорилъ и спокойно проводилъ время въ работѣ. Прочіе работники, видя каждый день, что онъ не ѣстъ, ничего не говоритъ, но всегда умомъ внимаешь себѣ, сказали объ образѣ жизни его св. аввѣ Аврамію. Великій Аврамій призвалъ къ себѣ труженика въ свою келлію и спросилъ его: «откуда ты, братъ, и какое у тебя занятіе?» Тотъ во всемъ открылся ему и присовокупилъ, что онъ трудится для брата, чтобы Богъ, видя труды его, спасъ брата. Чудный Аврамій, выслушавъ все отъ брата, сказалъ ему: «и Богъ даровалъ тебѣ душу брата твоего». Какъ скоро отпустилъ отъ себя Аврамій брата, и онъ только вышелъ изъ его келліи, то услышалъ вопль брата своего: «любезный братъ! возьми меня съ собой въ пустыню, да спасусь я». Онъ немедленно взялъ его и, удалившись въ пещеру, не далеко находящуюся отъ св. Иордана, заключилъ его въ ней. Спустя немного времени братъ, впавшій въ грѣхъ, много потрудясь по Богѣ духомъ, отошелъ ко Господу, а оставшійся братъ, по давной клятвѣ, оставался въ пещерѣ, чтобы тутъ же умереть самому». Инокъ, оставшійся въ пещерѣ по смерти брата, въ сей и

скончался. Онъ угодилъ Богу и предъузналъ свою копчину. Не задолго до его копчины прпшелъ къ нему изъ лавры Каламопской старецъ и сказалъ ему: «скажи мнѣ, братъ, ты долго безмолвствовалъ и подвизался: что же ты приобрѣлъ?» Братъ отвѣчалъ ему: «приходи чрезъ десять дней, и тогда я скажу тебѣ». Спустя десять дней старецъ явился и увидѣлъ, что онъ уже преставился; при чемъ нашелъ черепокъ съ такою надписью: «прости меня, братъ, что я при совершеніи правила никогда не занималъ ума своего земнымъ».

Преп. *Іоаннъ Мосхъ*, писатель. Это мужъ незабвенный въ исторіи христіанскаго подвижничества, какъ составитель извѣстной ревнителямъ благочестія книги: *Лимонарь* или *Лугъ духовный*. Чрезъ него, подобно какъ чрезъ инока Кирилла Скиеопольскаго, Провидѣніе сохранило для Церкви въ назиданіе и душевную пользу чадъ ея имена, подвиги и высокія нравственныя совершенства подвижниковъ и пустынножителей Палестины, Сиріи, Египта и другихъ странъ, преимущественно VI-го вѣка, а также много свѣдѣній о церковныхъ и гражданскихъ событіяхъ и объ историческихъ лицахъ второй половины VI-го вѣка и первой четверти VII-го.

Когда и гдѣ родился Іоаннъ Мосхъ, также гдѣ получилъ первоначальное образованіе, неизвѣстно; изъ сочиненія его «Лугъ духовный» видно только, что онъ учился и во всю жизнь обнаруживалъ сильное стремленіе къ знанію и просвѣщенію, особенно христіанскому. Онъ старался приобрѣтать книги, любилъ бесѣдовать съ учеными и образованными мужами—съ философами, софистами и схоластиками. Такъ въ Александріи, услышавъ о подвижникѣ философѣ Теодорѣ, онъ отыскалъ его и вошелъ съ нимъ въ близкое знакомство для наукъ (Лугъ, гл. 170). Тамъ же часто посѣщалъ Косьму схоластика, съ пользой для себя слушалъ его мудрыя сужденія и наставленія, читалъ у него и бралъ къ себѣ книги, которыхъ было у него болѣе,

чѣмъ у кого-либо изъ александрійцевъ (гл. 171). Но господствующею чертой жизни Іоанна Мосха была сторона нравственная—стремленіе къ нравственному совершенству и подвижничеству. Обитель Оеодосія Великаго привлекла къ себѣ Іоанна Мосха и была мѣстомъ, гдѣ онъ вступилъ на трудный путь креста Господня. Здѣсь, у великихъ отцевъ этой обители, учился онъ иночеству; здѣсь же провелъ и большую часть своей жизни. На первыхъ же порахъ Іоаннъ обнаружилъ великую ревность къ подвижничеству; старался изучать образъ жизни отцевъ подвижниковъ, подражалъ ихъ молитвѣ, посту, терпѣнію, усвоилъ себѣ ихъ нравственныя качества и добродѣтели. Но не довольствовался этимъ ревнитель подвижничества: по временамъ онъ оставлялъ Оеодосіеву киновію и переходилъ въ другія обители, въ которыхъ и подвизался, изучая образъ жизни отцевъ подвижниковъ и соревнуя имъ въ подвигахъ. Такъ десять лѣтъ провелъ Іоаннъ въ лаврѣ Иліотъ, гдѣ самъ жилъ отшельникомъ (Лугъ дух. гл. 61. 65. 66. 133); посѣщалъ отсюда келліи и пещеры пустынниковъ, бесѣдуя съ ними и назидаясь ихъ образомъ жизни (гл. 10. 19. 172); провелъ и самъ не мало времени въ Іорданской пустынѣ, среди ея дивныхъ насельниковъ, подобно имъ проходя суровый образъ жизни. Не удовлетворился и этимъ преп. Іоаннъ. Зная, что многочисленны степени духовной жизни и что весьма разнообразны поэтому самыя виды и формы подвижничества, онъ рѣшился странствовать по Св. Землѣ, чтобы своими глазами видѣть дивныхъ мужей, подвизавшихся и въ обителяхъ и въ пустыняхъ, насладиться ихъ лицезрѣніемъ, воспользоваться ихъ наставленіями и духовными совѣтами, и все видѣнное, слышанное и узнанное изложить въ письменномъ трудѣ, для своей душевной пользы, во благо и назиданіе другихъ ревнителей благочестія. Обстоятельства благоприятствовали достиженію этой цѣли. Странствованіе по обителямъ и пустынямъ суждено было Іоанну Мосху совершать не одному: Господь послалъ ему спутника, столько же ревностнаго

къ подвижничеству, но еще болѣе образованнаго. Это былъ *Софроній*, впоследствии первосвятитель Св. Града. Софроній, получивъ на родинѣ своей, въ Дамаскѣ, отличное образование и имя *софиста* ^{к)}, изучивъ научную мудрость, прибылъ въ Св. Землю, чтобы изучить и приобрести мудрость опытную—мудрость нравственной жизни. Обходя лавры и киновіи палестинскія, Софроній въ обители Θεодосія встрѣтился съ Иоанномъ Мосхомъ, узналъ высокія качества его ума и сердца, сблизился съ нимъ, отдалъ себя ему въ полное послушаніе и руководство въ духовной жизни и сдѣлался его ученикомъ: ихъ соединили тѣсныя узы дружбы и любви и неразлучны оставались они между собой до смерти одного изъ нихъ (Іоанна). Съ полною охотой и живѣйшею радостью вызвался Софроній совершить съ Іоанномъ задуманное имъ благочестивое странствование. Теперь ревнители благочестія и святой жизни, слѣдуя благоразумію, стали приготовляться къ странствованію. Оба они любили образование и науки, оба стремились къ приобретению просвѣщенія, особенно христіанскаго. Не удовлетворяясь тѣми познаніями, какія имѣли въ области христіанскаго вѣроученія, ревнители просвѣщенія положили во время путешествія *учиться*—стараться приобрести большее и большее знакомство съ предметами вѣдѣнія христіанскаго, подробнѣе и основательнѣе изучать истины вѣры Христовой; къ этому должны вести, по ихъ мысли, чтеніе книгъ, взаимная бесѣда, размышленіе, бесѣда съ просвѣщенными и учеными мужами, пренія съ еретиками. Но главнымъ дѣломъ Іоаннъ и Софроній поставили для себя *учиться мудрости нравственной*, изучать духовную жизнь въ разныхъ ея степеняхъ и проявленіяхъ, для чего признали необходимымъ не только посѣщать обители и пустыни, видѣть старцевъ-подвижниковъ, славившихся великими подвигами и нравственными совершен-

к) *Софистомъ* называли въ то время чловека, получившаго самое высшее образоваіе.

ствами, бесѣдовать съ пустынниками, созрѣвшими въ подвижничествѣ, опытными въ духовной жизни, но и вообще, встрѣчаясь на пути съ разными лицами и вступая съ ними въ бесѣду, замѣчать поучительные рассказы, принимать къ свѣдѣнію тѣ или другіе уроки нравственности, тѣ или другіе поразительные, назидательные случаи. Ко всему этому для большаго возбужденія и питанія религіознаго чувства они положили присоединить еще *богомолье* — посѣщеніе св. мѣстъ, поклоненіе христіанской святынь. Вотъ какую задачу и цѣль поставили себѣ Іоаннъ и Софроній, принимая странствованіе по св. обителямъ и пустынямъ. Для лучшаго выполненія этой задачи благоразумные мужи сочли необходимымъ запастись книгами и записною тетрадю. Такъ они приготовлялись къ путешествію. Примѣръ достойный подражанія! И начались странствованія Іоанна и Софронія по обителямъ и пустынямъ Св. Земли, перешедшія по обстоятельствамъ за ея предѣлы и коснувшіяся Сиріи, Египта и другихъ странъ, — странствованія, продолжавшіяся съ промежутками цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Софроній странствовалъ еще свѣтскимъ человѣкомъ и въ мірской одеждѣ, и Іоаннъ Мосхъ называетъ его то господиномъ Софроніемъ, то господиномъ софистомъ. Подъ руководствомъ своего блаж. учителя Софроній долго испытывалъ себя и долго приготовлялся къ отреченію отъ міра и къ принятію иночества.

Странствованія Іоанна Мосха и Софронія начались съ 579 года, когда Іоаннъ посланъ былъ по дѣламъ своей обители въ Египетъ. Черезъ Синайскую гору пустынники благополучно прибыли въ Александрію. Какъ долго въ этотъ разъ пробыли они въ Египтѣ, неизвѣстно. Исполнивъ данное порученіе, Іоаннъ пожелалъ удовлетворить влеченію своего сердца. Сопутствующій Софроніемъ, онъ осмотрѣлъ достопримѣчательности Александріи, съ благоговѣніемъ поклонился святынь города, обошелъ окрестныя обители и пустыни, бесѣдовалъ со многими подвижниками и, между прочимъ, выслушалъ рассказъ старца Феодула о

Христофоръ, инокъ Оеодосіевой обители и о томъ, какъ самъ Осодуль видѣлъ на головѣ одного монаха, проводившаго строгую жизнь, но державшагося ереси Севира, чернаго голубя, замараннаго сажей, какъбы вылетѣвшаго изъ трубы: черный и смрадный, голубъ означалъ вѣру этого монаха (Лугъ дух., гл. 104. 105). Много чуднаго рассказывали Іоаншу объ отшельникѣ Оазиса ^{а)} Левѣ. Іоаншъ пожелалъ видѣть его, чтобы насладиться лицезрѣніемъ св. пустытника, насладиться живымъ примѣромъ его подвижнической жизни, изъ устъ его услышать душеполезный совѣтъ. Ученикъ не отсталъ отъ своего учителя. И вотъ Іоаншъ и Софроній изъ Александріи пускаются въ далекое и опасное путешествіе и, испытавъ на пути разнаго рода препятствія, достигаютъ Оазиса. И видятъ благочестивые странники дивнаго отшельника, видятъ лицомъ къ лицу, бесѣдуютъ съ нимъ и много душевной пользы и назиданія получаютъ, и изъ бесѣды съ нимъ и отъ образа его жизни. «Когда мы бесѣдовали съ нимъ, говоритъ въ своей книгѣ, Іоаншъ Мосхъ, и очень хорошо узнали сего святаго мужа, то много получили пользы особенно отъ его смиренія, безмолвія, нелюбостыжанія и любви, которую онъ имѣлъ ко всѣмъ. Сей достопочтенный старецъ говорилъ намъ: «повѣрьте, дѣти, я буду царствовать». А мы говорили ему: «повѣрь, авва Левъ, изъ Каппадокіи никто никогда не царствовалъ; потому напрасно ты питаешь такія мысли». Онъ опять говорилъ: «истинно, дѣти, буду царствовать»; и никто не могъ убѣдить его отказаться отъ этой мысли. Онъ опять говорилъ: «буду царствовать». Въ послѣдствіи Іоаншъ и Софроній узнали, что Левъ пожертвовалъ собой для выкупа трехъ плѣнныхъ варварами иноковъ и, когда на пути въ пустыню ослабѣлъ и изнемогъ, былъ обезглавленъ. «Тогда-то мы поняли, заключаетъ рассказъ свой о Левѣ Іоаншъ Мосхъ, — что значили слова его: «буду царствовать»; ибо истинно онъ воцарился, положивъ душу свою за друзей своихъ» (гл. 111).

а) Въ Оазисѣ жилъ нѣкоторое время преп. Иларіонъ Великій.

Вовратившись изъ Египта, Іоаннъ и Софроній провели въ обители Θεодосіевой еще нѣсколько лѣтъ. Изучая образъ жизни братій-подвижниковъ своей обители, ихъ высокіе подвиги и нравственныя совершенства, они въ то же время съ любовью слушали сохранявшіяся въ ней преданія о великихъ мужахъ, подвизавшихся тамъ прежде, съ уваженіемъ и благодарностью внимали разговорамъ отцевъ о подвижникахъ другихъ мѣстъ. Много разговоровъ выслушала Іоаннъ особенно отъ настоятеля кипови, архимандрита Георгія, который самъ былъ великій подвижникъ (гл. 4. 22. 23. 91. 100). Въ 594 году Іоаннъ Мосхъ вмѣстѣ съ настоятелемъ своимъ приходилъ въ Іерусалимъ привѣтствовать новаго патріарха, благочестиваго Амоса. При этомъ случаѣ патріархъ говорилъ къ собравшимся настоятелямъ палестинскихъ обителей рѣчь, въ которой жаловался на трудность служенія въ санѣ патріарха; страшила его особенно тяжкая отвѣтственность за неправильное рукоположеніе. «Читалъ я, говорилъ патріархъ, что блаж. Левъ, правившій Римскою церковью, сорокъ дней пребывалъ при гробѣ апостола Петра, подвизаясь въ постѣ и молитвѣ, прося ап. Петра ходатайствовать за него предъ Богомъ объ отпущеніи грѣховъ его. По исполненіи сорока дней явился ему ап. Петръ и сказалъ ему: «я молился за тебя, и прощены тебѣ всѣ грѣхи твои, кромѣ рукоположенія. Итакъ только въ томъ ты дашь отчетъ, хорошо или нѣтъ, рукополагалъ тѣхъ, которыхъ рукополагалъ» (147).

Желаніе видѣть новыя опыты духовной жизни, обратъ новыя нравственныя уроки, побудило Іоанна и Софронія оставить обитель преп. Θεодосія, и вотъ они предпринимаютъ *второе странствованіе*,—и это по Св. Землѣ. Они посѣщаютъ священныя для христіанина мѣста, обходятъ обители и пустыни, проникаютъ въ пещеры и ущелья, внимаютъ наставленіямъ старцевъ, созрѣвшихъ въ духовной жизни, вступаютъ въ бесѣду съ разными лицами, которыхъ то тамъ, то здѣсь встрѣчаютъ на пути, выслушавъ отъ нихъ назидательныя рассказы и повѣсти, раду-

ясь всему, что видѣли и слышали, и воздавая за все благодареніе Богу. Такъ боголюбивые странники посѣтили іорданскія лавры и киновіи: преп. Герасима (гл. 12. 106. 139. 140. 216), Петра (16—18), Пирги или Башень (гл. 5. 7. 8. 99), Каламони (гл. 25. 45. 156), Евнухъ (134. 135), лавры Евѳимія Великаго (гл. 21) и Саввы Освященнаго (гл. 3. 11. 127. 128). Съ благоговѣніемъ обошли они священныя мѣста Св. Града, были въ Геосиманіи, поклонялись яслямъ Господнимъ въ Виолесемѣ. Благодетельные ревнители подвижничества пускались и на югъ Св. Земли и доходили до южной оконечности Мертваго моря, гдѣ и въ обителяхъ и въ окрестныхъ пустыняхъ видѣли дивныхъ тружениковъ, отъ которыхъ получили, по собственному сознанію Іоанна, не мало душевной пользы и назиданія. Все, что они на пути видѣли и слышали, тщательно было ими записано. Новая лавра, въ которую прибыли странники, возвращаясь отъ Мертваго моря, привлекла ихъ къ себѣ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ: Іоаннъ и Софроній остались въ ней и прожили нѣсколько времени. Записная тетрадь Іоанна обогатилась нѣсколькими рассказами о замѣчательныхъ подвижникахъ Новой лавры и другихъ обителей (гл. 5. 6. 14. 18. 34).

Около 603 года по Р. Х. послѣдовало *третье странствованіе* Іоанна Мосха и Софронія. Изъ Новой лавры они направились на сѣверъ и прошли сѣверную Пзлестину, Сирію и часть Киликіи. Скиеополь (Дугъ, гл. 49), Ливанъ (гл. 46. 55), Амамея и гора Россъ (гл. 89. 90), Селевкія (гл. 78. 79. 188), Феополісъ или Антіохія (гл. 32. 33. 35. 38), Еги (27. 56), Тарсъ (30. 31) и Аназарвъ (гл. 50)—главнѣйшія мѣста, которыя они посѣтили. Въ это странствованіе, продолжавшееся четыре года, странники собрали массу свѣдѣній о сирійскихъ и киликійскихъ подвижникахъ, выслушали духовныя наставленія различныхъ старцевъ и записали много поучительныхъ рассказовъ и назидательныхъ уроковъ. Гроза, надвигавшаяся на Сирію въ лицѣ Персовъ, поднявшихъ войну противъ Греческой им-

періи, остановила дальнѣйшее путешествіе Іоанна и Софронія: они рѣшились удалиться въ Египетъ чрезъ Синай. Возвратившись въ Св. Землю, путники прошли по западной ея части, посѣтили приморскую Кесарію, останавливались въ Газѣ и Аскалонѣ и послѣ труднаго и утомительнаго гуті Аравійскою пустыней, достигли Синайской горы. Здѣсь на мѣстѣ великихъ ветхозавѣтныхъ событій, у подножія богошественнаго Синая и священнаго Хорива, Іоаннъ и Софроній провели нѣсколько времени въ постѣ, молитвѣ и богомысли. Удовлетворивъ своему религіозному чувству, они обошли затѣмъ пустыню Синайскую, Раиескую и Фаранскую, гдѣ видѣли многихъ подвижниковъ, съ которыми бесѣдовали, встрѣчали людей, отъ которыхъ выслушали назидательныя повѣсти. Записная тетрадь Іоанна увеличилась еще новыми свѣдѣніями. Наконецъ, черезъ Клизму, чтѣ на берегу Суэзскаго перешейка, странники прибыли въ Александрію. Это было около 607 года.

Въ Александріи Іоаннъ и Софроній жили долго. Патріархомъ александрійскимъ былъ въ то время знаменитый Іоаннъ милостивый. Онъ скоро узналъ пришельцевъ, оцѣнилъ ихъ душевныя качества, ихъ образованіе, ревность по вѣрѣ Христовой, любовь къ благочестію, и обоихъ приблизилъ къ себѣ. Іоаннъ и Софроній сдѣлались ближайшими совѣтниками и сотрудниками патріарха въ церковныхъ дѣлахъ. Александрійская Церковь была тогда буруема различными ересями; изъ еретиковъ съ особеннымъ усиѣхомъ дѣйствовали тамъ монофизиты и севириане. Изъ Александріи монофизитская ересь распространилась по городамъ и селамъ, проникла даже въ иноческія обители и пустыни. Іоаннъ и Софроній всю силу своего просвѣщеннаго ума обратили на борьбу съ еретиками: они обходили города и селенія, лавры и киновіи, вели пренія о вѣрѣ съ еutihіанами, севирианами и другими еретиками, и безчисленное множество зараженныхъ ересью возвратили въ лоно св. Церкви. Высокій отзывъ о трудахъ Іоанна Мосха и Софронія для Церкви Александрійской дастъ совре-

менникъ ихъ, Леонтій епископъ кипрскій, въ своемъ жизнеописаніи Іоанна милостиваго: «По его желанію, Богъ послалъ ему (патріарху) мудрыхъ и достопамятныхъ мужей Іоанна и Софронія; они были для него вѣрными совѣтниками, которыхъ слушался онъ, какъ отецъ, и былъ признателемъ имъ, какъ твердымъ воинамъ, подвизавшимся за благочестіе и вѣру. Управляемые Св. Духомъ, они мудростью своею препирались съ севирианами и другими нечестивыми еретиками и многіе скиты, многія церкви, многіе монастыри исхищали изъ устъ звѣрей сихъ, какъ добрые пастыри. За сіе-то особенно уважалъ ихъ святыхъ мужей святѣйшій».

Во время пребыванія Софронія въ Александріи въ жизни его произошла важная перемѣна: совершилось то, къ чему онъ до сихъ поръ стремился. Съ самаго окончанія своего образованія возымѣвъ намѣреніе отдаться подвижничеству и посвятить свои силы и труды на служеніе Богу и Его св. Церкви, Софроній подъ руководствомъ такого опытнаго и мудраго наставника, каковъ былъ Іоаннъ Мосхъ, долго приготовлялся къ этому великому дѣлу своей жизни: странствуя съ нимъ по святымъ мѣстамъ, по обителямъ и пустынямъ, онъ все испытывалъ себя и болѣе и болѣе укрѣплялся въ благомъ своемъ намѣреніи. И вотъ, наконецъ, въ Александріи, внявъ увѣщанію одного аввы, Софроній отрекается отъ міра и принимаетъ *совершенный образъ*, т.-е. иночество. Несказанно радовался этому самъ Софроній; радовались и присутствовавшіе при обрядѣ постриженія отцы, особенно блаж. наставникъ и руководитель его. При этомъ Софроній разсказалъ знаменательный сонъ, имъ въ то время видѣнный. «Мнѣ видѣлось, говорилъ онъ,—шелъ я дорогой, и впереди меня, составивши хоръ, дѣвы скакали и привѣтствовали меня: «радуемся пришествію твоему, Софроній! увѣнчанъ ты, Софроній» (гл. 101). Съ этого времени Іоаннъ, называвшій до сихъ поръ ученика своего господиномъ Софроніемъ и другомъ, теперь обращается къ нему со словами: «авва Софроній и братъ мой».

Помогая патріарху въ управленіи Александрійскою Церковью, Іоаннъ и Софроній не забывали, однакоже, и завітнаго своего дѣла—богомолья и странничества. Въ Александріи они снова обошли всѣ св. храмы и часовни, въ которыхъ поклонялись чудотворнымъ иконамъ и св. мощамъ, ипческія обители и разныя историческія мѣста, собирая вездѣ, по собственнымъ словамъ Іоанна, подобно мчелѣ, полезное для душъ, ищущихъ спасенія. Нѣсколько разъ благочестивые иноки оставляли Александрію и предиринимали странствованіе по окрестнымъ обителямъ; прошли обширную Скитскую пустыню съ ея частями: Келліями и Нитрійскою пустыней; посѣтили лавры и киновіи въ Терепуѣ, Саламѣ, Тугарѣ и Каламонѣ. Увидѣла ревнителей аскетизма и отдаленная Оиваида: Іоаннъ и Софроній доходили и до этой славной въ исторіи христіанскаго подвижничества страны. Здѣсь въ обителяхъ и пустыняхъ встрѣчали они старцевъ высокаго нравственнаго совершенства; въ горахъ, танувшихся по правому берегу Нила, въ пещерахъ и ущельяхъ, которыми испещрены эти горы, въ камеполомняхъ и древнихъ гробницахъ видѣли знаменитыя оивайдскія *удиненія*, прославленныя дивными подвигами отшельниковъ и пустынножителей. Въ Антиноѣ отъ схоластика Фимамона выслушали они чудную повѣсть о разбойникѣ Давидѣ покаявшемся, которому за то, что онъ не повѣрилъ архавгелу Гавріилу, возвѣстившему ему прощеніе всѣхъ его злодѣяній, связанъ былъ азыкъ на все кромѣ молитвы. Новыми опытами духовной жизни обогатились Іоаннъ и Софроній въ странствованія свои по египетскимъ обителямъ и пустынямъ; новыми и разнообразными свѣдѣніями о египетскихъ подвижникахъ наполнилась и записная тетрадь Іоанна.

Извѣстность и всеобщее уваженіе пріобрѣлъ въ Александріи бл. Іоаннъ Мосхъ. Его знали и почитали и какъ просвѣщеннѣйшаго мужа и особенно какъ подвижника, опытнаго въ духовной жизни, мудраго руководителя другихъ къ нравственному преслѣянію. Неудивительно, что

слава объ Іоаннѣ распространилась и за предѣлы Александріи; и вотъ къ нему стали являться люди, стремившіеся къ высшему нравственному совершенству, желавшіе жить и подвизаться подъ его руководствомъ. Іоаннъ принималъ къ себѣ такихъ людей, и образовалось при немъ небольшое общество учениковъ, подражателей' его жизни и подвиговъ. Всѣхъ учениковъ у Іоанна было, какъ у Христа Спасителя, двѣнадцать; между ними первое мѣсто занималъ Софроній.

Когда Персы, завоевавъ Сирію и Палестину, направились къ Египту, Іоаннъ Мосхъ въ слѣдъ за патриархомъ Іоанномъ Милостивымъ, удалившимся въ Константинополь, оставилъ въ 619 году съ двѣнадцатью учениками своими Александрію: послѣдовало *четвертое* и послѣднее его странствованіе, окончившееся на Западѣ. Іоаннъ направился въ Константинополь моремъ и на пути приставалъ къ нѣкоторымъ островамъ Архипелага. На островѣ Кипрѣ обходя св. обители, благочестивые путники въ Филоксеновомъ монастырѣ встрѣтили монаха Исидора, который горько и неутѣшно плакалъ. На вопросъ: отчего онъ все плачетъ? Исидоръ отвѣчалъ, что онъ, державшійся прежде Севировой ереси, вырвалъ изъ устъ своей жены, православной, и бросилъ въ грязь св. Причастіе, которое та приняла было у православной сосѣдки; самъ видѣлъ, какъ молнія схватила св. часть, а явившійся ему во снѣ египтянинъ объявилъ, что оба они осуждены на одинаковое наказаніе, и когда я спросилъ его: кто онъ?—отвѣчалъ, что онъ тотъ, который страдавшаго за всѣхъ Господа Іисуса Христа ударилъ по ланитѣ (гл. 29). На островѣ Самосѣ игумень Хариксеновой обители разказалъ Іоанну и Софронію о досточудномъ священникѣ одного селенія, съ женою своею до старости жившемъ въ цѣломудріи и чистотѣ; священникъ этотъ достигъ высокой степени нравственнаго совершенства и святости и такъ угодилъ Богу, что заключенный своимъ епископомъ, вслѣдствіе клеветы, подъ крѣпкую стражу, былъ однажды выведенъ чрезъ запертыя двери ан-

геломъ для совершенія литургіи въ своемъ сельскомъ храмѣ и потомъ опять введенъ въ заключеніе (гл. 107). Царственный городъ, куда затѣмъ прибыли благочестивые странники, привлекъ въ себѣ особенное ихъ вниманіе и расположилъ ихъ прожить въ немъ довольно долго. И здѣсь, въ столицѣ имперіи и христіанства, Іоаннъ и спутники его посѣщали преимущественно св. обители и храмы, съ любовью и уваженіемъ осматривали священные памятники христіанской древности, собранные въ Константинополь со всѣхъ сторонъ, съ благоговѣніемъ поклонялись и въ храмахъ и въ царскихъ чертогахъ хранившейся христіанской святыни. Изъ Константинополя Іоаннъ съ своимъ обществомъ устремился на западъ въ Римъ, чтобы и тамъ поклониться христіанской святыни, видѣть священные памятники, утѣшаться и назидаться вѣрой и благочестіемъ западныхъ христіанъ.

Въ Римѣ бл. Іоаннъ Мосхъ провелъ послѣдніе два года своей жизни. Предвидя скорое переселеніе свое съ земли странствованія въ вѣчныя селенія, онъ пересмотрѣлъ записки, веденныя имъ во все время своихъ странствованій, привелъ въ порядокъ свѣдѣнія и рассказы, въ нихъ собранные, расположилъ ихъ по плану, и явился «Дугъ» — твореніе столь знаменитое въ христіанскомъ Церкви, плодъ многолѣтнихъ его трудовъ. Посвятивъ свое твореніе Софронію, Іоаннъ вручилъ его этому славному ученику своему и другу для его душевнаго блага, для блага и всѣхъ христіанъ, ревнующихъ о спасеніи. Почувствовавъ приближеніе смерти, бл. старецъ собралъ къ себѣ своихъ учениковъ, простился съ ними, при чемъ завѣщаль перевезти тѣло его на Синай или въ обитель Θεодосія и давъ имъ послѣднее о Господѣ цѣлованіе, мирно почилъ. Это было въ 622 году. Въ точности исполнили завѣщаніе своего учителя вѣрные ученики: бранные останки его они перевезли въ обитель Θεодосія, гдѣ они положены были въ той пещерѣ, въ которой 30 лѣтъ подвизался самъ великій основатель ея, т.-е. въ пещерѣ волхвовъ.

Подобно Кириллу Синоопольскому, составителю житій Евонмія Великаго, Саввы Освященнаго, Осодосія Киповіарха и др., Іоаннъ Мосхъ стяжалъ себѣ вѣчную память въ христіанской Церкви и особеннымъ путемъ подвижничества и спасенія, и особенно письменнымъ твореніемъ своимъ. Какъ подвижнику, путемъ богомолья и странничества достигшему нравственнаго совершенства и святости и въ странничествѣ указавшему путь къ спасенію, ему усвоено имя *Блаженнаго*, и это имя навсегда и нераздѣльно соединилось съ его именемъ, подобно именамъ: бл. Іеронимъ, бл. Августинъ и др. Патріархъ іерусалимскій Іоаннъ (XII вѣка) прямо называетъ Іоанна Мосха *святимъ*. Но особенно прославился Іоаннъ Мосхъ, какъ творецъ высоконазидательной и истинно-душеспасительной книги: *Лугъ духовный*. Во всѣ вѣка это твореніе Іоанна Мосха пользовалось необыкновеннымъ уваженіемъ: на него всегда смотрѣли, какъ на твореніе питательное для ума, усладительное для сердца. Какъ только Лугъ бл. Іоанна сдѣлался извѣстнымъ между христіанами, съ него пошли списки; списки эти скоро распространились повсюду. И вотъ Лугъ читаютъ, какъ видно изъ историческихъ свидѣтельствъ, въ Римѣ и въ Константинополѣ, на Синаѣ и въ Дамаскѣ; его знаютъ, имъ пользуются въ городахъ и весяхъ; его читаютъ въ церковныхъ собраньяхъ и частныхъ домахъ. VII-й вселенскій соборъ обращается къ Лугу Іоанна Мосха въ своихъ разсужденіяхъ и заимствуетъ изъ него свидѣтельство для утвержденія догмата почитанія св. иконъ: на соборѣ была прочитана изъ Луга настоятелемъ обители Максима Евстаоіемъ вся 44 глава, гдѣ повѣствуется, что діаволь, возжегшій сильную плотскую страсть въ душѣ великаго подвижника, не велѣлъ ему кланяться находившейся въ его келліи, иконѣ Божіей Матери, несущей на рукахъ своихъ Господа Іисуса Христа, обѣщая оставить старца въ покоѣ, и какъ старецъ преодолѣлъ діавола. Патріархъ Фотій (VIII в.) говоритъ о Лугѣ и сочинителѣ его Іоаннѣ Мосхѣ съ уваженіемъ и похвалой. Рано Лугъ

Іоанна Мосха стали переводить на другіе языки: латинскій, сирійскій, арабскій. Съ появленіемъ книгопечатанія Лугъ былъ въ числѣ первыхъ напечатанныхъ книгъ. У насъ книга Мосха также весьма рано была переведена на славянскій языкъ. И неудивительно, что твореніе преп. Ісаіа пріобрѣло себѣ въ христіанскомъ мірѣ такое высокое уваженіе: оно имѣетъ несравненные достоинства.

Полное заглавіе творенія Іоанна Мосха, извѣстное въ древнія времена, таково: *Книга блаженнаго Іоанна Евкрата* ^{м)}, называемая *Лугъ*, потому что она содержитъ многоцвѣтное повѣствованіе о растеніяхъ небснаго цвѣтника. Давали ему и другія названія, какъ-то: *Цвѣтникъ*, *Рай*, *Новый рай*, *Патерикъ* и др. Но осталось за нимъ навсегда названіе, данное ему составителемъ. Самъ Іоаннъ въ посвященіи своего труда Софронію объясняетъ смыслъ даннаго ему названія, указывая вмѣстѣ и цѣль его. «Возлюбленный! обращается въ посвященіи къ своему ученику и другу Іоаннъ: весьма пріятно смотрѣть на весенній лугъ: видъ разнообразныхъ цвѣтовъ услаждаетъ душу, останавливаетъ проходящихъ, питаетъ ихъ разнообразными впечатлѣніями, то увеселяя зрѣніе, то услаждая обоняніе. Вотъ здѣсь цвѣтутъ красивыя розы, тамъ лиліи, отвлекающія взоръ даже отъ розъ, а тамъ красуются цвѣтуція фіялки, какъ царская порфира; разнообразіе и различіе безчисленныхъ цвѣтовъ, ихъ пріятный запахъ, возбуждаютъ сладкія ощущенія. Таковымъ почитай и настоящій трудъ, святое и вѣрное чадо, Софроній! Ты найдешь въ немъ добродѣтели св. мужей, прославившихся въ наше время, насажденныхъ, по слову псалмопѣвца, близъ истоковъ водныхъ. Хотя они и всѣ боголюбезны, по благодати Господа Христа Бога нашего, однакожь каждый изъ нихъ особенно украшался тою, или другою добродѣтелью, тѣмъ

м) *Евкратъ*—воздержникъ или сконецъ,—другое прозваніе Іоанна Мосха, мало впрочемъ употреблявшееся.

или другимъ совершенствомъ и благолѣпіемъ. Изъ этихъ цвѣтовъ никогда неувядающаго луга выбравъ особенно прекрасныя и сплетши вѣнецъ, я подношу тебѣ, вѣришь-шее чадо, а чрезъ тебя и всѣмъ. Сей трудъ я потому и назвалъ Лугомъ, что каждый найдетъ въ немъ и пріятное благоуханіе и пользу. Къ усовершенствованію въ жизни служить не только постоянное размышленіе о предметахъ священныхъ и благихъ истинахъ, но и описаніе добродѣтелей чужихъ. Посему-то, сынъ мой, я и предпринялъ сей трудъ, составилъ собраніе цвѣтовъ, по возможности полное, ч.обы твоя любовь была полною. Подражая мудрой пчелѣ, я собралъ такія добродѣтели отцевъ, которыя особенно полезны для души» ^{н)}. И дѣйствительно христіанскія добродѣтели и нравственныя совершенства имѣютъ своихъ представителей въ томъ или другомъ подвижникѣ. Кромѣ того богато твореніе Іоанна Мосха свѣдѣніями историческими, истинами догматическими и обрядовыми. Историческія свѣдѣнія касаются большею частью обстоятельствъ и событій Церкви второй половины VI-го вѣка и первой четверти VII-го; упоминаются лица и событія и предшествующаго времени. Особенно много разсѣяно въ Лугѣ догматическихъ истинъ. Троицность лицъ въ Богѣ, воплощеніе Сына Божія, соединеніе двухъ естествъ во Иисусѣ Христѣ, высочайшее достоинство Пресвятой Дѣвы Маріа, какъ Богородицы, таинства: крещеніе, миропомазаніе, причащеніе, необходимость для спасенія принадле-

н) Изъ этого посвященія видно, что хотя на VII вселен. соборѣ и у св. Іоанна Дамаскина говорится о Лугѣ Софронія, патріарха іерусалимскаго, но сочинителемъ его былъ священно-инокъ Іоаннъ Мосхъ. Посвященіе это подлинное и извѣстно было уже патріарху Фотію (VIII в.). Фотій и патріархъ Іоаннъ называютъ сочинителемъ Луга прямо Іоанна Мосха. Это видно изъ самаго Луга (гл. 31. 35. 38. 51. 66. 91 и др.). Лугомъ же Софронія называли твореніе Мосха потому, что Софроній передалъ его Церкви и былъ извѣстиѣ и важнѣе для Церкви, чѣмъ инокъ Іоаннъ.

жать къ соборной и апостольской церкви, молитва и предстательство святыхъ, крестное знаменіе, св. иконы и почитаніе ихъ, сила и дѣйственность слова Божія на душу— всѣ эти и другія догматическія истины приводятся въ Лугѣ и представлены здѣсь въ живыхъ разказахъ. Изъ предметовъ относящихся къ богослуженію упоминается въ твореніи Іоанна Мосха о проскомидіи, литургіи вѣрныхъ, объ освященіи св. Даровъ, о просфорахъ и благословенныхъ хлѣбахъ, о древнемъ обычаѣ принимать св. тѣло во время приобщенія руками, объ освященіи престола и неприкосновенности его, ѳніамѣ, діакониссахъ и проч.

Подобно Кириллу Скиѳопольскому, и преп. Іоаннъ Мосхъ одушевлялся искреннею любовью къ истинѣ, когда собиралъ свѣдѣнія и разказы, помѣщенные въ Лугѣ; самая высокая правдивость видна на каждой страницѣ, въ каждомъ повѣствованіи его творенія. Іоаннъ опредѣленно указываетъ, когда и гдѣ онъ видѣлъ или слышалъ что, что видѣлъ и слышалъ онъ самъ, или узналъ отъ другихъ; если онъ узналъ о чемъ изъ чужихъ устъ, то также опредѣленно обозначаетъ лица, сообщившія ему о томъ или другомъ происшествіи, при чемъ нерѣдко отмѣчаетъ даже, отъ кого слышали эти лица объ извѣстномъ случаѣ. «Авва Леонтій, настоятель киновіи св. отца нашего Θεодосія, разказалъ намъ слѣдующее (Лугъ, гл. 4); авва Полихроній, пресвитеръ Новой лавры, разказалъ намъ (—гл. 5); авва Антоній, основатель и игумень лавры Иліотской, разказалъ намъ объ аввѣ Θεодосіи молчальникѣ то, что самъ слышалъ отъ него (— гл. 65); авва Іоаннъ отшельникъ, по прозванію Огненный, разказалъ намъ: я слышалъ отъ аввы Стефана Моавитскаго... (— гл. 96). Когда мы пришли къ аввѣ Аѳанасію въ лавру св. Саввы, онъ разказывалъ намъ слѣдующее, что и самъ онъ слышалъ отъ аввы Аѳингена, епископа Петрскаго, сына матери Даміаны (— гл. 127); тотъ же Аѳанасій разказывалъ намъ о томъ же епископѣ Аделѳіи, слышанное имъ отъ игуменьи Іан-

ніи, сестры его (— гл. 128)». Вотъ какъ обыкновенно начинаеть рассказы свои преп. Іоаннѣ Мосхѣ.

Лугъ Іоанна Мосха написанъ языкомъ простымъ, доступнымъ каждому; все здѣсь поучаетъ и назидаетъ; все дышетъ благочестіемъ и религіозностью о).

II. Сладкотѣвъ.

о) Свѣдѣнія объ Іоаннѣ Мосхѣ и его Лугѣ заимствованы: 1) изъ самаго Луга въ русск. переводѣ его, подъ названіемъ: Блаженнаго Іоанна Мосха Лугъ духовный въ переводѣ съ греч. М. 1871 г.; 2) изъ предисловія къ этому изданію: О сочинителѣ Духовнаго Луга и о самомъ Лугѣ; и 3) изъ Церковн. ист. Флери, t. II. Liv. XXXVII. ch. XII. XIII. XIX.

ЦЕРКОВНЫЕ ЗАКОНЫ.

**Слово на праздникъ срътенія Господня, въ субботу сыр-
ной седмицы, сказанное преосвященнѣйшимъ Сергіемъ,
архіепископомъ Кишиневскимъ.**

*Вознесоста Ело во Иерусалимъ, поста-
вити Ело предъ Господемъ, якоже есть
писано въ законъ Господни (Лук. 2, 23).*

Въ евангельскомъ повѣствованіи о срътеніи Господнемъ неоднократно говорится, что обстоятельства сего событія соотвѣтствовали требованіямъ закона. Иосифъ и Марія «введоста» въ храмъ «Отроча Иисуса, сотворити има по обычаю законному о Немъ»; дали «жертву очищенія, по реченному въ законѣ Господни»; и тогда только возвратились въ свое мѣстопребываніе, когда «скончашася вся по закону Господню».

Законъ, объ исполненіи котораго теперь упоминается, былъ обрядовый, церковный. Иисусъ Христосъ, какъ безгрѣшный, не имѣлъ нужды въ очищеніи жертвенномъ. Но Онъ повиновался обычаямъ законнымъ, чтобы намъ внушить уваженіе къ нимъ.

Утратилъ силу законъ обрядовый ветхозавѣтный; но существуетъ законъ Церкви Христовой, постановленія котораго мы обязаны неуклонно исполнять.

Законъ церковный не только опредѣляетъ чинъ и порядокъ богослуженій, но и предписываетъ христіанамъ правила взаимныхъ отношеній ихъ, какъ членовъ одного духовнаго общества, ихъ поведенія и суда, и тѣ наружныя дѣйствія, по которымъ сына Церкви православной можно отличить отъ чуждаго. Напримѣръ, почему мы полагаемъ

на себѣ крестное знаменіе, дѣлаемъ предъ иконами поклоны поясные и земные? Потому что это и подобное предписано уставомъ церковнымъ.

Церковный законъ важенъ по самой древности своей. Не нынѣ установлено то, что нынѣ нами соблюдается; остается непреложнымъ чрезъ нѣсколько вѣковъ то, что служить правильнымъ выраженіемъ нашей православной вѣры. «Древнія постановленія, замѣчаетъ Василій Великій а), всегда внушаютъ благоговѣніе, представляя въ самой древности своей, какъбы въ нѣкоей сѣдинѣ, досто-чтимый видъ».

Но церковныя законоположенія еще болѣе для насъ важны потому, что въ самомъ происхожденіи своемъ священны и святы. Седьмой Вселенскій Соборъ (прав. 1) оставилъ намъ примѣръ уваженія къ нимъ, такъ изъяснивъ высоту ихъ происхожденія: «Начертанныя правила несокрушимы и непоколебимы. Посему мы со услажденіемъ приемлемъ оныя, и всецѣлое содержимъ постановленіе сихъ правилъ, изложенныхъ отъ всехвальныхъ апостолъ, отъ шести вселенскихъ соборовъ, и помѣстно собиравшихся для изданія таковыхъ заповѣдей, и отъ святыхъ отецъ нашихъ. Ибо всѣ они, отъ единого и тогоже Духа бывъ просвѣщены, полезное узаконили». Мы вѣруемъ въ Духа Святаго, дѣйствующаго въ соборной и апостольской Церкви. Какъ же дерзнемъ отказывать въ уваженіи тому, что они подъ осѣненіемъ Святаго Духа законоположили?

Замѣчательно выраженіе: «полезное узаконили». Заповѣдали намъ отцы воздержаніе во дни поста отъ утучняющихъ брашенъ: сіе одобряютъ иногда и врачи; сего требуетъ само наше тѣло, не перенося невоздержанія и пресыщенія. Повелѣвается чаще ходить въ церковь, и никогда на безстыдныя и душевредныя зрѣлища: всякій благомыслящій пойметъ, что въ храмѣ покой и утѣшеніе душѣ, а «въ селеніихъ грѣшничихъ» соблазны и крушеніе духа. Законъ церковный болѣе благопріятно дѣйствовалъ бы на

а) Прав. 92. Книга прав. стр. 332.

народное наше объединеніе и благосостояніе, еслибъ строже соблюдался. Возьмемъ во вниманіе народъ еврейскій. Утратилъ онъ чистоту вѣрованій, но остался вѣренъ преданіямъ,—что для всѣхъ примѣтно въ строгомъ храненіи субботы. Эта приверженность къ обычаямъ законнымъ служитъ причиною, что Евреи хотя за христуобійство по всѣмъ странамъ скитаются, но ни съ однимъ народомъ не смѣшиваются, и вездѣ свою вѣковую особенность сохраняютъ. Если такъ у Евреевъ, у которыхъ осталась буква закона, а духа нѣтъ; то несравненно благотворнѣйшее можетъ имѣть на насъ влияніе нашъ законъ церковный, который «естъ духовенъ» (Римл. 7, 14), и намъ преданъ богоносными Отцами. По мѣрѣ того, какъ проникаетъ онъ въ жизнь, онъ даетъ своимъ послѣдователямъ высокій нравственный, православный обликъ: «ибо о Христѣ Иисусѣ нѣсть іудей, ни еллинъ, но *ость* едино» въ Немъ (Гал. 3, 28). Посему долгъ родителей словомъ и примѣромъ утверждать въ дѣтяхъ уваженіе къ учрежденіямъ и правиламъ Церкви православной. Для сей цѣли и Самъ Христосъ, отъ дней младенчества, являлъ себя строгимъ исполнителемъ закона. «Не пріидохъ, говоритъ, разорити законъ» (Матѣ. 5, 17).

Указываютъ однакожь затрудненіе въ томъ, что церковныя постановленія не всегда удобосовмѣстимы съ требованіями жизни общественной. Одинъ юный христіанинъ спросилъ старца ^{а)}, опытнаго совѣtodателя: «Если законъ Господень повелѣваетъ одно, а законъ міра опредѣляетъ противное: что должно дѣлать? Помысль говоритъ мнѣ, что такъ какъ по законамъ мірскимъ устроено общество, то несправедливо поступить, кто ихъ станетъ нарушать». Старецъ отвѣчалъ: «Законъ Божій важнѣе; ибо онъ говоритъ о спасеніи души. Законъ же мірскій, будучи плотянь, говоритъ людямъ плотскимъ». «Посему уставы церкви и опредѣленія Отцевъ надлежитъ исполнять, какъ неизмѣнную заповѣдь ^{б)}.» Такъ и поступали истинные ревни-

а) Варс. вопр. 657.—б) Тамъ же. Вопр. 367.

тели закона церковнаго. «Мы готовы лучше умереть, говорили Маккавеи, нежели преступить законы отеческіе» (2 Макк. 7, 2). «Хвалю я васъ, братія, писалъ Апостоль къ Коринѣянамъ, что вы все мое помните, и держите преданія такъ, какъ я предалъ вамъ» (1 Кор. 11, 2). Притомъ неудополнимость постановленій церковныхъ часто бывасть только кажущеюся, а не дѣйствительною. Довольно указать на церковное назначеніе настоящей сырной недѣли. Зная, какъ для иныхъ трудно переходить отъ пици мясной къ великопостной, святые Отцы умыслили сдѣлать эту недѣлю сыроястною, чтобы міряне, постепенно отставая отъ утучняющихъ и лстящихъ вкусу яствъ, тѣмъ охотнѣе возложили на себя узду великаго поста а). Какъ обыкновенно проводится сырная недѣля,—это можно примѣчать повсюду въ нашихъ городахъ и всѣяхъ, въ домахъ и на стогнахъ. А между тѣмъ не составляетъ особеннаго труда соблюсти уставъ церковный; ибо никто не обязывается бывать на гульбищахъ, участвовать въ пиршествахъ и возбраняемыхъ Церковію увеселеніяхъ. Напротивъ честь и хвала христіанину, если онъ въ сіи дни, вопреки укоренившемуся обычаю ходить на конскія ристалища и зрѣлища, посѣщаетъ храмы Божіи, и свободное время отдасть на безгрѣшныя и питательныя для души занятія въ кругу своихъ семейныхъ и родныхъ.

«Отложимъ убо дѣла темная» (Римл. 13, 12). Мы въ «преддверіи поста» б); воспользуемся хотя послѣдними днями недѣли «предочищенія» в), чтобы въ добромъ расположеніи душевномъ вступить на поприще святой четырехдесятвицы. Аминь.

а) Синакс. въ субб. сыр.

б) Трипѣсн. сырн. пятк. пѣсн. 3, троп. 3.

в) Синакс. сырн. субб.

САМООСУЖДЕНІЕ.

Слово въ великій пятокъ, преосвященнѣйшаго Сергія,
архіепископа нишиневскаго.

*Или ли ты боишься Бога, яко въ томъ же
осужденъ еси? Или ли убо въ правду; достой-
ная бо по дѣломъ нашимъ воспріемлемъ (Лук.
23, 40—41).*

Эту обличительную рѣчь сказалъ одинъ разбойникъ другому, когда оба подлѣ распятаго Господа висѣли на крестахъ. Рѣчь однако оказалась поздною и бесполезною. Тотъ, къ кому она была обращена, привыкши къ разврату, омраченный озлобленіемъ, захотѣлъ и умереть въ невѣріи и отчаяніи.

Но да не будетъ она безплодна для насъ. Не пренебрежемъ наставленіемъ разбойника, котораго святой Златоустъ ^{а)} называлъ учителемъ на крестѣ; не усумнимся взять себѣ въ учителя челоуѣка, котораго умершій Спаситель ввелъ съ собой въ рай.

Чѣмъ же онъ это заслужилъ? Кромѣ увѣрованія во Христа, прежде молитвы къ Нему, тѣмъ, что самъ себя осудилъ.

Каковы бы ни были преступленія сего разбойника, въ немъ еще не погасла искра совѣсти, и онъ скоро понялъ, какъ постыдно и преступно насмѣхаться надъ невиннымъ Страдальцемъ, подлѣ котораго висѣлъ. Онъ зналъ, что на судѣ челоуѣческомъ и невинные могутъ быть осуждены и

а) Слов. на разн. случ. Том. II, стр. 111.

виновные дѣлаются свободны, потому что судьи иногда превратно смотрятъ на преступленія судимыхъ,—и разставаясь съ жизнью, воспомянувъ о небесномъ судилищѣ, о томъ неподкупномъ судѣ, который ожидаетъ каждаго человѣка за вратами гроба. Посему не только самъ онъ устыдился хулить Невиннаго, но благожелательствуя своему собрату, старался и его остановить отъ такой дерзости. «Или ты не боишься Бога», всемірнаго Судьи? Этотъ упрекъ не падаетъ ли на тѣхъ, которые, быть можетъ, сами хуже многихъ, а любятъ осуждать другихъ? Привыкши къ пересудамъ и насмѣшкамъ, они не щадятъ ни добродѣтельныхъ и невинныхъ, ни даже несчастныхъ. «Почто же ты осуждаешь брата твоего, предостерегаетъ Апостоль и напоминаетъ:—вси бо предстанемъ судищу Христову» (Рим. 14, 10). Если хочешь тамъ помилованія, никого не подвергай пересудамъ и насмѣшкамъ. Кто не осуждаетъ другихъ, того и Богъ проститъ; ибо Самъ сказалъ: «не судите, да не судими будете» (Матѣ. 7, 1). Какъ же избавиться отъ этой пагубной привычки? Одинъ святой старецъ указалъ простой способъ: «Осуждай себя, и перестанешь осуждать другихъ» б).

Безъ самоосужденія невозможно исправленіе. Это мы видимъ даже на дѣтяхъ. Тѣ изъ нихъ, которыя всемѣрно скрываютъ свои проступки и никогда въ нихъ не сознаются, такъ и вырастаютъ лукавыми и испорченными. Напротивъ, кто признается въ своихъ ошибкахъ, кто самъ винитъ себя въ грѣхахъ, въ томъ уже зарождается желаніе восторжествовать надъ дурными влеченіями. Укореніе себя есть начало побѣды надъ собой, надъ самолюбіемъ, которое препятствуетъ намъ убѣдить себя, что неприятности жизни терпимъ по правдѣ, по дѣламъ нашимъ. Покаяніемъ возбуждается надежда обрѣсти оправданіе предъ Богомъ. И никто, себя обличающій, не обманется въ семъ упованіи, ибо сказано: «Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися» (Ис. 43, 26).

б) Варсан. отв. 104.

Такъ и поступилъ благоразумный разбойникъ. Онъ обвинилъ самъ себя, признаваясь, что терпѣть по правдѣ. Онъ не осмѣлился прежде сказать: «помяни мя, Господи», пока исповѣдью не очистилъ себя отъ грѣховъ, пока чрезъ осужденіе себя не стяжалъ надежду помилованія.

Такъ и каждый изъ насъ, въ сіи священные минуты воспоминаая снятіе Спасителя съ креста, что именно изображается изнесеніемъ плащаницы съ престола на средина храма, долженъ самъ прежде обвинить себя во грѣхахъ и сознаться, что если что терпѣть, то по правдѣ, и потомъ уже, лобызая Христовы язвы, сказать въ умиленіи сердечномъ: «помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ». Аминь.

Д О Р О Г О Й В Ъ Н О К Ъ

СЛОВО ПРИ ПОГРЕБЕНИИ *).

*Лежитъ чловѣку: единою умрети,
потомъ же судъ (Евр. 9, 27).*

Судъ надъ умершими начинается уже у гроба. Дѣла наши, какъбы тѣнь какая, идутъ вслѣдъ за нами и становятся у нашего гроба, образуя нѣкую невидимую, но всѣми чувствуемую атмосферу. Иногда это невидимос облекается довольно ясными, видимыми знаками.

Почтенны, вопервыхъ, эти знаки высокаго гражданскаго достоинства, которыми отличенъ былъ почившій рабъ Божій. Они—свидѣтели немалыхъ трудовъ, подъятыхъ при образованіи, столь тяжеломъ особенно въ наше время, памятники заслугъ, оказанныхъ имъ на разныхъ поприщахъ служенія. Не только въ очахъ царя земнаго цѣнны эти труды и подвиги общественные; нѣтъ, они не будутъ лишены своей награды и въ вѣчности. Господь Богъ повелѣваетъ намъ повиноваться властямъ предержащимъ и исполнять законы. Онъ и воздаетъ тѣмъ людямъ, которые, какъ должно, исполняютъ возложенныя на нихъ общественныя и гражданскія обязанности.

Если не такъ важны, за то болѣе трогательны знаки этой искренней глубокой печали, которыми окружаютъ почившаго его присные и знакомые. Здѣсь выступаютъ предъ нами черты тайной семейной жизни или кружка

*) Двора Его Императорскаго Величества камергера, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Алексѣевича Оленина.

близкихъ знакомыхъ. Имъ припоминается множество разныхъ услугъ, одолженій, дѣйствій любви и неизбѣжнаго при ней самоотверженія со стороны почившаго. Всѣмъ извѣстно, какъ горячо онъ любилъ своихъ близкихъ, особенно ближайшихъ... Кто знаетъ, не усленныя ли думы о благоустроеніи дома, о будущемъ дѣтей, при пылѣвшихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, были причиною нѣкотораго разстройства его мыслей въ послѣднее время жизни... Многое изъ этой области родственныхъ и семейныхъ отношеній, можетъ быть, уже и ускользнуло изъ памяти, но оставило неизгладимый слѣдъ въ сокровенной глубинѣ сердца, и вотъ теперь вызываетъ эти горячія слезы.. Эти слезы—лучшая похвала умершему, особенно, когда онѣ не исторгаются жизненною нуждою, на примѣръ, когда съ потерєю главы дома его сироты лишаются и средствъ къ жизни, а льются отъ одного только чистаго, любящаго сердца. Вмѣстѣ съ горячими слезами близкихъ и знаемыхъ видимъ у гроба почившаго много и другихъ знаковъ любви, вниманія, которыми окружается дорогой покойный въ послѣдній часъ его среди насъ пребыванія. Какъбы цѣлый садъ съ благоуханными цвѣтами и роскошными деревьями выросъ вокругъ его гроба.

Но, братіе, среди этого множества цвѣтущихъ деревьевъ, цвѣтовъ, сплетенныхъ въ эти роскошные вѣнки, позвольте указать вамъ на одинъ вѣнокъ, который дороже теперь всѣхъ этихъ вѣнковъ для сердца покойнаго. Это вѣнецъ, который сама Церковь возложила на чело почившаго. Сколько мысли въ этомъ украшеніи почившихъ въ православной вѣрѣ, къ которому такъ привыкли глаза наши! Что означаетъ этотъ вѣнокъ? «Это мое чадо», какъбы такъ отвѣчаетъ Церковь: я его возродила въ крещеніи, запечатлѣла дарами Святаго Духа, дала ему нетлѣнный залогъ жизни вѣчной». Принимая его въ свое лоно, Церковь молилась о немъ, какъ о каждомъ изъ насъ, «да бывъ срасленъ подобію смерти Господней крещеніемъ, общникъ и воскресенія будетъ и, сохранивъ даръ Святаго Духа и

возрастивъ залогъ благодати, пріиметь почеть горняго званія». Вотъ въ знакъ принадлежности христіанина къ свѣтлому сонму ея чадъ и вѣрности ей до конца она и возлагаетъ этотъ вѣнецъ на главу его. Здѣсь изображенъ великій Ходатай нашего спасенія Господь нашъ Іисусъ Христосъ и первые заступники наши предъ Нимъ изъ нашего человѣческаго рода Пресвятая Владычица и святой Іоаннъ, Предтеча и Креститель Господень. На немъ начертана ангельская пѣснь: «Святой Боже, Святой Крѣпкій, Святой Безсмертный». Что это значить? А вотъ что: «Упованіе Мое Отець, прибѣжище Мос—Сынъ, покровъ Мой—Духъ Святой». Обыкновенно эту ангельскую пѣснь мы дополняемъ, какъ она дополнена и на этомъ вѣнцѣ, словами: «помилуй насъ». Здѣсь съ нею какъбы соединяются слѣдующія надгробныя моленія: «Погибшая овца азъ есмь, воззови мя, Спасе, и спаси мя. Образъ есмь неизреченныя Твоея славы, ущедри Твое созданіе, Владыко, и очисти Твоимъ благоутробіемъ, и вождельнное отечество подаждь ми, рая паки мя жителя сотворяя»:

О почившемъ рабѣ Божиємъ Димитріи мы имѣемъ утѣшеніе сказать, что онъ скончался въ вѣрѣ и подѣ сѣнію Церкви. Среди жестокихъ и тѣлесныхъ и душевныхъ страданій послѣдней болѣзни была для него минута просвѣтлѣнія и покоя, которою онъ воспользовался для пріискренняго соединенія со Христомъ въ таинствѣ святаго Причащенія. За нѣсколько минутъ до кончины неожиданно произноситъ онъ эти слова, поразившія и тронувшія до глубины души всѣхъ слышавшихъ: «вѣчная жизнь начинается».

Буди же благословенъ путь, въ онъже идеши днесъ, почившій братъ нашъ.

Молимъ тя, Господи, въ умиленіи сердець нашихъ: прости согрѣшенія его и упокой его душу. Аминь.

Прот. Петръ Смирновъ.

СЕМЕЙНЫЯ МОГИЛЫ.

Слово при погребеніи ^{а)}.

Наконецъ ты опять здѣсь, на своей родинѣ, среди своихъ близкихъ, и не только живыхъ, но и умершихъ!..

Откуда этотъ обычай умирающимъ собираться вмѣстѣ подъ одинъ земной слой, подъ одну земляную кровлю? Какъ при этомъ сразу мѣняется самый характеръ смерти! Она навсегда разлучаетъ, и въ тоже время навсегда соединяетъ. То грозно караетъ насъ грѣшныхъ, то, какъ стражъ или приставникъ, бережетъ это мѣсто послѣдняго покоя людей близкихъ. Вотъ онѣ стоятъ одна подлѣ другой—дорогія родному чувству могилы. Сегодня еще одинъ холмикъ встанетъ среди нихъ.

Обычай этотъ, братіе, не только глубоко древній, но и священный. Наболѣе древняя семейная погребальная пещера заключала въ себѣ гробы патриарховъ: Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа. Происхожденіе ея описано св. пророкомъ Моисеемъ въ священной книгѣ Бытія, и здѣсь же указаны основанія для сего учрежденія. Основанія эти глубоко лежатъ въ сердцѣ человѣческомъ. Первое основаніе—любовь—эта наболѣе крѣпкая связь жизни человѣческой, эта благородное чувство, возвышающее насъ надъ мелочными интересами узкаго своекорыстія и даю-

а) Произнесено 7 января сего 1885 года въ соборной церкви московскаго Покровскаго монастыря, предъ отпѣваніемъ и погребеніемъ Павла Петровича Боткина, скончавшагося въ С.-Петербургѣ 2 января сего 1885 года.

щее истинную цѣну всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ и отношеніямъ. Среди движеній и порывовъ любви, потерявшей близкаго, дорогаго человѣка, возникло это желаніе—лечь рядомъ съ нимъ въ могилѣ. «И пришелъ Авраамъ рыдать по Саррѣ и оплакивать ее и отошелъ Авраамъ отъ умершей своей и говорилъ сынамъ Хетовымъ, и сказалъ: я у васъ пришлецъ и поселенецъ; дайте мнѣ въ собственность мѣсто для гроба, чтобы мнѣ умершую мою схоронить отъ глазъ моихъ» (Быт. 23, 3—4). Жители страны Хаанаанской, по глубокому уваженію и къ нему и къ постигнутому его горю, предлагали ему выбрать лучшее изъ своихъ погребальныхъ мѣстъ, для погребенія умершей. Тогда выборъ его остановился на Махпельской пещерѣ, которая находилась прямо противъ его палатки. Ему охотно дарили этотъ участокъ земли. Нѣтъ, онъ настоялъ, чтобы взята была за него *довольная цѣна*. Эта Махпельская пещера и сдѣлалась потомъ усыпальницей ближайшаго рода великаго патріарха и оберегается до сихъ поръ, какъ святыня и притомъ не одного христіанскаго міра. Итакъ любовь устроила это совмѣстное жительство по смерти и любовь родственная, семейная. Въ семьѣ начало любви; отсюда, постепенно расширяясь, она обнимаетъ всѣхъ людей, своихъ и чужихъ, самыхъ враговъ; въ общей семейной усыпальницѣ она какъбы возвращается къ своему источнику и осѣняетъ своими благословеніями этотъ мирный сонъ лицъ, столь тѣсно между собою связанныхъ. Гдѣ бы ни трудился членъ родной семьи, гдѣ бы ни застигъ его страшный смертный часъ, онъ возвращается къ своимъ приснымъ, и въ этой родной землѣ какъбы снова является для него дѣтская колыбель.

Но, братіе, у святыхъ патріарховъ самая любовь, родственная ли или другая, основывалась на болѣе глубокомъ и сокровенномъ чувствѣ, именно вѣрѣ. Она вдохновила Авраама на самый великій подвигъ любви и самоотверженія, такъ прославившій его имя. «Вѣрою Авраамъ, будучи искушаемъ, принесъ въ жертву Исаака, и, имѣя обѣтованіе, принесъ едиnorodнаго» (Евр. 11, 17). Обѣтованія эти

были велики и простиралась въ лицѣ этого отца въбрующихся на необозримую даль, на все времена и народы. Кто могъ бы проникнуть въ тайны духа этого необыкновеннаго мужа древности и объяснить, почему онъ избралъ мѣсто своего вѣчнаго покоя именно здѣсь, среди трехъ міровъ—христіанскаго, іудейскаго и магометанскаго, столь различныхъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и столь согласныхъ въ благоговѣнномъ уваженіи къ его святой памяти? Ближайшіе же наслѣдники его обѣтованій съ погребеніемъ въ его семейной пещерѣ видимо соединяютъ права вождѣннаго наслѣдія. Патриархъ Іаковъ просилъ Іосифа оказать ему «милость и правду», не хоронить его въ Египтѣ, «дабы лечь мнѣ, говорилъ онъ, съ отцами моими», и когда Іосифъ клятвой удостовѣрилъ его въ исполненіи этого желанія, то Іаковъ поклонился на верхъ жезла своего, благодаря Бога за великія къ нему милости (Быт. 47, 29. 30). Іосифъ, по своему высокому положенію въ Египтѣ, могъ бы найти тамъ великолѣпное мѣсто для своего погребенія, можетъ быть даже въ этихъ колоссальныхъ памятникахъ, которые, какъ высокія горы, возвышаются надъ равниной страны и смотрятъ на современный міръ чрезъ сорокъ вѣковъ. Нѣтъ,—и онъ, основываясь на вѣрѣ въ Божіе обѣтованіе, данное Аврааму, просилъ Евреевъ, во время исшествія ихъ изъ Египта вынести и его кости... Есть, братіе, великія обѣтованія и у всѣхъ отцевъ и братій нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ, которыя они раздѣляютъ вмѣстѣ съ нами, пока здѣ пребывающими и ожидающими своей очереди, чтобы идти туда же. Какія обѣтованія?—Что жизнь наша съ смертію не кончится, что все наши мысли, желанія, расположенія, выразились ли онѣ самымъ дѣломъ, или только усвоены сердцемъ, суть начало нитей, имѣющихъ продолжиться въ безконечной вѣчности, что, значить, все духовныя связи, скрѣпленные въ этой жизни, продлятся и тамъ, что наступитъ часъ, когда «все сущіе во гробѣхъ

услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавше, оживутъ» (Іоан. 5, 25. 28). Уже этой одной минуты одновременнаго возстанія изъ гробовъ къ новой нескончаемой жизни достаточно для того, чтобы этимъ гробамъ людей, духовно между собой столь сроднившихся, ютиться вмѣстѣ. Какая это будетъ оживленная минута всеобщаго пробужденія теперь на вѣки разлучаемыхъ! Какая необыкновенная радость свиданія послѣ столькихъ вѣковъ разлуки!.. Вмѣстѣ проснутся, встать рядомъ, увидѣтъ дорогихъ мать, отца, жену, братьевъ, сестеръ, дѣтей,—какое счастье!

Но, братіе, слышите, что далѣе говоритъ Господь нашъ: «И изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота, а сотворшии злая въ воскресеніе суда» (ст. 29). Свиданіе и тотчасъ же разлученіе! Разлученіе на вѣки нескончаемы! Мгновенная радость и сейчасъ же для многихъ самая страшная скорбь! «И послетъ Господь ангелы своя съ трубнымъ гласомъ велиимъ и соберутъ избранныя Его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ... и отлучатъ злыя отъ среды праведныхъ» (Мѡ. 24, 31; 13, 49). «Тогда два будета на селѣ; единъ поемлется, а другій оставляется» (24, 40). Какъ бы желательно было, чтобы эта радостная минута свиданія была началомъ жизни вмѣстѣ, неразлучно, на безконечныя вѣки! Что нужно для этого? Что можетъ этому способствовать?

Прежде всего и главнымъ образомъ нужна живая и искренная вѣра, сопровождаемая любовью или, точнѣе сказать, выражающаяся въ добрыхъ дѣлахъ. Одна мать-страдалица имѣла силу вынести, какъ предъ ея глазами самымъ ужаснымъ образомъ замучили за святую вѣру до смерти шесть ея сыновей. Вотъ она, изнеможенная до крайности, наклоняется къ послѣднему, самому младшему своему сыну и говоритъ ему: «умоляю тебя, дитя мое, будь достойнымъ братьевъ твоихъ и прими смерть, чтобы я по милости Божіей опять приобрѣла тебя съ братьями твоими» (2 Маккав. 7, 29). Доблестная мать падѣялась всѣхъ сво-

ихъ дѣтей встрѣтить въ день воскресенія и въ этой надеждѣ убѣждала ихъ быть единодушными въ подвигѣ. Наши предки большею частью показываютъ намъ примѣръ благочестія. Отсюда правило для насъ: если хочешь быть вмѣстѣ съ ними, подражай ихъ вѣрѣ.

Къ утѣшенію своему можемъ сказать, что почившій собратъ нашъ получилъ твердое религіозное воспитаніе подъ самымъ близкимъ надзоромъ строгаго въ благочестіи родителя и добродѣтельной матери, подъ сѣнью храма, гдѣ отецъ его былъ ктиторомъ, а онъ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ. Онъ удивлялъ насъ знаніемъ такихъ подробностей въ церковномъ чинопослѣдованіи, которыя огромному большинству свѣтскихъ людей далеко недоступны. Такое твердое направленіе къ вѣрѣ въ юности — самое надежное для человѣка. И сколько ни приражались къ покойному вѣянія житейской суеты, сколько ни видѣлъ онъ противнаго вѣрѣ и Церкви въ окружающемъ его обществѣ въ наше мятежное время, мы съ полнымъ упованіемъ вѣры можемъ молиться о немъ Богу духовъ: «аще и согрѣши, но не отступи отъ Тебе и несумнѣнно во Отца и Сына и Святаго Духа вѣрова и Единицу въ Троицѣ и Троицу во Единицѣ православно даже до послѣдняго своего издыханія исповѣда». (Слова церк. молитвы).

Покойный вынесъ предъ своею кончиной продолжительную тяжелую болѣзнь и донесъ этотъ крестъ до послѣдней минуты. Такія продолжительныя болѣзни предъ кончиной представляютъ особенный путь Божественнаго промысла для приготовленія къ вѣчности. Здѣсь, какъбы раскаленнымъ желѣзомъ, выжигается въ душѣ человѣка все нечистое, и мощная десница небеснаго Отца въ самое нужное время подклоняетъ его подъ сѣнь спасающей благодати Сына.

Остальное зависить отъ молитвъ Церкви, въ которыхъ и ваша молитва, присные и знаемые покойнаго, пока Господь еще длить день вашей жизни, имѣеть для него вели-

кое и важное значеніе. Вспомните этого добраго, ласковаго, привѣтливаго, ко всѣмъ благорасположеннаго чловѣка и молитесь о немъ. Въ особенності, надѣюсь, вы, молодое поколѣніе, не забудете своего добраго дядю и не престанете утѣшать его духъ своими теплыми о немъ молитвами; помните, какъ онъ истощался въ успліяхъ, чтобы чѣмъ-либо васъ утѣшить и обрадовать.

Начнемъ же это дѣло любви христіанской и вознесемъ усердную молитву въ этотъ важный для него часъ, чтобы упокоилъ его Господь въ числѣ Ему благоудившихъ. Аминь.

Прот. П. Смирновъ.

НЕОБХОДИМЫЙ ЗАПАСЪ.

Слово предъ отпѣваніемъ а).

Предлежащій гробъ представляетъ нѣчто въ крайней степени неожданно. Человѣкъ, полный силъ, цвѣтущій здоровьемъ, работавшій за десятерыхъ такъ сказать, разливававшій вокругъ себя жизнь и довольство, внезапно поемлетя. Болѣзнь прилагается къ болѣзни. Быстро рушится крѣпость силъ. Искусство избраннѣйшихъ врачей оказывается безспльнымъ, и вотъ великое множество знаемыхъ и знавшихъ этого живаго, добраго, дѣятельнаго, благодушнаго человѣка, вдругъ поражается вѣстью объ его копчинѣ. Какъ будто ураганъ бури ворвался въ тихое русло рѣки и унесъ пловца, который пренебрегъ обычныя мѣры осторожности и болѣе, чѣмъ было можно и должно, положился на стойкость якоря и крѣпость вервей. За симъ невольные крики ужаса у всѣхъ, видѣвшихъ это внезапное исчезновеніе лодки подъ водой, а тамъ вдали разстилающійся тяжелый и страшный туманъ...

Но есть нѣчто и свѣтлое въ этой мрачной картинѣ. Застигнутый бурей неосторожный пловецъ, когда исчезалъ подъ водой, бросилъ на насъ такой ясный и покойный взоръ. Всѣ въ ужасѣ отъ его быстрой кончины, но съ леденящимъ холодомъ смерти у насъ борется самая живая любовь къ почившему и ей сіяютъ лучи надежды.

а) Московскаго купца Стефана Егоровича Никифорова.

Послѣ страшнаго бреда, въ которомъ сказался человѣкъ, прямо схваченный съ поля жизни, настаютъ минуты успокоенія, такъ обрадовавшія приближенныхъ, но, увы, оказавшіяся печальнымъ предвѣстіемъ. Больной приходитъ, насколько можно было въ его страшной, пожирающей болѣзни, къ сознанию, повторяетъ за чтецомъ молитвы, многократно осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, приноситъ сокрушенную исповѣдь, и съ благоговѣніемъ пріемлетъ святыя Дары. Затѣмъ вторично я былъ у него въ этотъ послѣдній его день, видѣлъ за нѣсколько минутъ до кончины его взглядъ, слышалъ слова привѣтствія, добрыя, ласковыя, какъ всегда. Не такъ смотреть, не эти добрыя слова говорятъ погибающіе.

Отъ чего такъ? Запасъ былъ сдѣланъ этимъ человѣкомъ большой на часъ его смертной нужды и скорби. Во время необычайныхъ успѣховъ жизни, среди изобилія благъ земныхъ, онъ помнилъ и вѣру, и церковь, и бѣдныхъ. Тотъ день для него не былъ праздникомъ, когда онъ не побывалъ бы въ церкви. Его все трогало до глубины души: и благолѣпіе храма, и полная мысли и жизни церковная пѣснь. Въ его глазахъ всѣ были прекрасные люди. При встрѣчѣ съ огорченіями онъ, бывало, вспыхнетъ, и черезъ минуту опять ясный, веселый, ласковый, привѣтливый. Онъ любилъ пожить свѣтло, но бѣдный Лазарь не ждалъ крошекъ съ его роскошной трапезы, и не крошками онъ благодворилъ. Много теперь плачетъ о немъ людей бѣдныхъ. Многіе за него отъ всей души молятся и помолются.

Вотъ здѣсь-то и нашелся у него тотъ елей, который былъ ему нуженъ во время страшнаго урагана болѣзни, для освѣщенія его послѣдней минуты. Сердце укрѣпленное въ вѣрѣ, преданное Церкви, полное любви и благожеланій, даже разрываясь, не охладѣло. Господь, сподобивъ его на порогѣ смерти дара своей любви, далъ ему знаменіе Своего благоволенія. И эти единодушныя молитвы, а особенно

молитвы бѣдныхъ будутъ услышаны и не раззорится домъ того, кто столько любилъ бѣдныхъ и всѣхъ.

Братіе! Почившій братъ нашъ оставляетъ намъ урокъ быть готовыми къ смерти, а такъ какъ часъ ея никому неизвѣстенъ и нерѣдко приходитъ внезапно, неожиданно, яко тать въ нощи, то по возможности заранѣе запасать себѣ вѣры и любви, чтобы не погасъ нашъ свѣтильникъ въ этотъ страшный часъ, и тамъ найти намъ покровительство и благоволеніе.

«Бдите убо, яко не вѣсте дне, ни часа, въ онъже Сынъ человѣческій придетъ» (Мѡ. 25, 13).

«Благотворенія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ» (Евр. 13, 16).

Прот. Петръ Смирновъ.

БѢСОВСКАЯ СИЛА.

Бесѣда въ четвертую недѣлю Великаго поста.

Въ Евангеліи нынѣшняго дня, православная братія, вы слышали повѣствованіе объ исцѣленіи бѣсноватаго. Картина упадка человѣческой природы, представленная вамъ въ лицѣ этого человѣка, произвела конечно на васъ глубокое впечатлѣніе. Но она поразила бы васъ еще болѣе, еслибы вы припомнили, когда и гдѣ это случилось. Это происходило у подошвы горы Фавора, на которой Господь въ это самое время преобразился предъ учениками. Тамъ лице Его просіяло, какъ солнце, и одежды стали бѣлы, какъ снѣгъ. Два небожителя, два величайшіе пророка Моисей и Ілія, явились Господу. Такъ евангелистъ описываетъ преображеніе. Но это описаніе не дастъ намъ полного представленія о красотѣ этого явленія. Преображеніе Господне было такъ прекрасно, что одинъ изъ свидѣтелей преображенія, апостоль Петръ, не помня себя отъ восторга, обратился къ Господу съ такимъ страннымъ предложеніемъ: «Господи, хорошо намъ здѣсь, сдѣлаемъ три палатки, одну для Тебя, другую для Моисея и третью для Іліи». Предлагаетъ устроить земное жилище для небожителей!

Такова слава преображенія Господня. И однако, замѣтьте, братіе, эта слава, которой нельзя ни выразить языкомъ человѣческимъ, ни представить воображеніемъ, есть только блѣдная тѣнь дѣйствительной славы Господа. Онъ явилъ учени-

камъ свою славу въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ могли вынести ихъ бранныя чувства. И такая-то слава предназначена и для всѣхъ вѣрующихъ. «Не у явися, что будемъ», говоритъ Апостоль, т.-е. нельзя и представить, какая ожидаетъ насъ слава; ясно только одно, что—когда Онъ, Господь нашъ, явится наки, то мы подобны Ему будемъ, ибо узримъ Его, какъ Онъ есть, и отъ этого лицезрѣнія Его праведники просвѣтятся, какъ солнце, въ царствіи Отца ихъ. Къ такой-то славѣ назначенъ человѣкъ и начатками ея пользовался во дни своей невинности; даже послѣ паденія пользовались ими нѣкоторые избранные Божіи; такъ лице Моисея отъ близости къ Богу до того просіяло, что онъ принужденъ былъ покрывать его, когда являлся народу, потому что народъ не могъ смотрѣть на него.

Теперь, братіе, спустимся съ горы, на которой въ лицѣ Иисуса Христа такъ прославилась человѣческая природа, и посмотримъ, что дѣлается у подошвы. Вотъ человѣкъ одержимый злымъ духомъ, лишившимъ его дара слова, скрежеща зубами и испуская пѣну, катается по землѣ до тѣхъ поръ, пока истощенный не впадетъ въ оцѣпенѣніе. Не рѣдко злой духъ бросалъ этого несчастнаго то въ огонь, то въ воду. Но какъ ни ужасно состояніе этого бѣсноватаго,—Евангеліе представляетъ еще болѣе ужасныя. Такъ однажды Господь встрѣтилъ въ Гадаринской странѣ двоихъ бѣсноватыхъ, которые жили не въ жилищахъ человѣческихъ, а въ могильныхъ пещерахъ среди горъ и тамъ бились о камни, испускали вопли, наводя ужасъ на проходящихъ; они были столь свирѣпы, что никто не осмѣливался приблизиться къ тѣмъ мѣстамъ; пробовали сковывать ихъ, но они, съ нечеловѣческой силой ломали оковы, какъ хворостъ. Эти не были нѣмы, какъ описываемый въ нынѣшнемъ Евангеліи бѣсноватый, но рѣчи ихъ возбуждаютъ болѣе ужасъ, чѣмъ нѣмота послѣдняго. «Какъ тебѣ имя?» спрашивалъ Господь одного изъ нихъ. «Легионъ, отвѣчалъ бѣсноватый, или вѣрнѣе бѣсы его устами,—потому что насъ много».

Что же это за болѣзнь, которую были одержимы эти несчастные, подобныхъ которымъ встрѣчалось очень много въ іудейскомъ народѣ во времена І. Христа?—«Эпилепсія, падушая болѣзнь, бѣшенство, вообще нервное разстройство», отвѣтили бы не задумавшись врачи нашего времени. Очень вѣроятно, что основаніемъ бѣснованія было дѣйствительно обыкновенное душевное и тѣлесное разстройство. Чтобы играть на какомъ-нибудь инструментѣ, нужно, чтобы инструментъ былъ настроенъ: точно также, чтобы чуждая темная сила могла распоряжаться человѣкомъ, нужно, чтобы духовныя и тѣлесныя его силы были для этого достаточно разстроены. А что эти несчастные, которыхъ Евангеліе называетъ бѣсноватыми, были болѣе чѣмъ обыкновенныя больныя, страдающіе падушею болѣзнію, бѣшенствомъ и т. п. и находились дѣйствительно подъ вліяніемъ темной силы, такъ это очевидно изъ того, что іудеи отличали ихъ отъ обыкновенныхъ больныхъ и самъ Господь видѣлъ въ нихъ именно бѣсноватыхъ.

Итакъ вотъ, братія, предъ вами два состоянія человѣческой природы, — еаворская слава и бѣснованіе, свѣтъ и тьма, небо и адъ. Разстояніе ужасное! Какъ могъ человѣкъ упасть такъ глубоко? Ахъ, братіе, вы знаете, какъ. Одинъ разъ человѣкъ подчинился вліянію духа злобы и, по его лукавому совѣту, вышелъ изъ повиновенія Творцу, въ надеждѣ стать богомъ, и вотъ, вмѣсто того чтобы стать богомъ, сталъ рабомъ діавола. Діаволь сдѣлался «княземъ міра сего», и съ той несчастной минуты власть его все росла и росла, пока не достигла до тѣхъ ужасныхъ размѣровъ, въ какихъ она обнаруживалась надъ бѣсноватыми. Господь нашъ І. Христосъ затѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы «разрушить дѣла діавола» и освободить человѣка отъ его власти. Изгнаніе бѣсовъ было поэтому, обыкновеннымъ дѣломъ І. Христа. Оттого послѣ побѣды І. Христа надъ діаволомъ мы не видимъ, чтобы злые духи такъ нагло вторгались въ жизнь человѣка. Однако діаволь побѣжденъ, но не уничтоженъ, не изгнанъ

изъ міра,—не потому конечно, чтобы на это не достало силы у его Побѣдителя, а потому, смѣю сказать, что этого и не должно быть. Настоящая побѣда, достойная этого имени, одерживается нравственною силой, а не насиліемъ, не физическою силой. И Господь побѣдилъ діавола не столько всемогуществомъ Своимъ, сколько нравственною силой. Онъ побѣдилъ его тѣмъ, что выдержалъ его искушеніе, что терпѣлъ всю жизнь нищету, поношенія, гоненія, и умеръ на крестѣ. Этою-то нравственною силой и намъ указалъ Онъ довершать побѣду надъ нашимъ врагомъ, и ею преимущественно мы можемъ «наступать на змію, и на скорпію, и на всю силу вражію». И чтобы снабдить насъ этою всепобѣждающею силой, Господь даровалъ намъ «всѣ божественныя силы, яже къ животу и благочестію».

Итакъ діаволь побѣжденъ, но еще не изгнанъ изъ міра, и мы еще не можемъ считать себя совершенно безопасными отъ его вліянія. Правда, онъ не вторгается теперь въ нашу жизнь такъ нагло, какъ это было до пришествія І. Христа, но онъ такъ сказать подкрадывается тайкомъ и дѣйствуетъ на душу человѣка тайными внушеніями. Такое тайное вліяніе похоже на то, какое коварный человѣкъ имѣетъ на пьянаго: пьяный совершаетъ, по внушенію этого коварнаго совѣтника, преступленіе, которое ему самому быть можетъ никогда бы не пришло въ голову совершить, а между тѣмъ воображаетъ, что совершаетъ его самъ, по собственному почину. Такъ точно человѣкъ, опьяненный страстью, становится слѣпымъ орудіемъ сатаны и воображаетъ себя совершенно свободнымъ. Такое тайное вліяніе гораздо опаснѣе явнаго насилія. Сравните состояніе бѣсноватаго съ состояніемъ Іуды-предателя и фарисеевъ, убійць Христа. Бѣсноватыя наводятъ ужасъ; но почему? Совсѣмъ не потому, чтобы они были худшіе изъ людей, какіе-нибудь изверги рода человѣческаго,—нѣтъ: невоздержаніе, сластолюбіе, или что-нибудь въ этомъ родѣ, разстроило равновѣсіе ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, и, воспользовавшись этимъ, духи злобы проникли въ нихъ

и противъ ихъ воли управляютъ ими. Начинается борьба между человѣкомъ и овладѣвшею имъ темною силой; отсюда всѣ эти наводящіе ужасъ припадки бѣшенства. Бѣсноватые то бѣгутъ на встрѣчу Христу съ смутною надеждой найти у Него помощь, то, нудимые чуждою силой, кричатъ ему: «Оставь насъ, Святый Божій, что тебѣ за дѣло до насъ?» Эта-то, наводящая ужасъ, борьба между человѣкомъ и порабощающею его темною силой и дастъ надежду, что человѣкъ можетъ еще быть вырванъ изъ ся когтей. Сознаніе своего жалкаго положенія и желаніе освободиться отъ него, еще не угасло въ этихъ несчастныхъ и привлекало къ нимъ милосердіе Господа. Но что было дѣлать съ Иудой и фарисеями? Эти, казалось, были люди, какъ люди, а сами считали себя даже выше обыкновенныхъ смертныхъ и не только на бѣсноватыхъ, но и на всѣхъ смотрѣли съ презрѣніемъ. И однако въ сердцѣ Иуды, какъ замѣчаетъ евангелистъ, діаволь уже вложилъ чужовищную мысль предать своего Учителя, а фарисеи давно уже питали къ І. Христу непримиримую злобу и только ждали случая утолить ее смертью ненавистнаго Учителя. Они, какъ прямо говорилъ имъ Господь, были «дѣтьми діавола и творили похоти его», но даже и не подозрѣвали этого и преисполнены были гордаго самодовольства. Что же было дѣлать съ этою самоувѣренностью? Какое было средство спасти ихъ, когда ни божественное ученіе, ни святѣйшая жизнь, ни чудеса, ни обличенія І. Христа—ничто на нихъ не дѣйствовало?

Такъ-то, братія, страсти порабощаютъ насъ діаволу, особенно гордость, зависть, злоба, корыстолюбіе, эгоизмъ, доходящій до совершенной безчувственности къ страданіямъ ближнихъ. Это настоящія діавольскія страсти, и люди преданные имъ, суть, можно сказать, любимыя дѣти діавола. Вспомните только, что дѣлали въ послѣднюю войну съ нашими доблестными воинами, проливавшими свою кровь за святое дѣло и за нашу честь, что дѣлали не жида только, а наши приеные, русскіе,—поставщики продовольствія

для арміи? И эти люди не только не стыдились своей чудовищной жестокости, не скрывали, не лицемерили, но еще нагло смѣялись надъ ограбленными ими, смѣялись надъ тѣми, кто содрагался при видѣ ихъ жестокости, смѣялись надъ отвращеніемъ къ ихъ подвигамъ, какъ надъ ребяческимъ чувствомъ, и хвастали невѣріемъ во все святое. Скажите, человѣческія ли это черты? Нѣтъ, братія, было бы ужасно и богохульно представлять природу человѣческую способною къ такимъ сатанинскимъ страстямъ. Напрасно мы думаемъ, что люди, доходящіе до такихъ чудовищныхъ крайностей, дѣйствуютъ свободно. Они—рабы діавола и «похоти отца своего (діавола) творятъ». Правда, они были когда-то свободны, потому что безъ воли человѣка никакая темная сила не овладѣетъ имъ; но они не сторожили дверей своего сердца, они допустили туда страсть, они отдались ей безъ борьбы, и стали рабами діавола, несравненно болѣе поработченными, чѣмъ бѣсноватые.

Ахъ, братія, нужно бдительно охранять двери своего сердца, чтобы страсть, а съ ней вмѣстѣ и діаволь, не пропикли туда. Каждый день, отходя ко сну, нужно внимательно осматривать все углы своего сердца, не закрался ли туда діаволь подъ покровомъ какого нибудь дурнаго желанія, которое есть зародышъ страсти; и если это случилось, то нужно какъ можно скорѣе подавить, задушить дурное сѣмя, пока оно не укоренилось. Тогда, безъ особенной помощи Божіей, трудно будетъ одолѣть укоренившуюся страсть. Да и пайдется ли еще тогда въ насъ довольно готовности и рѣшимости на тяжелую борьбу, если она не оказалось прежде, когда борьба была несравненно легче? А безъ рѣшимости нечего ждать помощи отъ Бога: нравственное возрожденіе не можетъ, не должно совершиться безъ нашего собственнаго участія. Отъ того Господь всегда помогать только тѣмъ, въ комъ встрѣчалъ вѣру. Вѣръ онъ ни въ чемъ не отказывалъ; она, такъ сказать, не сиротясь Его, черпала изъ Него помощь, какъ

видимъ изъ примѣра кровоточивой, которая получила исцѣленіе отъ одного прикосновенія къ Его одеждѣ.

Лучшее оружіе для борьбы съ діаволомъ есть постъ и молитва. «Сей родъ, сказалъ Господь о бѣсахъ по повѣду исцѣленія бѣсноватаго,—ничимъже исходитъ, токмо молитвою и постомъ». Постъ умерщвляетъ чувственную похоть, корень страстей, возбуждаетъ энергію и закаляетъ волю. А молитва,—это огонь, пожигающій похоти. Основаніемъ ей служить представленіе съ одной стороны величія Божія и святости, а съ другой нашего ничтожества и нечистоты. Отсюда благоговѣніе, смиреніе и сокрушеніе сердца; омытая, освѣщенная этими чувствами, душа получаетъ крылья, возносится къ Богу, входитъ съ Нимъ въ таинственное общеніе, такъ сказать погружается въ Него и преобразуется, просвѣтляется. Оттого демоны болѣе всего боятся молитвы.

Это оружіе—постъ и молитву, мы должны постоянно носить. Но зная нашу лѣньность и безпечность, Церковь назначаетъ намъ особое, нарочитое время поста для усиленныхъ уже подвиговъ воздержанія и молитвы. Освобождаясь чрезъ эти подвиги отъ страстей, человѣкъ освобождается отъ власти діавола и становится рабомъ Божиимъ; просвѣтляется, преобразуется духомъ и готовится къ полному преобразенію въ царствѣ славы.

Свящ. Д. Державинъ.

КЪ НЕГОВѢЮЩИМЪ.

Слово великопостное.

Покаянія отверзи ми двери, Житодавче.

Еще до наступленія Великаго поста, св. Церковь призывала насъ къ покаянію, влагая сіи слова церковной пѣсни въ наши уста; но теперь во дни покаянія она еще усилениѣе, еще настойчивѣе зоветъ насъ къ покаянію не одними пѣснями церковными, но всѣмъ строимъ службъ своихъ—и частыми колѣнопреклоненіями, и частымъ приглашеніемъ на молитву, и унылымъ пѣніемъ, и рѣдкимъ заунывнымъ благовѣстомъ, и несвѣтлыми облаченіями священнослужителей, словомъ, всею внѣшностію священнодѣйствій хочетъ укоренить въ насъ мысль о покаяніи. И благодареніе Богу, многіе вняли ея зову: говѣли, исповѣдывались, причащались. Какая радость и на небѣ и на землѣ о подобныхъ христіанахъ—чадахъ Церкви!—Но всѣ ли такъ поступаютъ? Къ прискорбію, нѣтъ. Одни уже отложили говѣніе до слѣдующаго года,—другіе, не говѣя уже нѣсколько лѣтъ, даже не знаютъ, когда они приступятъ къ этому святому дѣлу. Какая скорбь для матери св. Церкви объ этихъ нерадивыхъ чадахъ! Къ нимъ-то и будетъ нынѣ наше слово.

Итакъ многіе рѣшили не говѣть, не хотятъ говѣть, исповѣдаться, каяться въ своихъ грѣхахъ. Но подумали ли таковыя, на хорошее ли дѣло они рѣшились? Они рѣшились вѣдь еще съ большею силою отдаться грѣху, отъ ко-

торого между тѣмъ нужно бы всячески стараться освободить себя,—они рѣшились еще дальше убѣжать отъ дому Отца небеснаго, отъ матери св. Церкви; они хотятъ уйти въ самую непроходимую дѣбрь, въ самую густую чащу страстей и пороковъ. Не на доброе дѣло они рѣшились! Они хотятъ убѣжать пристанища тихаго, предпочитая лучше скитаться по волнамъ бурнаго моря,—они оставляютъ безъ вниманія источникъ чистый, изливающій милосердіе, прощеніе и любовь, а хотятъ пить лучше изъ колодезь съ водою мутною, испорченною,—изъ тины удовольствій плотскихъ, чувственныхъ, грѣховныхъ. Да, имъ жалко разстаться съ грѣхомъ, который они любятъ, лелѣютъ, какъ змѣю за пазухой, не замѣчая, что эта змѣя давно чуть не смертельно уязвила ихъ. Имъ трудно притечь къ покаянію, потому что они понимаютъ, что раскаявшійся во грѣхахъ долженъ возненавидѣть ихъ, не повторять, а этого сдѣлать они не хотятъ. Но пусть подумаютъ всѣ служащіе грѣху и любящіе его: каковъ плодъ ихъ дѣяній, каковъ конецъ ихъ. Душа, нераскаянно работающая грѣху—это дерево засохшее,—это трупъ смердящій, это градъ опустошенный. Дерево сухое срубаютъ и бросаютъ въ огонь,—отъ трупа смердящаго бѣгутъ,—надъ градомъ разореннымъ хочется плакать. Таково состояніе и души нераскаянной. И это состояніе многимъ нравится, имъ жалко съ нимъ разстаться,—они и нынѣшній годъ не хотятъ подумать о себѣ.

Что дѣлаютъ надъ своей душой всѣ бѣгущіе отъ покаянія? Они лишаютъ ее свѣта и радости; они прямо обрекаютъ ее на гибель; они готовятъ ей геенну, огонь неугасимый. Ибо куда же пойдутъ грѣшники нераскаянные, если не въ это плачевное мѣсто? «И идутъ снъ въ муку вѣчную»,—это слова Спасителя. Они крайне неблагодарны къ Спасителю: Онъ нашу душу искушилъ, кровь за нее пролилъ, а мы ее губимъ. Спаситель призвалъ ее къ блаженству вѣчному, омылъ въ купѣли крещенія, простилъ и готовъ прощать намъ всѣ грѣхи, усыновилъ насъ Себѣ,—

а мы нерадимъ о такой любви Его къ намъ, и бѣжимъ отъ Него. Онъ за каждой литургіей чрезъ священнослужителя возглашаетъ: ядите тѣло Моё, пійте кровь Мою,— а мы какъбы не слышимъ этого приглашенія и уклоняемся отъ Божественной трапезы. Ужели душа наша менѣе дорога для насъ, чѣмъ тѣло, о которомъ мы каждый день имѣемъ попеченіе, которое питаемъ, покоимъ, очищаемъ, украшаемъ? Тѣло насыщено, даже пресыщено подчасъ, а душа изнываетъ отъ недостатка свойственной ей пищи?— Тѣло въ покоѣ, а душа терзается отъ страстей; тѣло одѣто, украшено, а душа обезображена разными беззаконіями и пороками; тѣло очищается, а душа остается неочищеною, не омытою слезами покаянія нѣсколько лѣтъ. Можно ли одобрить подобное состояніе? Что бы вы сказали о томъ хозяинѣ дома, который стѣны его снаружи сталъ бы укрѣплять, украшать, а внутренность оставилъ бы безъ вниманія, и мало того, сталъ бы собирать туда всякій соръ и нечистоту? Таковъ и грѣшникъ, заботящійся единственно о потребностяхъ житейскихъ, объ удовольствіяхъ чувственныхъ, а о душѣ забывающій, дѣлающій ее чрезъ пераскаянность вмѣстилищемъ беззаконій и пороковъ.

Страшно не бывать по нѣскольку лѣтъ на исповѣди, и не приносить покаянія. Если комнату долгое время не убирать, пыль не выметать, не вычищать, что съ нею дѣлается? Слои пыли дѣлается толще и толще, сору и грязи накапливается болѣе и болѣе,—этотъ соръ, эта пыль наконецъ прирастаютъ къ полу и стѣнамъ и чтобы какъ должно все очистить, нужно употребить много времени, много усилій. Тоже самое бываетъ и въ душѣ, не приносящей покаянія по нѣскольку лѣтъ. Грѣхи прилагаются ко грѣхамъ, образуютъ какъ бы нѣкій густой и непроницаемый слой грѣховный, который дѣлаетъ человѣка глухимъ ко всѣмъ призывамъ къ покаянію, образуютъ какъбы нѣкую грѣховную стѣну, разрушить которую грѣшнику уже крайне трудно, хотя бы и желалъ сего; потому что многихъ грѣховъ онъ и вспомнить не можетъ, чтобы омыть

ихъ слезами покаянія и исповѣдать предъ отцемъ духовнымъ,—къ другимъ онъ такъ привыкъ, такъ съ ними сроднился, что и не чувствуетъ всей тяжести, всей гнусности ихъ,—третьи такъ вкоренились въ его душу, что онъ никакъ не можетъ съ ними разстаться: онъ соглашается лучше съ ними жизнь свою окончить, чѣмъ ихъ бросить. Таковы всѣ страсти: пьянство, сребролюбіе, любострастіе, чревоугодіе и другія. И такой грѣшникъ, принедедшій на исповѣдь, послѣ того какъ не былъ у ней нѣсколько лѣтъ, походить на только что проснувагося, который второпяхъ не можетъ сообразить, сколько времени онъ спалъ и что видѣлъ во снѣ.

Вы говорите: я только нынѣшній годъ не могу говѣть, а на будущій годъ постараюсь. Но въ нашей ли власти будущее? Въ нашей власти настоящее, имъ и должны мы пользоваться, пользоваться для своего спасенія, и для сего отложить всѣ другія дѣла и заботы, какъбы онѣ важны ни были, на второй планъ, а будущимъ распоряжаться не дерзнемъ. Мы не знаемъ, что будетъ съ нами къ тому времени. Быть можетъ тѣла наши будутъ лежать въ землѣ, а душа предстанетъ на судъ Божій. Если мы не можемъ знать, выйдемъ ли мы сейчасъ изъ сего храма, можемъ ли знать, что будетъ съ нами чрезъ годъ. Ахъ, многіе вѣроятно и прошедшій годъ такъ разсуждали, положили въ мысляхъ дожидаться до сего дня. Но гдѣ они? Почему таковыхъ мы не находимъ въ средѣ своей?—Ихъ исхитила отсюда неожиданная ими, но давно сторожившая ихъ смерть. Быть можетъ, они и покаялись предъ смертію, а можетъ быть и не успѣли. Но что и за исповѣдь въ состояніи болѣзни, часто сопровождающейся жестокими физическими мученіями, и кому же въ самыя предсмертныя минуты? Душа томится, будучи вся занята страданіями тѣла, память измѣняетъ, языкъ нѣмѣетъ. Въ состояніи ли человѣкъ принести покаяніе отчетливое, сознательное, такое, какое всегда возможно въ состояніи здоровомъ? А исправленіе послѣ покаянія гдѣ? Конечно, Го-

сподь по своему безконечному милосердію и намѣреніе твердое, искреннее, принимаетъ, какъ дѣло. Но какъ трудно родиться твердому намѣренію перемѣнить себя тогда, когда вся жизнь прошла во грѣхахъ! Какъ трудно искренно раскаяться послѣ продолжительной нераскаянности! Разбойникъ спасся на крестѣ? Но разбойникъ, пусть онъ жилъ при жизни Иисуса Христа, слышалъ ли столько призывовъ къ покаянію, сколько слышимъ мы? Видѣлъ ли онъ надъ собой такое множество чудесъ, благодѣяній Божіихъ, сколько видимъ ихъ мы? Ты, столько разъ отвергавшій дары благодати Божіей, предоставленныя тебѣ этою благодію средства ко спасенію, ты, столько оскорблявшій Бога своею жизнію, за что въ своей гордости считаешь себя достойнымъ помилованія въ часъ смерти? «Смерть грѣшниковъ люта»,—вотъ что лучше пусть предносится въ твои мысли вмѣсто ложной надежды на милосердіе Божіе.

Итакъ, бр., не откладывайте день отъ дня обращенія вашего, спѣшите каяться, пока не ударилъ часъ гнѣва Божія. А гнѣвъ Божій всегда готовъ на грѣшниковъ нераскаянныхъ. Господь, не пощадившій нераскаянныхъ Содомлянъ, даже свой возлюбленный народъ—Иудеевъ, разрушившій грады ихъ и веси и всю страну обратившій въ пустыню, всѣми брошенную,—не можетъ ли Онъ также поразить и всякаго нераскаянно живущаго во грѣхахъ? И не видимъ ли мы знаменія этого гнѣва Его? Моровыя повѣтрія, такъ часто посѣщающія насъ, засухи, неурожай, пожары, истребляющіе цѣлые города и селенія, землетрясенія, слышимыя во многихъ странахъ—что все это, какъ не гнѣвъ Божій на грѣшниковъ? Не думайте, что этотъ гнѣвъ всегда можно отворотить молитвою. И молитва, и прибѣганіе къ помощи и заступленію святыхъ сильны только при раскаяніи. Израильтяне, сражаясь однажды съ Филистимлянами, для успѣха въ этой войнѣ потребовали у первосвященника къ себѣ въ войско кочевгъ завѣта—самую главную святыню ихъ. Первосвященникъ отпустилъ

его. Но и ковчегъ завѣта не помогъ—они были побѣждены—почему? Потому что на святыню они надѣялись, а объ исправленіи себя не думали, раскаянія во грѣхахъ, за которые и были наказаны войною, не приносили,—почему и самый ковчегъ завѣта былъ взятъ въ плѣнъ. Вотъ до какой степени Господу Богу ненавистно коснѣніе во грѣхахъ,—Онъ даже и святыни своей не щадитъ, чтобы наказать людей за это, какъ не пощадилъ ее и въ нашемъ градѣ въ 12-мъ году, предавши храмы наши на поруганіе иновѣрнымъ. Убонмся подобной участи и поспѣшимъ всѣ скорѣе подъ крыло покаянія, прольемъ слезы сокрушенія, пожертвуемъ изъ цѣлаго года нѣсколькими днями, употребимъ ихъ на святое дѣло говѣнія, приступимъ къ исповѣди и причащенію св. таинъ. Господь воздастъ намъ за то. Какъ пріятно будетъ на сердцѣ! Какъ свѣтло, мирно будетъ въ душѣ! какъ весело будемъ смотрѣть на міръ Божій, на ближнихъ нашихъ! Съ какою радостію очищенные покаяніемъ, соединившіеся со Спасителемъ, встрѣтимъ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова!

Братія! ужели кто нибудь изъ насъ захочетъ подражать врагу нашего спасенія діаволу? А ему подражаютъ тѣ, которые, какъ и онъ, грѣшатъ, а каются не хотятъ, упорствуютъ во грѣхахъ. Таковыя, страшно сказать, пожалуй вмѣстѣ съ нимъ могутъ дойти и до такого состоянія, что покаяніе сдѣлается для нихъ невозможнымъ, какъ это иногда съ нѣкоторыми и бываетъ. О, нѣтъ, да избавитъ насъ Господь отъ такого состоянія и по своей великой милости спасетъ и помилуетъ всѣхъ.

Свящ. П. Шумовъ.

АПОСТОЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАИЙ.

Бесѣда.

Апостольское чтеніе въ недѣлю Ваий взято изъ посланія ап. Павла къ Филиппійцамъ 4, 4—9. Вотъ русскій текстъ этого чтенія:

„Братіе! радуйтесь всегда въ Господѣ, и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ. Господь близко. Не заботьтесь ни о чемъ, но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ: и миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Исусѣ. Наконецъ, братія мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте. Чему вы научились, что приняли, и слышали, и видѣли во мнѣ, то исполняйте, и Богъ мира будетъ съ вами“.

Какъ просто и ясно это апостольское чтеніе! Разберемъ по порядку тѣ наставленія, которыя Апостоль даетъ здѣсь намъ.

Многотрудна и многоскорбна жизнь христіанина и во всякое время, а въ то время, когда христіанство только еще начало распространяться, была еще скорбнѣе и труднѣе. Несмотря однакожь на все это Ап. убѣждаетъ къ радости: «радуйтесь всегда о Господѣ и еще говорю: радуйтесь». Настойчиво убѣждаетъ. И дѣйствительно, кому и радоваться какъ не христіанину? Посмотрите на истиннаго христіанина: его умъ позналъ истину, которую многіе ищутъ и не находятъ; его сердце обрѣло успокоеніе въ истинной вѣрѣ; его воля какъ на камнѣ твердо стоитъ на испол-

неніи заповѣдей Христовыхъ; его совѣсть чиста и спокойна; онъ въ церкви Христовой, какъ въ тихой пристани, не боится волнъ житейскаго моря; пусть бушуютъ эти волны, но въ его душѣ также тихо, какъ подъ этими волнами, на днѣ морскомъ. Его опора, его защита—Христось. вѣра въ Него, надежда на Него. Таково состояніе истиннаго христiанина, и ему ли не радоваться? Какъ радуется нашедшій драгоценный бисеръ, обрѣтшій и купившій поле съ сокрытымъ въ немъ сокровищемъ, такъ свойственно радоваться истинному христiанину, обрѣтшему драгоценный бисеръ, неоцѣненное сокровище—Христа. Какъ радуется, послѣ продолжительныхъ блужданій, попавшій на дорогу настоящую, такъ радуется истинный христiанинъ, достигшій пути, ведущаго прямо къ спасенію. Не даромъ Ап. прибавилъ слова: «въ Господѣ». Да, его радость потому истинная радость, что ея источникъ есть Господь, предметъ радости Онъ же. Такъ радовалась Матерь Божія, когда говорила: «Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ». Лишите вы обладателя этой радости чести, имущества, здоровья, угрожайте муками, смертью, — радость о Господѣ, присущая ему, не оставитъ его; она будетъ съ нимъ всюду, она — залогъ, предвѣстница радостей вѣчныхъ. Мы, братіе, весьма часто не имѣемъ этой радости,—это отъ того, что не въ Господѣ ищемъ ее, ищемъ въ предметахъ земныхъ, временныхъ; сокроется отъ насъ предметъ нашей радости, исчезаетъ и радость изъ нашего сердца. Умерло у матери любимое дѣтище, лишился богачъ своего богатства,—лишились они и радости въ сердцѣ, и пусто, холодно, мрачно становится въ немъ. Еще болѣе погрѣшаютъ тѣ, которые радость себѣ хотятъ обрѣсти въ свѣтскихъ шумныхъ увеселеніяхъ. Это ложная радость, это радость грѣшника, хотящаго усыпить свою совѣсть чѣмъ-нибудь; кончится удовольствіе, и опять мрачно на душѣ его. Это—радость отуманеннаго виномъ: кончилось дѣйствіе разгорячающаго напитка, кончилось и веселіе. Это, наконецъ, веселіе без-

умнаго на краю пропасти. Веселится грѣшникъ, а того не знаетъ, что не нынѣ, такъ завтра ждетъ его быть можетъ бѣда, горе, кончина внезапная, участь въ будущемъ вѣкѣ грозная. Нѣтъ, всѣмъ таковымъ въ тысячу разъ лучше было бы плакать о себѣ, о своихъ грѣхахъ, о своемъ удаленіи отъ Бога. Но крайней мѣрѣ въ этомъ плачѣ они скорѣе и непремѣнно обрѣли бы себѣ истиннос утѣшеніе по слову Спасителя: «Блаженни плачущіи, яко тѣмъ утѣшатся».

«Кротость ваша да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ», вотъ еще что внушаетъ Апостоль. Васъ будутъ унижать, укорять, осмѣивать, гнать, всего лишать; а вы все это съ кротостью переносите, только любовью всѣмъ платите. Пусть всѣ знаютъ, что вы ученики Кротчайшаго изъ сыновъ человѣческихъ. Но вы скажете: трудно все терпѣть и терпѣть. Вотъ вамъ утѣшеніе и побужденіе къ терпѣнію: «Господь близко», говоритъ Апостоль. Что это значитъ? Знайте, что близко время, когда Господь, все видящій, все знающій, за все воздастъ вамъ. Это время наступитъ по смерти. Но неужели всю жизнь терпѣть? А еслибы и такъ? Велика ли и вся жизнь наша? Это минута въ сравненіи съ вѣчностью. Незамѣтно пролетитъ она. Близокъ къ каждому часъ смертный. А тамъ?—Тамъ близокъ Господь съ своею наградой своимъ страдальцамъ, тамъ вѣчныя, нескончаемыя радости. И какъ тамъ пріятно будетъ, что при жизни не отъ насъ другіе, а мы отъ другихъ терпѣли, что всѣмъ платили любовью и кротко безъ злобы, безъ ропота переносили всякую обиду!

Далѣе Апостоль внушаетъ безпечальность: «Не заботьтесь ни о чемъ, но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ, открывайте свои желанія предъ Богомъ».

«Не заботьтесь ни о чемъ». Этими словами Апостоль не къ беззаботности и праздности поощряетъ насъ, ибо онъ же сказалъ: «не трудивыйся да не ястъ»,—а предохраняетъ отъ суетливой житейской многопопечительности, отъ обремененія себя излишними заботами о земномъ

съ утратой надежды на промысль Божій и съ надеждой только на однѣ свои силы. Трудитесь, исполняйте свои житейскія дѣла, но не думайте, что для успѣха въ этомъ достаточно однихъ собственныхъ силъ. Что мы можемъ сдѣлать одними своими силами, однимъ своимъ умомъ? Ахъ, какъ слабъ, ограниченъ этотъ умъ! Какъ часто онъ бываетъ слѣпъ, не видитъ опасности тамъ, гдѣ она дѣйствительно есть, и видитъ страшное въ томъ, «идѣже не бѣ страхъ»! Что же дѣлать? Лучше всего обратиться къ Богу. Дитя обращается къ отцу, выражаетъ ему смѣло свои желанія, свои нужды, и если требованія его законны, отецъ всегда исполнить ихъ, исполнить по любви къ своему дѣтищу, изъ желанія добра ему. Но если дѣласть такъ отецъ земной, тѣмъ болѣе не откажетъ въ помощи намъ Отецъ нашъ небесный.

«И миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Іисусѣ». Вотъ что будетъ тогда, когда свои заботы будемъ возвергать на Господа, когда помощи будемъ ждаты отъ Него: «миръ Божій наполнить сердца наши». О, блаженное состояніе всего себя поручать Господу! Какъ сладко спитъ дитя на рукахъ матери, такъ сладко, спокойно бываетъ на душѣ и у христіанина, когда онъ всего себя предаетъ Богу. Господи! твори надо мной волю свою; Ты видишь, что нужно мнѣ, что служить на истинную пользу мнѣ. И я увѣренъ,—истинно пужное по своей благодати подашь мнѣ. Но мы, братія, моля Господа, часто ждемъ непремѣннаго исполненія нашихъ желаній и скучаемъ, ропщемъ, когда не по нашему бываетъ. Зачѣмъ такъ? Довольно съ нашей стороны высказать желаніе свое, довольно быть увѣреннымъ въ благодати и всемогуществѣ нашего Господа. А исполнить, или не исполнить просимое нами—это принадлежитъ Господу. Послушайте, какъ Самъ Богочловѣкъ предъ страданіями молится въ саду Геесиманскомъ: «Отче Мой! если возможно, пусть пройдетъ мимо Меня эта чаша, впрочемъ не Моя, но Твоя воля да будетъ»

(Мѡ. 20, 39). Молить Отца, но исполненіе своей молитвы отдаетъ на Его волю. Поступайте такъ и вы, и успокойтесь, и въ вашихъ сердцахъ водворится миръ.

Сказавъ, предъ кѣмъ нужно открывать свои желанія, Апостоль говоритъ, о чемъ и помышлять долженъ христіанинъ. О чемъ же? «Что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала, вотъ о чемъ помышляйте». Вотъ о чемъ должны быть помышленія христіанина: о томъ чтобы говорить истину, поступать справедливо, не безчестя своего высокаго званія христіанина, не осквернять своихъ устъ, своего взора, своего слуха, своего сердца, говорить и дѣлать одно любезное и Богу и людямъ, достигнуть той или другой добродѣтели. Вотъ чѣмъ должна быть постоянно занята мысль христіанина! Но чтобы мы всё лучше знали, въ чемъ именно состоитъ это истинное, честное, справедливое, чистое, любезное, Апостоль указываетъ на себя самого: «Чему вы научились, что приняли, слышали и видѣли во мнѣ, то исполняйте», а тогда что? Тогда «Богъ мира будетъ съ вами».

Братія христіане! что вы и всегда слышите въ словѣ Божіемъ, чему и всегда научаетесь съ сего святаго мѣста, какъ не тому же, чему учить сейчасъ Апостоль? Но много ли мы къ сердцу прилагаемъ изъ слышаннаго нами? Много ли въ жизнь бращаемъ изъ узаннаго? Что если все это проходитъ мимо насъ, вылетаетъ изъ памяти нашей, не коснувшись сердца, не проникнувши въ него? Что если слышимъ одно, а дѣлаемъ другое? Слышимъ объ истинѣ и правдѣ, а говоримъ ложь и творимъ несправедливость; слышимъ о чистотѣ и цѣломудріи, а творимъ скверное и нецѣломудренное; слышимъ о любви, воздержаніи и терпѣніи, а обнаруживаемъ злобу, невоздержаніе, ропоть, обидчивость, обижаемъ и обижаемся? Подумаемъ, когда же будетъ обращеніе наше? Вотъ и постъ проходить, вотъ многіе уже и отговѣли, а лучше ли стали? Есть ли въ насъ по крайней мѣрѣ намѣреніе, твердое намѣре-

ніе и искреннее желаніе жить для Бога и добродѣтели? Ахъ, у другихъ и того нѣтъ, другіе и на исповѣдь приходятъ безъ этого добраго намѣренія. Господи, какіе же мы грѣшныи! Какъ мы глубоко погрязли въ грѣхѣ! Какъ крѣпко мы сроднились съ нимъ!

Но если не внемлемъ кроткимъ глаголамъ, устрашимся хоть грознаго гласа Церкви. Завтра мы услышимъ пѣснь Церкви о внезапномъ второмъ пришествіи Христа: «Се Женихъ грядетъ въ полнощи, и блаженъ рабъ, сгоже обрящетъ бдяща». Ужели холодны останемся и при слышаніи этой пѣсни, и при напоминаніи объ этомъ страшномъ для нераскаянныхъ грѣшниковъ времени? А какія страшныя событія воспоминаются въ пятокъ и субботу наступающей недѣли! Спаситель за грѣхи наши страдаетъ, умираетъ, погребается. Безчувственная, мертвая природа Ему сочувствуетъ, солнце скрываетъ свой свѣтъ, земля потрясается, скалы рассѣдаются, гробы отверзаются, мертвые воскресаютъ. Ужели ты, душа моя, одна останешься безчувственною, окаменѣлою, мертвою отъ грѣховъ, не тронешься, не возстанешь для жизни о Христѣ? А и это все очень можетъ быть. Многіе даже и не услышатъ этой службы церковной, не будутъ въ храмѣ ни въ пятокъ, ни въ субботу; имъ некогда, у нихъ дѣла; имъ пужень сонъ, покой. Боже мой, до чего можно очерствѣть душой и впасть въ холодное маловѣріе, и даже безвѣріе? Братіе! Христосъ спасъ насъ, сдѣлалъ все для нашего спасенія; не будемъ безпечны и неблагодарны, припадемъ къ Нему, восплачемъ у креста Его, дадимъ твердое намѣреніе служить Ему, попросимъ силы на это у Него же самого. Господи, яви намъ силу Твою и спасеніе Твое даждь намъ.

Свящ. П. Шумовъ.

ЧТО ПОСЪЕШЬ, ТО ПОЖНЕШЬ.

*Помилуй мя Господи, яко скорблю:
смятеся яростію око мое, душа моя и
утроба моя (Пс. 30, 10).*

О чемъ это такъ горько скорбитъ псалмопѣвецъ? О чемъ онъ плачетъ такими жгучими слезами, что отъ нихъ *смятеся*, помутилось око его и вся душа его, вся внутренность его находится въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія и тревоги? «Смятеся *яростію* око мое», вотъ причина его скорби. Подъ яростію разумѣется здѣсь гнѣвъ Божій. Сознаніе псалмопѣвца, что онъ находится подъ гнѣвомъ Божиимъ, что рука Господня отяготѣла надъ нимъ, мучительно отзывается въ душѣ его и сопровождается мольбой о помилованіи: *помилуй мя Господи*. Въ чемъ выразился гнѣвъ Божій, оплакиваемый Давидомъ? Въ тѣхъ бѣдствіяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ сына своего Авессалома, ибо псаломъ, изъ котораго взяты нами для размышленія слова скорби псалмопѣвца, относятся ко времени возмущенія Авессаломова. Родной сынъ возмутился противъ отца, окружилъ себя скопищемъ единомышленниковъ, набралъ войско, объявилъ себя царемъ. Извѣстіе о возмущеніи Авессалома застало Давида въ такую пору, когда онъ всего менѣе готовъ былъ подавить его силой. Давидъ убѣжалъ изъ Иерусалима, сопровождаемый близкими и вѣрными ему людьми, плачущій, босой, съ покрытою въ знакъ печали головой. На пути убѣжалъ ему навстрѣчу человекъ изъ рода Саулова и сталъ проклинать его и бросать въ него камни и песокъ. Сопровождавшіе царя просили у него позволенія снять голову съ этого дерзкаго человекъ, но Давидъ не согласился. «Оставьте его проклинать меня, говоритъ онъ,—вѣрно Господь повелѣлъ ему». Давидъ видѣлъ въ своемъ бѣдствіи наказаніе Божіе за свои грѣхи и рѣ-

шился смиренно терпѣть оскорбленія отъ людей. Онъ вспомнилъ свои преступленія противъ Урїи, вспомнилъ, какъ онъ отнялъ у него жену и убилъ его рукой Аммонитянь, повелѣвъ поставить его подъ ихъ стрѣлы во время битвы. На совѣсти Давида лежало два грѣха—прелюбодѣяніе и убійство. Сначала онъ не чувствовалъ тяжести своей вины, но вотъ явился къ нему обличитель, пророкъ Наоанъ и возвѣстилъ ему: «За то, что ты похитилъ жену отъ живаго мужа и самого его убилъ, мечъ не отступитъ отъ дома твоего, мститель за грѣхъ прелюбодѣйства возникнетъ въ самомъ домѣ твоёмъ». Давидъ раскаялся, сказалъ: «я согрѣшилъ противъ Господа», и Наоанъ отъ лица Господа тотчасъ объявилъ ему: «и Господь снялъ съ тебя грѣхъ, ты не умрешь», т.-е. не подвергнешься тому возмездію, къ которому ты самъ приговорилъ себя, признавъ достойнымъ смертной казни богача, который для угощенія своего гостя отнялъ у бѣдняка единственную его агницу, хотя самъ владѣлъ множествомъ крупнаго и мелкаго скота. Но угроза наказанія все же должна была исполниться. Онъ долженъ былъ для заглаженія своего грѣха испытать бѣдствія, ему предназначенныя, подобно тому, какъ и теперь грѣшники, получившіе на исповѣди разрѣшеніе исповѣданныхъ ими грѣховъ, обязываются нерѣдко исполнить налагаемыя за нихъ духовникомъ епитиміи. Епитиміи предписываются съ цѣлью, чтобы грѣшникъ помнилъ грѣхъ, за который несетъ епитимію, и удерживался отъ повторенія его. Бѣдствія, испытанныя Давидомъ во время возстанія Авессалома, имѣли для него значеніе епитиміи. Онъ понималъ это значеніе и потому скорбѣлъ и плакалъ не столько о томъ, что терпѣлъ эти бѣдствія отъ людей, сколько о томъ, что самъ Господь наказуетъ его рукою людей. Его смущала не столько злоба людей, сколько гнѣвъ, *ярость* Господа, попустившаго людямъ унижать и позорить его для того, чтобы онъ вполне возчувствовалъ, какъ онъ самъ тяжело согрѣшилъ противъ людей, чтобы созналъ тяжесть своей вины противъ нихъ. Въ этомъ отношеніи душевное настроеніе Давида для всѣхъ поучительно. Давидъ смиренно призна-

ющій свои обѣдствія наказаніемъ Божиимъ и себя достойнымъ ихъ за свои вины противъ ближнихъ, представляетъ намъ примѣръ того, какъ мы должны вести себя, когда придетъся намъ терпѣть несправедливости и озлобленія отъ людей. Эти несправедливости и озлобленія пусть напоминаютъ намъ, сами мы не озлобляли ли и не обижали ли другихъ. Вотъ на примѣръ кто-нибудь обмануль тебя, далъ тебѣ слово и не сдержалъ, взялъ деньги въ долгъ и не отдалъ, да еще глумится надъ твоею довѣрчивостью. Тебѣ непріятно быть обманутымъ; но вспомни, самъ ты не сдѣлалъ ли когда чего-нибудь подобнаго, и если вспомнишь, скажи себѣ: по дѣломъ мнѣ. Что посяялъ, то жну.—Кто-нибудь оскорбилъ тебя грубою бранью, даже сквернословіемъ. Тебѣ тяжело такое оскорбленіе; тебѣ кажется, что ты не заслужилъ его; ты чувствуешь, что грубою бранью поругано въ тебѣ христіанское и человѣческое достоинство. Но вспомни, не обращался ли ты самъ съ ближними подобнымъ образомъ. Осыпая другихъ оскорбительными порицаніями, не говорилъ ли про себя, что брань на ворота не виснетъ, не думалъ ли, что обижаться твоими насмѣшками и ругательствами ближній не смѣлъ? Пойми же теперь по собственному опыту, какъ тяжело переносить брань, и скажи себѣ: по дѣломъ мнѣ, я заслужилъ это, потому что самъ въ томъ же виноватъ: что посяешь, то пожнешь.—Вотъ кто-нибудь оклеветалъ тебя, распустилъ ложный, неблагопріятный для твоей чести слухъ; клеветѣ повѣрили и стали презирать тебя за пороки, которыхъ за собой не знаешь. Честь дороже всего, дороже жизни; ты справедливо огорченъ; но вспомни, не пострадалъ ли кто изъ ближнихъ отъ твоей клеветы. Ты, можетъ быть, посмотрѣлъ на твою клевету легко, какъ на шутку. Пойми же теперь, какъ безнравственно шутить честью ближняго. Иной обездоленъ земными благами, нѣтъ у него ни богатства, ни виднаго общественнаго положенія, ни семейнаго счастья; но есть у него одно благо—честь, доброе имя. И это-то единственное благо ты отнял у него своею клеветой. Теперь сдѣлавшись самъ жертвой клеветы, суди

по собственному опыту, какъ тяжка вина твоя противъ оклеветаннаго тобой ближняго, и убѣдись, что ты заслужилъ безчестіе: что посѣялъ, то жнешь.—Ты впалъ въ нищету и не встрѣчаешь состраданія въ людяхъ. Ты сѣтуешь на ихъ жестокосердіе, на ихъ безучастіе къ твоему безпомощному положенію. Но вспомни, самъ ты, когда имѣлъ благосостояніе, охотно ли дѣлился съ нуждающимися отъ твоихъ избытковъ, не относился ли къ нимъ также равнодушно и безучастно къ ихъ положенію, какъ теперь другіе относятся къ тебѣ? Если память дастъ тебѣ неблагопріятный отвѣтъ, то смирись, пойми, что надъ тобой исполняется законъ правды: что посѣешь, то пожнешь.

Итакъ не надо сѣять зла, чтобы не потерпѣть зла. Не обижай другихъ, если не хочешь, чтобы тебя обижали, или, чтобы совѣсть не упрекала тебя въ томъ, что ты самъ не правъ предъ ближними, когда терпишь отъ нихъ обиды. Вообще въ отношеніи къ ближнимъ мы должны слѣдовать заповѣди Спасителя: «Во всемъ, какъ хотите, чтобы поступали съ вами люди, такъ поступайте и вы съ ними» (Матѳ. 7, 12). Чего не хотите себѣ, того не дѣлайте другимъ. Мы легко поддаемся искушенію обидѣть ближняго словомъ или дѣломъ большею частью потому, что не входимъ въ положеніе обиженнаго, не разсуждаемъ, каково бы мы стали чувствовать себя на мѣстѣ его въ случаѣ, еслибы намъ пришлось потерпѣть подобную обиду. Самолюбіе заглушаетъ въ насъ голосъ справедливости къ ближнимъ,—намъ нѣтъ дѣла до того, какъ тяжело ложится на ихъ сердце наша обида. Оттого мы не только обижаемъ ихъ, но и не раскаиваемся. Будемъ благодарить Господа, попускающаго намъ самимъ терпѣть обиды отъ другихъ: не злобу и вражду должны возбуждать въ насъ эти обиды, а сознаніе, что мы заслужили ихъ тѣмъ, что сами были неправы предъ ближними, и раскаяніе въ томъ.

Прот. В. Нечаевъ.

ПРЕДАННОСТЬ ГОСПОДУ.

*Азъ на Тя, Господи, уповахъ, рѣчь:
Ты еси Богъ мой. Въ руку Твою жребій
мой (Пс. 30, 15. 16).*

Какими сильными и трогательными чертами выражается въ этихъ словахъ псалмопѣвца упованіе на Бога и преданность Ему! «Ты еси Богъ мой». Это значитъ: Богъ близокъ ко мнѣ, какъ отецъ, и я близокъ къ Нему, какъ сынъ. Въ томъ, что Богъ даетъ человѣку право называть Его *своимъ* Богомъ, видно безпредѣльное Его снисхожденіе и благоволеніе къ намъ. Вѣдь что мы предъ Нимъ? Ничтожество и грѣхъ. И самая земля, на которой обитаемъ, есть едва примѣтная пылинка въ составѣ мірозданія; а Онъ, безпредѣльно-благій, не пренебрегаетъ нами. *Азъ есмь Господь Богъ твой*, говоритъ Онъ каждому изъ насъ. Не думай, что Мнѣ, Владыкѣ необъятной вселенной, нѣтъ дѣла до тебя, что при безчисленномъ множествѣ предметовъ, требующихъ Моего вниманія, Я могу обращать вниманіе только на общій ходъ дѣлъ въ области Моего владычества, подобно высшимъ начальникамъ въ человѣческомъ обществѣ, не входящимъ въ частность или мелочи, а наблюдающимъ только за общимъ теченіемъ ввѣренныхъ имъ дѣлъ. Нѣтъ, Я также близокъ къ тебѣ, какъ и къ серафиму, предстоящему у престола славы Моей; Я слѣжу за тобой съ меньшей зоркостью, какъ за любою звѣздой первой величины; Я насквозь знаю тебя, «знаю, когда ты садишься и когда встаешь; Я разумѣю помысленія твои издавеча; идешь ли, отдыхаешь ли, я окружаю тебя, и всѣ пути твои извѣстны Мнѣ, сзади и спереди объемяю тебя и по-

лагаю на тебя руку Мою (Пс. 138, 1—5). Ни одинъ волосъ не падеть съ головы твоей безъ воли Моей. Птенецъ ворона, малѣйшее насѣкомое, малѣйшее быліе травное, не лишены Моего попеченія, получаютъ отъ Меня все нужное для ихъ жизни: могу ли Я забыть, оставить безъ Моего покрова тебя, Мое разумное созданіе, украшенное Моимъ образомъ и подобіемъ? Для спасенія тебя отъ вѣчной гибели Я не щажу Сына Моего единороднаго и предаю Его на смерть: послѣ столь поразительнаго свидѣтельства Моего благоволенія къ тебѣ, можетъ ли быть на свѣтѣ благо, которое Я не готовъ даровать тебѣ? (Рим. 8, 32).— Такъ истиннѣ Богъ вселенной есть Богъ *мой* по отеческой близости ко мнѣ.

На увѣренности въ этой близости Бога къ намъ основывается молитва къ Нему, какъ Отцу нашему, и всецѣлая преданность Ему, которую псалмопѣвецъ выражаетъ словами: *въ руку Твою жребій мой*, т.-е. во власти Твоей судьба моя.

Нѣтъ сомнѣнія, что для размышляющаго о всевластїи Божіемъ преданность Господу въ высшей степени успокоительна и спасительна, ибо это всевластіе ничего не имѣетъ общаго съ неумолимою судьбой язычниковъ, или съ деспотическимъ произволомъ Божества по представленію магометанъ; власть Бога Вседержителя, по ученію слова Божія, есть власть всеблагаго, всесвятаго, премудраго и правосуднаго Существа. Итакъ если судьба каждаго въ рукѣ Божіей, то съ смиреніемъ и благодарностью должно приниматьъ отъ этой руки все, что ни посылаетъ она на нашу долю. Потому и среди бѣдъ грѣшно падать духомъ, ибо онѣ посылаются любовью Отца небеснаго, съ благою цѣлью уврачевать меня отъ грѣховныхъ язвъ, смирить мою гордыню, дать мнѣ случай безропотнымъ терпѣніемъ ихъ засвидѣтельствовать безкорыстную любовь къ Нему. Въ жалобахъ многихъ на свою горькую участь слышится недовольство на Бога; они готовы упрекать Его въ недостаткѣ справедливости за неравномѣрное распредѣле-

ніе между людьми земныхъ благъ. Но они забываютъ, что дѣло не въ земныхъ благахъ, а въ спасеніи души. Спаситись же можно и богатому, и бѣдному, одному—употребленіемъ земныхъ стяжаній на дѣла богоугодныя, другому—смирениемъ; для одного болѣе надежнымъ путемъ къ царству небесному можетъ служить богатство, другому—бѣдность.—Съ другой стороны, увѣренность во всевластїи Божіемъ, въ томъ, что въ рукахъ Господнихъ жребій нашъ, предохраняетъ человѣка отъ гордости и опасныхъ мечтаній въ счастіѣ. Человѣкъ зазнается среди благополучія вслѣдствіе забвенія, что Рука, отъ которой онъ получаетъ земныя блага, можетъ отнять ихъ, что Господь убожить и богатить, смиряетъ и выситъ, мертвитъ и живитъ. Примѣръ этого пагубнаго забвенія представляетъ намъ евангельская притча о богатѣ, который по случаю обильнаго урожая въ его полѣ предался безумнымъ мечтаніямъ о жизни привольной и роскошной на многіе годы, и наказанъ былъ приговоромъ Божьяго правосудія: «безумный, въ сію ночь душу твою возьмутъ отъ тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ» (Лук. 12, 20). Наказаніе вполне заслуженное и поучительное; оно учитъ насъ не забывать, что судьба человѣка въ рукѣ Божій, что посему благами земной жизни надобно пользоваться такъ, чтобы всегда быть готову разстаться съ ними, что всю жизнь надобно устроить такъ, чтобы каждую минуту быть готовымъ встрѣтить смерть и предстать на судъ Божій. И благо тому, кто ничего этого не забываетъ и, сознавая полнѣйшую свою зависимость отъ Бога, съ довѣрчивостью и упованіемъ прибѣгаетъ подъ Его державный покровъ. Ничто не можетъ быть благонадежнѣе этого покрова, какъ это въ выразительныхъ чертахъ изображено въ 90-мъ псалмѣ: «Живыи въ помощи Вышняго». Прибѣгающій къ помощи Вышняго, по изображенію псалма, безопасно живетъ подъ Его защитой и въ кровѣ Его, какъ странникъ въ гостепріимномъ убѣжищѣ, водворится (ст. 1). Господь избавитъ его отъ *сѣти ловчей*, т.-е. отъ злоумышляющихъ

тайно, и *отъ словесе мятужна*, т.-е. открыто мятущихся противъ него враговъ (ст. 3); оградить его отъ *страха нощнаго*, т.-е. отъ прикрываемыхъ мракомъ почти нападеній разбойниковъ и татей; отъ *стрѣлы летящей во дни* (ст. 5), напримѣръ на войнѣ; укроетъ его отъ *сряца и бѣса полуденнаго*, т.-е. отъ нечаяннаго несчастья (*сряца*) и отъ козней бѣса, подводящаго людей въ полдень подъ солнечный ударъ (ст. 6). Тысячи и тѣмы будутъ поражаемы язвой вокругъ уповающихъ на Господа, но она не коснется ихъ, не достигнетъ ихъ жилища ударъ ангела погубляющаго (ст. 10). Ангелы, по повелѣнію Господа, охраняютъ ихъ на всѣхъ путяхъ, предостерегаютъ ихъ отъ *преткновенія о камень*, т.-е. не допускаютъ ихъ до встрѣчи съ искушеніями и соблазнами и также до внѣшнихъ бѣдствій; спасаютъ отъ уязвленій *аспида и василиска, отъ льва и змія*, т.-е. отъ діавольскихъ козней (стт. 11. 12. 13). Какія трогательныя черты попеченія Господа о людяхъ, предавшихъ себя подъ Его покровъ и защиту! Вотъ почему многіе изъ истинно вѣрующихъ свои молитвы объ избѣжаніи бѣдъ и напастей любятъ выражать словами преимущественно псалма: *Живый въ помощи Вышняго*, и дѣйствительно привлекаютъ къ себѣ эту помощь. Воины, во время сраженія читающіе этотъ псаломъ, спасаются отъ меча вражія. Ввѣряя свой жребій въ руки Всемогущаго Бога, они безопасны подъ защитой этихъ рукъ. Съ особенною выразительностью безопасность душъ, предавшихъ себя въ руки Божіи, изображаетъ Христосъ Спаситель, говоря о вѣрующихъ въ Него: *«овцы гласа Моего слушаютъ, и Азъ животь вѣчный дамъ имъ, и не погибнуть во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея. Отець Мой, иже даде ихъ Мнѣ, болій всѣхъ (по силъ и могуществу): и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца Моего»* (Іоан. 10, 27—29). Обѣтованіе самое утѣшительное для вѣрующихъ, предавшихъ себя Христу! Христосъ не дастъ ихъ въ обиду діаволу, съ жадностью льва ищущему ихъ погибели, если только они дѣйствительно похожи на овецъ крото-

стію и послушаніемъ, и если не уходятъ самовольно изъ ограды двора овчаго — Церкви Христовой. Положеніе послѣднихъ самое жалкое. Овца, отбившаяся отъ стада, убѣжавшая отъ надзора пастуха, находится въ опасности затеряться въ тущобахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ безводныхъ мѣстахъ, и сдѣлаться добычей хищнаго звѣря. Похожи на такую заблудшую овцу многіе христіане, уклонившіеся отъ послушанія св. Церкви, ея пастырямъ и въ лицѣ ихъ самому Христу. Это самыя жалкія существа: они обрекаютъ себя на жертву всякаго рода заблужденій, подвергаются владычеству страстей, терзающихъ своихъ рабовъ пуще лютаго звѣря, дѣлаются легкою добычей духовнаго льва—діавола. Но слава милосердію Пастыря—Христа! Онъ всегда готовъ взискать ихъ своею благодатью. Трогательное попеченіе о нихъ изображено въ Его притчѣ объ овцѣ заблудшей и обрѣтенной (Лук. 16, 4—7). Онъ зоветъ ихъ къ Себѣ чрезъ совѣсть, чрезъ евангельское слово, чрезъ бесѣды людей, опытныхъ въ духовной жизни, чрезъ обстоятельства жизни, и если они откликнутся на Его зовъ покаяніемъ, беретъ ихъ на свои руки, укрѣпляетъ ихъ немощныя силы для дальнѣйшихъ подвиговъ покаянія, предлагая имъ обильныя, имѣющіяся въ Его Церкви, благодатныя средства духовнаго врачеванія и питанія. Они снова чувствуютъ себя безопасными и спокойными, ибо видятъ себя въ рукахъ Христовыхъ, изъ которыхъ никто не исхититъ ихъ, если только они сами не вырвутся изъ нихъ своеволіемъ. Имъ не страшна самая смерть. Праведныхъ души, по разлученіи отъ тѣла, въ руцѣ Божіей, и не прикоснется имъ мука (Прем. 3, 1). На рукахъ Божіихъ имъ также пріятно и покойно, какъ ребенку на рукахъ любящей матери. Поистинѣ блаженны души, предающія жребій свой въ руцѣ Господа.

Прот. В. Нечаевъ.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦѢЛЕНІЕ.

Желаю описать замѣчательный случай, бывшій съ однимъ моимъ духовнымъ сыномъ, муромскимъ купцомъ Ивановъ Ивановичемъ Засухинымъ, въ 1882 и 1883 годахъ.

Вышеповменованный муромскій купецъ Иванъ Ивановичъ Засухинъ 1882 г., марта 21-го дня пріѣхалъ въ Муромъ, въ свой домъ, изъ станицы Урсанина Войска Донскаго, очень больнымъ. По его словамъ, онъ заболѣлъ тамъ брюшнымъ тифомъ 3 марта. Мѣстный врачъ станицы Урсанина, лечившій его тамъ, нѣсколько ослабивши болѣзнь, посовѣтывалъ ему ѣхать на родину, что онъ и сдѣлалъ. Дорога утомила его очень сильно, и онъ прибылъ въ Муромъ очень слабъ. Позванъ былъ докторъ, нѣкто вольнопрактикующій Ив. С. Стабровскій. Г. Стабровскій принялъ болѣзнь тоже за брюшной тифъ и отъ него сталъ лечить. Болѣзнь ослабѣла и, по замѣчанію г. Засухина, температура жара съ $40\frac{1}{10}$ понизилась до $37\frac{1}{2}$; прошло немного дней больной сталъ поправляться. При болѣзни у него образовалася опухоль за ушами, а потомъ въ правомъ паху. Г. Стабровскій пашель нужнымъ опухоль въ паху прорѣзать, чтобы дать исходъ скопившейся тамъ матеріи. Но прорѣзъ вышелъ неудаченъ, матерія не шла, а опухоль стала развиваться все болѣе и болѣе. Впрочемъ несмотря на подобное неблагопріятное условіе, вообще здоровье больного стало замѣтно поправляться. Явился аппетитъ, и больной безъ особенныхъ усилій могъ въ постелѣ сидѣть. Г. Стабровскій, не находя ничего серьезнаго, по своимъ надобностямъ отправился въ Москву, не

считая даже нужнымъ передать больного кому-либо изъ муромскихъ врачей. Но, къ прискорбію больного, вскорѣ по отѣздѣ Стабровскаго, болѣзнь усилилась, и больной принужденъ былъ обратиться къ другому врачу. Былъ приглашенъ военный врачъ Карповъ. Карповъ призналъ болѣзнь за пораженіе кишекъ и сталъ лечить его отъ этой болѣзни, а на прорѣзъ опухоли вниманія не обратилъ.

Болѣзнь не унималась, и больной вызвалъ изъ Москвы опять г. Стабровскаго; больной, чувствуя невыносимую боль въ паху, просилъ доктора обратить на это вниманіе. При внимательномъ осмотрѣ доктора оказалось: опухоль въ паху усиливалась, а прорѣзъ уже закрывался; расширить прорѣзъ г. Стабровскій не находилъ удобнымъ, по слабости больного, потому что отъ изнурительной болѣзни силы больного очень ослабѣли. Больной, видя, что болѣзнь не поддается усиліямъ г. Стабровскаго, просилъ его для совѣта пригласить другаго врача; но г. Стабровскій не согласился на это и совѣмъ оставилъ своего паціента. Былъ приглашенъ муромскій земскій врачъ Розовъ. По словамъ Розова, у больного была значительная опухоль, крайне болѣзненная, правой тазовой области, распространенная и на правое бедро, такъ что движеніе въ правомъ тазо-бедренномъ суставѣ было совершенно невозможно. Въ правомъ паховомъ сгибѣ находилось отверстіе свищеваго хода, идущаго къ правой тазовой области; изъ отверстія этого постоянно выдѣлялось значительное количество гноя. Больной былъ крайне истощенъ и настолько слабъ, что не могъ приподняться въ постели. Однако послѣ разнаго рода мѣропріятій и употребленныхъ докторомъ средствъ, къ октябрю состояніе больного улучшилось до такой степени, что онъ могъ даже нѣсколько ходить съ помощью костыля, припухлость таза и бедра и болѣзненность въ нихъ значительно уменьшились. Силы больного окрѣпли, но свищевое отверстіе не закрывалось и, кромѣ того, на бедрѣ появился новый нарывъ, послѣ котораго остался опять свищевой ходъ. Въ

виду таковаго состоянія больного, г. Розовъ предложилъ больному отправиться въ Петербургъ, разсчитывая, что можетъ быть тамъ найдутъ возможнымъ помочь ему операціей. Больной такъ и сдѣлалъ и вмѣстѣ съ Розовымъ отправился въ Петербургъ. Консиліумъ петербургскихъ профессоровъ, Богдановскаго и Малтановскаго, нашелъ операцію невозможною, и только было сдѣлано расширеніе свищевыхъ ходовъ и вставленъ былъ дренажъ. По словамъ больного, онъ желалъ остаться въ Петербургѣ для окончательнаго излеченія; но доктора посовѣтовали ѣхать домой, и такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то посовѣтовали ѣхать домой непременно съ докторомъ. По возвращеніи въ Муромъ, въ началѣ ноября, въ болѣзни Засухина появилось новое осложненіе; по словамъ Розова, развилось воспаленіе легочной плевы, къ которому присоединился поносъ; больной ослабѣлъ окончательно. Для совѣта были приглашены еще другіе врачи: Доброхотовъ и Лутновскій. Приглашенные врачи сознали положеніе больного безнадежнымъ и опредѣлили даже день его смерти.

Послѣ этого приговора врачей больной сталъ уже готовиться къ переходу въ вѣчность. Тутъ былъ приглашенъ я, какъ уже врачъ духовный. Больнаго я нашелъ очень слабымъ, но въ памяти. Какъ истинный христіанинъ, онъ сердечно исповѣдался и сподобился святаго причащенія. Прошло немного дней, опять зовутъ меня къ больному. Прихожу и вижу, что больной хотя и въ сознаніи, но силы его ослабѣли окончательно. И вотъ его первыя слова ко мнѣ: «Батюшка, мнѣ доктора сказали, что болѣзнь моя безнадежна, а потому пока я въ памяти, прочитайте мнѣ отходныя молитвы». Съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца, что такъ рано кончается жизнь еще молодаго человѣка, оставляющаго послѣ себя жену и пятерыхъ мадютокъ, я приступилъ къ чтенію отходныхъ молитвъ; больной ослабѣлъ. Жизнь осталась только въ глазахъ, но и они, по сознанію больного, стали плохо видѣть. Кончивши молитвы и благословивъ его, я уже не имѣлъ надежды на благопо-

лучный исходъ для больного, ждалъ часъ за часомъ, что скоро опять позовутъ меня къ нему, но уже умершему. Но проходитъ день—меня не зовутъ, проходитъ другой—тоже, а на третій слышу, что больному стало лучше.

Поистинѣ удивительный случай! На третій день иду къ больному и къ радости своей вижу разительную перемѣну въ больномъ. Хотя лежитъ еще въ постели, ко покоснѣ; жизнь, такъ сказать, возвратилась. Любопытствую: отъ чего такая перемѣна? и узнаю слѣдующее отъ жены больного. Въ сосѣдствѣ съ ними живетъ одна почтенная г-жа М. Ѳ. Бычкова; какъ сосѣди, они хорошо знакомы. М. Ѳ. очень жалѣла, что такъ рано умираетъ хорошій сосѣдь. Изъ жалости къ умирающему, она, какъ истинно вѣрующая, осмѣливается предложить женѣ умирающаго новое лекарство, но уже не человѣческое, а Божеское. Она, какъ только я вышла, прочитавши отходныя молитвы умирающему, принесла женѣ умирающаго воды, взятой изъ источника отца Серафима, подвижника Саровской пустыни, и просила ее дать умирающему выпить этой воды. По словамъ жены, она, взявши эту воду, поднесла къ больному, чтобы дать ему выпить; но больной уже не могъ открыть ротъ; только съ чайной ложки она могла влить ему во ротъ нѣсколько капель, а остальную воду вылила ему на голову. Здѣсь надобно замѣтить, что больной принимать пищи уже не могъ, желудокъ не работалъ, и принятое что-либо больнымъ извергалось вонъ. Но какое удивительное дѣйствіе оказала эта вода изъ источника отца Серафима! Жена умирающаго такъ рассказываетъ: съ того момента, какъ она влила ему въ ротъ нѣсколько капель и намочила голову, больной совершенно затихъ, такъ что я подумала, не умираетъ ли ужъ онъ, и стала внимательно слѣдить. Но больной, къ удивленію ся, заснулъ тихимъ сномъ. Въ такомъ состояніи прошло нѣсколько часовъ. Затѣмъ больной просыпается и проситъ пить; она отъ такой неожиданности совершенно растерялась и не знаетъ, чего бы дать ему, что было бы не вредно; ей пришло на мысль дать молока, что она и сдѣ-

лала; но потомъ вспомнила, что молоко было ему запрещено, поэтому очень опасалась дурныхъ послѣдствій; больной выпилъ и чувствуетъ, что ему хорошо. Желудокъ пришелъ въ дѣйствіе и прежняго не повторялось. Съ этихъ минутъ (16 ноября) ему стало лучше. На другой день г. Розовъ слушалъ его грудь и нашелъ пересворотъ къ лучшему. Больной, какъ говоритъ г. Розовъ, вновь оправился. Однако бедро оставалось попрежнему болѣзненнымъ и припухшимъ, свищевые ходы не закрывались, движеніе въ тазо-бедренномъ суставѣ было крайне ограничено, хотя больной чувствовалъ себя довольно хорошо, имѣлъ хорошій аппетитъ и силы вновь возстановились. Въ такомъ положеніи г. Розовъ передалъ больного въ мартѣ мѣсяцѣ другому врачу (17 марта). Приглашенъ былъ Америкъ. Г. Анерикъ, разсмотрѣвши болѣзнь, счелъ необходимымъ расширить проходы матеріи и вставить новые дренажи, что и сдѣлалъ при тщательномъ стараніи; но болѣзнь не ослабѣвала; больной не могъ покойно сидѣть отъ боли, а если когда выходилъ, чтобы подышать воздухомъ, то этотъ подвигъ былъ совершаемъ съ крайнимъ усиліемъ. Жена, слуги и два костыля были необходимыми помощниками. Въ концѣ мая г. Анерикъ, видя, что болѣзнь упорна и нисколько не ослабѣваетъ отъ его усилій, сталъ предлагать больному вызвать изъ Москвы опытнаго хирурга и сдѣлать рѣшительную операцію—проникнуть въ полость живота, но при этомъ все-таки полного и вѣрнаго исхода не обѣщаль. Больной, пролежавши уже цѣлый годъ, безъ всякой пользы отъ врачей, потерялъ уже вѣру въ помощь ихъ и, помня, что онъ теперь живъ единственно потому, что передъ смертью напоили его водой изъ источника отца Серафима, возымѣлъ желаніе, несмотря на крайнюю невозможность по случаю болѣзни, самолично поклониться сему угоднику Божію, и сталъ собираться въ Саровскую пустынь. Г. Анерикъ удерживалъ его, представляя всѣ неудобства, при такомъ здоровьѣ, дальняго путешествія, 130 верстъ, и говорилъ, что больной умретъ дорогой. Трудность путеше-

ствія увеличивалась еще тѣмъ, что нужно ѣхать непременно на лошадахъ, дорога непокойная, много нужно ѣхать лѣсомъ, а лѣсная дорога, по причинѣ корней, всегда бываетъ очень тряска. Но несмотря на все сіе, желаніе больного было твердо и онъ поѣхалъ. Жена больного, внимая словамъ врача, на всякій случай взяла съ собой все нужное для погребеніе. Взяты были также все дѣти, чтобы не лишитъ больного, въ случаѣ печальнаго исхода, видѣть въ послѣднія минуты своихъ дѣтей.

Положеніе больного было очень тяжелое: сидѣть въ экипажѣ онъ не могъ, потому что больная нога была согнута, а сотрясеніе отъ ѣзды производило пестерпящую боль въ паху, и по словамъ жены, онъ ослабѣвалъ все болѣе, и она очень боялась, какъ бы опасенія врача не сбылись. При каждой остановкѣ изъ экипажа былъ выносимъ на рукахъ. И въ такомъ состояніи больной прибылъ въ Серафимо-Дивѣевъ монастырь на пути къ Саровской пустыни и въ 12-ти верстахъ отъ Сарова. Здѣсь больной намѣренъ былъ нѣсколько отдохнуть отъ тяжкаго пути и пробыть сутки. Это было 5-го іюня, въ день праздника Святой Троицы. Наступило время всенощнаго бдѣнія и больной несмотря на сильную боль въ паху рѣшается быть при богослуженіи. Съ помощью жены и своихъ служителей, онъ на носилкахъ принесенъ изъ гостинницы къ церкви и почти на рукахъ внесенъ былъ въ церковь къ богослуженію. Что было потомъ, больной такъ говоритъ: «Тяжело мнѣ было сидѣть, но хотѣлось пробыть въ церкви все время службы. Служба тамъ очень продолжительная, и особенно по случаю праздника очень торжественная, пѣніе стройное, чтеніе внятное, и я, внимая чтенію и пѣнію, какъ будто забылъ свою болѣзнь; было пропѣто величаніе предъ иконой праздника, и молящіеся пошли прикладываться къ этой иконѣ праздника и получать св. елеопомазаніе. Когда приложился весь народъ, пошелъ и я съ большимъ усиліемъ съ помощію жены и другихъ на своихъ костыляхъ приложиться къ иконѣ праздника и получить

св. помазаніе слеемъ. Когда я приложился къ иконѣ и получилъ помазаніе, глаза мои невольно обратились на стоящую въ иконостасѣ святую икону Божіей Матери, которая прежде была въ келліи старца Серафима и предъ которой онъ такъ пламенно молился,—и въ этотъ моментъ я почувствовалъ, что больная нога моя твердо стала на полъ и безъ боли для меня. Не помня что дѣлаю, я приподнялъ свои костыли и, безъ помощи ихъ, при удивленіи всѣхъ предстоящихъ, пошелъ на свое мѣсто. Жена въ недоумѣніи и снѣшить поддержать меня, но мнѣ помощь ся уже не нужна. Душевное состояніе мое было необъяснимо, и въ такомъ состояніи я былъ до самаго конца службы. Когда служба кончилась, я смѣло всталъ на ноги и вышелъ изъ церкви, гдѣ дожидались меня мои служащіе съ носилками; но я не вуждаясь въ ихъ помощи, отдалъ даже и костыли, и до самой гостиницы (разстояніе около четверти версты) шелъ безъ всякой помощи. Радость моя была радостью неописанною. Я чувствовалъ какъбы свое возрожденіе. Хотя по случаю утомленія силы мои были еще слабы, но я уже не чувствовалъ той тяжкой боли въ ногѣ, какую испытывалъ въ продолженіе полутора года. Впрочемъ стали укрѣпляться и силы. На другой день я уже пѣшкомъ опять пошелъ въ церковь, гдѣ и приобщился святыхъ тайнъ и въ тотъже день поспѣшилъ въ Саровъ и прямо на могилу отца Серафима, гдѣ и отслужилъ каннихиду. На утро, послѣ богослуженія, я поснѣшилъ къ тому цѣлительному источнику, водой изъ котораго я такъ былъ чудесно спасенъ отъ смерти. Разстояніемъ этотъ источникъ отъ монастыря болѣе 3-хъ верстъ, но для меня какъ будто нѣтъ утомленія; прежде безъ посторонней помощи я немогъ пройти по комнатѣ, а теперь легко иду это не малое для больнаго разстояніе.

Источникъ этотъ вытекаетъ изъ горы и вѣрующіе подходятъ подъ его цѣлительную струю раздѣвшись донага, и подходъ довольно трудный по мѣстоположенію. Дорогой я раздумывалъ, вынуть или не вынимать мнѣ изъ больнаго

мѣста дренажи. Многіе совѣтовали мнѣ не трогать; такъ я и сдѣлалъ. Нѣкоторые изъ богомольцевъ, не имѣя силъ сами подойти подъ струю источника, окачиваются этою водою изъ ведра; нѣкоторые изъ братій монастыря (о. Германъ) совѣтоваль и мнѣ такъ сдѣлать, потому что видѣлъ меня довольно слабымъ. О. Германъ обѣщаль принести и самое ведро. Но я уже у источника, а о. Германа съ ведромъ нѣтъ. (Онъ впоследствии объяснилъ, что не принесъ ведра потому, что вдругъ дорогой заболѣлъ и возвратился назадъ). Недолго думая, я раздѣваюсь донага и иду подъ самый источникъ. Какъ почувствовалъ на себѣ холодную струю источника, замѣчаю, что эта холодная струя возбудила въ моемъ организмѣ какой-то облегчительный жаръ, и у меня силы стало больше. Выхожу изъ источника и вижу, что одного изъ дренажей нѣтъ при мнѣ, а другой вынулъ самъ, и куда онъ исчезъ—неизвѣстно; только поверхъ воды плаваетъ одинъ шелковый снуръ, которымъ онъ былъ привязанъ. Обратный путь отъ источника до монастыря я несенъ былъ на носилкахъ, опасаясь много себя изнурять; монастыремъ шелъ пѣшкомъ, на другой день за обѣдней приобщился св. Христовыхъ таинъ. Въ этомъ монастырѣ я прожилъ нѣсколько дней, въ смиренныхъ моихъ молитвахъ благодаря Бога за Его дивную помощь, чрезъ угодника Его Серафима».

Въ настоящее время бывшій больной совершенно здоровъ, больная нога все болѣе и болѣе укрѣпляется; хотя на дальній путь онъ имѣетъ при себѣ костыль, но ступать на больную ногу смѣло и боли не чувствуетъ никакой. Гдѣ была опухоль, то мѣсто пришло въ нормальное состояніе. На мѣстѣ, гдѣ были дренажи, имѣются не большія язвину, изъ которыхъ иногда вытекаетъ капля матеріи, какъ будтобы для постояннаго напоминанія ему, чтобы онъ не забывалъ милость Божию, оказанную ему. Боли же и ломоты не чувствуетъ никакой. Медицинскихъ средствъ по сіе время не употребляетъ.

Справедливость писаннаго утверждаю своимъ подлинсомъ: города Муромъ, Николо-Побереженской церкви священникъ Іоаннъ Чижевъ.

„Воду отъ источника отца Серафима я жепѣ умирающаго дѣйствительно приносила, и все вышенисанное, что касается меня, вѣрно. Удостоавѣряю жена поручика Маріа Оедоровна Бычкова“.

На рукописи—подлинникѣ рукою Засухина прибавлено: „Съ января 1884 г. выдѣленіе гноя совершенно прекратилось. 6 марта купался въ источникѣ о. Серафима въ Саровѣ, чему свидѣтель бывшій со мною іеромонахъ Германъ. 8-го марта 1884 г. Иванъ Ивановъ Засухинъ. Муромскій купецъ“.

„Все вышенисанное справедливо; описанный священникомъ Чижевымъ случай какъ мой болѣзни, такъ и исцѣленія, описанъ вполне вѣрно, въ чемъ удостоавѣряю своимъ подлинсомъ: Муромскій 2 гильдіи купецъ Иванъ Иваповъ Засухинъ“.

„Какъ свидѣтельница болѣзни моего мужа и его исцѣленія, вполне утверждаю все вышенисанное священникомъ Чижевымъ, жена Ив. Ив. Засухина Прасковья Никифоровна Засухина“.

„Я, нижеподписавшійся, удостоавѣряю, что вышеозначенныя подписи на семь документѣ признаны предъ мною, Василиемъ Михайловичемъ Русаковымъ, Муромскимъ нотариусомъ, въ конторѣ моей, находящейся по Касимовской ул., въ собственномъ домѣ, подъ № 681, священникомъ Муромской Николо-Побереженской церкви Іоанномъ Давидовичемъ Чижевымъ, женою поручика Маріею Оедоровною Бычковою, Муромскимъ 2-й гильдіи купцомъ Иваномъ Ивановичемъ и женою его Прасковьею Никифоровною Засухиными, жительствующими въ городѣ Муромѣ, лично миѣ извѣстными,—сдѣланными ими собственноручно 1883 г. Декабря 3-го дня. По реэстру № 847. Нотариусъ Василий Русаковъ“.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1846, янв. 30. «Заготовить по сему (докладу консисторскому) проектъ отвѣта (моск. военному губернатору князю А. Г. Щербатову) съ дополненіемъ, что я прошу его с—во благосклонно и чловѣколюбиво принять въ соображеніе многія и разнообразныя обязанности, наполняющія мѣру времени и силъ приходскаго духовенства, и между прочимъ исполненіе многихъ особыхъ должностей и дѣлъ безъ жалованія и безъ пособія на писъмоводство и разъѣзды. Въ настоящее время значительную часть приходскаго духовенства много занимаетъ обученіе дѣтей въ начальныхъ училищахъ. Просвѣщенное попеченіе его с—ва объ общемъ благѣ приметъ безъ сомнѣнія къ сердцу то, чтобы сія послѣдняя, и другія существенныя обязанности приходскаго духовенства исполняемы были съ возрастающею точностію и совершенствомъ. А для достиженія сего необходимо, чтобы духовенство не было развлекаемо паложеніемъ новыхъ не столь существенныхъ обязанностей. Тома 2-го Свода Законовъ статьею 32 возлагается на земскую полицію составленіе вѣдомостей о рождающихся, вступающихъ въ бракъ и умершихъ, а не полученіе таковыхъ вѣдомостей готовыхъ, обработанныхъ въ другомъ вѣдомствѣ. Полагаю, что полиція городская имѣетъ къ составленію таковыхъ вѣдомостей близкое средство въ содержимыхъ ею подворныхъ книгахъ, для внесенія въ которыя обыватели должны объявить о каждомъ прибывшемъ въ домъ лицѣ, слѣдственно и о новорожденномъ и о новобрачной женѣ, и о каждомъ убыломъ, слѣдственно и о умершемъ.»

1863, сент. 7 «По дѣлу о улучшеніи быта духовенства изъ поступившихъ въ консисторію отъ причтовъ свѣдѣній открывается, что нѣкоторыми изъ нихъ на предложенные вопросы даны отвѣты не только неудовлетворительные, но

и несообразные съ дѣломъ и безсмысленные. Таковы, на-
 примѣръ, въ отвѣтахъ села Валуева священника Н—ва
 слѣдующія выраженія: «изъ государственнаго непрерывно-
 доходнаго банка». «Положила себѣ за правило по смерти
 свою служить ежедневно свхаристию о здравіи себя». Въ
 отвѣтахъ села Воскресенокъ священника Н. О—ва: «въ
 воскресенскомъ приходѣ никакихъ не имѣется школъ. Гдѣ
 помѣщаются и чѣмъ содержатся ученики, неизвѣстно» — «Въ
 означенномъ приходѣ школъ нѣтъ. Неизвѣстно какъ у-
 правляются школы, и какъ обучаются ученики.» Это тѣмъ
 предосудительнѣе, что допущено послѣ сдѣланнаго 23 мая
 противъ подобныхъ безпорядковъ подтвержденія а), и вре-
 мени для исправленія остается мало. Посему учинить
 слѣдующее: 1) священникамъ Н—ву и О—ву сдѣлать
 строгое замѣчаніе за безразсудные отвѣты. 2) Благо-
 чинному села Станиславля Р. П—му сдѣлать строгое
 замѣчаніе за то, что не вразумилъ священниковъ и пред-
 ставилъ безразсудные отвѣты. 3) Всѣмъ благочиннымъ
 и прочимъ священникамъ подтвердить вновь, чтобы вни-
 мательно пересмотрѣли данные ими отвѣты, и если въ чи-
 слѣ ихъ окажутся безпорядочные, исправили бы ихъ не-
 медленно, и исправленное немедленно представили въ кон-
 систорію для замѣненія прежнихъ безпорядочныхъ. 4) Съ
 прописаніемъ настоящей резолюціи предписать всѣмъ бла-
 гочиннымъ.»

1829, мар. 12. «Духовникъ Іона виноватъ въ томъ, что
 подалъ репортъ о бытности братіи на исповѣди, который
 оказался ложнымъ, ибо по изслѣдованію открылось, что
 нѣкоторые изъ братіи у него точно не были на исповѣ-
 ди, какъ сказано и въ резолюціи собора, а одинъ пока-
 залъ, что и вовсе въ Рождественскій постъ не исповѣдал-
 ся за болѣзнію духовника Іоны. Хотя сей поступокъ ду-
 ховника произошелъ, вѣроятно, не съ умысла, а просто
 отъ небреженія, или отъ челоуѣколюбія: но какъ сей по-
 ступокъ противенъ святости служенія духовника, который
 долженъ быть образцемъ вѣрности; какъ укрытіе не быв-
 шихъ на исповѣди сопровождаться можетъ духовнымъ
 вредомъ нѣкоторыхъ изъ братіи; и какъ Іона своею ви-

а) Резолюцію отъ 23 мая см. въ майской кн. „Душеп. Чтенія“ за
 1883 г., стр. 122 и 123.

ною вовлечь весь соборъ въ искушеніе: то не можетъ онъ болѣе оставаться ни соборнымъ, ни общимъ духовникомъ братіи, хотя впрочемъ не возражается ему принимать на исповѣдь тѣхъ изъ братіи, кои пожелаютъ, и коимъ намѣстникъ не усумнится то дозволить.»

Срѣтенскаго сорока, Преображенской, что во Спасской, церкви діаконъ Іоаннъ Стефановъ Верещагинъ просилъ опредѣлить на его мѣсто ученика семинаріи, избраннаго имъ потому, что онъ оставляетъ санъ свой и званіе единственно ради малыхъ своихъ дѣтей (двоихъ).—Резолюція отъ 22 окт. 1831 г.: «Касательно избранія діакона изъявили желаніе прихожане, и оно уважено.—Совѣтуется просителю осмотрѣться и расмыслить, не слишкомъ ли много ослѣпляетъ его плотская воля. Какъ не понимаетъ онъ, что человѣку, который мѣняетъ благодать священства на прелесть женскую, и покорность волѣ Божіей на свою плотскую волю, неприлично располагать мѣстомъ, которое онъ такимъ недостойнымъ образомъ оставляетъ? Какъ вздумалъ онъ увѣрить себя, что начальство захочетъ пріобщиться чужимъ грѣхамъ, чрезъ покровительство такому дѣлу?»

Ноября 18. «Проситель воленъ и льститъ и упрекать, сколько ему угодно. А я не имѣю права отдать ему мѣсто, на которое прихожане, по ихъ праву, наименовали уже мѣ словесно человѣка достойнаго.»

1833, авг. 25. «Какъ повивальная бабка нашла въ Герасимовой (*поручица, отправленной на покаяніе, по Высочайшему повелѣнію, въ градскій двѣичій монастырь, на 5 лѣтъ, за причиненіе семилѣтней двѣичкѣ побоевъ, кои могли ускорить смерть ея*) признаки беременности, по раннему времени не совсѣмъ рѣшительные: то въ предупрежденіе случая, для монастыря неприличнаго, отнестись отъ меня къ г. гражданскому губернатору (*Н. А. Небольсину*), дабы благоволено было безъ промедленія приказать, кому слѣдуетъ: 1) взявъ Герасимову изъ монастыря, относительно беременности вновь освидѣтельствовать; 2) если окажется беременною: то до разрѣшенія (*отъ бремени*) и очищенія, то есть, до исполненія 40 дней по рожденіи, оставить ее внѣ монастыря, гдѣ удобнымъ признано будетъ;

3) при возвращеніи ея въ монастырь, не позволять ей брать съ собою младенца, потому что видѣть его въ монастырѣ было бы несообразно съ монастырскою жизнію и даже соблазнительно для тѣхъ, кои не знаютъ обстоятельствъ Герасимовой. Въ прочемъ по опредѣленію (*консисторіи*).»

1834, фев. 22. «Нельзя изъяснять и извинять сего дѣла ребячествомъ и неумышленностію. По ребячеству слѣдовало-бы не понимать сего дѣла, слѣдственно и не дѣлать. Четырнадцатилѣтній довольно могъ понимать, что грѣхъ. Дѣторастлѣпіе (*онъ растлил семилѣтнюю*) не только не уменьшаетъ грѣха блуда, но и увеличиваетъ оный. Посему епитимію возложить на семь лѣтъ и послать на полгода не въ (*московскій*) монастырь, а въ Берлюкову пустынь.»

Угрѣшскаго монастыря ^{в)} игумень Иларій писалъ о іеромонахѣ N, что онъ требуетъ обратно изъ монастырской ризницы положенныя въ оную для безопаснѣйшаго храненія и ему принадлежащіе шесть билетовъ Сохр. казны въ 2300 р. асс. и наличныхъ денегъ 400 р. асс., безъ всякаго предъявленія въ томъ какихъ-либо уважительныхъ надобностей; да и склоненъ онъ къ вину.

— Резолюція отъ 16 окт. 1841 г.: «Консисторія поручить благочинному монастырей, если по невоздержности іеромонаха имѣтъ ему въ рукахъ деньги было бы вредно для него и для самой собственности его небезопасно, удержать билеты въ вѣдѣніи настоятеля и казначея впредь до усмотрѣнія, дѣйствительнымъ же надобностямъ его удовлетворять изъ его денегъ съ вѣрнымъ счетомъ, объявивъ ему притомъ, что собственность его сохранится ему и возвратится въ случаѣ дѣйствительной надобности или выхода изъ монастыря.»

1849, окт. 5. «Избраніе утверждается, и сіе порученіе ученику Соколову (*обучать поселянскихъ дѣтей чтенію и письму*) считать службою и преимуществомъ предъ тѣми, которые сей службы не проходили.—Свидѣтельство (*семинарское*) возвращено.»

в) Въ то время (до 16 окт. 1853 г.) монастырь былъ штатный.

1854, нояб. 3. «По принятіи въ разсужденіе, 1) что дьячекъ Б—кій, по собственному его признанію, взявшись обучать кантониста арифметикѣ и грамматикѣ, не обучилъ; 2) что лѣность кантониста не оправдываетъ дьячка, который, замѣтивъ лѣность, немедленно долженъ былъ сказать о ней матери кантониста, и либо исправить ученика, или ранѣе (*а не черезъ годъ и 4 тысячи*) отказаться отъ него и получить только часть денегъ, по мѣрѣ сдѣланныхъ успѣховъ; 3) что дьячекъ даже не имѣлъ законнаго права учить,—учинить слѣдующее: 1) Деньги (*10 р. взятая по мелочи въ разное время*) съ дьячка взыскать и отдать матери кантониста. 2) Отъ благочиннаго взять объясненіе, почему онъ допустилъ дьячка учить и почему не обратилъ вниманія на жалобу матери кантониста».

1841, мар. 31. «1) Когда коломенское духовное правленіе нарушило законную обязанность, пропустивъ узаконенный срокъ, и притомъ послѣ неоднократнаго подтвержденія (*о представленіи свѣдѣній о церквахъ и причтахъ*): то дѣлать подтвержденіе всѣмъ признается неудовлетворительнымъ, потому что общее подтвержденіе смѣшало бы виновныхъ съ невинными, а въ такомъ случаѣ виноватые опять могли бы безъ заботы обратиться къ прежней дремотѣ, недѣятельности, въ ожиданіи, что, когда нужно, разбудятъ подтвержденіемъ. Надобно исправлять неисправныхъ и тѣмъ настоятельно, что неисправность одного Дух. правленія даетъ видъ неисправности епархіальному управленію и затрудняетъ дальнѣйшій ходъ отчетности (*по моск. епархіи, для представленія въ св. Синодъ*). Посему взять отъ членовъ и столоначальника коломенскаго Дух. правленія объясненія, кто виною медленности, и съ виновными поступить по законамъ. 2) На что церковь Воспитательнаго дома показана въ числѣ ружьныхъ, а не въ числѣ церквей при казенныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ? 3) Почему въ Москвѣ показана одна часовня (*Иверская*), а не болѣе?»

1849, авг. 28 «Снисходить тому, кто дѣлаетъ обиду, значило бы оказывать неправосудіе обиженному.»

1850, фев. 18. «Нужно правосудіе, чтобы обманъ не вошелъ въ обычай».

1858, нояб. 10. «Дополнительно надлежитъ принять въ разсужденіе слѣдующее: 1) донесеніе настоятеля съ братією, что послушникъ Сеславинъ у вечерни былъ пьянъ, онъ старается опровергнуть тѣмъ, что былъ въ изнуреніи отъ послушанія при кухнѣ. Но братія не могли не различить изнуренія отъ нетрезвости; и не отъ чего было быть изнуренію, потому что между обѣдомъ и вечернею на кухнѣ дѣлать нечего. 2) Противъ донесенія, что онъ на клиросѣ кривлялся, онъ говоритъ, что за кривляніе приняты его земные поклоны: но и здѣсь нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы братія не различили поклоновъ отъ кривлянія. 3) Въ праздничный день уставъ не полагаетъ земныхъ поклоновъ; посему и поклоны его, если были, показывали человѣка вышедшаго изъ порядка. 4) Настоятель и братія доносятъ, что онъ пришелъ въ алтарь и производилъ шумъ и безчиніе; а онъ говоритъ, что въ алтарь былъ позванъ казначеемъ и заставленъ класть поклоны: но въ семъ словамъ его нельзя повѣрить, противъ свидѣтельствъ двѣнадцати человѣкъ братіи. 5) Пьянство и безчиніе послушника тѣмъ болѣе достойны осужденія, что онъ обнаружилъ оныя въ церкви, во время Богослуженія, въ храмовой праздникъ (1 окт.), къ соблазну народа. Посему учинить слѣдующее: 1) послушника С—на изъ такого-то монастыря исключить. Дать ему три мѣсяца на пріисканіе мѣста въ другомъ монастырѣ внѣ столицы, гдѣ настоятель по снисхожденію принять его согласится. 3) Если же въ теченіи сего времени нигдѣ не будетъ принять: исключить его изъ духовнаго званія для избранія другаго рода жизни.»

Сообщилъ Архим. Г—рій.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ЕПИСКОПА АСТРАХАНСКАГО ГЕРАСИМА а).

Въ 1851 году архимандритъ Герасимъ былъ перемѣщенъ св. Синодомъ ректоромъ изъ Ставрополя въ Симбирскую дух. семинарію. Какъ ни тяжело было ему разстаться съ обителю инокинъ, основанною имъ, и привязавшихся къ нему семинаристовъ; но возложивъ все упованіе на Господа, оставилъ онъ Кавказъ, съ стѣсненнымъ отъ скорби сердцемъ. Премилосердый Отець небесный не оставялъ раба своего, въ скорби сущаго, и на пути посылалъ ему утѣшенія. Въ Новочеркасскѣ былъ принятъ съ любовью преосвященнымъ Іоанномъ и пріятно побесѣдовалъ съ нимъ. Въ Воронежѣ у многоцѣлебныхъ мощей св. Митрофана богобоязненная душа о. Герасима обрѣла источникъ сладчайшихъ утѣшеній. И правившій тогда Воронежскою епархіей, преосвященный Пароеній принялъ его почти родственно. Съ глубокою признательностью путникъ нашъ разстался съ благодатнымъ Воронежемъ. Въ продолженіе всего пути слышалъ о. Герасимъ отъ всѣхъ, знавшихъ симбирскаго владыку Θεодотія, предсказаніе великихъ скорбей на службѣ въ Симбирской семинаріи. Изъ Ставрополя онъ выѣхалъ на колесахъ, а съ половины пути поставилъ свой экипажъ на зимній ходъ, и настоящій претрудный путь служилъ предзнаменованіемъ тѣхъ бѣдъ и скорбей, которыя ожидали сего странника и пресельника

а) Окончаніе. См. январскую и февральскую книжки.

на подлежащемъ ему служебномъ поприщѣ: онъ самымъ горестнымъ образомъ (съ сыномъ, съ губернаторомъ, съ служителемъ) доѣхалъ до Симбирской губерніи. Не доѣзжая до Симбирска, на станціи въ городѣ Корсунѣ, встрѣтился съ нимъ о. ректоръ, предмѣстникъ его, который въ короткихъ словахъ сдѣлалъ очеркъ своей многонепечальной жизни въ Симбирской семинаріи, познакомилъ его съ духомъ владыки Оеодотія и предупредилъ, съ какими людьми онъ долженъ будетъ и съ кѣмъ имѣть дѣло.

1851 г. 19 января въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ о. Герасимъ въ Симбирскъ. На первыхъ порахъ новміи ректоръ принять былъ преосвященнымъ Оеодотіемъ довольно мило-стиво. Владыка отдавалъ полную справедливость достоинствамъ его, хвалилъ и превозносилъ его по всему городу. Но какъ о. ректоръ пришелся не по духу ему, то и хвала эта прекратилась.

При всей замѣчательно-благолѣпной наружности о. Герасима, онъ имѣлъ видъ строгаго подвижника, взиралъ всегда въ землю, рѣдко на кого смотрѣлъ въ лице, и случалось, что онъ и знакомыхъ своихъ не зналъ хорошо по наружности, узнавая ихъ больше по голосу; особенно удалялся отъ бесѣдъ суетныхъ женскихъ. Бесѣды его всегда дышали любовью къ Господу и ближнимъ; празднословія и осужденія избѣгалъ, какъ смертоноснаго яда; старался всегда прикрыть прегрѣшенія ближнихъ и подыскать въ нихъ какую-либо хорошую сторону. Предъ всѣми смирялся, къ одному себѣ былъ строгъ. Человѣкоугодія гнушалась душа его, и если гдѣ нельзя было ему говорить что во славу Божию, то онъ, опасаясь метать бисеръ, молча перебиралъ свои четки съ молитвой къ пресладкому Иисусу, Котораго отъ юности возлюбила добрая душа его. Но если случалась бесѣда «о единомъ на потребу», о, тогда преобильный и сладкій источникъ истекалъ изъ устъ его. Онъ имѣлъ дивный даръ слова, такъ что съ первой же бесѣды люди алчущіе правды и святости всѣмъ сердцемъ привязывались къ нему, и таяли яко воскъ отъ пла-

мени любви, которымъ горѣло сердце его къ пресладкому Іисусу и Его пречистой Матери. Слово его было всегда полно духа и жизни.

Пріобывши къ аккуратности въ исполненіи служебнаго долга, онъ и въ Симбирскѣ, какъ и въ Иркутскѣ, Твери и на Кавказѣ, не опускалъ дѣлъ служебныхъ по семинаріи и консисторіи; но вмѣстѣ съ симъ каждадневно почти ходилъ къ утреня и литургіи (раппей) въ Спасовознесенскую церковь за неимѣніемъ церкви при семинаріи ф). Разъ,—это было 29 января 1851 года въ 6 часовъ вечера,—услыхавши звонъ ко всеобщей, спросилъ бывшаго при немъ инспектора о. Авраамія: въ какой церкви слышенъ благовѣсть? и узнавъ, что благовѣстятъ въ женскомъ монастырѣ по случаю храмоваго въ придѣльномъ его храмѣ праздника трехъ святителей, немедленно съ о. инспекторомъ поѣхалъ въ обитель ко всеобщей. Когда вошли они въ храмъ настоящій—святителя Алексія, всеобщая уже началась въ трехъ святительскомъ придѣлѣ, который былъ и освѣщенъ прилично празднеству храма, а въ настоящей церкви было довольно мрачно, теплились лишь 3—4 свѣчи у мѣстныхъ икопъ. О. ректоръ съ спутникомъ своимъ прошелъ прямо въ олтарь главнаго храма, гдѣ ни одной свѣчи не теплилось у св. коня х). Самое вступленіе во св. обитель сего раба Божія было, какъ полагаемъ, предзнаменованіемъ намъ, что онъ

ф) Въ 1853 г. о. архимандритъ Герасимъ устроилъ и при семинаріи домовую церковь на сумму пожертвованную духовенствомъ Симбирской епархіи (по циркулярному его воззванію) и симбирскою Вырыбаевскою помѣщицею Ел. Ник. Пазухиной.

х) Одна инокня, бывшая близкою свидѣтельницею вступленія въ олтарь о. Герасима, увѣряла что когда вошелъ въ олтарь о. архимандритъ Герасимъ, то весь олтарь освѣтился какою-то особенною свѣтовою матеріей, такъ что помянутая инокня, отличавшаяся кротостію и рѣдкимъ смиреніемъ, видѣла, какъ о. Герасимъ прикладывался къ престолу, и до того было свѣтло въ олтарѣ, что ей, стоявшей поодаль, явственно можно было различить иконы, висѣвшія въ олтарѣ на стѣнахъ. Когда же онъ вышелъ изъ олтаря на правый

посланъ былъ отъ Господа просвѣтитъ насъ сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни грѣховной.

Вскорѣ по пріѣздѣ о. Герасима въ Симбирскъ, мы слышали много прекрасныхъ отзывовъ о немъ отъ духовника нашего о. Захаріи П., и сердца наши невольно какъ-то стремились къ сему свѣтильнику Господню. Весной, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, родная сестра наша (полковница) Александра Ефимовна фонъ-Руммель возвратилась изъ Казани и привезла о. ректору копию съ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери отъ игуменьи Досіеи, которая очень коротко знала о. Герасима, когда онъ служилъ еще профессоромъ въ Тверской семинаріи; она-то и рассказала сестрѣ нашей о дивныхъ опытахъ его мудрости и прозорливости, о его великодушіи, безкорыстіи, правдолюбіи, о его какой-то особенно плѣнительной вѣжливости, и вмѣстѣ съ симъ убѣдительно совѣтовала познакомиться съ этимъ воистину дивнымъ мужемъ. Сестра, желая въ точности исполнить порученіе игуменьи и вмѣстѣ имѣть счастье познакомиться съ нимъ, предложила своему духовному отцу, соборному протоіерею, просить къ ней о. ректора. Долго не могъ упомянутый протоіерей уговорить о. ректора съѣздить къ его духовной дочери, потому что онъ избѣгалъ всякихъ знакомствъ, особенно короткихъ, извѣдавъ притомъ на опытѣ, какъ тяжела разлука съ близкими сердцу,—онъ только дѣлалъ визиты лицамъ служебнымъ, съ которыми неизбѣжны встрѣчи и столкновенія на служебномъ пути. Наконецъ о. архимандритъ сдался на увѣщанія о. протоіерея и въ день великомученика Георгія 23 апрѣля прямо изъ кафедральнаго собора вмѣстѣ съ протоіереемъ поѣхалъ къ давно ожидавшей его сестрѣ нашей. Въ первой же бесѣдѣ она передала о. ректору, что у ней четыре сестры монахини, и преусердно про-

клирсь (никѣмъ не занятый), желая вслушаться въ чтеніе и пѣніе, то и тутъ какъбы молніеносный свѣтъ озарилъ это мѣсто, въ олтарѣ же попрежнему сдѣлалось темно.

сила его посѣтить ихъ. Едва-едва далъ онъ слово быть у насъ, и 28 мая, въ 5-мъ часу вечера, когда у насъ въ обители собирались встрѣчать икону Божіей Матери, именуемой Жадовскою, въ первый разъ посѣтилъ затишный пріютъ нашъ безцѣнный гость нашъ. Наслышавшись отъ сестры нашей о его нравственныхъ достоинствахъ, мы съ необыкновенною радостью и восторгомъ встрѣтили его, пали ему въ ноги, и онъ, благословивъ насъ, спросилъ: «Какъ спасаетесь вы, рабыни Божіи?»—«Очень худо, ваше высокопреподобіе!» отвѣчала я. «Отъ чего же это такъ? Хорошо сознаніе своихъ недостатковъ. Хотя оно и не можетъ назваться истиннымъ смиреніемъ, но пролагаетъ путь къ нему». По обстоятельствамъ времени, коротка была бесѣда наша, но преисполнила сердца наши неизъяснимымъ духовнымъ утѣшеніемъ. Не хотѣлось намъ разстаться съ мудрымъ знакомцемъ нашимъ, но призывный колоколь къ встрѣчѣ иконы Богоматери прервалъ сладко-назидательную бесѣду дорогаго наставника, и мы настойчиво просили о. ректора обойти келліи наши и благословить ихъ, что онъ съ любовью и исполнилъ; при чемъ милостиво склонился на мольбы наши: посѣщать насъ и умудрять во спасеніе.

Лѣто все провели мы (по обѣщанію) въ разъѣздахъ и въ началѣ лишь августа возвратились въ Спасскую обитель свою. Помня данное намъ слово, о. ректоръ посѣтилъ насъ-странницъ. Мы встрѣтили его, какъ ангела Божія, и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали усладительную, душеполезную бесѣду его. Животворное слово чудно врачевало сердца наши и мы никогда не забудемъ вдохновенныхъ глаголовъ его. Всѣ сестры мои слушали его не переводя дыханія; но я, по недостатку во мнѣ истиннаго смиренномудрія, воспользовавшись одною очень занявшею меня фразой, рѣшилась предложить два-три вопроса отъ себя, и вотъ его святоотеческіе отвѣты, сказанные и примѣненные къ общему назиданію нашему. Болѣю душой при семъ, что по недостатку научнаго образованія не мо-

гу съ желаемою точностью передать мысли о архимандрита. Передамъ, какъ умѣю:

«Горячность въ молитвѣ, говорилъ онъ, не легко достигается; наше дѣло понуждать себя къ ней, устраяя вниманіемъ изъ души все отзывающееся суетами. Придетъ пора, ударитъ часъ воли Божіей и, привлеченное любовью къ небесному, сердце закипитъ, загоритъ и воспламенится, при содѣйствіи Божіей благодати, все, что когда-либо кляли вы по усердію на его жертвенникъ, вѣрой, долготерпѣніемъ и смиренною преданностью въ волю Божію».

Слыша отговорки мои о невозможности всегда говорить правду,—иногда якобы для блага ближняго скажешь неправду,— «пусть, отвѣчалъ онъ, ложь будетъ и незвучательная и по чистымъ побужденіямъ, но она также отъ ненавистника добра и истины — діавола. «Удаляйся лии, говоритъ св. Антоній великій, — иначе она отдалитъ отъ тебя страхъ Божій».—Истинный христіанинъ, рѣшающійся дѣйствовать согласно волѣ Божіей, долженъ прежде всего радѣть о чистотѣ совѣсти: безъ чистоты совѣсти нельзя имѣть успѣха въ духовной жизни ни на волосъ».

По глубокому смиренію своему о. Герасимъ, говоря о суетѣ, въ которую поставленъ онъ служебнымъ долгомъ своимъ, сказалъ между прочимъ: «Суета и житейская молва, какъ волны, бьютъ въ углый челнъ мой и готовы, казалось, визпровергнуть его. Благо мнѣ, когда Христось самъ правитъ имъ, я не боюсь потопленія. Но безъ Него и я, и вы, одной волной подняты, одной волной поглощены».

«Кто насъ съ вами, говорилъ онъ также, — поставилъ судьями надъ ближними? Станемъ лучше смотрѣть за своими свѣтильниками, да не оскудѣемъ елссмъ, а за чужими, горять ли они, или курятся, или совсѣмъ уже погасли, смотрѣть не наше дѣло».

Совѣтовалъ еще намъ не давать воли воображенію: «Учитесь, говорилъ онъ, — стѣснять его, или занимать воспоминаціями священными. Размышляйте чаще о страданіяхъ Госпо-

да нашего І. Христа и о Его божественной любви къ намъ грѣшнымъ».

Вотъ, къ сожалѣнію, краткій и блѣдный очеркъ тѣхъ назидательныхъ бесѣдъ, которыми, какъ манной небесною, питалъ незабвенный о. ректоръ алчущія души наши. Впрочемъ неостанетъ ни времени, ни умѣнья описать все, что мы слышали и внимали отъ него. Бывало, при первой серьезной нуждѣ, прилетитъ къ намъ, къ каждой изъ насъ зайдетъ, наставитъ, утѣшитъ, пожуритъ, вразумитъ, успокоитъ,—словомъ, кому какое нужно лекарство, тѣмъ и уврачуетъ страждущія сердца наши. Подлинно, «другъ вѣренъ, кровь крѣпокъ и врачеваніе житію. Обрѣтый же его обрѣте сокровище!» (Сирах. 6, 14. 16).

Зная дорогаго паставника нашего, какъ весьма роднолюбиваго, и любя слушать задушевные его рассказы о блѣдныхъ своихъ родныхъ, особенно тетужкѣ Ек—нѣ Прокофьевѣ и батюшкѣ сельскомъ дьячкѣ, я вмѣстѣ съ сестрами (предварительно запасшись карандашемъ) упросила его разъ рассказать свою родословную. И онъ отечески вынялъ искреннему желанію моему и началъ такъ: «Да, подаромъ батюшка мой любилъ повторять: «родъ правыхъ благословится!» (Пс. 111, 2). О. Герасимъ перечислилъ намъ всѣхъ дѣтей отца отъ первой и второй жены, внуковъ и правнуковъ, и вотъ общій итогъ: дѣтей 6; внуковъ 27; правнуковъ 64; праправнуковъ 18; да умершихъ внуковъ 36. Всего—сто пятьдесятъ одинъ (151)»...

Любилъ дорогой нашъ батюшка вспоминать о добрыхъ родителяхъ своихъ, о счастливыхъ дняхъ своего младенчества и отрочества. Мы съ благоговѣніемъ слушали о дивной и поучительной жизни о. Герасима; всѣ глаголы его слагали въ сердца наши и сберегали, какъ сокровище драгоцѣнное, сознавая себя вполне недостойными видѣть и бесѣдовать столь близко съ этимъ земнымъ ангеломъ. Сердца наши съ первой, такъ сказать, минуты сроднились съ нимъ; никогда не хотѣлось разстаться съ дорогимъ гостемъ и богоглаголивымъ собесѣдникомъ нашимъ,

и онъ, замѣчая это, угѣшала насъ обѣщаніемъ не оставлять насъ своимъ посѣщеніемъ. Проводивъ его, мы съ любовью передавали другъ другу тѣ благодатныя впечатлѣнія, кои оставались въ сердцахъ нашихъ послѣ назидательныхъ бесѣдъ съ нимъ. Съ чувствомъ умиленія всегда благодарили мы Господа за то великое благо, что Онъ послалъ намъ мудраго и опытнаго руководителя. Необыкновенною радостью трепетало мое сердце, и я не могла до-толѣ успокоиться, пока не запишу, бывало, всего слышаннаго нами изъ устъ дорогаго благовѣстителя нашего. Воистину бывало ожидаемъ посѣщенія его, какъ свѣтлаго праздника Христова. Дивную власть имѣлъ онъ надъ душами нашими и крѣпко приковывалъ сердца наши. 4 года и 9 мѣсяцевъ (пока онъ былъ въ Симбирскѣ), сердца наши покоились, какъбы у персей нѣжной матери, у бо-гоноснаго сердца отца нашего.

Въ началѣ 1852 года сестра наша, Ал. Еф—на, была въ какомъ-то безотрадно-тяжеломъ душевномъ состояніи, и еслибы не послалъ намъ Отецъ небесный вѣрнаго служителя своего въ лицѣ о. архимандрита Герасима, то не знаю, что и было бы съ ней несчастною. Она, въ уныніи своемъ, прибѣгла съ слезною мольбой къ избраннику Божію принять душу ея и уврачевать, и мы вмѣстѣ съ ней просили и молили призрѣть милостиво на сестру нашу и наставить ее на путь спасенія. Съ помощью Божіею умолили мы, крайне осторожнаго въ выборѣ знакомства, о. ректора, быть попечителемъ погибающей души ея. По обычаю, помолившись прежде Сердцевѣдцу-Богу, онъ далъ наконецъ слово помогать и ей мудрыми совѣтами своими на крестномъ пути христіанскомъ и съ неутомимою заботой пасъ онъ душу ея на злачной пажити своей. И я, скудоумная, чувствовала всю необходимость имѣть духовнаго вождя; но не рѣшалась еще безъ общаго согласія друзей — сестеръ моихъ избрать о. Герасима. Страданія души моей между тѣмъ усиливались невыносимо, и я рѣшилась написать исповѣдь сердца и чрезъ сестру пере-

дать благостному аввѣ. Не успѣла еще сего исполнить, какъ вѣщее сердце его почувствовало горькое состояніе души моей. На 26 декабря 1851 г., предъ утреней онъ видитъ во снѣ, что я будтобы у него въ келліи вмѣстѣ съ сестрой Ал. Еф—ной, и подошедши къ нему очень близко, вдохнула въ него такую горечь, что онъ содрогнулся и отъ сильной горечи пробудился. Собрался къ утрени и пошелъ по обыкновенію въ обитель къ намъ, и во всю дорогу чувствовалъ сильную горечь, которую я грѣшная перелила изъ своего сердца въ его душу. И на другой же день онъ даль знать мнѣ чрезъ сестру, что желаетъ онъ исповѣдать меня. Я не вѣрила своему счастью; приготовилась къ назначенному числу (30-го декабря), и въ 4 часа послѣ обѣда прилетѣлъ ко мнѣ въ келлію богоданный отецъ. Я, опасаясь огорчить старшую сестру (монах. Евпраксію) х), запрещавшую безъ общаго согласія выбирать духовника, исповѣдывалась не вполне искренно, не высказала наприм. о той горечи, которая лежала на самомъ днѣ моего сердца, и это неопредѣленное состояніе тяготило меня невыразимо; но милосердый Отецъ небесный сжалился надъ огорченною душой моею и удивительнымъ образомъ превлонилъ сердца добрыхъ сестеръ моихъ на милость, и онѣ какъбы невольно почувствовали необходимость въ томъ-же руководителѣ; и тогда, согласившись написали слезное моленіе къ о. Герасиму, убѣдительно прося его принять насъ недостойныхъ въ число чадъ его сердца. Января 20-го во время вечерни подали мы ему просьбы наши и на другое же утро получили отвѣтъ, который и предлагаю въ точной копіи:

«1852 г., января 22-го, 9-й часъ вечера. Благослови душе моя Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его. На всякомъ мѣстѣ владычества Его благослови душе моя Го-

х) Въ послѣдствіи игум. тогоже Симбирск. Спасскаго женскаго монастыря, возстановленнаго сю послѣ ужаснаго Симбирскаго пожараща (устроеннаго ссыльными Поляками) въ августѣ 1864 г.

спода! Вотъ тѣ слова, мысли и чувства, кои подъяльсь, какъ оніамъ изъ кадильницы, изъ моего сердца, когда коснулись его отголоски сердець вашихъ, обручницы Создателя и Искупителя моего, отголоски, переданные мнѣ вашими двумя, до прочтенія еще, письмами одного и тоже содержанія отъ 15—20 января текущаго года. И сладко я молился за васъ грѣшникъ Господу и Его пречистой Матери, стоя въ уголкѣ алтарномъ, во время служимаго, по заказу вашему, молебна. Не забыта была при этомъ и другая мольба, другой вопль сердечный, о дарованіи мнѣ отъ Духа Освятителя ея духовнаго, чтобы горѣлъ я и свѣтилъ, а не курился, подобно головнѣ обожженной, дымящейся и закоптѣвающей лишь святые лики въ храмѣ Божіемъ. Прочитавъ же дома эти письма съ умилениемъ, какъ повѣстки душъ вашихъ къ служенію, возлагаемому на меня частью моимъ званіемъ и любовью Спасителя моего, возлюбившаго меня и предавшаго, какъ вѣдомо вамъ, Себя по мнѣ грѣшнѣйшемъ изъ грѣшниковъ, частью же довѣрчивою вашею любовью и осмысленною душой, послушаніемъ неповерхностнымъ, не взирая на всѣ препоны, какія только могли быть противопоставлены моему духу и сердцу къ слиянію во едино о Господѣ душъ и сердець нашихъ, я далъ и даю смѣренно обѣтъ Господу: жить и умереть слугою Христовымъ для васъ. Правда, что мало силъ у меня, немного досуговъ, и опытовъ для жизни духовной потребныхъ немного, но есть, по милости конечно Божіей, вѣра въ сердце къ Господу, есть надежда на Его благодатное содѣйствіе, коимъ обыкло милосердіе Божіе врачевать немощное и восполнять оскудѣвшее, что всего отраднѣе для души; откуда-то являлась даже, видно вслѣдствіе искреннихъ молитвъ вашихъ, послушная готовность, по сей любви, не ищущей своихъ-си, готовность быть для васъ всѣмъ, да всяко, при помощи Божіей, привлеку васъ къ свѣтлому чертогу Жениха вашего небеснаго, любовью къ Коему уже бьются сердца ваши и мыслию о Коемъ уже заняты умы ваши.

Итакъ препосылаю вамъ, обручницы Христовы, Божіе благословеніе съ благословеніемъ моего сердца, родственно къ вамъ и прежде расположеннаго, и прося молитвъ вашихъ для своей немощи, прошу васъ поговѣть, заняться исповѣдью, которую я приду выслушать отъ васъ, если Господу будетъ угодно, и наконецъ не щадить себя при этомъ, положить какъбы въ гробъ волю, помня, что истинное послушаніе, которое полюбили сердца ваши, есть гробъ нашей воли прелюбодѣйной и грѣшной. Особенно тебѣ, возлюбленная о Господѣ Евсевія, по случаю повѣданнаго тобой страха, не нужно щадить себя предъ тѣмъ, кто какъ блудный сынъ самъ идетъ къ объятіямъ Отчимъ изъ сторонущи дальней,—который, какъ овца горохищная, принять былъ на рамо Пастыря пастырей и доселѣ не въ пасти ада потому лишь, что не дремлетъ Господь, хранящій до вѣрившееся ему сердце,—который, наконецъ, какъ послѣдній изъ слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ, выну помнѣть, вступивъ на чреду свою, и не забываетъ доднесь, что если Спаситель, Господь сый, льна внемшагося не угашалъ и трости сокрушенной не преламывалъ, т.-е. обращалъ къ покаянію и вразумлялъ обремененныхъ грѣхи многими, не отвергая даже злодѣевъ и преступниковъ, удерживаемыхъ отъ отчаянія одною лишь надеждою на Его милосердіе и любовь безмѣрную; то ему, бѣдному грѣшнику, очевидно, ничего не осталось, какъ только оплакивать съ оплакивающими грѣхъ, гнушаясь послѣдняго, а не первыхъ, кои могутъ варять иногда праведниковъ въ царствіи Божіемъ».

Благоплоднымъ слѣдствіемъ святоотеческаго писанія сего было то, къ отрадѣ моей, что милосердый Отецъ небесный соединилъ желанія всѣхъ сестеръ моихъ предаться въ послушаніе доброму пастырю нашему, о. Герасиму, и 26-го января 1852 года, въ 4 часа пополудни, прилетѣлъ къ вамъ посланникъ небесный. Въ первый разъ въ жизни исповѣдовались мы, можно сказать, чистосердечно и съ великимъ умиленіемъ. Богопосный авва нашъ состра-

далъ намъ вполнѣ и святоотечески оплакивая грѣхи нашъ, дѣлая намъ весьма приличныя наставленія и возбуждая въ насъ «страхъ Божій, отрѣвляющій грѣхи», показывалъ эти сердечныя язвы во всемъ омерзительномъ видѣ. «Грѣхъ», говорилъ онъ мнѣ на исповѣди, похожъ на корнистое, многовѣтвистое растеніе: обрѣзываетъ у него вѣтви, оно даетъ новыя вѣтви. Сѣмя грѣха, не вырванное изъ сердца, снова всходитъ и подавляетъ посѣвъ благодатный, послѣ исповѣди поверхностной. Старайтесь подкопаться подъ корень того или другаго грѣха, не щадя своихъ силъ и самолюбія. Грѣхъ живетъ, пока въ душѣ сокрытъ, какъ сокровище; неисповѣданный, онъ не умретъ и при смерти нашей: онъ пойдетъ за нами въ вѣчность, станетъ съ нами предъ престолъ неумытнаго Судіи и, осудивъ насъ, уведетъ въ глубины ада. Но этотъ же отвратительный грѣхъ, ятый изъ глубины сердца, какъ змій, сѣтью смиренія, не краснѣющаго стыдомъ ложнымъ, извлеченный на спасительный брегъ исповѣданія и преданный во власть строителя тайнъ Божіихъ, грѣхъ — этотъ злодѣй нашъ и убійца, издыхаетъ тогда и истлѣваетъ; уничтожится и не вспомнится извергъ, по милости заслугъ Христовыхъ, ни правдой, ни всевѣдѣніемъ Божіимъ. И взирая на близость Христа-Искупителя, лови, влеки изъ глубины души своей всю тину. И обновится яко орля юность твоя, и ты будешь близка къ сердцулюбвеобильнаго Жениха твоего, Христа», — и пр. И каменное, самое ожесточенное сердце должно было тронуться, видя, какъ изъ очей его отчихъ изливались слезы. Въ 10 часовъ вечера окончилась исповѣдь сердець нашихъ, и онъ..., о! надо было видѣть его въ это время, какъбы дивный нѣкій отецъ временъ древнихъ, подобно Сисою или Евѣмію Великимъ, предстоялъ предъ Серцевѣдцемъ съ величайшимъ благоговѣніемъ. Страхъ Божій дивно отображался на его благолѣпномъ обликѣ. При окончаніи подробной исповѣди всѣхъ насъ, онъ очень изнемогъ и поспѣшилъ уйти домой; но и тамъ не далъ себѣ полного покоя, какъ мы убѣждаемся изъ прилагаемой при семъ записки къ сестрѣ Ал. Еф—нѣ.

«1852 г. января 26-го, 11-ть часовъ ночи. За три четверти часа, кажется, предъ симъ пришелъ я отъ добрыхъ друзей твоихъ—сестеръ, благоговѣйныхъ исповѣдницъ и возлюбленныхъ о Господѣ чадъ моихъ, пришелъ вполне утѣшенный искреннимъ ихъ желаніемъ спасенія. Еслибы не слабость и не слабый, казалось, по виду плоти, выгнала меня отъ нихъ, а также и желаніе, да вѣщастъ сердцамъ ихъ, отверстымъ ко всему доброму, Самъ Христосъ — Господь ихъ, часть ихъ на землѣ живыхъ (и единос на потребу), избранная нѣкогда благоговѣйною Маріей, то я готовъ бы цѣлую ночь не спать, только бы ихъ возбудить надолго, надолго, навсегда, буде можно, отъ дремоты грѣховной, чтобы встрѣчая съ ними въ полночь мысленно небснаго Жениха ихъ съ свѣтильниками, сказать Ему: Господи! се азъ и дѣти мои, яже далъ мнѣ недостойнѣйшему изъ служителей Твоихъ. Соблуди ихъ Самъ, Преплагій, отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, отъ навѣтовъ и прилоговъ ихъ, и введи, имже вѣси судьбами, въ Твое пренебесное царство».

Но лукавый врагъ видимо озлобился на дорогаго отца нашего за то, что исхитилъ души наши изъ его демонской власти. И въ скоромъ времени возмутилъ противъ него владыку (Ѳеодотія) чрезъ клеветовъ своихъ — людей недоброжелательныхъ. Служа не «яко челоувѣкоугодницы, но яко рабъ Господень», вѣрой и правдой, исполняя свято обязанности служебныя (и по консисторіи и по семинаріи) о. Герасимъ требовалъ и отъ сослуживцевъ своихъ такой же исполнительности. Прямота о. Герасима не пришла по сердцу нѣкоторымъ его сослуживцамъ; особенно возсталъ съ озлобленіемъ противъ него, благодѣтельствованный имъ и товарищъ по академіи, родственникъ преосвященнаго, одинъ изъ Симбирскихъ протоіереевъ, занимавшій должность и при семинаріи. Сослуживцамъ о. ректора Герасима, привыкшимъ небрежно относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, тяжело было пассиваться начальнику правдивому и не челоувѣкоугодливому, который обращался велицепріятно со всѣми подчиненными

ему, Одинъ изъ недовольныхъ о. Герасимомъ, долго употреблялъ многоразличныя способы очернить, оклеветать неповиннаго ректора въ глазахъ владыки, и наконецъ, съ помощью врага спасенія, успѣлъ въ своемъ предпріятіи какъ нельзя ловчѣе. Онъ успѣлъ также возстановить противъ о. ректора инспектора семинаріи Авраамія ц) и иныхъ сослуживцевъ, и до того дошло, что никакія требованія приличія и долга не могли уже вмѣщаться въ ихъ головѣ и сердца. Начались стачки, сплетни, попойки, злонамѣренныя опущенія классовъ, и разгнѣванные какимъ-либо резоннымъ представленіемъ и требованіемъ ректора, нѣкоторые изъ наставниковъ семинаріи (и даже служащіе въ духовномъ училищѣ), бродили къ преосвященному Оеодотію съ доносами и жалобами на неумолимо якобы строгаго ректора. Но справедливый и честный Герасимъ продолжалъ дѣйствовать съ прежнею прямою и не бросалъ оружія правды и долга, шелъ навстрѣчу клеветникамъ, съ упованіемъ на Сердцевѣдца Бога. И не взирая на всѣ раны и удары, которые сыпались на него, онъ говорилъ правду всѣмъ и самому владыкѣ, дѣйствуя согласно съ закономъ совѣсти, защищая по праву члена консисторіи вдовъ и сиротъ отъ притѣсненій власти, подѣ часть неразборчивой. Станнымъ и доселѣ намъ кажется, напримѣръ, то, что владыка болѣе всего возставалъ за то на о. ректора, зачѣмъ онъ ходитъ ко всѣмъ службамъ церковнымъ; но нелицемѣрный о. архимандритъ, яко агнецъ незлобивый, смиренно отвѣчалъ архипастырю своему, что ходитъ въ храмъ Божій привыкъ онъ съ юныхъ дней и потому не можетъ отказать себѣ и теперь въ этомъ утѣшеніи, тѣмъ болѣе, что и по службѣ отъ этого нѣтъ опущеній, всѣ дѣла идутъ своимъ порядкомъ. Не взирая на всѣ розыс-

ц) Оба они, т.-е. архим. Авраамій и помянутый недоброжелатель скончались въ послѣдствіи бѣдственно: первый отъ запоя, а второй почти отъ голодной смерти по болѣзни горла. Да проститъ ихъ милосердый Господь.

канія и подходы и даже кляузы, пресоев. Θεодотій не мѡгъ уличить подчиненнаго ему ректора въ опущеніи своихъ обязанностей. Подобныя неудачи еще болѣе раздражали владыку и несмотря ни на что неблагоклонный къ о. ректору архипастырь съ странными угрозами запрещалъ ему часто ходить въ церковь. Особенно за посѣщеніе обители нашей и нашихъ келлій приходилось ему выслушивать потрясающія непріятности и, больно сказать, даже неприличныя выходки и поношенія. Долготерпѣливый явва нашъ готовъ былъ идти на распятіе и яко добрый пастырь положить душу свою за овцы своя, только бы спасти ввѣренныя ему Отцемъ небеснымъ души и не дать амалыку мысленному расхитить ввѣрившеся ему стадо.

Многія и мірскія (знатныя и незнатныя), боголюбивыя жены прибѣгали къ нему за словомъ жизни, и за то, что онъ принималъ ихъ иногда и паставлялъ на путь заповѣдей, враги его честное «имя его пронесли яко зло» (Мо. 5, 11) и всѣми ухищреніями злословія старались затмить благолѣпную свѣтлость доброты его и кротости. Великодушіе его всегда насъ поражало, трогало и умудряло. На семъ избранникѣ Божіемъ исполнились слова писанія: «прославляющія Мя прославлю». Чѣмъ усердиѣ старались погасить свѣтильникъ Христовъ, тѣмъ ярче онъ свѣтилъ и привлекалъ заблудшихъ: изъ всѣхъ сословій стекались на злачную пажить къ прямодушному пастырю; стадо его умножалось болѣе и болѣе, и онъ прилагалъ труды къ трудамъ, не давая себѣ покоя ни днемъ ни ночью, уча и врачуя чадъ своихъ не словомъ только, но и письмами ч), а еще болѣе примѣромъ строгой, постнической и нестяжательной жизни. Невозможно описать всей тяжести креста, которую несъ на своихъ раменахъ высокой подвижникъ благочестія и ратоборець правды. Онъ стоялъ подобно гранитной скаль, о которую ударяли волны мір-

ч) Еслибы можно было собрать *всѣ* письма отца нашего къ чадамъ своимъ духовнымъ, то, утверждаю, набралось бы ихъ до 8,000.

скія и возвращались вспять, не причинивъ ей ни малѣйшаго вреда. Несмотря на всѣ придирки и угрозы владыки и его родственника о. протоіерея о. Герасимъ не смущался, продолжалъ съ свойственною ему аккуратностью исполнять свои обязанности и смѣло защищалъ бѣдныхъ семинаристовъ и сиротъ безпомощныхъ. На него сыпались удары за ударами; но онъ ни за что, напимѣръ, бывало не согласится дурнаго, но имѣющаго протекціи, ученика возвысить, и дѣйствуя по совѣсти и долгу, хорошее называлъ хорошимъ, а дурное дурнымъ.

«Потихоньку скажи Ев—ѣ, писалъ онъ разъ (27 іюня 1854 г.) къ сестрѣ Аѳ—ѣ, чтобы не вздыхала о мнѣ: я живъ и здоровъ, и хотя по грѣхамъ моимъ заслуживаю побой отъ святаго владыки, однако вчера, по одному случаю онъ ограничился лишь бранью, обозвавъ меня буйнымъ, непокорнымъ, бунтовщикомъ, фарисеемъ и другими сладчайшими для сердца моего грѣхолюбиваго именими, доставившими мнѣ немалое утѣшеніе и отраду, какъ спринцовка для страждущаго гнойными ранами». И вся эта буря обрушилась на голову о. ректора за то, что забылъ онъ надѣть орденъ св. Анны, явившись къ нему.

Смиренно-преданный въ волю Божию, о. Герасимъ съ изумительнымъ великодушіемъ переносилъ поносныя выходки и угрозы раздраженнаго владыки, по милости его наушниковъ. Выну благословляя клеветниковъ своихъ, добро творя ненавистникамъ и молясь за творящихъ ему напасти, о. Герасимъ просилъ и молилъ всѣхъ близкихъ чадъ своихъ молиться о преосв. Θεодотіи, какъ о благодѣтелѣ своемъ, называя его и ангеломъ-хранителемъ, и ангеломъ Церкви Христовой, и окомъ Божиимъ и пр. и пр., и если, бывало, услышать дорогой нашъ батюшка что-либо худое о владыкѣ, то становился первымъ защитникомъ и готовъ былъ душу свою положить за него. Повидимому ничѣмъ нельзя было такъ огорчить его, какъ непочтительнымъ отзывомъ о преосвященнѣйшемъ Θεодотіѣ. Мы учились и назидались его благоразуміемъ, осторож-

ностью, выдержкой его характера и простотой нрава; но великодушіе его просто насъ поражало и преклоняло предъ нимъ долу. Таковую дивную дароваль ему Господь широту сердца, что всегда мы видѣли въ немъ образецъ истиннаго христіанскаго мудреца, ревниво оберегающаго въ себѣ этотъ даръ Божій. Всѣ мы, и знаемые нами и почитаемые, — пигмеи были и карлики предъ нимъ — нравственнымъ исполиномъ. О, избранникъ Божій, видно благодать священства не тща была въ тебѣ.

Преосвящен. Θεодотія наконецъ вызвали на чреду въ св. Синодѣ. Богоносный авва нашъ всѣмъ сердцемъ желалъ разстаться съ любовью и миромъ съ озлобленнымъ владыкой. Но всѣ его старанія были тщетны; никакого приступа не было къ его сердцу. Привожу выдержку изъ письма пастыря нашего, чтобы видѣть какъбы въ зеркалѣ добросердечіе его.

«1855 г. 24 апрѣля. Вѣдь не даромъ же, чадо мое, при словіе народа говорить, что «силой милому не быть!» Видно такъ на роду мнѣ написано, чтобы не всѣми быть любимымъ; ктому же и самъ я не питаю въ душѣ моей чувства любви къ тому, о комъ у насъ рѣчь, по крайней мѣрѣ любви живой, теплой, знаменующей себя участиемъ роднымъ, вниманіемъ предупредительнымъ; рабъ грѣха, я уважалъ ихъ, даже боялся (пожалуй), но любовью къ нимъ не пылалъ окаянный... Мудрено ли поэтому, что и они не смягчились, не растаяли, какъ крѣпкій металлъ на холодныхъ угольяхъ. Въ половинѣ 9-го часа былъ я съ своимъ сослуживцами и прощался съ владыкой. Слава Богу, что мало досталось мнѣ... На предложеніе мое позволить мнѣ поучаствовать въ молебнѣ о путешествующихъ, получилъ согласіе, а въ соборѣ онъ не совсѣмъ вѣжливо приказалъ снять ризу, надѣтую уже, и предоставить одному П. Н. Ох... отслужить этотъ молебенъ. Замѣтивши, или почувствовавъ сердцемъ, что стоя за нимъ у дверки пономарской со слезами молюсь о немъ — кручинѣ моей постоянной, подозвалъ онъ меня и сказалъ: «я полагаю, что вы слу-

жить литургію со мной просились и велѣть было ризы вамъ приготовить». «Я уже послѣ отправки литургіи къ вамъ представлялся, былъ мой отвѣтъ,—и просилъ о позволеніи отслужить путевой вамъ молебень».—«Мнѣ жаль Августина, заключилъ онъ,—какъ бы не обидѣлся, когда вы бы вышли служить одни, а двоимъ не годилось бы». Потомъ прощался съ нами по выходѣ изъ царскихъ вратъ, при чемъ не безъ чувства сказалъ намъ всѣмъ рѣчь, главная основа коей такая: «Богъ знаетъ, увидимся ли уже здѣсь на землѣ; поэтому прошу всѣхъ и cadaго простить меня, кого чѣмъ обидѣлъ, оскорбилъ. Прощаю и я всѣхъ, недолюбливавшихъ меня!» Простимъ же, мой другъ, доброму архипастырю, да и Богъ проститъ намъ. Много согрѣшаемъ всѣ мы и, какъ знать, что во всемъ, при всей правотѣ нашей, правы предъ нимъ? Да будетъ миренъ выѣздъ его! Пусть громъ и дождь предыдущіе служатъ изображеніемъ прошлыхъ невзгодъ, а солнышко красное, свѣтлѣющее вотъ теперъ, и ясность—будутъ предвѣстіемъ радостей будущихъ и для него, по многимъ отношеніямъ достойнаго памяти, и для насъ, сколь ни мало, особенно я окаянный, заслуживаю это».

Сердца наши задолго предчувствовали, что наступитъ скоро горькій часъ разлуки съ дорогимъ отцемъ и покровителемъ нашимъ. Преосв. Ѳеодотій по пріѣздѣ въ Петербургъ старался очернить неповиннаго ректора симбирскаго въ глазахъ св. Синода, желая удалить о. Герасима на покой, или сослать въ Соловецкій монастырь, и такимъ образомъ навсегда пресѣчь ему путь къ высшему назначенію. Но Отецъ небесный, вся назирающій, дивнымъ образомъ сохранилъ благодѣтеля нашего, какъ «сокровище на селѣ своемъ». При всей своей силѣ въ Синодѣ, архипастырь нашъ не имѣлъ успѣха въ своихъ недобрыхъ помысленіяхъ противъ подчиненнаго ему ректора. Онъ и за полторы тысячи верстъ не оставлялъ однакоже въ покоѣ нашего трудника и каждую почти почту наносилъ ему не тѣ—другія непріятности; но, благодареніе Господу, высо-

кая душа его, яко въ раю Божиємъ, процвѣтала и приносила плоды вѣры, чистоты и преподобія. Особенно за эту пору поражало насъ то, что онъ очищаль себя въ таинствѣ покаянія ежемѣсячно. Любилъ онъ особенно въ это скорбное и трудное для него время, почитать Лавсанкъ, Лугъ духовный, Лѣстничника, Псалтирь и оканчиваль 11-й томъ толкованій своихъ на св. Писаніе, которое онъ любилъ, какъ свою душу.

Но наконецъ ударилъ часъ воли Божіей и роковое извѣстіе получено 17-го сентября, что пастырь нашъ переводится въ Харьковскую семинарію ректоромъ. Нельзя описать скорбь, объявшаю сердца наши; легче было, казалось, съ жизнью разстаться, чѣмъ разлучиться съ безцѣннымъ отцемъ нашимъ. Только св. вѣра и надежда на Бога подкрѣпила насъ, многонемощныхъ, отъ гибельнаго падевія въ бездну унынія. Насъ ободряла мысль, что страдалецъ нашъ поуспокоится по преселеніи въ благословенную Украину отъ тревогъ и кручинъ своихъ симбирскихъ, избобрѣтенныхъ для него завистью лукаваго, за исхищеніе и насъ и многихъ другихъ душъ отъ исконной злобы его. О, одинъ только Сердцевѣдецъ вѣдалъ то оружіе, которое пронзало души наши при взглядѣ на скорби и искушенія, коими преднамѣренно обременяли крестonosца нашего. Тогда намъ думалось, что намъ легче бы было, еслибы собственно насъ язвили, чѣмъ слышать о страданіяхъ и томленіяхъ отца нашего, которыя отъ насъ онъ почти всегда скрываль. Вотъ уже прошелъ годъ разлуки нашей, а сердца наши еще не могутъ привыкнуть къ сиротству, безъ него. Призри съ небесе, Боже, и исцѣли немощь нашу. Боже! къ Тебѣ единому училъ отецъ нашъ прибѣгать, на Тебя одинаго уповать, Тебя одинаго любить и прославлять. Благопоспѣши же намъ, Господи, Ты бо миръ нашъ и утвержденіе.

Нелегко было и дорогому отцу нашему оторваться отъ сердцець чадъ его о Господѣ, чтд можно видѣть изъ прилагаемой выписки изъ письма его съ первой станціи отъ Симбирска изъ (села) Тетюшь:

«1855 года, 20 октября, половина 7 часа. Вотъ я и въ Тетюшкѣ за 25 версть отъ васъ, чада мои. Послѣ разлуки съ провожавшими меня у часовни, я не сводилъ глазъ съ Симбирска. Лошади мчали впередъ, а сердце, прильнувши къ вамъ, не двигалось съ мѣста. Много мнѣ довелось перечувствовать нынѣ, други мои, такъ что день этотъ можно назвать жизнью цѣлою. Вставши въ 4 часу, укладывался; встрѣчалъ и провожалъ входящихъ и исходящихъ, однихъ благословляя, другихъ умоляя къ миру и любви, оставленнымъ въ удѣлъ намъ Господомъ Иисусомъ. Наконецъ въ 8-мъ часу явился духовный отецъ; и вотъ я бѣдный грѣшникъ радъ былъ очистить совѣсть мою отъ мертвыхъ дѣлъ, желая отселѣ уже работать не грѣху, но Богу живу. Грѣхъ—язва души нашей, есть зло злѣйшее, предтеча бѣды и ужасовъ. Блаженъ, кто хранитъ себя, свои ризы, въ кои облеченъ при купели крещенія, въ чистотѣ и непорочности: онъ свободно можетъ войти въ небесный чертогъ и свечерять со Христомъ. Въ 10 часовъ я ходилъ въ залу собранія прощаться съ дѣтушками моими семинаристами. Кратко, но не безъ чувства сказалъ имъ рѣчь; потомъ пошелъ въ церковь семинарскую, гдѣ часто и сладко мнѣ плакалось. Здѣсь отслужилъ я молебенъ. Умилное пѣніе пѣвчихъ, концертъ приготовившихъ мнѣ прекрасный по времени: «Возведохъ очи мои въ горы. Господь покровъ твой» и пр. и собраніе всѣхъ учениковъ,—все это глубоко тронуло меня; я плакалъ о себѣ, плакалъ о нихъ и о васъ всѣхъ, други мои. По окончаніи молебна я укладывалъ остальное. Потомъ былъ у васъ. Сердце мое хотя надрывалось, но я крѣпился, взывая ко Господу о помощи, и дивно меня укрѣпилъ Онъ—Сила моя. По приѣздѣ домой заходилъ къ о. инспектору проститься и къ о. ректору. Послѣдній вызвалъ меня проводить за городъ съ о. инспекторомъ и экономомъ. Дѣтушки-ученики опять всѣ явились для прощанья. Зная, что ждутъ меня впереди мои чада, я распростился съ моими спутниками по выѣздѣ изъ Симбирска. У часовни ожидали меня чада мои. И застра-

дала утроба моя, и сердце мое яко воскъ таяло посредѣ чрева моего. Потерявши, послѣ тяжкой разлуки, и эту группу печальную, я не сводилъ съ нея очей сердца, пока въ нихъ все не слилось, не превратилось отъ печали, боровшей меня, въ какой-то хаосъ безотрадный. И тутъ я зывалъ ко Господу, да утѣшитъ меня. Онъ коснулся меня своею благодатью и хаосъ скорби исчезъ; путникъ вашъ тихо и сладко молился».

Милосердый Отецъ небесный, не оставляющій вѣрныхъ рабовъ своихъ безъ утѣшенія въ сей юдоли плача и скорбей, призрѣлъ милостиво и на вѣрнаго служителя своего архимандрита Герасима, въ скорбѣхъ сущаго, и яко мать возлюбленному чаду своему, послалъ ему утѣшеніе въ настоящемъ путешествіи. Богопреданная душа его обрѣла сладостное успокоеніе и отраду въ Саровской пустыни,—мѣстѣ святыхъ трудовъ и упокоенія преп. отецъ Серафима, Марка, Иларіона и другихъ, въ мирѣ скончавшихся, а равно и доднесь живущіе старцы приняли его, какъ друга и брата о Господѣ, стараясь наперерывъ утѣшать скорбящее сердце его. Особенно эта святоиноческая любовь отцовъ къ досточтимому путнику сказалась во дни ужасныхъ припадковъ отъ болѣзни его каменной, которая приковала его къ одру тамъ дня на четыре; но долгъ службы призывалъ его къ мѣсту назначенія, и еще не оправившись хорошенько отъ удручавшаго недуга, онъ принужденъ былъ разстаться съ благодатнымъ Саровомъ. Громадное и замѣчательное по многимъ отношеніямъ письмо получила оттуда я отъ него и доселѣ слезю объ утратѣ онаго.

5 ноября, 1855 года прибылъ онъ въ Москву. И тамъ святыня московская, милостивый пріемъ Высокопреосвящ. Филарета, встрѣча съ добрыми знакомыми, оживили и утѣшили отца нашего. Съ благословенія митрополита онъ ѣздилъ съ сыномъ въ Лавру и тамъ богоносная душа его въ молитвенныхъ слезахъ излилась предъ многоцѣлебными мощами чудотворца Радонежскаго. Ему хотѣлось запла-

каль всю скорбь сердца, и милостивый угодникъ услышалъ вопль души его и утѣшилъ его: душа его ликовала какъ-бы на Ѡаворѣ въ сладкомъ молитвенномъ умиленіи, умиротворившемъ духъ его. Пріятно ему было встрѣтиться въ Лаврѣ и побесѣдовать съ духовно-просвѣщенными мужами, оо. ректоромъ и инспекторомъ академіи. Обязательные люди эти съ предупредительностью старались доставить всевозможное удовольствіе своему заѣзжему гостю. О. инспекторъ Сергій вызвался даже проводить дорогаго нашего странника въ Геосиманію и Виоанію; и вездѣ благодѣтель нашъ находилъ утѣшеніе благородному сердцу своему; но сколь ни отрадно было жить и дышать святымъ воздухомъ около святыхъ угодниковъ, а голосъ совѣсти, или лучше, гласъ ангела-хранителя, отрывалъ какъбы невидимую силой благоговѣйнаго путника, указывая путь ему на Украину. Напутствованный 13 января 1855 г. благословеніемъ митрополита Филарета, который на прощанье часа четыре бесѣдовалъ съ о. архимандритомъ и узнавъ его глубоко-аскетическое настроеніе, благословилъ его четками и книгой: «Руководство къ духовной жизни» преп. Варсанофія, и какъ отецъ обнялъ его и лобызалъ въ рамена,—отецъ нашъ оставилъ Москву. По выѣздѣ изъ гор. Серпухова жестоко простудился путникъ нашъ и ѣхалъ въ бурную погоду съ большимъ уже трудомъ по крайне дурной ухабистой дорогѣ. 15 ноября былъ въ Орлѣ, гдѣ благомилостивое вниманіе владыки Смарагда очень и очень пригодилось дорогому путнику нашему. Въ ночь на 15-е число сего несчастнаго для отца нашего мѣсяца недобрые люди отрѣзали въ дорогѣ, подъ Орломъ отъ задка его экипажа ящикъ, гдѣ уложилъ онъ свои сочиненія, какъ-то: а) Проповѣди (4 объемистыя тетради); б) Аскетика (2 большія тетради); в) Объ учрежденіи св. Синода и злоупотребленіяхъ оберъ-прокурорской власти (рукопись въ 28 объемистыхъ тетрадей); г) Каноническое право (7 больш. тетрадей); д) Продѣлки нѣмцевъ въ сѣверо-западныхъ окраинахъ нашихъ (12 тетрадей); е) Объясненіе на все

почти св. писаніе (кромѣ апокалипсиса, 88 толстыхъ тетрадей); ж) Заслуги патр. Никона для русской церкви (8 большихъ тетрадей) и з) курсовое сочиненіе ш) «О первомъ Иерусалимскомъ или апостольскомъ соборѣ» и другіе академическія (студенческія) сочиненія и записи.

Подъѣзжая къ гор. Курску, Господь дивно сохранилъ раба своего со спутниками. Вотъ что записано въ его дневникѣ.

«16 ноября. Въ 10 часовъ утра подъѣзжая къ г. Курску, переднему колесу вздумалось слетѣть; кучеръ съ Семеномъ (келейнымъ) слетѣли вмѣгъ и прямо въ оврагъ. Лошади подъ гору понесли; начались скачки, толчки. Пробужденный отъ мечтаній этою неожиданностью, мгновенно оставилъ я лошадей однимъ почти словомъ. Прибѣжали. упавшіе цѣлы, сохранны; подкативъ колесо, за полъ-версты спавшее, и прикрѣпивъ его, поскакали впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало».

Преосвященный курскій Иліодоръ принималъ отца нашего очень внимательно и ласково, какъ стараго знакомаго по Питеру ш), и спрашивая о службѣ его, присовокупилъ: «Я постоянно слѣдилъ за ходомъ вашимъ по службѣ. Да, нужно терпѣть всѣмъ намъ, обрекшимъ себя на служеніе матери Церкви, на благоугожденіе Господу. «Аще приступаеши работати Господеви, говоритъ писаніе,—уготови душу твою во искушеніе», а искушеніе требуетъ терпѣнія». Добрый владыка, оставилъ на цѣлый день о. архимандрита, возилъ съ собой на обѣдъ къ помѣщику З—ву и тамъ познакомилъ своего гостя съ военнымъ губернаторомъ Л—ъ и другими особами. Тамъ собранъ былъ, такъ сказать, цвѣтъ общества курскаго. Доброму святителю не хотѣлось разстаться съ своимъ знакомцемъ, и онъ просилъ его остаться—

ш) Всѣ эти, а съ ними и многія другія бумаги безслѣдно пропали въ эту роковую ночь подъ 15 ноября.

щ) Когда о. Герасимъ оканчивалъ академическій курсъ, преосв. Иліодоръ былъ ревизоромъ и настаивалъ выпустить его первымъ.

ся денька на два, или, по крайней мѣрѣ, переночевать у него; но такъ какъ о. архимандритъ настаивалъ на выѣздѣ, то благодушный владыка взялъ съ него слово: въ проѣздѣ на чреду заѣхать къ нему, присовокупивъ, что «и комнаты для васъ всегда будутъ готовы». Вручая страннику нашему на прощанье четки, онъ самымъ трогательнымъ образомъ прощался съ нимъ, до двухъ трехъ разъ. Такимъ образомъ не мало утѣшилось наскорбѣвшееся сердце о. Герасима.

Вотъ краткая выписка изъ дневника о. Герасима о приѣздѣ его въ г. Харьковъ. «Со слезами умиленія молилъ я благодать Божію благословить меня, мои дѣла, мои входы и исходы успѣхами къ славѣ имени Его и для пользы ближнихъ моихъ. И какъ сладки были молитвы эти для сердца моего осиротѣлаго! Мнѣ ясно безъ словъ сказалось, что ходя во свѣтѣ лица Божія и огребаясь отъ всего грѣховнаго, не останусь я и здѣсь на новомъ поприщѣ служенія безъ утѣшенія, безъ сочувствія любви и, что всего лучше, безъ помощи свыше, и вотъ я ободренный, укрѣпленный, съ новыми силами, незамѣтными до этой поры, умиленно говорилъ самъ себѣ, проѣзжая по стогнамъ Харькова: «благословенъ ты, грядый во имя Господне!» Не зная квартиры своей, радъ я былъ хоть какому-либо уголку и съ этою мыслью подѣхалъ къ архіерейскому дому. Вопелъ въ келлію эконома о. Августина, и очень изумился, при видѣ любви его и іеродіакона Августина, неоднократно бывшаго странникомъ въ Симбирскѣ. «Съ нетерпѣніемъ васъ ожидаемъ,—говорили въ одинъ голосъ оба они,—«благословенъ ты, грядый во имя Господне!» (Ис. 117, 26). «Могу ли видѣть владыку?»—«Теперь поздно, сказалъ мнѣ старецъ,—лучше завтра». — «Есть ли для ректора, сколь онъ ни худъ, уголокъ какой-либо?»—«Есть, есть; о. инспекторъ приготовилъ для васъ». Ъду туда все-таки съ мыслью, что доведется опять мнѣ тамъ потѣсниться ъ). И

ъ) Въ Симбирскѣ о. архим. Герасимъ имѣлъ крайне тѣсную квартиру, состоящую изъ 2—3 комнатъ, даже безъ прихожей, и неблаго-

что же? Открываются покои—чертоги. «Что же это такое?» спрашиваю я у о. эконома іеромонаха Ир., прибѣжавшаго.—«Это квартира вашего высокопреподобія». Залъ и всѣ комнаты обмѣблированы, съ зеркалами, коврами, комодами и пр. «Ну, слава Богу! сказалъ я себѣ, — здѣ покой мой, здѣ вселюся!» И павши предъ Господомъ, въ смиреніи сердца благодарилъ Его благодать за безбѣдное мое путешествіе. Въ 12 часовъ помолился и легъ, но сонъ бѣжалъ отъ очей моихъ; опять я склонилъ мою выю и плакалъ, какъ сынъ заблудшій въ объятіяхъ Отца своего премилосердаго, стоя на колѣнахъ, никѣмъ, кромѣ ока Всевышняго и свѣтлыхъ очей ангела хранителя моего, незримый. Здѣсь хорошо бы мнѣ было и очень даже, еслибы не томила разлука моя съ близкими сердцу чадами моими. Владыка Филаретъ—ангелъ кротости: такъ и вѣсть отъ него миромъ, оставленнымъ намъ Спасителемъ въ удѣлъ. Вижу съ довольно часто съ нимъ, чтобы отвести, какъ говорится, душу скорбящую. Иногда даже спрашиваю я себя: за что это Господь благословилъ столь щедро меня окаяннаго? Видно на покаяніе даромъ любви осязательной Господь призываетъ меня многогрѣшнаго; видно хочетъ удивить Онъ на мнѣ милость Свою и явить всѣмъ, до чего можетъ простираться любовь Его божественная, глубокая, какъ море бездонное. 22 ноября испросивъ у владыки благословенія, въ 4 часа я отправился въ Куряжъ^{н)}, моля Господа и Матерь Его безневѣстную со слезами дать мнѣ съ терпѣніемъ умѣнье уневѣститъ Имъ ввѣряющіяся мнѣ души въ Куряжѣ и загладить такимъ образомъ, много-мало паденія мои. Но вотъ и Куряжъ; вижу колокольню, вижу храмъ его, гдѣ служить въ преподобіи и правдѣ я долженъ, гдѣ вождемъ приходится мнѣ быть и

волившій владыка едва дозволилъ ему убрать ее на свой счетъ шпалерами.

н) Куряжскій Спасопреобр. 2-го класса монастырь въ пяти верст. отъ Харькова. Нынѣ монастырь сей уже не ректорскій, а викаріатскій.

звѣздой путеводною для ста и болѣе душъ. Вотъ этотъ Куряжъ, земля обѣтованная для сердца моего. Вотъ онъ, эдемъ этотъ мой возлюбленный, котораго не стою я окапанный, какъ искушавшій Господа моего на водѣ пререканія. «О, Господи! взывалъ я, — яви мнѣ здѣсь милость Твою, и спасеніе Твое даждь мнѣ!» Подъѣзжаемъ, въѣхали въ ограду; я вышелъ изъ экипажа, палъ на сугробъ и благодарилъ Господа, тако о мнѣ устроившаго. Казалось, что ангелъ этой обители, охраняющій ее отъ всѣхъ видовъ опасностей, благословилъ входъ мой. Подхожу къ первому корпусу каменному и полагаю, на основаніи прежнихъ слуховъ, что убогій меня ждетъ пріютъ, очень удивился, когда ввели меня въ свѣтлыя, чистыя, теплыя и довольно уютныя покои, состоящіе изъ прихожей, залы, гостинной и спальни. Слава Тебѣ Господи! Такъ какъ было 5 часовъ, пошелъ я на правило, читаемое въ храмѣ, куда собралось все братство — представиться настоятелю новому. Послѣ правила я произнесъ въ назиданіе братства рѣчь, согрѣтую теплымъ чувствомъ, въ коей старался доказать прішедшимъ въ обитель спастись: необходимость «имѣть миръ и святыню», безъ коихъ, по словамъ св. Апостола, «никтоже узритъ Господа» (Евр. 12, 14). Потомъ благословлялъ всѣхъ и разспрашивалъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ: кто и откуда? Долго ли и какъ спасается? Покончивъ свиданіе съ братствомъ и сдѣлавъ должное распоряженіе относительно завтрашняго служенія, я тотчасъ отправился въ келліи владыки Иннокентія, рукополагавшаго меня въ Иркутскѣ 1836 года, 12 апрѣля и живущаго здѣсь на покоѣ. Іерархъ старецъ, по слухамъ, ожидалъ уже меня съ нетерпѣніемъ, говоря всѣмъ и каждому: «это нашъ, это мой». Вхожу и, отрекомендовавши себя послушникомъ его преосвященства, готовымъ всѣмъ жертвовать для покоя его, священнаго для меня, палъ я въ ноги ему. Владыка изумился, схватилъ меня, старался поднять, цѣловалъ и усаживалъ рядомъ подлѣ себя тутъ бокъ-о-бокъ поближе къ сердцу его старческому. Дѣлать было нечего,

я послушался. И не могъ онъ вдоволь надивиться измѣнѣ со мной десницы Всевышняго. «Ну, другъ, вамъ подобаетъ расти, произнесъ старецъ съ чувствомъ, — намъ же малиться. Да благословить Господь входы твои и исходы отнынѣ и до вѣка!»

Отецъ небесный видимо заповѣдалъ ангеламъ своимъ сохранить смиреннаго архимандрита Герасима отъ навѣтовъ злыхъ челоувѣкъ, и дивнымъ образомъ переселилъ его отъ горькихъ водъ Мерры въ рай сладости—въ обитель, ввѣренную попечительству его смиренія. Тамъ-то душа его благоговѣйная обрѣла тихое пристанище, послѣ многогоскорбной жизни симбирской. Это земля обѣтованная для его аскетическаго духа. Обитель Куряжская расположена въ 5 верстахъ отъ г. Харькова на восхитительномъ мѣстѣ съ живописными окрестностями, приводившими нрѣдко въ благоговѣйный восторгъ поэтически настроенный духъ его, и онъ въ смиренныхъ слезахъ изливалъ благодарность свою къ Создателю, вся премудростію сотворившему. Какимъ-то чудомъ сохранился у меня ^{в)} обрывочекъ изъ огромнаго письма его, относящагося къ сей порѣ. О. Герасимъ пишетъ: «Тишина эта безмятежная, уютность, теплота въ моемъ обительномъ помѣщеніи и теперь обвиваетъ какимъ-то покоемъ сердце мое. Что же будетъ весной, лѣтомъ, когда запоютъ свои гимны соловьи, зазеленѣютъ и зацвѣтутъ деревья предъ окнами и станетъ литься потоками сладкими и струями воздухъ въ окна мои и аромат съ цвѣтовъ? Келлія моя, да и всѣ почти келліи братій окружены садами, въ коихъ много куртинъ съ цвѣтами !благовонными».—Симбирскъ 1855 года Августа 1-го дня.

в) Послѣ страшнаго симб. пожара въ 1864 г. много сохранилось замѣчательныхъ писемъ отца нашего (до 1,000), но столько же, если не болѣе, погибло въ эту злосчастную пору: изъ множества, наприм. писемъ его къ моимъ сестрамъ: генеральшѣ фонъ Руммель и игумен. Евпраксіи сохранилось немного.

Примѣчаніе о. Добросердова, сообщившаго въ редакцію жизнеописаніе Герасима.

На этихъ строкахъ жизнеописаніе о. Герасима прекращено и оставлено безъ продолженія. Не знаемъ, былъ ли этотъ біографическій очеркъ въ рукахъ покойнаго преосвященнаго (Герасима), бывшаго въ пору написанія его трудолюбивою инокиней ректоромъ Харьковской духовн. семинаріи; но отъ того времени сохранилось въ бумагахъ инокини-біографа слѣдующая выдержка изъ письма къ ней о. архимандрита и ректора Герасима: „О, дайте мнѣ эту завѣтную книгу, гдѣ незримая рука записала воспоминанія дѣтства, книгу весны непорочной, когда мы думали чисто и вѣрили свято; дайте лепеть родныхъ голосовъ и любимыя лица, уснувшіе на вѣки“. Декабря 7-го, 1855 г. Харьковъ.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННАЯ СТОРОНА

РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА.

Въ общественной жизни имѣетъ огромное значеніе *Государственный Гербъ*. Нашъ Двухглавый орелъ съ Побѣдоносцемъ Георгіемъ на копѣ, поражающимъ дракона, красуется надъ всѣми правительственными мѣстами отъ высшихъ и до низшихъ и тамъ, въ этихъ мѣстахъ управы, благочинія и порядка скрѣпляетъ дѣла; на монетахъ и вмѣстѣ съ монетами изъ конца въ конецъ, изъ края въ край ходитъ по всему обширному русскому государству, начиная отъ Калиша и Александрова до Владивостока и Большерѣцка, отъ Астары и Самарканда до Обдорска и Колы,— ходитъ, передаваясь изъ рукъ въ руки, ручаясь выдающимъ и принимающимъ монету въ ея подлинности; на знаменахъ носится предъ полками и среди полковъ нашего христіанскаго воинства, указывая имъ, для кого и для чего несутъ они столь тяжкіе труды, а въ часъ битвы одушевляя сердца воиновъ, вливая въ нихъ бодрость и отвагу; наконецъ пробуждаетъ въ насъ идею государства, рождаетъ мысль о государственной собственности многихъ предметовъ, въ которыхъ и надъ которыми мы видимъ Двухглаваго орла: «это не мое и не твое, это казенное, государственное», говоримъ мы обыкновенно о такихъ предметахъ. Для другихъ государствъ, съ которыми Россія находится въ сношеніяхъ, Двухглавый орелъ служитъ представителемъ русскаго государства. Можно сказать даже, что и прошлый историческій ходъ образованія и развитія

Русскаго государства, выражается въ главныхъ чертахъ въ егоже Гербѣ. Вотъ какъ велико значеніе нашего Государственнаго Герба въ нашей жизни! Между тѣмъ, встрѣчаясь съ Государственнымъ Гербомъ постоянно, едва ли не на каждомъ шагѣ, пользуясь имъ для нашихъ практическихъ цѣлей, мы бол. частію смотримъ на него безъ сознанія, не понимая его смысла, не получая отъ него добраго впечатлѣнія и возбужденія. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ нашъ Государственный Гербъ, какую мысль онъ выражаетъ, когда и какъ онъ образовался, почему въ немъ такія, а не другія части, что содѣйствовало развитію въ немъ релігіозной стороны, почему и вообще появились Гербы въ общественной и государственной жизни народовъ,—все эти вопросы большинству лицъ нашего общества почти вовсе неизвѣстны. Для массы Гербъ—только собраніе разнородныхъ, только случайно соединенныхъ между собою предметовъ. Но для человѣка, знакомаго съ исторіей образованія нашего Герба, понимающаго его смыслъ, онъ — не простое соединеніе разнородныхъ вещей, случайно и безъ причины взятыхъ въ природѣ и условно введенныхъ въ Гербъ, — нѣтъ: для него это предметъ, много говорящій уму и сердцу, движущій чувство, возбуждающій волю, напоминающій ему объ общественныхъ и о государственныхъ его обязанностяхъ. Въ Государственномъ Гербѣ отразились важнѣйшія событія нашего прошлаго, положены и навсегда увѣковѣчены главнѣйшія начала нашей общественной и государственной жизни, такія начала, которыя предки наши признали самыми необходимыми для устройства и благосостоянія государства. Необходимо поэтому сознательное отношеніе къ своему Государственному Гербу, знаніе исторіи его образованія, пониманіе его смысла и значенія въ цѣломъ и въ составныхъ частяхъ.

Исторія Россіи раскрываетъ, какъ сложился нашъ Гербъ въ главныхъ частяхъ. Геральдика или гербовѣдѣніе говоритъ и вообще о Гербахъ и въ частности о Русскомъ Государственномъ Гербѣ, разъясняетъ его устройство, на-

чертаніе, перемѣны въ немъ, происходившія въ разное время, смыслъ его въ цѣломъ и частяхъ. На обязанности духовной мауки лежитъ разъяснить въ нашемъ Гербѣ религиозно-нравственную сторону. Это мы и беремъ на себя въ настоящей статьѣ, и представляемъ читателямъ сильное раскрытіе религиозной и нравственной стороны нашего Государственнаго Герба. Для ясности считаемъ необходимымъ предпослать нѣкоторыя общія понятія о Гербахъ.

І. Общія понятія о гербахъ.

Человѣкъ, живя и дѣйствуя въ обществѣ, чтобы отличить себя отъ другихъ людей, не довольствуется, какъ извѣстно, именемъ и фамиліей, которыя онъ получилъ по рожденію своему въ извѣстномъ домѣ; не ограничивается обозначеніемъ рода занятій, которымъ посвящаетъ свою дѣятельность, должности, которую отправляетъ; но употребляетъ еще такъ называемые девизы, эмблемы и символы. *Девизы*—это краткія изреченія, заключающія въ себѣ любимую мысль; *эмблемы* и *символы*—вещественные предметы, взятые изъ природы и народнаго быта для выраженія какой-нибудь мысли, какой-нибудь идеи. «Богъ—моя надежда; порядокъ—душа всего; трудъ все преодолеваетъ»—это девизы. Око въ треугольникѣ; двѣ соединенныя руки; стрѣла; горящій факель,—это эмблемы и символы. Въ девизахъ, эмблемахъ и символахъ человѣкъ старается выразить себя—господствующее свое настроеніе, отличительныя способности, особенности своего характера и своей дѣятельности, для чего и избираетъ соотвѣтствующія всему этому изреченія и предметы природы и народнаго быта. Такъ поступаютъ особенно выдающіеся общественные дѣятели. Предводитель, отличившійся геройскими подвигами на войнѣ, блистательными побѣдами прославившій оружіе своей страны; гражданскій дѣятель, оказавшій великія услуги своему отечеству въ какой-нибудь сторонѣ

народной жизни; ученый, сдѣлавшій новыя открытія и изобрѣтенія—все они избираютъ какой-нибудь соотвѣтствующій предметъ символомъ своей дѣятельности, и этотъ символъ передаютъ потомъ своему потомству. Когда извѣстный символъ принятъ и употребляется всеми членами семейства и цѣлаго рода, онъ становится уже гербомъ фамилии и рода а). Такъ произошли Гербы. Но это—Гербы частныя. Такъ же точно произошли и Гербы Государственные. Всемирная исторія говоритъ, что, какъ только какой-нибудь народъ выходилъ на историческое поприще и начиналась въ немъ гражданственность, внутренняя и вѣдшая дѣятельность его, соотвѣтственно духовнымъ его силамъ и свойствамъ, направлялась на развитіе извѣстной стороны жизни,—въ немъ тотчасъ возникала мысль изобразить себя и свое государство, выразить свои отличительныя свойства, свою выдающуюся дѣятельность какимъ-нибудь подходящимъ символомъ изъ области природы или житейскаго быта. Являлся такимъ образомъ народный и государственный Гербъ. Гербъ долженъ былъ служить представителемъ государства, носителемъ отличительныхъ свойствъ народа, выразителемъ выдающейся стороны его дѣятельности; онъ долженъ былъ постоянно напоминать народу о томъ, что онъ не простой бродячій народъ, живущій отдѣльными родами и племенами, а народъ сплоченный въ одно цѣлое общими потребностями и стремленіями, народъ, имѣющій государство, которое онъ долженъ поддерживать, развивать и сохранять; гербъ долженъ былъ сообщать неприкосновенность святыни правительственнымъ мѣстамъ, государственнымъ лицамъ и предметамъ, говорить народу о его общенародныхъ, государственныхъ обязанностяхъ. Такъ, дѣйствительно, и было. Государственные гербы извѣстны съ глубокой древности. Все города классическаго міра, о кото-

а) Слово *Гербъ* производятъ отъ нѣмецкаго Erbe—наслѣдство. По такому словопроизводству Гербы суть наслѣдственныя эмблемы родовъ и государствъ.

рыхъ только упоминаеть исторія, имѣли свои символы и эмблемы, свои гербы. Извѣстна эмблема Аѳинской республики—сова, птица Минервы, богини мудрости. Римъ избралъ себѣ орла, и изображеніе этой птицы находилось со временъ Марія на знаменахъ побѣдоносныхъ римскихъ легионовъ. Когда императоръ Константинъ Великій основалъ вторую столицу Римской имперіи и далъ новой столицѣ права равныя съ правами древней, Римскому орлу прибавлена была вторая голова съ тѣмъ, чтобы двухглавый орелъ изображалъ двѣ главы міра: Римъ и Константинополь. Съ глубокой же древности извѣстны символы и эмблемы частныхъ лицъ. Употребленіе въ общественной и государственной жизни символовъ и эмблемъ еще болѣе распространили европейскіе народы, особенно въ средніе вѣка, такъ что въ настоящее время всѣ европейскія государства, большія и малыя, имѣютъ свои гербы. И русскій народъ образовалъ свой Государственный Гербъ.

2. Религіозная сторона Русскаго Государственнаго Герба.

Русскій Государственный Гербъ въ настоящее время трехъ видовъ: большой, средній и малый. *Большой Гербъ*, это черный двухглавый орелъ съ распущенными крыльями, на золотомъ щитѣ, съ золотыми на головахъ коронами, надъ коими третья большая корона съ двумя развѣвающимися голубыми лентами ордена св. ап. Андрея Первозваннаго; на груди орла въ красномъ полѣ св. великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій на бѣломъ конѣ, поражающій копьемъ дракона; въ правой ногѣ орла золотой скипетръ, въ лѣвой—золотая держава. Главный щитъ увѣнчанъ шлемомъ св. Александра Невскаго; вокругъ щита—цѣпь ордена Андрея Первозваннаго; по сторонамъ изображенія св. архистратига Михаила и св. архангела Гавриіла. Сѣнь золотая, подбитая горностаемъ и усѣянная двухглавыми орлами; на ней надпись: «Съ нами Богъ». Надъ

сѣбно императорская корона и Государственная хоругвь. Вокругъ главнаго щита помѣщены восемь меньшихъ щитовъ съ гербами—шести царствъ: Казанскаго, Астраханскаго, Польскаго, Сибирскаго, Херсонеса Таврическаго и Грузинскаго; и великихъ княжествъ: Кіевскаго, Владимірскаго, Новгородскаго и Финляндскаго. Внизу главнаго щита помѣщенъ родовой гербъ Его Императорскаго Величества. Надъ сѣбною главнаго щита помѣщены шесть щитовъ съ соединенными гербами княжествъ и областей: Велико-російскихъ, Югозападныхъ, Бѣлорусскихъ, Сѣверозападныхъ, Прибалтійскихъ и Сѣверовосточныхъ.—*Средній Гербъ* большой же, только безъ сѣни, государственной хоругви, безъ изображеній св. архангеловъ и родоваго герба Государя Императора; нѣтъ также шлема св. Александра Невскаго; изъ меньшихъ щитовъ три помѣщаются на правомъ крылѣ орла съ гербами: Новгородскимъ, Кіевскимъ и Астраханскимъ, и три на лѣвомъ съ гербами: Владимірскимъ, Казанскимъ и Сибирскимъ; цѣпь ордена Андрея Первозваннаго обвита на груди орла вокругъ св. великомученика Георгія.—*Малый Гербъ* отъ средняго отличается только тѣмъ, что на крыльяхъ орла помѣщаются по четыре герба: на правомъ крылѣ—царствъ: Казанскаго, Польскаго Херсонеса Таврическаго и соединенныхъ княжествъ: Кіевскаго, Владимірскаго, Новгородскаго; на лѣвомъ—гербы царствъ: Астраханскаго, Грузинскаго и Сибирскаго и вел. кн. Финляндскаго. Средній гербъ, какъ извѣстно, самый употребительный. Сравнительно съ гербомъ Австрійскимъ, въ которомъ находится также двухглавый орелъ ^{б)}, и съ гербами другихъ государствъ Русскій Государствен-

б) Австрійскій Гербъ: черный двухглавый орелъ съ коронами на головахъ и съ распущенными крыльями; надъ головами орла императорская корона, въ ногахъ -- въ правой скипетръ и обнаженный меч, въ лѣвой—золотой шаръ; на груди орла крестъ тевтонскаго ордена, а сверху щитъ эрцгерцогскаго дома, украшенный императорскими знаменами. На крыльяхъ и на хвостѣ шесть другихъ щитовъ.

ный гербъ имѣеть двѣ особенности: вопервыхъ онъ очень сложный— въ немъ весьма много эмблемъ и символовъ; и вовторыхъ, въ немъ рѣзко выдается религіозная сторона. Мы обратимъ вниманіе на послѣднюю сторону, религіозную.

Св. крестъ, вѣнчающій короны и державу; св. Велкомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій, поражающій копьемъ дракона; Архистратигъ Михаилъ и Архангелъ Гавріилъ, изображенные по сторонамъ главнаго щита на большомъ Гербѣ; апостоль Андрей Первозванный, коего орденскія ленты и цѣпь находятся въ гербѣ, и св. Александръ Невскій, племемъ своимъ вѣнчающій главный щитъ; накопецъ, надпись на сѣни: «съ нами Богъ!»— вотъ религіозные предметы, входящіе въ составъ Русскаго Государственнаго Герба! Когда и при какихъ обстоятельствахъ вошелъ въ нашъ Гербъ религіозный элементъ? Почему явились въ Гербѣ именно тѣ религіозные предметы, какіе въ немъ теперь находятся? Почему, на примѣръ, изъ всѣхъ прославляемыхъ христіанскою Церковью и въ исторіи славныхъ св. мужей избраны и введены въ нашъ Государственный Гербъ именно Георгій Побѣдоносецъ, апостоль Андрей Первозванный и благовѣрный князь Александръ Невскій? И какой смыслъ имѣють въ составѣ нашего Государственнаго Герба религіозные предметы?— Вопросы, невольно рождающіеся въ умѣ при взглядѣ на Русскій Гербъ и требующіе разъясненія. Чтобы отвѣтить на эти вопросы въ достаточной мѣрѣ, удовлетворительно разъяснить ихъ, обратимся для этого къ исторіи образованія нашего Государственнаго Герба.

Русскій Государственный Гербъ образовался не вдругъ, но мало-по-малу и постепенно, вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ народной и государственной жизни нашего отечества. На образованіе его имѣли вліяніе аллегорическія и символическія понятія, господствовавшія въ Европѣ въ средніе вѣка, древнѣйшія преданія, хранившіяся въ русскомъ народѣ, поражавшія его умъ и воображеніе, и историческія событія. Такъ какъ христіанская Вѣра, принятая

Русскимъ народомъ при в. к. Владимірѣ, съ самаго начала стала глубоко проникать въ народную жизнь, охватывая всѣ ея стороны: то и Вѣра, естественно, должна была принять участіе въ образованіи нашего Государственнаго Герба и внести въ него религіозный элементъ. Такъ дѣйствительно и было.

До образованія Московскаго государства (въ XIV ст.), само собой разумѣется, на Руси не было и не могло быть одного Герба: Русь была раздроблена на множество княжествъ. У князей старшихъ и младшихъ были свои эмблемы и символы. Притомъ въ символическихъ знакахъ не было опредѣленности и постоянства: у князей символы и эмблемы употреблялись разные и часто перемѣнялись в). Болѣе опредѣленными и постоянными были гербы нѣкоторыхъ городовъ: Новгорода, Пскова, Кіева, Москвы г). Важнѣйшее значеніе имѣлъ символъ, представляющій въ красномъ полѣ *бѣлаго коня*. Бѣлый конь, съ которымъ въ символическихъ представленіяхъ народовъ соединялось представленіе солнца д), въ средніе вѣка въ Западной Европѣ служилъ символомъ феодальнаго государя е). Этотъ символъ, какъ Гербъ, употреблялся въ княжествѣ Литовскомъ и въ Московскомъ до в. к. Димитрія Донскаго, и употреблялся чаще всякихъ другихъ знаковъ. Такъ какъ у кіевскихъ князей, несмотря на раздѣленіе государства на мелкія владѣнія, существовала особенно въ Мономаховомъ родѣ идея единовластія ж), то бѣлый конь, можно полагать, былъ гербомъ и в. к. Кіевскаго.

в) Въ періодъ Монгольскій символическіе знаки князей и княжескихъ родовъ назывались *ясаками* и *тамтами*. См. Исторію Татищева, 1548—1552.

г) Святѣишии древности Новгорода Великаго. Соч. гр. Толстаго.

д) Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. А. Аонасьева, т. 2.

е) Русскіе простонародные праздники. И. Снегирева. Вып. 3-й. Юрьевъ весенній день. М. 1883.

ж) Журн. Мин. Нар. Просв. 1867. Іюнь. Ст. Владимірѣ Мономахъ и его время, стр. 742.

Передъ княженіемъ Димитрія Донскаго на печатяхъ и монетахъ русскихъ князей чаще всего встрѣчается всадникъ на бѣломъ конѣ, а со времянь самого Донскаго— тоже чаще всего всадникъ на бѣломъ конѣ, мечемъ поражающій дракона. Какое представленіе соединялось съ изображеніемъ всадника въ другихъ княжествахъ, неизвѣстно; но въ Московскомъ княжествѣ съ этимъ изображеніемъ стали соединять представленіе св. великомученика Георгія. Извѣстно, что в. к. Димитрій Донской послѣ Куликовской битвы, въ которой онъ одержалъ славную побѣду надъ татарами, велѣлъ изобразить на бѣломъ конѣ св. великомученика Георгія, поражающаго мечемъ дракона. Это изображеніе служило съ тѣхъ поръ гербомъ Московскаго княжества, до Іоанна III-го, когда Московскій Гербъ принялъ другой видъ.

Почему же наши предки изъ безчисленнаго множества прославленныхъ исторіей и христіанскою Церковью святыхъ мужей избрали именно св. Георгія, и стали соединять его съ изображеніемъ всадника?—На это были свои причины.

Между русскими народными стихами есть замѣчательныя стихи о Егоріи Храбромъ, или о св. великомученикѣ Георгіи. Вотъ одинъ изъ такихъ стиховъ.

Бдетъ Георгій Храбрый къ землѣ Русской. Наѣзжаетъ онъ на темныя дремучіе лѣса; хочетъ тутъ проѣзжать и не можетъ: лѣса съ лѣсами свивалися, вѣтви по землѣ разстлалися. И говоритъ Георгій Храбрый: «Ой, вы, лѣса темныя, дремучіе! Встаньте вы, лѣса, расшатнитесь: порублю изъ васъ церкви соборныя, будетъ въ васъ служба Господня. Зароститесь, лѣса, по всей землѣ свѣтло-русской, раскиньтесь по кругымъ, высокимъ горамъ». По слову Георгія, встаютъ лѣса, зарастаютъ и раскидываются по всей землѣ Русской.—Наѣзжаетъ Георгій на высокія горы. Хочетъ онъ тутъ проѣхать, и не можетъ: гора съ горой столкнулися. И говоритъ Георгій: «ой вы, горы, горы высокія! Ой вы, холмы широкіе! Разсыпьтесь, горы, по всей землѣ свѣтло-русской, становитесь холмы по степямъ

полямъ широкиѣ». Велѣніе Георгія исполняется. — Наѣзжаетъ Георгій на глубокія моря, на широкія рѣки. Хочетъ онъ тутъ проѣхать и не можетъ. И говоритъ Георгій: «ой вы, моря, моря глубокія! Ой вы, рѣки, рѣки широкія! Потеките, рѣки, по всей землѣ свѣтло-русской, побѣгите отъ востока и до запада!» Велѣніе Георгія исполняется: протекали мори по землѣ Русской, пробѣгали рѣки отъ востока и до запада. — Наѣзжаетъ Георгій на стадо звѣриное, на звѣрей могучихъ, на сѣрыхъ волковъ рыскающихъ: и тутъ ему ни пройти, ни проѣхать. И говоритъ Георгій: «ой вы, звѣри, звѣри могучіе! Заселитесь, звѣри, по всей землѣ свѣтло-русской, разойдитесь, разбредитесь по два, по три, по одному по глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ, плодятся по полямъ, лугамъ безъ числа!» Велѣніе Георгія исполняется. — Наѣзжаетъ Георгій на стадо змѣиное, хочетъ онъ тутъ проѣхать. И говоритъ ему стадо змѣиное: «или ты, Георгій, не знаешь, что эта земля заказана, заповѣдана, по этой землѣ иѣшій человѣкъ не прохаживаль, на коню никто не проѣзживаль. Уйми, Георгій, своего ретиваго коня и воротись назадъ». Вынималъ Георгій саблю острую, напалъ на стадо змѣиное, три дня и три ночи рубилъ-кололъ стадо змѣиное, а на третій день посѣкъ, порубилъ его. — Разѣзжаетъ Георгій по землѣ Русской, смотритъ на лѣса темные, на горы, холмы высокіе, на рѣки широкія. Тутъ вышли ему навстрѣчу красныя дѣвицы и говорятъ: «тридцать три года мы ждали тебя, чтобы передать тебѣ землю Русскую. Возьми ее теперь подъ свой покровъ». И взялъ Георгій землю Русскую подъ свой покровъ 3).

Изъ этого народнаго стиха видно, что Русскій народъ признаетъ св. Георгія устроителемъ своей земли, воздѣльватемъ ея физической природы, признаетъ своимъ могучимъ помощникомъ и покровителемъ. Такое понятіе Рус-

3) Христом. къ Опыту Истор. обзор. Рус. Словесности. Ореста Миллера. ч. 1, стр. 274—276, изд. 2.

скаго народа о св. Георгіѣ оправдывается и исторіею. Св. великомученикъ Георгій, родомъ грекъ, изъ Каппадокіи, сынъ христіанскихъ родителей, жилъ въ концѣ III вѣка по Рож. Хр. и служилъ въ войскѣ римскаго императора Діоклитіана. При красотѣ тѣлесной и воинственной осанкѣ, отличаясь необыкновенною храбростію, онъ на 20-мъ году жизни сдѣлавъ былъ начальникомъ нѣсколькихъ полковъ. За вѣру Христову Георгій претерпѣлъ отъ Діоклитіана безчисленные и жесточайшія мученія, и наконецъ былъ обезглавленъ.—Имя *Георгій* значить *земледѣлецъ*. Въ жизнеописаніи св. Георгія разсказывается, что по смерти своей онъ являлся на конѣ и въ одно изъ такихъ явленій обличилъ пастуха въ похищеніи чужой овцы и исцѣлилъ его отъ страсти воровства. Въ другой разъ, также послѣ смерти, Георгій истребилъ ужаснаго дракона, свирѣпствовавшаго въ Ливіи, и спасъ дѣвицу, обреченную ему въ жертву. По всему этому у греческихъ христіанъ св. Георгій получилъ названіе *Великомученика* и *Побѣдоносца*, и считался покровителемъ земледѣлія, стада и пастуховъ, пособникомъ въ борьбѣ съ врагами ^{н)}. Изъ всѣхъ св. мужей Греческой Церкви св. великомученика Георгія избралъ Русскій народъ своимъ покровителемъ, когда къ нему была принесена изъ Византіи христіанская вѣра,—избралъ потому, что чувствовалъ потребность въ такомъ именно покровителѣ и помощникѣ, каковъ св. Георгій. Русскій народъ видѣлъ, что ему суждено вести земледѣльческую жизнь среди суровой, невоздѣланной природы, и призванъ онъ внести свѣтъ гражданственности и христіанства въ темный сѣверо-востокъ Европы; видѣлъ, что много работы и труда въ этомъ дѣлѣ ему предстоитъ; а св. Георгій въ вѣрованіи греческихъ христіанъ есть покровитель земледѣлія и скотоводства, побѣдитель чудовищнаго змѣя. И вотъ уже на первыхъ порахъ въ честь св. Георгія строятся у насъ церкви ^{і)}; имя Георгія принимаютъ вмѣстѣ съ сла-

н) Четь-Минси св. Димитрія Ростовскаго, апрѣля 23.

і) Напр. церковь св. Георгія въ монастырѣ, построенномъ Ярославомъ I въ Кіевѣ; церкви св. Георгія въ Новгородѣ, Псковѣ и др.

вянскими именами знаменитѣйшіе Русскіе князья^{к)}; именемъ Георгія называются, подъ его покровъ и охрану отдаются новые города: Юрьевъ Ливонскій или Чудскій (Дерптъ), Юрьевъ Польскій (т.-е., въ полѣ, Владим. губ.), Юрьевъ Поволжскій, Юрьевъ Мещерскій (нынѣ село Тамб. губ.) и др.; самое имя Георгія народъ русскій дѣлаеть своимъ, народнымъ, переименовавъ его въ *Егорія* и *Юрія*, придавъ ему громкое прозваніе *Храбраго*. Особенную вѣру въ покровъ и помощь св. Георгія показалъ Русскій народъ въ то время, когда съ береговъ Днѣпра двинулся заселять сѣверо-восточныя страны Европы. Какъ въ народномъ стихѣ Егорій Храбрый пролагаетъ себѣ путь чрезъ темныя, дремучіе лѣса, чрезъ широкія рѣки и топкія болота, чрезъ стада лютыхъ звѣрей: такъ и славяно-русскій народъ, заселяя и устроивая дикій сѣверо-востокъ, долженъ былъ проторять себѣ путь сквозь непроходимые лѣса, чрезъ зыбучія болота и трясины, пробираться по широкимъ рѣкамъ и озерамъ. Обработать и устроить дѣвственную, непочатую страну, расчистить дремучіе, непроглядные лѣса и проложить по нимъ дороги, осушить болота и топи, заложить на нихъ поселенія и города, имѣть дѣло съ финскими народами, которые жили какъ дикіе звѣри, притаившись въ лѣсныхъ чащахъ, среди озеръ и болотъ, разбросавшись на огромныхъ пространствахъ, погруженные въ глубокую тьму язычества,—сколько для этого требовалось труда, и труда упорнаго, и какая страшная должна была происходить здѣсь борьба! Русскій народъ, однакоже, все работалъ и работалъ, двигался и двигался впередъ. Проходить вѣкъ, другой; оглянулся онъ на свою работу—и что же? Въ непроходимыхъ прежде лѣсахъ подѣланы просѣки; проложены дороги; осушены во многихъ мѣстахъ болота и топи; стада волковъ, медвѣдей убрались въ глубь лѣсовъ; дикіе финны перестали прятаться въ непроходи-

к) Напр. Ярославъ I, носившій имя Георгія; Георгій или Юрій I, Долгорукій, Юрій II-й и др.

мыхъ дебряхъ и стали смотрѣть почело ѣчески—такъ измѣнилось ихъ обличье; поставлены «гостѣбы, торги, рядки, погосты въ Чуди, въ Лопи, въ Корелѣ, посажены деревни и починки въ лѣсахъ на пашенныхъ, бортныхъ» и другихъ хозяйственно-промышленныхъ *путяхъ*^{л)}; явились польскіе (*въ поль*) и залѣсскіе города—начатки гражданственности: Москва, Юрьевъ Польскій (*полевой*), Юрьевъ Поволжскій, Череевскъ Залѣсскій, Галичъ Мерскій, Кострома и другіе. Кто же помогаль Русскому народу въ этой громадной работѣ? По вѣрованію и убѣжденію самого народа—св. Георгій великомученикъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ Русскія лѣтописи. Никоновская лѣтопись напр. говоритъ, что Юрій Долгорукій, неутомимый устроитель Волжской страны, любилъ въ городахъ и селахъ, имъ построенныхъ, ставить первыя церкви въ честь св. Георгія Побѣдоносца^{м)}. Въ Писцовыхъ книгахъ пятинъ и погостовъ Новгородскихъ пишется, что Новгородцы, колонизуя страны по Сѣверной Двинѣ и Камѣ, большую часть погостовъ назвали Георгіевскими^{н)} отъ церквей во имя св. Георгія. Мало того: въ Новгородскихъ лѣтописяхъ записаны даже особыя сказанія, составленныя новгородскими колонистами, дѣйствовавшими на далекомъ сѣверѣ. По этимъ сказаніямъ Егорій Храбрый на бѣломъ конѣ являлся на помощь новгородскимъ колонистамъ и копьемъ своимъ устрашалъ безчисленныхъ враговъ—дикихъ финновъ^{о)}. Неудивительно послѣ всего этого, если и В. К. Дмитрій Донской побѣду свою надъ татарами приписалъ помощи св. Георгія Побѣдоносца и въ благодарность за это повелѣлъ изобразить на бѣломъ конѣ св. великомученика и это изображеніе признавать гербомъ Московскаго государства.

Новый видъ гербъ Московскій принялъ при в. к. Иоан-

л) См. Новгородскія лѣтописи.

м) Никонов. лѣтоп. II, 135 и слѣд.

н) См. Писцовыя книги пятинъ и погостовъ Новгородскихъ.

о) Архангельская лѣтопись 1819 г. стр. 132, 193—Прибавл. къ Волог. Губерн. Вѣдомостямъ 1845 г. № 11.

нѣ III во второй половинѣ XV столѣтія. Тогда совершилось событіе, имѣвшее величайшее вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ. Въ 1453 турки завоевали Константинополь. Греческая имперія пала: восточные христіане подверглись игу невѣрныхъ; въ столицѣ восточнаго христіанства водворились поклонники лжепророка и надъ великолѣпнымъ храмомъ св. Софіи стала высится луна. Но восточное христіанство не погибло: на сѣверо-востокѣ Европы стояло въ то время единовѣрное грекамъ христіанское государство, гдѣ христіанство процвѣтало; это—Россія, собранная трудами Московскихъ князей и при Іоаннѣ III показавшая себя сильнымъ и могущественнымъ государствомъ. Тысячами бросились сюда угнетенные греки и пашли у русскихъ радушный пріемъ, матеріальную помощь и нравственную поддержку. Въ 1472 году папа Павелъ II предложилъ въ супруги Іоанну III греческую царевну Софію, племянницу послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога, жившую съ отцемъ и братьями въ Римѣ. Дѣло это состоялось, и Софія Палеологъ сдѣлалась супругою Іоанна III. Такимъ образомъ у Россіи и ея государей, кромѣ нравственныхъ связей съ единовѣрными греками, явились новыя связи—физическія, кровныя. Россія и ея государь высоко поднялись въ глазахъ восточныхъ христіанъ и самихъ русскихъ: Россія—единственная христіанская страна, гдѣ восточное христіанство свободно исповѣдуется и процвѣтаетъ, ея государь—единственный въ мірѣ православный государь. Высоко поднялась и Москва: это—единственная въ свѣтѣ столица православія. Даже болѣе: на Москву стали смотрѣть, какъ на третій Римъ: «Москва есть третій Римъ, а четвертаго не будетъ», записано въ одномъ старинномъ сказаніи^{п)}. Естественно послѣ этого Іоаннъ III могъ придти къ мысли взять гербъ павшей Византійской имперіи и соединить

п) Лѣтоп. Рус. Литер. и Древн. т. IV. Сказанія Московскія, Владимірскія и Новгородскія, стр. 13—18.

его съ гербомъ Московскимъ. Такъ Иоаннъ III и поступилъ. Послѣ брака своего съ Софіею Палеологъ онъ принялъ гербъ Византійскій — двухглаваго коронованнаго орла и соединилъ его съ гербомъ Московскимъ. Въ Византійскомъ гербѣ, какъ гербѣ христіанскаго государства, императорская корона вѣнчалась св. крестомъ, побѣднымъ знаменемъ христіанства. Такимъ образомъ въ Русскомъ гербѣ явился св. крестъ, видимое указаніе и свидѣтельство того, что Московское государство есть государство христіанское.

При Иоаннѣ III русскій гербъ изображался такимъ образомъ: на лѣвой сторонѣ отдѣльно помѣщался двухглавый коронованный орелъ съ распростертыми крыльями, на правой—въ красномъ полѣ св. Георгій на бѣломъ копьѣ, попирающій дракона и копьемъ прободающій ему горло, съ надписью: «Великій князь Божіею милостію господарь всея Руси». При Василю III уничтожены послѣдніе удѣлы, и Русь явилась единымъ нераздѣльнымъ государствомъ. Иоаннъ IV предъ лицомъ Бога и народа торжественно вѣнчался на царство и сталъ истинно государемъ—монархомъ въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ въ одной рукѣ и державою въ другой, и принялъ титулъ *Богомъ вѣнчаннаго и превознесеннаго царя*. Вслѣдствіе всего этого, естественно, оба герба, изображавшіеся отдѣльно соединили въ одно цѣлое, и вотъ св. великомученикъ Георгій явился на груди орла; въ одной ногѣ орла помѣщенъ былъ золотой *скипетръ*, въ другой—*золотая держава*, головы украсили тремя *коронами*, короны, равно какъ скипетръ и держава увѣнчаны св. крестомъ. Когда покорены были царства: Казанское, Астраханское и Сибирское; то и гербы этихъ царствъ вошли въ составъ Государственнаго Герба: изображать ихъ стали вмѣстѣ съ гербами: Новгородскимъ, Кіевскимъ и Владимірскимъ на крыльяхъ орла.

10 марта 1699 года Петръ Великій учредилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. *Ципъ* этого ордена вслѣдъ за симъ внесена была въ Государственный Гербъ и повѣшена на груди орла вокругъ св. Побѣдоносца Георгія. Та-

кимъ образомъ въ Русскомъ Государственномъ Гербѣ явился другой святой—*апостоль Андрей Первозванный*. Что расположило Петра Вел. учредить въ честь св. Андрея Первозваннаго орденъ и внести его въ Государственный Гербъ? Тоже, что расположило Дмитрія Донскаго внести въ Гербъ Георгія Великомученика: это—покровительство ап. Андрея Первозваннаго Русской землѣ.

Преданіе Восточной и Западной Церкви единогласно утверждаетъ, что св. ап. Андрей, получивъ для евангельской проповѣди, по жребію Востокъ, обошелъ съ проповѣдью о христіанской вѣрѣ тавровъ, иверовъ, савроматовъ, скиѳовъ и всѣ города и страны, прилежащія къ Эвксинскому Понту (*Черное море*) съ востока юга и сѣвера р). Это преданіе, извѣстное всѣмъ славянамъ, дошло и до славянъ-русскихъ. И вотъ, основываясь въ этомъ преданіи, нашъ первый лѣтописецъ занесъ въ свою лѣтопись извѣстіе, что ап. Андрей первый освѣтилъ нашу страну проповѣдью о Христѣ Спасителѣ (въ предѣлахъ нынѣшней Южной Россіи), дошелъ по Днѣпру до мѣста, гдѣ въ послѣдствіи основанъ городъ Кіевъ, и тамъ на высокомъ берегу Днѣпра водрузилъ св. крестъ, благословилъ мѣсто и произнесъ пророчественныя слова: «Видите ли эти горы? На этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и городъ великій будетъ и много церквей Богъ воздвигнетъ» с). Послѣдующіе наши лѣтописцы присовокупляютъ, что св. Андрей былъ во внутренней Россіи и доходилъ до Новгородскихъ предѣловъ, гдѣ въ селѣ Грузинѣ оставилъ свой жезлъ, и этотъ жезлъ до позднѣйшаго времени (въ XIV и XV стол.) «видѣнъ всѣми, изливаетъ чудеса и прообразовалъ въ Русіи самодержавное царское скипетроуправленіе» т). Поэтому Русскій народъ издревле чтилъ св. ап. Андрея Первозваннаго, считалъ его своимъ апостоломъ и наравнѣ съ св.

р) Свидѣтельствуютъ объ этомъ писатели церковные: Оригенъ, Евсевій Кесарійскій, Іоаннъ Златоустъ, Іеронимъ и др.

с) Лѣтопись Нестора.

т) Журн. М. Н. II. 1868, февр. стат.: „Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ“, стр. 354—358.

Георгіемъ Побѣдоносцемъ признавалъ своимъ высокимъ покровителемъ. Въ честь св. ап. Андрея строились въ разныхъ мѣстахъ Русской земли храмы; день памяти его (до XVI стол. 6 ноября, а съ этого времени 30 ноября) праздновался торжественно, особенно въ Кіевѣ и Москвѣ; многіе русскіе князья въ честь ап. Андрея носили его имя. Неудивительно послѣ этого, если императоръ Петръ Великій первый орденъ въ Россіи учредилъ въ честь Андрея Первозваннаго, и если св. ап. Андрей внесенъ затѣмъ въ Русскій Государственный Гербъ: на ряду съ св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ онъ также покровитель православной Русской земли, какъ это и выражено въ самомъ орденѣ, имѣющемъ по четыремъ концамъ креста четыре латинскія буквы: S. A. P. R. (*santus Andreas patronus Russiae*, т.-е. св. Андрей, покровитель Россіи).

Когда Россія раздѣлена была на губерніи и области (сначала при Петрѣ Великомъ, а потомъ при Екатеринѣ II); то и гербы ихъ были внесены въ Государственный Гербъ: ихъ помѣстили на щитѣ вокругъ орла. Вошелъ въ нашъ Государственный Гербъ и Бѣлый орелъ—Гербъ Польскаго государства, когда Польша утратила политическое существованіе и въ главной своей части была присоединена къ Россіи. Польскій гербъ помѣщенъ также на щитѣ вокругъ двухглаваго орла.

Въ послѣдующія царствованія, именно при императорахъ Николаѣ I-мъ и Александрѣ II-мъ, когда снова пересматривали Государственный Гербъ и производили въ немъ измѣненія, въ Большой Гербъ внесены были *архангелы Михаилъ и Гавріилъ*, изображенія коихъ помѣстили по сторонамъ главнаго щита, а на сѣни сдѣлана золотыми буквами надпись: *Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покаряйтесь, яко съ нами Богъ!*—Были и на это свои и важныя причины.

Архангелы *Гавріилъ* и *Михаилъ*, высшіе изъ небесныхъ духовъ, имѣютъ особенное отношеніе къ людямъ: архангелъ Гавріилъ—вѣстникъ мира, радости, спасенія, благовѣститель великихъ Божіихъ тайнъ. Съ свѣтлымъ лицомъ, съ радост-

нымъ взоромъ онъ много разъ являлся на землѣ: научилъ пророка Моисея книгописанію и собициль ему откровеніе о началѣ міроуданія и первыхъ временахъ человѣческаго рода; истолковалъ пророку Даніилу дивныя его видѣнія; возвѣстилъ Іоакиму и Аннѣ зачатіе и рожденіе отъ нихъ Преподобной Дѣвы Маріи; питалъ Богоотроковицу, когда она жила при Іерусалимскомъ храмѣ; возвѣстилъ священнику Захаріи рожденіе сына Іоанна, Предтечи Господа Спасителя; благовѣстилъ Св. Дѣвѣ Маріи, жившей въ Назаретѣ, зачатіе Сына Божія отъ наитія Св. Духа. Когда Господь Іисусъ Христосъ родился въ Вифлѣмѣ, архангелъ Гавріиль явился пастырямъ и возвѣстилъ, что днесь родился Спаситель, и тотчасъ со множествомъ ангеловъ воспѣлъ: «Слава въ вышнихъ Богу!» Онъ укрѣплялъ Спасителя въ саду Геесиманскомъ. Онъ же возвѣстилъ Божіей Матери о честномъ Ея Успеніи.—Архангелъ Михайль, архистратигъ небесныхъ воинствъ, ведетъ борьбу съ духомъ тмы и зла, исконнымъ врагомъ Бога и людей, не допускаетъ злу и нечестію усиливаться до высшей степени, но останавливаетъ его, пресѣкаетъ и истребляетъ; помогаетъ и людямъ въ борьбѣ ихъ со зломъ и виновникомъ его—духомъ злобы поднебесной. Находясь по служенію своему въ столь близкомъ отношеніи къ людямъ, св. архангелы ходатайствуютъ у престола Божія за грѣшный родъ человѣческій, молятся особенно о христіанахъ, о ихъ земномъ благоденствіи и вѣчномъ спасеніи. Благодарная къ высокому и благодѣтельному служенію человѣческому роду св. архангеловъ, Церковь Христова установила совершать въ честь ихъ нѣсколько разъ въ году торжественное празднество. У насъ съ самаго начала христіанства св. архангелы пользовались особеннымъ почитаніемъ. Дни имъ посвященные всегда праздновались торжественно. Въ честь ихъ повсюду воздвигали величественныя храмы; и много было воздвигнуто на Руси храмовъ и соборовъ св. архангеламъ; не было, кажется, ни одного значительнаго города, гдѣ бы не возвышался Архангельскій храмъ; въ древнихъ большихъ городахъ и доселѣ красуются Архангельскіе соборы,

какъ на примѣръ въ Москвѣ, Кіевѣ, Рязани, Псковѣ и др. Видно, такимъ образомъ, что благочестивые предки наши признавали архангеловъ Гавріила и Михаила покровителями и охранителями своей страны. Естественно было послѣ этого придти къ мысли внести въ Государственный Гербъ св. архангеловъ: ихъ и внесли въ Большой Гербъ.

По столь же важной причинѣ внесены были въ нашъ Государственный Гербъ и слова: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!» Это внесеніе говоритъ о крѣпкомъ вѣрованіи Русскаго народа, что Россія—любезное его отечество, находится подъ особеннымъ покровомъ и охраненіемъ Божиимъ. Тверды и основанія этого вѣрованія Русскаго народа: они видны въ прошлой жизни нашего отечества. Были въ прежнія времена на св. Русь, какъ свидѣтельствуемъ наша исторія и говорятъ народныя преданія, страшныя годы, когда, казалось, наше отечество должно было неминуемо погибнуть. Вспомнимъ время междуцарствія. Послѣ сверженія царя Василя Ивановича Шуйскаго съ престола разстройство государства достигло высшей степені: царя не было; области разъединены и враждуютъ между собою; польскій король Сигизмундъ, взявъ Смоленскъ, ведетъ переговоры съ боярами объ избраніи сына своего Владислава на русскій престолъ, а на самомъ дѣлѣ старается овладѣть государствомъ въ свою пользу; шайки поляковъ и казаковъ буйствуютъ повсюду; между русскими людьми появилась рознь и вражда; поляки наконецъ овладѣваютъ Москвою и утверждаютъ въ священномъ для русскаго сердца кремлѣ. Казалось, насталъ конецъ Русскому государству. И однако оно не погибло. Изъ среды народа явились Мининъ и Пожарскій, возбудили упавшій духъ русскихъ, соединили разрозненныя силы и спасли отечество. Поляки изгнаны изъ кремля, и единодушно былъ избранъ на русскій престолъ Михаилъ, родоначальникъ благословеннаго дома Романовыхъ. Незабвененъ въ памяти Русскаго народа 1612 годъ: всенародный праздникъ 22-го октября — день очищенія кремля отъ враговъ, торжественно совершаемый всею пра-

вославною Россіей, навсегда увѣковѣчили этотъ годъ. Вспомнимъ и незабвенный также для Русскаго народа 1812 годъ, когда императоръ Наполеонъ I, подчинившій своей власти всю Западную Европу, съ 700-тысячнымъ войскомъ вторгнулся въ предѣлы Россіи; въ его мысляхъ участь нашего государства была рѣшена: оно должно было подпасть подъ тяжкое иго грознаго завоевателя и испытать одну участь съ Западно-Европейскими государствами. Но и въ этотъ разъ Россія до очевидности испытала на себѣ всемогущую руку Божию; она не только не подпала подъ власть Наполеона, но изгнавъ его изъ своихъ предѣловъ, еще освободила отъ его ига Западную Европу. Благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ въ день Рождества Спасителя міра и храмъ Спасителя въ Москвѣ навсегда увѣковѣчили въ сознаніи Русскаго народа и 1812 годъ. «Съ нами Богъ!» вслухъ всего свѣта въ чувствѣ глубочайшей благодарности Богу Спасителю возгласилъ въ манифестѣ своемъ объ изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ отечества императоръ Александръ Благословенный: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покаряйтесь, яко съ нами Богъ!».

Такъ образовался Русскій Государственный Гербъ. Изъ исторіи его образованія мы видимъ, что онъ слагался постепенно втеченіе всего тысячелѣтнаго существованія нашего государства, и религіозная стихія входила въ него въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ; видимъ также причины и основанія, располагавшія предковъ нашихъ вносить въ Гербъ тѣ, а не другіе религіозныя предметы, помѣщать въ немъ тѣ, а не другія религіозныя черты: причины эти и основанія были естественны и законны: ихъ видѣли благочестивые предки наши въ самыхъ историческихъ событіяхъ, и въ своемъ нравственно-религіозномъ чувствѣ а).

П. Сладковъ-Щевъ.

а) Въ слѣдующей книжкѣ Душен. Читанія будетъ рѣчь о нравоучительномъ значеніи Рус. Госуд. Герба.

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ СВЯТЫХЪ КИРИЛЛА И МЕОДИЯ, ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ СЛАВЯНЪ *).

Собирается Русская земля честно и свѣтло праздновать день 6-го апрѣля. Что же значить это празднество, зачѣмъ будетъ торжественная служба по городамъ и селамъ Русской земли?

Затѣмъ, что въ этотъ день, тысячу лѣтъ тому назадъ, опочилъ св. Меодій, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ св. Кирилломъ составилъ для нашего народа азбуку, перевелъ на нашъ языкъ священныя богослужебныя книги и самъ много потрудился: училъ Славянъ христіанской вѣрѣ, возвѣщалъ слово Божіе нашимъ родичамъ; а главное дѣло то, что еще теперь въ церквахъ поютъ и читаютъ по тому, какъ св. братья написали тысячу лѣтъ тому назадъ, и до сихъ поръ церковныя книги печатаются тѣмиже буквами, которыми они писали и которыя такъ послѣ нихъ и остались. Если Русскій народъ—народъ православный; если у насъ въ церкви каждый можетъ понимать все, что читаютъ и поютъ; если каждый можетъ, выйдя изъ церкви, сказать себѣ, что онъ что-нибудь услышалъ полезное для души,—а найдется ли такой человекъ, который слушалъ слово Божіе и церковное пѣніе, да не вынесетъ для своей души ничего? — если все это такъ: то кто же это сдѣлалъ? Сдѣлали это съ помощью Божіею двое святыхъ братьевъ. Нашъ русскій князь Владиміръ (988 г.) задумалъ изъ идолопоклонника стать христіаниномъ: противно стало его русской душѣ молиться камнямъ и деревьямъ, и разыскалъ онъ истиннаго Бога; тогда у братьевъ нашихъ Болгаръ была уже истинная вѣра и служба на родномъ языкѣ, который тогда всѣ понимали, да и теперь могутъ понимать, и теперь у православныхъ Сербовъ и Болгаръ одна служба съ нами. Пойдите въ русскую, въ болгарскую, въ сербскую церковь, и услышите и то же чтеніе и то же пѣніе. Крестился Владиміръ въ Херсонесѣ Греческомъ (близко отъ Севастополя), а священниковъ взялъ больше Болгаръ. Съ тѣхъ поръ пошла и у насъ православная вѣра, пошла и служба на родномъ языкѣ, и стало не такъ, какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ служили тогда по-латыни, а кое-гдѣ и теперь служатъ. По-латыни понимали только ученые, а у насъ въ церкви всѣ понимали—и ученые люди и простые. Оттого и сильна вѣра въ Русской землѣ. Вотъ, стало быть, есть за что помянуть Русской землѣ и честно и торжественно память святыхъ своихъ учителей. Предлагаемъ описаніе жизнѣ и подвиговъ ихъ.

*) Сообщено.

Славяне въ девятомъ вѣкѣ занимали почти тѣже пространства земля, какія занимаютъ и теперь. Они жили отъ стѣнъ Царьграда до береговъ Балтійскаго моря и отъ Адриатическаго моря и восточныхъ Альпъ и рѣки Лабы (Эльбы) до притоковъ Волги. Они разсѣлись преимущественно по рѣкамъ. По Дунаю жили Болгаре, Сербы, Хорваты, Словинцы и др. Выше Дуная сидѣли Мораване, Чехи и Словаки. Далѣе къ сѣверу и сѣверозападу жили Поляки, Сербы-Лужичане и др. На востокъ же жили разныя славянскія племена, получившія одно общее имя Русскихъ. По Днѣпру сѣли Поляне, у которыхъ былъ главный городъ Кіевъ—матерь русскихъ городовъ, откуда пошла Русская земля. Сидѣли Славяне и по Волхову, и по Двинѣ, и по Окѣ, и другимъ рѣкамъ.

Большая часть ихъ въ девятомъ вѣкѣ не знала истиннаго Бога и не слышала про святое ученіе Христово. Въмѣсто того они почитали солнце, громъ и молнію, выдумывали себѣ боговъ и кланялись безобразнымъ идоламъ. Напримѣръ, у Русскихъ Славянъ былъ идолъ Перуна, который стоялъ на берегу Днѣпра въ городѣ Кіевѣ. Нарѣчія, на которыхъ говорили разныя славянскія племена, въ то время очень мало разнились одно отъ другаго. Поэтому имъ легко было понимать другъ друга. Они не умѣли ни читать, ни писать: у нихъ не было ни азбуки, ни книгъ на родномъ языкѣ. Еслибы кто изъ нихъ и пожелалъ учиться, то на родномъ языкѣ не было для этого ни возможности, ни средствъ. Нужно было учиться или по-гречески, или по-латыни, и не у своихъ учителей, а у чужихъ, иностранныхъ. Обыкновенно, такихъ людей постигала печальная судьба: они забывали свою родину, родныхъ, забывали то, что они Славяне. Они сливались съ чужимъ народомъ и терялись въ немъ также безслѣдно, какъ капля, попавшая въ море.

Греческій и латинскій языки принадлежали двумъ древнимъ народамъ, которые достигли высокой степени образованія и могущества еще задолго до Рождества Христова. Изъ нихъ греческій народъ въ девятомъ вѣкѣ еще существовалъ, составляя государство, которое называлось Византійскою имперіей, а государство римскаго народа (или латинскаго) уже исчезло съ лица земли, будучи уничтожено Германцами или Нѣмцами и другими народами. Въ началѣ девятаго вѣка у Нѣмцевъ явился императоръ Карлъ

Великій, который соединилъ нѣкоторыя земли старой римской имперіи и возобновилъ ее подъ этимъ именемъ. Такимъ образомъ Славяне граничили на югѣ съ Византійской имперіей, а на западѣ съ Римской, возобновленной Карломъ Великимъ.

Вотъ здѣсь-то, на границахъ двухъ враждебныхъ сосѣдей, Славянамъ нужно было напрячь всѣ свои силы, чтобы отстоять свои земли, города, села, свой языкъ, обычаи и самихъ себя отъ власти Грековъ и Нѣмцевъ: здѣсь и заложилась первая славянскія государства. Въ это роковое время обнаружилась вся великая сила славянскаго духа. Необходимость защиты сплотила Славянъ въ государства, а столкновение съ другими народами и другими языками и обычаями заставило ихъ подумать о своихъ обычаяхъ и о своемъ отличіи отъ другихъ племенъ.

По Дунаю, на границѣ съ Византіей, образовалось царство Болгарское, а тамъ, гдѣ теперь Венгрія и Чехія (нынѣ части Австрійской имперіи), образовалось Паннонское и Моравское княжества. Между моравскими князьями и нѣмецкими происходили безпрестанныя войны. Тоже происходило между болгарскими князьями и византійскими императорами. Какъ разъ около времени св. Кирилла и Меодія было положено начало образованію и Русскаго государства (862 г.).

Борьба между моравскими и болгарскими Славянами съ одной стороны, Греками и Нѣмцами съ другой велась не однимъ только оружіемъ вещественнымъ, но и оружіемъ духовнымъ. Такимъ духовнымъ оружіемъ въ рукахъ Нѣмцевъ было христіанство. Дикій, языческій народъ, по обращеніи въ христіанство, измѣнялъ свой характеръ: дѣлался мягкимъ и уступчивымъ. Нѣмецкіе монахи съ латинско-нѣмецкою проповѣдью шли въ глушь дикихъ лѣсовъ, населенныхъ Славянами язычниками, и крестили народъ. Славяне крестились крайне неохотно; но все-таки ко времени св. Кирилла и Меодія въ землѣ моравскихъ и паннонскихъ Славянъ образовалась уже латинско-нѣмецкая церковь. Она подчинялась власти римскаго папы.

Въ девятомъ вѣкѣ церковь Христова была едина и не раздѣлялась, какъ теперь, на православную и римско-католическую. Но при жизни св. Кирилла и Меодія уже начались бурныя препирательства между царьградскимъ патриархомъ Фотіемъ и римскимъ папой Николаемъ I, кото-

рый поставилъ себѣ задачей подчинить своей власти восточную церковь. Въ этой борьбѣ, сопровождавшейся соборами, частыми проклятіями и отлученіями враждующихъ сторонъ, Римскіе папы обнаружили стремленіе къ главенству во вселенской церкви, желаніе соединить въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть. Мысли, воодушевлявшія римскихъ папъ, всецѣло усвоили Нѣмцы. Распространяя христіанство среди языческихъ народовъ, они пользовались исключительно латинскимъ языкомъ, который никому не былъ понятенъ. Такъже поступало нѣмецкое духовенство и со Славянами, и поступало потому, что не хотѣло, чтобы у нихъ образовалась своя народная церковь.

Славяне не могли вѣрять латино-нѣмецкимъ проповѣдникамъ на-слово: они сами, своимъ умомъ и своимъ сердцемъ, желали убѣдиться, чѣмъ же предлагаемая имъ новая христіанская вѣра лучше ихъ старой, языческой. Словомъ, у нихъ явилось желаніе познать истину и освободиться отъ нѣмецкихъ священниковъ; у нихъ явилась мысль о необходимости созданія своей народной христіанской церкви. И вотъ у нихъ, среди Мораванъ, нараждается смѣлый и умный, рѣшительный и могущественный князь Ростиславъ, который занятъ былъ этою мыслью и наконецъ разрѣшилъ свои недоумѣнія и нашелъ путь, по которому смѣло и пошелъ. Впервыхъ, онъ нанесъ Нѣмцамъ рядъ тяжкихъ пораженій, освободилъ отъ нихъ свое моравское княжество и сдѣлалъ его страшнымъ и грознымъ для своихъ сосѣдей-враговъ. Такимъ образомъ къ 862 году онъ на время освободился отъ своихъ внѣшнихъ непріятелей. Затѣмъ, не желая выносить зависимости и отъ нѣмецкаго духовенства, возмущаясь его низостью и сребролюбіемъ, умный князь Ростиславъ рѣшился и отъ него освободиться. Онъ задумалъ обратиться въ Царьградъ къ греческому императору, рассчитывая, что тамъ найдетъ добро и справедливость. Онъ призвалъ къ себѣ своего племянника Свитополка и паннонскаго князя Коцела и посовѣтывался съ ними. Тѣ одобрили его намѣреніе, предполагая, что тамъ, у Грековъ дѣйствительно можно найти и союзниковъ, и добрый законъ.

Затѣмъ въ 862 году было написано и отправлено въ Царьградъ къ императору Михаилу III письмо слѣдующаго содержанія: «Народъ нашъ оставилъ язычество и принялъ законъ христіанскій; но нѣтъ у насъ учителя, кото-

рый на родномъ нашемъ языкѣ открылъ бы намъ истинную вѣру христіанскую, чтобы и другія страны послѣдовали нашему примѣру. Поэтому просимъ тебя, державный государь, пришли къ намъ такого епископа и учителя, ибо отъ васъ всегда во всѣ страны исходитъ добрый законъ». Это письмо говорить намъ о томъ, что Ростиславъ хотѣлъ, чтобы его народъ не по имени только былъ христіанскимъ, но чтобы па самомъ дѣлѣ проникся высокими истинами христіанства. Нѣмецкое духовенство не хотѣло дать Славянамъ того, къ чему они стремились. Имъ осталось обратиться въ Царьградъ. И дѣйствительно Ростиславъ и народъ славянскій не ошиблись въ своихъ расчетахъ.

Въ Византійской имперіи жили въ это время два брата св. Кириллъ и Мееодій, вся предшествовавшая жизнь которыхъ до 862 года была какъбы приготовленіемъ къ ожидавшей ихъ дѣятельности среди Славянъ. Св. Кириллъ жилъ въ это время при церкви св. Апостоловъ въ Царьградѣ, а св. Мееодій былъ игуменомъ при Полихроніевомъ монастырѣ, что на берегу Мраморнаго моря, близь древняго города Кизика. Оба они отдыхали послѣ только что понесенныхъ ими проповѣдническихъ трудовъ, вернувшись изъ продолжительнаго путешествія въ отдаленныя страны. Св. Кириллу было тогда около 35 лѣтъ, а св. Мееодій былъ значительно старше своего брата. Тотъ и другой посвятили себя на служеніе Богу и проводили дни и ночи въ занятіяхъ наукой, въ молитвѣ, духовномъ бдѣніи и постѣ.

Св. Кириллъ, слабый здоровьемъ, но сильный духомъ, сидѣлъ въ тихомъ уединеніи въ скромной и бѣдной келліи, постоянно углубленный въ чтеніе книгъ. Онъ усердно изучалъ съ юныхъ лѣтъ и до послѣднихъ дней своей кратковременной жизни священное писаніе и языки различныхъ народовъ. Съ задумчивыми глазами, блѣдный лицомъ, св. Кириллъ отличался смиреніемъ и любовью къ людямъ, нѣжностью и кротостью характера. Онъ не даромъ былъ прозванъ философомъ: постоянное напряженіе ума, сильная умственная работа, сильно изнурили его тѣло, истомленное молитвой и постомъ. Его братъ св. Мееодій былъ многими годами старше, отличался болѣе крѣпкимъ здоровьемъ и большею твердостью воли. Онъ умѣлъ приложить къ дѣлу то, что братъ его обдумывалъ и изобрѣталъ во славу Божію. Доказательствомъ этой мысли служить вся ихъ многотрудная, святая и полезная жизнь.

Святые братья, Кирилль и Меѳодій, родились въ городѣ Солунѣ, или погречески въ Фессалоникахъ (недалеко отъ Аѳонской горы), въ нынѣшней Македоніи, составляющей часть Турецкаго царства. Эта страна тогда принадлежала Византійской имперіи, но она была сплошь населена Славянами, пришедшими сюда изъ-за Дуная и Балканскихъ горъ, такъ что св. братья отлично знали славянскій языкъ. Они родились въ знатномъ и богатомъ семействѣ, близкомъ къ императорскому двору. Отецъ ихъ назывался Львомъ, а мать, по преданію, Маріей. Ихъ отецъ занималъ тогда важную государственную должность: былъ помощникомъ главнаго предводителя и начальника всѣхъ войскъ Византійской имперіи. Изъ семерыхъ его сыновей старшій былъ Меѳодій, а самый младшій Константинъ, прозванный философомъ, родившійся въ 827 году и не долго предъ смертью получившій въ монашествѣ имя Кирилла.

Первоначально свои цвѣтущіе, молодые годы Меѳодій посвятилъ на служеніе царю и отечеству, и достигъ такъ же, какъ и отецъ его, высокихъ должностей. Въ послѣднее время предъ уходомъ въ монастырь, онъ былъ начальникомъ области, населенной Славянами: здѣсь онъ могъ хорошо узнать Славянъ и ихъ языкъ, понять и вникнуть въ ихъ жизнь, и такимъ образомъ возобновить и восполнить тѣ свѣдѣнія, которыя онъ имѣлъ о нихъ равнѣ. Все это помогло ему впослѣдствіи, когда онъ явился среди нихъ проповѣдникомъ и учителемъ слова Божія. Но мірская жизнь и человѣческая слава не привлекали Меѳодія: его душа стремилась къ другимъ возвышеннымъ подвигамъ и дѣятельности. Онъ покидаетъ суетный міръ безъ всякаго сожалѣнія о своихъ высокихъ почестяхъ и уходитъ въ смиренную иноческую обитель, которая была на горѣ Олимпѣ. Здѣсь вдали отъ свѣта и его шума, среди прекрасной и величественной природы, онъ отдается всецѣло строгостямъ монашеской жизни и выполняетъ послушанія, пребываетъ въ бдѣніи и молитвѣ, посѣщаетъ каждую службу Божію, хранитъ постъ и духовное трезвѣніе, очищаетъ душу плачемъ и слезами и не даетъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Всѣ удивлялись силѣ его молитвы и строгости его жизни!

Младшій братъ Меѳодія, Кирилль, до 14-ти лѣтъ жилъ въ Солунѣ, въ домѣ своихъ родителей. Уже съ отроче-

скихъ лѣтъ онъ обнаружилъ необыкновенный умъ, любящее сердце, серьезное настроеніе мыслей и величайшую любознательность. Чтобы удовлетворить свою жажду познанія, онъ съ любовью проводилъ время въ чтеніи книгъ. Видимо, Десница Всевышняго вела его и указывала ему путь жизни. Когда ему было еще только семь лѣтъ, онъ видѣлъ чудное и пророческое сновидѣніе. Онъ видѣлъ, будто мѣстный воевода собралъ въ пышныя палаты всѣхъ солунскихъ красавицъ-дѣвицъ и будто онъ, невинный мальчикъ, ходилъ между ними и выбиралъ себѣ невѣсту. И вотъ одна изъ нихъ, по имени Софія, привлекла его дѣтскіе взоры своею дивною красотой и роскошью своего наряда и поразила его своимъ свѣтлымъ умомъ, ясно сіявшимъ на ея лицѣ. Онъ остановился передъ ней и выбралъ ее. Этотъ пророческій сонъ означалъ, что мальчикъ будетъ преданъ божественной наукѣ и полюбитъ Премудрость Божію, потому что греческое слово «Софія» значитъ премудрость. Дѣйствительно, впослѣдствіи, будучи въ школѣ, онъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей успѣхами въ своихъ книжныхъ занятіяхъ, памятью, глубиной и остротой своего ума, такъ что всѣ удивлялись ему.

Послѣ учебныхъ занятій мальчикъ обыкновенно игралъ съ товарищами. У него былъ соколъ, котораго онъ очень любилъ и съ которымъ часто забавлялся. Онъ ходилъ съ нимъ на охоту. Вотъ, однажды, съ этимъ соколомъ онъ вышелъ въ поле, спустилъ его съ своей руки, думая, что соколъ по обыкновенію къ нему опять прилетитъ; но соколъ поднялся, быстро взмахнувши крыльями, и улетѣлъ отъ своего хозяина на волю. Это сильно огорчило мальчика, но за то съ этихъ поръ онъ сдѣлался серьезнѣе: вмѣсто отроческихъ забавъ наполнили его душу болѣе возвышенныя мысли. Подъ вліяніемъ ихъ онъ начертилъ на стѣнѣ своего жилища изображеніе креста, какъ знакъ того, что съ этихъ поръ онъ всего себя посвящаетъ Господу, несенію своего креста, возложеннаго на него Божественнымъ Промысломъ. Послѣ этого Кириллъ еще болѣе предался изученію слова Божія; съ особеннымъ усердіемъ онъ читаетъ и учитъ наизусть творенія Григорія Богослова. Даже подъ изображеніемъ начертаннаго имъ креста, внизу, онъ написалъ слѣдующія слова, обращаясь въ нихъ къ св. Григорію Богослову: «о, Григорій! ты тѣломъ челоувѣкъ, а душою ангель. Уста твои, какъ уста Серафима,

прославляютъ Бога и всю вселенную просвѣщаютъ православнымъ ученіемъ. Прими меня, припадающаго къ тебѣ съ любовью и вѣрой, и будь мнѣ просвѣтителемъ и учителемъ!»

Но юный умъ Кирилла не могъ постигнуть нѣкоторыхъ наиболѣе глубокихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ св. отца Церкви. Любознательность мучить и терзаетъ юношу. Вотъ вдругъ прошелъ слухъ, что въ Солунь прибылъ какой-то странствующій ученый. Кириллъ бѣжалъ къ нему, думая, что у него онъ найдетъ разъясненіе того, чего онъ не понималъ. Юноша просилъ научить его грамматикѣ, научить всему, что знаетъ пріѣзжій ученый. Ученый отказывается. Кириллъ продолжаетъ усердно просить его, обѣщая ему за его труды часть изъ своего наслѣдства; но вновь получаетъ отказъ. Онъ въ безутѣшномъ горѣ, печали и слезахъ, изливаетъ свою скорбь Господу. Въ скоромъ времени Господь утѣшилъ его и внялъ его молениямъ. Слухъ о немъ достигъ до царскаго двора, въ Царьградъ, гдѣ въ это время воспитывался царевичъ Михайлъ (будущій императоръ Михайлъ III). Къ нему въ соученики приглашали такихъ юношей, которые своимъ усердіемъ къ наукамъ и доброю нравственностью могли бы подать царевичу хорошей примѣръ. Опекунъ царевича Михайла, логоуетъ Θεоктистъ, выбралъ въ товарищи къ царевичу Кирилла.

И вотъ Кириллъ, будучи только 15-ти лѣтъ, является ко двору учиться вмѣстѣ съ царевичемъ всѣмъ извѣстнымъ въ то время наукамъ: изучаетъ Гомера, діалектику и философію, риторику, геометрію и ариметику, астрономію и музыку. Онъ доволенъ и счастливъ, что можетъ учиться у самыхъ лучшихъ и знаменитыхъ учителей того времени. Такими учителями тогда были Левъ, въ послѣдствіи епископъ солунскій, и Фотій, будущій патріархъ цареградскій, человѣкъ извѣстный обширными и глубокими познаніями въ наукахъ. Въ это время Кириллъ вступилъ въ тѣсную дружбу съ царевичемъ Михайломъ, приобрѣлъ любовь и расположеніе всѣхъ придворныхъ; особенно полюбилъ его Θεоктистъ, опекунъ царевича, за тихій и кроткій нравъ, за его глубокій умъ и успѣхи въ наукахъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ этимъ задумчивымъ юношей, который уже тогда обнаруживалъ глубокое пониманіе философіи. Однажды Θεоктистъ спросилъ Кирилла: что такое философія? Кириллъ не затруднился

этимъ серьезнымъ вопросомъ. «Подъ философіей, отвѣтилъ онъ, разумѣется познаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ, насколько человѣкъ можетъ разумомъ приблизиться къ Богу и добродѣтелью уподобиться Сотворившему его по образу Своему».

Любовь Θεоктиста къ Кириллу выражалась не въ однихъ только разговорахъ, но и въ заботахъ о его будущей судьбѣ и счастьи. Однажды Θεоктистъ сказалъ ему: «Я сильно полюбилъ тебя за твою мудрость и добрую жизнь и хотѣлъ бы осчастливить тебя. У меня есть крестница, прекрасная дѣвица; она изъ богатаго, знатнаго рода. Женись на ней и будешь ты въ великой чести». — «Твой даръ, отвѣтилъ Кириллъ, дѣйствительно великъ для того, кто имѣетъ въ немъ нужду, но для меня нѣтъ ничего выше науки». Такимъ образомъ въ глазахъ Кирилла счастье заключалось въ занятіяхъ Божественною наукой, которую онъ понималъ, какъ приближеніе разумомъ къ Богу и уподобленіе Ему добродѣтельною жизнью. Его не манила ни мірская слава, ни власть, ни богатство. Его нисколько не прельщали блескъ и роскошь придворной жизни въ богатой и пышной столицѣ Византійской имперіи. Онъ, какъ и братъ его св. Меөодій, искалъ уединенія и только ждалъ случая, чтобы уйти въ монастырь. Но сначала онъ, по рѣшенію императора и благодѣтеля своего Θεоктиста, принялъ священство и остался патріаршимъ библіотекаремъ (книгохранителемъ) у св. Софіи въ Царьградѣ. Они уговорили его поступить такъ потому, что имъ не хотѣлось разстаться съ св. Кирилломъ. Но вотъ Кириллъ, повинуясь влеченію своего сердца и своей благочестивой души, тайно оставляетъ Царьградъ и бѣжитъ отъ соблазна и шумной суеты придворной жизни въ монастырь. Долго никто не зналъ, куда онъ скрылся: императоръ Михаиль III былъ въ тревогѣ. Его искали цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, — и едва могли отыскать. Императоръ и Θεоктистъ снова умоляютъ его не покидать ихъ и убѣждаютъ его принять должность учителя, чтобы учить философіи своихъ соотечественниковъ и иноземцевъ.

Такъ выросъ и воспитался учитель-апостоль Славянъ, св. Кириллъ. Вся его предшествующая жизнь служила приготовленіемъ къ тому великому апостольскому дѣлу, которое ожидало его въ будущемъ. Съ этихъ поръ начинаются для него опыты проповѣднической и общественной цер-

ковной дѣятельности, въ которыхъ онъ обнаружилъ себя строгимъ ревнителемъ православія и глубокимъ знатокомъ священнаго писанія. На первыхъ порахъ св. Кириллъ держитъ пренія съ бывшимъ патріархомъ, престарѣлымъ Анніемъ, низвергнутымъ за непочитаніе св. иконъ. Престарѣлый Анній былъ побѣжденъ и посрамленъ философомъ Кирилломъ, такъ что долженъ былъ замолкнуть. Затѣмъ св. Кириллу пришлось спорить съ мусульманами о Святой Троицѣ. Около 851 года, по вызову отъ мусульманскаго мелитипскаго властителя, отправился въ его столицу св. Кириллъ вмѣстѣ съ другимъ ученымъ, Георгіемъ Асинкритомъ. Мусульмане, повидимому, приняли его ласково и почтительно. Самъ властитель мусульманскій по случаю прибытія св. Кирилла устроилъ нѣсколько пиршествъ, на которыя были приглашены его знаменитые мудрецы, астрономы и геометры. Во время пиршествъ и происходили пренія. Въ нихъ св. Кириллъ изумлялъ мусульманскихъ ученыхъ острою своего ума, находчивостью и обширными знаніями. Онъ неопровержимо доказалъ имъ христіанское ученіе о Святой Троицѣ и разъяснилъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ воплотился отъ пресвятой Дѣвы Маріи ради нашего спасенія. А на возраженіе магометанъ, что мы христіане воюемъ, хотя Евангеліе и заповѣдуетъ намъ любить враговъ нашихъ,—Кириллъ отвѣчалъ, что въ «нашемъ христіанскомъ ученіи двѣ заповѣди, изъ которыхъ одна учитъ насъ благотворить врагамъ и любить ихъ, а другая повелѣваетъ намъ полагать душу свою «за други своя». Поэтому, замѣтилъ Кириллъ, «въ исполненіе первой заповѣди мы переносимъ частыя личныя обиды, а въ силу другой воюемъ съ врагами, защищая своихъ ближнихъ и отстаивая свою вѣру, которую попираютъ враги наши». Побѣда и торжество св. Кирилла возбудили въ нихъ такую злобу, что они пытались даже отравить его. Но св. Кириллъ, охраняемый Десницей Всевышняго, остался невредимымъ и благополучно вернулся въ Царьградъ, гдѣ его ожидали слава и почести. Полный чистыхъ и святыхъ помышлений о другой болѣе высокой жизни, онъ отказался отъ почестей, отказался даже отъ должности учителя и удалился въ монастырь на Олимпѣ, гдѣ въ это время подвизался братъ его Меоодій.

Въ скоромъ времени св. братья должны были покинуть свою уединенную жизнь въ монастырѣ для новаго святаго

дѣла во славу Божию, для новаго далекаго путешествія. Въ 858 году въ Царыградъ пришли послы отъ кагана козарскаго. Козары кочевали въ то время въ обширныхъ степяхъ нынѣшней южной Россіи отъ устьевъ Волги и Каспійскаго моря до морей Чернаго и Азовскаго, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отчасти жили подчиненные Козарамъ Славяне, которые послѣ стали называться Русскими. Козары были язычники, и проповѣдники разныхъ вѣрѣ, особенно Евреи и Сарацины—мусульмане, старались обратить ихъ каждый въ свою вѣру. Объ этомъ послы козарскіе и говорили Византійскому императору. «Вѣдаемъ мы, говорили они, единаго Бога неба и земли и кланяемся Ему на востокъ; но держимъ и свои старыя обычаи. Между тѣмъ Евреи влекутъ насъ въ свою вѣру, а мусульмане въ свою. Пришли къ намъ мудраго и книжнаго человѣка, чтобы онъ обличилъ неправду тѣхъ и другихъ, и мы примемъ вашу вѣру.» Императоръ Михаилъ III призвалъ къ себѣ св. Кирилла и сказалъ ему: «Иди, философъ, къ этимъ людямъ, разрѣши ихъ сомнѣнія. Повѣдай имъ тайну Святой Троицы. Лучше тебя никто не можетъ этого исполнить». Св. Кириллъ отвѣчалъ: «Если повелишь, царь, то съ радостью пойду—пѣшій и босой, какъ ходили апостолы; радъ и пострадать за Христа». Императоръ ему сказалъ: «Еслибы ты самъ по себѣ это дѣлалъ, такой поступокъ былъ бы похваленъ; но въ этомъ случаѣ дѣло касается чести царской державы. Иди съ честью, съ царской помощью!» Св. братья немедленно собрались, сѣли на корабль и поплыли въ Крымъ, чтобы оттуда проникнуть въ страну козарскую. Высадившись благополучно на крымскомъ берегу, они прибыли въ Херсонъ (это мѣсто нынѣ находится въ предѣлахъ Россіи, близъ Севастополя) и остановились тутъ на нѣкоторое время для отдыха, а также и для того, чтобы лучше подготовиться къ предстоящему дѣлу. Имѣя въ виду состязаться о вѣрѣ съ Евреями, св. Кириллъ усердно занялся еврейскимъ языкомъ и книгами. Онъ изучалъ ихъ языкъ какъ по грамматикѣ, такъ и въ живомъ разговорѣ. Случай для этого былъ очень удобный: въ Херсонѣ было многочисленное еврейское населеніе. Были тамъ и Славяне. Св. братья спрашивали мѣстныхъ херсонскихъ христіанъ о ихъ нуждахъ и дѣлахъ вѣры. Они знали о жизни и мученической кончинѣ св. Климента, папы римскаго, который здѣсь, въ Херсонѣ, за Христа животъ свой

положилъ еще въ то время, когда христіанъ гвали и мучили, въ первые вѣка христіанства. Римскій епископъ св. Климентъ, жившій спустя около ста лѣтъ послѣ Рождества Христова, былъ сосланъ сюда врагами христіанства, замученъ здѣсь и съ якоремъ на шеѣ брошенъ въ море. О немъ существовало преданіе, что прежде, каждый разъ въ день его страданій, море возмущалось и отступало отъ береговъ, показывая на днѣ своемъ мощи святаго мученика. Христіане видѣли ихъ и поклонялись имъ. Но это явленіе не задолго до прибытія св. братьевъ прекратилось. По молитвѣ же св. Кирилла и Меѳодія, при общемъ моленіи всѣхъ херсонскихъ христіанъ и благодаря стараніямъ херсонскаго архіепископа совершилось открытіе мощей св. Климента. Онѣ были привезены въ городъ и торжественно поставлены въ церкви св. Апостоловъ. Часть мощей св. братья взяли себѣ. Отдохнувъ здѣсь, они продолжали путь далѣе по странѣ пустынной и дикой, страдая отъ нападеній и угрозъ злыхъ и свирѣпыхъ варваровъ. Наконецъ они достигли береговъ Азовскаго моря, снова сѣли на корабль и прибыли во владѣнія козарскаго кагана. Какъ послы могущественнаго Византійскаго императора, они были приняты каганомъ въ его столицѣ съ почетомъ и уваженіемъ. Эта столица находилась недалеко отъ Каспійскаго моря и Кавказскихъ горъ (недалеко отъ нашей Астрахани). Назначены были дни и очередь—съ кѣмъ вести пренія. Былъ назначенъ день для евреевъ и мусульманъ. Сидя за столами, уставленными яствами и питіями, св. братья, окруженные мусульманскими и еврейскими мудрецами, вели съ ними бесѣду. Каганъ, поднимая чашу по обычаю того времени, провозгласилъ «Во имя Бога единого, Творца всей твари!» Св. Кириллъ поднялъ свою и сказалъ: «Во имя Бога единого и Его Слова и Духа животворящаго!» Тутъ же онъ началъ толковать, объяснять и приводить изъ св. книгъ мѣста, которыя были необходимы для доказательства ложности вѣры еврейской. «Такъ и есть, заключилъ онъ,—гдѣ ваши жертвы кровавыя, гдѣ скінія и храмъ, гдѣ царство и отечество? Все это прошло, когда настала Новый Завѣтъ—христіанскій, данный по предсказанію многихъ пророковъ, уже не для однихъ евреевъ, но и для всего міра». Когда онъ кончилъ свою рѣчь, каганъ воскликнулъ: «Самъ Богъ послалъ тебя для вразумленія насъ. Но поговоримъ еще и завтра!»

На слѣдующій день выступили мусульманскіе мудрецы. «Нашъ законъ христіанскій широкъ и глубокъ, какъ море, говорилъ имъ св. Кириллъ,—поэтому не каждый одинаково успѣваетъ его изслѣдовать и переплыть; человѣкъ сильный и трудящійся успѣваетъ болѣе, слабый и лѣнливый—менѣе. А вашъ законъ похожъ на мелкій и узкій протокъ, который перескочитъ всякій. Что высокаго и мудраго въ немъ? Онъ даже поблажаетъ грубымъ и скотскимъ страстямъ, такъ что унижаетъ человѣка, тогда какъ законъ Христовъ ведетъ насъ горѣ, возвышаетъ къ небу. Правда, онъ тяжелъ, но только для того, кто низко палъ. Но если человѣкъ палъ чрезъ гордость и сладострастіе, то на прежнюю высоту онъ можетъ взойти только путемъ смиренія и воздержанія. Горекъ этотъ путь, но безконечно сладка и блаженна вѣчная жизнь, къ которой онъ ведетъ!» Кончилъ св. Кириллъ, и поднялся шумъ и споръ между Евреями и Сарацинами — мусульманами. Тогда одинъ умный Сарацинъ, внимательно слушавшій Евреевъ, сказалъ: «Этотъ гость опрокинулъ мусульманскую мудрость на одну сторону, а вашу на другую: тверда только вѣра христіанская. Она одна для всѣхъ, и безъ нея нѣтъ ни для кого вѣчной жизни!» — «Такъ!» отозвались многіе, и крестилось тогда нѣсколько Козаръ. Каганъ, прощаясь съ св. Кирилломъ, предлагалъ ему богатые дары. Отъ нихъ онъ отказался, а взамѣнъ просилъ у кагана милости—даровать свободу тѣмъ христіанамъ, которые были у него въ плѣну. Со славой и торжествомъ св. братья отправились въ обратный путь, исполненный новыхъ опасностей и лишений, и прибыли благополучно въ Царыградъ. Здѣсь св. Кириллъ поселился при церкви св. Апостоловъ и въ уединеніи продолжалъ заниматься божественными науками. А св. Меодій принялъ игуменство въ Полихроніевомъ монастырѣ, въ которомъ было до 70-ти старцевъ.

Послѣ этого путешествія жизнь св. братьевъ была тиха и спокойна. Они жили въ полномъ уединеніи, вдали отъ свѣта, въ трудахъ и молитвахъ. Но вотъ наступилъ 862-й годъ. Въ Царыградѣ императоръ Михаилъ III получилъ письмо отъ моравскаго князя Ростислава. Въ этомъ письмѣ князь Ростиславъ просилъ императора прислать ему истиннаго учителя и просвѣтителя, который бы наставилъ его народъ въ истинахъ христіанской вѣры на родномъ славянскомъ языкѣ. Императоръ, услышавъ голосъ славян-

скаго народа, жаждавшаго свѣта и истины, звавшаго къ себѣ истиннаго учителя и просвѣтителя, немедленно созвалъ соборъ, на который были приглашены и св. братья Кириллъ и Меѳодій, уже прославившіеся своими проповѣдническими трудами. На соборѣ императоръ обратился къ братьямъ съ предложеніемъ идти на проповѣдь къ моравскимъ Славянамъ. «Вы оба солуняне, сказалъ имъ императоръ,—а всѣ солуняне чисто говорятъ послavianски». Затѣмъ, обращаясь къ св. Кириллу, сказалъ. «Знаю, философъ, что ты слабъ и боленъ, но нельзя тебѣ не пойти къ Славянамъ: кромѣ тебя некому исполнить то, о чемъ они просятъ».—«Слабъ я и боленъ, отвѣтилъ св. Кириллъ, но съ радостью пойду!» И при этомъ прибавилъ: «Имѣютъ ли Славяне свою азбуку? Учитъ безъ азбуки, учитъ безъ книгъ, вѣдь это все равно, что писать бесѣду на водѣ. Нужно учить по книгамъ, въ которыхъ точно и вѣрно было бы написано слово Воже, а безъ книгъ легко прослыть еретикомъ». Императоръ, вполне согласившись съ этимъ мнѣніемъ, сообщилъ св. Кириллу, что «славянскихъ писемъ искали и дѣдъ его, и отецъ и многіе другіе, и не нашли ихъ».

Св. Кириллъ составилъ славянскую азбуку и затѣмъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ и нѣсколькими сотрудиниками, началъ переводъ Евангелія и другихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Славянская азбука была составлена при помощи греческихъ буквъ. Для тѣхъ же славянскихъ звуковъ, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ, св. Кириллъ взялъ знаки или буквы изъ языка еврейскаго, коптскаго и другихъ. Это первый и славный подвигъ св. Кирилла, основа великаго дѣла просвѣщенія Славянъ. Затѣмъ послѣдовалъ другой весьма важный подвигъ святыхъ первоучителей для просвѣщенія Славянъ: это переводъ на славянскій языкъ Евангелія и вообще книгъ священныхъ и богослужебныхъ. И впервые зазвучали на славянскомъ языкѣ величественныя слова евангелиста Іоанна Богослова: «Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово» (гл. 1).

Остальная жизнь св. братьевъ представляетъ одну продолжительную борьбу за славянскую грамоту и за славянскую Церковь съ врагами ихъ святой проповѣди. Жизнь полная печали и скорбей! Св. Кириллъ и Меѳодій, отправляясь въ Моравію къ князю Ростиславу съ подарками и

письмами отъ греческаго императора, знали, что ихъ ожидаетъ трудная борьба съ разнаго рода препятствіями и притѣсненіями съ стороны латино-нѣмецкихъ враговъ славянства. Вопервыхъ они шли въ область, на которую уже не простиралась власть царградскаго патріарха, а которая подчинялась римскому папѣ, такъ что они шли, такъ сказать, въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ; во вторыхъ отношенія между царградскимъ патріархомъ Фотіемъ, бывшимъ учителемъ св. Кирилла, и римскимъ папой Николаемъ I въ это время были враждебны, такъ что св. братья никоимъ образомъ не могли рассчитывать на благосклонность папы; въ третьихъ, мѣстное нѣмецкое духовенство задѣвалось ими за живое, потому что съ ихъ приходомъ оно являлось ненужнымъ. Такимъ образомъ Кириллъ и Меодій знали, что всѣ, начиная сверху—съ папы Николая I и до послѣдняго нѣмецкаго священника въ Моравіи, всѣ противъ нихъ. За нихъ былъ славянской народъ и князь Ростиславъ, который ждалъ съ нетерпѣніемъ ихъ пріѣзда. Ничто не смущало св. братьевъ: они вѣровали въ Божественную помощь ихъ святому дѣлу, вѣрили въ духовную силу и мощь славянскаго племени, и отправились въ Моравію.

Князь Ростиславъ принялъ св. братьевъ Кирилла и Меодія, съ великою честью и съ сочувствіемъ. Народъ съ любовью и радостью привѣтствовалъ ихъ прибытіе. Но трудно себѣ вообразить ту глубокую и сильную радость, то чудное потрясеніе сердецъ и изумленіе Славянъ, когда они слышали въ храмѣ первую литургію, которую св. братья совершили на ихъ родномъ, славянскомъ языкѣ. То было необыкновенное мгновеніе! «И отверзошася, по пророческому слову, уши глухихъ услышати книжныя слова и языкъ ясенъ бысть гугнивымъ». Такъ говоритъ объ этомъ великомъ событіи древній жизнеописатель св. Кирилла. То было мгновеніе, когда глухіе стали слышать, а нѣмые заговорили. До этой же поры Славяне были какъ бы глухи и нѣмы, потому что нѣмецкіе священники совершали богослуженіе на латинскомъ языкѣ, для нихъ непонятномъ.

Въ короткое время св. братья ввели въ богослуженіе весь церковный чинъ: вечерню и повечеріе, полунощницу и утреню и другія Божественныя службы. Этимъ было по-

ложено начало образованію независимой славянской Церкви. Но для поддержки и развитія дѣла нужны были помощники и труженики на нивѣ Божіей. Св. братья обнаружили въ это время неутомимую дѣятельность. Они обучили славянской грамотѣ учениковъ, которыхъ имъ далъ князь Ростиславъ, чтобы изъ нихъ приготовить священниковъ. Они продолжали переводъ священнаго писанія на славянскій языкъ. Они освящали новыя церкви и часовни. Въ 863 году св. Кириллъ совершилъ освященіе церкви св. Петра въ одномъ моравскомъ городѣ Оломуцѣ и часовни св. Климента въ Литомышлѣ.

Народъ, остававшійся въ язычествѣ, толпами крестился, внимая живымъ и яснымъ проповѣдямъ св. Кирилла и Меѳодія. Славяне покинули нѣмецкихъ священниковъ, ихъ церкви, ихъ латинскій языкъ. Нѣмецкіе священники въ безсильной злобѣ скрежетали зубами на св. братьевъ, — они начали свою темную борьбу, не пренебрегая никакими средствами. Сначала они открыто набросились на св. братьевъ. «Ваше дѣло, съ страшнымъ озлобленіемъ говорили они, — не къ славѣ Божіей. Славить Бога можно только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, на которыхъ Пилатъ сдѣлалъ надпись на крестѣ Спасителя». Ложь этой выдумки была очевидна, и св. Кириллъ безъ труда ее опровергъ. Затѣмъ нѣмецкіе священники, видя, что сами они не въ силахъ сдѣлать что-нибудь, прибѣгли къ клеветѣ. Они донесли въ Римъ папѣ Николаю I на св. Кирилла и Меѳодія, обвиняя ихъ въ ереси. Вслѣдствіе этихъ навѣтовъ папа Николай I рѣшилъ вызвать ихъ къ себѣ въ Римъ для того, чтобы испытать, правильно ли они учатъ.

Св. братья, получивъ приглашеніе, отправились въ путь. Такъ какъ они проповѣдывали въ тѣхъ странахъ, которыя были подчинены власти римскаго папы, то и признали справедливость его требованій. Они взяли съ собой и книги, ими переведенныя, по которымъ они совершали богослуженіе, — для доказательства правоты своего дѣла. Была также взята ими и часть мощей св. Климента папы римскаго. Скорбѣя о томъ, что имъ приходится оторваться и бросить только что начатое дѣло, оставить его на произволъ ихъ враговъ, они все-таки рѣшились ѣхать въ Римъ. Кромѣ того, безпрестанныя и далекія путешествія были очень вредны для здоровья св. Кирилла, который и безъ

нихъ былъ страшно истомленъ непрерывными научными и проповѣдническими трудами. Путь ихъ лежалъ на югъ: имъ нужно было ѣхать чрезъ Паннонію и Венецію, т.-е. все чрезъ мѣста, густо населенныя Славянами. Отчасти это послужило и къ пользѣ для дѣла просвѣщенія Славянъ.

Въ Панноніи св. братьевъ радостно привѣтствовалъ князь Коцель. Узнавъ о новой славянской грамотѣ и славянскихъ книгахъ, онъ такъ обрадовался имъ, что выучился грамотѣ самъ и далъ св. братьямъ для обученія пятьдесятъ учениковъ. Въ знакъ своей глубокой любви и уваженія онъ самъ проводилъ ихъ до границы своихъ владѣній и предлагалъ имъ, прощаясь, богатые дары. По своему обычаю св. братья отказались отъ золота и серебра и просили его отпустить на свободу плѣнныхъ. По ихъ просьбѣ Ростиславъ и Коцель дали волю до девятисотъ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ, томившимся у нихъ въ плѣну, вдали отъ отечества въ разлукѣ съ женами и дѣтьми.

Послѣ этого св. братья прибыли въ Венецію, богатый и славный городъ, гдѣ было много римскихъ священниковъ и монаховъ. Они налетѣли на св. Кирилла, какъ «враны на сокола», и опять съ своею старою выдумкой—съ триязычною ересью. Обступивъ св. Кирилла со всѣхъ сторонъ, они кричали: «Скажи намъ, какъ ты нынѣ сотворилъ Славянамъ книги и учишь по нимъ, когда никто ихъ раньше не изобрѣлъ,—ни апостолы, ни римскій папа, ни Григорій Двоесловъ, ни Иеронимъ, ни Августинъ, ни другіе св. отцы. Мы знаемъ только три языка, которыми достоинъ въ книгахъ славить Бога: еврейскій, греческій и латинскій». Св. Кириллъ отвѣчалъ: «Развѣ не посылаетъ Господь свой благодатный дождь равно на все? Развѣ солнце не всѣмъ одинаково сіяетъ? Развѣ не вдыхаемъ мы всѣ одинъ и тотъ же воздухъ? Какъ же вы не стыдитесь стоять только за эти три языка, а прочимъ народамъ и племенамъ какъбы велите быть слѣпыми и глухими? Скажите: значить, по вашему, Богъ немощенъ, потому что Онъ будто не можетъ имъ этого дать? или, значить, Онъ завистливъ, потому что онъ будто не хочетъ имъ этого дать?—Неправда, мы знаемъ много народовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои книги и каждый возсылаетъ славу Богу на своемъ языкѣ. Это—Армяне, Персы, Готы и многіе другіе.

Если вамъ мало этихъ доказательствъ, возьмите книги. Давидъ говоритъ: «Воспойте Господеву пѣснь нову, воспойте Господеву, вся земля» (Пс. 95, 1). «Вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ, да поетъ же имени Твоему, Вышній» (Пс. 65, 4). Или Спаситель говоритъ: «Шедше убо научите вся языки» (Мѡ. 28, 19).—Но развѣ можно убѣдить тѣхъ, кто не хочетъ и знать объ истинѣ, спорить совѣмъ по другимъ принципамъ?

Оставивъ Венецію, св. братья направились къ Риму. Въ то время, какъ они были въ дорогѣ, въ Римѣ скончался папа Николай I, который вызвалъ ихъ изъ Морави. Его преемникомъ былъ избранъ Адрианъ II, который и встрѣтилъ св. братьевъ. Ко времени ихъ прибытія въ Римъ, отношенія между царьградскимъ патріархомъ и римскимъ папой сдѣлались болѣе миролюбивыми. Въ Царьградѣ вмѣсто умершаго императора Михаила уже былъ императоромъ Василій Македонянинъ, а вмѣсто удалившагося отъ дѣлъ патріарха Фотія—патріархъ Игнатій. Борьба, поднятая было горячимъ и заносчивымъ папой Николаемъ I, цѣлкомъ утихла. Благодаря этимъ переменамъ папа Адрианъ II оказалъ св. братьямъ ласковый и радушный пріемъ. Когда они были въ виду города Рима, самъ папа, окруженный многочисленнымъ духовенствомъ, въ богатыхъ и свѣтлыхъ облаченьяхъ, блиставшихъ золотомъ и серебромъ, вышелъ имъ на встрѣчу. Безчисленное множество народа, развѣвающіяся хоругви, зажженные свѣчи у всѣхъ въ рукахъ и радостные клики римскихъ гражданъ,—все привѣтствовало принесеніе мощей св. Климента, папы римскаго, которая несли съ собой Кириллъ и Меодій. Адрианъ II, благоговѣнно принявъ отъ нихъ св. мощи, снисходительно отнесся и къ славянскимъ книгамъ. Эти книги, освященные папой, были положены въ церкви св. Маріи; по нимъ были отправлены литургии въ различныхъ церквахъ города Рима. Казалось на первый взглядъ, что папа Адрианъ II, такъ благосклонно принявшій св. братьевъ, дѣйствовалъ въ духѣ высокой любви. Но имъ могли руководить здѣсь и соображенія о своей власти и выгодахъ. Съ одной стороны, онъ опасался обидѣть греческаго императора Василя и патріарха Игнатія, потому что добрыми отношеніями съ ними онъ дорожилъ для другихъ цѣлей: ему нужна была ихъ помощь. Съ другой стороны, онъ не менѣе также опасался, чтобы и славянскіе князья, Ростиславъ и Коцель

окончательно не отпали отъ него и не передались подъ власть царьградскаго патриарха: въ такомъ случаѣ онъ терялъ бы большое число своихъ духовныхъ дѣтей, не говоря уже объ умаленіи достоинства и блеска его папской власти. Но въ глубинѣ души мало сочувствуя св. братьямъ, Адрианъ II подъ разными предлогами задерживалъ ихъ въ Римѣ. Они скорбѣли, что у нихъ время уходитъ безъ всякой пользы и что ихъ духовныя дѣти — Славяне остаются безъ всякаго духовнаго руководства.

Св. Кириллъ, немощный ранѣе, началъ хворать въ Римѣ еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Болѣзнь подтачивала здоровье св. Кирилла медленно и безпощадно. И вотъ, почувствовавъ приближеніе своей кончины, онъ началъ пѣть исаломъ царя Давида: «Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ» (Пс. 121, 1). Въ тотъ день сердце его было полно тихимъ весельемъ и лице его дышало небесною радостью. Онъ спокойно и безтрепетно ожидалъ конца своей земной жизни. И прощаясь съ этимъ міромъ, онъ сказалъ: «Съ этихъ поръ я ни царю не слуга и никому иному на землѣ, а только Богу Вседержителю, какъ былъ, такъ емь и во вѣки». Утромъ на слѣдующій день онъ принялъ схиму и имя Кирилла, въ знакъ совершеннаго отреченія отъ міра. Братъ его св. Мефодій, и ученики стояли вокругъ, подавленные чувствомъ безвыходной скорби, взирая на него со слезами на глазахъ и внимательно слушая его послѣднія рѣчи. Прошло еще пятьдесятъ дней, и часъ смерти приблизился. Св. Кириллъ торопился передать своему брату желанія и мысли о православно-славянскомъ дѣлѣ. Со своего смертнаго ложа, чуть слышнымъ и слабымъ голосомъ, говорилъ онъ брату: «Братъ мой! съ тобою мы были, какъ пара воловъ, которое вспахиваютъ одну и ту же борозду, запряженные вмѣстѣ. И вотъ я падаю на бороздѣ, окончивъ день свой; а ты, я знаю, сильно любишь гору свою Олимпъ, но для нея не оставляй ученія своего среди Славянъ: этимъ ты вѣрнѣ спасешь душу». Затѣмъ онъ въ послѣдній разъ наставилъ своихъ учениковъ, какъ и что пужно дѣлать, молился объ умноженіи Церкви Христовой и объ утвержденіи вѣрующихъ въ единомысліи и православіи. Думая о Славянахъ и воздѣвая руки свои къ небу, онъ со слезами молился: «Господи Боже мой! Иже еси вся ангельскія чины и безплотныя составъ силы, послушай молитвы моея и вѣрное стадо

Свое сохрани, емуже мя бѣ приставилъ недостойнаго раба Твоего, избавляя отъ всякія поганскія злобы и отъ многорѣчиваго и хульнаго языка, глаголюща на Тя хулу, и погуби тріязычную ересь и возрасти церковь Свою множествомъ, и вся въ единомушіе совокупль, сотвори изрядны люди, единомысляща о истинной вѣрѣ Твоей и правомъ исповѣданіи. Вдохни же въ сердца ихъ слово Твоего ученія, Твой бо есть даръ. Аще ны еси пріялъ недостойныя на проповѣданіе имъ Евангелія Христа Твоего, острящася на добрыя дѣла и творяща угодная Тебѣ, еже мнѣ бѣ далъ, яко Твое и Тебѣ предаю я. Устрой я сильною Твоею десницею, покрый я кровомъ крилу Твоею, да вси хвалятъ и славятъ имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки».—Послѣ этого умирающій Кирилль, облобызавъ всѣхъ присутствующихъ, проговорилъ: «Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ пастъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сътъ ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ».—Среди глубокой тишины, подавленныхъ слезъ и вздоховъ, св. Кирилль отошелъ въ небесныя обители, гдѣ нѣтъ ни плача, ни горя, ни воздыханій. Это событіе случилось 14 февраля 869 года.

Пока все это совершалось въ Римѣ, славянскіе князья находились въ сильномъ безпокойствѣ за своихъ любимыхъ учителей и просвѣтителей. Они съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ возвращенія. Но ожиданія были пока напрасны. Ихъ мучить это; и вотъ наконецъ любовь, которую они питали къ св. братьямъ, побуждаетъ Коцела отправить въ Римъ пословъ, чтобѣ умолить папу и вернуть св. братьевъ къ себѣ. Адрианъ II былъ вынужденъ отпустить св. Меодія. вмѣстѣ съ нимъ онъ отправилъ отъ себя и посланіе къ славянскимъ князьямъ Ростиславу, Коцелу и Святополку. Желая прочнѣе установить свою власть надъ ними и, въ виду этой цѣли, желая яснѣе выставить свое расположеніе къ нимъ, папа писалъ Коцелу: «Не тебѣ одному, а всѣмъ странамъ славянскимъ посылаю учителя отъ Бога и св. Петра, перваго настоятника и ключедержца царства небеснаго». А всѣмъ князьямъ вмѣстѣ папа писалъ: «Адрианъ епископъ и рабъ Божій къ Ростиславу, Святополку и Коцелу. Слава въ вышнихъ Богу и на земліи миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе! Услышали мы то, чего мы такъ страстно желали и о чемъ молились вашего ради спасенія, именно, что Господь воздвигъ ваши сердца ис-

кать Его, и показалъ вамъ, что не только вѣрой, но и благими дѣлами прилично служить Ему. Ибо вѣра безъ дѣлъ мертва, и обманываются тѣ, которые мнятъ себя знающими Бога, а отвергають Его дѣлами. Не только у нашего святительскаго престола вы просили учителя, но и у благовѣрнаго царя Михаила. Онъ послалъ вамъ блаженнаго философа Константина (Кирилла) и брата, прежде чѣмъ мы успѣли послать кого-либо. Они же, узнавъ, что области ваши принадлежатъ Апостольскому престолу, не дѣлали ничего противнаго канонамъ, но пришли къ намъ съ мощами св. Климента. Мы рѣшили послать къ вамъ Меодія съ его учениками, чтобы онъ, переводя книги на вашъ языкъ, наставилъ васъ во всякомъ церковномъ обрядѣ и святомъ богослуженіи». Посылая Славянамъ такое ласковое письмо, папа въ то же время отправляетъ Меодія, равно какъ и учениковъ, только въ священническомъ санѣ; затѣмъ, хотя и позволяетъ совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, но требуетъ, чтобы на литургіи Апостоль и Евангеліе сначала читали на латинскомъ или греческомъ языкѣ, а потомъ уже на славянскомъ. Словомъ, на дѣлѣ папа старался уступить какъ можно менѣе.

Большая печаль наполнила сердца Славянъ, когда они узнали о кончинѣ св. Кирилла. Съ тѣмъ большею любовью и привѣтливостью они встрѣтили св. Меодія, на котораго пала вся тяжесть борьбы съ врагами славянской церкви. Исполняя завѣтъ брата, св. Меодій не ушелъ на свою любимую гору Олимпъ, но съ самоотверженіемъ взялъ на себя свой тяжкій крестъ и обрекъ себя на жизнь проповѣдника и продолжателя дѣла св. Кирилла, на жизнь страдальца и подвижника на пользу церкви славянской.

Вернувшись въ 870 году къ Славянамъ, св. Меодій избралъ для своего жительства Панновію, гдѣ княжилъ Коцель. Ростиславъ же, князь моравскій, въ это время былъ занятъ войной, которую онъ велъ съ нѣмецкимъ императоромъ Людовикомъ и которую съ помощью Божіею благополучно окончилъ въ 870 году, заключивъ съ нимъ миръ. Въ это время онъ находился на высотѣ своего могущества. Казалось, все благопріятствовало дѣлу св. Меодія; казалось, ничто не будетъ болѣе мѣшать и возмущать его спокойствіе и апостольское служеніе среди славянскихъ народовъ. По желанію князя Коцела онъ снова ѣздилъ въ

Римъ и былъ посвященъ въ 870 году въ санъ епископа Панноніи, такъ что онъ могъ самостоятельно править дѣлами славянской церкви. Дѣятельность его была обширна и благотворна. Онъ наставлялъ учениковъ и приготовлялъ служителей церкви, продолжалъ переводъ книгъ священнаго писанія, распространялъ ихъ во множествѣ списковъ, съ усѣхомъ боролся противъ еретиковъ и враговъ православнаго славянскаго дѣла и былъ защитникомъ истиннаго ученія объ исхожденіи Св. Духа, вопреки ученію Римской церкви утверждая, что Духъ Святой исходитъ не отъ Бога Отца и Бога Сына вмѣстѣ, а отъ одного только Бога Отца.

Въ скоромъ времени опять настали смуты. Князь Ростиславъ, этотъ замѣчательный славяпскій государь, который рапѣе не палъ отъ меча въ кровавыхъ битвахъ, погибъ теперь въ сѣтяхъ измѣны и предательства. Его вѣроломно схватилъ Святополкъ, его племянникъ, и отдалъ его въ руки Нѣмцевъ. Они, вырвавъ глаза у несчастнаго Ростислава, заточили его въ одинъ изъ нѣмецкихъ монастырей. Испытанія ждали и св. Меодія. Святополкъ, слабый умомъ и человѣкъ безнравственный, только и думавшій о себѣ и о своихъ выгодахъ, былъ прямою противоположностью своему дядѣ Ростиславу. Онъ не понималъ всей важности и всего величія того дѣла, которое совершалъ св. Меодій. Святополкъ предпочелъ нѣмецкое духовенство и отказалъ въ поддержкѣ св. Меодію. Враги его, на время было затихшіе, видя теперь, въ какомъ разстройствѣ находятся дѣла въ Моравіи вслѣдствіе паденія Ростислава, сразу ополчились на него съ новою силой. Нѣмецкіе епископы, присвоивая себѣ право управлять и паннонскою Церковью, не терпѣли совмѣстничества, тѣмъ болѣе, что св. Меодій былъ совсѣмъ имъ не сродни по духу. Архіепископъ зальдбургскій Адальвинъ, фрейзингенскій Ганночъ и пассавскій Ерменрихъ, по взаимномъ совѣщаніи, рѣшили схватить св. Меодія и сослать его въ нѣмецкую землю въ заточеніе. Они лишили его каѳедры, запретили священнослуженіе и заключили въ тюрьму. Въ ней они подвергали его различнымъ истязаніямъ и насиліямъ, били палками и подолгу держали на холодѣ и подъ дождемъ среди суровой зимы. Почти три года томился въ тяжкомъ тюремномъ заключеніи св. Меодій, какъ истинный страдалецъ и мученикъ. Нѣмецкіе епископы въ своемъ неистовствѣ не об-

ратили вниманія ни на его епископскій санъ, ни на его преклонныя лѣта. Напрасно св. Меодій просилъ отпустить его въ Римъ для жалобъ и суда у папы: его не пустили. Онъ жаловался чрезъ посланцевъ изъ своихъ преданныхъ учениковъ и чрезъ письма; но все жалобы очень долго, почти цѣлыхъ три года, не имѣли успѣха. Почти *три года* беззащитныхъ страданій, бесполезныхъ жалобъ и просьбъ со стороны св. страдальца! Папа стоялъ на сторонѣ Нѣмцевъ, на сторонѣ силы и былъ равнодушенъ къ православнои славянскои Церкви и ея архіепископу.

Во время этихъ страданій св. Меодія умеръ папа Адрианъ II и его преемникомъ былъ избранъ Іоаннъ VIII; этотъ папа наконецъ-то заступился за учителя и апостола славянскаго. Узнавъ о самовольномъ дѣяніи нѣмецкихъ архіепископовъ, Іоаннъ VIII былъ, повидимому, сильно раздраженъ. Защищая не только свои распоряженія, но и древнѣйшія свои права, папа запретилъ этимъ архіепископамъ священнодѣйствіе, если они не отпустятъ св. Меодія на свободу. Невинный страдалецъ былъ освобожденъ въ 874 году, а его противниковъ постигъ Божій судъ. Все они скоро и почти одновременно умерли.

Къ этому времени Святополкъ князь моравскій поразилъ Нѣмцевъ и сталъ править своимъ княжествомъ самостоятельно, по своей волѣ. И въ это время среди моравскихъ Славянъ можно было замѣтить особенное усиленіе ненависти и озлобленія противъ нѣмецкаго духовенства. Они силѣнѣе, чѣмъ когда-нибудь, почувствовали всю несправедливость тѣхъ усилій, съ какими старались удержать ихъ подъ своею властью нѣмецкіе епископы. Славяне выгнали ихъ всехъ изъ своихъ земель и вмѣсто ихъ рѣшили просить у папы возвратить имъ архіепископа и учителя, св. Меодія, освобожденнаго наконецъ изъ тюрьмы. Измѣнчивый и безпокойный Святополкъ, обманомъ и неправдой пріобрѣвшій себѣ власть, оказалъ св. Меодію свое особенное довѣріе: онъ поручилъ ему все управленіе моравскою Церковью. И съ этихъ поръ Божіе дѣло быстро растетъ, число славянскихъ священниковъ въ городахъ и селахъ увеличивается и язычники обращаются въ христіанство. А моравская земля стала шириться во все стороны и Славяне стали побѣждать своихъ враговъ — Нѣмцевъ.

Слава о св. Меодіи, какъ о святомъ и великомъ учителѣ, прослалась среди Славянъ въ ширь и даль ихъ зе-

мель: отъ Баваріи и до нынѣшней Россіи, отъ Моравіи и до Адриатическаго моря имя св. Меѳодія пользовалось славою и уваженіемъ. Но злоба и ненависть нѣмецкихъ епископовъ не оставляли св. Меѳодія среди его благотворныхъ трудовъ. Они задумали возстановить папу противъ него, сдѣлать такъ, чтобы запретить ему славянское богослуженіе. Для этого они постарались представить папѣ дѣло св. Меѳодія такъ, что какъ будто онъ не желаетъ находиться въ зависимости отъ римской церкви и потому распространяетъ славянское богослуженіе. Папа Іоаннъ VIII повѣрилъ этой клеветѣ и рѣшилъ запретить славянское богослуженіе, а св. Меѳодія вызвать въ Римъ, чтобы испытать его правотѣ. «Слышали мы, писалъ Іоаннъ VIII Меѳодію въ 879 году,—что ты поешь литургію на варварскомъ (т.-е. славянскомъ) языкѣ, и потому запретили тебѣ грамотой нашею торжественно совершать св. службу на этомъ языкѣ; можешь совершать ее только на языкѣ латинскомъ или греческомъ, какъ дѣлаетъ Церковь Божія, разсѣянная по всему міру, во всѣхъ народахъ; на языкѣ же славянскомъ тебѣ дозволяется только проповѣдовать или бесѣдовать къ народу». Папа писалъ рѣзко, смѣло и рѣшительно. Въ то же время онъ отправляетъ посланіе и къ Святополку, гдѣ говоритъ, что вызываетъ св. Меѳодія въ Римъ, чтобы испытать его: такъ ли онъ вѣруетъ и учитъ, какъ обѣщаль апостольскому престолу. Меѳодій въ третій разъ въ 880 году совершилъ путешествіе въ Римъ. Папа увидѣлъ, что этотъ смиренный старецъ, апостоль Христовъ среди Славянъ, не имѣетъ въ виду нанести ущерба его власти и его корыстнымъ стремленіямъ, а въ его правотѣ убѣдился, когда св. Меѳодій предъ соборомъ римскихъ епископовъ исповѣдалъ православный Символь вѣры. Тогда Іоаннъ VIII измѣнилъ свой взглядъ на дѣло св. Меѳодія и измѣнилъ свои чувства къ нему. Съ почетомъ и уваженіемъ отпустивъ св. Меѳодія въ Моравію, папа разрѣшилъ славянское богослуженіе и одобрилъ славянскую грамоту. «Мы одобряемъ, писалъ онъ князю Святополку,—письмена славянскія, изобрѣтенныя «какимъ-то» философомъ Константиномъ (съ такимъ мнимымъ незнаніемъ папа говоритъ о св. Кириллѣ!), которыми возглашается подобающимъ образомъ хвала Богу, и повелѣваемъ на этомъ языкѣ прославлять и возвѣщать дѣянія Господа нашего Иисуса Христа, потому что не только тремя, но и всѣми язы-

камъ восхвалять Бога побуждаетъ насъ ученіе священнаго писанія. Поэтому нисколько не противно истинной вѣрѣ и ученію совершать на этомъ же языкѣ литургію, читать Евангеліе и весь Ветхій и Новый Завѣтъ, прекрасно переведенный и истолкованный, и всѣ прочія службы пѣть на этомъ языкѣ, потому что Тотъже Господь, Который создалъ главные три языка: еврейскій, греческій и латинскій,—создалъ и всѣ прочія языки во славу свою и похвалу». Разрѣшая такимъ образомъ славянскій языкъ въ церковной службѣ, запрещенный только годъ тому назадъ, папа въ томъже письмѣ пишетъ дальше: «Повелѣваемъ; впрочемъ, чтобы во всѣхъ церквахъ земли твоей, ради большаго величія, Евангеліе читалось сперва по-латыни, а потомъ во услышаніе народу, не понимающему латинскаго языка, по-славянски, какъ то бываетъ, кажется въ нѣкоторыхъ церквахъ. Если же тебѣ угодно,—и это болѣе согласуется съ твоими сужденіями,—слушать литургію на латинскомъ языкѣ, то мы приказываемъ для тебя совершать литургію на латинскомъ языкѣ». Изъ послѣднихъ словъ видно, что папа все-таки болѣе предпочиталъ и навязывалъ латинскій языкъ, а славянскій разрѣшалъ только въ силу необходимости и неохотно.

Такимъ образомъ гоненіе, воздвигнутое на св. Меѳодія мѣмецкими епископами, въ этомъ случаѣ пока не удалось. Но они постарались поссорить св. Меѳодія съ Святополкомъ, и этого легко достигли. Слабый характеромъ, безнравственный, жившій въ христіанствѣ, какъ язычникъ, недалекій умомъ, князь Святополкъ подвергался частымъ нареканіямъ и упрекамъ со стороны Меѳодія. Нѣмецкіе же епископы поблажали гнуснымъ и низкимъ прихотямъ князя и на его грѣхи смотрѣли сквозь пальцы. Святополкъ скорѣе конечно могъ сойтись съ ними, чѣмъ съ св. Меѳодіемъ, человѣкомъ строгимъ, добродѣтельнымъ и прямымъ. Между нѣмецкимъ духовенствомъ нашелся ловкій и хитрый священникъ, по имени Викингъ, который пришелся по сердцу Святополку,—и онъ былъ назначенъ папой, по просьбѣ князя, епископомъ нитранскимъ и данъ св. Меѳодію въ помощники. Но онъ не помогалъ ему, а только мѣшалъ и разстроивалъ его святое дѣло. Это только и было нужно нѣмецкому духовенству. Викингъ дѣлалъ все, что было можно, въ пользу нѣмцевъ и намѣренно вносилъ страшный безпорядокъ въ дѣла Церкви. Его безо-

вѣстныя и безстыдныя дѣйствія до того разгнѣвали св. Меодія, что онъ предалъ его анаемѣ и принесъ на него въ 880 году жалобу папѣ. Но папа, соблюдая свои собственные выгоды, не обратилъ никакого вниманія на жалобу Меодія. Онъ ограничился только тѣмъ, что старался успокоить Меодія разными похвалами и благопожеланіями. Но для нѣмецкаго духовенства этого было мало. Ихъ цѣль была—изгнать св. Меодія и вмѣстѣ съ нимъ уничтожить и истребить въ конецъ славянскую грамоту и то великое дѣло христіанскаго просвѣщенія Славянъ въ духѣ православної Церкви, о которомъ неустанно заботился св. Меодій.

Нѣмецкое духовенство распустило въ народѣ молву, что на св. Меодія сильно гнѣвается царь византійскій Василій: будто онъ такъ раздраженъ противъ св. Меодія, что предастъ его смерти, если ему удастся его схватить. Все это была недобросовѣстная ложь. Св. Меодій, дѣйствительно, получилъ изъ Царьграда письмо отъ императора, въ которомъ выражалась только одна благосклонность. Это была пригласительная грамота. «Человѣкъ Божій, писалъ императоръ Василій,—весьма желаю видѣть тебя. Сотвори доброе дѣло: потрудишься придти къ намъ, чтобы я еще разъ увидѣлъ тебя и принялъ твою молитву». Въ 881 году св. Меодій отправился въ Царьградъ, гдѣ и былъ принятъ съ великою честью. Здѣсь его встрѣтилъ патріархъ Фотій, тотъ самый, который напутствовалъ его съ братомъ Кирилломъ своимъ благословеніемъ, когда они отправлялись на проповѣдь къ Славянамъ въ Моравію, и который теперь показалъ къ нему свою любовь и искреннее сочувствіе. Такъ же отнесся къ нему и императоръ Василій. Это обрадовало и ободрило св. Меодія, который вскорѣ послѣ этого и поспѣшилъ вернуться въ Моравію. Но грозныя тучи мало-по-малу собирались надъ его головой, надъ славянскою Церковью и надъ самими моравскими Славянами.

Предчувствуя новыя испытанія для Славянъ, а также приближеніе своихъ послѣднихъ дней, онъ спѣшилъ утвердить и укрѣпить свое святое и великое дѣло какъ можно прочиѣе. Для этого необходимо было перевести на славянскій языкъ тѣ священныя книги, которыя еще не были переведены, и размножить какъ можно въ большемъ числѣ списковъ уже переведенныя. Этимъ онъ и занялся при

помощи двухъ учениковъ своихъ, пресвитеровъ - скорописцевъ. Эта работа, продолжавшаяся въ теченіи шести мѣсяцевъ, шла очень успѣшно. 26 октября св. Меодій торжественно съ учениками своими совершилъ Божию службу и возблагодарилъ Господа и св. великомученика Димитрія Солунскаго, котораго особенно чтили св. братья, за успѣшное окончаніе трудовъ своихъ. Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ св. Меодія было освященіе храма св. Петра и Павла въ Бернѣ 29 іюня 884 года.

Ученики св. Меодія и самъ онъ, окруженные врагами, съ сильною тревогою смотрѣли въ будущее. Они видѣли слабость и близкую кончину своего любимаго учителя. Безпокоясь о томъ, что будетъ послѣ его смерти, и желая знать его послѣднюю волю, они спрашивали св. Меодія: «Кого избираешь ты, отецъ и учитель нашъ, настольникомъ твоей кафедры по тебѣ и продолжателемъ твоего ученія?» Св. Меодій указалъ на Горазда. «Гораздъ, сказалъ св. Меодій,—мораванинъ. Онъ проповѣдникъ и хорошо знаетъ латинскія книги. Буди надъ нимъ воля Божія и ваша любовь съ нимъ, какъ и моя!».

Въ Вербиное воскресенье 885 года св. Меодій вышелъ въ послѣдній разъ въ церковь и, уже будучи больнымъ, бесѣдовалъ съ своей любимой, внимательной паствою, которая со слезами на глазахъ глядѣла на своего великаго учителя и съ глубокой печалью слушала его послѣднюю рѣчь. «Возлюбленные дѣти мои, говорилъ онъ, вы знаете, какъ сильны еретики въ злобѣ; вы знаете, какъ они, искажая Слово Божіе, стараются напоить ближнихъ ученіемъ ложнымъ, нечистымъ; вы знаете тѣ средства, которыя они употребляютъ—убѣжденіе для неувѣдущихъ, жестокость для боязливыхъ. Я же надѣюсь на васъ и молюсь за васъ; молюсь, да устоите противъ тѣхъ средствъ; надѣюсь, что, утвержденные на камнѣ апостольскаго ученія, на которомъ основана и сама Церковь, вы не увлечетесь убѣдительностію ихъ словъ, не соблазнитесь лестію, не отступите передъ страхомъ жестокости; вспомните слова Писанія: «Не убійтея отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить» (Мат. 10, 28). Я говорю и предваряю васъ,—и вы такимъ образомъ становитесь отвѣтственными за грѣхъ, о которомъ вы были упреждены. Я не повиненъ болѣе въ вашей крови; я не молчалъ изъ страха; я всегда бодрствовалъ на стражѣ, и теперь говорю вамъ, будьте осторож-

ны; охраняйте сердца ваши и братій ваших; вы будете ходить среди козней. Дни мои сочтены; послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, которые будутъ стараться соблазнить народъ; но вы тѣмъ противустойте, будьте тверды въ вѣрѣ: это завѣщааетъ вамъ св. апостолъ Павелъ устами моими. Всемогущій Богъ Отецъ, и отъ Него предвѣчно рожденный Сынъ и Св. Духъ, *отъ Отца исходящій*, да научатъ васъ всякой истинѣ и да сохранятьъ васъ непорочными». Таково было послѣднее слово св. Меѳодія къ своей паствѣ: онъ убѣждалъ ее твердо держаться ученія православной Церкви, которое еще при жизни его и затѣмъ по смерти старались испровергнуть враги-еретѣки и хулители православія.

Во вторникъ на страстной недѣлѣ, 6 апрѣля 885 г. св. Меѳодій предалъ душу свою въ руки Божіи. Ученики совершили надъ нимъ торжественно обрядъ отпѣванія на трехъ языкахъ: славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, и среди плача и скорби народа положили гробъ съ его тѣломъ въ соборной велеградской церкви Пресвятой Богородицы. Такимъ образомъ Господь взялъ въ свои небесныя обители и другаго праведника, друга и апостола Славянъ, св. Меѳодія. Послѣ его смерти еще сильнѣе, чѣмъ при его жизни, разразились испытанія надъ его славянскою паствою.

Въ годъ смерти Меѳодія на папскомъ престолѣ явился папа Стефанъ VI, непримиримый врагъ всего Славянства. Онъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ запретилъ церковную службу на славянскомъ языкѣ. Въ своемъ посланіи къ Святополку папа Стефанъ VI превозноситъ до небесъ Викинга, врага св. Меѳодія, говорить, что св. Меѳодій былъ преданъ суевѣрью, потому что великій учитель Славянъ боролся противъ еретиковъ; что онъ клятвопреступникъ, такъ какъ предъ мощами св. Петра онъ будто бы далъ клятву папѣ Іоанну VIII—не служить на славянскомъ языкѣ; въ концѣ концовъ папа предаетъ св. Меѳодія анаемѣ и предписываетъ изгнать изъ предѣловъ Моравіи всѣхъ, кто воспротивится запрещенію славянскаго богослуженія. Въ это же время Стефанъ VI шлетъ къ Святополку пословъ и даетъ имъ письменное наставленіе, какъ вести себя въ Моравіи. Въ немъ онъ повторяетъ то же, что писалъ Святополку; кромѣ того, приказываетъ, чтобы

послы, именемъ папы, запретили Горазду, архіепископу моравскому, отправлять епископскія обязанности, такъ какъ, по мнѣнію папы, онъ былъ незаконно поставленъ св. Меодіемъ.

Какое же дѣйствіе оказали эти папскія посланія и папскіе послы? Чего же добивался папа и чего достигъ черезъ нихъ?—Онъ уничтожилъ православно-славянскую церковь моравскую, предавъ анаемѣ и оклеветавъ великаго основателя ея и перваго архіепископа очень скоро послѣ его смерти, какъ лжеучителя и клятвопреступника. Слабый Святополкъ перешелъ на сторону папы и нѣмецкаго духовенства. Архіепископъ моравскій Гораздъ, по происхожденію своему Славянинъ, одинъ изъ лучшихъ и преданнѣйшихъ учениковъ св. Меодія, былъ свергнутъ. Викингъ, непримиримый врагъ Славянства, сдѣлался моравскимъ архіепископомъ. Нѣмецкое духовенство торжествовало. Оно начало гнать и преслѣдовать учениковъ, которыхъ оставилъ послѣ себя св. Меодій. Среди этихъ учениковъ первый, по обширности своихъ знаній и по образованію, былъ Гораздъ. За нимъ стоялъ Климентъ, мужъ краснорѣчивый и ученый, затѣмъ Наумъ, Ангеларій, Лаврентій и Савва. Они продолжали бороться съ Викингомъ, защищая дѣло просвѣщенія Славянъ, родной языкъ въ церковномъ богослуженіи и православное ученіе. Но борьба была имъ не подъ силу. Самъ князь и теперь былъ противъ нихъ; Нѣмцы принуждали принять ихъ еретическое ученіе. Славяне защищали вѣру истинную, возвѣщенную имъ св. Меодіемъ; одни готовы были все сдѣлать, другіе—все претерпѣть; иныхъ мучили безчеловѣчно, у другихъ расхищали имущество, иныхъ нагими волочили по терновнику и притомъ людей престарѣлыхъ. Всѣхъ же учениковъ св. Меодія было не мало, ибо считалось до двухъ сотъ однихъ только служителей алтаря. Самыхъ главныхъ изъ нихъ: Горазда, Климента, Наума, Ангеларія, Лаврентія и Савву враги хватаютъ, заковываютъ въ желѣзныя цѣпи и заключаютъ въ тюрьму, гдѣ морятъ ихъ голодомъ и лишаютъ всякаго утѣшенія, ибо ни родные, ни знакомые не смѣли ихъ навѣщать. Получивши отъ князя позволеніе поступать, какъ они хотятъ, они выводятъ ихъ изъ тюрьмы, истязуютъ ударами, не давая пощады ни сѣдинамъ, ни слабости, отъ которой св. страдальцы изнемогали. Научившись отъ своего учителя стойкости и твердости въ вѣрѣ, они гото-

вы были все терпѣть, лишь бы только не отступить и не измѣнить свосму великому дѣлу и завѣту св. Меодія. Такъ какъ нѣмецкое духовенство было не въ состояніи заставить ихъ вѣрить и учить по своему, то оно и прибѣгло къ послѣдней мѣрѣ, на которую указывалъ папа Стефанъ VI: оно рѣшило изгнать ихъ изъ предѣловъ Моравіи.

Такъ, нѣмецкое духовенство добилось съ благословенія папы Стефана VI того, чего желало. Дѣло святыхъ Кирилла и Меодія въ Моравіи и Панноніи погибало. Западные Славяне подчпились латинно-нѣмецкому духовенству, при чемъ они лишились роднаго языка въ богослуженіи и отдѣлились отъ другихъ Славянъ: Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, которые сохранили православно-славянское дѣло св. братьевъ. Изгоняя учениковъ св. Кирилла и Меодія изъ предѣловъ Моравіи, нѣмецкое духовенство отдало ихъ войнамъ отвести въ разныя мѣста, прилегающія къ Дунаю, и обрекло ихъ на вѣчное изгнаніе. Войны, люди грубые, взявши ихъ, выводятъ изъ города и потомъ, снявши съ нихъ одежды, влекутъ ихъ нагимъ. Они мучили и всячески издѣвались надъ ними. Они даже прикладывали къ ихъ шеямъ свои мечи, какъбы желая поразить ихъ, и ударяли въ бока копьями, какъбы готовясь вонзить въ нихъ острія. Спустя нѣкоторое время войны оставили св. страдалцевъ на дорогѣ и вернулись домой; а блаженные славянскіе мученики устремились въ Болгарію, надѣясь къ этой странѣ, тоже населенной Славянами, найти наконецъ себѣ покой и свободно распространять ученіе православной Христовой Церкви. Пробираясь по тайнымъ дорогамъ, стараясь не попадаться на глаза людямъ, терпя лишенія въ пищѣ и одеждѣ, они шли туда объятые страхомъ и ужасомъ и, чтобы удобнѣе скрыться отъ враговъ, раздѣлились и разсѣялись въ разныя стороны. Господь, видимо, направлялъ все это къ тому, чтобы славянскіе проповѣдники озарили свѣтомъ евангельской проповѣди какъ можно больше земель и странъ славянскихъ.

Климентъ, Наумъ и Ангеларій, достигнувъ Дуная и прибывъ въ Бѣлградъ, рассказываютъ все, что случилось съ ними, правителю города Боритикапу. По совѣту его они отправляются къ Борису, князю болгарскому, такъ какъ Борисъ жаждалъ имѣть у себя такихъ людей, какъ они. Прибывъ къ Борису, они рассказываютъ ему о своихъ страданіяхъ въ Моравіи, бесѣдуютъ съ нимъ о раз-

ныхъ Божественныхъ предметахъ, повѣствуютъ о житіяхъ святыхъ. Князь благодарить отъ всей души Бога, посылающаго ему такихъ людей. Онъ ихъ утѣшилъ, обласкалъ и успокоилъ. И здѣсь-то сѣмя Божіе, брошенное среди малой горсти людей изъ великаго славянскаго племени, выросло и окрѣпло. Болгарское царство въ то время было сильно и обширно. Дѣло св. братьевъ здѣсь развилось до такой степени, что уже ничто не могло его уничтожить. Здѣсь явились книжные, ученые люди, явились новыя славянскія книги, явилось просвѣщеніе. Отсюда и къ намъ въ Россію пришли эти книги въ 988 году, когда крестился святой князь Владиміръ Равноапостольный, а вмѣстѣ съ нимъ и русскій народъ. И до сихъ поръ въ нашихъ церквахъ звучитъ тотъ славянскій языкъ, на которомъ говорили и писали св. братья, и до сихъ поръ тотъ, кто учится грамотѣ по Псалтири и Часослову, учится непосредственно какъбы у самихъ свв. Кирилла и Меодія, просвѣтителей и апостоловъ Славянъ.

Такимъ образомъ дѣло, совершенное св. Кирилломъ и Меодиємъ, коснулось всѣхъ Славянъ: Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ съ Черногорцами и Хорватовъ, Словинцевъ, Словаковъ, Чеховъ съ Мораванами, Поляковъ и Сербовъ-Лужичанъ. Славянскіе просвѣтители дали намъ Славянамъ азбуку. Благодаря ей явилось у насъ на родномъ языкѣ слово евангельское и вообще Богослуженіе. Если явилось Слово Божіе и Богослуженіе на славянскомъ языкѣ, то долженъ былъ явиться и священникъ-славянинъ, слѣдовательно, должно было явиться у Славянъ свое народное духовенство. Дѣйствительно, первымъ дѣломъ св. братьевъ было приготовить изъ своихъ учениковъ разумныхъ служителей Церкви. Такъ какъ для этого нужны были училища, то св. благовѣстники и основывали ихъ тамъ, гдѣ они трудились. Изъ училищъ выходили не только священники, но и просто образованные и грамотные люди. Всѣ они работали на пользу новооснованной Церкви славянской.

Мы чувствуемъ великую любовь къ св. славянскимъ просвѣтителямъ, Кириллу и Меодию; мы благодаримъ и прославляемъ ихъ память потому, что они самоотверженно и безкорыстно послужили намъ, а прежде всего нашимъ предкамъ—Славянамъ, которыхъ они воззвали къ свѣту и истинѣ, къ добру и правдѣ, и открыли имъ и намъ пути ко спасенію. Они удовлетворили насъ, насытили алкавшихъ

и напоили жаждавшихъ правды. Поэтому мы торжественно и празднуемъ ихъ свѣтлую память, вкупѣ со всѣмъ славянскимъ міромъ, который въ этотъ многознаменательный день, день тысячелѣтія со времени блаженной кончины св. Меодія, соединяется весь воедино, сливаясь въ одномъ радостномъ и свѣтломъ воспоминаніи о великихъ своихъ апостолахъ и просвѣтителяхъ, св. Кириллѣ и Меодіи. Правда, не всѣ славянскія племена сохранили завѣщанное намъ нашими первоучителями наслѣдіе православно-славянскаго богослуженія: только Русскіе, Болгаре и Сербы съ Черногорцами остались вѣрными завѣту своихъ первоучителей, остались православными; другіе же (какъ напр. Хорваты, Словинцы, Чехи съ Мораванами, Словаки, Сербы-Лужичане и Поляки), подъ напоромъ вражескихъ силъ и нападеній, подчинились церкви латинской, сдѣлались папистами. Но многіе изъ нихъ боролись противъ враговъ православія и отстаивали вѣру своихъ первоучителей св. Кирилла и Меодія; если они и отступили отъ православія, сдѣлались папистами, то отчасти по своимъ вольнымъ и невольнымъ грѣхамъ, о прощеніи которыхъ мы—православные вмѣстѣ съ отпадшими отъ православія своими братьями-Славянами и вознесемъ теплыя молитвы къ Господу Богу, да предстательствомъ святыхъ нашихъ просвѣтителей Кирилла и Меодія утвердитъ всѣхъ насъ въ православіи и единомысліи, даруетъ намъ миръ и спасетъ души наши!

Яко Апостоломъ единокравнѣи и словенскихъ странъ учителе, Кирилле и Меодіе Богомудри, Владыку всѣхъ молити, вся языки словенскія утвердити въ православіи и единомысліи, умирити миръ, и спасти души наша (Тропарь, гласъ 4).

Священную двоицу просвѣтителей нашихъ почитимъ, Божественныхъ писаній преложеніемъ источникъ Богопознанія намъ источившихъ, изъ негоже даже доднесь неоскудно почерпающе, ублажаемъ васъ, Кирилле и Меодіе, престолу Вышняго предстоящихъ и тепль молящихся о душахъ нашихъ (Ковдакъ, гласъ 3).

Аминь.

ПѢСНЬ КАНОНА

ПРЕПОДОБНЫМЪ КИРИЛЛУ И МЕӨОДИЮ,

составленная митрополитомъ московскимъ Филаретомъ *).

И Р М О С Ъ.

Спасителю Богу, путемъ новымъ и дивнымъ изъ тмы Египетскія люди Своя изведшему и свѣтомъ Своего Богописаннаго закона просвѣтившему, поимъ Ему, яко прославися.

Т Р О П А Р И:

Богомудрии учителіе, святителіе Кирилле и Меөодіе, отъ облагодатствованнаго разумѣнія вашего низпослите лучъ свѣта несвѣтлomu моему разуму, о васъ любомудрствующему.

Богъ, Емуже вѣдома суть отъ вѣка вся дѣла Его, еще во отрочествѣ твоемъ, Богомудре Кирилле, назнамена тя быти премудрости Его любителя и служителя, показавъ тебѣ во снѣ обрученіе твое съ дѣвою Софією. Софія бо толкуется премудрость.

Изхудожествовавъ писмена словенская, премудре Кирилле, абіе книги Божественныя, святыя и молитвенныя тѣми написалъ еси, и предаль еси людемъ. Моли Христа, Божію Премудрость, да сынове Россійстїи, книжнаго ученія вожделѣвше, не прелагаются въ наученія странна и различна, но словомъ Божїимъ и ученїемъ Святыхъ да просвѣщаютъ разумы своя, и благодатїю да утверждаютъ сердца своя.

*) Первоначально напечатана, по желанію автора, въ майской кн. Душен. Чтенія 1863 года. Весьма благовременно вновь воспроизвести здѣсь это образцовое твореніе великаго святителя въ честь славянскихъ первоучителей. *Ред.*

Исполнися тысяща лѣтъ, отнелѣже истина Хрїстова и Евангельскій духъ жизни вниде въ слово и писма словенское, твоимъ, Богомудре Кирилле, служеніемъ, и даже донынѣ спасительнымъ Боговѣдѣніемъ просвѣщаетъ Словенскія и Россійскія люди. О семъ радующеся, и Хрїста Свѣтодавца славяще, и твое, Преподобне, благодѣяніе благодарнѣ исповѣдуемъ. Ты же споспѣшествуй намъ твоими молитвами, яко да и безлѣтныя блаженныя жизни достигнемъ православною вѣрою и заповѣдей Хрїстовыхъ исполненіемъ.

Благая Мати благаго Царя и праведнаго Судии, дарующаго царствіе Божіе языку, творящему плоды его, и отъемлющаго отъ педостойныхъ, милостива сотвори Его намъ Твсимъ предстательствомъ, да неотъиметь отъ насъ царствія Своего, яко не принесшихъ Ему плодовъ благочестія, правды, воздержанія, братолюбія, но да обратитъ насъ къ покаянію и исправленію, и соблюдетъ насъ въ чинѣ сыновъ царствія Своего.

ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНІЕ.

Слово предъ отпѣваніемъ протоіерея Іоанна Михеевича Борзецовскаго ^{а)}.

Внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы (блюстителями) пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею (Дѣян. 20, 28).

Въ сихъ словахъ содержится наставленіе ап. Павла ефесскимъ пресвитерамъ, которое онъ устно преподаль имъ во время третьяго своего благовѣстническаго путешествія на обратномъ пути въ Іерусалимъ. Оно относится и ко всѣмъ пресвитерамъ, хотя сказано только нѣкоторымъ.

Внимайте себѣ. Это значитъ: строго слѣдите, пресвитеры, за личнымъ вашимъ поведеніемъ, внимательно прислушивайтесь къ голосу своей совѣсти, заботьтесь не о томъ только, чтобы внѣшнее поведеніе ваше было неукоризненно, но чтобы помыслы, чувствованія и намѣренія ваши были чисты. Это обязательно для всякаго христіанина, наипаче же для пресвитера, который долженъ ревно-

а) Сказано 24 февраля, въ Іоанно-воиновской церкви на Якиманкѣ.

вать не о своемъ только спасеніи, но и о спасеніи вѣр-
реннѣхъ его попеченію душъ.—Само собой разумѣется, что
пресвитеръ истинно-благочестивый и добродѣтельный бла-
готворитѣ вліяетъ на другихъ, чѣмъ пресвитеръ, увлекаю-
щійся обычаями міра, не всегда согласными съ христіан-
скими требованіями. Какъ бы ни была велика ревность
послѣдняго о духовномъ преуспѣяніи другихъ, его вліяніе
ослабляется его примѣромъ. Усилія его, направленныя къ
уврачеванію другихъ, не достигаютъ успѣха при встрѣчѣ
съ неизбѣжнымъ упрекомъ: «врачу, исцѣлися самъ».

Внимайте себѣ и всему стаду. Какова должна быть рев-
ность пресвитера о спасеніи другихъ, видно изъ того, что
лица, на которыя простирается его попеченіе, называют-
ся стадомъ. Стало быть онъ долженъ вести себя въ отно-
шеніи къ нимъ такъ же, какъ свойственно поступать хоро-
шему пастырю безсловесныхъ животныхъ. У хорошаго па-
стыря овцы накормлены, напоены, безопасны отъ волковъ,
укрыты отъ зноя и отъ стужи. Подобно сему, и хорошій
пастырь духовныхъ овецъ съ неослабѣвающимъ усердіемъ
дѣлаетъ для нихъ все, что нужно для удовлетворенія ихъ
духовныхъ потребностей: души алчущія и жаждущія исти-
ны и правды онъ духовно питаетъ; души, находящіяся въ
опасности сдѣлаться добычей духовныхъ волковъ, прикрыва-
ющихся иногда овечьею кожей,—лжеучителей и соблаз-
нителей, оберегаетъ отъ нихъ; души, охлаждѣвающія въ вѣрѣ
и благочестіи, духовно согрѣваетъ; души, искушаемыя му-
чительными недоумѣніями и сомнѣніями, иссушаемыя зноемъ
скорбей, успокоиваетъ и утѣшаетъ. Какъ же именно онъ
помогаетъ своимъ духовнымъ овцамъ во всѣхъ этихъ ду-
ховныхъ нуждахъ ихъ? Словомъ здраваго ученія, вразум-
леніями, предостереженіями, духовными совѣтами, молит-
вой, любовью, паче же всего преподаваніемъ имъ благода-
ти таинствъ.

Видите, какъ много дѣла у духовнаго пастыря, сколько
трудоу и самоотверженія требуется отъ него въ его слу-

женіи спасенію вѣрннхъ ему душъ. Но за то какъ сильны и побужденія къ добросовѣстному прохожденію сего служенія! *Пасите стадо, въ немже васъ Духъ Святый постави блюстителами.* Какое высокое положеніе въ духовномъ стадѣ занимаютъ пастыри его! Они блюстители или руководители его, и притомъ поставленные не людьми, но чрезъ посредство людей самимъ Духомъ Святымъ. Благодать Св. Духа, потребная для ихъ служенія, сообщена имъ въ гашнствѣ рукоположенія. Но съ этимъ великимъ достоинствомъ соединена и великая отвѣтственность; на нихъ лежитъ долгъ чистою жизнью и усердіемъ къ исполненію пастырскихъ обязанностей возгрѣвать и возвращать въ себѣ даръ живущей въ нихъ благодати священства и употреблять его въ спасеніе другихъ. Горе имъ, если пренебрегутъ имъ! Имъ грозитъ участь раба, скрывшаго талантъ въ землю и осужденнаго во тьму кромѣшную.—Другое побужденіе къ усердному прохожденію пастырскаго служенія заключается для нихъ въ напомнаніи Апостола, что они призваны *пасты Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею.* Они должны помнить, что они не хозяева въ этой Церкви, а только приставники, съ которыхъ строго взыщется за невѣрность въ томъ дѣлѣ, къ которому они приставлены блюстителами. Должны помнить, что Церковь, къ служенію которой они призваны, есть драгоцѣннѣйшее достояніе Христа Господа, которое Онъ стяжалъ кровью Своею. Видите, какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорога душа каждаго христіанина, члена Церкви, если для искупленія ея и для обращенія въ достояніе Христова потребовалась такая безмѣрная цѣна, какъ пречистая кровь Единороднаго Сына Божія, изліянная на крестѣ! И эта, купленная столь дорогою цѣной, душа вѣряется попеченію пастыря церковнаго—пресвитера! Судите по сему, какая великая отвѣтственность на немъ лежитъ. Пренебрегая свой долгъ всячески споспѣшествовать спасенію души вѣрннхъ его попеченію и руководству, онъ пренебрегаетъ кровь Хри-

ста Спасителя. Спаситель не пожалѣлъ своей честной крови для ея искупленія, а нерадивый пастырь губить ее своимъ нерадѣньемъ и долженъ отвѣчать за ея погибель.

Отъ общихъ размышленій о высококомъ и многоотвѣтственномъ служеніи духовныхъ пастырей обратимся теперь къ новопреставленному пастырю, протоіерею Іоанну, гробъ котораго предъ собой зримъ. Спросимъ: какъ онъ исполнялъ заповѣдь Апостола — внимать себѣ и своему стаду? Цѣнилъ ли онъ величіе своего служенія? Старался ли подняться до той высоты, на которую указываетъ пастыремъ св. Апостоль? Мы не знаемъ всего, что нужно знать для удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Ограничимся краткимъ указаніемъ на то, что знаемъ отъ людей близкихъ къ почившему. Итакъ, что же мы можемъ сказать о его отношеніяхъ къ пасомымъ въ качествѣ учителя и руководителя ихъ, молитвенника и священнослужителя,—и о его личныхъ достоинствахъ.

Какъ учитель, онъ принадлежалъ къ разряду пастырей, которыхъ служеніе дѣлу спасенію ближнихъ состоитъ преимущественно въ личномъ руководствованіи ихъ. Подражая Пастырепачальнику Христу, спострадавшему нашимъ немощамъ, онъ принималъ живѣйшее, сердечное участіе въ духовномъ состояніи руководимыхъ имъ. Онъ тщательно изучалъ душевныя болѣзни ихъ, и умѣлъ врачевать ихъ соответствующими средствами. Онъ обладалъ въ преимущественной степени даромъ совѣта и очень хорошо зналъ, что нужно сказать каждому, прибѣгавшему къ его духовной помощи. Этимъ объясняется, что у него было множество духовныхъ дѣтей изъ всѣхъ сословій общества, особенно изъ высшаго.

Какъ молитвенникъ, онъ не только усердно, но благоуспѣшно молился за всѣхъ, нуждавшихся въ его молитвенной помощи. Намъ приходилось слышать о нѣкоторыхъ, можно сказать, чудодѣйственныхъ случаяхъ, свидѣтельствующихъ о силѣ его молитвы. Но успѣхъ своихъ

молитвъ онъ, по смиренію, приписывалъ не себѣ, а вѣрѣ тѣхъ лицъ, которыя обращались къ нему за молитвенною помощію. «Я грѣшнѣйшій человѣкъ, говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ,—но требующіе у меня молитвъ, вѣруютъ въ силу ихъ, и Господь даетъ имъ по ихъ вѣрѣ, а отнюдь не по моимъ заслугамъ».

Почившій пастырь помогалъ ближнимъ не только въ духовныхъ, но и въ тѣлесныхъ нуждахъ. Онъ благотворилъ многимъ личными своими средствами; но вмѣстѣ къ нему стекалось не мало пожертвованій со стороны лицъ, которыя желали служить ближнимъ благотвореніями, но затруднялись, не зная, кому и какъ ихъ оказывать. Они обращались къ посредничеству почившаго протоіерея, въ увѣренности, что онъ лучше всякаго знаетъ, кто въ чемъ нуждается, кому что и сколько дать,—и онъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ исполнялъ эти порученія: кого снабжалъ деньгами, кого вещами, и много слезъ онъ отеръ, многихъ избавилъ отъ нищеты и ея послѣдствій. Къ вещественному вспоможенію онъ всегда присовокуплялъ духовныя утѣшенія и совѣты. Это былъ самый разумный мпlostынераздаятель.

Добросовѣстно и плодотворно служа святой Церкви вообще, почившій пастырь былъ въ частности примѣрнымъ пастыремъ своей домашней церкви, примѣрнымъ воспитателемъ и руководителемъ своихъ чадъ по плоти. Онъ помнилъ завѣщаніе Апостола, что «пресвитеръ долженъ хорошо управлять своимъ домомъ, дѣтей своихъ содержать въ послушаніи со всякою честностію; ибо кто не умѣетъ управлять собственнымъ домомъ, тотъ будетъ ли пещись о Церкви Божіей?» (1 Тим. 3, 5). Почившему протоіерею, при помощи Божіей, удалось воспитать своихъ дѣтей въ страхъ Божіемъ, въ истинномъ благочестіи и въ любви къ святой Церкви, къ служенію которой онъ готовилъ ихъ. Во время обученія своихъ сыновей въ духовныхъ школахъ онъ не только неустанно руководилъ ихъ учебными заня-

тіями, но вмѣстѣ самъ учился, чтобы съ большею пользою передавать имъ то, что самъ усвоилъ трудомъ самообразованія. Онъ дождался счастья видѣть своихъ сыновей достойными священнослужителями и утѣшался ихъ плодотворными трудами на поприщахъ пастырскомъ, подвижническомъ, ученомъ и духовно-литературномъ ^{б)}.

Успѣхъ или благотворность его вліянія на пасомыхъ и руководимыхъ имъ въ значительной мѣрѣ объясняется силой его личнаго примѣра. Будучи примѣрнымъ пастыремъ, почившій протоіерей былъ вмѣстѣ примѣрнымъ христианиномъ, строгимъ исполнителемъ заповѣдей Евангелія и постановленій Церкви. «Кто сотворитъ и научитъ, тотъ, по слову Спасителя, великимъ наречется въ царствіи небесномъ» (Мат. 5, 19). Почившій пастырь своею ревностію о жизни, согласной съ его ученіемъ, заслужилъ, какъ намъ мнится, сію награду.

Въ заключеніе прославимъ, братія, Господа, воздвигающаго среди насъ подобныхъ достойныхъ служителей Церкви Его и чрезъ нихъ распространяющаго на землѣ свое царство, царство истины, правды, любви и всякаго добра, — и вмѣстѣ помолимся Пастырелачальнику-Христу, да помянетъ своего вѣрнаго служителя въ небесномъ царствіи, да причтетъ его къ лику избранныхъ пастырей, угодившихъ Ему святою ревностію къ исполненію пастырскаго долга,

б) Изъ четырехъ его сыновей старшій, магистръ М. Д. Академін (21-го курса), архимандритъ московскаго Андроникова монастыря и благочинный штатныхъ епархіальныхъ монастырей, извѣстенъ читателямъ „Душепол. Чтенія“ непрерывнымъ сотрудничествомъ въ этомъ изданіи. Кромѣ собираемыхъ имъ для „Душепол. Чтенія“ резолюцій, писемъ, докладовъ, мѣстной митр. Филарета, архимандритъ Григорій напечаталъ въ „Душепол. Чтенія“ немалое количество біографическихъ очерковъ и статей назидательнаго содержанія. Есть не мало его трудовъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Братья его іеромонахъ Серафимъ и священникъ Николай Воиновъ принадлежатъ также къ сотрудникамъ „Душепол. Чтенія“.

и за его пастырскую ревность, за его благотворное служеніе спасенію христіанскихъ душъ, да проститъ ему согрѣшенія, какія допущены имъ въ житіи и служеніи. Пастыри должны отвѣчать не за свои только личныя грѣхи, но и за грѣхи пасомыхъ, если не довольно бдительно слѣдили за ихъ нравственною жизнью, не всегда оберегали ихъ отъ грѣховныхъ искушеній. Не вниди, милосердый Господи, въ судъ съ рабомъ твоимъ, если по немощи въ чемъ провинился предъ Тобой. Аминь.

Прот. В. Нечасвг.

СУЕТА СУЕТЪ.

ПОУЧЕНІЕ ПРИ ГРОБѢ ПРИХОЖАНИНА а).

Суета суетъ и всяческая суета, сказалъ царь Соломонъ послѣ того, какъ убѣдился въ суетности или безуспѣшности попытокъ найти на землѣ полное счастье. Онъ убѣдился въ этомъ отчасти къ собственному опыту, отчасти на основаніи наблюденій надъ другими людьми. Такъ онъ убѣдился, что суетна надежда найти счастье въ обиліи земныхъ сокровищъ. Заботы о стяжаніи, умноженіи и сохраненіи ихъ только мучатъ человѣка и лишаютъ его мира и радости. Притомъ плоды трудовъ собирателя сокровищъ могутъ по смерти его достаться не трудившемуся и бессмысленно будутъ расточены. Мысль объ этомъ еще больше отвращаетъ удовольствіе обладанія богатствомъ. Суетна также надежда найти полное счастье въ земныхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. Соломонъ собственнымъ опытомъ извѣдалъ всякаго рода чувственныя удовольствія и развлеченія, ни въ чемъ не отказывалъ своимъ глазамъ и сердцу, удовлетворялъ беспрепятственно всѣмъ чувственнымъ своимъ прихотямъ, и кончилъ горькимъ самообличеніемъ: «смѣху я сказалъ: безумный! и веселью: что ты дѣлаешь?» (Еккл. 2, 2). Исчисляя виды суеты, Соломонъ не признаетъ условіемъ для счастья даже такое благороднѣйшее занятіе, какъ приобрѣтеніе мудрости, обогащеніе ума всякаго рода познаніями,—почему же? Потому, говоритъ онъ на основаніи собствен-

а) Купца Василя Ивановича Кузнецова.

наго опыта, что чѣмъ больше мудрости, тѣмъ больше горести, и кто приумножить вѣдѣніе, тотъ приумножить страданіе (— 1, 18). Горестъ и страданія испытываетъ мудрецъ вслѣдствіе сознанія, что количество его знаній ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чего онъ не знаетъ,—и это сознаніе не только не уменьшается, а возрастаетъ въ немъ по мѣрѣ расширенія его познаній.—Къ мысли о суетности мечтаній достигнуть на землѣ полного счастья приводитъ Соломона также зрѣлище всякаго рода неурядиць въ жизни человѣческой: одинаковая участь постигаетъ мудраго и глупаго. «Мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго; въ грядущіе дни все будетъ забыто, и уввы! мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ» (— 2, 14—16). «Праведникъ (преждевременно) гибнетъ въ праведности своей; нечестивый живетъ долго въ нечестіи своемъ» (— 7, 15). «Праведниковъ постигаетъ то, чего заслуживали бы дѣла нечестивыхъ, а съ нечестивыми бываетъ то, чего заслуживали бы дѣла праведниковъ» (— 8, 14). «Одна участь праведному и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертвы и не приносящему; какъ добродѣтельному, такъ и грѣшному; какъ клянущемуся (богобоязненному), такъ и боящемуся клятвы (невоздающему чести Богу призываніемъ имени Его)» (— 9, 2); т.-е. здоровье и болѣзнь, богатство и бѣдность, слава и униженіе, радости и скорби, жизнь и смерть—все это обще всѣмъ людямъ, безъ различія достойныхъ и недостойныхъ, добродѣтельныхъ и порочныхъ. «Не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда, не мудрымъ хлѣбъ и не у разумныхъ богатство, и не искуснымъ (опытнымъ врачамъ, художникамъ, учителямъ) благорасположеніе, но время и случай для всѣхъ ихъ» (— 9, 11). «Видѣлъ я всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ, и въ рукѣ угнетающихъ ихъ сила, а утѣшителя у нихъ нѣтъ» (— 4, 1). Грустно быть зрителемъ этихъ явленій, всегда происходившихъ и нынѣ повторяющихся; еще грустнѣе самому

терпѣть и страдать. Что же дѣлать? Есть люди рѣшительные, которые очень просто отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Возмутительныя явленія зла и житейскія невзгоды возбуждаютъ въ нихъ ненависть къ жизни. «Жить не стоить», говорятъ они себѣ и поканчиваютъ съ собой или немедленнымъ самоубійствомъ, или медленнымъ изможденіемъ себя посредствомъ разврата и пьянства. Другіе на это не рѣшаются, зато всю жизнь ропщутъ на Бога, на людей, недовольны всѣмъ и всѣми, или для поправленія своего житейскаго положенія прибѣгаютъ къ безчестнымъ средствамъ. Какъ же рѣшаетъ помянутый вопросъ самъ Соломонъ, къ какому выводу приходитъ онъ, признавая все на свѣтѣ суетой? Ненависть къ жизни, подъ вліяніемъ убѣжденія въ суетѣ всего на землѣ, не чужда была, повидимому, душѣ Соломона. «Возненавидѣлъ я жизнь, говоритъ онъ, потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, ибо все—суета и томленіе духа» (Екк. 2, 17). Но эту ненависть не надо понимать въ безусловно строгомъ смыслѣ, судя по дальнѣйшему теченію сужденій Соломоновыхъ. Размышленіе о суетѣ всего привело Соломона къ убѣжденію, что временная жизнь не стоитъ того, чтобы питать къ ней *пристрастіе* и видѣть въ ней конечную цѣль. Это-то отсутствіе *пристрастія* онъ называлъ ненавистью къ жизни, подобно тому, какъ І. Христосъ въ томъ же смыслѣ внушалъ своимъ послѣдователямъ «ненавидѣть свою душу» (Іоан. 12, 23), т.-е. быть готову положить душу свою за вѣру, безъ сожалѣнія разстаться съ временною жизнью, если того требуетъ слава Божія и благо ближнихъ. *Пристрастіе* къ временной жизни несовмѣстно съ долгомъ самоотверженія, требуемаго Христомъ отъ всѣхъ своихъ послѣдователей. Но оно же не благопріятствуетъ и временному, земному благосостоянію, потому что побуждаетъ человека къ мучительнымъ, не всегда притомъ одобряемымъ совѣстью, заботамъ о приобрѣтеніи и умноженіи средствъ къ жизни. Эти мучительныя заботы отравляютъ наслажденіе благами жизни, особенно если соединяются съ опасе-

ніемъ потерять ихъ. Какъ же въ такомъ случаѣ поступать, чтобы избѣжать пагубныхъ послѣдствій пристрастія къ временной жизни? Не нужно ли совсѣмъ отказаться отъ надежды найти что-нибудь пріятное въ жизни и примириться съ жизнью? Нѣтъ, не къ тому ведетъ рѣчь Соломонъ. Хотя и возненавидѣлъ онъ жизнь, т.-е. нашель ее не стоющею пристрастія, но съ другой стороны призналъ возможнымъ благодушно относиться къ этой жизни при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Недовольство жизнью, полною суеты, происходитъ отъ того, что мы слишкомъ много требуемъ отъ жизни. Полнаго счастья она дать не можетъ,—этого и требовать и ожидать отъ нея не слѣдуетъ; но если она можетъ дать намъ небольшую долю счастья, то и этого достаточно, чтобы съ веселіемъ пользоваться тѣмъ, что она даетъ, и наслаждаться плодами труда своего, не тревожа себя заботами о будущемъ (8, 22). Но это веселье должно быть умѣряемо памятью о зависимости нашей отъ Бога, ибо, говоритъ Соломонъ, «не во власти человѣка и то благо, чтобы ѣсть и пить и услаждать душу свою отъ труда своего. Я увидѣлъ, что и это отъ руки Божіей. Потому что кто можетъ ѣсть и кто можетъ наслаждаться безъ Него?» (2, 24—25). Теперь понятно, отчего люди, пристрастные къ земной жизни и ея благамъ, обманываются въ своихъ надеждахъ на земное счастье: вмѣсто того, чтобы смиренно ожидать по крайней мѣрѣ малой доли его отъ милости Божіей, они совсѣмъ забываютъ о Богѣ и мечтаютъ благоустроить свою жизнь одними собственными трудами. Понятно и то, отчего безуспѣшность трудовъ повергаетъ ихъ въ уныніе: забывая о Богѣ, они лишаютъ себя того утѣшенія въ житейскихъ невзгодахъ, какое могли бы найти въ преданности волѣ Божіей.—Зрѣлище неправдъ, обидъ и беззаконій не должно смущать насъ, потому что есть праведный Судія, который будетъ судить въ свое время праведнаго и неправеднаго (3, 17), и потребуетъ отвѣта отъ неправедныхъ судей (5, 7).—Печально видѣть одинаковую судьбу мудраго и глупаго; но мудрость все-же остается лучшимъ орудіемъ

противъ всякаго неустройства въ міръ (9, 13—18). Слова изъ усть мудраго — благодать, а уста глупаго губятъ его же (10, 12).—Въ заключительныхъ словахъ книги Соломона содержится сущность наставленій его относительно того, какъ должно поступать, чтобы благодушно взирать на суету всего. «Бога бойся и заповѣди Его храни, ибо въ этомъ все для человѣка, и Богъ всякое дѣло приведетъ на судъ и все тайное, хорошо ли оно, или худо» (12, 13—14). *Бога бойся.* Это значитъ: не смѣй роптать на Бога, не смѣй спорить съ Нимъ, сомнѣваться въ Его промышлении о мірѣ, полномъ суеты и зла. Страхомъ Божиимъ обуздавай склонность свою къ жалобамъ на Провидѣніе Божіе. *И заповѣди Его храни:* не тебѣ препираться съ Богомъ, Существомъ Премудрымъ и Праведнымъ; не твое дѣло указывать Ему, какъ лучше Ему слѣдовало бы управлять міромъ. Твое дѣло помнись, что ты рабъ Его, и непрекословно исполнять волю Его, жить по Его заповѣдямъ: *въ этомъ все для человѣка,*—въ этомъ главное условіе для снисканія Его благоволенія среди окружающей тебя суеты. Пусть тебѣ или другимъ плохо живетъ на свѣтѣ, хотя ты и другіе соблюдаете заповѣди Божіи, тогда какъ нечестивые и неправедные торжествуютъ; но знай, что *всякое дѣло приведетъ Богъ на судъ,* и на этомъ судѣ, неизбѣжномъ по смерти, каждому воздастъ по дѣламъ его, даже сокровеннымъ, и уже не будетъ тогда мѣста тѣмъ нестроеніямъ, какія смущаютъ тебя въ этомъ мірѣ суеты и зла.

На всѣ изложенныя нами общія размышленія о суетѣ всего на свѣтѣ навелъ насъ предстоящій гробъ. Новопре- ставленный рабъ Божій Василій Іоанновичъ испыталъ на себѣ горькую истину сказаннаго Соломономъ о суетѣ. Его житейскія дѣла были сначала въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ радовался своимъ успѣхамъ въ нихъ и благодарность за сіе Господу свидѣтельствовалъ добрыми дѣлами. Но въ послѣдніе дни его жизни, вслѣдствіе неблагопріятныхъ въ торговлѣ обстоятельствъ, благосостояніе его пошатнулось.

Ему пришлось убѣдиться въ непрочности, суетности земныхъ благъ. Для поправленія разстренныхъ дѣлъ онъ, конечно, могъ бы поступить такъ же, какъ обыкновенно поступаютъ многіе въ его положеніи: объявить себя несостоятельнымъ должникомъ и приберечь для себя и для своего секейства, что у него осталось. Но онъ не поддакъ этому искушенію. Онъ могъ бы разсуждать, какъ другіе разсуждаютъ въ подобныхъ случаяхъ: «я не плачу долговъ потому, что мнѣ самому не платятъ задолжавшіе мнѣ. Я въ правѣ уклониться отъ данныхъ мною обязательствъ, потому что другіе не исполняютъ подобныхъ обязательствъ въ отноженіи ко мнѣ». Нѣтъ, онъ почиталъ за грѣхъ оправдывать себя подобными разсужденіями, извипительными, по-видимому, въ его положеніи. Ему даже нечего было бы бояться строгаго осужденія за нихъ со стороны людей,—уклоненіе отъ уплаты долговъ—дѣло столь обыкновенное, что почти всѣ привыкли смотрѣть на это снисходительно. Да, ему можно было не бояться суда людскаго, но онъ Бога боялся и заповѣди Его хранилъ, и потому честно расплатился съ своими заимодавцами, хотя для этого ему пришлось закрыть свою торговлю и оставить себя и свое семейство при скудныхъ средствахъ содержанія. «Лучше обнищать, думалъ онъ, — чѣмъ обезпечить себя и семейство съ обидой другимъ». Онъ смиренно покорился волѣ Божіей, пославшей ему крестъ скудости и, что всего удивительнѣе, онъ и въ наступившіе дни скудости не переставалъ благотворить ближнимъ и жалѣлъ, что не можетъ благотворить съ прежнею щедростью. Рѣдкое самоотверженіе и челоуѣколюбіе!

Вѣчная память новопреставленному рабу Божію Василию! Ему въ послѣднее время не хорошо жилось на этомъ свѣтѣ: да воздастъ ему Господь своею милостью въ жизни загробной. Дай Богъ, чтобы его честность и добросердечіе послужили примѣромъ для другихъ, могущихъ быть въ томъ стѣснительномъ положеніи, въ какомъ онъ находился.

Прот. В. Нечаевъ.

ЦАРСТВО НЕ ОТЪ МІРА СЕГО.

Слово въ недѣлю Ваіи.

*Гцѣте дщери Сионовъ: се Царь твой
идеть къ тебѣ кротокъ (Мѡ. 21, 5).*

Трѣя служеніями Господь совершилъ и совершаетъ наше спасеніе: какъ Учитель, Онъ открылъ намъ свѣтъ истины и указываетъ путь спасенія; какъ Первосвященникъ, Онъ принесъ себя въ жертву за всѣхъ насъ и ходатайствуетъ за насъ предъ Богомъ Отцемъ; наконецъ, какъ Царь, Онъ властвуетъ надъ нами и покоряетъ насъ своему закону.

Уже болѣе трехъ лѣтъ прошло до торжественнаго входа въ Иерусалимъ, какъ началось пророческое, или учительское служеніе Господа Спасителя. Многіе, многіе люди слышали Его дивное слово, и послѣдній слуга во дворѣ архіерея зналъ, что никогда ни одинъ человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ Человѣкъ (Іоан. 7, 46). Первосвященническое служенія Господа Спасителя видимо началось на землѣ съ минуты рожденія: вертепъ, ясли—это начало того великаго креста, который простирается чрезъ всю земную Его жизнь до послѣдняго вздоха на страшной Голгоѣ. Но народъ еврейскій ждалъ Его болѣе какъ царя. Уму евреевъ предносились не образы Моисея, Исаи и другихъ пророковъ, предзнаменовавшихъ пророческое служеніе Спасителя, — не страдальческіе образы Іосифа, проданнаго братьями, — Іова, внезапно обнищавшаго и дошедшаго потомъ до крайней степени человѣческаго несча-

стія, которыми предзнаменовалась Его первосвященническая жертва. Нѣтъ: въ воображеніи ихъ рисовались блестящіе царственнымъ величіемъ образы Давида, Соломона и другихъ царей. «Таковъ будетъ нашъ Мессія», думали они,—только еще выше, еще могущественнѣе. Давидъ покорилъ нѣсколько народовъ, а Онъ покоритъ всю вселенную. При Соломонѣ всѣ израильтяне жили безпечально, а тутъ рѣки изобилія потекутъ къ намъ». На этомъ полѣ развивались картины, одна другой заманчивѣе, одна другой плѣнительнѣе. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ народъ открытія наконецъ этой царственной славы. Одинъ разъ, какъ-бы желая предупредить событія, онъ самъ хотѣлъ провозгласить Господа царемъ; но этотъ преждевременный порывъ народа былъ остановленъ (Іоан. 6, 15). Но вотъ, наконецъ эта торжественная минута по видимому настала: Господь идетъ въ Іерусалимъ, чтобы воцариться надъ избраннымъ народомъ своимъ. Приходятъ въ исполненіе слова Архангела: «Сей будетъ велій и Сынъ Вышняго наречется. И дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца» (Лук. 1, 32—33).

Но какая неожиданность! У великаго Царя нѣтъ ни боеваго коня, ни роскошной свиты, не слышно при шествіи Его звуковъ музыкальныхъ орудій!.. Убогій осленокъ несетъ Его на себѣ; еще печальнѣе эта ослица, шедшая вслѣдъ за осленкомъ, вытянувшая свою шею отъ постоянно носимой тяжести и низко склонившая ее къ землѣ. Нѣсколько ветхихъ одеждъ брошено было по пути, какъбы замѣнивъ тѣхъ богатыхъ и разноцвѣтныхъ ковровъ, которые постлались по пути роскошныхъ царей востока; древесныя вѣтви усиливались замѣнить собой широко развившіяся тамъ воинскія знамена; нѣсколько людей, на взглядъ міра столь малыхъ, столь бѣдныхъ, шли въ слѣдъ за Нимъ. Къ довершенію всего эти слезы, льюціяся изъ очей шествующаго Царя. Да, какъ только увидѣлъ Господь Спаситель эти крѣпкія тройныя стѣны своей столи-

цы, этотъ величественный храмъ съ вызолоченными кровлями и куполами, отливавшими тысячами огней блестящія лучи солнца, Онъ заплакалъ, заплакалъ не отъ радости, но отъ скорби сильной, глубокой. Что же это значить? Какъ объяснить эту крайнюю простоту, эту, — можно ли даже сказать это слово, — эту бѣдность Величайшаго изъ царей, тоторые потому только и сіяютъ въ мірѣ, что на нихъ отражается свѣтъ этого Владыки неба и земли.

Въ рукахъ этого Царя, братіе, не только всѣ средства власти и силы царей обыкновенныхъ, а и вѣтры, и громы, и молніи, и несметные легіоны ангельскихъ воинствъ. Но все это величіе Господь сокрылъ въ зракѣ раба, который добровольно принялъ на Себя нашего ради спасенія.

Было время, когда съ особенною силой являлась симъ же самимъ Владыкой міра—сила Божьяго всемогущества. Весь человѣческій родъ, за исключеніемъ одной семьи, погибъ въ водахъ потопныхъ. Гордый замысль воздвигнуть башню до небесъ, для выполненія котораго соединились племена въ противность Божіимъ опредѣленіямъ, мгновенно разрушенъ, и люди разсыяны по всей землѣ. Нечестивые города Содомъ и Гоморра сожжены, и на мѣстѣ ихъ до сихъ поръ стоитъ Мертвое море. Великолѣпныя столицы міра погребены подъ землей такъ, что долгое время искали, гдѣ они, и не находили. И народъ еврейскій помнилъ много, много изъ своей знаменательной исторіи примѣровъ, какъ Господь являлъ свою дивную и великую силу. Достаточно указать здѣсь на одно: послѣ какихъ громовъ, молній, трубныхъ звуковъ и землетрясеній изречены были съ высоты Синая главныя заповѣди закона! Теперь же открывается другое царство—мира и любви, кротости и благоволенія. Съ словами всепрощенія Господь идетъ въ самое скопище своихъ враговъ и местниковъ, и когда они отвѣтятъ на нихъ злобой и ненавистью, Онъ тамъ на крестѣ будетъ о нихъ молиться. Вотъ сіе-то торжество внутренняго величія, величія любви, жертвующей собой для спасенія всѣхъ, самыхъ враговъ, при всей возможности снести

ихъ съ лица земли и ее саму отбросить, какъ пылинку,—и выражается въ воспоминаемомъ нами событіи. Какою радостью, какимъ восторгомъ дышутъ слова пророка, которому изъ глубины вѣковъ дано было видѣть это дивное, еще не виданное міромъ, величіе царственной Любви! «Ликуй отъ радости, восклицаетъ онъ,—дочь Сіона, торжествуй дщерь Іерусалима, се Царь твой грядетъ къ тебѣ, праведный и спасающій, кроткій, сѣдящій на ослицѣ и молодомъ ослѣ, сыпѣ подъяремной» (Зах. 9, 9). Что можетъ быть проще и доступнѣе? «Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, внушаетъ всѣмъ теперь самымъ своимъ видомъ Господь Спаситель, какъ иѣкогда словомъ,—и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Мена; ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ» (Матѣ. 11, 28—29). «Богъ Господь, праведный, великій, святой, всемогущій, и Овъ-то явился намъ», постъ святая Церковь,—въ кротости, любви, смиреніи и самоотверженіи. «Составите праздникъ и, веселящеся, приидите возвеличимъ Христа съ ваіями и вѣтвми, и пѣснями зовуще: Благословенъ Грядый во имя Господа Бога нашего!» Но глубокому таинственному знаменованію, этотъ убогій осленокъ представляеть необученныхъ закону Господню язычниковъ, а эта жалкая подъяремная ослица—сверсѣвъ, изнемогающихъ подъ бременемъ строгаго закона. Научить, просвѣтитъ, поднять, ободрить, направить, уцедритъ всѣми милостями этихъ духовныхъ ослицу и осленка и пришелъ Господь Спаситель нашъ.

Итакъ царство Христово есть прежде всего царство кротости и любви. Вѣтеръ большой и сильный, раздирающій горы и сокрушающій скалы, землетрясеніе, огонь—были знаменіями близости Господа. Но не въ нихъ Господь. Онъ явился пламенѣвшему ревностью по Бозѣ пророку въ вѣяніи тихой прохлады (3 Цар. 19, 11—12). Дѣйствіе всемогущей силы Божіей принесло свою долю пользы, предохранило людей отъ всеобщей заразы невѣрія и идолопоклонства, предохранило, но не спасло. Снасти мог-

ла и можетъ только любовь. Только она могла и можетъ пробудить совѣсть людей, размягчить ихъ окаменѣвшее сердце и возродить къ новой жизни омертвѣвшій человѣческій родъ. Кого я несчастный оскорбилъ своими грѣхами? Того, Кто пролилъ за меня кровь свою. Какое побужденіе можетъ быть сильнѣе и дѣйствительнѣе для вразумленія грѣшника, еслибы хотя на минуту онъ могъ отрезвиться своимъ умомъ и увидѣть эту неизмѣримую глубину Божественнаго къ намъ снисхожденія и недосягаемую высоту жертвы за насъ принесенной! Нынѣ день воцаренія любви въ Церкви Христа, которая и есть Его царство. Все здѣсь должно идти отъ любви и дѣйствовать ея именемъ. «Если я говорю языками человѣческимъ и ангельскимъ, пишетъ святой Апостоль,—а любви не имѣю, то я—мѣдъ звенящая или камень звучащій» (1 Кор. 13, 1). Орудія ея кротость и долготерпѣніе. «Братія, если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, вы духовные исправляйте такового духомъ кротости» (Гал. 6, 1). Кротость ваша да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ; Господь близко (Филип. 4, 5),—внушаетъ Апостоль всѣмъ членамъ Христовой Церкви, безъ различія лицъ, званій и положеній. Царству Господню назначено распространиться по всей землѣ, но не оружіемъ, а кротостью. «Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю» (Матѣ. 5, 5). И кроткіе послѣдователи великаго Царя владычествуютъ въ мірѣ.

Другая великая нравственная сила въ царствѣ Христовомъ—это истина. «Ты царь іудейскій?» спрашиваетъ Господа Спасителя Пилать на судѣ своемъ. Господь утверждаетъ это, какъ совершенную истину, и говоритъ: «Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать о истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего» (Іоан. 18, 33. 37). Что такое истина? Это сама вещь, какъ она есть, — само дѣло: Когда выступаетъ истина предъ очами людей, всѣ призраки, недоумѣнія, предразсудки исчезаютъ и является просвѣтленному взору она—великая въ своей простотѣ. Когда же и какъ яви-

лась эта истина? Именно Онъ, Господь Спаситель нашъ, и открылъ ее міру. Единородный Сынъ Бога Отца, Онъ явилъ Его намъ въ своемъ лицѣ. Какъ Самъ Творецъ и Художникъ міра видимаго и невидимаго, Онъ такъ просто и такъ ясно указываетъ намъ, что въ земныхъ порядкахъ и явленіяхъ есть образъ небеснаго. О высшемъ духовномъ мірѣ Онъ говоритъ, какъ очевидецъ. Взоръ Его, въ одно и то же время, проникаетъ и въ пучины водъ морскихъ, и въ сокровенныя глубины человѣческаго сердца. Прошедшее и будущее предъ Нимъ, какъ настоящее. Съ одинаковою ясностью Онъ говоритъ о томъ, что было до начала этого видимаго міра, и что будетъ по его разрушенію. Въ особенности же Онъ ясно и опредѣленно открываетъ намъ, что мы должны дѣлать, какъ вести себя для полученія царства небеснаго. Онъ не только открылъ намъ исиину, но и далъ ее намъ во владѣніе, чтобы мы могли назидать ею во спасеніе и себя и другихъ. Какая сила у истины? Слово ея, по свидѣтельству Апостола, острѣ всякаго меча обоюдоостраго; оно проникаетъ до раздѣленія души и тѣла, составовъ и мозговъ и судить помышленія и намѣренія сердечныя (Евр. 4, 12). Въ одно и то же время истина и разливаетъ свѣтъ въ умъ, и согрѣваетъ сердце, и движетъ волю, и укрѣпляетъ человѣка на труды и подвиги необычайныя. «Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали» (Дѣян. 4, 20); «должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкомъ» (5, 29),—вотъ голосъ тѣхъ, чьи сердца покорила себѣ истина! Чтобы, видѣть, какъ сильно слово, какъ могучъ одинъ взоръ у человѣка, вооруженнаго истиной Христовою, перенесемся мыслію въ знойныя пустыни Египта: десятки тысячъ отшельниковъ послушны волѣ одного аввы, напримѣръ Антонія Великаго. Что—это человѣкъ, окруженный войскомъ, облеченный властью? Нѣтъ, это одинъ изъ этихъ же иноковъ, ветхій старецъ, по виду даже болѣе убогій, чѣмъ другіе. Что же даетъ ему эту власть, которою онъ держитъ это необозримое множество людей въ покорности—и какой еще?

Боже сохрани прегнѣвать авву-старца, огорчпть, взывать тѣнь неудовольствія на лицѣ его! Такова сила истины, сю облечено слово этого великаго старца, она горитъ въ очахъ его, и опъ самъ предаппѣйшій ся рабъ и послушникъ. О! еслибы мы умѣли владѣть этою силой для вразумленія себя и другихъ. Одного кроткаго слова истины, можетъ быть, только бы потребовалось для вразумленія заблудшихъ, для прекращенія ссоръ, для водворенія порядка въ семьяхъ, въ обществѣ. Здѣсь тайна неотразимаго вліянія на сердца у добрыхъ супруговъ, родителей, паставниковъ, начальниковъ. Но какъ пемпогіе умѣютъ владѣть этимъ орудіемъ добра! Какъ пемпогіе умѣютъ съ кротостію, въ духѣ некрепнаго убѣжденія сказать: «другъ мой! вотъ какъ ты долженъ или должна поступить по закону Христову!» Можетъ быть и говорятъ такія слова, но не пеходящія изъ глубины сердечпой, не подкрѣпленныя примѣромъ собственной жизни, безсилно падаютъ и не приносятъ плода.

Отчего же однакожь эти слезы въ очахъ нашего Спасителя? Ахъ! даже и эта любовь не гѣхъ спасаетъ, и оказывается необходимость вновь дѣйствовать правдѣ и силѣ Божіей, сперва для вразумленія грѣшниковъ пераскаивныхъ, а затѣмъ для ихъ наказанія рѣшительнаго, безопаднаго на всю вѣчность. Святый апостоль Павелъ говоритъ: «если отвергншійся закопа Моисеева при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія показывается смертию, то сколь тягчайшему, думаете, наказанію повпненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія и не почтаетъ за святыню кровь завѣта, которою освященъ, и духа благодати оскорбляетъ! Мы знаемъ Того, Кто сказалъ: Мпѣ «отмщепіе, Я воздамъ, говорятъ Господь. Страшно впасть въ руки Бога живаго» (Евр. 10, 28. 31). Нетрудно и теперь въ бурномъ теченіи человѣческой жизни усмотрѣть дѣйствіе божественной силы, вразумляющей грѣшныхъ и оберегающей пути добрыхъ и послушныхъ слугъ Царя небеснаго. О ней говорятъ эти трясенія земли тамъ и здѣсь, этотъ мечъ

язвы, ближе и ближе къ намъ подвигающейся, эта погребель многихъ сильныхъ когда-то, это запутываніе грѣшныхъ на собственныхъ путяхъ. Но особенно ясно открываются эти побѣдосныя дѣйствія царственной силы Господа Спасителя въ прошедшемъ. Гдѣ теперь эта великая Римская имперія, среди которой пролито столько крови мученической? Кто это двинулъ необозримыя громады сеновъ пустыни, и чьею силой развились, процвѣли и окрѣпли они на развалинахъ древняго міра? Не въ этой ли десницѣ все нити человѣческой жизни и жизни царствъ и народовъ, которая такъ смиренно держитъ бразды убогаго ослевка? Древній пророкъ съ трепетомъ видитъ эти многоразличныя возстанія противъ заповѣдей и завѣтовъ кроткаго Владыки царства духовнаго и въ особенности то, которое приведетъ Его на крестъ Голгооскій, и съ изумленіемъ вопрошаетъ: зачѣмъ мятутся народы и племена замышляютъ тщетное? Живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ. Тогда скажетъ имъ во гнѣвѣ своемъ и яростию своею приведетъ ихъ въ смятеніе: Я помазалъ царя Моего надъ Сіономъ, святою горой Моею. Ты поразилъ ихъ жезломъ желѣзнымъ, сокрушилъ ихъ, какъ сосудъ горшечника» (Ис. 2, 1. 4—6. 9). Предъ взоромъ Господа и былъ этотъ Іерусалимъ, привлекшій на себя такія страшныя кары, этотъ храмъ, разрушенный, разнесенный такъ, что не осталось и камня на камнѣ, этотъ преступный народъ, разсѣянный по всему міру и удивляющій насъ своею безпримѣрною судьбой, все эти противники вѣры и Церкви, все эти презрители законовъ Божіихъ, участь которыхъ въ огнѣ. И объ нихъ, и среди нихъ и объ насъ можетъ быть были слезы эти.

Что же, братіе, какое назиданіе извлечемъ для себя изъ этой исторіи воцаренія надъ всеѣми нами Господа Спасителя?

Прежде всего, братіе, достаточно ли плѣнены наши сердца этою безпредѣльною, простершеюся до смерти, смерти же крестной, любовью небеснаго Царя? Знаю, много разъ видѣлъ, что одно воспоминаніе о страдающихъ Господа Спа-

сителя, одинъ видъ креста и плащаницы уже вызывали изъ глазъ вашихъ обильныя слезы. Итакъ сердце ваше плѣнено; но глубоко ли это благое и спасительное плѣненіе? Тамъ—дома среди міра помните ли вы завѣты Отца небеснаго? Какъ преданныя дѣти, или же лукавыя рабы исполняете вы Его заповѣди, изреченныя съ такою любовью? Паче же всего не позволяете ли вы себѣ пренебрегать Его законами потому только, что они изречены въ духѣ любви и кротости? Боже мой! сколько прямыхъ, явныхъ, безстыдныхъ нарушеній замѣчается въ нашей христіанской средѣ такихъ заповѣдей, за преступленіе которыхъ, хотя бы даже и единовременное, во времена ветхаго завѣта, побивали всенародно камнями! Итакъ, можетъ быть и ты, именующій себя христіаниномъ, потому такъ легко и явно престоупаешь заповѣдь Господню, что не слышишь этихъ громовъ синайскихъ, не видишь надъ собой этихъ занесенныхъ камней!

Да устранять же тебя эти слезы Господа Спасителя. Если ты не чувствуешь жгучей боли въ сердцѣ при видѣ этихъ слезъ и рѣшимости сейчасъ же оставить свой погубительный путь, то приведи себѣ на память грозное слово суда и казни: «се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ» (Мѡ. 23, 38). Наконецъ не близокъ ли уже къ намъ этотъ страшный часъ суда и возмездія? Не въ послѣдній ли разъ испытываются для насъ мѣры кроткаго и терпѣливаго вразумленія, какъ эта мѣра вразумленія была послѣднею для Иерусалима?

Вотъ остается у насъ еще недѣля спасительнаго времени поста и покаянія, еще нѣсколько дней великихъ, преисполненныхъ дорогими и важными воспоминаніями. Воспользуемся ими для отрезвленія и очищенія душъ нашихъ, чтобы и еще потерпѣлъ намъ Царь небесный и далъ намъ время на покаяніе съ исправленіемъ. Аминь.

Прот. П. Смирновъ.

ОБЪ ЮСИФЪ ПРЕКРАСНОМЪ.

Катихизическое поученіе въ недѣлю **Томы.**

«Ты увѣровалъ, увидѣвъ Меня,—блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе». Такъ Господь упрекнулъ Тому въ невѣріи, а Церковь уболажаетъ Томино невѣріе: «блаженно Томино невѣріе». Не противорѣчатъ ли Церковь Господу? Конечно нѣтъ: Церковь, какъ тѣло Христово, оживляемое Его духомъ, не можетъ противорѣчить своей главѣ Христу. И точно хотя упорное невѣріе Тома, вопреки единогласному свидѣтельству всѣхъ товарищей, и заслуживало упрека, но за то какой принесло оно богатый плодъ! Оно дало намъ неопровержимое доказательство дѣйствительности воскресенія Христова. Невѣры утверждаютъ нелѣпость, будто ученики принимали призракъ за самаго Воскресшаго (это всѣ-то и втеченіе 40 дней много разъ). Несравненно нелѣпѣе говорить, что и Тома осязалъ призракъ,—призракъ не осязаютъ. И какую рѣшительною, пламенною вѣрою разрѣшилось Томино невѣріе? Вѣра, точно молнія, разбила кору невѣрія и вырвалась изъ глубины сердца пламеннымъ исповѣданіемъ: «Господь мой и Богъ мой». Точно лучъ солнца разорвалъ облака сомнѣній и осіялъ предъ учениками, предъ цѣлымъ міромъ истину, которая дотолѣ быть можетъ смутно носилась предъ учениками. Тома невѣрный, опоздавшій съ своею вѣрою, теперь сразу опередилъ своихъ товарищей, изъ которыхъ доселѣ ни одинъ не исповѣдалъ такъ рѣшительно божество Учителя. «Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ!» исповѣдалъ

пріжде Назанаппъ;—«Ты Христось, Сынъ Бога живаго!»—исповѣдалъ еще Петръ. Но Царь, Христось, Мессія, даже Сынъ Божій,—это все еще не точныя наименованія Бога, потому что даже наименованіе—«Сынъ Божій»—можетъ быть перетолковано, какъ и дѣлали еретики,—ибо и ангелы и даже человѣки называются въ св. писаніи сынами Божиими. Но «Господь мой и Богъ мой»... къ этому исповѣданію нечего уже прибавить и перетолковать его невозможно. Подлинно, «блаженно повѣріе Ѳомино!» Опоздалъ—и опередилъ; послѣдній сталъ первымъ. И точно суждено было ему всегда опаздывать, для того чтобы открывать истину. Такъ въ послѣдствіи онъ не успѣлъ къ погребенію Богородицы и пожелалъ увидѣть тѣло ея во гробѣ, какъ теперь желалъ осязать раны Господа. Открыли предъ нимъ гробъ, и что же? Тѣла Богородицы нѣтъ во гробѣ. Не опоздай онъ—и мы въ праздникъ Успенія Богородицы не прославляли бы ея воскресенія, потому что не знали бы, что она предупредила общее наше воскресеніе.

Но возвратимся къ исповѣданію Ѳомы. «Господь мой и Богъ мой!»—Та непреложная истина, что Иисусъ Христось есть истинный Богъ, служить основаніемъ вѣры въ догматъ искупленія,—той самой вѣры, которой ожидалъ Богъ отъ человѣковъ, къ которой приготовлялъ ихъ съ самаго перваго обѣтованія, даннаго падшимъ прародителямъ еще въ раю,—приготовлялъ всеми обѣтованіями, всею ветхозавѣтною исторією, наполненною прообразованіями.

Вы, братіе, уже знаете прообразованія патріархальной Церкви: это жертвоприношенія, невинная смерть Авеля отъ братней руки, жертвоприношеніе Исаака—вѣтри изображавшія искупительную смерть Иисуса Христа, а послѣднее (жертвоприношеніе Исаака) и Его воскресеніе вмѣстѣ; потомъ лѣствица Іаковлева, соединявшая отверзтое небо съ землею и ангеловъ съ человѣками,—изображавшая богочеловѣчество Иисуса Христа, примирившее и соединившее небо съ землею и Бога съ человѣками,—а также и Богородицу, послужившую этому примиренію,—наконецъ Іосифъ...

Но прежде пужно разсказать вамъ исторію этого патриарха.

Іаковъ, по возвращеніи изъ Месопотаміи, имѣлъ 12 сыновей, изъ коихъ двое младшихъ, Юсифъ и Веніаминъ, были отъ любимой жены его Рахили. Изъ всѣхъ сыновей самый любимый былъ Юсифъ, какъ сынъ любимой жены, а еще болѣе по своимъ качествамъ. Его справедливо называютъ прекраснымъ. Вся библейская исторія не представляетъ болѣе привлекательной личности. Онъ былъ прекрасенъ какъ тѣломъ, еще болѣе душой. Непорочность, незлобіе и ангельская доброта привязывала къ нему всѣхъ. Одни только братья грубые и свирѣпые, часто огорчавшіе отца и позорившіе его имя своими поступками, одни они ненавидѣли этого привлекательнаго отрока и ненавидѣли тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ заслуживалъ любовь. Особенно усилилась ихъ ненависть послѣ того, какъ онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ разсказалъ имъ сны, ясно предвѣщавшіе его надъ ними первенство. «Снилось мнѣ, говорилъ онъ,—будто мы вяжемъ снопы: я вотъ мой снопъ сталъ прямо, а ваши—поклонились ему». Въ другой разъ онъ разсказалъ: «мнѣ спилось, будто солнце, луна и 11 звѣздъ кланялись мнѣ». Эти сны ясно предвѣщали, что не только братья, но и отецъ съ мачихой будутъ поклоняться ему. Съ этихъ поръ братья прозвали его въ насмѣшку сновидцемъ.

Разъ отецъ послалъ его провѣдать братьевъ, пасшихъ стада вдали отъ шатровъ. Завидѣвъ его издали, братья порѣшили убить его и убили бы, еслбы старшій изъ нихъ Рувимъ, боясь отвѣтственности предъ отцемъ, не отклонилъ ихъ отъ этого страшнаго преступленія, присовѣтовавъ бросить его въ сухой колодезь, съ заднею мыслію вынуть его и возвратить отцу. И братья не колеблясь исполняли это предложеніе, т.-е. обрекли брата на голодную смерть. Къ счастью, едва только они совершили это злодѣйство, какъ показался караванъ купцовъ. Братьямъ пришла мысль продать Юсифа и такимъ образомъ отдѣ-

латься отъ него безъ пролитія крови, да еще съ прибылью. И продали его за 20 сребренниковъ. А чтобы обмануть отца, взяли одежду Іосифову и, обливши кровью козленка, отослали къ нему. Увидя окровавленную одежду любимаго сына, несчастный старецъ подумаль—на что и рассчитывали братья,—что Іосифъ растерзанъ звѣремъ. Горести отца не было границъ.

Между тѣмъ купцы привезли Іосифа въ Египеть и продали вельможѣ Египетскаго царя Пентефрію. Пентефрій полюбилъ Іосифа и сдѣлалъ его управителемъ всего своего дома. Полюбила прекраснаго юношу и жена Пентефріева, только не такъ, какъ бы слѣдовало. Но на всѣ безстыдныя предложенія непорочный юноша постоянно отвѣчалъ отказомъ: «какъ могу я сдѣлать такое преступленіе предъ Богомъ и заплатить господину моему такою черною неблагодарностію!» Безстыдная женщина однако не унималась, и однажды, когда Іосифъ вошелъ по своей должности въ покои,—воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, ухватила его за верхнее платье и стала тащить къ себѣ. Видя, что никакія представленія не дѣйствуютъ на ослѣпленную страстію женщину, Іосифъ оставилъ въ рукахъ ея одежду и бѣжалъ.

Оцѣните, если можете, героизмъ Іосифа: отказываясь отъ предложенія сластолюбивой женщины, онъ отказывался отъ жизни полной наслажденій и навлекалъ на себя мщеніе раздраженной женщины, послѣдствія котораго для него должны были быть ужасны. Они и были дѣйствительно ужасны. Хитрая женщина воспользовалась оставленною въ ея рукахъ одеждою Іосифа, чтобы погубить его: она подняла крикъ и, когда сбѣжалась прислуга, обвинила Іосифа въ желаніи сдѣлать ей насиліе и въ доказательство показала одежду, которую онъ, испуганный будтобы ея крикомъ, оставилъ въ ея рукахъ. Не знаемъ, повѣрила ли этой сказкѣ прислуга, но повѣрилъ мужъ, которому она повторила ее,—и Іосифъ былъ брошенъ въ тюрьму. Предстояло умереть въ тюрьмѣ, потому что не предвидѣлось средствъ освободиться.

Но Богъ не оставилъ юношу, который больше узъ и смерти боялся грѣха. Начальникъ темницы полюбилъ Иосифа и поручилъ ему надзоръ за всѣми узниками. Однажды, посѣтивъ двухъ придворныхъ чиновниковъ, хлѣбодара и виночерпія, впавшихъ у царя въ немилость и содержавшихся въ тюрьмѣ, Иосифъ замѣтилъ, что они были чѣмъ-то разстроены, и узнавъ, что причиной этого были видѣнные ими въ эту ночь сны, попросилъ рассказать ихъ ему. Когда они рассказали, онъ объяснилъ, что первому—виночерпію сонъ предвѣщаетъ чрезъ три дня возвращеніе царской милости, а второму—смертную казнь чрезъ три же дня,—и при этомъ просилъ виночерпія походатайствовать за него предъ Фараономъ, такъ какъ онъ страдаетъ невинно. Предсказаніе Иосифа исполнилось въ точности; но виночерпій забылъ объ Иосифѣ.

За то Богъ не забылъ объ немъ. Чрезъ два года послѣ этого Фараонъ видѣлъ въ одну ночь два сна, которые сильно поразили его тѣмъ, что очень походили одинъ на другой. Созвалъ онъ своихъ волхвовъ и снотолкователей, но они не могли объяснить ему значеніе сновъ. Тогда-то виночерпій вспомнилъ объ Иосифѣ и доложилъ объ немъ царю. Тотчасъ Иосифъ былъ представленъ Фараону, и вотъ что Фараонъ рассказалъ ему: «Снилось мнѣ, будто я стою на берегу Нила и вижу: выходятъ изъ рѣки 7 коровъ необыкновенной толщины; вслѣдъ за ними выходятъ 7 другихъ тощихъ, какихъ не видывалъ во всю жизнь; эти тощія коровы пожрали толстыхъ и остались такими же тощими, какими были сначала. Я проснулся, потомъ вскорѣ опять заснулъ,—и вотъ опять вижу: изъ одного стебля вырастаютъ 7 необыкновенно полныхъ колосевъ, за ними выходятъ другіе 7, до того сухіе, что я и не видывалъ такихъ,—вышли и поглотили первыхъ». Выслушавъ сны, Иосифъ такъ объяснилъ ихъ: «Оба сна имѣютъ одно значеніе, а повтореніемъ ихъ Богъ внушаетъ тебѣ, царь, что они непремѣнно сбудутся и въ самомъ скоромъ времени. Значеніе ихъ вотъ какое: 7 коровъ и 7 колосевъ пол-

ныхъ означаютъ 7 лѣтъ необыкновеннаго плодородія; за ними послѣдуютъ 7 лѣтъ совершенно голодныхъ, втеченіе коихъ будетъ съѣдено безъ остатка все уцѣлѣвшее отъ лѣтъ изобилія». Потому совѣтую тебѣ, царь, выбрать достойнаго мужа и поручить ему собрать въ годы обилія какъ можно болѣе запасовъ на голодное время». Пораженный объясненіемъ, царь ему и поручилъ это великое дѣло, сдѣлавъ его первымъ по себѣ и прибавилъ: «только престоломъ буду я выше тебя». Такъ Іосифъ рабъ, узникъ изъ темницы, вдругъ шагнулъ къ самому подножію престола. Предсказаніе Іосифа исполнилось въ точности. Іосифъ заготовилъ несметныя запасы хлѣба, и когда наступилъ голодъ, потянулись въ Египетъ за хлѣбомъ и жители окрестныхъ странъ, потому что и тамъ тоже былъ голодъ. Пришли и братья Іосифовы—все, кромѣ Веніамина, котораго отецъ, любившій его болѣе все, послѣ Іосифа, оставилъ дома, боясь, чтобы съ нимъ не случилось чего-нибудь. Все иностранцы должны были являться на лице къ Іосифу, который самъ разсматривалъ все ихъ требованія; поэтому и братьямъ пришлось явиться къ нему. Когда они поклонились ему до земли, онъ тотчасъ узналъ ихъ и вспомнилъ свои сны. Они, конечно, не узнали его. Желая испытать ихъ, онъ не открылся имъ, а притворился, будто не знаетъ ихъ языка, и сталъ объясняться съ ними чрезъ переводчика. «Вы—соглядатаи, сказалъ онъ имъ съ суровымъ видомъ,—вы пришли высмотрѣть слабыя мѣста Египта, чтобы навести на него враговъ». Испуганные братья рассказали ему, кто они, зачѣмъ пріѣхали, и для удостовѣренія справедливости своихъ словъ прибавили, что дома у нихъ есть еще младшій братъ, оставшійся съ старикомъ отцемъ. Іосифъ оставивъ одного изъ нихъ, Симеона, заложникомъ, велѣлъ отпустить имъ хлѣба. «А младшаго брата своего привезите ко мнѣ, сказалъ онъ, отпуская ихъ, — тогда я увижу, правду ли вы сказали. А безъ него и не смѣйте являться ко мнѣ на глаза». Когда они, по возвращеніи домой, передали отцу требованіе пра-

вителя Египта, отецъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы отпустить Веніамина. Но голодъ продолжался, — необходимо было опять ѣхать за хлѣбомъ; пришлось отпустить Веніамина. Чтобы успокоить отца, одинъ изъ братьевъ—Иуда поклялся ему, что будетъ беречь Веніамина и скорѣе самъ останется рабомъ въ Египтѣ, чѣмъ оставитъ его. Явились къ Іосифу. При видѣ единоутробнаго брата, слезы подступили къ глазамъ Іосифа, и, чтобы не выдать себя, онъ пѣспѣшно вышелъ. Успокоившись, онъ возвратился къ братьямъ и велѣлъ приготовить для нихъ обѣдъ. Во время обѣда, онъ, чтобы узнать, исправились ли они отъ зависти, показывалъ особенное вниманіе къ Веніамину и посылалъ ему кушанья со своего стола. (По египетскому обычаю, онъ обѣдалъ за особеннымъ столомъ). Послѣ стола, Іосифъ приказалъ, насыпавъ братьямъ хлѣба, тайно положить свою серебряную чашу въ мѣшокъ Веніамина, и отпустить ихъ. Едва только они влѣхали изъ города, какъ, по приказанію Іосифа, нагоняетъ ихъ его домоправитель и обвиняетъ въ кражѣ чаши. Смущенные братья останавливаются; начинается обыскъ, чаша оказывается въ мѣшкѣ Веніамина. Разорвавъ на себѣ одежды отъ горести, братья, не желая выдать Веніамина, все возвращаются назадъ и являются къ Іосифу. «Что намъ сказать теперь въ свое оправданье? Мы все теперь рабы твои, господинъ нашъ», сказали братья.—«Нѣтъ, возразилъ Іосифъ,—только тотъ будетъ моимъ рабомъ, у котораго нашлась чаша». Тогда выступилъ Иуда и сказалъ: «Господинъ мой! я поручился отцу за безопасность этого мальчика. Если онъ не возвратится, отецъ умретъ съ печали. Позволь же, господинъ мой, мнѣ остаться твоимъ рабомъ, а мальчика отпусти». Тутъ Іосифъ не могъ долѣе притворяться, да и не было болѣе нужды. Онъ увидѣлъ, что братья исправились. Поспѣшно выславъ всехъ постороннихъ, онъ зарыдалъ. «И—братъ вашъ Іосифъ. Живъ ли еще отецъ мой?» Ужасъ сковалъ языкъ братьевъ; они молчали. «Не бойтесь, ободряйте ихъ Іосифъ, — не печальтесь и не жалуйте о томъ,

что вы продали меня: не вы, а Богъ послалъ меня сюда, для сохраненія вашей жизни. Спѣшите домой, привезите отца и пріѣзжайте всѣ, я прокормлю васъ здѣсь, потому что голодъ будетъ продолжаться еще 5 лѣтъ. Лучшую землю въ Египтѣ дамъ вамъ». Говоря это, онъ долго плакалъ и обнималъ ихъ. Услышавъ о прибытіи братьевъ Іосифовыхъ, Фараонъ и весь дворъ радовались, потому что всѣ любили Іосифа. Осыпанные царскими дарами, возвратились братья къ отцу. «Іосифъ живъ и владычествуетъ надъ землей Египетскою», говорили они ему. Но сердце старца такъ свыкло съ мыслью о невозвратной потерѣ милого сына и радостная вѣсть до того была невѣроятна, что онъ остался равнодушенъ. Но когда братья рассказали ему все, когда показали царскіе дары и колесницы, сердце его ожило. «Довольно, воскликнулъ онъ:—еще живъ сынъ мой Іосифъ, пойду и увижу его, пока не умру». Принесши жертву Богу и получивъ соизволеніе Божіе, онъ со всѣмъ домою своимъ переселился въ Египетъ.

Таковъ патріархъ Іосифъ, подлинно прекрасный. Много было святыхъ мужей въ ветхомъ завѣтѣ, сіяющихъ высокими доблестями; но едва ли кто обладалъ такою трогательною чарующею сердце красотой. Большая часть великихъ мужей ветхаго завѣта были прообразами І. Христа; но каждый изъ нихъ прообразовалъ одну или нѣсколько чертъ изъ Его земной жизни и ту или другую сторону Его служенія. Іосифъ же изображаетъ намъ самую личность І. Христа — Его нравственную чистоту и непорочность, кротость и незлобіе, и въ то же время всю исторію земной жизни Его и ея значеніе для насъ, такъ что въ Іосифѣ мы видимъ всего Христа, — Агнца непорочна и пречиста, иже грѣха не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ Его, — Христа, кроткаго и смиреннаго сердцемъ, который не преречеть, не возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіи гласа Его, (который) трости сокрушенной не преломитъ и лена вмешася не угаситъ», который даже на ругательства и издѣванія распинателей сво-

нихъ отвѣчали съ креста молитвой за нихъ: «Отче отпусти имъ: не вѣдять бо, что творять». Эти трогательныя черты влекутъ къ Нему сердца всѣхъ и дѣлають Его истиннымъ «Сыномъ человѣческимъ» — возлюбленнымъ нашимъ братомъ. Нашелся впрочемъ извергъ, и кто же? — одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Его. «Въшій съ Нимъ хлѣбъ, воздвигъ на Него пята», — продалъ Его, какъ братья продали Иосифа, за цѣну раба—30 сребрениковъ, продалъ начальникамъ народа;—вотъ заклятые враги І. Христа, ненавидѣвшіе Его, какъ братья Иосифа, изъ зависти—и они предали Его Пилату — иноплеменнику. Но этотъ иноплеменникъ и язычникъ, осуждавшій Его въ угоду имъ, не могъ противиться дѣйствию божественной личности Христа и засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ всего народа Его невинность и свою неправду: «неповиненъ я въ крови праведнаго сего, вы увидите», сказалъ онъ, умывъ руки предъ народомъ. И убили праведника и погребли Его, какъ Иосифа въ темницѣ. Но Онъ возсталъ и возсѣлъ одесную Бога Отца, какъ Иосифъ одесную Фараона,—возсѣлъ, чтобы спасти насъ отъ вѣчной смерти и питать хлѣбомъ жизни—своею пречистою плотью. Кого спасти, кого питать? Всѣхъ и ближнихъ и дальнихъ, — всѣхъ человѣковъ; «ибо нѣсть иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣкѣ, о немъ же подобаетъ спастися намъ», — всѣхъ, не исключая и распинателей; ибо придетъ время, когда и они «воззрякъ На-нь, Егоже прободоша. И тогда всяко колѣно поклонится предъ Нимъ—и небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ!»
Аминь.

Свят. Д. Державинъ.

СМЕРТЬ ІАКОВА И ІОСИФА.

КАТЕХИЗИЧЕСКОЕ ПОУЧЕНИЕ ВЪ НЕДѢЛЮ МУРОНОСИЦЪ.

Весь рядъ недѣль отъ Пасхи до Вознесенія посвященъ событіямъ, въ которыхъ открывается Божественная слава Господа Иисуса. Но настоящая недѣля изъ ряда вонъ: Церковь возвращаетъ насъ къ воспоминанію о погребеніи Господа. Для чего же? Теперь ли, послѣ того, какъ мы отпраздновали воскресеніе, опять вспоминать печальныя событія смерти и погребенія?—Церковь хочетъ почтить великій подвигъ Іосифа съ Никодимомъ и муриносицъ, особенно подвигъ Іосифа. А подвигъ этотъ дѣйствительно великъ. Представьте себѣ,—на крестѣ, на ряду съ разбойниками виситъ Христосъ, казненный, какъ обманщикъ и возмутитель. Любимые ученики изъ страха отступились отъ Него; а Іосифъ, членъ того судилища, которое приговорило Его къ смерти, пренебрегаетъ и стыдъ, правда ложный,—но кто изъ насъ не знаетъ, какую силу имѣетъ надъ нами ложный стыдъ!—пренебрегаетъ и стыдъ и страхъ—страхъ ненависти и мщенія отъ товарищей своихъ, враговъ Христовыхъ и со стороны правителя. «Дерзнувъ вниде къ Пилату и проси тѣло Иисусово» и, получивъ соизволеніе, всенародно отдаетъ погребальныя почести Распятому и погребаетъ въ собственномъ саду, въ гробѣ, приготовленномъ для себя. Этимъ поступкомъ онъ бросаетъ въ лицо Пилату и своимъ товарищамъ обвиненіе въ несправедливомъ убійствѣ и объявляетъ себя почитателемъ Распятаго. Подвигъ геройскій!

Теперь отъ смерти и погребенія Христова я хочу перенести вашу мысль за 2 тысячи лѣтъ назадъ и напомнить двѣ великія смерти, которыми, какъ двумя памятниками, замыкается исторія патриархальной Церкви. Говорю о смерти Іакова и Іосифа.

Іаковъ послѣ переселенія въ Египетъ прожилъ еще 17 лѣтъ; ему всего было 140 лѣтъ, и онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Услышавъ объ этомъ, Іосифъ поспѣшилъ къ нему съ двумя своими сыновьями, Манассіей и Ефремомъ. Умиравшій патриархъ усыновилъ ихъ и пожелалъ благословить ихъ и, вмѣсто Іосифа дать имъ участіе въ наслѣдін земли обѣтованной вмѣстѣ съ своими сыновьями. Іосифъ подвелъ ихъ къ одру умирающаго дѣда такъ, что старшій приходился подъ правую руку его, а младшій — подъ лѣвую; но старецъ положилъ руки крестообразно, такъ что правая легла на голову младшаго, а лѣвая на голову старшаго. Огорченный отецъ, думая, что полуослѣпшій старецъ ошибся, хотѣлъ было переложить руку его; но Іаковъ не согласился. «Знаю, сказалъ онъ о старшемъ, — что и отъ этого произойдетъ народъ, но младшій будетъ больше его, и отъ сѣмени его произойдетъ многочисленный народъ».

Благословивъ внуковъ, Іаковъ сталъ благословлять сыновей. «Соберитесь, сказалъ онъ,—сыны Іакова, я возвѣщу вамъ, что будетъ съ вами въ грядущіе дни». И сталъ изрекать судьбу ихъ потомства. Старшій Рувимъ, за оскорбленіе ложа отца своего, лишился первенства; не удостоились его и два слѣдующіе, Симеонъ и Левій, за свирѣпую мстительность, съ которою они умертвили вѣроломно цѣлое племя сихемлянъ, въ то время, какъ они, желая соединиться съ семействомъ Іакова братскимъ союзомъ, обрѣзались и лежали больные. Симеонъ и Левій совершили надъ ними злодѣяніе въ отмщеніе за оскорбленіе сестры Дины царевичемъ сихемлянъ, хотя онъ и готовъ былъ загладить свой грѣхъ бракомъ съ нею и союзомъ съ братьями ея. За это злодѣйство отецъ лишилъ Симеона и Левія первенства и передалъ его четвертому — Іудѣ, который, чтобы выру-

чить Вениамина, отдавалъ себя въ рабство Іосифу. «Іуда, говорилъ ему отецъ,—тебя восхвалятъ братья и поклонятся тебѣ сыновья отца твоего; рука твоя на хребтѣ враговъ твоихъ!» Изображая могущество его потомства, патриархъ продолжалъ: «Молодой левъ — Іуда; онъ преклонился, какъ левъ;—кто осмѣлится потревожить его покой?» Указывая на богатство страны, которую будетъ населять колѣно Іудино, Іаковъ говорилъ: «привязываетъ Іуда осла своего къ лозѣ лучшаго винограда, мостъ одежду свою въ виноградномъ вигѣ (такъ много будетъ винограда въ его странѣ). Властящи очи его отъ вина и бѣлы зубы его отъ молока». Его потомству будетъ принадлежать власть и, что всего драгоценнѣе, отъ него произойдетъ ожидаемый Спаситель міра. «Не отойдетъ скипетръ отъ Іуды и законодатель отъ чреслъ его, доколѣ не придетъ Примиритель, Которому покорятся (ожидающіе Его) народы».

Окончивъ завѣщаніе и благословеніе, патриархъ скончался. Тѣло его, по египетскому обычаю, набальзамировали и, послѣ 70-дневнаго траура, Іосифъ съ братьями, въ сопровожденіи большой свиты перевезли въ обѣтованную землю и похоронили, какъ завѣщаль покойникъ, въ купленной Авраамомъ пещерѣ. 7 дней оплакивали они его, отчего мѣстные жители прозвали это мѣсто «Плачь Египетскій».

Братья стали теперь опасаться, какъ бы Іосифъ не сталъ мстить имъ за прошлое; пришли къ нему и говорятъ: «Мы рабы твои. Отецъ, умирая, завѣщаль сказать тебѣ, чтобы ты простилъ намъ грѣхъ нашъ». Заплакалъ Іосифъ, услышавъ эти слова. «Не бойтесь, успокоивалъ онъ ихъ,—я боюсь Бога. Богъ обратилъ зло въ добро, чтобы сохранить жизнь великому числу людей. Не бойтесь же: я буду питать васъ и дѣтей вашихъ».—110-ти лѣтъ умеръ Іосифъ. Предъ смертью, прощаясь съ братьями, онъ завѣщаль имъ взять и его кости, когда Богъ посѣтитъ ихъ и возвратитъ въ землю обѣтованную. Такимъ образомъ кости его служили какъбы залогомъ и ручательствомъ за вѣр-

ность обѣтованій Божіихъ. Онъ оставилъ братьямъ въ наслѣдство свою увѣренность въ попеченіи Божіемъ объ нихъ, чтобы она подкрѣпила ихъ мужество въ тяжелыя времена. «Вѣроу, замѣчаетъ Апостоль,—Іосифъ помнилъ объ исхожденіи сыновъ Израилевыхъ и завѣщаль о ко-
стяхъ своихъ».

Такъ умирали великіе патріархи. Они не трепетали, какъ обыкновенные люди, предъ смертью, но и не презирали ее, какъ хвастаются люди, которыхъ въ мірѣ называютъ героями; они встрѣчали смерть съ яснымъ спокойствіемъ, какъ надежнаго, хотя и строгаго вождя. Даже болѣе: какъ ученикъ при появленіи мудраго наставника, бросаетъ игрушки и становится серьезнымъ и внимательнымъ, такъ они, при видѣ смерти, указывающей имъ вѣчность, какъ будто перерождаются: какъ ветхую одежду, сбрасываютъ они окончательно свои слабости, какъ дѣтскія игрушки оставляютъ земные интересы, и духъ ихъ возвышается до величія, достойнаго вѣчности. Посмотрите на Іакова умирающаго: узнаете ли вы въ немъ того Іакова, который хитростью выманивалъ первенство у брата, бѣжалъ отъ его мщенія и трепеталъ предъ свиданіемъ съ нимъ? Нѣтъ, это — не тотъ Іаковъ; это Іаковъ новый, неземной: полуослѣпшій старецъ проникаетъ сквозь завѣсу будущаго и предсказываетъ дѣтямъ судьбу отдаленнаго потомства ихъ, умирающимъ перстомъ указываетъ Того, Который есть «Чаяніе языковъ». Да, это—Іаковъ новый, въ которомъ живетъ уже не духъ міра, но Духъ Божій.

Такіе умирающіе даютъ намъ живо чувствовать, что смерть не есть одна бессмысленная борьба физическихъ силъ, за которой слѣдуетъ только разрушеніе,—нѣтъ: подъ разрушеніемъ зарождается здѣсь новая, лучшая жизнь. Смерть праведниковъ есть доказательство безсмертія.

Чтобы умѣть такъ умереть, пужно готовиться всю жизнь.

Свящ. Д. Державинъ.

ЖЕНЩИНА ЛЮБЯЩАЯ ХРИСТА.

Слово въ недѣлю св. женъ муроносиць.

И глаголашу къ себѣ: кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба? (Мрк. 16, 3).

Вотъ о чемъ только безпокоились св. жены муроносицы, идущія помазать тѣло Господа Иисуса! Ихъ не страшила ни темнота ночи, ни злоба іудеевъ, которой испугались даже сами апостолы,—въ ихъ умѣ и сердцѣ лежала одна забота—о камнѣ, приваленномъ ко гробу Спасителя. Кто отвалитъ намъ его? разсуждали они между собою, идя ко гробу.

Что же было причиною такой неустрашимости этихъ женъ, по самой природѣ своей слабыхъ и боязливыхъ? Любовь къ Иисусу Христу—вотъ что было движущимъ началомъ ихъ рѣдкаго, дивнаго, но тѣмъ болѣе достойнаго всякой похвалы поступка. Кто кого любитъ, тотъ для любимаго презираетъ всѣ опасности, не видитъ ихъ, забываетъ объ нихъ, забываетъ даже себя, заботясь лишь объ одномъ, какъ бы живѣе и полнѣе выразить свою любовь предъ любимымъ, какъ бы сдѣлать болѣе угоднаго ему. Движимыя этою-то любовію къ Спасителю, святыя жены муроносицы съ мужескою смѣлостію стояли даже у креста, сострадая Спасителю, страждущему на немъ, — не оставляли Его, когда всѣ Его оставили. Но кто больше любитъ, тому больше и награды за любовь. И вотъ эти жены первыя услышали отъ ангела вѣсть о воскресеніи Спасителя, и имъ первымъ явился Тотъ, котораго онѣ

всѣмъ сердцемъ прежде оплакивали, а теперь съ такимъ усердіемъ искали. И онѣ такимъ образомъ первыя сдѣлались провозвѣстницами воскресенія Христова.

Женщины! обратите на св. мученицу все вниманіе свое. Ваше положеніе повидимому скромное,—общественная дѣятельность рѣдкимъ изъ васъ доступна. — Такихъ славныхъ блестящихъ дѣяній, какія совершаетъ мужчина, вамъ повидимому совершить трудно. Но любите Иисуса Христа всѣмъ сердцемъ своимъ, сердцемъ такъ нѣжнымъ, такъ способнымъ къ любви; любите Его, какъ любили мученицы,—п посмотрите, какою силою вы будете обладать, какъ много будете полезны каждая въ томъ кругу, въ той средѣ, при тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ дано вамъ жить и дѣйствовать.

Будетъ ли женою любящая Иисуса Христа, какое это сокровище для мужа! Какая жена сравнится съ нею въ преданности мужу, въ вѣрности и въ самой искренней любви къ нему? Какая жена можетъ быть самою лучшею спутницею жизни, какъ не она? Нечего бояться мужу, что благопріобрѣтенное его трудомъ такою женою будетъ расточаемо на одни наряды, выѣзды, приемы, на посѣщеніе зрѣлищъ, мѣсть удовольствій, на роскошь въ пищѣ,—нѣтъ, весь излишекъ, который будетъ въ распоряженіи такой жены, будетъ употребленъ во славу Божию, на общую пользу, все поступитъ то на потребности храма, то на пужды сирыхъ и бѣдныхъ, на пріятіе и успокоеніе странныхъ, на пріобрѣтеніе такихъ вещей въ домѣ, которыя необходимы имъ, какъ христіанамъ, какъ-то: иконъ, священныхъ и духовныхъ книгъ и т. под. предметовъ. Нечего бояться, чтобы въ бѣдности, болѣзни такая жена когда нибудь оставила своего мужа; нѣтъ, она понесетъ крестъ съ своимъ мужемъ неразлучно до самой могилы; скорѣе ее силы оставятъ, она жизни лишится, чѣмъ потеряетъ терпѣніе, чѣмъ произнесетъ слово ропота на свою участь; ибо знаетъ, что крестъ—бѣдность посылаетъ ей Тотъ, кого она возлюбила т.-е. Христось, посылаетъ, любя ее,—для до-

ставленія ей большихъ вѣнцевъ въ будущемъ. Не думайте, что жена, любящая І. Христа, способна жить въ мирѣ съ однимъ добрымъ мужемъ, способна любить мужа съ одними добрыми качествами. Нѣтъ, она любитъ и раздражительнаго, и гордаго, и безпечнаго и наконецъ даже невѣрнаго ей и нетрезваго; ибо во всякомъ состояніи она видитъ мужа, даннаго ей Богомъ, а что отъ Бога и Его Христа, то для нея священно. Даже что? Чѣмъ больше она видитъ недостатковъ въ мужѣ, тѣмъ болѣе она имѣетъ состраданія къ нему, тѣмъ жалче онъ въ глазахъ ея, тѣмъ болѣе она имѣетъ попеченія о исправленіи и вразумленіи его. Съ словомъ ласки, кроткаго увѣщанія, съ мольбой обращается къ мужу; съ горячими слезами становится она на молитву, прося Господа спасти его, не погубить его, своею благодатію воздѣйствовать на сердце ко благу души его. Въ первые вѣка Христовой Церкви нерѣдко жены христіанки имѣли мужевъ невѣрующихъ—язычниковъ; во эти невѣрующіе мужья часто до того плѣнялись любовію, кротостію, послушаніемъ, терпѣніемъ своихъ женъ, что плѣнялись и вѣрою, которая внушала имъ такое поведеніе и сами дѣлались христіанами. Сколько и нынѣ встрѣчается такихъ мужей, которые по своему легкомыслію нисколько не выше тѣхъ мужей язычниковъ,—какое слѣдовательно и нынѣ широкое поприще для дѣятельности женъ христіанокъ! И какъ велико будетъ въ очахъ Божіихъ, если хотя одинъ изъ такихъ мужей поведеніемъ своей жены отъ разсѣянія, безпечности и разврата приведенъ будетъ на путь спасенія и служенія Христу!

Но вотъ мы видимъ женщину въ положеніи матери. Сколько благъ она можетъ излить и здѣсь! Чего ждетъ дитя отъ матери? Оно ждетъ заботы о вкорененіи въ его жизнь, его душу добрыхъ началъ: страха Божія, любви къ Богу и ближнему, послушанія; оно ждетъ искорененія всего, что проявляется въ немъ грѣховнаго, нехристіанскаго. И кто же все это можетъ сдѣлать и дѣлаетъ, какъ не мать

богобоязненная, мать любящая Христа, работающая Христу? Скажите, кто волеетъ въ душу дитяти эту любовь ко Христу, какъ не тѣ, которая сама обладаетъ любовью къ Нему? Кто чего не имѣетъ самъ, тотъ не можетъ того дать и другимъ. Да, такая мать собственнымъ опытомъ дознала сладость любви ко Христу; собственнымъ опытомъ извѣдала цѣну благочестія христіанскаго; потому влить эту любовь въ дѣтей, воспитать ихъ въ страхѣ Божіемъ, она считаетъ существенною своею обязанностию и при всякомъ случаѣ старается сдѣлать ему или поставленіе, или обличеніе, по возможности не давая ему всецѣло разсѣиваться дѣтскими забавами, но насколько возможно чаще умъ и сердце его обращая къ Господу Богу. Пусть другимъ кажется это и труднымъ, пусть у нихъ и времени на это не достаетъ: у матери благочестивой всего этого очень много. Она знаетъ время и способъ, когда и какъ воздѣйствовать на дитя. И вотъ она то читаетъ ему святое Евангеліе, то питаетъ его умъ, воображеніе и сердце благочестивыми разсказами о жизни Иисуса Христа, Богоматери и святыхъ, то идетъ съ нимъ въ храмъ и другія святыя мѣста, для поклоненія святымъ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, то и дома становится съ нимъ на молитву. Живая, впечатлительная природа дитяти все это съ любовью воспринимаетъ, оставляетъ въ себѣ неизгладимымъ часто на всю жизнь. Такимъ образомъ въ благочестивомъ семействѣ благочестивою матерью дѣлается самое главное въ духовной жизни человѣка—полагается основаніе всякаго добра въ его сердцѣ, съ надеждою видѣть добрый плодъ. Многіе святыя первоначальными наставниками въ благочестіи имѣли своихъ матерей. О, жены! вотъ поле ваше—это семья, это дѣти ваши. Сѣйте на этомъ полѣ болѣе и болѣе сѣмянъ добрыхъ, чтобы и вамъ было чѣмъ порадоваться здѣсь и за что получать возмездіе тамъ, когда отъ всякаго нелицепріятный Судія потребуетъ добра и добра.

Возьмемъ ли мы женщину незамужнюю. Если она про-
никнута любовью ко Христу, сколько въ состояніи дѣвства

можетъ принести существенной пользы ближнимъ! Св. Марія Магдалина, не имѣвшая семьи, проповѣдывала подобно апостоламъ всѣмъ, съ кѣмъ встрѣчалась, съ кѣмъ обращалась, всюду, куда бы ни приходила. Съ проповѣдью о Христѣ оно возшла даже во дворець Тиверія, императора римскаго, и поднося красное яйцо, начала свою проповѣдь о Христѣ словами: «Христосъ воскрес!» Она и не могла иначе дѣйствовать. О любимомъ существѣ развѣ можно умолчать? Развѣ можно не пожелать, чтобы и другіе любили его такъже, какъ мы его любимъ? Кто не знаетъ и нынѣ дѣвъ, проповѣдующихъ о Христѣ чистою жизнью въ обителяхъ? Кто не знаетъ другаго рода дѣвъ и вдовиць всякаго званія и возраста, которыя ради Христа, изъ любви ко Христу посвятили себя на служеніе страждущимъ, сирымъ, беспомощнымъ, часто всѣми оставленнымъ и забытымъ? Ахъ, какъ дороги эти чистыя души при одрѣ этихъ страдальцевъ, особенно въ предсмертныя минуты ихъ жизни! Сколько утѣненія онѣ могутъ пролить въ ихъ сердца, прозенныя скорбію, служа имъ, какъ Христу, подобно какъ жены муроносицы! Какое муро можетъ сравниться съ ихъ словомъ любви, словомъ молитвы, съ ихъ слезой искренняго болѣе, чѣмъ роднаго участія! Ихъ молитва при семъ случаѣ за умирающихъ и умершихъ, которые сами уже не могутъ молиться—это благо, такое выше котораго не можетъ быть здѣсь. И чѣмъ болѣе душъ препровождено этими дѣвами, посвятившими себя Христу, въ будущую жизнь, чѣмъ болѣе спасено ихъ въ минуты безотрадной скорби, въ тяжкія минуты разлученія души съ тѣломъ, тѣмъ болѣе чрезъ то самое онѣ уготовали себѣ награды отъ Мздовоздаятеля Христа. А дѣва воспитательница юношества, съ любовью ко Христу въ сердцѣ, съ Евангеліемъ въ рукахъ, сколько также благотворнаго вліянія можетъ оказать на порученную ей юность! Она всюду распространяетъ вѣру, вселяетъ любовь, всему даетъ жизнь.

Да, женщина, любящая Христа, великое сокровище. Нося въ своемъ сердцѣ эту любовь, много пользы можетъ она

принести семьѣ, Церкви и обществу. Знайте же это вы, носящія званія женъ, матерей и дочерей, и не давайте своему сердцу землять, черствѣть отъ привязанностей земныхъ, не давайте ему отягощаться этими привязанностями, этою суетой. Въмѣсто попеченія о нарядахъ, объ удовольствіяхъ, которыми такъ многія изъ васъ увлекаются, пусть лучше наше сердце, какъ на крыльяхъ возлетаетъ ко Христу, Христу служить, къ Нему болѣе и болѣе прилѣпляется, въ Немъ находитъ себѣ утѣшеніе, радость и надежду. И какъ блаженны, какъ счастливы будете тогда! Какъ жены мруносицы, возлюбивши Христа, не пожелали болѣе ничего, такъ и вы, отдавши себя Христу, все что въ мірѣ и отъ міра будете считать за соръ, за ничто.

Братіе христіане! И всѣмъ намъ необходима любовь ко Христу. Безъ любви ко Христу жизнь христіанина пуста, мертва, безцѣльна. Употребимъ же всѣ мы силы на то, чтобы возлюбить Христа любовью крѣпкою, чистою и святою. О, когда бы мы разбогатѣли такою любовью, богатѣе были бы тогда всѣхъ счастливецъ міра сего. Аминь.

Свящ. П. Шумовъ.

ДОНЕСЕНІЕ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА СВ. СИНОДУ.

Аоонскаго Иверскаго монастыря игумень Иларіонъ съ братаіею отъ 4 генваря сего года пишутъ ко мнѣ слѣдующее: «12 дня прошлаго мѣсяца пожаръ, начавшійся въ гостиницѣ монастыря, гдѣ имѣють пріютъ поклошники, истребилъ нѣкогда славный и прекрасный монастырь Иверскій. Въ слѣдствіе сего несчастія, отцы, жившіе здѣсь, остались безъ пищи и крова во время зимней стужи и не имѣють гдѣ главу подклонить; потому что пожару, начавшемуся вдругъ, помогаль сѣверный вѣтеръ, дувшій цѣлую ночь и день. Поэтому нельзя было спасти ничего, даже самаго необходимаго; этотъ пожаръ во мгновеніе ока охватилъ монастырь съ четырехъ сторонъ и истребилъ все, что можно, кромѣ соборнаго древняго храма честнаго Предтечъ и молитвенницы а) Вратарницы съ иконой, носящей сіе имя». Посему просить меня исходатайствовать отъ св. всероссійскаго Синода дозволеніе—притти одному изъ архимандритовъ съ двумя іеромонахами въ Богохранимую имперію для сбора милостыни.

Полагая, что для испрошенія разрѣшенія прислать до-вѣренныхъ для сбора милостыни, должны они сами обратиться съ просьбой къ св. Синоду, должнымъ признаю однакоже довести сіе до свѣдѣнія св. Синода, и присовокупить, что присылка архимандрита и двухъ іеромонаховъ представляется излишнею и неблагопріятною: такъ (какъ) отъ сего, по прежнимъ примѣрамъ, надлежитъ ожидать, что они, взявъ изъ Иверскаго монастыря какую либо святыню, будутъ съ нею усиленно входить въ дома для совершенія молебствій, не всегда къ удовольствію хозяевъ, и не съ должнымъ уваженіемъ къ святынѣ, становящейся чрезъ сіе орудіемъ хозяйственныхъ видовъ.»

Марта 15-го 1866.

Сообщилъ Архим. Г—рій.

а) Молитвенный домъ

ПИСЬМА МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1, Къ синодальному оберъ-прокурору графу Н. А. Протасову.

Сиятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Преосвященный Макарій митрополитъ Амидскій, которому разрѣшено прислать въ Россію іеромонаха для сбора подаяній въ пользу бѣдствующей церкви Амидской, отъ 4 апрѣля сего 1853 года отнесся ко мнѣ, прося представить св. Синоду препровожденную отъ него грамоту, и съ тѣмъ вмѣстѣ побуждая меня предстательствовать, чтобы ему дозволено было прибыть въ Россію самому.

Я уже имѣлъ случай лично изъяснить в. с—ву причины сей просьбы его, сдѣлавшіяся мнѣ извѣстными прежде. Преосвященному Амидскому трудно найти для сего порученія способнаго изъ своего малочисленнаго духовенства и необходимо было бы нанять какого вибудь греческаго іеромонаха. Мнѣ случилось знать одного Лоонскаго сборщика, который пріянялъ на себя сіе дѣло съ условіемъ, чтобы половина собраннаго принадлежала ему. Много ли пользы могъ бы ожидать преосвященный Амидскій, еслибы принужденъ былъ рѣшиться на подобную сдѣлку, при неувѣренности еще въ томъ, всю ли собранную сумму представитъ сборщикъ къ раздѣлу, такъ какъ деньги нерѣдко даются безъ записки въ книгу?

Пышѣ преосвященный Амидскій нишетъ, что допущеніе его въ Россію доставило бы ему случай, лично объяснить о настоящемъ состояніи тамошняго христіанства (*въ Месопотаміи*) и о надеждахъ въ будущемъ, и о соблазнахъ, какіе окружають тамошнихъ православныхъ.

Долгомъ челоуѣколюбія побуждаюсь представить сіе христіолюбивому вниманію вашего с-ва, препровождая при семъ и вышеозначенную грамоту, для предложенія св. Синоду.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быти и пр. Мая 17-го 1853.

2. *Къ 2-ну командующему императорскою главною квартирой, генералъ-адъютанту, графу А. В. Адлербергу.*

Сіятельный графъ, милостивый государь! Привѣтствую в. с.—во радости воскресенія Христова а). Благоволите принять трудъ представить Государю Императору препровожаемое при семъ всеподданнѣйшее мое письмо. Соотвѣтственно содержанію онаго, желательно, чтобы оно представлено было Его Императорскому Величеству прежде вступленія Его въ Москву и въ Успенскій соборъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и пр. Апрѣля 21-го 1867.

Примѣчаніе 22 апрѣля, въ день торжественнаго шествія Государя Императора съ Государемъ наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Государыней Цесаревной и съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ Москву, митрополитъ московскій по своей болѣзни, не имѣя возможность привѣтствовать Его Величество предъ вступленіемъ въ Успенскій соборъ, имѣлъ счастье въ то же утро привѣтствовать Е. И. В. всеподданнѣйшимъ письмомъ, напечатаннымъ въ майской книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія“ за 1867 г., отдѣл. II стр. 48—49.

3. *Къ преосвященному Александру, епископу Ковенскому викарію Литовской епархіи.*

Преосвященнѣйшій владыко, достопочтенный о Господѣ братъ! Христосъ воскресъ! Помяните сихъ дней слово: *простимъ вся воскресеніемъ*, и простивъ мнѣ вину молчанія, примите въ мирѣ мое мирное слово. Христосъ воскресъ! Простираю объятія и цѣлованіе мира, любви и сорадованія къ вамъ и, въ лицѣ вашемъ, къ предводимому вами Ковенскому Свято-Николаевскому братству. Да будетъ полна и совершенна ваша радость о воскресшемъ Господѣ, и какъ, по священному слову, *радость Господня есть сила наша*, то и да будетъ она дѣйствительно вашею силой къ охраненію, укрѣпленію и расширенію православія въ области вашего дѣйствованія.

Представляются въ распоряженіе в. п—ва и Братства посылаемые при семъ пятьсотъ рублей, въ пользу церквей, имъ устроаемыхъ и благоустроаемыхъ. Въ числѣ оныхъ 200 рублей отъ благодотрителя, который имѣющую получить пособіе церковь просить помолиться о упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ Валентина и Татіаны (*Кумачиныхъ?*) Ф. м. М. апрѣля 15-го 1867.

а) Пасха въ 1867 г. была 16-го апрѣля.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1885 Г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ и АПРѢЛЬ.

Стр.

1. Вліяніе язычества и христіанства на питомцевъ греческихъ и латинскихъ школъ II, III и IV вѣковъ.	1 — 32
	129 — 135
2. Благовѣстническая доля.....	33 — 53
3. Замѣчательные случаи съ людьми вѣрующими и невѣрующими.....	54 — 66
4. Новая тварь. Поученіе въ день новаго года.....	67 — 76
5. Крестный ходъ въ Богоявленіе. Наставленіе прихожанамъ.....	71 — 75
6. Употребленіе слова Христова въ обильной мѣрѣ...	76 — 80
7. Усердіе и правда. Поученіе при отпѣваніи книгопродавца. потомственнаго дворянина Андрея Николаевича Терапонтова, 1-го декабря 1884 года.....	84 — 86
8. Цѣль человѣческой жизни и средства къ достиженію сей цѣли по ученію евангельскому.....	87 — 114
9. Ревность не по разуму. Слово 21 декабря въ двѣнадцатую годовщину Братства св. Петра митрополита.	115 — 121
10. Письма Моск. митрополита Филарета къ разнымъ лицамъ.....	122 — 123
11. Замѣчаніе его же.....	123
12. Резолюціи его же.....	124 — 128
	387 — 392
13. О поминовеніи усопшихъ. Слово въ недѣлю мясопустную.....	154 — 258
14. Значеніе человѣческой жизни. Слово въ день Срѣтенія Господня.....	159 — 194
15. О примиреніи. Слово въ недѣлю сыропустную. ...	165 — 167
16. Жизнеописаніе епископа астраханскаго Герасима..	168 — 225
	226 — 236
	393 — 420
17. О пристрастіи къ свѣтскимъ развлеченіямъ. Поученіе.	226 — 230
18. Отъ чего мы каемся и не исправляемся? Великопостное поученіе.....	231 — 235
19. Обязанности прихожанъ и старосты церковнаго къ своему приходскому храму. Поученіе.....	236 — 241
20. Чувствованія грѣшника, приступающаго къ святымъ тайнамъ.....	242 — 258
21. Мнѣніе моск. митрополита Филарета.....	258 — 289
22. Древнія палестинскія лавры и киновіи и подвижники благочестія, въ нихъ процвѣтавшіе.....	290 — 330
23. Церковные законы. Слово на праздникъ Срѣтенія Господня, въ субботу сырной седмицы.....	331 — 334
24. Самоосужденіе. Слово въ великій пятокъ.....	335 — 337
25. Дорогой вѣнокъ. Слово при погребеніи.....	338 — 340
26. Семейныя могилы. Слово при погребеніи.....	341 — 346

27. Необходимый запасъ. Слово предъ отпѣваніемъ....	347—349
28. Бѣсовская сила. Бесѣда въ четвертую недѣлю великаго поста.....	350—356
29. Къ неговѣющимъ. Слово великопостное.....	357—362
30. Апостольское чтеніе въ недѣлю Ваіи.....	363—368
31. Что посеешь, то пожнешь.....	369—372
32. Преданность Господу.....	373—377
33. Чудесное исцѣленіе.....	378—386
34. Религіозно-нравственная сторона русскаго государственнаго герба.....	387—440
35. Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ.....	441—472
36. Иѣшь канона преподобнымъ Кириллу и Меѳодію,..	473—474
37. Пастырское служеніе. Слово предъ отпѣваніемъ протоіерея Іоанна Михеевича Борзцовскаго.....	475—481
38. Суета суетъ. Поученіе при гробѣ прихожанина....	482—487
39. Царство не отъ міра сего. Слово въ недѣлю Ваіи	488—496
40. Объ Іосифѣ прекрасномъ.....	497—505
41. Смерть Іакова и Іосифа.....	506—509
42. Женщина любящая Христа. Слово въ недѣлю св. жень муроносць.....	510—513
43. Донесеніе моск. Митрополита Филарета св. Синоду.	514—518